УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

КРЫМСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА им. В. И. ВЕРНАДСКОГО. ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Научный журнал

Том 5 (71). №4

Журнал «Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки» является историческим правопреемником журнала «Ученые записки Таврического университета», который издается с 1918 г.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского
Симферополь, 2019

ISSN 2413-1733

Свидетельство о регистрации – серия ПИ №ФС77-61832 от 18 мая 2015 года.
Выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых комуникаций

Печатается по решению Научно-технического совета Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского, протокол №3 от 7 июня 2018 г.

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание научной степени доктор наук, специальности: 12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве, 12.00.02 – Конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право, 12.00.03 – Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право, 12.00.05 – Трудовое право; право социального обеспечения, 12.00.06 – Земельное право; природоресурсное право; экологическое право; аграрное право, 12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право, 12.00.09 – Уголовный процесс, 12.00.10 – Международное право; Европейское право, 12.00.11 – Судебная деятельность, прокурорская деятельность, правозащитная и правоохранительная деятельность, 12.00.14 – Административное право; административный процесс, 12.00.15 – Гражданский процесс; арбитражный процесс, а также в систему «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ)

Редакционный совет журнала
«Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки»:

Ротань Владимир Гаврилович, д. ю. н., проф. (главный редактор)
Змерзлый Борис Владимирович, д. ю. н, д. и. н., проф. (выпускающий редактор)
Басов Андрей Витальевич, д. ю. н., проф.
Биляев Владимир Александрович, д. ю. н., доц.
Вишневецкий Кирилл Валерьевич, д. ю. н, проф.
Гармаев Юрий Петрович, д. ю. н., проф.
Игнатов Александр Николаевич, д. ю. н., проф.
Камышанский Владимир Павлович, д. ю. н., проф.
Кашкаров Алексей Александрович, к. ю. н., доц.
Коваль Владимир Николаевич, д. и. н., проф.
Кодан Сергей Владимирович, д. ю. н., проф.
Коноплев Вячеслав Вячеславович, д. ю. н., проф.
Корнев Аркадий Владимирович, д. ю. н., проф.
Рассказов Леонид Павлович, д. ю. н, д. и. н., проф.
Тонков Евгений Евгеньевич, д. ю. н., проф.
Трофимов Сергей Анатольевич, д. ю. н., проф.
Холопова Елена Николаевна, д. ю. н., проф.
Чеботарева Галина Валентиновна, д. ю. н., проф.
Бугаев Валерий Александрович, к. ю. н., доц.
Донская Людмила Дмитриевна, к. ю. н., доц.
Елькин Сергей Владимирович, к. ю. н., доц.
Михайлов Михаил Анатольевич, к. ю. н., доц.
Таран Павел Евгеньевич, к. ю. н., к. ф. н., доц.
Шармоянц Артур Норайрович, к. ю. н., доц.

Подписано в печать 10.12.2019. Формат 70x100 1/16
30 усл. п. л. Тираж 50 экз. Заказ № НП/3
Дата выхода в свет 10.12.2019
Отпечатано в управлении редакционно-издательской деятельности
КФУ имени В. И. Вернадского
295051, Симферополь, бул. Ленина, 5/7
http://sn-law.cfuv.ru

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2019. – Т. 5 (71). № 4. – С. 3-11.

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА; ИСТОРИЯ УЧЕНИЙ О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ. КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО; МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

УДК 341

О ДЕФОРМАЦИИ ПРАВОСОЗНАНИЯ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Адельсеитова А. Б., Гуменюк Е. В.

Крымский федеральный университет им. В. И.Вернадского

В статье раскрываются особенности деформации правосознания, которые были выявлены в ходе анализа статистических данных уровня преступности в Российской Федерации за последние пять лет. Авторы описывают взаимосвязь процессов глобализации с факторами, влияющими на деформацию правосознания и предлагают пути решения данной проблемы на современном этапе развития общества.

Ключевые слова: правосознание, деформация правосознания, глобализация.

На современном этапе развития государственных институтов в Российской Федерации, в условиях, когда прогресс и глобализация оказывают влияние на все происходящее, ключевым направлением создания и развития правового государства выступает вектор, одним из необходимых компонентов которого является надлежащее формирование правосознания.

Вопросы влияния глобализации на различные институты гражданского общества неоднократно рассматривались в трудах ученых-юристов, таких как Поленин С. В., Клочкова Ю. А., Богатырев В. В., Дубенская Г. Ю. и другими. Вопрос, касающийся деформаций правосознания, относится к тем неисчерпаемым дискуссионным проблемам, повышенный научный интерес к которым не утрачивает своей актуальности, а наоборот требует большего внимания и исследования.

Глобализация – это процесс, в ходе которого мир превращается во взаимосвязанную единую и взаимозависимую систему, следующую единым тенденциям развития и совершенствования. Выступая объективной реальностью, глобализационные процессы влияют на все аспекты жизнедеятельности человека, группы лиц, общества и государства. В свою очередь, право, являясь продуктом общественного развития и выражением воли государства, регулятором общественных правоотношений, оказывает непосредственное влияние на формирование правосознания. В то же время, правосознание, как совокупность идей, представлений и убеждений о праве действующем, и праве желаемом формирует право и отношение к основополагающим нормам права, а также к пониманию его ценности.

Прежде чем перейти к теме деформации правосознания, следует обозначить, что правосознание является сложным феноменом, который можно охарактеризовать

как форму сознания, которая отражает отношение субъектов правоотношений к действующему праву и вытекающим из него правовым явлениям.

Уровень правосознания обусловлен средой, в которой оно формируется. В последние годы мировое сообщество и государства претерпевают значительные изменения, затрагивающие все сферы жизни, и, учитывая тот факт, что процессы глобализации коснулись всех основополагающих институтов, происходит актуализация проблемы деформации правосознания.

Отношение к праву как к регулятору отношений и взаимодействие различных субъектов правоотношений, наглядно демонстрирует и раскрывает проблемы трансформационного периода, происходящие в государстве и обществе под влиянием процессов глобализации.

Следует отметить, что глобализация, затрагивая все области общественной жизни, оказывает на них как позитивное, так и негативное влияние. В свою очередь, говоря о деформациях правосознания, необходимо обозначить, что такие деформации представляют собой искажение представлений о праве и о его ценности.

Традиционно в научной литературе выделяют несколько распространенных форм деформации правосознания, которые варьируются от отрицания права, неуважительного к нему отношения и игнорирования до гиперболизации его значения. Наивысшей степенью градации деформации правосознания является «перерожденное» правосознание, под которым понимается как преступная установка, так и готовность нарушить закон и совершить преступление.

Наиболее информативными показателями, отражающими уровень правосознания, с нашей точки зрения, являются данные о преступности, качественная и динамическая ее характеристики, а также уровень коррупции в стране.

В целях определения тенденций деформации правосознания в условиях глобализации представляет интерес проведение анализа данных о преступности в Российской Федерации во временном разрезе.

В соответствии с официальными данным, размещенными на портале правовой статистики Генеральной прокуратуры Российской Федерации, за период с января 2019 г. по сентябрь 2019 г. на территории России зарегистрировано 1 521 683 преступления, что на 30 804 больше, чем за аналогичный период прошлого года (+2,1 %).

В январе-декабре 2018 г. на территории России зарегистрировано 1 991 532 преступления, из них удельный вес тяжких и особо тяжких преступлений в числе всех зарегистрированных преступлений составляет 22,5 %. Более трети всех зарегистрированных преступлений (42,3 %) составляют хищения чужого имущества, совершенные путем краж – 756 395 (-4,1 %), мелкого хищения – 13 861 (+49,8 %), присвоения или растраты – 15 452 (-7 %), грабежей – 50 111 (-11,9 %), разбоев – 7 474 (-17,9 %).

Каждое третье преступление (32,3 %) совершено в состоянии алкогольного опьянения.

На 3,8 % снизилась преступность среди несовершеннолетних лиц (с 45 288 до 43 553).

По итогам 2018 года увеличилось на 2,9 % (30 495) количество преступлений коррупционной направленности. Их удельный вес в массе всех выявленных деяний за отчетный период составил 1,5 %. В целом по стране возросло на 9,8 % (с 3 188 до

3 499) число деяний, предусмотренных статьей 290 Уголовного кодекса Российской Федерации (получение взятки). За истекший период число преступлений, предусмотренных статьей 291 УК РФ (дача взятки), на территории Российской Федерации увеличилось на 15 % (с 2 272 до 2 612).

Снизилось на 12 % (с 9 738 до 8 574) количество убийств, покушений на убийство, на 5,4 % (с 24 552 до 23 224) – фактов умышленного причинения тяжкого вреда здоровью. Аналогичная динамика отмечена по преступлениям террористического характера (-10,3 %, 1 679), а также экстремистской направленности (-16,8 %, 1 265).

В 2018 году правоохранительными органами Российской Федерации зарегистрировано 174 674 преступления, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации, предварительно расследовано – 43 362.

За период с января по декабрь 2013 г. на территории России зарегистрировано 2 206 249 преступлений, удельный вес тяжких и особо тяжких преступлений в числе всех зарегистрированных преступлений составляет 24,4%. Почти половину всех зарегистрированных преступлений (46,7%) составляют хищения чужого имущества, совершенные путем краж – 922 562 (-7%), грабежей – 92 069 (-16,3%), разбоев – 16 416 (-11,8%).

Больше четверти преступлений (27,5%) совершено в состоянии алкогольного опьянения.

На 4,6% увеличилась преступность среди несовершеннолетних (с 64 270 до 67 225).

В январе – декабре 2013 г. выявлено 42 506 (-14,2%) преступлений коррупционной направленности, удельный вес которых в общем числе зарегистрированных преступлений составил 1,9%.

Число преступлений, предусмотренных статьей 290 УК РФ (получение взятки), в Российской Федерации увеличилось на 2% (с 6576 до 6710). За истекший период число преступлений, предусмотренных статьей 291 УК РФ (дача взятки), на территории Российской Федерации увеличилось на 51,2% (с 3 182 до 4 811). Относительно информации о преступлениях, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации за 2013 год, в отчете Генеральной прокуратуры Российской Федерации информации не содержится.

Таким образом, при общем снижении количества зарегистрированных преступлений на территории Российской Федерации возросло на 3,8 % количество преступлений террористического характера. Возросло на 28,7% число преступлений экстремистской направленности [1].

Следовательно, за последние пять лет, при общей числовой тенденции к уменьшению количества анализируемых преступлений, совершенных в 2018 году по сравнению с 2013 годом, наблюдается значительный рост преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации. Следует также отметить, что на фоне изменения данных о состоянии преступности, уровень доступа к информационным технологиям постоянно увеличивается, происходит широкое развитие различных социальных сетей, постоянно развивается законодательство в сфере регулирования и

контроля за интернет контентом, что в совокупности демонстрирует динамичный процесс развития информационного пространства.

Одним из критериев уровня правосознания общества является обеспечение государственными органами власти защиты прав человека на информацию, свободу мысли, свободное проявление своих взглядов, ведь свобода информации – это одно из основных прав человека. Так, в частности, 29. 03. 2019 г. вступили в силу изменения в Кодекс об административных правонарушениях, предусматривающие штрафы за распространение в информационно-телекоммуникационных сетях, в том числе в сети «Интернет», информации, выражающей в неприличной форме, которая оскорбляет человеческое достоинство и общественную нравственность, явное неуважение к обществу, государству, официальным государственным символам Российской Федерации, Конституции Российской Федерации или органам, осуществляющим государственную власть в Российской Федерации (ч.3 ст. 20.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 N 195-ФЗ) [2]. Внесение изменений в указанный выше закон были негативно оценены обществом. Данные поправки фактически запретили какую-либо негативную оценку действиям правительства и органов государственной власти. Указанные обстоятельства также оказали негативное влияние на доверие к власти и, как следствие, оказали влияние на формирование правосознания. Следует отметить, что наличие практически неограниченного доступа к информации, а также возможность самостоятельного и независимого анализа данной информации приводит к тому, что государственная власть оказывается не в силах осуществлять полный контроль над процессом формирования правосознания. Однако, последние новеллы в законодательстве об информационном пространстве несколько изменили ситуацию, ввиду принятия Федерального закона от 1 мая 2019 г. N 90-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О связи» и Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [3], вступившего в силу 1 ноября 2019 года. Закон предусматривает установку на сетях интернет-операторов технических средств контроля за соблюдением законодательства об ограничении доступа к противоправной информации.

В эпоху информатизации, технического прогресса и развития технологий, у большинства граждан Российской Федерации различных возрастов имеется свободный доступ к сети интернет, где практически невозможно организовать контроль всех потоков информации, что приводит к плюрализму. Так, например, на сегодняшний день, в соответствии с освещаемыми в средствах массовой информации резонансными делами, можно наблюдать несоразмерность уровня доходов, качества жизни и благосостояния, ответственности лиц, относящихся к разным слоям населения. В частности, размер оплаты труда чиновников существенно превышает минимальный размер оплаты труда среднестатистического гражданина Российской Федерации. Размер ответственности чиновников за преступления коррупционной направленности, хищение бюджетных денежных средств и иные экономические преступления существенно отличается от размера ответственности за бытовые преступления экономического характера среднестатистических граждан. Явная несоразмерность ответственности и финансовых показателей подрывает авторитет государственной власти, авторитет норм права, которые следует не нарушать и оказыва-

ет негативное влияние на формирование правосознания, выступая почвой для возникновения его деформации.

Аспект глобализации, выраженный в полной доступности к информации и телекоммуникационным источникам, приводит к тому, что в настоящий момент можно констатировать устойчивую тенденцию к деформации правосознания большинства населения, совершенствование методов и способов совершения преступлений, что в сочетании с иными факторами в целом порождает неблагоприятный климат и настроение большинства населения.

Путем решения сложившейся ситуации, выраженной в частичном доверии к власти, к проводимой государственной политике и отсутствии авторитета закона, которые в совокупности нивелируют отношение к праву, является необходимость совершенствования государственной политики, ее ориентирование на улучшение качества жизни населения, создании рабочих мест, увеличении уровня дохода, стабилизации цен и т.д. Кроме того, необходимо разработать и совершенствовать правовые нормы, которые будут надлежащим образом (без коллизий и пробелов) регулировать правоотношения субъектов.

Россия, обладая огромными природными и человеческими ресурсами, ориентируясь на страны, где благосостояние и уровень жизни населения значительно выше, а уровень преступности ниже, при профессиональном планировании государственной политики, учитывая все вызовы глобализации, может исправить складывающуюся тенденцию распространения и углубления деформации правосознания, совершенствуя механизм реализации правовых норм. При обеспечении надлежащего уровня благосостояния будет постепенно возвращаться доверие к власти, совершенное законодательное регулирование всех институтов общества, будет позитивно сказываться на состоянии формирования правосознания и снижать уровень деформации.

Деформация правосознания наглядным образом отражает текущие проблемы, сложившиеся в государстве и обществе. Освещаемая в данной публикации тема требует еще большего внимания, изучения и анализа с целью выявления оптимальных путей решения проблемы деформации правосознания в эпоху глобализации.

Список литературы

1. Ежемесячный сборник о состоянии преступности в России. URL: http://crimestat.ru/analytics (дата обращения 01.10.2019). – Текст электронный.

2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 N 195-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_52163/ (дата обращения 2. 11.2019 г.). – Текст электронный.

3. О внесении изменений в Федеральный закон «О связи» и Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации : Федеральный закон от 01 мая 2019 г. № 90-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_108751/ (дата обращения 3.11.2019 г.). – Текст электронный.

Adelseitova A. B, Gumenyuk E. V. About deformation of legal consciousness in the conditions of globalization / A. B delseitova, E. V. Gumenyuk // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2019. – T. 4 (72). № 4. – P. 3-8.

The article reveals the features of the deformation of legal consciousness, which were revealed during the analysis of statistical data on the crime rate in the Russian Federation over the past five years. Authors describes the interrelation of globalization processes with the factors influencing the deformation of legal consciousness and suggests ways of solving this problem at the present stage of society development.

Key words: legal consciousness, deformation of legal consciousness, globalization.

Spisok literatury

1. Ezhemesyachnyj sbornik o sostoyanii prestupnosti v Rossii. URL: http://crimestat.ru/analytics (data obrashcheniya 01.10.2019). – Tekst elektronnyj.

2. Kodeks Rossijskoj Federacii ob administrativnyh pravonarusheniyah ot 30.12.2001 N 195-FZ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_52163/ (data obrashcheniya 2. 11.2019 g.). – Tekst elektronnyj.

3. O vnesenii izmenenij v Federal'nyj zakon «O svyazi» i Federal'nyj zakon «Ob informacii, informacionnyh tekhnologiyah i o zashchite informacii : Federal'nyj zakon ot 01 maya 2019 g. № 90-FZ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_108751/ (data obrashcheniya 3.11.2019 g.). – Tekst elektronnyj.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2019. – Т. 5 (71). № 4. – С. 9-15.

УДК 340.11

ИСТОРИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ОРГАНИЗАЦИИ И ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ В КРЫМСКОМ ХАНСТВЕ (ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XV – ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XVIII ВВ.)

Аметка Ф. А.[1], Хаваджи Д. Р.[2]

***[1]Крымский юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры Российской Федерации
[2]Крымский филиал Краснодарского университета МВД России***

В статье рассматриваются историко-правовые особенности организации и осуществления судебной власти в Крымском ханстве; исследуется деление ханства на судебные округа: кадилыки, полномочия судей и требования, которые предъявляются к кандидатам на должность судьи.

Ключевые слова: Крымское ханство, кади, кадилык, кадиаскерские книги

Актуальность темы настоящей статьи заключается в том, что она как самостоятельный предмет исследования выступает впервые, поскольку до современного периода данный вопрос рассматривался лишь косвенно, сквозь призму таких наук как история, филология (в частности тюркологами, которые расшифровывали кадиаскерские книги или ярлыки крымских ханов), отчасти политология и др. Однако историко-правовое исследование организации судебной власти, принципов, на которых осуществлялось правосудие в Крымском ханстве до настоящего времени не осуществлялось.

Отсутствие до сих пор научной постановки изучения представленного объекта объясняется рядом факторов. Прежде всего, правовым статусом крымскотатарского народа после преступной депортации 18 мая 1944 г. и вплоть до 1991 г., когда все исследования подобного рода были запрещены. В ряде случаев скудность и недостаточность соответствующих исторических источников, памятников права, которые раскрывали бы организацию судебной власти и характер осуществления правосудия в Крымском ханстве, а также слабый интерес к этой проблеме со стороны юридической общественности обосновывают недостаточную изученность объекта исследования. В современных условиях, многие депортированные народы, в том числе и крымскотатарский, вернулись на свою историческую родину, актуализировались вопросы истории государства и права Крымского ханства в XV-XVIII вв.

Назревшая необходимость во всестороннем и полном изучении всех аспектов жизни крымскотатарского народа и ее бывшей государственности, в частности, системы судебных органов и характера осуществления правосудия, связана с тем, чтобы обеспечить преемственность прогрессивных правовых традиций.

Недостаток научных и исторических источников в обозначенной проблеме пополняется благодаря изучению сообщений турецких, французских, литовских, российских авторов-путешественников и исследователей современников, в частности Челеби Э., Пайсонеля, Литвина М. и др. Опираясь на их опубликованные труды,

обобщив ряд выписок и кадиаскерских книг и всю имеющуюся литературу и исторические документы, впервые осуществлен комплексный анализ правовых основ деятельности судов, организации судебной системы, принципов правосудия, прав и обязанностей судей в Крымском ханстве первой половины XV- второй половины XVIII вв.

Общеизвестно, что осуществление правосудия является основной функцией государства. В конституциях большинства современных демократических стран мира закреплен принцип разделения власти на законодательную, исполнительную и судебную, однако основным для осуществления государственной власти он стал не сразу. Для этого необходимо было достичь соответствующего уровня цивилизации, пройти определенный путь к правовому прогрессу.

Напрасно искать в правовых документах Крымского ханства закрепления данного принципа, таким образом, название статьи имеет современное звучание и не означает того, что судебная власть была признана самостоятельной ветвью власти в Крымском ханстве. Тем не менее, такая постановка вопроса позволяет автору системно рассмотреть как организацию судов, так и характер правосудия того времени. Важно отметить, что особенность функционирования судов характеризуется состоянием правовой системы государства, в рамках которого они действуют. Суды Крымского ханства были составной частью мусульманской правовой системы, которая прослеживается как в источниках права, использовавшихся в судах, так и в характере судебной власти, ее принципах, судопроизводстве, судебных решениях.

Важно отметить, что мусульманское право возникло как составная исламской религии, развивалось и совершенствовалось в результате толкования учеными-богословами и правоведами. Поэтому оно воспринимается и как система норм права, и как совершенная политико-правовая доктрина. Исламская религия, в рамках которой существует мусульманское право, имеет государственный характер и более чем все другие мировые религии связанна с государством и правом [1, с. 634]. Это не могло не отразиться на правовом положении судебных органов и характере судопроизводства в странах с мусульманской правовой системой, в том числе, и в Крымском ханстве.

Правовой основой деятельности судов в Крымском ханстве служили: Коран – священная книга мусульман и основной закон; сунна – собрание выражений Пророка и сообщений о его действиях; иджма – свод правил, которые содержат в себе толкование решений Корана и сунны главными учениками Пророка; кияс — решение и законоположение священных толкователей (Ханифи, Шафии, Малека, Ханбаля). Отсюда и получили названия школы мусульманского права, одна из них – ханифитская, которая приобрела распространение в Крымском ханстве [2, с. 8; 3, с. 38]. Для мусульман суннитского направления эти решения и законоположения стали основой шариата [2, с. 27].

Достаточно высокое значение, при осуществлении правосудия в Крымском ханстве, имели фетвы – постановления, решения, выводы, принятые главным в духовной иерархии лицом – муфтием, которому подчинялись кади (судья), что доказывает связанность религии с правосудием. Кади (араб.; тюрк, и перс. – кази) – духовное лицо, которое решает споры и сомнения в делах практического значения о вере, а также семейного, наследственного и частично уголовного права по правилам фикх [1, с. 638; 2, с. 28]. Фикх содержит в себе изложение правил из практического

учения о вере и гражданском правоведении. Изучение этой науки, было необходимо кадию, для осуществления правосудия [2, с. 115].

Крымское ханство делилось на 48 судебных округов – кадилыков [4, с. 30]. Высшие должностные лица государства – Калга, Нуреддин, Ор-бей, 3 сераскеры-главы ногайских орд, валиде (мать хана) и беи Ширинские, Мансуры, Яшлавские, Барыны, Аргыны и прочие, имели свои бейлики (административно-территориальные единицы ханства) и уполномочены были осуществлять правосудие над своими подданными посредством кадиев, рассматривая гражданские, уголовные дела [5, с. 18]. При этом, если приговор предусматривал смертную казнь подсудимого, то это дело должно было рассматриваться в вышестоящем суде. На это обращает свое внимание и литовский дипломат Литвин М., сравнивая правосудие Крымского ханства и Литвы, он утверждал, что литовцы «мучают, уродуют, убивают без суда, по малейшему подозрению своих людей, добытых не войною и не куплею, принадлежащих не к чужому, а к нашему племени и вере», тогда как в Крымском ханстве бей не может осудить подвластного к смертной казни без санкции высшего суда [6, с. 49].

Своеобразным было и назначение судей на должность. Так, кади назначался жалованными грамотами крымского хана или по распоряжению кадиаскера (Верховного судьи ханства). В частности, крымский хан назначал кади Бахчисарая, Ахмесджита (Симферополя), Гезлева (Евпатории) и Оркапы (Перекопа), вне Крыма всех кадиев ногайских орд, которые, в свою очередь, назначали заместителей судей в своих областях. Все судьи, назначенные жалованными ханскими грамотами, имели право окончательного приговора по гражданским и уголовным делам, в которых не рассматривался вопрос о смертной казни [5, с. 33].

В полномочия кади первой инстанции входило рассмотрение всех уголовных и гражданских дел; назначение опеки и забота над теми, кто не мог управлять своим имуществом; выдача замуж женщин, не имеющих опекунов; осуществление высшего надзора за вакуфами; наблюдение за общественными дорогами, сооружениями; контроль за выполнением завещаний; исполнение наказаний по уголовным делам и решений по гражданским делам; сбор зекята [3, с. 38].

Второй судебной инстанцией являлся Диван бейлика или кадиаскер, который находился в столице ханства. Он рассматривал значительные поземельные споры, осуществлял раздел крупных наследств, надзор за выполнением решений, а также являлся следователем по делам «о смертоубийстве» [3, с. 70]. Кроме того, к его полномочиям относилось внесение даты правления того или иного хана [7, с. 75]. Судья, назначенный кадиаскером, не имел права вынесения окончательного приговора, его решение можно было обжаловать в Диван, или самому кадиаскеру. Суд кадиаскера рассматривал все гражданские дела населения, а мурзы и беи находились в его юрисдикции, и никогда не направляли своих дел в судебные округа – кадилыки. Все эти ведомства имели право сажать в тюрьму, назначать удары палкой, взыскивать денежные штрафы, но ни в одном случае не имели права осуждать к смерти [5, с. 34]. За кадиаскером, по иерархии, следовал муфтий (духовная глава), который давал юридические указания для кади.

Высшей судебной инстанцией в Крымском ханстве являлся Диван, членами которого были: калга-султан, нуреддин-султан, визирь, беи, ханифитский шейх-уль-ислам и главы трех школ мусульман [8, с. 103], кадиаскер, городской (Бахчисарай-

ский) мулла [4, с. 44]. Сторона, относительно которой было вынесено решение или приговор, имела право подать апелляцию в Диван, в случае если приговор «не согласовывался с законом, но это должен подтвердить Диван, только в этом случае обиженная сторона легко могла получить кассацию приговора» и ходатайствовать о пересмотре дела. В Диван направлялись все гражданские и уголовные дела «определенного значения и в особой важности» [4, с. 44]. После рассмотрения дела, изучения доказательств и опроса свидетелей кадиаскер выносил приговор.

В сложных уголовных делах, связанных с государственными преступлениями, последнее слово было за ханом. Хан выносил уджет (судебный приговор), который записывался в особую кадиаскерскую книгу, после чего приговор приобретал юридическую силу [9, с. 5]. Хан имел право приговаривать к смертной казни преступников только за государственные преступления (воровство и убийство на большой дороге, за изготовление фальшивой монеты, за преступления против народа) [5, с. 35].

Назначение судьи на должность осуществлялось письменным актом, который должен был быть прочитан в мечети, в присутствии лиц, которые могут удостоверить факт назначения от хана или от кадиаскера [2, с. 384].

Систематизированные сведения о том, какие требования предъявлялись на должность судьи (кади) в Крымском ханстве в историографии отсутствуют, однако, принимая во внимание о том, Крымское ханство относилось к мусульманской правовой системе, опираясь на труды известного ученого в сфере мусульманского права Н. Торнау, мы можем предположить, что к лицу, претендующего на должность судьи, предъявлялись следующие требования. В частности, он достичь совершеннолетия; быть в полном рассудке (не быть слабоумным или душевнобольным); быть правоверным (мусульманином); характеризоваться как человек справедливый и непредвзятый; иметь чистоту происхождения (быть законнорожденным); иметь необходимую степень учености (знать Коран, все постановления и повеление шариата; хадисы знать наизусть не требовалось); владеть арабским языком; быть мужского пола (хотя по книге Мюльтека разрешалось женщине быть кади по гражданским делам) [2, с. 112].

При осуществлении правосудия судья должен был придерживаться определенных правил, за нарушение которых его отстраняли от выполнения обязанностей. Прежде всего, все решения кади должны основываться на шариате и быть справедливыми. Получение и дача взяток запрещались, так как это расценивалось не только как преступление, но и как грех. Судьи (кади) не имели права требовать вознаграждения у сторон за свое дело, а, наоборот, «для лиц малообеспеченных и бедных они обязаны были покупать бумагу, чернила и т.п.». По этому поводу Литвин М. отмечает, что «правосудие у татар лучше, чем у нас (Литве): «за убийство, у нас, определяется наказание не по Божественному закону, чтобы кровь смывалась кровью, а денежное, с судейскими десятинами, и потому убийства бывают часто. В Литве даже слуга судьи, исполнитель приговора, берет десятую часть, и определенную часть берет и подчиненный судьи, который назначает день суда и многие другие. У нас (в Литве) же ради этих десятин судья бывает судьей, чего нет у татар, так как судьи там – лица духовные, и правосудие почитают свято. Для лучшего правосудия суды Крымского ханства свободны от всяких уловок и крючков, которые затягивают судебный процесс» [6, с. 37].

Кади по всем предметам «не совсем ему понятным обязан запрашивать о мнении или же просить советов «знающих» в деле лиц (то есть экспертов). Он не мог принимать участие в решении дела относительно отца, бывшего хозяина (если кади – вольноотпущенный), а также своего недруга, в этих случаях кади должен был заявить самоотвод [10, с. 23]. Предполагался запрет на рассмотрение дел кадием, если его психофизиологическое состояние было неудовлетворительным, в частности, если он огорчен чем-то, нездоров, очень голодный, находится в особом веселом расположении духа. Считалось, что подобные обстоятельства могут препятствовать судье вникать в дело с соответствующим вниманием и выносить решение с необходимым обоснованием [2, с. 116]. Также судья в Крымском ханстве не имел права заниматься торговлей либо иной другой коммерческой деятельностью.

Был установлен суровый учет проведения дел на всех стадиях. Для этого при судах существовали канцелярии. Кади сам вел алфавитный реестр имен лиц, которые судятся, реестр об их явке и про окончательное рассмотрение дела. Все эти данные вносились в отдельную книгу, а ежедневные решения кади складывались в особый футляр за его печатью, и по окончании месяца сшивались в тетради [10, с. 23], которые называлось кадиаскерскими книгами.

Обобщая имеющиеся сведения о характере правосудия в судах Крымского ханства, авторы статьи выявили следующие принципы, положенные в основу отправления правосудие кадиями.

1. Принцип религиозно-правовой законности, то есть судья действовал в суровом соответствии с шариатом: «все, что учинено не в соответствии с шариатскими постановлениями считается не законным, и объявляется недействительным» [2, с. 117].

2. Принцип доказанности вины, то есть имела место своего рода презумпция невиновности, так как считалось, что, «базируясь на постановлениях шариата, судья не предполагал ни подлога, ни преднамеренности, ни вины в любом действии, без признания в том обвиняемого, или без предоставления доказательств, основанных на показаниях свидетелей» [2, с. 117]. К тому же наказание назначалось только в том случае, если грех или преступление становится известным и доказанным [2, с. 462]. При рассмотрении дела кади очень строго придерживался норм шариата. Если при обжаловании судебного решения будет доказано, что, например, «незаконно осудили какого-либо слабого раба, то на собрании татарских улемов (законодателей) этого кадия, что незаконно судит, бьют камнем, совсем не давая пощады» [11, с. 44].

3. Принцип взаимного равенства сторон в судебном процессе. Он отвечает правилу, которое действовало в судопроизводстве Крымского ханства, согласно которому «требование заслуживает доверия или внимания». В мусульманском правоведении это правило обозначают так: «противная сторона для подкрепления справедливости своего требования обязана предоставить свидетелей, а другой стороне дается вера, что она может подкрепить свое показание присягой» [2, с. 118]. Академик Литвин М., который прожил в Крымском ханстве определенное время, в своем произведении «О нравах татар, литовцев и московитян» пишет о том, что «суду кадия повинуются наравне с простыми людьми вельможи и вожди, кроме верховного владыки, которому они приписывают более чем человеческое происхождение, все пользуются одинаковыми правами» [6, с. 17]. Сравнивая судопроизводство Литвы и

Крымского ханства, исследователь отмечает: «Несправедливо в Литве то, что бедняк, желая притянуть к суду магната, ни за какие средства не найдет себе стряпчего. Не менее несправедливо и то, что соседа моего более сильный, который живет со мной в околотке, имеет другую подсудность и не так легко призывается к суду» [6, с. 39].

4. Принцип справедливости. Сура 4 Корану велит в судебных делах и спорах решать по наиболее суровой справедливости, даже относительно ближайших своих родственников или друзей [2, с. 118].

5. Принцип осуществления правосудия только уполномоченным лицом – кади, то есть «без утверждения в должности кади, никто не уполномочен принять на себя звания кадия и заняться решением дел, которые подлежат рассмотрению шариатского суда» [2, с. 384].

6. Принцип неотвратимости наказания. Наказанию за преступления, предусмотренные в шариате, «подлежат одинаково лица всех состояний», то есть независимо от имущественного состояния и богатства [2, с. 467].

7. Принцип гласности. Рассмотрение дел кади вёл в мечети или в месте, указанном заранее судьёй (мехкеме). Помощники кади должны показывать любому желающему место судебного процесса. Наказание за преступления всегда исполнялось в присутствия народа [2, с. 91]. В Литве того же исторического периода, для сравнения, (взято из произведений М. Литвина) не было даже соответствующих мест для заседаний суда: «Часто обиженному приходится искать правосудия далее чем за 50 вёрст, что очень плохо» [6, с. 41].

Особенностью осуществления правосудия в Крымском ханстве является его религиозный характер, каким переполнены все этапы судопроизводства. Не только само правосудие основывалось на религиозно-правовых нормах, но и организация судопроизводства составляла религиозно-правовое действо. Перед осуществлением правосудия кади должен был прийти к мечети, осуществить обряд молитв и потом направлялся в мечеть. В соответствии с религиозным обрядом кади садился спиной к Каабе (Мекка), приглашая к себе спорящие стороны и сажая их так, чтобы во время судебного процесса они были обращены лицом к Мекке.

Таким образом, правосудие в Крымском ханстве имело свои отличительные, неповторимые особенности, обусловленные, главным образом, мусульманской религией. Это прослеживается в правовом положении судей в ханстве, в принципах правосудия, в организации и проведении судебного процесса. По свидетельству Торнау Н., правосудие осуществлялось с большой справедливостью и бесстрастием, и свято почиталось народом.

Список литературы

1. Скакун О. Ф. Теория государства и права: Учебник / О. Ф. Скакун. – Харьков: Консум. Университет внутренних дел, 2001. – 704 с.

2. Торнау Н. Изложение начал мусульманского законоведния /Н. Торнау. – СПб : Типогр. 2 отделения Собственной Э.И.В. Канцелярии, 1850. – 475 с.

3. Попов А. И. Вторая учебная экскурсия Симферопольской мужской гимназии в Бахчисарай / А. И. Попов. – Симферополь: Таврическая Губернская Типография, 1888. – 131 с.

4. Крым: прошлое и настоящее / Инт истории СССР АН СССР / отв. ред.: Агаджанов С. Г., Сахаров А. Н. – М. : Мысль, 1988. – 107 с.

5. Пейссоннель Ш. де. Записка в состоянии гражданском, политическом и военном Малой Татарии / Ш. де Пейссоннель. – М., 1755. – 73 с.

6. Литвин М. В нравах татар, литовцев и московитян / М. Литвин / Пер. с лат. Шестакова С. – М., 1845. – 77 с.

7. Лашков Ф. Ф. Исторический очерк крымскотатарского землевладения / Ф. Ф. Лашков // ИТУАК. – № 21. – 1894. – С. 59-89.

8. Книга путешествий Э. Челеби. Походы с татарами и путешествия по Крыму (1641-1667). – Симферополь: Таврия, 1996. – 240 с.

9. Абдуллаев И. Возрождаемый архив: цели и перспективы / И. Абдуллаев // Голос Крыма. – 2001. – № 6. – С. 5-11.

10. Лашков Ф. Ф. Сельская община в Крымском Ханстве / Ф. Ф. Лашков. – Симферополь: Таврическая Губернская Типография, 1887. – 64 с.

11. Книга путешествий Э. Челеби в Крыме (1666-1667) / Перевод с турецкого Э. В. Бахревского. – Симферополь: Дар, 1999. – 240 с.

Ametka F. A., Khavaji D. R. Historical and legal aspects of the organization and implementation of judicial authority in the Crimaen Khanate (first half XV – second half of the XVIII century) / F. A. Ametka, D. R. Khavaji // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2019. – T. 4 (72). № 4. – P. 9-15.

Annotation: in the presented article, the historical and legal features of the organization and implementation of the judiciary in the Crimean Khanate are considered; examines the division of the khanate into judicial districts: censers, the powers of judges and the requirements that apply to candidates for the position of judge.

Keywords: Crimean Khanate, Kadi, Kadilyk, Kadiasker books.

Spisok literatury`

1. Skakun O. F. Teoriya gosudarstva i prava: Uchebnik / O. F. Skakun. – Xar`kov: Konsum. Universitet vnutrennix del, 2001. – 704 s.

2. Tornau N. Izlozhenie nachal musul`manskogo zakonovedniya /N. Tornau. – SPb : Tipogr. 2 otdeleniya Sobstvennoj E`.I.V. Kancelyarii, 1850. – 475 s.

3. Popov A. I. Vtoraya uchebnaya e`kskursiya Simferopol`skoj muzhskoj gimnazii v Baxchisaraj / A. I. Popov. – Simferopol`: Tavricheskaya Gubernskaya Tipografiya, 1888. – 131 s.

4. Kry`m: proshloe i nastoyashhee / Int istorii SSSR AN SSSR / otv. red.: Agadzhanov S. G., Saxarov A. N. – M. : My`sl`, 1988. – 107 s.

5. Pejssonnel` Sh. de. Zapiska v sostoyanii grazhdanskom, politicheskom i voennom Maloj Tatarii / Sh. de Pejssonnel`. – M., 1755. – 73 s.

6. Litvin M. V nravax tatar, litovcev i moskovityan / M. Litvin / Per. s lat. Shestakova S. – M., 1845. – 77 s.

7. Lashkov F. F. Istoricheskij ocherk kry`mskotatarskogo zemlevladeniya / F. F. Lashkov // ITUAK. – № 21. – 1894. – S. 59-89.

8. Kniga puteshestvij E`. Chelebi. Poxody` s tatarami i puteshestviya po Kry`mu (1641-1667). – Simferopol`: Tavriya, 1996. – 240 s.

9. Abdullaev I. Vozrozhdaemy`j arxiv: celi i perspektivy` / I. Abdullaev // Golos Kry`ma. – 2001. – № 6. – S. 5-11.

10. Lashkov F. F. Sel`skaya obshhina v Kry`mskom Xanstve / F. F. Lashkov. – Simferopol`: Tavricheskaya Gubernskaya Tipografiya, 1887. – 64 s.

11. Kniga puteshestvij E`. Chelebi v Kry`me (1666-1667) / Perevod s tureczkogo E`. V. Baxrevskogo. – Simferopol`: Dar, 1999. – 240 s.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2019. – Т. 5 (71). № 4. – С. 16-24.

УДК 342.4

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ИССЛЕДОВАНИЯ КОНСТИТУЦИОННЫХ ОСНОВ СИСТЕМЫ САМОУПРАВЛЕНИЯ НАРОДА РОССИИ

Анохин А. Н.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского

В статье исследуются конституционные основы системы самоуправления народа России. Анализируются положения Преамбулы Конституции Российской Федерации, выступающие в качестве данной основы. Применяется системный подход, позволяющий преобразовать народ России в системный объект, обладающий собственной структурой строения, структурой организации, структурой функционирования. Подчеркивается цикличность самоуправления, обусловленная провозглашенными в Преамбуле целями развития народа. Указывается преемственность начал самоуправления, помещенных в «прошлое – настоящее – будущее» народа России.

Ключевые слова: народовластие, система самоуправления народа, Преамбула Конституции Российской Федерации.

В современной науке конституционного права сложилось устойчивое понимание конституции как документа, воплощающего учредительную волю народа, закрепляющего основы народовластия, служащего инструментом ограничения государственной власти интересами народа, общества, личности. Демократический характер подавляющего большинства действующих конституций становится реальностью, определяющей общую направленность развития государств, образующих мировое сообщество. Исходя из этого, в отечественной научной и учебной литературе достаточно подробно изучены основы учения о непосредственной и представительной демократии, процессуальные механизмы осуществления народовластия в зарубежных странах и Российской Федерации[1, с. 138-175; 2, с. 116-250; 3, с. 155-181; 4, с. 365-417; 5, с. 234-266]. Однако данный перечень положений позволяет лишь частично охватить всю конституционную проблематику народовластия. Представляется, что завершенность понимания народовластия требует его познания на более углубленном уровне, в качестве системы самоуправления народа. Поэтому цель данной статьи состоит в установлении содержания конституционных основ системы самоуправления народа России, структуры и смысловой наполненности данной системы. Это в свою очередь предполагает предварительное изучение и анализ ряда аспектов понимания конституции.

Важнейшим смысловым аспектом её понимания является рассмотрение конституции как юридической формы познанных обществом объективных закономерностей социально-исторического развития, которые в силу их конституционного закрепления трансформируются в поведение граждан и становятся нормой деятельности государства, в результате чего она выступает юридической основой и спосо-

бом обеспечения естественно-исторической эволюции общества и оформляющего его государства [6, с. 36].

Данный подход характеризует конституцию как нормативную форму закрепления познанных обществом объективных закономерностей социально-исторического развития государственно-организованного народа России. Эти «объективные закономерности» основываются на категории «объективные социальные законы» и выступают результатом их действия и взаимодействия, определяя конкретную направленность развития. Сильченко Н. В. пишет, что закон выражает конкретную связь между явлениями и процессами. Закономерность указывает на общий характер процесса, который подчинен определенной последовательности [7, с. 64].

Объединение в Конституции объективных закономерностей социально-исторического развития государственно-организованного народа России (формализованных в виде нормативных связей и взаимодействий), в единый, последовательный процесс, придало ему целостность, сделало возможным выделение новых интегративных связей, а через способность обеспечения естественно-исторической эволюции выявило характеристику целенаправленности, то есть преобразовало развитие государственно – организованного народа России в системный объект.

Для более углубленного понимания закрепленного в конституционной форме системного объекта (государственно-организованного народа России), требуется использование дополнительного инструментария системного метода познания. Тихомиров Ю. А., раскрывая суть данного метода подчеркивает, что в любых системах и процессах, происходящих в природе и обществе, обнаруживаются те или иные проявления управленческого воздействия, целенаправленное воздействие субъекта на объект, прямые и обратные связи, перевод объекта в новое состояние. Без этого невозможно существование каких-либо организованных систем [8, с. 102].

Поэтому дальнейшее исследование государственно-организованного народа России, предполагает его познание с позиций зафиксированной в Конституции Российской Федерации системы самоуправления народа, с последовательным выделением объекта (народа России) как системы из окружающей среды, установлением внутренней структуры системы, определением целей исходя из ожидаемого результата развития системы.

Первая задача системного подхода состоит в выделении объекта исследования из окружающей среды. В нашем случае объектом является государственно-организованный народ России, рассматриваемый в пространственно-временном измерении. Такой подход расширяет понимание народа до уровня развивающейся во времени социально-исторической общности. В комментарии конституционной формулировки: «Мы многонациональный народ Российской Федерации, соединенные общей судьбой на своей земле…» объясняется, что народ есть исторически сложившаяся общность. Народ представляет собой в социальном отношении органическое явление, духовное целое. Воля народа, понимаемого в данном смысле, составляет основу 1000-летней государственной бытийности России как высшей формы его социального сознания [6, с.36].

Важное значение имеет ещё одна формулировка Преамбулы Конституции Российской Федерации: «… исходя из ответственности за свою Родину перед нынеш-

ним и будущими поколениями…». Зорькин В. Д. во вступительной статье к Конституции Российской Федерации, указывает на наличие в Преамбуле идеи единства народа как следующих друг за другом поколений людей, а также идеи солидарности поколений, живущих на одной земле и объединенных одной судьбой [6, с. 25].

Исходя из данного подхода Гаджиев Г. А. выводит конкретную характеристику народа России. Он пишет, что народ образуют не только существующие поколения людей, но и те поколения, которые составляли этот народ в течение столетий его истории. Эта глубокая юридическая идея обнаруживается в Преамбуле Конституции Российской Федерации, где конституируется понятие многонационального народа Российской Федерации, который становится таковым благодаря соединению общей судьбой на своей земле (принцип земли и крова), в силу этого многонациональный народ сохраняет исторически сложившееся государственное единство [9, с. 258].

Далее автор отмечает, что народ существует как наследник предыдущих поколений. Он представлен нынешним поколением и воплощается в будущих поколениях. Как известно, прошлое, настоящее и будущее бытия в своем единстве образуют реальность. Прошлые, нынешние и будущие поколения также образуют единство, – единство судьбы, земли, традиций, культуры и ответственности за свою Родину перед нынешним и будущими поколениями. Таково место народа (нации) в правовой жизни(реальности) [9, с. 258].

Изложенные положения свидетельствуют, что народ России в рассматриваемом статусе (социально-историческом) должен быть признан системным субъектом общественно-исторического процесса, соединяющим в себе «прошлое – настоящее – будущее» – традиции предков (наследие предыдущих поколений по принципу земли и крова), наделенным через существование в настоящем (ныне живущие поколения россиян), способностью воспроизводить себя в будущих поколениях.

Особая роль в самоидентификации (пространственном отграничении) народа России принадлежит формулировке Преамбулы Конституции Российской Федерации «… сознавая себя частью мирового сообщества…». Благодаря этому положению народ России отграничивает себя от иных, государственно-организованных народов, образующих мировое сообщество. Критериями отграничения служат географический (территориальный), исторический, этнический, религиозный и другие аспекты [10, с. 45], выступающие одновременно видами законов и закономерностей общественного развития, а также внутренними системообразующими факторами, формирующими единый многонациональный народ. Причем связи народа России с субъектами мирового сообщества составляют внешние системные связи.

Рассматриваемое понимание народа России охватывает собой и форму его существования – государственность. В Преамбуле Конституции Российской Федерации сказано: «… сохраняя исторически сложившееся государственное единство…». Следовательно, социально-историческая характеристика народа должна дополняться соответствующей исторической формой государства, а взятая в единстве исторических форм, государственность обладает качествами преемственности, традиционности, наследования исторического опыта, прогрессивного развития. Об этом в Преамбуле констатируется: «… возрождая суверенную государственность России, и утверждая незыблемость её демократической основы…».

Вторая задача системного подхода предполагает структуризацию объекта исследования, выделение и конкретизацию закона (закономерностей) системы – структуры строения, структуры организации, структуры функционирования. В нашем случае объектом выступает государственно-организованный народ России в статусе саморазвивающейся системной общности. Как было показано выше, в основе данного процесса содержится система самоуправления народа, существующая на началах признания народа в качестве самоорганизующегося источника власти. Поэтому структура строения будет включать элементы: субъект власти – народ России; объект власти – историческая форма (тип) государственной организации народа. Особо следует подчеркнуть, что формулировка: «Мы, многонациональный народ Российской Федерации…», содержит и второй смысловой аспект понятия «народ». Под народом понимается совокупность граждан государства, то есть государственно-правовое объединение людей, живущих в государстве [6, с. 39]. Вместе с тем два подхода не противоречат друг другу, а соотносятся по принципу дополнительности. Они позволяют рассматривать аспекты понимания народа в единстве, выражая его целостность в системе сменяющих и воспроизводящих друг друга поколений россиян. Народ в статусе «совокупности граждан государства» выступает конкретизацией народа в статусе «социально-исторической общности», имеющей абстрактный характер и содержащей общую смысловую нагрузку (историческую, духовно-нравственную, социокультурную и др.). Поэтому говоря о народе России как о субъекте власти, необходимо иметь в виду и его понимание в статусе «социально-исторической общности», выступающей (конкретизированной) в лице (статусе) «объединения граждан государства».

Изучая объект – форму (тип) государственной организации существования народа России, следует также исходить из единства двух рассмотренных подходов. Целостность государственной формы существования народа России состоит в том, что российская государственность, взятая в единстве всех её исторических форм, конкретизируется в действующей форме – Российской Федерации. Российская Федерация выступает продолжением всех предшествовавших форм государственности, современный облик которой представлен действующей Конституцией [6, с. 37].

Изложенное позволяет перейти к выделению и анализу структуры организации, содержащей прямые и обратные связи между субъектом и объектом. В качестве подобных связей должны выступить:

– право субъекта учредительной власти учреждать конституционную форму объекта (государственно-организованного народа);

– право субъекта государственной власти реализовывать конституционную форму государственно-организованного народа;

– право субъекта учредительной власти контролировать порядок реализации конституционной формы государственно-организованного народа;

– право субъекта учредительной власти корректировать конституционную форму государственно-организованного народа;

– обязанность субъектов, образующих конституционную форму государственно-организованного народа предоставлять субъекту учредительной власти соответствующую информацию о реализации конституционных положений.

Структура функционирования, представляет собой процесс воздействия субъекта власти на объект. В своем единстве (в единстве процессов – стадий) он выступает как процесс самоуправления народа России. Такими стадиями являются:

1) процесс учреждения конституционной формы государственно-организованного народа;

2) процесс реализации конституционной формы государственно-организованного народа (реализация конституционных целей государственно-организованного народа);

3) процесс контроля за соответствием Конституционной форме результатов процесса её реализации;

4) процесс корректировки конституционной формы государственно-организованного народа.

Изложенное свидетельствует, что народ России, являющийся «совокупностью граждан государства», выступает в качестве субъекта власти в двух статусах: 1) как субъект учредительной власти; 2) как субъект государственной власти.

С учетом этого самоуправление народа состоит в том, что народ в исходном статусе субъекта учредительной власти учреждает объект – конституционную форму отношений: субъект государственной власти – народ; объект – государственная форма организации народа. Учреждение конституционной формы, контроль за соответствием конституционной форме результатов её реализации, корректировка конституционной формы относятся к сфере учредительной власти народа. Реализация конституционной формы относится к сфере государственной власти народа. Учрежденные и реализованные в рамках единого процесса прямые и обратные субъектно-объектные связи являются структурой системы самоуправления народа России, выражая закон (закономерности) развития данной системы, помещенной в реальность «прошлое – настоящее – будущее».

В таких условиях народ России наделяется качествами самостоятельного субъекта учредительной власти, способного с учетом исторической традиции учреждать целевую направленность своего развития (будущее состояние), реализовывать целевые установки (достигать будущего состояния), контролировать степень соответствия достигнутых результатов учрежденным целям, корректировать целевые установки.

С учетом изложенного третья задача системного народа состоит прежде всего в определении целевой направленности развития системы самоуправления народа. В теории управление под целью понимается совокупное представление о некоторой модели будущего результата, способного удовлетворить исходную потребность, при имеющихся реальных возможностях, оцененных по результатам опыта [11, с. 41].

Цель находится в причинно-следственных связях с категориями управления (самоуправления). Потребность – категория объективная, цель субъективная, определяемая имеющимся опытом. Результат – это мера достижения конкретной цели, то есть мера удовлетворения потребности. Потребность и цель определяют конкретное функционирование создаваемой системы. Отсюда возникает причинно-следственная цепочка: потребность – цель – функционирование (управляемой) системы – результат [11, с. 40].

В рассмотренной выше структуре самоуправления народа России объектом (управляемой системой) выступает государственно-организованный народ России. Поэтому основываясь на приведенных причинно-следственных связях, возможно выделение конструкции:

– потребность государственно-организованного народа;

– цель развития государственно-организованного народа;

– функционирование системы (процесс) перевода объекта (государственно-организованного народа) в новое (будущее) состояние;

– результат перевода государственно-организованного народа в новое (будущее) состояние.

Данная конструкция, по нашему мнению, должна быть дополнена ещё двумя этапами:

– контроль за соответствием функционирования (процесса) перевода государственно-организованного народа параметрам цели;

– корректировка (выработка) новых целевых установок в соответствии с полученным результатом.

Кроме того, дополнительного анализа требует объект (управляемая система) – государственно-организованный народ России, а также установление потребностей его развития, как основы постановки целей.

Выше было показано, что структура объекта (государственно-организованного народа) включает: субъект государственной власти – народ; объект – государственная организация (государство).

В Преамбуле Конституции Российской Федерации провозглашено: «… стремясь обеспечить благополучие и процветание России, исходя из ответственности за свою Родину перед нынешним и будущими поколениями…». Указанные в Преамбуле «нынешнее и будущие поколения» необходимо понимать как народ России, помещенный в определенные временные параметры. «Поколения» выстраивают градацию населения (совокупности граждан государства – народ), во временных рамках, протяженностью в 25 лет. «Нынешнее» поколение – это граждане России – народ, охватываемые 25-летним сроком действия принятой 12 декабря 1993 г. Конституцией Российской Федерации. «Будущие» поколения – это граждане России – народ, охватываемые вторым, третьим и так далее 25-летним сроком действия Конституции Российской Федерации. Такой подход показывает непрерывность, единство поколений – периодизацию народа России, помещенного в 25-летние цикла развития.

В комментарии к Конституции Российской Федерации разъясняется, что термин «государство» выступает синонимом понятий «страна», «Отечество», «Родина» [6, с. 44]. Следовательно, в приведенной конституционной формулировке речь идет о государстве Россия, об ответственности за него перед народом России, воплощенном в ряде поколений, о благополучии и процветании, то есть о развитии государства.

Приведенные положения позволяют перейти к выделению потребностей поколений граждан России. Зорькин В. Д. в цитируемой выше статье пишет, что есть все основания говорить о появлении такого нового субъекта конституционно-правовых

отношений, как будущие поколения россиян. Сегодня мы ещё очень расплывчато представляем себе статус этого нового субъекта права и правовое содержание конституционной ответственности каждого поколения перед будущими. Тем не менее уже достаточно ясно, будущие поколения россиян вправе рассчитывать на то, что ныне живущие обеспечат создание долгосрочных условий устойчивого развития. Каждое поколение должно занимать одинаковое (или равное) положение, являясь одновременно пользователем или распорядителем всей совокупности материальных и духовных благ «по доверенности». В этом смысл правового подхода к решению данной проблемы на основе формального равенства взаимоотношений между поколениями [6, с. 25].

Развивая свой подход, Зорькин В. Д. подчеркивает, что стратегическая проблема обеспечения интересов будущих поколений россиян неразрывно связана с экономико-технической модернизацией России, возможной лишь на базе широких преобразований социально-политического и социально-правового характера. И в этом смысле широкомасштабная модернизация всех сфер общественной жизни страны – это наша правовая обязанность перед будущими поколениями. Более того, это и обязанность перед нашими предками, чьими колоссальными усилиями осуществлялись предыдущие российские модернизации [6, с. 27].

Из этого следует, что потребности сменяющих друг друга поколений граждан России, охватывают собой всю совокупность существующих и производимых материальных и духовных благ, что обеспечивается созданием долгосрочных условий устойчивого развития народа. Экономико-техническая модернизация государства – актуальная потребность развития государственности, основанная на преемственности государственных форм и историческом опыте предков (предыдущих поколений россиян).

Как было показано выше, под целью понимается совокупное представление о некоторой модели будущего результата, способного удовлетворить исходную потребность. В этом смысле потребность выступает в качестве аспектов закономерностей развития государственно-организованного народа. Модель будущего результата, выражая преемственность в развитии потребности, строится на динамике закономерностей, связывающих «прошлое – настоящее – будущее» народа России.

С учетом предусмотренной 25-летней цикличности конституционного развития должна выстраиваться и постановка целей. При этом 25-летний срок предположительно охватывается тактическими целями, а последующие этапы – стратегическими целями. Реализуемые в установленный период цели и достигнутые результаты, служат основой для корректировки последующей целевой направленности развития. Причем стратегические цели (концепция будущего) в определенной степени должны определять тактические, трансформируя «настоящее» исходя из тенденций «будущего».

Итак, изложенное свидетельствует, что Конституция Российской Федерации в одном из своих смысловых значений может быть рассмотрена как документ, закрепляющий систему самоуправления народа России. Представленная в Преамбуле Конституции Российской Федерации модель «прошлого – настоящего – будущего» государственно-организованного народа России служит методологической основой для исследования структуры данной системы, показывающей её самоуправленче-

ский характер. Это обусловлено выделением народа России как системного объекта, структурой строения (народ как субъект учредительной и государственной власти, объект – государственная организация народа), структурой организации (прямые и обратные связи между субъектом и объектом), структурой функционирования (процесс воздействия субъекта на объект). Целевая направленность самоуправленческих циклов выявляет механизм саморазвития народа, его обусловленность закономерностями общественно-исторической динамики в сочетании с мировыми интегративными процессами.

Список литературы

1. Институты конституционного права / отв.ред. д.ю.н., проф. Л. В. Андриченко, д.ю.н., проф. А. Е. Постников. – М. : ИД «Юриспруденция», 2011. – 496 с.
2. Стратегии правового развития России: монография / коллектив авторов; под ред. О. Ю. Рыбикова. – 3-е изд., стер. – М. : Юстиция, 2016. – 624 с.
3. Конституционное право. Учебник / Отв. ред. А. Е. Козлов – М. : Издательство БЕК, 1996 – 464 с.
4. Сравнительное конституционное право: учебник / Отв. ред. В. Е. Чиркин. – М. : «Манускрипт», 1996. – 729 с.
5. Конституционное право зарубежных стран: учебник / под общ. ред. М. В. Баглая, Ю. И. Лейбо и Л. М. Энтита. – 2-е изд., перераб. – М. : Норма, 2008. – 105 с.
6. Комментарий к Конституции Российской Федерации / под ред. В. Д. Зорькина. – 3-е изд. Пересмотр. – М. : Норма: ИНФРА– М, 2013. – 1040 с.
7. Сильченко Н. В. Закон: Проблемы этимологии, социологии и логики / Н. В. Сильченко / под ред. С. Ф. Сокола. – Минск: Навука і техніка, 1995. – 496 с.
8. Тихомиров Ю. А. Публичное право. Учебник / Ю. А. Тихомиров. – М. : Издательство БЕК, 1995. – 496 с.
9. Гаджиев Г. А. Онтология права: (критическое исследование юридического концепта действительности): монография / Г. А. Гаджиев. – М. : Норма–М, 2014. – 320 с.
10. Макушин А. А. Эволюционная конституции российского народа: монография / А. А. Макушин. – СПб. : «Реноне», 2018. – 350 с.
11. Исследование систем управления. Учебник. – М. : Экзамен, 2002. – 384 с.

Anokhin A. N. Theoretical questions of research of constitutional bases of system of self-government of the people of Russia / A. N. Anokhin // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2019. – T. 4 (72). № 4. – P. 16-24.

The constitutional foundations of the system of self-government of the nation of Russia are being investigated in this article. The position of the preamble to The Constitution of the Russian Federation serving as this basis. A systematic approach is used to transform the people of Russia into a system object with its own structure, organization structure and functioning structure. It emphasizes the cyclical nature of self-government, due to the proclaimed in the Preamble of the development of the people. The continuity of the principles of self – government placed in the "past – present-future" of the nation of Russia is indicated.

Keywords: democracy, system of self – government of the people, Preamble to the Constitution of the Russian Federation.

Spisok literatury`

1. Instituty` konstitucionnogo prava / otv.red. d.yu.n., prof. L. V. Andrichenko, d.yu.n., prof. A. E. Postnikov. – M. : ID «Yurisprudenciya», 2011. – 496 s.
2. Strategii pravovogo razvitiya Rossii: monografiya / kollektiv avtorov; pod red. O. Yu. Ry`bikova. – 3-e izd., ster. – M. : Yusticiya, 2016. – 624 s.

3. Konstitucionnoe pravo. Uchebnik / Otv. red. A. E. Kozlov – M. : Izdatel`stvo BEK, 1996 – 464 s.
4. Sravnitel`noe konstitucionnoe pravo: uchebnik / Otv. red. V. E. Chirkin. – M. : «Manuskript», 1996. – 729 s.
5. Konstitucionnoe pravo zarubezhny`x stran: uchebnik / pod obshh. red. M. V. Baglaya, Yu. I. Lejbo i L. M. E`ntita. – 2-e izd., pererab. – M. : Norma, 2008. – 105 s.
6. Kommentarij k Konstitucii Rossijskoj Federacii / pod red. V. D. Zor`kina. – 3-e izd. Peresmotr. – M. : Norma: INFRA– M, 2013. – 1040 s.
7. Sil`chenko N. V. Zakon: Problemy` e`timologii, sociologii i logiki / N. V. Sil`chenko / pod red. S. F. Sokola. – Minsk: Navuka i texnika, 1995. – 496 s.
8. Tixomirov Yu. A. Publichnoe pravo. Uchebnik / Yu. A. Tixomirov. – M. : Izdatel`stvo BEK, 1995. – 496 s.
9. Gadzhiev G. A. Ontologiya prava: (kriticheskoe issledovanie yuridicheskogo koncepta dejstvitel`nosti): monografiya / G. A. Gadzhiev. – M. : Norma–M, 2014. – 320 s.
10. Makushin A. A. E`volyucionnaya konstitucii rossijskogo naroda: monografiya / A. A. Makushin. – SPb. : «Renone», 2018. – 350 s.
11. Issledovanie sistem upravleniya. Uchebnik. – M. : E`kzamen, 2002. – 384 s.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2019. – Т. 5 (71). № 4. – С. 25-29.

УДК 342.573; 341

РЕФЕРЕНДАРНАЯ ДЕМОКРАТИЯ КАК СПОСОБ САМООПРЕДЕЛЕНИЯ НАРОДА С ПОЗИЦИИ КОНСТИТУЦИОННОГО И МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

Климова Д. В., Обринская Е. К.

Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

На сегодняшний день в большинстве стран мира институты выборов и референдума носят демократический характер, а практика их реализации приобрела международное признание. Особое значение приобретает вопрос учредительной власти народа, где власть народа рассматривается как ключевое понятие современного конституционализма. В статье рассматриваются вопросы, касающиеся права граждан на самоопределение, и роли референдарной демократии, проводится анализ современной международной ситуации. На сегодняшний день в международном праве имеется понятие нации и народы, борющиеся за самоопределение, они даже признаются субъектами международного права. Однако конкретизация данного понятия отсутствует, что приводит к разнообразным злоупотреблениям. Международное право создается государствами как правила поведения в первую очередь для государств. Одновременно некоторые страны не желают создания современного прецедента выхода автономизированных территорий из состава государства.

Ключевые слова: демократия, международное право, народ, нация, право на самоопределение, референдум, референдарная демократия, суверенитет, территория.

Сегодня невозможно представить государственные и правотворческие процессы, происходящие в Российской Федерации, без идей и принципов демократии и верховенства права, утверждения и обеспечения прав и свобод человека. Все это подтверждает важность и необходимость реализации конституционного права граждан принимать непосредственное участие в решении важнейших вопросов общегосударственного и местного значения с помощью выборов, референдумов и других форм прямого народовластия, закрепленных в ч. 3 ст. 3 Основного Закона [1]. Очевидно, что приоритетное место среди других форм непосредственной демократии занимает институт референдума, имеющий определенные системные ограничения, что делает невозможным в современных условиях его постоянное использование для принятия государственных решений.

Исходя из мировой практики первый в мире референдум был проведён в 1439 году в городе Берн, в нынешней Швейцарии, и был реализован, как один из методов легитимизации закона. На данном референдуме рассматривался вопрос о введении подушной подати с населения. Изучив историю появления референдума в Швейцарии, следует отметить, что изначально данный институт развивался вовсе не на государственном уровне, а на уровне населённых пунктов, позднее переходя к субъектам федерации (кантонам), и только впоследствии референдум был формально закреплён на общегосударственном уровне [4]. Однако, данный референдум кардинально отличался от других тем, что на нём учитывалось мнение не каждого подданного индивидуально, а лишь их представителей, которых

выделяла каждая община и направляла на совещания, предварительно организованные правительством, где они уже выражали мнение своей общины.

Сегодня институт референдума законодательно закреплен в США, Швейцарии, Франции, Германии, Италии, Норвегии и др. В некоторых странах проведение референдума в общенациональном масштабе не предусмотрено, он проводится только на локальном уровне.

В современной конституционной науке и практике используется категория «референдарная демократия», которая ассоциируется с реализацией народного суверенитета путем проведения референдумов. Считается, что референдум представляет собой одну из «приоритетных форм прямого народовластия, суть которой заключается в принятии гражданами…путем голосования, как правило, императивных решений…» [3, с. 304].

По мнению Швейцера В. Я., воля народа, выраженная таким образом, стоит «выше мнения властей» [5, с. 136]. При этом он считает, что система «референдарной демократии», превалирующей над демократией парламентской, характерная для Швейцарии, не может быть перенесена в другие страны, так как обусловлена историческими особенностями генезиса швейцарской государственности [5, с. 143]. Возможно, именно поэтому тематике референдарной демократии учеными уделяется сравнительно немного внимания.

Следует отметить, что проблема референдарной демократии актуализировалась в связи вопросом о самоопределении народов, решаемым с позиции международного права. После Второй мировой войны начался новый этап развития международного права как регулятора межгосударственных отношений. В частности, сформулированы основополагающие принципы международного права, среди которых принцип мирного разрешения международных споров, принцип территориальной целостности и неприкосновенности государственных границ, принцип независимости и самоопределения народов. Эти принципы имеют характер императивных норм.

Право на самоопределение народов регламентируется международно-правовыми нормами. В статье первой Международного пакта о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 года, нормативном акте, входящем в Международный билль о правах человека, определено, что все народы имеют право на самоопределение. В силу этого права они свободно устанавливают свой политический статус и свободно обеспечивают свое экономическое, социальное и культурное развитие. А все участвующие в данном Пакте государства, в том числе, несущие ответственность за управление несамоуправляющимися и подопечными территориями, должны, в соответствии с положениями Устава ООН, поощрять осуществление права на самоопределение и уважать это право [2].

Следует отметить, что именно международное право должно отвечать за регламентацию права народов на самоопределение. Государства, безусловно, несут ответственность за соблюдение прав человека. Однако в случае с правом на самоопределение интересы части нации (часто меньшинства) могут входить в противоречие с интересами государства в целом. Обычно это происходит, когда речь заходит о территориальном отделении. В этом случае государственная власть в принципе не заинтересована в реализации заявленного права на самоопределение. Поэтому только эффективный международно-правовой механизм способен

разрешить и урегулировать конфликтную ситуацию. Особенно это актуально, учитывая, что зачастую противостояние между правительством и оппозиционными группами перерастает в вооруженный конфликт, жертвами которого становится мирное население.

Распад государства – это всегда поворотный момент в истории народа. Однако на протяжении истории человечества государства постоянно объединялись и распадались в результате войн и по воле правителей. До XX века в международных отношениях даже завоевание другого государства, как и передача части территории проигравшего войну государства победителю, было абсолютно в порядке вещей, не говоря уже о самостоятельном распаде государства в результате внутренних противоречий. В конце XX века политическая карта мира пережила масштабные потрясения, связанные с распадом Советского государства и системы его союзников. Дезинтеграция множества государств, среди которых СССР, Чехословакия, Югославия и т.д. не вызывала возражений у мирового сообщества, воспринималась как самоопределение народов и, соответственно, приветствовалась. На современном же этапе наблюдается неоднообразное применение представителями международного сообщества как принципа самоопределения народов, так и принципа территориальной целостности государства при квалификации спорных ситуаций.

Международно-правовая оценка отделения полуострова Крым от Украины путём референдума среди жителей полуострова является яркой иллюстрацией данной ситуации. В данном случае речь идет о противоречивом толковании принципа территориальной целостности государства и принципа самоопределения народа.

В международном публичном праве является общепризнанным, что основополагающие принципы международного права равноценны, не могут противопоставляться и должны толковаться таким образом, чтобы они не противоречили друг другу при квалификации конкретных ситуаций. В случае с Крымом мнения о применимости соответствующих принципов международного права разделились. Западные специалисты считают, что принцип самоопределения народа не может нарушать целостность государства, то есть самоопределение необходимо осуществлять без территориального отделения. По вопросу, как быть, если государственный режим (а в Украине в феврале 2014 г. произошел переворот) не предполагает возможностей для реализации потребностей регионов, ответ не дается.

Российские аналитики уверены, что принцип территориальной целостности и неприкосновенности государственных границ предполагает защиту государства от внешней угрозы и не может быть применим в ситуации объективных дезинтеграционных процессов. Следует отметить, что Крым был присоединен к Украине искусственно и так не слился с ней в единую нацию. Во многом это вина украинского руководства, которое активно противопоставляло себя России. Таким образом, речь может идти лишь о праве народа на самоопределение, которое реализуется посредством референдума.

Учитывая специфику вопросов самоопределения, связанных с территориальным отделением, государство самостоятельно решить их не может, так как это по существу противоречит его интересам. Поэтому именно международное,

а не внутреннее право, в первую очередь должно регламентировать данный механизм. Решать эту проблему следует, исходя из принципа демократизма и признания источником власти и суверенитета народа.

В любом демократическом государстве носителем суверенитета и единственным источником власти признается народ. Таким образом, органы государственной власти и иные общественные институты являются производными от народа и призваны фокусировать и реализовывать его волю. Многие ученые говорят об учредительном характере власти народа, которая «является первичной по отношению к государственной власти, производной от народного суверенитета» [3, с. 303]. Поэтому в решении собственной судьбы как на национальном, так и на международном уровне народ обладает волей и должен обладать соответствующими правами.

Безусловно, абсолютно неограниченное самоопределение народов приведет к лавинообразной деструкции государств и дестабилизации международной ситуации. Поэтому необходимо не только признать право народов на самоопределение, в том числе и путем территориального отделения, но и определить международно-правовую процедуру, при которой такое отделение не нарушало бы интересов ни государства, ни народа, ни международного сообщества.

На сегодняшний день в международном праве имеется понятие «нации и народы, борющиеся за самоопределение», они даже признаются субъектами международного права. Однако конкретизация данного понятия отсутствует, что приводит к разнообразным спекуляциям и злоупотреблениям. Международное право создается государствами как правила поведения в первую очередь для государств. Одновременно некоторые страны не желают создания современного прецедента выхода автономизированных территорий из состава государства, имея подобные регионы в своем составе – Каталонию в Испании, Венето в Италии, Шотландию в Великобритании.

18 сентября 2014 года в Шотландии был проведен референдум по вопросу отделения от Великобритании, на котором голоса разделились примерно поровну (55,3% «против», 44,7% «за»), что свидетельствует нерешенности данной проблемы. Сегодня инициируется новый референдум в связи с выходом Великобритании из Европейского Союза.

1 октября 2017 года в Каталонии проведен референдум по вопросу независимости от Испании. 90,18% проголосовавших высказались «за», однако власти Испании признали этот референдум незаконным.

С 16 по 21 марта 2014 г. в области Венето проходило электронное голосование по вопросу отделения от Италии, организованное партией «Независимость Венето». По данным организаторов более 80% принявших в голосовании высказались на независимость.

Таким образом, на сегодняшний день в большинстве стран мира в качестве основополагающих принципов установлены принципы гуманизма и демократии, что делает возможным волеизъявление народа путём организации референдума. Причем такая форма волеизъявления считается в теории приоритетной как институт непосредственной демократии. Однако такое положение вещей характерно для национального права. В международном праве, особенно когда дело касается интересов государства как субъекта международных отношений, референдарная демо-

кратия не признается. Это не соответствует основополагающим принципам международного права – принципу самоопределения народов, принципу уважения и соблюдения прав человека. Решением данной проблемы может стать выработка международно-правового механизма реализации самоопределения народа через признанное право на территориальное отделение, безусловно, как крайнюю меру.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 21.07.2014 N 11-ФКЗ // СПС «Консультант плюс».

2. Международный пакт о гражданских и политических правах: принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН// СПС «Консультант плюс».

3. Русанова С. Ю. Роль референдарной демократии на пути становления государственности в Республике Крым / С. Ю. Русанова // Евразийский юридический журнал. – 2016. – № 9 (100). – С. 304-305.

4. Самородова-Богацкая Л. В. Эволюция института референдума и народной инициативы в Швейцарии: историко-правовой подход (федеральный уровень)/ Л. В. Самородова-Богацкая // Труды института государства и права Российской академии наук. – 2014. – № 4. – С.135-148.

5. Швейцер В. Я. «Референдарная демократия» и институты власти / В. Я. Швейцера// Государства Альпийского региона и страны Бенилюкс в меняющейся Европе / Под. ред. В. Я. Швейцера. – М. : Издательство «Весь мир», 2009. – С. 136-144.

Klimova D. V., Obrinskaya E. K. Referendum democracy as a way of self-determination of the people from the position of constitutional and international law / D. V. Klimova, E. K. Obrinskaya // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2019. – T. 4 (72). № 4. – P. 25-29.

Nowadays, in most countries of the world, the election and referendum institutions are democratic, and the practice of their implementation has gained international recognition. Of particular importance is the question of the constituent authority of the people, where the power of the people is considered as a key concept of modern constitutionalism. The article deals with the issues concerning the right of citizens to self-determination, and the role of reference democracy. The analysis of the current international situation is made. Today in international law there is a concept of a nation and peoples fighting for self-determination, they are even recognized as subjects of international law. However, there is no specification of this concept, that leads to a variety of abuses. International law is created by states as a code of conduct primarily for states. At the same time, some countries do not want to create a modern precedent for the secession of autonomous territories from the state.

Keywords: democracy, international law, people, nation, right to self-determination, referendum, referendum democracy, sovereignty, territory.

Spisok literatury`

1. Konstituciya Rossijskoj Federacii : prinyata vsenarodny`m golosovaniem 12.12.1993) (s uchetom popravok, vnesenny`x Zakonami RF o popravkax k Konstitucii RF ot 30.12.2008 N 6-FKZ, ot 30.12.2008 N 7-FKZ, ot 05.02.2014 N 2-FKZ, ot 21.07.2014 N 11-FKZ // SPS «Konsul`tant plyus».

2. Mezhdunarodny`j pakt o grazhdanskix i politicheskix pravax: prinyat 16.12.1966 Rezolyuciej 2200 (XXI) na 1496-om plenarnom zasedanii General`noj Assamblei OON// SPS «Konsul`tant plyus».

3. Rusanova S. Yu. Rol` referendarnoj demokratii na puti stanovleniya gosudarstvennosti v Respublike Kry`m / S. Yu. Rusanova // Evrazijskij yuridicheskij zhurnal. – 2016. – № 9 (100). – S. 304-305.

4. Samorodova-Bogaczkaya L. V. E`volyuciya instituta referenduma i narodnoj iniciativy` v Shvejczarii: istoriko-pravovoj podxod (federal`ny`j uroven`)/ L. V. Samorodova-Bogaczkaya // Trudy` instituta gosudarstva i prava Rossijskoj akademii nauk. – 2014. – № 4. – S.135-148.

5. Shvejcer V. Ya. «Referendarnaya demokratiya» i instituty` vlasti / V. Ya. Shvejcera// Gosudarstva Al`pijskogo regiona i strany` Benilyuks v menyayushhejsya Evrope / Pod. red. V. Ya. Shvejcera. – M. : Izdatel`stvo «Ves` mir», 2009. – S. 136-144.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2019. – Т. 5 (71). № 4. – С. 30-43.

УДК 67.3

REGIONAL PECULIARITIES OF ANDEAN STATEHOOD: FROM ARCHAIC UNTIL LATE INTERMEDIATE

Koshman V. A.

ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия»

State formation processes of Andean region are analyzed. It is showed that peculiarities of social organization in Archaic founded trajectory of statehood institutions development. Attention are given to the mistakes of specialists in assessment of forms of managerial complexity in certain historical societies. Author gives evolutional pathway of state and its power through the application of model of competing cult centers. Focus are given to analysis of material evidence without application of ethnographical data. Attention are given to what material evidence and in what complex can be used as evidence to genesis of statehood institutions. Special focus is given to forms of management which highlight local and regional peculiarities.

Key words: Andes, Moche, center of pristine statehood, Norte Chico, emergence of state, Chimu, Chavin, Valdivia, Wari, Tiawanaku.

The process of state institutions formation is directly connected with the issue of evolution of power redistribution forms in human communities. The most interesting are those centers, in which formation of statehood took place without the influence of others. One of them is the Andean region. Its peculiarity is that in distinction from the centers of formation of the early complex societies in Eurasia, the civilizations of South America developed not only in isolation from others (even the ties with Mesoamerica were indirect and weak), but also in specific natural and climatic conditions, which have no similar analogies in either the Old or the New World. In spite of this, by the time of the Spanish conquest, complex forms of social organization have been already in effect in the Andes, and classification of the Inca Empire (Tawantisuyu) as the state is beyond doubt.

Another specific feature is the fact that in conditions of absence of wheel and riding animals the organization of power, which stretched for several thousand kilometers, was created. Tawantisuyu constitutes the peak of those processes that previously took place in the reviewed region, and the societies that existed before the Incas are even less known. However, they set up a number of regional peculiarities concerning the forms of society organization and those ties which supported the unity of the Inca State. In this regard, we have set the objective to demonstrate how the forms of power organization in the communities of the Andean region have developed and how the peculiarities of advancement in the beginning predetermined the trajectory of statehood institutions further development.

For better understanding of the author's idea, we will focus on two important points: the selection of information and a brief summary of the author's approach in outlining the process of statehood evolution, as well as a brief climatic and geographical characteristics of the region.

Andean cultures have one important feature in common: they all had no writing system. Accordingly, to study the times before Inca Empire, we are compelled to rely only on archaeological artefacts. While there are a lot of written sources for many civilizations of the Old World, which can answer to a lot of questions which are interesting for us. Among them, the most important is how people perceived themselves, the world around them and society. And without them, we have to be extremely careful in any interpretation of the material evidence, and not to adjust the information to the models that we have. Even the exceptional preservation of easily disappearing materials due to the very dry air of the Pacific Andean coast, does not allow us to look at the dynamics of political processes with sufficient detail, as it is possible, for example, within the cultures of Southwest Asia.

For this reason, the author has developed a number of provisions in order to eliminate these problems:

firstly, it is necessary to analyze the dynamics of material features of the process of increasing society's complexity,

secondly, it is their analysis in complex, as otherwise it leads to extremely odious interpretations,

thirdly, it is an approach to the consideration of events from the viewpoint of individual institutions of statehood development, first and foremost, apparatus of governance, territory, etc. This allows us to avoid template comparisons and free-standing disputes about whether a given society was a state or not,

fourthly, it is a long-term review of the processes (longue duree of the French Annales School), which allows us to identify local particularities and to clarify the models of social organization and dynamics of their development, even with the low level of available material detail.

Now we will introduce you to the climatic and geographic characteristics of the considered territory: the Andes are the chain of mountains stretching from north to south along the Pacific coast, with height of more than 6000 meters above sea level, which is the second largest plateau in the world at altitude of 3000 - 4000 meters above sea level, however, the main processes of increasing of society's complexity took place on the Pacific coast and in the river valleys, with the exception of the later phenomena such as Chavin and Tiawanaku. The valleys are characterized by their relatively small size, with a height difference of more than 3 kilometres, while the climate is desert, with extremely low precipitation (less than 25 mm per year) along the Pacific coast due to the effects of cold streams, which is replaced by increasingly high on precipitation and moderately declining temperatures as altitudes increase. As a result, within each valley there was an altitude specialization in the field of cultivation of different plants, as the zones differ significantly in climatic characteristics. It has created preconditions for interaction between various zones of valleys in transition to settled way of life, and especially has intensified when the domestication of llamas and vikunyas has been massively extended. In addition to the high-altitude character, active volcanism also played an important role, which compelled the population of large regions to relocate over significant distances, as ash emissions made it impossible not only to grow crops, but also hunting and gathering. And the most specific is the phenomenon of El Nino - when the water of a warm current replaces the cold. This phenomena brings with it torrential rains, which cause great damage, washing off the fertile soil layer, destroying irrigation facilities. They also was dangerous for

hunter-gatherers, as fish at the coast, which was the main source of protein, was significantly reduced in its amount. At the same time, between the periods of El Nino the coastline of Ecuador and Peru is characterized by one of the richest marine resources in the world.

On the issue of statehood formation, we have to consider it from the very beginning. This moment, in our view, is the sedentarisation. But there are also a number of peculiarities, and it was from this period that a number of changes took place, which defined the prevailing forms of organization and set the main perspectives of development in the region.

The appearance of sedentary life in South America is associated with the culture of Las Vegas. It shows traces of permanent presence in one location, in contrast to the temporary settlements of hunter-gatherer-fishermen of an earlier period. However, complete settlement is only possible in the later Valdivian culture. They were located in Ecuador, at a certain distance and with a number of natural obstacles, far away from the centers where the first signs of society complexity appeared. When it comes to the sedimentation of people, it is important to mention that the process is based on the Neolithic revolution, a concept created by Gordon Child. It remains dominant in domestic science of the state and law, but the example of the Middle East can only be talked about a long process of neolithization as a mutual adaptation of man, plants and some animals. In Andean history, this concept is neither applicable nor confirmed, because: firstly, the process of animal domestication has been carried out separately and in high altitude areas, where any cultivation of crops is very problematic, except for isolated "oases" such as the area around Lake Titicaca[1]. Secondly, the first ceramics and indications of plant cultivation belong to the Amazonian rainforest region of Colombia and Venezuela, which is the most serious objection[18]. Moreover, the nature of nutrition which has the representatives of Las Vegas culture, and Valdivia (except for its late period) are characterized by a spectrum characteristic of tropical forests, which determines them as hunter-gatherers, who for additional source of nutrition used the cultivation of number of plants in view of their greater efficiency than their collection[19]. In coastal areas, fishing and shellfish harvesting have played an important role[7]. The fact that maize seeds have been found with signs of domestication is sometimes cited as a sign of sedentary behavior, but, as Edward Steller points out, it was originally used as a raw material for the manufacture of the intoxicating drink - chicha. Its usage has been widely archaeologically recorded in different regions of the Andes and Mesoamerica. Equally interesting is the fact that maize was not dominant in nutrition of Andean people for a long period of time, up to AD, but relationship to the transition to a more intensive use of maize and the increasing complexity of society will be discussed later[12].

During the period of existence of the cultures considered above, a system of society organization specific to the Andes is formed, which set the vector of evolving complexity for many millennia ahead. It consists in the fact that initially hunter-gatherers had places to bury ancestors in a certain place. Thus, each local group had its own places where they gathered to carry out cult activities. Then the sedentarisation process was related to the reduction of the number of temporary settlements in the places of food gathering and hunting, and the concentration of population in such centers. However, further transformations led to very interesting consequences - the emergence of cult centers with a permanent population in different places, while the population, which was tending to move to new

territories due to various factors (mainly volcanism and El Nino) founding new centers maintained ties with the previous ones, thus resulting in a network of interrelated, but at the same time competing with each other cult centers[8]. It should be remembered that any community of people has inequality, which is evident from both the nearest primates and Paleolithic data[23], at least within the age and sex characteristics. Therefore, in the process of society forms complication, appearance of specialists occurs there, mainly of cult nature - shamans (they could also solve the issues of management, etc.). They were most interested in improving their status and prestige, thus creating a demand for both new sacral knowledge and unusual items. An example is the Spondylus shell, which is extracted from the Ecuadorian coast, and its findings extend to most of the Andes, and have been used in cult centers that are geographically far distant, such as Tiwanaku and Chavin[4]. Creating demand for such items, the exchange networks have become more active not only for items, but also for various ideas that were valuable in their own right. This is how a special vector of increasing complexity of Andean communities was formed.

A number of specialists make ethnographic parallels to these periods. They say that the nature of the Inca society and contact with the Spanish by local population, was based on kinship ties from the ayu (both real and imaginary) headed by the casics, which suggests that this may be the pattern for societies of such a long time[22]. Although we recognize that such models are better than repetition of ethnographic data on aboriginal people in Southeast Asia, Africa and Australia, nevertheless, societies have come a long way in their development. Its process involved a huge number of social organization forms and formation of authority, many of which we may not even guess about. A striking example is the culture of Kukuteni-Tripolye from Eurasia, with its huge settlements and lack of signs of fragmentation.

In parallel with Valdivia's culture on the Peruvian coast, at the Norte Chico area much clearer signs of a more complex society are appearing. This process begins at least at the end of the IV millennium BC, if we proceed from the last dating Sechin Bajo[20], the most common dating of the appearance of large cult centers is the beginning of the III millennium BC. The most famous centres are Caral, Sechin Bajo, and Serro Sechin in the Supe Valley, and centres in the Casma Valley. A special feature of the Casma/Sechin culture is the network of large monumental centers of platforms - uacas, usually of pyramidal shape. This is where for the first time, typical for later cultures, the sunken courts and the fenced courtyards in the form of the letter D appear. The sizes of some of the platforms are calculated in hundreds of meters in length and width, and in height by tens, and these complexes are located close to each other. On the grounds of this, based on the patterns of settlements, a number of authors have drawn conclusions not only that this is one of the oldest civilizations in the world, but also that they are the oldest cities in both America and even the states[26]. Nevertheless, such conclusions constitute classic misconceptions when using a number of models. The authors of these hypotheses proceed from the volume of spent works and patterns of settlements, however, they ignore both the procedure of their creation and chronology of their usage, say nothing of the stylistic difference. As a result, after receiving impressive numbers in terms of the amount of work, they make the conclusions that this could only be organized by administrative power, and, in terms of terminology of the neoevolutionary school of political anthropology - complex chiefdom or the states. Nevertheless, if we carefully pose a

number of clarifying questions and try to restore the picture in more detail, after the stratigraphic dating it appears that these monumental buildings were constructed in several stages for hundreds of years, many of which were not used simultaneously. They have significant stylistic differences, and there are no obvious signs of fragmentation and, what is important, objects of high prestige with indications of their usage by a limited circle of persons. Moreover, calculating how much the valleys could have fed does not allow to speak of numbers above a few hundred people.

Nevertheless, this phenomenon is interesting, because somehow the construction of monumental buildings for a long period of time would have to assume the existing of some kind of organization. For example, the calculation of labour costs, based on the chronology of creation, allows us to say that such small population was quite sufficient and could be carried out by small communities, which did not require a specific managerial structure, and the nature of the constructions explains about their inclusive character, i.e. that they were designed to ensure access and visibility to all members of the groups.

Another misconception associated with this culture is the fact that the findings of the same maize and other cultivated plants are not only presented as sedentary, but also as a transition to agriculture as the main source of food. However, as we mentioned earlier the same, maize was originally used for completely different purposes, and studies of local food stocks clearly show that the main source of food was marine products[27]. Another important fact is the appearance of cultured cotton, from which nets and other fishing gears were produced, which was a kind of technological breakthrough for the people of that time, as it allowed to extract much more food[25].

The described situation is equally successful in applying the model of competitive cult centers, moreover, as the findings of such platforms along the entire coast of Peru are becoming more frequent every year. But this case is interesting for completely different reason - it shows that, by exploiting the rich marine resources, it was possible not only to have been settled without a focus on agriculture and cattle breeding, but also to carry out activities that went far beyond the daily needs, which in this case took the form of building platforms. At the same time, it is very likely that such centers were built in the interaction of the coastal population with the inhabitants of more remote parts of the valleys from the ocean, as some of them obtained seafood, while others grew cotton, the conditions for the growth of which were at a sufficient distance from the coast, especially until it was suited to the hyperarid conditions of the coast.

Which conclusions can we make from this example? First of all, it is impossible to put only one or two material features in the basis of the model of society organization, adding up the rest. Secondly, it is necessary to consider all available information in complex, whether it is a nutrition, and detailed dating. But, the most important thing is that externally similar signs of statehood, in this case monumental constructions of the Casma/Sechin culture, are not necessarily even signs of a permanent existing public superstructure, performing the administration of such works.

Within the framework of the archaeological Banduria monument, construction of platforms and the cult itself was traced. A cult structure was found there, which was built in several stages, and at the end it was filled in and turned into a platform in one phase of work. Initially it was a horizontal structure, which was extended by the completion of new premises. According to Alejandro Jose Chu Barrera, who headed the excavations, this is most consistent with the situation in which part of the group managed the relevant works,

but also performed cult functions, thus exercising its power through prestige[5, p. 293-295]. However, such power was not hereditary, but fluid and had no signs of permanent status. Another interesting fact is that in connection with the first monumental constructions the use of special vessels intended for inhalation of hallucinogens, first of all coca, is proved[5, p. 40-41].

It is also very curious that along with these cultures, particularly in the Casma Valley, at significantly higher altitudes there was the tradition of Kotosh-Mito associated with cult buildings, which, unlike the coastal culture, had the character of cults at the level of a family group and not a large community as a whole. However, the appearance, development and decay of these centers are very similar to the coastal culture. This indicates that there has been some interaction between them, though probably very limited[21].

The next chronological stage after the above mentioned cultures of the end of IV - end of II millennia B.C., after these ritual centers were finally abandoned, are the cultures of Cupinisque and Chavin. We will focus on the last one, as it is the most researched and represented by a certain archeological place where this culture was born and developed. In the period of Chavin, which is 800 - 200 B.C., there was a development of high-mountainous areas with the final adaptation of the population to the conditions of altiplano, as well as a number of important agricultural crops. This is most clearly seen in the example of Campanaqyu Rumi, where Yuichi Matsumoto[31] points out that the small size of the settlement in phases 1 and 2 is most connected with this cause.

However, let's get back to Chavin de Huantar. It has a clear cult character, but unlike the centers of Norte Chico, it had a significant permanent population, and is located at an altitude of more than 3400 meters above sea level, in a place affected by landslides, near the river, which indicates that the location itself was essential. The valley in which it is located has a small amount of land suitable for agriculture. All this, along with the complex architectural structure, the presence in all segments of the significant number of objects from geographically remote regions, multiple cult utensils, indicates that the locals have tried in every possible way to attract masses of people from other regions[24, p.307]. At the same time, they offered cult services and, through unequal exchange, acquired resources for the production of prestigious objects, etc. It is necessary to note that, as in the case of the previously considered cultures, in Chavin not only hallucinogenic and stimulant substances were used, but also there was a spread and search for new sacral knowledge. This is indicated by the location of the center itself at the crossroads between the Pacific coast and the Amazon forests, as well as by the numerous traces of exchange with the Amazon region, and moreover, with its lowest situated part. This, taken together, confirms the growing complexity of society, as Chavin is known for its highly specialized craft. The transformation took place along the path of ensuring the constancy of the flowing of pilgrims, on which the existence of Chavin de Huantar depended. In response to this challenge, there has been an intensified search for new sources of knowledge and the establishment of a transregional exchange network on a regular basis. At the same time, the fact that Chavin has a clear cultural connection with the pre-existing cult centers of the Casma/Sechin cultural coast is important. Within its region, Chavin had considerable influence and prestige, as its products and symbols spread over long distances.

Thus, Chavin became a further development of the direction of society's complexity, which was established earlier. At the same time, he possessed novelty in the fact that with-

in the framework of this culture there was one main cult center, which had its own special cult. And for a long time this settlement had a permanent population, which depended on the effectiveness of the function of unequal exchange.

Next, we will focus on the Moche valley, as one of the most researched, we will focus on the changes that occurred during the period of Guanyape and Salinar. We will omit the question of society's complication during the period of Moche culture, as it is discussed in more detail in our other article devoted to this issue.

The most detailed long-run changes occurred in the Moche Valley were considered in the work of Brian Billman, that is why we will predominantly take our data from him. Comparing the period of Guanyape and the following Salinar, he highlights a range of interesting changes, which are out of the framework of the model of competing cult centers. It should be noted that the culture of Guanape is at its beginning synchronized with the late stages of Casma/Sechin culture, which we earlier considered. Similar changes took place in the Moche valley. Thus, in the middle of the 2nd millennium B.C., there was a significant growth of constructed cult buildings concentrated in Caballo de Muerte. However, there are no changes typical for later periods, such as intensified construction of irrigation systems, evidence of organized military actions, etc. Despite the fact that during this period quite considerable irrigation facilities were constructed, according to Billman's calculations, they did not require a lot of labor and were carried out within the framework of the existing settlements without obvious signs of population nuclearization. But during the Salinar period the most significant changes occur - nuclearization of the population, it begins to concentrate in large settlements like Cerro Oreja, with a radical change in the location of the settlements themselves - they begin to be located mainly in places convenient for defense. At the same time, the construction of canals continues to have the same character as in the previous period and does not confirm Wittfogel's irrigation theory. In the subsequent Gallinazo period tendency to place settlements in defensive positions, as well as in key areas to control intervalley crossings, has increased even more. What does this indicate? According to Billman, this was caused by the fact that the inhabitants of the Moche Valley had to take action against aliens from the altiplano, who occupied very important and productive areas of the valley. However, control of the critical part of the valley from which the irrigation of the area close to the coast was carried out remained under the control of the local population[2]. Thus, we have an example that the military threat at that time was becoming a permanent character and was a significant stimulus for reorganization of the local population. This is not only one example. In particular, transition from Pucara culture to early Tiwanaku is accompanied by evidence of not only cult but also military confrontation of the centers with traces of fires and violent death, as well as an increase in the number of fortifications[28, p.140-144]. Thus, the birth of Tiwanaku culture in the valley of Lake Titicaca was accompanied by no lesser influence of the military factor. Moreover, in this context, it is interesting to note that the further transition from Gallinazo culture to Moche culture, as well as the rise and spread of Tiwanaku influence are connected with the cult aspect, and, again, it is the most appropriate to the model of cult centers. There can be many explanations for this phenomenon, including climatic events such as the particularly strong and prolonged El Nino, but the fact that the society around the militancy is organized and the subsequent rollback to more peaceful forms of interaction is important. This may explain the very interesting fact that the iconography of the Moche

culture pays much attention to the scenes of violence and battles of armed men, and despite the finds of burials with traces of violent death and sacrifices in Huaca dela Luna, it does not cancel the fact that the period of the Moche culture has no convincing evidence of regular wars and the contradiction between the emphasis on the use of violence in iconography and the relatively peaceful existence of the population in this period.

In addition to this factor, attention should be paid to another: during this period, there is strong evidence of the population's transition to maize as a principal food product (including llamas in livestock production). This allows us to assume that there is a correlation between increasing the role of crops and the further service of society. However, such a correlation should be taken very carefully, because according to the profile study of T.A. Tang and E. Arkush between the evidence of the war and to what is considered its preconditions (in particular, the factor mentioned by us) in the Andes there are significant time delays[9]. The combination of the above factors, in our opinion, is most clearly manifested in the further development, which is seen in the example of later periods of Tiwanaku and Wari culture.

There is one important difference between Tiwanaku and Wari - Tiwanaku, as an archaeological monument, was a cult place where representatives of many remote regions lived and within the framework of the existing cult, where construction and probably management were carried out, while Wari has the character of more similar to the imperial administration. However, recent research in Castillo de Huarmey [16] and the discovery of the first burial site for the Wari in situ elite in the regional center confirms a different, more complex form than direct bureaucratic management, and closer again to the idea of rival cult centers, but in a completely new qualitative phenomenon.

Thus, in the study of the proposed administrative center of Wari culture in the valley of Cuzco - Piquillacta, built on an empty place, has a significant area and monumentality, as well as its layout and material remains indicate a direct relationship to the culture of Wari, but at the present stage there are significant problems in its interpretation. Despite the clear structure of the storage facilities for mita (the system of compulsory labour in Tawantisuyu), judging by the poor material remains, there was nothing like this. And the archaeological monument itself has the character of unfinished, despite the long period of its existence. This led McEwan, who was in head of the excavations at the archaeologic site, to conclusion that it could store the honourable ancestors of the local population, and that the rectangular cells were used for cult activities related to the ancestral worship of Wari[11]. And the discovery in Castillo de Huarmey directly proves the attitude of the Wari elite and their management of the ancestral cult of local population, because the signs of this activity were found in this archaeological monument. The Wari therefore represents a further development of the model of rival cult centers, which has now been characterized by relative permanence of control and the implementation of inclusive local integration. The use of military force has not been eliminated, as can be seen from the mortality profile of the population closer to the capital Wari[29, p. 99-151]. Thus, the most important change occurred during the period of the Wari existence, which was later more clearly manifested in the culture of Chimu and Tawantisuyu - strengthening the regularity and power of control over the local population on the part of the governing cultic center.

However, this administration is also reflected in other evidence, in particular the fact that Wari controlled the distribution of prestige items, which were produced mainly in the

capital's region. The cult character of the last one indicates that there are a large number of tombs of rulers, which were also palaces during their lives, moreover, the architecture of Wari was organized in accordance with the principles of ornamental patterns on the tissues[10, p.287].

A certain role in the development of the exchange networks of Chavin, Wari and Tiwanaku was played by the spread of domesticated llamas, as they are the only pack animals in the Andes. It is ethnographically confirmed the existence of caravans of several dozen llamas, which transported various items. This allows us to suppose that the existence of Chavin and other high-mountainous centers was made possible due to them, as it allowed to move not only prestigious objects, but also large objects at a distance. However, the usual goods have always been high value and low volume items. Although obsidian, which was the material for tools, was supplied in many regional centers, at least during the Wari period, from deposits close to the capital, despite the presence of others close to the regional centers[6].

In addition to the above, the most vivid difference between the character of Tiwanaku and Wari was observed in one valley, where the centers of both cultures were simultaneously located. Thus, the monumental buildings of Cerro Baul, the center of Wari, had an inclusive character. The influence of not only regional peculiarities, but also in separate constructions was traced there, the canons of Tiwanaku were applied. The center itself was at the point from which the whole valley can be seen, and from the tops of the platforms the mountains capes are visible, some of which are still honored by the local population today. In the center of Tiwanaku, everything from pottery to cult buildings is an exact reproduction of what was in Tiwanaku itself as an archaeological monument[17]. Thus, despite the fact that with the last it was attended by representatives of many surrounding regions, the cult of Tiwanaku was unified and had no inclusive character, unlike Wari. Based on the degree of spread of both cultures, it is possible to point out that Wari was more successful, as its direct impact spread over a much larger area.

In the context of the interactions between the cultures of Tiwanaku and Wari, it is important for our research to examine the interaction between the later stages of the Moche culture and the ascending Wari culture, as presented by Christoph Mackowski. Thus, he points out that, based on updated dates, both the creation of the Pampa Grande (the largest settlement of the entire Moche period) and the construction of the Huaca del Sol, they were synchronous with appearance of the Wari culture in the region where the Moche culture was spread. He points out that Wari has not yet spread its influence on the Moche culture, but of Wari prestige items are found among the Moche, and the implementation of a monumental construction is probably connected with the competition with Wari in the cult area[10, p.289-291].

It is worth to note that Huaca del Sol is one of the largest structures of both Americas and its volume is about 1200000 cubic meters. However, according to Brian Billman's data, its construction was carried out in several stages and, taking into account the time and labor, required the involvement of about 1000 people for each of these stages. This was feasible within the estimated population of the Moche Valley during the period under review[3, p.186]. This reminds us once again that monumental structures and the amount of overall labor required to build them must be considered with great care and cannot serve as one of the main evidence of the appearance of statehood or civilization, as in the case of Norte Chico. Although, as we have pointed out in our other article, the highly

stratified, handcrafted etc. nature of the Moche culture indicates its relatively high level of complexity, but does not allow us to speak of the existence of a permanent bureaucratic administration.

The final stage of our research is the culture of Chimu. In our view, this is where the qualitative innovations that have arisen in the Wari culture have been finalized. Having appeared in the areas where the Moche culture existed before, Chimu was distinguished by the character of clear evidence of direct administration. However, the impact on the life of the local population was not so great and total as for more modern examples of recent empires, especially the talassocracies, whose impact on the culture of the local village was very insignificant, because most often the local administration was preserved and the existing institutions and forms of power organization were used.

In the Lambayeke valley, the presence of Chimu is characterized by a sharp appearance of a settlement typical for this culture with a combination of local canons of construction, and there is evidence of the residence of the Chimu elites representatives there. Interestingly, the nature of the settlement itself suggests the use the local elite's representatives. Chimu's intervention in the system of government is clearly visible from the fact that their settlement itself was located between two pre-existing polities in the valley, at a convenient place for defense and point of control of a number of important irrigation channels, which indicates in favor of militaristic control. However, unlike the Incas, Chimu has the character of local control over the mobilization of labor resources[30, p.173-175]. In this way, Chimu was set up with a technological foundation for the further development of control through more permanent and regular interventions from the center, as was the case in Tawantisuyu.

In concluding our review of selected cultures and their characteristics, we must focus on the models used by their researchers. At the moment, the models, which are more focused on taking into account local peculiarities, are becoming more and more powerful. As for the still widely used models of the neo-evolutionary school of anthropology, since we have already reviewed their critique in more detail in our other articles, we will now focus our attention on the problems typical of their application in Andean history. Jeffrey Quilter highlights the following features, which are presented by representatives of the neo-evolutionary paradigm as signs of Moche statehood: "The assumptions concerning the existence of the Moche state, which has spread since Huaca de Moche, are based on several interrelated data. These assumptions and data include 1) The general style of Moche ceramics originating from Huaca de Moche; 2) The general architectural style of Moche; 3) Standardized techniques of constructions associated with labor tax; 4) The emphasis on militarism as seen in iconography; 5) Standardized religion also visible in iconography; 6) Survey data which show the sharp appearance of the characteristic features of Moche, especially ceramics and architecture, in the "provinces"[13, p.132-133]. As we can see, they emphasize that one of the main distinguishing features is the development of the management and suppression apparatus, its separation from the rest of society, the signs of which they are actively looking for in archaeological materials. But in non-written cultures, the question of the nature of power, the way it was perceived and organized, is rather an object of interpretative speculation, as without an "insider's view" we cannot make an exact conclusion about the organization of power. We can only clarify the most characteristic and relatively common features, as it allows us to preserve the availability of archaeological materials, as well as the degree of research on a particular culture. The history of the

study of Moche is a striking example of how the influence of perceptions of the state has diminished as the data increase, leading to the fact that, out of its dominant view as a large intervalley state on the coast of Peru, it now has a significant decrease in size and strength - as evidenced by the findings and other models (especially the model of rival cult centers). It is worth to note that urbanism researchers in the Andes indirectly confirm this model, pointing out that the population of the region lived mostly in small centers, and that large urban centers are linked to the efforts of existing policies, and that a significant part of them were not fully populated and their area expanded as older parts were thrown in, such as the Huari[15, p.648].

At present, there is a necessity to develop new approaches combining both the possibility of cross-cultural analysis and consideration of local peculiarities. In our opinion, one of such successful directions is the concept of society complexity, such as growth of its specialization and stratification, complication of internal structure. In addition to the peculiarities of our approach mentioned at the beginning of the article, we propose to add a number of other characteristics, which in our opinion were well illustrated by us on the materials of the Andean region.

Such approach to the assessment of statehood is an institutional approach, which involves consideration not only from the point of view of how separate institutions of statehood were formed (i.e. apparatus of governance), but also how the functions performed by the state were formed and transformed. After all, it is worth to remember that the same social function of state was adopted by it only in the XIX - XX centuries, and before that it was carried out by absolutely other public institutions. The most important point is that from the very beginning of society's existence, the questions of organization and forms of power realization were faced by people, nevertheless, as the structure of society became more complicated, their transformation and further development took place in parallel with it, and the administrators carried out all new arising functions, using all possible methods of influence. And this is exactly where both the specificity of each region, culture, and the points of contact with other primary centers of statehood are displayed.

Thus, our analysis of the Andean region has shown that the organization of power has followed the path of gradual complication, and forms of organization of power in the form of direct administration are a very late phenomenon. Without dividing the functions into cult or administrative, we observe that in the Andes the power was initially exercised in connection with the worship, but as the society became more complex, new functions and, what is important, technologies of ensuring the constancy and strengthening of power both in space and in actual possibilities of control appeared. This is well illustrated by the fact that the area of influence of cult centers in the Andes in the long run was becoming larger and larger, culminating in the Inca Empire, which spread its power for thousands of kilometers. At the same time, there was control over the details of the locals in all parts of the empire, the most vivid illustration of which is the movement of large groups of people from one part of the vast empire to another, which appeared in the Middle East in the New Assyrian Empire. However, in other primary centers of statehood there were similar processes. Both in China and Egypt (a secondary center, but the processes of formation of statehood have passed their own way) had the same emphasis on the cult nature, with help of which the mobilization of labor resources took place and in which the competition between individual centers took place. In Egypt it was cult centers of the dead rulers, and in China a vivid example is the culture of Liangzhu, which was based solely on cult charac-

ter, but its center which had a huge amount of monumental work, highly specialized craft and far gone stratification. At the same time, it does not have any administrative character, and acted as a center of control of sacred knowledge, and the production of highly valued products, especially from jade. The use of bronze is similar in China and in the Andes, which was used instead of weapons of war as a material for prestigious cult objects, because its production required a high degree of specialization and cost, and the possession of technology brought great prestige.

It is worth to note that in our view the presence of riding animals, chariots and carts, as well as metal weapons constituted significant technological difference between cultures of Eurasia and both Americas. They significantly expanded the possibilities of power exercising, and strengthened the possibilities of coercion from the ruling class of society. In our opinion, China is an illustration of this thesis. Having a significant allotment, large urban centers with an area of more than 300 hectares with dense and centralized buildings, the presence of hereditary nobility, in the late Neolithic stage after the penetration of the Okunev culture and Shimao bronze weapons, chariots, after a period of about three hundred years in the period of Erligang the capital of the state Shang Runzhou occupied an area of more than 3000 hectares, and a major regional center in the Yangtze valley, Wangchengang, about 500 hectares [14].

List of sources

1. Aldenderfer, Mark. (2008). High elevation foraging societies. Silverman e Isbell. pp. 131-144.
2. Brian R. Billman The Evolution of Prehistoric Political Organizations in the Moche Valley, Peru, University of California, 1996, 477 p.
3. Brian R. Billman How Moche rulers came to power: Investigating the Emergence of the Moche Political Economy//New perspectives on Moche political organization / Jeffrey Quilter and Luis Jaime Castillo B., editors. — 1st ed, 2010, pp.181-200.
4. Bruhns, Karen Olsen, 2003, Social and cultural development in the Ecuadorian highlands and eastern lowlands during the Formative. In Archaeology of Formative Ecuador, edited by J. Scott Raymond and Richard L. Burger, pp. 125–174.
5. Chu Barrera, Alejandro Jose (2011) Household organization and social inequality at Bandurria, a late preceramic village in Huaura, Peru. doctoral dissertation, University of Pittsburgh, 580 p.
6. Craig, N., et al. 2010. Macusani obsidian from southern Peru: a characterization of its elemental composition with a demonstration of its ancient use. Journal of Archaeological Science 37 (3), pp. 569–576.
7. E. Stothert, Karen. (2011). Coastal Resources and the Early Holocene Las Vegas Adaptation of Ecuador. doi:10.1007/978-1-4419-8219-3_15.
8. E. Stothert, Karen., Expression of ideology in the Formative period of Ecuador, in: J.S. Raymond, R.L. Burger (Eds.), Archaeology of Formative Ecuador, A Symposium at Dumbarton Oaks, Dumbarton Oaks Research Library and Collection, Washington, DC, 2003, pp. 213–257.
9. Elizabeth Arkush, Tiffiny A. Tung, Patterns of war in the Andes from the Archaic to the Late Horizon: Insights from settlement patterns and cranial trauma, Springer Science+Business Media, New York, 2013.
10. Giersz, M. and K. Makowski. 2014. The Wari Phenomenon: In the Tracks of a Pre-Hispanic Empire. In M. Giersz and C. Pardo (eds), Castillo de Huarmey. El Mausoleo Imperial Wari, pp. 285-294. MALI, Lima.
11. Gordon F. McEwan. Pikillacta: The Wari Empire in Cuzco. Iowa City: University of Iowa Press, 2005. 200 p.
12. J.E. Staller. La domesticación de paisajes: Cuáles son los componentes primarios del Formativo? Estudios Atacameños. Arqueología y AntropologíaS urandinas N° 32, pp. 43-57 (2006).
13. Jeffrey Quilter and Michele L. Koons. The fall of the Moche: a critique of claims for South America's first state. Latin American Antiquity 23(2), 2012, pp. 127–143.

14. Li, M. (2018). Social Memory and State Formation in Early China. Cambridge: Cambridge University Press. doi:10.1017/9781316493618.
15. Makowski K. (2008) Andean Urbanism. In: Silverman H., Isbell W.H. (eds) The Handbook of South American Archaeology. Springer, New York, pp.633-657.
16. MiłoszGiersz Castillo de Huarmey: centro político warien la costa norte del Perú, ANDES N° 9 Varsovia/Lima, 2016, pp.217-261.
17. Nash, Donna & Williams, Patrick. (2004). Architecture and Power on the Wari–Tiwanaku Frontier. Archeological Papers of the American Anthropological Association. 14. pp. 151 - 174. 10.1525/ap3a.2004.14.151.
18. Pearsall, Deborah. (2008). Plant Domestication and the Shift to Agriculture in the Andes. 10.1007/978-0-387-74907-5_7.
19. Pearsall, Deborah., Plant food resources of the Ecuadorian Formative: An overview and comparison to the Central Andes, in: J.S. Raymond, R.L. Burger (Eds.), Archaeology of Formative Ecuador, A Symposium at Dumbarton Oaks, Dumbarton Oaks Research Library and Collection, Washington, DC, 2003, pp. 213–257.
20. Peter R. Fuchs, Renate Patzschke, Germán Yenque, Jesús Briceño. Del Arcaico Tardío al Formativo Temprano: las investigaciones en Sechín Bajo, valle de Casma, Boletín de arqueología PUCP / N.° 13 / 2009, pp. 55-86.
21. Pozorski, S., and Pozorski, T. (2008). Early cultural complexity on the coast of Peru. In Silverman, H., and Isbell, W. (eds.), Handbook of South American Archaeology, Springer, New York, pp. 607–631.
22. Ramírez, Susan E. 2005 To Feed and be Fed: The Cosmological Bases of Authority and Identity in the Andes. Stanford University Press, Palo Alto, California.
23. Rowley-Conwy, P. (2001) 'Time, change and the archaeology of hunter-gatherers: how original is the 'Original affluent society'?', in Hunter-gatherers: an interdisciplinary perspective. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 39-72.
24. Sayre, M. P. (2010). Life Across the River: Agricultural, Ritual, and Production Practices at Chavin de Huantar, Peru. UC Berkeley. 307 p.
25. Shady, Ruth. America's first city? The case of Late Archaic Caral. Andean Archaeology III North and South, edited by William H. Isbell and Helaine Silverman, 2008. Springer, New York, pp. 28-66.
26. Shady, Ruth, La civilización Caral:sistema social y manejo del territorio y sus recursos su trascendencia en el proceso cultural andino, Boletín de arqueología PUCP / N.° 10 / 2006, pp. 59-89.
27. Solis, Ruth Shady, Jonathan Haas, and Winifred Creamer. Dating Caral, a Preceramic site in the Supe Valley on the Central Coast of Peru. 2001, Science 292, pp. 723-726.
28. Stanish, Charles. Ancient Titicaca: The Evolution of Complex Society in Southern Peru and Northern Bolivia. University of California Press, 2003. 380p.
29. Tiffiny A. Tung Violence, ritual, and the Wari empire: a social bioarchaeology of imperialism in the ancient Andes, University Press of Florida, 2012, 271 p.
30. Tschauner H. (2006) Chimu craft specialization and political economy: a view from the provinces. In: Isbell W.H., Silverman H. (eds) Andean Archaeology III. Springer, Boston, pp. 171-198.
31. Yuichi Matsumoto. The Prehistoric Ceremonial Center of Campanaqyu Rumi: Interregional Interactions in the South-central Highlands of Peru Department of Anthropology, Yale University, 2010, 635 p.

Кошман В. А. Региональные особенности Андской государственности: от архаического до позднего промежуточного / В. А. Кошман // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Юридические науки. – 2019. – Т. 4 (72). № 4. – С. 33-43.

В статье анализируются процессы формирования государственности в регионе Анд. Показывается, что особенности форм социальной организации в архаическом периоде заложили траекторию последующего формирования институтов государственности. При этом обращается внимание на те ошибки, которые допускаются специалистами при оценке сложности форм развития управления ряда обществ.

Через модель конкурирующих культовых центров автором показывается эволюционный путь становления государства и усиления его власти. При этом делается акцент на анализ материальных признаков развития общества без применения этнографических параллелей. Обращается внимание на то, какие признаки и в каком сочетании могут свидетельствовать о появлении государственных инсти-

тутов. Особый упор делается на формы администрирования, которые показывают локальные и региональные особенности.

Ключевые слова: Анды, Моче, первичный центр государственности, Норте Чико, возникновение государства, Чиму, Чавин, Вальдивия, Уари, Тиуанако.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2019. – Т. 5 (71). № 4. – С. 44-49.

УДК 340.1

К ВОПРОСУ ОБ ОПРЕДЕЛНИИ ПОНЯТИЯ ПРАВОВОЙ ДОКТРИНЫ И СООТНОШЕНИЕ ПРАВОВОЙ ДОКТРИНЫ С БЛИЗКИМИ ПОНЯТИЯМИ

Латынин О. А.

***Крымский филиал Российского государственного университета правосудия,
Арбитражный суд Республики Крым***

Статья посвящена исследованию одного из наиболее дискуссионного правового явления – правовой доктрине. Автор уделяет внимание рассмотрению различных взглядов на понятие правовой доктрины.

Статья направлена на разграничение близких, но не тождественных в смысловом отношении понятий доктрины, теории, правовых ценностей, идеологии и юридической науки в сфере юриспруденции. Сходства и различия понятий выявлены с учетом словарных данных, известных концептуальных представлений и практики применения данных понятий. Автором показана смежность понятий и выявлены их основные отличия друг от друга.

Ключевые слова: правовая доктрина; юридическая наука; теория; идеология; правовые ценности; юриспруденция.

В настоящее время развитие общества не представляется возможным без наличия развитой правовой системы. Поскольку в настоящее время наблюдается тенденция совершенствования законодательства, создания правовых понятий и методологии толкования законов, а также учитывая наличие у правового регулирования свойства доктринальности, возрастает научный интерес к исследованию такого правового явления как правовая доктрина.

В юридической литературе понятие «правовой доктрины» относится к категории дискуссионных, поскольку мнения представителей юридических научных школ относительно данного понятия расходятся.

Впервые слово «доктрина» зафиксировано в русском языке во второй половине XIX века в качестве заимствований, в роли преимущественно социально-политического термина, доктрина – от латинского doctrina – учение, обучение.

В современных словарях понятие «доктрины» рассматривается как «учение, научная или философская теория, руководящий теоретический или политический принцип» [12, с. 403], «учение, научное, философское или политическое утверждение, положение» [15]; «совокупность признанных научных или официальных взглядов на цели, задачи, принципы и основные направления обеспечения чего-либо» [14, с. 293]; «систематизированное учение, т. е. совокупность теоретических положений о какой-либо области явлений действительности, система воззрений какого-либо ученого, мыслителя, целостная концепция, совокупность принципов, исполь-

зуемых в качестве основы, программы действий, система официальных положений по какому-либо вопросу государственной жизни» [11].

В юридической литературе в понятие «доктрины» вкладываются различные значения.

Например, Андрющенко Е. Г. характеризует доктрину как «основополагающий документ, отражающий приоритетность в той или иной сфере» [1, с. 15].

Юридической доктрине в сфере правового регулирования посвящено диссертационное исследование Пузикова Р. В. Автор определяет юридическую доктрину как выработанную юридической наукой систему взглядов на проблемы правового регулирования общественных отношений, выраженных в форме принципов, презумпций, аксиом и иных основоположений, которая служит регулятором общественных отношений, определяет приоритетные направления, закономерности и тенденции развития законодательства, независимо от того, зафиксированы ли ее положения в каком либо документе [13, с. 177-178].

По мнению Васильева А. А. правовая доктрина представляет собой систему идей о праве, признаваемых в качестве обязательных официально государством или юридической практикой в силу их авторитета и общепринятости, выражающих определенные социальные интересы и определяющих содержание и функционирование правовой системы непосредственно воздействующих на волю и сознание субъектов права [5, с. 15].

Мадаев Е. О. определяет доктрину как относительно самостоятельный, сложный (многоаспектный) элемент правовой системы государства, который представляет собой научно-обоснованные, авторитетные воззрения и теории по поводу остальных элементов правовой системы и юридической деятельности, имеющие научно-прикладной характер и непосредственно-регулятивные возможности [8, с. 54, 61-62].

С иной стороны рассматривает правовую доктрину Кулапов В. Л., который под доктриной понимает признанные государством в качестве общеобязательных некоторые принципы и нормы поведения, изложенные в трудах ученых и практиков [6, с. 110].

В качестве собирательного понятия для обозначения всей совокупности юридико-научных трактовок и суждений о позитивном праве, составляющих догмы права рассматривает доктрину права Нерсесянц В. С. [9, с. 382].

Зачастую в юридической литературе правовая доктрина рассматривается в качестве источника (формы) права [3, с. 77; 4, с. 42-43; 10, с. 110].

В Российской Федерации термин «доктрина» закрепляется на законодательном уровне, а именно в указах Президента Российской Федерации, которыми утверждаются системы официальных взглядов, то есть доктрины [см. : 16-19].

Из системного толкования указанных правовых актов представляется возможным определить доктрину как системно организованную совокупность официальных взглядов, определяющих государственную политику Российской Федерации, ее стратегические цели и основные направления обеспечения применительно к той или иной значимой области, будь то морская деятельность Российской Федерации, вооруженная защита Российской Федерации, продовольственная безопасность Российской Федерации или национальная безопасность Российской Федерации в информационной сфере [7, с. 16-17].

Понятие доктрины конкретизируется при раскрытии признаков, которые отличают данное правовое явление от близких ей понятий.

Несмотря на то, что понятия теории и доктрины в сфере юриспруденции близки до степени смешения, они не являются тождественными.

В качестве сходных черт рассматриваемых понятий возможно выделить следующие:

- представляют собой способ организации научного знания, а также имеют известное эвристическое и прогностическое значение;

- возникают на основе системы ценностей данного общества, в том числе его правового идеала в конкретный исторический период;

- являются результатом обобщения определенного эмпирического базиса, относящегося к тем или иным аспектам создания и функционирования общеобязательных, государственно установленных правил поведения в данном обществе [7, с. 19].

Однако, даже при таком значительном сходстве существенно и различие - если теория направлена на истолкование и объяснение того, что есть, то доктрина показывает нам то, как должно быть [7, с. 19].

Несмотря на то, что в сфере юриспруденции термин «доктрина» не обладает единообразием смыслового восприятия и характеризуется многоаспектностью, но в отличие от термина «теория». используется в нормативно-правовых актах. Кроме того, доктрине присущ догматический характер и она всегда категоричнее теории.

В настоящее время наблюдается тенденция развития аксиологического направления юридической науки. В данной связи целесообразным представляется рассмотрение соотношения правовой ценности и доктрины.

Ценности представляют собой особо важные явления и предметы, которые обладают определяющим значением как для личности и государства, так и для общества в целом.

Поскольку такие ценности, как социальные институты, общественные отношения, идеи, цели, волевые феномены лежат в основе правопорядка и права, закрепляются и охраняются правовыми нормами, то их можно именовать правовыми ценностями.

Следует согласиться с мнением Бабенко А. Н., который писал, что правовые ценности имеют нормативную организацию, которая выражается в отражении их содержания в правовых нормах [2, с. 81].

По-нашему мнению, и доктрина, и правовые ценности опосредованно обладают регулятивными свойствами через закрепленные на законодательном уровне нормы, в которых они воплощаются. Связь данных явлений проявляется в том, что представления о правовых ценностях формируются не без участия доктринальных позиций.

Зачастую в юридической литературе доктрина отождествляется с юридической наукой, при этом говорить о полном сходстве данных понятий не представляется верным, однако определенная взаимосвязь прослеживается.

Как отмечалось ранее, доктрина опосредованно обладает регулятивным воздействием на общественные отношения, в то время как научные положения непосредственного регулятивного воздействия не имеют, хотя ввиду их использования в учебных, исследовательских целях оказывают воздействие на сознание людей.

Доктрина представлена совокупностью научных произведений, в то время как научные произведения, теории имеют конкретных авторов.

Справедливо отмечает Мадаев Е. О., что «научная идея становится доктриной лишь в том случае, когда она, будучи основанной на воззрениях одной из традиционных школ правопонимания, заслужит признание в среде профессионалов, выступит основанием прикладных научных разработок, встретит поддержку общества, усвоится правоприменительной практикой и в силу своего авторитета станет мерой общественного поведения» [8, с. 41-42].

Следовательно, понятия юридической науки и доктрины пересекаются, являются схожими, но не тождественными, поскольку наука, в отличие от правовой доктрины, помимо общепринятых и авторитетных представлений включает также взгляды, лишенные практического значения.

Поскольку в доктрине объединяются научное, профессиональное и массовое сознание и она обладает поддержкой государства, становясь идеологией, официально действующей в данной территориально-политической организации общества, то очевидной является взаимосвязь идеологии и доктрины.

Идеология представляет собой определенную систему взглядов, идей и ценностей государства.

Относительно сходства правовой доктрины и идеологии следует согласиться с позицией Мадаева Е. О. о том, что доктрина «является составной частью идеологии (как структурного элемента правосознания), а в некотором отношении играет роль научного фундамента существующей в государстве правовой идеологии» [8, с. 41-42].

При этом правовая доктрина выступает частью той правовой идеологии, которая возникает из научных исследований и признается государством и обществом в качестве обязательной.

Безусловно, отдельные идеологические установки имеют как доктринальное и научное обоснование и происхождение, так и иные источники формирования, при этом доктрина обладает строго научным происхождением с доказательствами своих тезисов.

Благодаря государственной поддержке для идеологии свойственна большая эффективность в регулировании общественных отношений.

Главное различие указанных понятий состоит в том, что то, для доктрины является результатом, к которому она стремится, презюмируется в идеологии.

Таким образом, на основании приведенных точек зрения относительно сущности понятия «доктрины» можно сделать вывод о многоаспектности и многогранности данного правового явления. На сегодняшний день не выработана устойчивая дефиниция «правовой доктрины», что, безусловно, оказывает влияние на правотворческий и правоприменительный процесс.

Список литературы

1. Андрющенко Е. Г. Какая доктрина необходима российскому образованию? / Е. Г. Андрющенко // Право и образование. – 2002. – № 2. – С. 13-16.

2. Бабенко А. Н. Правовые ценности (вопросы теории) / А. Н. Бабенко. – М. : Изд-во Академии управления МВД России, 2001. – 184 с.

3. Бошно С. В. Доктрина как форма и источник права / С. В. Бошно // Журнал российского права. – 2003. – № 12. – С. 70-79.

4. Васильев А. А. Правовая доктрина как источник права / А. А. Васильев // Публично-правовые исследования: электрон. журн. – 2012. – № 2. – С. 38-75; № 3. – С. 27-53.

5. Васильев А. А. Правовая доктрина как источник права (историко-теоретические вопросы): Автореф. дис. … канд. юрид. наук / А. А. Васильев. – М., 2007. – 28 с.

6. Кулапов В. Л. Теоретические основы государства и права: методические рекомендации для повторения курса / В. Л. Кулапов / М-во образования Рос. Федерации, Гос. образоват. учреждение высш. проф. образования «Саратов. гос. акад. Права». – 2-е изд., испр. и доп. - Саратов : Сарат. гос. акад. права, 2003. – 192 с.

7. Латынин О. А. Доктрина и теория: сходство и различия в сфере юриспруденции / О. А. Латынин // История государства и права. – 2019. – № 3. – С. 14-20.

8. Мадаев Е. О. Доктрина в правовой системе Российской Федерации: Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Е. О. Мадаев: Москва, 2012. – 254 с.

9. Нерсесянц В. С. Общая теория права и государства. Учебник для юридических вузов и факультетов / В.С. Нерсесянц. – М. : Издательская группа НОРМА – ИНФРА М, 1999. – 552 с.

10. Нешатаева Т. Н. К вопросу об источниках права – судебном прецеденте и доктрине / Т. Н. Нешатаева // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. – 2000. – № 5. – С. 106-111.

11. Социологический энциклопедический словарь / под. ред. Осипова Г. В. – М. : Инфра, 1998. – 488с.

12. Большая советская энциклопедия: В 30 т. Том 7 / под. ред. Прохорова А. М. – М. : Советская энциклопедия, 1972. – 608 с.

13. Пузиков Р. В. Юридическая доктрина в сфере правового регулирования (Проблемы теории и практики): Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Р. В. Пузиков: Тамбов, 2003. – 213 с.

14. (ред.) Юридическая энциклопедия / под ред. Тихомирова Л. В., Тихомирова М. Ю. – М. : Юринформцентр, 1997. – 525 с.

15. Толковый словарь русского языка: В 4-х тт. / под ред. Ушакова Д. Н. – М., 1935-1940. – 844 с.

16. О доктрине развития российской науки : Указ Президента РФ от 13.06.1996 № 884 // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 3005.

17. Военная доктрина Российской Федерации : утв. Президентом РФ 25.12.2014 № Пр-2976 // Российская газета. – 2014. – № 298.

18. Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации : Указ Президента РФ от 05.12.2016 № 646 // Собрание законодательства РФ. – 2016. – № 50. – Ст. 7074.

Latynin O. A. On the definition of the concept of legal doctrine and the relationship of legal doctrine with related concepts / O. A. Latynin // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2019. – T. 4 (72). № 4. – P. 44-49.

The article is devoted to the study of one of the most controversial legal phenomenon - legal doctrine. The author pays attention to the consideration of various views on the concept of legal doctrine.

The article is aimed at distinguishing between close, but not meaningfully identical, concepts of doctrine, theory, legal values, ideology and legal science in the field of jurisprudence. The similarities and differences of concepts are identified taking into account vocabulary data, well-known conceptual representations and practice of using these concepts. The author shows the adjacency of concepts and reveals their main differences from each other.

Keywords: legal doctrine; legal science; theory; ideology; legal values; jurisprudence.

Spisok literatury

1. Andryushchenko E. G. Kakaya doktrina neobhodima rossijskomu obrazovaniyu? / E. G. Andryushchenko // Pravo i obrazovanie. – 2002. – № 2. – S. 13-16.

2. Babenko A. N. Pravovye cennosti (voprosy teorii) / A. N. Babenko. – M. : Izd-vo Akademii upravleniya MVD Rossii, 2001. – 184 s.

3. Boshno S. V. Doktrina kak forma i istochnik prava / S. V. Boshno // ZHurnal rossijskogo prava. – 2003. – № 12. – S. 70-79.

4. Vasil'ev A. A. Pravovaya doktrina kak istochnik prava / A. A. Vasil'ev // Publichno-pravovye issledovaniya: elektron. zhurn. – 2012. – № 2. – S. 38-75; № 3. – S. 27-53.

5. Vasil'ev A. A. Pravovaya doktrina kak istochnik prava (istoriko-teoreticheskie voprosy): Avtoref. dis. … kand. yurid. nauk / A. A. Vasil'ev. – M., 2007. – 28 s.

6. Kulapov V. L. Teoreticheskie osnovy gosudarstva i prava: metodicheskie rekomendacii dlya povtoreniya kursa / V. L. Kulapov / M-vo obrazovaniya Ros. Federacii, Gos. obrazovat. uchrezhdenie vyssh. prof. obrazovaniya «Saratov. gos. akad. Prava». – 2-e izd., ispr. i dop. - Saratov : Sarat. gos. akad. prava, 2003. – 192 s.

7. Latynin O. A. Doktrina i teoriya: skhodstvo i razlichiya v sfere yurisprudencii / O. A. Latynin // Istoriya gosudarstva i prava. – 2019. – № 3. – S. 14-20.

8. Madaev E. O. Doktrina v pravovoj sisteme Rossijskoj Federacii: Dis. ... kand. yurid. nauk: 12.00.01 / E. O. Madaev: Moskva, 2012. – 254 s.

9. Nersesyanc V. S. Obshchaya teoriya prava i gosudarstva. Uchebnik dlya yuridicheskih vuzov i fakul'tetov / V.S. Nersesyanc. – M. : Izdatel'skaya gruppa NORMA – INFRA M, 1999. – 552 s.

10. Neshataeva T. N. K voprosu ob istochnikah prava – sudebnom precedente i doktrine / T. N. Neshataeva // Vestnik Vysshego Arbitrazhnogo Suda Rossijskoj Federacii. – 2000. – № 5. – S. 106-111.

11. Sociologicheskij enciklopedicheskij slovar' / pod. red. Osipova G. V. – M. : Infra, 1998. – 488s.

12. Bol'shaya sovetskaya enciklopediya: V 30 t. Tom 7 / pod. red. Prohorova A. M. – M. : Sovetskaya enciklopediya, 1972. – 608 s.

13. Puzikov R. V. YUridicheskaya doktrina v sfere pravovogo regulirovaniya (Problemy teorii i praktiki): Dis. ... kand. yurid. nauk: 12.00.01 / R. V. Puzikov: Tambov, 2003. – 213 s.

14. (red.) YUridicheskaya enciklopediya / pod red. Tihomirova L. V., Tihomirova M. YU. – M. : YUrinformcentr, 1997. – 525 c.

15. Tolkovyj slovar' russkogo yazyka: V 4-h tt. / pod red. Ushakova D. N. – M., 1935-1940. – 844 s.

16. O doktrine razvitiya rossijskoj nauki : Ukaz Prezidenta RF ot 13.06.1996 № 884 // Sobranie zakonodatel'stva RF. – 1996. – № 25. – St. 3005.

17. Voennaya doktrina Rossijskoj Federacii : utv. Prezidentom RF 25.12.2014 № Pr-2976 // Rossijskaya gazeta. – 2014. – № 298.

18. Ob utverzhdenii Doktriny informacionnoj bezopasnosti Rossijskoj Federacii : Ukaz Prezidenta RF ot 05.12.2016 № 646 // Sobranie zakonodatel'stva RF. – 2016. – № 50. – St. 7074.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2019. – Т. 5 (71). № 4. – С. 50-58.

УДК 341.242

ПРАВОВОЙ РЕЖИМ ПРИОСТАНОВЛЕНИЯ ЛИБО ПРЕКРАЩЕНИЯ ДЕЙСТВИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ДОГОВОРА ВСЛЕДСТВИЕ СУЩЕСТВЕННОГО НАРУШЕНИЯ КАК СРЕДСТВО ОБЕСПЕЧЕНИЯ РЕАЛИЗАЦИИ ЕГО НОРМ

Пастухова Л. В.

Российский государственный университет правосудия (Крымский филиал)

В современном международном праве продолжается эволюция средств обеспечения реализации его норм. Право международных договоров содержит комплекс норм, целью которых является обеспечение исполнения обязательств. Объем и содержание норм ст. 60 Венской конвенции о праве международных договоров и соответствующих обычно-правовых норм отличаются, обязательная процедура реализации и её согласительный порядок, отсутствие органа международного контроля существенно снижают уровень применения договорной формы правового режима. Государства ищут альтернативу указанному правовому режиму, в практике предпринимаются попытки реализации принципа *exceptio non adimpleti contractus*. Специальные договорные режимы создают практику, влияющую на формирование обычно-правовых норм института прекращения (приостановления) действия договоров вследствие их существенного нарушения одной из сторон.

Ключевые слова: международный договор; Венская конвенция о праве международных договоров 1969 г.; правовые средства; нарушение международного договора; основание прекращения международного договора; основные принципы права, признанные цивилизованными нациями.

Положение Преамбулы Устава ООН 1945 г. относительно необходимости посредством совместных усилий создать условия для «уважения к обязательствам, вытекающим из договоров и других источников международного права» [1] попрежнему остается одной из основных целей международного сотрудничества, поскольку нарушение международно-правовых обязательств – весьма частое явление современного миропорядка. Причин этому много, но немаловажную роль играет здесь особый механизм установления и применения охранительных средств и средств защиты в международном праве[1], которые обеспечивают реализацию его норм. В зависимости от организационной формы эти правовые средства могут представлять собой международно-правовые гарантии, контроль и т.д. В самом праве международных договоров непосредственно также есть группа норм, направленная на эти цели: исчерпывающий перечень оснований недействительности договоров, ограничения произвольного одностороннего прекращения или приостановления действия договора, а также правовой режим прекращения или приостановления действия международного договора вследствие его существенного нарушения [2].

[1] Зачастую этот фактор и несоблюдение государствами их международных обязательств приводятся некоторыми учеными в качестве аргументов для обоснования утверждения, что международного права не существует.

Промежуточной целью последнего является укрепление стабильности договорных отношений [3, с. 23], которая достигается как посредством ограничений произвольного использования, так и наличием возможных негативных последствий для нарушителя (приостановление либо же прекращение статуса выгодоприобретателя). Отличительной особенностью отмеченного правового средства является то, что инициировать его применение государство может самостоятельно, также как, к примеру, и контрмеры.

По мнению Зимма Б. [4, п. 10], эти правовые явления – не что иное, как международные санкционные механизмы, в основе которых лежит принцип взаимности прав и обязанностей государств, считающийся либо признанным исключением из принципа *pacta sunt servanda*, либо его неотъемлемой частью [5, с. 1352]. Судья МС ООН Де Кастро [6, с. 129] охарактеризовал ст. 60 *Венской конвенции о праве международных договоров* 1969 г. (далее – *ВК-69*) как дополнение и санкцию нормы *pacta sunt servanda*. Однако санкция нормы *pacta sunt servanda* должна содержать меры ответственности, коими нельзя назвать приостановление либо прекращение международного договора. Скорее, следует согласиться с тем, что нормы, регулирующие указанный правовой режим – это элемент принципа (юридически обоснованный выход или приостановление – неотъемлемая составляющая добросовестного исполнения, что подтверждается размещением этих норм именно в праве международных договоров). Лукашук И. И. назвал режим ст. 60 особой контрмерой [7, с. 332]. Думается, что в данном случае термин «контрмера» применяется в широком контексте (как вообще любое действие в ответ), а не в смысле Проекта статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния 2001 г. В свою очередь, КМП ООН [8, с. 304] отметила, что предусмотренное в ст. 60 право – не что иное, как репрессалия по отношению к правам, которыми пользуется на основании договора нарушившая его сторона. Эти утверждения указывают на двойственную роль норм ст. 60 ВК-69 – как очерчивающую пределы добросовестного исполнения и как устанавливающую негативные последствия для нарушителя.

Несмотря на то, что отношения по применению контрмер и прекращения или приостановления действия договоров вследствие нарушения регулируются нормами различных отраслей (институтов), имеют различные цели, однако на практике могут быть схожими (в ответ на нарушение, приостановить, к примеру, исполнение соответствующего международного обязательства), их отличие будет состоять в гипотезе международно-правовой нормы, процедуре реализации и юридических последствиях. Правоотношения в рамках ст. 60 ВК-69, в первую очередь, касаются определения положения международного договора как источника обязанностей и прав (приостановление действия либо прекращение).

В литературе отмечается [9, с. 594], что предусмотренные ст. 60 ВК-69 меры в случае нарушения международных договоров в современных условиях не используются, уступая место специальным договорным режимам, имеющим в этом случае преимущество. Государства прибегают к практике закрепления в тексте договоров норм о последствиях нарушения обязательств[2] либо же действуют на свое усмотрение[3].

[2] В Соглашении о партнерстве и сотрудничестве, учреждающим партнерство между Российской Федерацией, с одной стороны, и Европейскими сообществами и их государствами-членами, с другой

Затруднительность практического применения ст. 60 ВК-69 очевидна – её нормы сконструированы для сохранности договорных отношений: возникновение права у пострадавшей стороны обусловлено существенностью нарушения, необходимостью согласия всех участников многостороннего договора, если речь идёт о прекращении, ограничением возможности применить исключительно приостановление во взаимоотношениях *inter se* в рамках многостороннего договора, обязательностью процедуры реализации (разд. 4 ВК-69). При этом, если сторона – предполагаемый нарушитель не будет признавать факт нарушения или его «существенность», должен начаться длительный процесс мирного урегулирования в соответствии со ст. 65–66 с неопределённым исходом (ведь выводы Согласительной комиссии носят рекомендательный характер, а к судебной процедуре и вовсе может быть сделана оговорка). Поэтому государства выбирают свободу действий в поиске приемлемой процедуры реализации права на приостановление либо прекращение договора [9, с. 594].

Известно, что при присоединении к ВК-69 СССР сделал оговорку, что «не считает себя связанным положениями статьи 66 Венской конвенции о праве международных договоров», а также заявление о том, что «оставляет за собой право принимать любые меры для защиты своих интересов в случае несоблюдения другими государствами положений Венской конвенции о праве международных договоров» [14]. Соединенное Королевство, возражая против оговорки, заявило о том, что его договорные отношения с СССР не будут распространяться на часть V ВК-69, ссылаясь на тесную взаимосвязь этих положений со ст. 66 и выражая превалирующие в международно-правовой доктрине мнение о том, что отсутствие судебного контроля влечёт за собой возможности для злоупотребления правом. При этом была дана собственная интерпретация заявления СССР, в частности, что в таком случае «государство не будет ограничено в своем ответе на меры, предусмотренные ст. 60: и, в соответствии с обычным международным правом, было бы вправе принимать другие меры, при условии, что они разумны и пропорциональны нарушению» [15,

---

стороны 1994 г. предусмотрено: «Если одна из Сторон сочтет, что другая Сторона не выполнила своих обязательств по Соглашению, она может предпринять надлежащие меры …, которые в наименьшей степени нарушают действие Соглашения» (ст. 107). При этом «надлежащие меры», упомянутые в п. 2 ст. 107, означают «меры, принятые в соответствии с международным правом» [10].

[3] В контексте отношений РФ и США по вопросам исполнения Договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности 1987 г. (ДРСМД) президент США Д. Трамп 20 октября 2018 г. назвал российские нарушения основной причиной выхода США из ДРСМД [11]. 1 февраля 2019 г. Президент США официально заявил о приостановлении исполнения обязательств и начале процедуры выхода из договора [12]. 4 марта 2019 г. был подписан Указ Президента РФ о приостановлении выполнения обязательств по ДРСМД.

Обе стороны сослались на нарушения обязательств со стороны контрагента (при этом, в тексте ДРСМД ничего не сказано о возможности приостановления исполнения обязательств, предусмотрена лишь денонсация по причине «исключительных обстоятельств, поставивших по угрозу ее высшие интересы»). Официальное заявление Госсекретаря США содержит обвинения РФ в «существенном нарушении своих договорных обязательств» [13].

Фактически, обе стороны обосновывают приостановление обязательств по ДРСМД его нарушением. На данный момент в ДРСМД принимают участие также Беларусь, Казахстан и Украина. РФ и США реализовали нормы ВК-69 об уведомлении и, если приостановление выполнения обязательств по договору осуществилось с момента издания соответствующих внутригосударственных актов, становится понятным нежелание указанных сторон соблюсти процедуру.

п. 2]. Российская Федерация как правопреемник СССР в отношении ВК-69 не сделала никаких уведомлений о снятии оговорки или заявления, что говорит о продолжении действия рассматриваемых юридических последствий. Исходя из позиции государств[4], исключивших из договорных отношений с определёнными сторонами ВК-69 положения части V, между первыми и последними будут действовать международно-правовые обычные нормы в сфере недействительности, прекращения и приостановления действия договоров. Вопрос о содержании обычно-правовых норм может возникнуть в случае неучастия одной из сторон в ВК-69 или если дело касается договора, принятого до вступления в силу указанной конвенции.

По мнению МС ООН, нормы ВК-69 касательно прекращения действия договоров вследствие нарушения могут во многом считаться кодификацией существующего международного права по этому вопросу. На Конференции ООН по праву международных договоров 1968-69 гг. делегациями отмечалось, что сама идея не только носит характер обычая, но и касалась, по мнению Лукашука И. И., в основном, главного звена статьи [16, с. 195]. Некоторые зарубежные исследователи к этим положениям относят: ограничения применения статьи только в случаях существенного нарушения и его определения, положение о приоритете норм нарушаемого договора, неприменение принципа взаимности относительно норм о правах человека в договорах гуманитарного характера, а также правила процедуры [17, с. 1123]. Утверждение о том, что нормы о правилах процедуры являются кодификацией существующего международного права, находит отклик не у всех, поскольку не существует ни одного случая, когда применялся громоздкий режим статей 65-68 [18, с. 488]. Тем не менее, принцип мирного разрешения споров должен соблюдаться. Виллигер М. полагает, что лишь ч. 1 воплощает обычную норму и «Венская конференция 1968/1969 г. … могла стимулировать формирование новых обычных норм в п. 2 и 3, однако практика государств должна накапливаться и становиться более последовательной до того, как эти правила будут считаться устоявшимися» [19, с. 158]. Фактически, споров не вызывает п. 1 (норма о существенности нарушения) – отображение существования основных принципов международного права и основного принципа права.

Майерс Д. ещё в нач. XX-го века среди способов прекращения международных договоров указывал на «нарушение, под которым понимается умышленное пренебрежение договорными обязательствами», конкретизируя при этом: «Когда договор нарушается одной стороной по одной или нескольким статьям, другая может считать его прекращенным и требовать возмещения или еще может требовать его соблюдения» [20, с. 545]. Известно, что в основе возникновения такой практики лежит пришедший из национальных правовых систем принцип *exceptio non adimpleti contractus* или *inadimplenti non est adimplendum* («тот, который не исполнил своей части соглашения, не может требовать такого от другой стороны», таким образом, «нет обязательства исполнять у другой стороны, когда есть нарушение» [21, с. 139]). Последний, по мнению исследователей [22], не разработан теоретически и не сформулирован чётко ни на внутригосударственном уровне, ни на международно-правовом, где существует его «широкое» и «узкое» понимание [23, с. 181–182]. Согласно последнему, государство не может жаловаться на неисполнение обяза-

[4] Возражения в отношении оговорок к ст. 66 сделали и Египет, ФРГ, Нидерланды и США.

тельства со стороны контрагента, если оно вызвано его собственным предшествующим неисполнением. Более широкое понимание исходит из возможности государства приостанавливать исполнение обязательства в случае их неисполнения другим.

Можно ли говорить о самостоятельной роли *exceptio non adimpleti contractus* в современном международном праве? По убеждению Гейгериха Т., ст. 60 ВК-69 «кодифицировала и бережно очертила *exceptio*» как являющийся одновременно и общим принципом права и частью международного обычного права [17, с. 1118]. Это утверждение, очевидно, базируется на точке зрения Анцилотти Д. [8, с. 304], изложенной в отношении «узкого» понимания принципа.

Некоторые учёные ставят под сомнение общеправовой характер указанного принципа, отмечая, что *exceptio* воплощает в себе фундаментальные принципы справедливости, равенства и добросовестности, заложенные в каждой отрасли права [24, с. 126]. Зимма Б. же полагает, что принцип «ни в какой вариации не пережил кодификацию права международных договоров и должен покоиться с миром» [4, п. 4], не видя необходимости применения *exceptio* после принятия ВК-69. Однако тот факт, что общий принцип права стал частью общего международного права или кодифицирован международным договором, не влияет на его самостоятельный характер как источника международного права (но только при условии, что сам принцип признан таковым в смысле ст. 38 Статута Международного Суда ООН).

Судебная практика также не вносит ясность в этот вопрос. МС ООН в Деле *Application of the Interim Accord of 13 September 1995* отметил, что ответчик оказался неспособным установить наличие условий, соответствующих необходимым для применения exceptio и поэтому не считает нужным рассматривать вопрос о том, является ли доктрина частью современного международного права [25, п. 161]. Судья Беноуна М. считает, что в общем международном праве *exceptio* можно рассматривать при строгом построении взаимности в осуществлении определённых международных обязательств, когда реализация одного немыслима без другого [25, с. 709]. Даже если этот принцип ограничивается исключительно взаимосвязанными договорными обязательствами (ведь на принципе взаимности построен любой договор), то, как предполагают Кроуфорд и Олессон, существует потенциальное проблемное совпадение с нормами о контрмерах [22]. Еще один момент, который может вызывать потенциальные разногласия сторон договора – какие обязательства считать взаимными, исходя из того, что все обязательства в договоре, так или иначе, взаимосвязаны.

Совершенно справедливым можно считать утверждение о том, что общие принципы права из национальных правовых систем должны иметь специфические качества для определения содержания и направления международно-правового регулирования, чтобы стать таковыми и для международного права. В случае с принципом *exceptio* следует понимать, что в международном праве его применение будет касаться источника права как формы закрепления международно-правовых норм, а не частноправовой сделки. И, в отличие от контрмер и ст. 60 ВК-69 (как действий в ответ на нарушения), он не предусматривает особой процедуры реализации, существенного характера нарушения, а также запрета на применение в отношении некоторых видов обязательств.

В международном праве по сей день не завершена дискуссия относительно понятия и способов определения признанных цивилизованными нациями общих

принципов права [26, п. 11]. Вместе с тем, международные суды, арбитражи и трибуналы их применяют, но, в отсутствии обобщённого понимания, это часто зависит от того, с какой правовой системой «знакомы» судьи [27, с. 734]. При определении применимого права ссылки на общие принципы права, несомненно, предоставляют международным судам и трибуналам свободу действий [28]. Но даже при таких условиях принцип *exeptio* непосредственно не входил в число источников, на основании которых органы международного правосудия принимали бы решения. В связи с этим, на данном этапе можно говорить лишь о влиянии этого принципа на формирование закреплённых в ст. 60 ВК-69 норм, но никак не о его самостоятельном характере как источника международного права.

Подводя итоги, необходимо подчеркнуть, что реализация норм такого «правоустанавливающего» договора, как ВК-69, в условиях отсутствия органа международного контроля, обладающего полномочиями, позволяющими обобщать практику и интерпретировать соответствующие нормы, исходя из эволюции международных отношений, всегда будет вызывать трудности. В отсутствие же специального регулирования, государства, исходя из их собственного понимания и интересов, будут действовать вразрез с обязательствами в рамках ВК-69 (т. е. не соблюдать процедуру приостановления / прекращения и т. п.) и обосновывать правомерность своего поведения на основании обычно-правовых норм (содержание которых вызывает споры) либо же общих принципов права. Развитие процесса установления специальных договорных режимов свидетельствует о том, что соответствующие обычно-правовые нормы формируются уже с обязательным учётом эволюционирующей практики государств. Следует также предположить, что международные правообеспечительные средства, которые предопределяют самостоятельное применение государствами упомянутых норм, будут оставаться весьма малорезультативными, в сравнении со средствами, которые осуществляются международными органами или организациями.

Список литературы

1. Устав Организации Объединённых Наций от 26 июня 1945 г. // Действующее международное право. В 3-х т. Сост. Ю. М. Колосов, Э. С. Кривчикова. Том 1. М. : Изд-во Московского независимого инст-та международного права, 1999. С. 7-33.

2. Венская конвенция о праве международных договоров от 23 мая 1969 г. // Международное публичное право. Сборник документов: в 2 ч. Ч. I / сост. и авт. вступ. статьи К. А. Бекяшев, Д. К. Бекяшев. М. : ТК Велби, Изд-во Проспект, 2006. С. 320-339.

3. Ильинская О. И. Прекращение действия международных договоров: автореферат дис. ... кандидата юридических наук: 12.00.10 / О И. Ильинская. – М., 2008. – 30 с.

4. Separate opinion of judge Simma / Application of the Interim Accord of 13 September 1995 (the former Yugoslav Republic of Macedonia v. Greece), Judgment // I.C.J. Reports. 2011 (II). – P. 695–708.

5. The Vienna Conventions on the Law of Treaties: A Commentary/ ed. by O. Corten, P. Klein. Vol. 2. Oxford: Oxford University Press, 2011. – 2176 p.

6. Separate opinion of judge de Castro / Appeal Relating to the Jurisdiction of the ICAO Council, Judgment // I.C.J. Reports. 1972. – P. 116–139.

7. Лукашук И. И. Право международной ответственности / И. И. Лукащук. – М. : Волтерс Клувер, 2004. – 432 с.

8. Доклад Комиссии международного права о работе второй части ее семнадцатой сессии (Монако, 1966 г.). UN Doc. A/6309/Rev. 1. – 390 с.

9. Simma B., Tams C. J. Reacting against Treaty Breaches / B Simma., C. J .Tams // The Oxford guide to treaties / ed. by D. B. Hollis. Oxford: Oxford University Press, 2012. – P. 576–605.

10. Соглашении о партнерстве и сотрудничестве, учреждающим партнерство между Российской Федерацией, с одной стороны, и Европейскими сообществами и их государствами-членами, с другой стороны 1994 г. URL: http://www. consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121271/ (дата обращения: 01.04.2019). – Текст электронный.

11. Hurd H., Chachko E. U.S. Withdrawal from the INF Treaty: The Facts and the Law / H. Hurd, E. Chachko// Lawfare. Thursday, October 25, 2018. URL: https://www.lawfareblog.com/us-withdrawal-inf-treaty-facts-and-law/ (дата обращения: 10.03.2019). – Текст электронный.

12. Statement from the President Regarding the Intermediate-Range Nuclear Forces (INF) Treaty. URL: https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/statement-president-regarding-intermediate-range-nuclear-forces-inf-treaty/?utm_source=twitter& utm_medium=social&utm_campaign=wh (дата обращения: 10.03.2019). – Текст электронный.

13. Remarks by Michael R. Pompeo, Secretary of State. February 1, 2019. URL: https://www.state.gov/secretary/remarks/2019/02/288712.htm (дата обращения: 02.02.2019). – Текст электронный.

14. Chapter XXIII. Law of Treaties: 1. Vienna convention on the law of treaties (Vienna, 23 May 1969). URL: https://treaties.un.org/doc/Publication/ MTDSG/Volume %20II/Chapter%20XXIII/XXIII-1.en.pdf (дата обращения: 25.05.2019). – Текст электронный.

15. Objection by the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland to a reservation and a declaration made by the Union of Soviet Socialist Republics upon accession. UN Doc. C.N.137.1987.Treaties-4 (Depositary Notification).

16. Лукашук И. И. Современное право международных договоров: Действие международных договоров / И. И. Лукащук. В 2-х томах. Т. 2. – М. : Волтерс Клувер, 2006. – 496 с.

17. Vienna Convention on the Law of Treaties: a commentary / O. Dörr, K. Schmalenbach (eds.). 2nd ed. Berlin, Germany; Heidelberg: Springer, 2018. – 1593 p.

18. Research Handbook on the Law of Treaties / ed. by Tams C. J., Tzanakopoulos A., Zimmermann A. Cheltenham, Northampton: Edward Elgar Publishing, 2014. – 661 p.

19. Villiger M. E. The Vienna Convention on the law of treaties 1969 – 40 years after / M. E. Villiger// Recueil des cours. 2010. Vol. 344. – P. 9-192.

20. Myers D. P. Treaty Violation and Defective Drafting // American Journal of International Law. 1917. Vol. 11, No. 3. P. 538–565.

21. Discourse and Practice in International Commercial Arbitration: Issues, Challenges and Prospects / ed. by V. K. Bhatia, C. N. Candlin, M. Gotti. London: Routledge, 2012. 344 p.

22. Crawford J., Olleson S. The Exception of Non-performance: Links between the Law of Treaties and the Law of State Responsibility // Australian Year Book of International Law. 2000. Vol. 21. P. 55–74.

23. Klabbers J. International Law. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press, 2017. 398 p.

24. Fontanelli F. The Invocation of the Exception of Non-Performance: A Case-Study on the Role and Application of General Principles of International Law of Contractual Origin // Cambridge Journal of International and Comparative Law. 2012. Vol. 1, No. 1. P. 119–136.

25. Separate opinion of judge Bennouna / Application of the Interim Accord of 13 September 1995 (the former Yugoslav Republic of Macedonia v. Greece), Judgment // I.C.J. Reports. 2011 (II). P. 709–711.

26. UN Doc. A/72/10. Доклад Комиссии международного права. Шестьдесят девятая сессия (1 мая – 2 июня и 3 июля – 4 августа 2017 года). Нью-Йорк: Организация Объединенных Наций, 2017. 326 с.

27. Schlesinger R. B. Research on the General Principles of Law Recognized by Civilized Nations // American Journal of International Law. 1957. Vol. 51, No. 4. P. 734–753.

28. Gaja G. General Principles of Law / Max Planck Encyclopedia of Public International Law. URL: https://opil.ouplaw.com/abstract/10.1093/law:epil/978019923 1690/law-9780199231690-e1410?rskey=wInxY4&result=1&prd=EPIL (дата обращения: 08.04.2019). – Текст электронный.

L. V. Pastukhova. The legal regime of suspension or termination of the operation of an international treaty as a consequence of its material breach as a mean of ensuring the implementation of its norm / L. V. Pastukhova // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2019. – T. 4 (72). № 4. – P. 50-58.

In modern international law the evolution of the means of enforcing its norms continues. The law of international treaties contains a set of rules whose purpose is to ensure the fulfillment of obligations. The scope and content of the norms of Article 60 of the Vienna Convention on the Law of Treaties and the corresponding customary rules differ, the mandatory implementation procedure and its conciliation procedure, the absence of

an international control body significantly reduces the level of application of the contractual form of the legal regime. The state is looking for an alternative to the specified legal regime, in practice attempts are being made to implement the principle of *exceptio non adimpleti contractus*. Special treaty regimes create practices that influence the formation of the customary institute of termination (suspension) of the operation of international treaties as a consequence of their material breach by one of the parties.

Keywords: international treaty, Vienna Convention on the Law of Treaties of 1969, legal means, violation of an international treaty, a ground for the termination (suspension) of the operation of the international treaty, the general principles of law recognized by civilized nations.

Spisok literatury:

1. Ustav Organizacii Ob"edinyonnyh Nacij ot 26 iyunya 1945 g. // Dejstvuyushchee mezhdunarodnoe pravo. V 3-h t. Sost. YU. M. Kolosov, E. S. Krivchikova. Tom 1. M. : Izd-vo Moskovskogo nezavisimogo inst-ta mezhdunarodnogo prava, 1999. S. 7-33.
2. Venskaya konvenciya o prave mezhdunarodnyh dogovorov ot 23 maya 1969 g. // Mezhdunarodnoe publichnoe pravo. Sbornik dokumentov: v 2 ch. CH. I / sost. i avt. vstup. stat'i K. A. Bekyashev, D. K. Bekyashev. M. : TK Velbi, Izd-vo Prospekt, 2006. S. 320-339.
3. Il'inskaya O. I. Prekrashchenie dejstviya mezhdunarodnyh dogovorov: avtoreferat dis. ... kandidata yuridicheskih nauk: 12.00.10 / O I. Il'inskaya. – M., 2008. – 30 s.
4. Separate opinion of judge Simma / Application of the Interim Accord of 13 September 1995 (the former Yugoslav Republic of Macedonia v. Greece), Judgment // I.C.J. Reports. 2011 (II). – R. 695–708.
5. The Vienna Conventions on the Law of Treaties: A Commentary/ ed. by O. Corten, P. Klein. Vol. 2. Oxford: Oxford University Press, 2011. – 2176 p.
6. Separate opinion of judge de Castro / Appeal Relating to the Jurisdiction of the ICAO Council, Judgment // I.C.J. Reports. 1972. – P. 116–139.
7. Lukashuk I. I. Pravo mezhdunarodnoj otvetstvennosti / I. I. Lukashchuk. – M. : Volters Kluver, 2004. – 432 c.
8. Doklad Komissii mezhdunarodnogo prava o rabote vtoroj chasti ee semnadcatoj sessii (Monako, 1966 g.). UN Doc. A/6309/Rev. 1. – 390 c.
9. Simma B., Tams C. J. Reacting against Treaty Breaches / B Simma., C. J .Tams // The Oxford guide to treaties / ed. by D. B. Hollis. Oxford: Oxford University Press, 2012. – R. 576–605.
10. Soglashenii o partnerstve i sotrudnichestve, uchrezhdayushchim partnerstvo mezhdu Rossijskoj Federaciej, s odnoj storony, i Evropejskimi soobshchestvami i ih gosudarstvami-chlenami, s drugoj storony 1994 g. URL: http://www. consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121271/ (data obrashcheniya: 01.04.2019).
11. Hurd H., Chachko E. U.S. Withdrawal from the INF Treaty: The Facts and the Law / N. Hurd, E. Chachko// Lawfare. Thursday, October 25, 2018. URL: https://www.lawfareblog.com/us-withdrawal-inf-treaty-facts-and-law/ (data obrashcheniya: 10.03.2019).
12. Statement from the President Regarding the Intermediate-Range Nuclear Forces (INF) Treaty. URL: https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/statement-president-regarding-intermediate-range-nuclear-forces-inf-treaty/?utm_source=twitter& utm_medium=social&utm_campaign=wh (data obrashcheniya: 10.03.2019).
13. Remarks by Michael R. Pompeo, Secretary of State. February 1, 2019. URL: https://www.state.gov/secretary/remarks/2019/02/288712.htm (data obrashcheniya: 02.02.2019).
14. Chapter XXIII. Law of Treaties: 1. Vienna convention on the law of treaties (Vienna, 23 May 1969). URL: https://treaties.un.org/doc/Publication/ MTDSG/Volume %20II/Chapter%20XXIII/XXIII-1.en.pdf (data obrashcheniya: 25.05.2019).
15. Objection by the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland to a reservation and a declaration made by the Union of Soviet Socialist Republics upon accession. UN Doc. C.N.137.1987.Treaties-4 (Depositary Notification).
16. Lukashuk I. I. Sovremennoe pravo mezhdunarodnyh dogovorov: Dejstvie mezhdunarodnyh dogovorov / I. I. Lukashchuk. V 2-h tomah. T. 2. – M. : Volters Kluver, 2006. – 496 c.
17. Vienna Convention on the Law of Treaties: a commentary / O. Dörr, K. Schmalenbach (eds.). 2nd ed. Berlin, Germany; Heidelberg: Springer, 2018. – 1593 p.
18. Research Handbook on the Law of Treaties / ed. by Tams C. J., Tzanakopoulos A., Zimmermann A. Cheltenham, Northampton: Edward Elgar Publishing, 2014. – 661 p.
19. Villiger M. E. The Vienna Convention on the law of treaties 1969 – 40 years after / M. E. Villiger// Recueil des cours. 2010. Vol. 344. – P. 9-192.

20. Myers D. P. Treaty Violation and Defective Drafting // American Journal of International Law. 1917. Vol. 11, No. 3. P. 538–565.

21. Discourse and Practice in International Commercial Arbitration: Issues, Challenges and Prospects / ed. by V. K. Bhatia, C. N. Candlin, M. Gotti. London: Routledge, 2012. 344 p.

22. Crawford J., Olleson S. The Exception of Non-performance: Links between the Law of Treaties and the Law of State Responsibility // Australian Year Book of International Law. 2000. Vol. 21. P. 55–74.

23. Klabbers J. International Law. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press, 2017. 398 p.

24. Fontanelli F. The Invocation of the Exception of Non-Performance: A Case-Study on the Role and Application of General Principles of International Law of Contractual Origin // Cambridge Journal of International and Comparative Law. 2012. Vol. 1, No. 1. P. 119–136.

25. Separate opinion of judge Bennouna / Application of the Interim Accord of 13 September 1995 (the former Yugoslav Republic of Macedonia v. Greece), Judgment // I.C.J. Reports. 2011 (II). R. 709–711.

26. UN Doc. A/72/10. Doklad Komissii mezhdunarodnogo prava. SHest'desyat devyataya sessiya (1 maya – 2 iyunya i 3 iyulya – 4 avgusta 2017 goda). N'yu-Jork: Organizaciya Ob"edinennyh Nacij, 2017. 326 s.

27. Schlesinger R. B. Research on the General Principles of Law Recognized by Civilized Nations // American Journal of International Law. 1957. Vol. 51, No. 4. P. 734–753.

28. Gaja G. General Principles of Law / Max Planck Encyclopedia of Public International Law. URL: https://opil.ouplaw.com/abstract/10.1093/law:epil/978019923 1690/law-9780199231690-e1410?rskey=wInxY4&result=1&prd=EPIL (data obrashcheniya: 08.04.2019).

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2019. – Т. 5 (71). № 4. – С. 59-71.

УДК 342.519

ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ МИГРАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

Трифонова (Казарян) К. В.

Крымский филиал Российского государственного университета правосудия

В статье рассматриваются особенности государственно-правового регулирования миграционной деятельности в советский период. Рассматривается различные этапы в развитии и формировании советского законодательства в миграционной сфере. В советском этапе развития миграционной деятельности выделяются периоды – 20-е начало 30-х годов, 1930-50-е годы, 1950-60-е - начало 90-х годов. Исследуются особенности правового регулирования миграционной деятельности в советский период, которые были основаны на принципах преемственности, государственного регулирования при доминировании централизованного руководства.

Автором исследуются вопросы формирования паспортной системы как центрального элемента при формировании миграционной политики. В связи с этим рассматривается институционально-правовое обеспечение миграционной деятельности в различные периоды советского государства, которая представлена системой органов, регулирующих миграционные процессы. Статья содержит анализ нормативного регулирования вопросов передвижения, как в период Великой отечественной войны, так и послевоенные годы. Автор проанализировал институт депортации, которая в советский период выступала крайней формой организованной миграции, базировавшейся на карательных средствах государства, и носившей репрессивный характер.

Автор приходит к выводу, что многие мероприятия, такие как депортация, невыдача паспортов отдельным категориям населения, отказ в прописке в определенных местностях государства не регулировались законодательно, а были урегулированы на уровне ведомственных подзаконных актов органов исполнительной власти, которые нигде не публиковались официально.

В дальнейшем миграционная политика смягчалась и в конце существования советского государства часто происходила легализация сложившегося положения постфактум.

Ключевые слова: миграция, миграционные процессы, миграционная деятельность, беженцы, гражданство, паспортная система, паспортизация, прописка, переселение, депортация, репрессированные народы, реабилитация, свобода передвижения, въезд и выезд, НКВД, организованный набор рабочей силы, миграционное законодательство, государственные структуры.

Разные исследователи выделяют различную периодизацию исторического развития миграционных процессов, однако, самая на наш взгляд оптимальная, периодизация, предложенная Ключевским В. О. [1].

Первый период – VIII–XII вв. – время объединения русских земель вокруг Киевского княжества и возникновение раннерусской государственности.

Второй период – XIII–XV вв. – характеризуется формированием самостоятельных удельных княжеств. В это время значительно усилился военный аспект, предопределивший переселение значительных масс людей – монгольское вторжение, шведско-немецкая угроза.

Третий период – XV – нач. XVII вв. – время целенаправленного объединения русских земель под властью Московского княжества с ярко выраженной имперской направленностью.

Четвертый период – XVII – первая половина XIX вв. – время формирования российской имперской государственности.

Пятый период – вторая половина XIX – нач. XX вв. – характерной особенностью пореформенной эпохи в колонизации Сибири было господство экономического и демографического факторов в качестве причины переселения.

В дальнейшем можно выделить еще 2 исторических периода характеризующиеся существенными особенностями в правовом регулировании общественных отношений.

Шестой период – 1917–1991 гг. – отражает миграционные передвижения с момента создания советского государства до его распада.

Седьмой период – с 1991 года по настоящее время – отражает миграционные передвижения с момента распада СССР по настоящее время.

На наш взгляд целесообразно изучение вопросов миграционного права начинать с XVII в., и периодизация, по нашему мнению, может строиться следующим образом:

1) начало XVII в. – 1917 г. – становление миграционного законодательства в условиях расширения Российской империи;

2) 1917-1991 гг. – советский период развития миграционного законодательства;

3) 1991 – настоящее время – становление и развитие российского миграционного законодательства [2].

Правовое регулирование миграционной деятельности в советский период было основано на принципах преемственности, государственного регулирования при доминировании централизованного руководства.

В советском этапе развития миграционной деятельности исследователи, как правило, выделяют периоды – 20-е начало 30-х годов, 1930-50-е годы, 1950-60-е я начало 90-х годов.

Перепелкин Л. С. выделяет следующие общие тенденции миграции советского периода – переселение из села в город, из европейской части страны в азиатскую, из центра на периферию, из русских регионов в инонациональные [3, с.35].

Одним из первых документов советского периода в сфере миграционного права издал Приказ от 21 апреля 1918 г. Революционного военного Совета Республики по строгому соблюдению ст. 2 Брест-Литовского мирного договора в отношении иностранных военнопленных, содержавшихся на территории РСФСР.

По данному договору Советское Правительство взяло на себя обязательство воздерживаться от военной агитации или пропаганды против правительств или государственных учреждений Германии, Австрии, Турции и Болгарии среди иностранных военнопленных на своей территории, а также своевременно, без задержек отправлять пленных на родину.

Одним из декретов Советской власти стал Декрет об учреждении Центральной коллегии по делам пленных и беженцев от 28 апреля 1918 г. [4, с.165], которым на данный орган возлагалось согласование, объединение и направление деятельности всех учреждений и организаций, ведавших делами о военнопленных, гражданских пленных, заложниках и беженцах. Полномочия Центральной коллегии о пленных и беженцах были весьма обширны, начиная от внутренних вопросов в части получения гражданства различными категориями, затрагивая и внешние вопросы – проблема соотечественников, которые оказались за рубежом, а также иностранными

гражданами, оказавшимися в ходе Первой мировой войны на территории СССР [5, с.34].

Центральная коллегия по делам о пленных и беженцах функционировала как независимое учреждение, входящее в состав Комиссариата по военным делам и обладающая полномочиями доклада Совету Народных Комиссаров. Именно на данный орган возлагалась основная миграционная политика Советского государства.

27 июля 1918 г. был издан Декрет «Об уравнении беженцев, остающихся в российском гражданстве, в отношении подведомственности с остальными гражданами Российской Республики». В соответствии с данным документом беженцы, которые оказались за пределами государства признавались гражданами РСФСР.

Декретом ВЦИК от 3 ноября 1921 г. «Амнистия лицам, участвовавшим в качестве рядовых солдат в белогвардейских военных организациях» [4] была объявлена полная амнистия лицам, участвовавшим в военных организациях Колчака, Деникина, Врангеля, Савинкова, Петлюры, Булак-Булаховича, Перемыкина и Юденича в качестве рядовых солдат, путем обмана или насильственно втянутых в борьбу против Советской власти и находящихся в Польше, Румынии, Эстонии, Литве и Латвии.

В 1922 г. амнистия распространилась на всех рядовых-участников Кронштадтского мятежа, а еще через два года амнистия была распространена на всех находящихся на Дальнем Востоке, в Монголии и Западном Китае рядовых солдат белых армий[4]. Им всем была предоставлена возможность вернуться в Россию на общих основаниях с возвращающимися на родину военнопленными.

Масштабной была и эмиграция из России: после октября 1917 г. и до 1921 г. она составила 2 млн. человек. С учетом, бежавших в Грузию, Армению, киргизские степи, а также принявших эстонское, латвийское и литовское гражданство и затем выселившихся из Советской России, части русских военнопленных общее число русских за границей оказалось равным 3 млн. человек[6].

Таким образом, начиная с 1917г. миграционная политика советского государства основывалась на политических и идеологических аргументах. Однако в недолгий период НЭПа учитывался и экономический фактор. В основном это было связано с освоением малозаселенных земель.

Одним из интересных периодов советского государства представляется первый период активного переселения. В 1920-х годах создается система переселенческих льгот для отдельных территорий в стратегических целях. В частности, с принятием 30 октября 1922 г. Земельного кодекса РСФСР, в котором были урегулированы вопросы землеустройства и переселения. Процесс переселения носил жестко регламентированный характер.

Институциональное обеспечение было представлено Народным комиссариатом земледелия, а также Всероссийским Центральным Исполнительным Комитетом.

Полномочия Народного комиссариата земледелия заключались в руководстве и контроле по переселенческому делу, разработке планов переселения, образованию и подготовке земельного фонда для переселения, организации выхода, передвижения и водворения переселенцев, принятии мер по финансированию переселения и издание подробных правил о его условиях и порядке, формировании

Колонизационного фонда, а также принятием ряда организационных нормативных актов по согласования с заинтересованными органами.

В 1923 г. был принят Декрет «О льготах для командируемых на работы в отдаленные местности РСФСР», под который подпадали не только временные служебные командировки, но и направления на постоянную работу. В соответствии с декретом и последующими правовыми актами 20-30-х годов были выделены отдаленные местности, в которых рабочим и служащим предоставлялись специфические льготы.

Согласно принятому в 1926 г. Постановлению ЦИК и СНК СССР «О льготах крестьянскому населению по землеустройству и расселению» «…..переселенцам предоставлялись льготный переселенческий тариф, долгосрочный льготный кредит на землеустройство, льготы по обложению единым сельскохозяйственным налогом. Благодаря этой политике за период с 1926 по 1939 г. в Сибирь, на Урал, в Казахстан и на Дальний Восток переселилось около 5 млн. человек» [7, с. 77].

Однако после начала коллективизации льготное переселение крестьян было отменено.

Полная паспортизация населения в СССР началась с принятием Постановления ЦИК и СНК СССР от 27 декабря 1932 г. в СССР. Ранее в 1918 г. была отменена паспортная система. Однако она распространялась только на городское население – ее вводили в городах, поселках городского типа, райцентрах, а также в Московской области и ряде районов Ленинградской области. Паспорта не выдавались военнослужащим, инвалидам и жителям сельской местности.

На этой основе получило развитие административное регулирование внутренней миграции, в различных формах происходило территориальное перераспределение трудовых ресурсов. Крестьянам паспорта стали выдаваться только в 1960-е гг., а бессрочным паспорт стал после утверждения Советом Министров СССР Положения о паспортной системе от 28 августа 1974 г.

Таким образом, в 30-х годах возникла государственная система организованного набора рабочих как форма перераспределения трудовых ресурсов между селом и городом. Индустриализация требовала большого притока рабочих в промышленность. В то же время деревня располагала огромным количеством свободных рук. Рабочую силу для городов европейской части страны в больших масштабах стали набирать в сельской местности, при этом село отдавало неквалифицированную рабочую силу. Все мероприятия по переселению носили характер жесткой плановости. Районы вербовки рабочих на стройки, а также на вводимые промышленные предприятия и транспорт определял Народный комиссариат труда СССР, а хозяйственные органы предприятий этих районов несли ответственность за подбор рабочей силы [8].

В штаты некоторых районных исполкомов также включались специальные работники, в сельсоветах выделяли уполномоченных по вербовке рабочей силы [9].

За 10 предвоенных лет путем оргнабора было перераспределено 28,7 млн. чел. (в основном, – сельских жителей). Приток рабочей силы из сельского хозяйства превышал потребности промышленности и вел к чрезмерно быстрому росту ряда городов. В июне 1931 г. был поставлен вопрос об ограничении роста Москвы и Ленинграда, впоследствии эти меры распространились и на другие крупнейшие города.

В 1932 г. в стране были введены единая паспортная система и обязательная прописка по месту жительства. Эти меры фактически установили разрешительный характер миграции и государственный контроль за перемещением трудовых ресурсов по стране.

К началу Великой Отечественной войны сформировалась сложная система льгот для работающих в районах Крайнего Севера и отдаленных местностях РСФСР.

Особенно необходимо остановить свое внимание на международную миграцию, которая являлась важным направлением деятельности советского государства в 20-ые годы XX века.

В развитии международной миграции большую роль сыграл Декрет СНК РСФСР от 10 мая 1922 г. «О выезде за границу граждан РСФСР и иностранцев», определивший порядок выезда за границу иностранных граждан и граждан РСФСР. Выезд за границу допускался не иначе как по особому разрешению Народного комиссариата по иностранным делам, выдаваемому для граждан РСФСР в виде визы, накладываемой на выдаваемые им заграничные паспорта; для иностранных граждан в виде визы, накладываемой на их национальные паспорта.

Каждое лицо, пожелавшее выехать за границу, подавало заявление в установленной форме в Народный комиссариат по иностранным делам с приложением к нему удостоверения Государственного политического управления Народного комиссариата внутренних дел, удостоверяющего отсутствие законного препятствия к выезду. При этом иностранцы, состоявшие на советской государственной службе, обязаны были представить удостоверение с места службы об отсутствии у них законного препятствия к отъезду за границу.

Опубликованные данные о международной миграции СССР включают два основных источника – разрешения на въезд и выезд (в том числе фактические переходы через границу СССР) за 1921-1923 гг. и сведения контрольно-пропускных пунктов ОГПУ о поездках выбывающих из пределов СССР и прибывающих в СССР за 1924- 928 гг. [10,с.121].

При этом как разрешения на въезд и выезд, так и сведения о поездках выбывающих из пределов СССР и прибывающих в СССР характеризуют масштабы движения через границы СССР. Так, в 1924 г. миграционный оборот (суммарное количество выехавших и количество въехавших в РСФСР) составил 150 817 человек, в 1928 г. – 275 871 человек, что свидетельствует в целом о росте миграции населения[11,с.67].

1936 г. руководство переселенческим делом было возложено на НКВД [12]. При этом органы НКВД награждали отличившихся на строительстве вольнонаемных работников, досрочно освобождали за ударную работу, осуществляли гласный надзор за ссыльными и высланными, ведали специальными переселениями, делами о военнопленных и интернированных [13].

Нельзя обойти вниманием такое явление в национальной миграционной политике, как депортация целых народов и групп населения [14]. Она рассматривалась в качестве одной из мер по ослаблению конфликтов между властью и народами, в первую очередь, между разными народами – во вторую. Депортации и предвоенные зачистки приграничных районов явились крайней формой организованной миграции, опиравшейся на весь арсенал силовых средств

государства, носившей репрессивный характер [15, с. 214]. Депортации подверглись целые народы – калмыки, чеченцы, ингуши, балкарцы и карачаевцы, крымские татары, турки, курды и хемшилы.

В научной литературе выделяются два вида такой принудительной депортации: репрессивная (выселение этноса в другую географическую часть страны) и насильственная (принудительное переселение части народов на территории проживания репрессированных народов) [16].

Параллельно с данным процессом, к началу 1940-х гг. сформировалась система льгот для работающих в районах Крайнего Севера и отдаленных местностях РСФСР, перерыв в действии которой имел место только с 1942 по 1945 г. [17]. Система льгот расширялась и после Великой Отечественной войны, вплоть до начала 1990-х гг. [18]. Распад СССР привел к снижению эффективности системы льгот, и даже принятие Закона РФ от 19 февраля 1993 г. № 4520-1 «О государственных гарантиях и компенсациях для лиц, работающих и проживающих в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях» [19] не изменило положение дел, так как отсутствовал комплексный подход к решению проблемы заселения этих территорий.

Политика оргнабора рабочих осуществлялась и в послевоенное время, однако были установлены ограничения для осуществления оргнабора в сельской местности. Так, Постановлением Совета Министров СССР от 28 ноября 1951 г. № 4881 «Об упорядочении проведения организованного набора рабочих» было отмечено, что уполномоченные по организованному набору рабочих «..проводят набор рабочих больше в экономически слабых колхозах, где легче набрать рабочих, а в колхозах, экономически сильных, имеющих избыток рабочей силы, набор рабочих проводится в меньшем количестве» [20]. Однако имелась и такая ситуация, когда правления колхозов, имеющих излишек рабочей силы, препятствуют заключению договоров с колхозниками, желающими идти на работу в промышленность.

В связи с этим было установлено, что начиная с 1 января 1952 г. организованный набор рабочих для постоянной работы на предприятиях и стройках всех министерств и ведомств, предусмотренных в народнохозяйственном плане и по отдельным решениям Совета Министров СССР, проводит Министерство трудовых резервов по договорам, заключенным с соответствующими министерствами и ведомствами. Министерство трудовых резервов заключает с набираемыми рабочими индивидуальные трудовые договоры и осуществляет перевозку набранных рабочих до места работы. Набор рабочих из числа городского неработающего населения проводится преимущественно для направления на работу на предприятия и стройки районов Севера, Урала, Сибири и Дальнего Востока.

Было установлено привлекать к строгой ответственности руководителей хозяйственных организаций, самовольно проводящих организованный набор рабочих без разрешения Совета Министров СССР и нарядов Министерства трудовых резервов или нарушающих порядок организованного набора рабочих, установленный названным выше Постановлением. Правлениям колхозов было рекомендовано отпускать колхозников для постоянной работы в промышленности, строительстве, на транспорте и в других отраслях народного хозяйства с обязательной регистрацией правлениями колхозов заключенных трудовых договоров. Колхозникам, отпускаемым на сезонные работы, правление колхоза

должно было выдавать справку о разрешении работать вне колхоза. В свою очередь, руководителям предприятий и строек было запрещено принимать на постоянную и сезонную работу колхозников без справок об отпуске их правлениями колхозов.

Данная система оргнабора была отменена в России в 1990 г. после принятия Закона СССР «О предприятиях в СССР» [21], которым устанавливались новые правовые, экономические и социальные основы организации предприятий при многообразии форм собственности и их деятельности в условиях развития товарно-денежных отношений и регулируемого рынка.

Реабилитация и возвращение депортированных народов на территории, на которых уже проживали другие народы, стало одной из причин тяжелых межнациональных конфликтов, имевших место в 1990-х гг. [22, с. 80].

Депортации народов были осуждены в Декларации Верховного Совета СССР от 14 ноября 1989 г. «О признании незаконными и преступными репрессивных акций против народов, подвергшихся насильственному переселению, и обеспечении их прав». В ней подчеркивалось: «Варварскими акциями сталинского режима явилось выселение в годы Второй мировой войны из родных мест балкарцев, ингушей, калмыков, карачаевцев, крымских татар, немцев, турок-месхетинцев, чеченцев. Политика насильственного переселения отразилась на судьбе корейцев, греков, курдов и других народов».

Руководствуясь данной Декларацией, Верховный Совет СССР отменил акты высших органов государственной власти СССР, послужившие основой для противоправного насильственного переселения отдельных народов из мест постоянного проживания, ограничения прав граждан из числа этих народов, а также незаконной ликвидации некоторых национально-государственных образований[23, с. 24].

Принятие данной Декларации явилось также основой для издания Закона РФ от 26 апреля 1991 г. № 1107-1 «О реабилитации репрессированных народов» [24], установившего понятие репрессированного народа, а также меры, касающиеся их реабилитации [25, с. 21].

Следует, однако, отметить, что проблемы, касающиеся реабилитации репрессированных народов, решались и в более поздние периоды, в частности после принятия в Российскую Федерацию Республики Крым и образования в составе Российской Федерации новых субъектов – Республики Крым и города федерального значения Севастополя [26].

Отдельно необходимо обратить внимание на то, что в середине XX века реализация миграционной функции государства было возложено на правоохранительные органы, в частности на органы внутренних дел [27].

Так, в 1949 г. при Министерстве внутренних дел Союза ССР было создано Главное управление исправительно-трудовых лагерей и колоний [28].

Это способствовало снятию некоторых ограничений в местах специальных поселений [29], хотя порой приводило к волнениям и восстаниям переселенцев и заключенных (восстание заключенных в особом лагере Кенгир, в Казахстане, летом 1954 г. и др.) [30, с.319].

В послевоенный период можно выделить несколько значимых внешнеполитических миграционных явлений: репатриация в 1946-1947 гг. на территорию советской Армении армян из Турции и стран Ближнего Востока;

возвращение в 1950-х гг. на родину остававшихся в советских лагерях японских, германских военнопленных, оказавшихся на советской территории югославов и поляков; урегулирование с Западной Германией вопроса о возможности переселения советских граждан немецкой национальности из СССР в рамках воссоединения семей.

С началом Великой отечественной войны количество лиц, перемещавшихся по территории государства, резко выросло.

В этот период перемещение населения было связано с эвакуацией на Восток в целях снабжение фронта необходимыми материалами в оборонных целях.

Послевоенный этап переселений в СССР фактически закончился тремя крупными акциями: репатриацией в 1946-1947 гг. на территорию советской Армении армян из Турции и стран Ближнего Востока, а также возвращением группы русских эмигрантов из Франции, Бельгии, Китая; возвращением в 1950-х гг. на Родину остававшихся в советских лагерях японских, германских военнопленных, оказавшихся на советской территории югославов и поляков; урегулированием с Западной Германией вопроса о возможности переселения советских граждан немецкой национальности из СССР в рамках воссоединения семей.

Наступивший мирный этап развития Советского Союза способствовал внутригосударственным массовым перемещениям людей. В 1960-е гг. в СССР постепенно отказались от принудительной системы привлечения рабочей силы на стройки, депортаций. Использовался открытый наем работников, проводилась мобилизация молодежи для осуществления масштабных проектов.

Таким образом, регулирование миграционных процессов осуществлялось в советский период как административными методами, так и путем стимулирования через систему льгот и привилегий, что позволяло осуществлять расселение населения в районы промышленного и аграрного освоения [31, с. 98]. Кроме того, в Советском Союзе имела место «сезонная» миграция, но она носила достаточно ограниченный характер [32, с. 4].

Однако молниеносный распад СССР без сопутствующей правовой базы взаимодействия между новыми и старыми институтами спровоцировал огромное количество юридических последствий, неизбежно затронувших и институт миграции [33].

Масштабные проекты в период социалистического строительства (строительство Магнитки, КамАЗа, БАМа и т.д.) также стали стимулом для активной внутренней миграции населения в советский период истории. Специфической формой миграции был и отток населения из экологически небезопасных районов (прежде всего, из Чернобыльской зоны и с Урала).

В первое десятилетие после распада СССР из бывших союзных республик в Россию вернулось 6,4 млн. человек. Сложившаяся миграционная ситуация в современной России во многом обусловлена миграционной политикой, проводимой государством в предшествующий период. История становления и развития России неразрывно связана с миграцией населения, которая оказывала существенное влияние на формирование российской государственности.

Период от Октябрьской революции 1917 г. вплоть до перестройки 1991 г. ознаменовался многочисленными запретами на проживание в различных регионах страны разным группам населения, наличием особых территорий, въезд на которые

был усложнен, и в конце концов, фактическим отсутствием свободы передвижения. В качестве особенно яркого примера нарушения этого права выступают лица, которые были членами колхозов, в период с 1932 по 1958 у них отсутствовали паспорта, и соответственно они не могли свободно избирать себе место жительства. Это представляется вопиющим нарушением прав человека, так как ограничивало не только и не столько собственно свободную внутреннюю миграцию, но и не давало возможности людям устроиться на другую работу с большей заработной платой или более предпочтительную по иным основаниям.

Необходимо отметить, что ни одна советская конституция – 1924, 1936 и 1977 гг. – не включала в себя элементы права свободы передвижения, и, как следствие, вышеназванное право и его гарантии были слабо применимы и на практике.

Паспортная разрешительная система прописки была специфичной чертой советского режима, с одой стороны она не давала возможности большого притока в крупные города лиц освободившихся из мест лишения свободы, как ни печально, но такое нарушение прав личности способствовало снижению напряженности криминогенной обстановки, так и не давало возможность уехать из колхозов старикам-родителям к детям проживающим в крупных городах, исключение делалось только для тех, кто не имел других детей, с которыми они могли бы жить совместно.

Многие мероприятия, такие как депортация, невыдача паспортов отдельным категориям населения, отказ в прописке в определенных местностях государства не регулировались законодательно, а были урегулированы на уровне ведомственных подзаконных актов органов исполнительной власти, которые нигде не публиковались официально.

Нормативно-правовой акт о паспортной системе СССР вступил в силу предписанием Совета министров СССР от 28.08.1974 [34, с. 114].

В дальнейшем миграционная политика смягчалась и в конце существования советского государства часто происходила легализация сложившегося положения постфактум.

В качестве основных, значимых особенностей миграционной политики времён СССР хотелось бы выделить следующие:

- приоритет в правовом регулировании имела внутренняя миграция;
- вопросы внешней миграционной политики не были особо актуальны в связи с, практически, тотальным фактическим запретом выезда из СССР в одни периоды, и сугубо жестким регулированием данных отношений в те периоды, когда выезд был возможен;
- опыт правового регулирования внутренней миграции времён СССР не может быть полноценно использован в текущем регулировании данных правоотношений, поскольку коренным образом изменились взгляды на права личности и это получило четкое законодательное закрепление.

Список литературы

1. Ключевский В. О. Курс русской истории / В. О. Ключевский. – Спб. 1904. – 425 с.
2. Дорофеев О. В. Рабочая учебная программа по дисциплине «Миграционная политика» / О. В. Дорофеев. – Краснодар, 2011. – 33 с.

3. Бужак К. В. К вопросу о периодизации истории правового регулирования миграции в Российском государстве / К. В. Бужак // Юрист. – 2014. – N 4. – С. 31-35.

4. Ткачёва Н. А. Роль миграций в становлении и развитии Российского государства: ретроспективный анализ / Н. А. Ткачёва // Фундаментальные исследования. – 2014. – № 8-3. – С. 767-771

5. Декреты Советской власти: В 17 т. – М., 1959. – Т. 2. – С. 165-167.

6. Рощин Ю. В. История развития государственного регулирования миграционных процессов в России / Ю. В. Рощин // Миграционное право. – 2011. – № – 3. – С. 30-38.

7. Михайловский В. Г. Введение / В. Г. Михайловский // Труды Центрального Статистического управления. Вып. 3: Предварительные итоги переписи населения 28 августа 1920 года. Население 58 губерний Европейской и Азиатской части России. – М., 1921. – Т. I. – 500 с.

8. Социальные факторы и особенности миграции населения СССР / Под ред. Л. Л. Рыбаковского, В. Я. Чуракова. М., 1978. – С. 77-78.

9. О комиссиях по регулированию организованного набора рабочей силы : постановление СНК РСФСР от 29 апреля 1938 г. // СУ РСФСР. – 1938. – N 9. – Ст. 139.

10. О включении в штаты некоторых районных исполкомов специальных работников и о выделении в сельсоветах уполномоченных по вербовке рабочей силы: Постановление СНК РСФСР от 20 мая 1934 г. // СУ. – 1934. – N 21. – Ст. 122.

11. Оболенский (Осинский) В. Международная и межконтинентальная миграция в дореволюционной России и СССР / В. Оболенский (Осинский). – М., 1928. – 125 с.

12. Моисеенко В. Эмиграция и иммиграция в РСФСР (СССР) в 1920-е гг. / В. Моисеенко // Миграция и социально-экономическое развитие. – 2016. – Т. 1. N 1. – С. 67-78.

13. О реорганизации руководства переселенческим делом: Постановление ЦИК и СНК СССР № 66/1221 от 10.07.1936 г. // СПП СССР. – 1936. – № 37. – Ст. 322.

14. О награждении и льготах для строителей канала Москва-Волга: Постановление ЦИК и СНК от 14.07.1937 г. № 103/1113 // СЗ и Р РКП СССР. – 1937. – № 46. – Ст. 187.

15. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 г. «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья» // ВВС СССР. – 1941. – N 38.

16. Поляков Ю. А. Население России в XX веке. Исторические очерки. 1900-1939 / Ю. А. Поляков. – М., 2000. – 542 с.

17. Об отмене законодательных актов в связи с Декларацией Верховного Совета СССР от 14 ноября 1989 года "О признании незаконными и преступными репрессивных актов против народов, подвергшихся насильственному переселению, и обеспечении их прав : Постановление Верховного Совета СССР от 7 марта 1991 г. N 2013-1 // Ведомости СССР. – 1991. – N 11. – Ст. 302.

18. Рощин Ю. Организованное управление миграционными процессами в России в послевоенный период (до 1990 г.) / Ю. Рощин // Миграция в России. 2000 - 2012: хрестоматия: В 3 т. / Под общ. ред. И. С. Иванова; отв. ред. Ж. А. Зайончковская. – Т. 1. Ч. 3. – С. 636-644.

19. О жилищно-строительной кооперации: постановление Совета Министров СССР от 19 августа 1982 г. N 765 // СП СССР. – 1982. – N 23. – Ст. 120;

20. О государственных гарантиях и компенсациях для лиц, работающих и проживающих в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях: Закон РФ от 19 февраля 1993 г. № 4520-1. // Ведомости РФ. – 1993. – N 16. – Ст. 551.

21. Об упорядочении проведения организованного набора рабочих»: Постановление Совета Министров СССР от 28 ноября 1951 г. № 4881 // СПС «КонсультантПлюс».

22. О признании утратившими силу и изменении решений Правительства СССР в связи с Законом СССР "О предприятиях в СССР: Постановление Совета Министров СССР от 21 декабря 1990 г. N 1332 // СП СССР. – 1991. – N 3. – Ст. 12.

23. Ткаченко А. Л. Возвратная миграция депортированных народов и роль международных и общественных организаций / А. Л. Ткаченко // Социально-экономические аспекты миграции в современной России. – М., 1996. – С. 80-82.

24. Бугай Н. Ф. Реабилитация репрессированных граждан России (XX - начало XXI века): Книга-мониторинг / Н. Ф. Бугай. – М., 2006. С. 24-30.

25. О реабилитации репрессированных народов : Закон РФ от 26 апреля 1991 г. № 1107-1 // Ведомости РСФСР. – 1991. – N 18. – Ст. 572.

26. Лазарев Б. М. Правовые вопросы реабилитации репрессированных народов / Б. М. Лазарев // Государство и право. – 1994. – N 12. – С. 21-22.

27. О мерах по реабилитации армянского, болгарского, греческого, крымско-татарского и немецкого народов и государственной поддержке их возрождения и развития : Указ Президента РФ от 21 апреля 2014 г. N 268 // СЗ РФ. – 2014. – N 17. – Ст. 2042.

28. О правовом положении переселенцев : постановление СНК от 08.01.1945г. № 35 // СПС «КонсультантПлюс».

29. Об утверждении Положения о Главном управлении исправительно-трудовых лагерей и колоний Министерства внутренних дел Союза ССР: Приказ Министра внутренних дел Союза ССР от 15 июля 1949 г. № 00668 // Лубянка: ВЧК-ОГПУ-НКВД-НКДБ-МГБ-МВД-КГБ. 1917-1960: Справочник. – М., 1997. – С. 435-450.

30. О снятии ограничений по спецпоселению с бывших кулаков и других лиц: постановление СМ СССР от 13.08.1954 г. № 1738—789сс // Сб. закон, и норм, актов о репрес. и реабил. жертв полит, репрессий. – Курск. 1999. – Т. 1. – С. 325-326.

31. Кравери М. Кризис ГУЛАГа. Кенгирское восстание 1954 года в документах МВД / М. Кравери// Cahiers du monde russe. – 1995. – Vol. 36. № 3. – С. 319-343.

32. Основы миграционной политики: Учеб.-метод. пособие / Под общ. ред. И. Н. Барцица, В. К. Егорова, К. О. Ромодановского, М. Л. Тюркина. – М., 2010. – С. 98-99.

33. Зайончковская Ж. А. Трудовая миграция в СНГ с позиций общества, семьи и личности / Ж. Зайончковская // Миграция населения. – М., 2001. – Вып. 2: Трудовая миграция в России. – С. 2-18.

34. Чернышёв К. И. Институт миграции в России: история и развитие / К. И. Чернышёв // Общественные науки. Право. – 2014. – № 4 (32). – С. 35-41.

35. Конституция РФ: доктринальный комментарий / Под ред. Ю. А. Дмитриева. – М. : Деловой двор, 2009. – 521 с.

Trifonova (Kazaryan) K. V. State and legal regulation of migration activity in tve soviet period / K. V. Trifonova (Kazaryan) // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2019. – T. 4 (72). № 4. – P. 59-71.

The content of the article discusses the features of the state-legal regulation of migration activities in the Soviet period. Various stages in the development and formation of the Soviet legislation in the field of migration are considered. In the Soviet stage of development of migration activity there are periods-20s, early 30s, 1930s-50s, 1950s-60s – early 90s. The features of legal regulation of migration activity in the Soviet period, which were based on the principles of continuity, state regulation under the dominance of centralized management, are investigated.

The author investigates the issues of passport system formation as a Central element in the formation of migration policy. In this regard, we consider the institutional and legal support of migration activities in different periods of the Soviet state, which is represented by a system of bodies regulating migration processes.

The article contains the analysis of the normative regulation of movement issues both during the great Patriotic war and after the war years. The author analyzes the institution of deportation, which in the Soviet period was an extreme form of organized migration, based on the punitive means of the state, and had a repressive character. The author comes to the conclusion that many measures, such as deportation, non-issuance of passports to certain categories of the population, refusal of registration in certain areas of the state were not regulated by law, but were regulated at the level of departmental acts of the Executive authorities, which were not published officially anywhere.

In the future, the migration policy was softened and at the end of the existence of the Soviet state, legalization of the situation often took place after the fact.

Keywords: migration, migration processes, migration activity, refugees, citizenship, passport system, passport registration, resettlement, deportation, repressed peoples, rehabilitation, freedom of movement, entry and exit, NKVD, organized recruitment of labor, migration legislation, state structures.

Spisok literatury`

1. Klyuchevskij V. O. Kurs russkoj istorii / V. O. Klyuchevskij. – Spb. 1904. – 425 s.

2. Dorofeev O. V. Rabochaya uchebnaya programma po discipline «Migracionnaya politika» / O. V. Dorofeev. – Krasnodar, 2011. – 33 s.

3. Buzhak K. V. K voprosu o periodizacii istorii pravovogo regulirovaniya migracii v Rossijskom gosudarstve / K. V. Buzhak // Yurist. – 2014. – N 4. – S. 31-35.

4. Tkachyova N. A. Rol` migracij v stanovlenii i razvitii Rossijskogo gosudarstva: retrospektivny`j analiz / N. A. Tkachyova // Fundamental`ny`e issledovaniya. – 2014. – № 8-3. – S. 767-771

5. Dekrety` Sovetskoj vlasti: V 17 t. – M., 1959. – T. 2. – S. 165-167.

6. Roshhin Yu. V. Istoriya razvitiya gosudarstvennogo regulirovaniya migracionny`x processov v Rossii / Yu. V. Roshhin // Migracionnoe pravo. – 2011. – № – 3. – S. 30-38.

7. Mixajlovskij V. G. Vvedenie / V. G. Mixajlovskij // Trudy` Central`nogo Statisticheskogo upravleniya. Vy`p. 3: Predvaritel`ny`e itogi perepisi naseleniya 28 avgusta 1920 goda. Naselenie 58 gubernij Evropejskoj i Aziatskoj chasti Rossii. – M., 1921. – T. I. – 500 s.

8. Social`ny`e faktory` i osobennosti migracii naseleniya SSSR / Pod red. L. L. Ry`bakovskogo, V. Ya. Churakova. M., 1978. – S. 77-78.

9. O komissiyax po regulirovaniyu organizovannogo nabora rabochej sily` : postanovlenie SNK RSFSR ot 29 aprelya 1938 g. // SU RSFSR. – 1938. – N 9. – St. 139.

10. O vklyuchenii v shtaty` nekotory`x rajonny`x ispolkomov special`ny`x rabotnikov i o vy`delenii v sel`sovetax upolnomochenny`x po verbovke rabochej sily`: Postanovlenie SNK RSFSR ot 20 maya 1934 g. // SU. – 1934. – N 21. – St. 122.

11. Obolenskij (Osinskij) V. Mezhdunarodnaya i mezhkontinental`naya migraciya v dorevolyucionnoj Rossii i SSSR / V. Obolenskij (Osinskij). – M., 1928. – 125 s.

12. Moiseenko V. E`migraciya i immigraciya v RSFSR (SSSR) v 1920-e gg. / V. Moiseenko // Migraciya i social`no-e`konomicheskoe razvitie. – 2016. – T. 1. N 1. – S. 67-78.

13. O reorganizacii rukovodstva pereselencheskim delom: Postanovlenie CIK i SNK SSSR № 66/1221 ot 10.07.1936 g. // SPP SSSR. – 1936. – № 37. – St. 322.

14. O nagrazhdenii i l`gotax dlya stroitelej kanala Moskva-Volga: Postanovlenie CIK i SNK ot 14.07.1937 g. № 103/1113 // SZ i R RKP SSSR. – 1937. – № 46. – St. 187.

15. Ukaz Prezidiuma Verxovnogo Soveta SSSR ot 28 avgusta 1941 g. "O pereselenii nemcev, prozhivayushhix v rajonax Povolzh`ya" // VVS SSSR. – 1941. – N 38.

16. Polyakov Yu. A. Naselenie Rossii v XX veke. Istoricheskie ocherki. 1900-1939 / Yu. A. Polyakov. – M., 2000. – 542 s.

17. Ob otmene zakonodatel`ny`x aktov v svyazi s Deklaraciej Verxovnogo Soveta SSSR ot 14 noyabrya 1989 goda "O priznanii nezakonny`mi i prestupny`mi repressivny`x aktov protiv narodov, podvergshixsya nasil`stvennomu pereseleniyu, i obespechenii ix prav : Postanovlenie Verxovnogo Soveta SSSR ot 7 marta 1991 g. N 2013-1 // Vedomosti SSSR. – 1991. – N 11. – St. 302.

18. Roshhin Yu. Organizovannoe upravlenie migracionny`mi processami v Rossii v poslevoenny`j period (do 1990 g.) / Yu. Roshhin // Migraciya v Rossii. 2000 - 2012: xrestomatiya: V 3 t. / Pod obshh. red. I. S. Ivanova; otv. red. Zh. A. Zajonchkovskaya. – T. 1. Ch. 3. – S. 636-644.

19. O zhilishhno-stroitel`noj kooperacii: postanovlenie Soveta Ministrov SSSR ot 19 avgusta 1982 g. N 765 // SP SSSR. – 1982. – N 23. – St. 120;

20. O gosudarstvenny`x garantiyax i kompensaciyax dlya licz, rabotayushhix i prozhivayushhix v rajonax Krajnego Severa i priravnenny`x k nim mestnostyax: Zakon RF ot 19 fevralya 1993 g. № 4520-1. // Vedomosti RF. – 1993. – N 16. – St. 551.

21. Ob uporyadochenii provedeniya organizovannogo nabora rabochix»: Postanovlenie Soveta Ministrov SSSR ot 28 noyabrya 1951 g. № 4881 // SPS «Konsul`tantPlyus».

22. O priznanii utrativshimi silu i izmenenii reshenij Pravitel`stva SSSR v svyazi s Zakonom SSSR "O predpriyatiyax v SSSR: Postanovlenie Soveta Ministrov SSSR ot 21 dekabrya 1990 g. N 1332 // SP SSSR. – 1991. – N 3. – St. 12.

23. Tkachenko A. L. Vozvratnaya migraciya deportirovanny`x narodov i rol` mezhdunarodny`x i obshhestvenny`x organizacij / A. L. Tkachenko // Social`no-e`konomicheskie aspekty` migracii v sovremennoj Rossii. – M., 1996. – S. 80-82.

24. Bugaj N. F. Reabilitaciya repressirovanny`x grazhdan Rossii (XX - nachalo XXI veka): Kniga-monitoring / N. F. Bugaj. – M., 2006. S. 24-30.

25. O reabilitacii repressirovanny`x narodov : Zakon RF ot 26 aprelya 1991 g. № 1107-1 // Vedomosti RSFSR. – 1991. – N 18. – St. 572.

26. Lazarev B. M. Pravovy`e voprosy` reabilitacii repressirovanny`x narodov / B. M. Lazarev // Gosudarstvo i pravo. – 1994. – N 12. – S. 21-22.

27. O merax po reabilitacii armyanskogo, bolgarskogo, grecheskogo, kry`msko-tatarskogo i nemeczkogo narodov i gosudarstvennoj podderzhke ix vozrozhdeniya i razvitiya : Ukaz Prezidenta RF ot 21 aprelya 2014 g. N 268 // SZ RF. – 2014. – N 17. – St. 2042.

28. O pravovom polozhenii pereselencev : postanovlenie SNK ot 08.01.1945g. № 35 // SPS «Konsul`tantPlyus».

29. Ob utverzhdenii Polozheniya o Glavnom upravlenii ispravitel`no-trudovy`x lagerej i kolonij Ministerstva vnutrennix del Soyuza SSR: Prikaz Ministra vnutrennix del Soyuza SSR ot 15 iyulya 1949 g. № 00668 // Lubyanka: VChK-OGPU-NKVD-NKDB-MGB-MVD-KGB. 1917-1960: Spravochnik. – M., 1997. – S. 435-450.

30. O snyatii ogranichenij po speczposeleniyu s by`vshix kulakov i drugix licz: postanovlenie SM SSSR ot 13.08.1954 g. № 1738—789ss // Sb. zakon, i norm, aktov o repres. i reabil. zhertv polit, repressij. – Kursk. 1999. – T. 1. – S. 325-326.

31. Kraveri M. Krizis GULAGa. Kengirskoe vosstanie 1954 goda v dokumentax MVD / M. Kraveri// Cahiers du monde russe. – 1995. – Vol. 36. № 3. – S. 319-343.

32. Osnovy` migracionnoj politiki: Ucheb.-metod. posobie / Pod obshh. red. I. N. Barcicza, V. K. Egorova, K. O. Romodanovskogo, M. L. Tyurkina. – M., 2010. – S. 98-99.

33. Zajonchkovskaya Zh. A. Trudovaya migraciya v SNG s pozicij obshhestva, sem`i i lichnosti / Zh. Zajonchkovskaya // Migraciya naseleniya. – M., 2001. – Vy`p. 2: Trudovaya migraciya v Rossii. – S. 2-18.

34. Cherny`shyov K. I. Institut migracii v Rossii: istoriya i razvitie / K. I. Cherny`shyov // Obshhestvenny`e nauki. Pravo. – 2014. – № 4 (32). – S. 35-41.

35. Konstituciya RF: doktrinal`ny`j kommentarij / Pod red. Yu. A. Dmitrieva. – M. : Delovoj dvor, 2009. – 521 s.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2019. – Т. 5 (71). № 4. – С. 72-80.

УДК 342.7

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ ИНСТИТУТ УПОЛНОМОЧЕННОГО ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА: ФОРМЫ И ПРИНЦИПЫ ОРГАНИЗАЦИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Трифонов С. Г.

Крымский филиал Российского государственного университета правосудия

В статье рассматриваются вопросы правового регулирования различных форм деятельности уполномоченного по правам человека. Проанализирован зарубежный опыт нормативного регулирования правового статуса уполномоченного по правам человека. Охарактеризованы правовые и неправовые формы его деятельности. Последовательно охарактеризованы принципы, на которых строится деятельность уполномоченного по правам человека Автором рассмотрены различные принципы деятельности уполномоченного по правам человека в различных странах, сделана попытка классификации данных принципов.

Автор приходит к выводу, что указанные в статье принципы деятельности уполномоченного по правам человека не исчерпывают всей системы принципов. Для большинства коллегиальных омбудсменских служб характерным является принцип коллегиальности обсуждения и принятия решений по делу, в некоторых странах законодательное закрепление получил принцип этического поведения омбудсмана. В статье описаны только наиболее важные принципы работы уполномоченного по правам человека, которые выражают сущность этого правозащитного института, подчеркивают его особую природу и роль в обеспечении прав человека.

Ключевые слова: уполномоченный по правам человека, омбудсман, правозащитная деятельность, принципы организации, формы деятельности.

Правовое регулирование статуса омбудсмена отражает целевое назначение этого института и направлено на надлежащее осуществление им правозащитной и контрольно-надзорной деятельности, определение сферы его компетенции, обеспечения надлежащих механизмов реализации им своих полномочий и т. др. Таким образом, статус омбудсмена выступает инструментом, который систематизирует нормы о нем как об участнике общественных и правовых отношений и приводит их в устойчивое правовое состояние и представляет собой конструкцию, сочетающую нормативные характеристики, теоретические представления и реальную практику реализации правовых предписаний.

Гарантии деятельности омбудсмена, его права, обязанности и общая правоспособность составляют основу его конституционно-правового статуса, а другие элементы выступают дополнительными элементами статуса этого контрольно-надзорного, правозащитного института, поскольку они производные от основных. В частности, к дополнительным элементам относятся формы деятельности омбудсмана, которые выступают внешней стороной реализации его прав и обязанностей. Необходимо отметить, что в юридической литературе проблема форм деятельности органов публичной власти является одной из наиболее дискуссионных и существуют различные точки зрения относительно их понимания и классификации.

Наиболее обоснованной и конструктивной является позиция тех ученых, которые рассматривают формы деятельности публичных органов власти в качестве особого структурного элемента правового статуса этих органов и понимают под ними внешнюю сторону функционирования органов публичной власти, то есть совокупность однородных действий, которые осуществляются в определенных рамках, определенных законодательством. Они же в зависимости от характера порождаемых последствий различают правовые и неправовые формы деятельности органов публичной власти.

Формы деятельности омбудсмана представляют собой основные однородные, самостоятельные действия, которые осуществляются им в предусмотренных законодательством правовых и неправовых рамках и направлены на реализацию его прав и обязанностей.

Правовые формы деятельности омбудсмана урегулированные нормами права и связанные с осуществлением им в четко определенном законом порядке юридически значимых действий, которые влекут за собой определенные юридические последствия. Они классифицируются на контрольно-надзорную и правоприменительную, а в некоторых странах также косвенно на учредительную, правотворческую и интерпретационную.

Контрольно-надзорная деятельность заключается в осуществлении омбудсманом контроля и надзора за органами государственной власти, органами местного самоуправления, предприятиями, учреждениями, организациями, независимо от форм собственности, объединениями граждан, их должностными и служебными лицами с точки зрения соблюдения ими прав и свобод человека.

Правоприменительная форма представляет собой деятельность, посредством которой омбудсман, исходя из действующего законодательства, решает вопрос о последствиях споров в сфере прав человека и принимает соответствующие решения.

Учредительная форма деятельности омбудсмана является опосредованной, поскольку омбудсмены некоторых государств не непосредственно принимают участие в структурных преобразованиях механизма государственной власти, его реформировании, а опосредованно, путем инициирования этого вопроса перед соответствующими органами.

Аналогично происходит реализация правотворческой деятельности омбудсмана, когда они наделены или правом законодательной инициативы (что имеет место в незначительном количестве стран), или же инициируют принятие правовых актов, их изменении или отмене перед соответствующими полномочными учреждениями.

Что касается интерпретационной формы деятельности омбудсмена, то она заключается в неофициальном толковании права, уяснении и разъяснении им содержания и целей норм действующего законодательства.

Неправовая форма деятельности омбудсмена, в отличие от правовой, не требует полного и строгого юридического оформления и поэтому она не предусматривает юридических последствий. Основной неправовой формой деятельности омбудсмена является организационная. Действия, которые составляют ее содержание, обеспечивают реализацию прав и обязанностей омбудсмена за помощью конкретных организационных форм, не обязательно закрепленных в законе. Благодаря данной форме деятельности решаются вопросы правильной организации работы самого омбудсмена и его службы, обеспечения выполнения его решений, слаженности ра-

боты структурных подразделений аппарата омбудсмена, определение функциональных обязанностей сотрудников службы, проведение совещаний омбудсмена, прием населения, проведение выездных заседаний омбудсмена в определенные регионы страны с целью изучения состояния соблюдения прав человека на местах. Каждая такая действие не связана с совершением юридически значимых действий, однако она вносит свою долю в конечный результат правозащитной и контрольно-надзорной деятельности омбудсмена. С организационной тесно связана материально-техническая деятельность омбудсмена, которая охватывает объем его финансовой, хозяйственной и бюджетной работы, а также работы с разнообразными запросами, подготовкой проектов решений, информаций, справок, ежегодных и специальных докладов, ведение делопроизводства и т.д.

С формами деятельности омбудсмена тесно связаны принципы его деятельности, которые также выступают второстепенными элементами его конституционно-правового статуса. Следует отметить, что на законодательном уровне основные принципы деятельности омбудсмена получили непосредственное закрепление в немногих государствах (Узбекистан, ФРГ, Хорватия, Македония, Молдова, Португалия и еще нескольких других странах). В большинстве случаев они имеют опосредованное юридическое выражение, когда текстуально не закреплены, тем не менее, органично вытекают, будучи так или иначе регламентированы действующим национальным законодательством.

Исходя из анализа правовой доктрины и практики большинства стран мира, теоретических разработок в этой сфере, опыта функционирования омбудсменов разных государств, а также сравнительно-правового и формально-логического методов исследования, к числу основных принципов деятельности этого института можно отнести:

1) принцип гуманизма;
2) законности;
3) справедливости;
4) принцип объективности (беспристрастности);
5) принцип независимости;
6) принцип демократизма;
7) доступность;
8) открытость, гласность;
9) принцип неприкосновенности частной жизни и конфиденциальности сведений о лицах по делу;
10) профессионализм.

Хотелось бы остановиться на характеристике принципов функционирования института омбудсмена подробнее.

Гуманизм – основополагающий принцип, характеризующий омбудсмана как институт, назначение которого служение человеку, защиты его прав и свобод. Учитывая этот принцип омбудсмен обязан терпеливо, компетентно, вежливо и внимательно разъяснять гражданам их права и обязанности, порядок их обеспечения и процедуры правовой защиты, оказывать соответствующую помощь в устранении выявленных нарушений прав граждан. Гуманное отношение к гражданам, которые обращаются за помощью к омбудсману, выражается также в том, что в отношении них со стороны омбудсмана недопустима чистая формальность: отказ в принятии

жалобы по причине несоблюдения формы ее написания, представления и т. др. Например, законодательством Словении предусмотрено, что официальным языком производства Уполномоченного является словенский язык, однако каждый, кто не владеет этим языком, может обратиться к нему с заявлением на своем родном языке [1, с. 345].

Омбудсмен призван также способствовать гуманному отношению к потребностям и запросам граждан со стороны органов власти, должностных лиц различных органов и организаций независимо от форм собственности. Он должен стоять на страже прав граждан, не допуская случаев преследования заявителей или иного ограничения их прав со стороны органов власти за обращение к нему. Понимание и утверждение того, что каждый человек, независимо от его национальности, расы, вероисповедания, социального и имущественного состояния, пола и т. др. имеет равные и неотъемлемые права и свободы, вытекающие из ее сущности как члена общества, гуманность в отношениях с теми, чьи права нарушены, кто уже незаконно обиженный, понимание их боли, восприятие его как социальной несправедливости, что наносит удар по всему обществу, правовой и управленческой системе, являются основными критериями деятельности омбудсмена.

Законность – универсальный правовой принцип, который нашел свое нормативное воплощение во многих странах, это обязательный атрибут существования и развития демократически организованного общества. Законность необходима для обеспечения свободы граждан, реализации их прав, формирования и развития гражданского общества, построения правового государства, а ее уровень и состояние служат главным критерием оценки правовой жизни граждан, общества, государства. В юридической науке законность понимается то как просто строгое и полное выполнением предписаний правовых законов и принятых на их основе юридических актов всеми субъектами права [2, с. 344], или как правовой режим общественной жизни, заключающийся в неуклонном соблюдении юридических норм всеми правосубъектными участниками [3, с. 247], или как политико-правовое явление, характеризующее процесс совершенствования государственно-правовой формы организации общества и реализации идеи социальной справедливости путем строгого и неуклонного соблюдения и исполнения действующего законодательства [4, с. 515].

Содержание принципа законности в работе омбудсмена составляет деятельность, направленная на неуклонное исполнение и соблюдение законов всеми участниками общественных отношений, на обеспечение такого поведения органов государственной власти, их должностных лиц, а также граждан, которое соответствует требованиям норм права, на обеспечение реализации прав и свобод человека, обеспечение принципа равенства всех перед законом, недопустимость произвола в деятельности должностных лиц.

Законность как принцип деятельности омбудсмена означает, что осуществлять защиту прав и свобод человека и гражданина он может только законными средствами, предусмотренными Конституцией и другими законами страны. Он не должен выходить за рамки правовых предписаний своей деятельности: производить действия, не предусмотренные законодательством, принимать решения, выходящие за рамки его полномочий и тому подобное.

Принцип законности находит свое воплощение также при осуществлении омбудсменом контроля за эффективностью соблюдения законодательства в сфере

защиты прав человека, приведении его в соответствие с нормами международного права, международными стандартами в области прав человека.

С принципом законности в деятельности омбудсмана тесно связан принцип справедливости. «…Уполномоченный по делам правосудия является государственным органом, который избирается в порядке голосования Парламентом; его обязанности охватывают главным образом надзор за соблюдением и защита прав, свобод, гарантий и интересов граждан, а также обеспечение, с использованием неформальных средств, соблюдения принципов справедливости и положений закона при осуществлении публичных полномочий,» – провозглашает Закон Португалии [1, с. 290]. Закон о омбудсмане Хорватии закрепляет, что омбудсман обязан стоять на страже принципов справедливости и этики (ст. 2) [1, с. 387]. «Если при проведении расследования... Комиссар обнаружит, что в результате административной неправомерности потерпевшему причиненный несправедливость, и эта несправедливость не устранена и не будет устранена, он может ... подать обеим палатам Парламента специальный доклад по делу,» – отмечается в ч. 3 ст. 10 Закона Великобритании о Парламентском комиссаре [1, с. 46]. Аналогичное положение содержится в Законе о Комиссаре по вопросам администрации Кипра: «Если после проведения расследования... Комиссар приходит к выводу, что лицу, подавшему жалобу, был нанесен вред или против нее было совершено противозаконное действие, он может включить в свой доклад предложения или рекомендации, адресованные соответствующему органу власти, о возмещении вреда или восстановлении справедливости» (ст. 6) [1, с. 177].

Принцип справедливости в деятельности омбудсмена основывается на непредвзятом рассмотрении жалоб о нарушении прав граждан, справедливом урегулировании конфликта между сторонами благодаря согласовательным процедурам и принятию законного решения.

Омбудсмен при рассмотрении жалоб граждан, сообщений в средствах массовой информации о нарушениях прав человека, должен сохранять определенную объективность ко всем сторонам дела, и не должен быть связан подходом, что изложенные факты правдивы и действительно имеют место. В каждом случае он обязан провести детальное расследование, исследование всех значимых обстоятельств и беспристрастно оценить изложенные факты. Ведь не секрет, что в жалобах граждан имеют место иногда определенные неточности, искаженное представление обстоятельств дела, а иногда и неправда. Поэтому очень важно, чтобы омбудсмен в каждом конкретном случае не был связан мнением жалобщиков и принимал решения, объективно исследовав все обстоятельства дела в совокупности, всесторонне и полно проанализировав их, уважая честь, достоинство и права как граждан-заявителей, так и соответствующих организаций и должностных лиц, одинаково беспристрастно относясь к ним. Для этого он имеет право обращаться к лицам, действия которых обжалуются, с предложением дать собственную оценку своим действиям, привлекать к рассмотрению дела соответствующих экспертов, опрашивать свидетелей по делу и т. др.

Омбудсмены Швеции должны не только сами соблюдать принцип объективности при рассмотрении жалоб граждан, но и своей деятельностью обеспечивать, чтобы суды и публичные органы власти соблюдали в своих действиях нормы касающиеся объективности и беспристрастности [1, с. 395].

Законодательством большинства стран предусмотрено, что омбудсмен не может занимать никакой должности, несовместимой с правильным выполнением его официальных обязанностей и принципами соблюдения беспристрастности, объективности и общественного доверия. Литовское законодательство закрепляет также положение, что если контролер Сейма в силу родственных связей или по другим серьезным причинам не может осуществить объективное рассмотрение конкретной жалобы, то руководитель учреждения контролеров Сейма должен поручить рассмотрение жалобы другому контролеру.

Беспристрастность омбудсмена тесно связана с его независимостью. Этот основополагающий принцип организации и функционирования института омбудсмана получил четкое юридическое закрепление почти во всех странах, где он функционирует. В одних странах законодательно предусмотрено, что омбудсмен при осуществлении своих обязанностей независим (Австрия, Венгрия, Ирландия и некоторые другие государства), в других – в законодательство имплементировано положение, что омбудсмен является независимым органом и в период исполнения им своих полномочий никакие лица, или органы не могут вмешиваться в его деятельность (Босния и Герцеговина, Мальта, Израиль, Испания, региональные омбудсмены Индии, США, Австралии, Российской Федерации и т. д.).

Значение принципа независимости состоит в создании для омбудсмана таких условий осуществления своих полномочий, при которых он мог бы рассматривать дела и принимать по ним решения, руководствуясь исключительно своим внутренним убеждением и соответствующим критериям, которые основываются только на основе Конституции и других законов. Такая благоприятная атмосфера для независимой работы омбудсмана может быть обеспечена при условиях, если он при рассмотрении конкретных жалоб граждан огражден от любого давления или влияния со стороны заинтересованных лиц и организаций, то есть когда законодательно закреплена система гарантий его работы.

Свою деятельность омбудсмен организует на демократических началах. Зародившись в странах, ставших на путь демократического развития, омбудсмен видит своей основной задачей демократизацию существующих общественных отношений, разъяснение значения, правовой сущности и воплощение на практике такого важного принципа демократии как признание человека, его прав и свобод наивысшей социальной ценностью. Своей работой он направляет общественное сознание на понимание того, что успешное демократическое развитие страны невозможно без создания надлежащих условий для реализации гражданами своих прав и свобод в сфере политики, экономики, культуры, экологии, и что чем эффективнее в обществе, государстве решается проблема соблюдения и защиты прав человека, тем они ближе к демократии, формированию гражданского общества и построению правового государства [8]. Омбудсмен борется за внедрение в практической деятельности публичных органов власти демократических основ организации работы и взаимоотношений с населением. Принцип демократизма в деятельности омбудсмена выражается в демократических методах его работы, близости и доступности к гражданам, проявлении уважения и терпимости при рассмотрении обращений заявителей и тому подобное [7].

Принцип доступности омбудсмена для граждан, различных органов, организаций, учреждений и должностных лиц означает, что он осуществляет свою деятель-

ность не изолированно, а благодаря взаимодействию с широким кругом как международных правительственных и неправительственных организаций и их представителей, так и с государственными органами, организациями, неправительственными структурами и гражданами [5, с. 23].

Обеспечение права каждому гражданину обратиться к омбудсмену за защитой своих прав и свобод является подтверждением его правозащитной роли. Это право обеспечивается тем, что каждый человек может беспрепятственно обратиться к омбудсмену для защиты своих прав от неправомерных действий органов государственного управления и должностных лиц.

Омбудсмен обязан создать все условия для свободного доступа граждан, которые могут у него получить надлежащую помощь по восстановлению нарушенных прав и свобод, консультацию по поводу защиты прав и свобод, ответы на все вопросы относительно обеспечения прав и свобод. Важную роль при этом играет бесплатность услуг омбудсмена и то, что за заявления и жалобы граждан на имя омбудсмена не взимается государственная пошлина [6].

Эффективность деятельности омбудсмена по обеспечению защиты прав человека во многом зависит от открытости и гласности его работы. С целью более широкого ознакомления граждан с правозащитной деятельностью омбудсмана он через средства массовой информации распространяет информацию о соблюдении прав человека в стране, знакомит население с основными направлениями своей работы, разъясняет действующее отечественное и международное законодательство в сфере прав человека и т. др. Для этого омбудсман должен активно контактировать со средствами массовой информации, использовать их как средство воздействия на соответствующие структуры с целью восстановления нарушенных прав граждан и доведение до общественности негативных фактов работы органов управления. Наиболее подробную информацию о деятельности омбудсмена получает население из его ежегодного доклада.

Важную роль в реализации принципа открытости и гласности работы омбудсмана играет проведение им различных семинаров по актуальным аспектам обеспечения прав человека, организация встреч с населением на местах, осуществление экспертных поездок в отдельные регионы страны, ознакомления общественности с опытом работы омбудсманов других стран и спецификой деятельности национальных и международных правозащитных организаций.

Гласность и открытость как принцип деятельности омбудсмена – это один из показателей демократичности этого института. Он очень связан с информационной функцией омбудсмена. Его работа не может носить закрытый характер, а должна освещаться в средствах массовой информации, открыто обсуждаться общественностью. Это, прежде всего, способствует недопущению нарушений прав человека в будущем. Принцип гласности обеспечивает и воспитательное значение в отношении понимания социальной ценности человека и его прав и свобод, повышает авторитет самого института. Также гласность и открытость служат действенным средством контроля за деятельностью самого омбудсмана со стороны населения. Однако гласность в работе омбудсмена должна ограничиваться соблюдением принципа неприкосновенности частной жизни и конфиденциальности сведений в отношении лиц по делу.

Исполнение омбудсменом поставленных перед ним задач требует от него определенных профессиональных качеств. И профессионализм омбудсмана имеет важное значение для реализации потенциала этого правозащитного органа. На этой должности должен быть всестороннее развитый человек, который разбирается в действующем законодательстве и в сфере прав человека, знает механизм государственной власти в целом и структуру отдельных органов публичной власти, способен дать правовую оценку тому или иному акту или действиям органов власти, умеет найти правильное, законное решение при рассмотрении жалоб граждан и правовыми методами защитить их права и свободы.

Недаром законодательством многих зарубежных стран среди требований к кандидатам на должность омбудсмана предусмотрено, что он должен быть или юристом, или же иметь определенный правозащитный опыт, или же соответствовать требованиям, предъявляемым к судьям, прокурорам, следователям. Если же такие требования законодательно не закреплены, то практика, как правило, все-таки идет по пути назначения на эту должность лица, которое является юристом, для того, чтобы омбудсмен мог на профессиональной основе осуществлять свои правозащитные функции [8].

Следует отметить, что названные принципы деятельности омбудсменов не исчерпывают всей системы таких принципов. Например, для большинства коллегиальных омбудсменских служб характерным является принцип коллегиальности обсуждения и принятия решений по делу, в некоторых странах законодательное закрепление получил принцип этического поведения омбудсмана и т. др. Нами описаны только наиболее важные принципы его работы, которые выражают сущность этого правозащитного института, подчеркивают его особую природу и роль в обеспечении прав человека.

Список литературы

1. Национальные омбудсмены. Свод правовых положений. – Варшава: MASTER, 1999. – 411 с.

2. Хропанюк В. Н. Теория государства и права: Учебное пособие / Под ред. проф. В. Г. Стрекозова. – М. : «Дабахов, Ткачев, Димов», 2011. – 384 с.

3. Спиридонов Л. И. Теория государства и права. Учебник / Л. И. Спиридонов. – М. : «ПРОСПЕКТ», 1997. – 304 с.

4. Теория государства и права. Курс лекций / Под ред. Н. И. Матузова, А. В. Малько. – М. : Юристъ, 2017. – 672 с.

5. Бакаева Ф. Х. Комментарий к Закону Республики Узбекистан «Об Уполномоченном Олий Мажлиса по правам человека (омбудсмане)» / Ф. Х. Бакаева. – Ташкент: «Адолат», 1998. – 51 с.

6. Права человека в России: история, теория и практика: учебное пособие / Д. Т. Караманукян и др.; отв. ред. и авт. предисл. Д. Т. Караманукян. – Омск : Омская юридическая академия, 2015.

7. Зубарев С. М., Сабаева С. В. Электронные обращения граждан в системе общественного контроля /С. М. Зубарев, С. В. Сабаева //Административное право и процесс. – 2019. – № 5. – С. 45-56.

8. Москалькова Т. Н. Институт уполномоченных по правам человека в государственном механизме России / Т. Н. Москалькова // Административное право и процесс. – 2018. – № 12. – С. 33-41.

Trifonov S. G. Constitutional and legal institution of the commissioner for human rights: forms and principles of organization of activities / S. G. Trifonov // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2019. – T. 4 (72). № 4. – P. 72-80.

The content deals with the legal regulation of various forms of activity of the Commissioner for human rights. The foreign experience of normative regulation of the legal status of the Commissioner for human

rights is analyzed. Legal and non-legal forms of its activity are characterized. Consistently characterized the principles on which the activities of the Commissioner for human rights the Authors considered the various principles of the Commissioner for human rights in different countries, an attempt to classify these principles.

The author comes to the conclusion that the principles of the Ombudsman's activity specified in the article do not exhaust the whole system of principles. Most collegial Ombudsman services are characterized by the principle of collegiality of discussion and decision-making on the case, in some countries the principle of ethical conduct of the Ombudsman has been enshrined in legislation. The article describes only the most important principles of the Ombudsman's work, which Express the essence of this human rights institution, emphasize its special nature and role in ensuring human rights.

Keywords: Ombudsman, human rights activities, principles of organization, forms of activity.

Spisok literatury`

1. Nacional`ny`e ombudsmeny`. Svod pravovy`x polozhenij. – Varshava: MASTER, 1999. – 411 s.
2. Xropanyuk V. N. Teoriya gosudarstva i prava: Uchebnoe posobie / Pod red. prof. V. G. Strekozova. – M. : «Dabaxov, Tkachev, Dimov», 2011. – 384 s.
3. Spiridonov L. I. Teoriya gosudarstva i prava. Uchebnik / L. I. Spiridonov. – M. : «PROSPEKT», 1997. – 304 s.
4. Teoriya gosudarstva i prava. Kurs lekcij / Pod red. N. I. Matuzova, A. V. Mal`ko. – M. : Yurist``, 2017. – 672 s.
5. Bakaeva F. X. Kommentarij k Zakonu Respubliki Uzbekistan «Ob Upolnomochennom Olij Mazhlisa po pravam cheloveka (ombudsmane)» / F. X. Bakaeva. – Tashkent: «Adolat», 1998. – 51 s.
6. Prava cheloveka v Rossii: istoriya, teoriya i praktika: uchebnoe posobie / D. T. Karamanukyan i dr.; otv. red. i avt. predisl. D. T. Karamanukyan. – Omsk : Omskaya yuridicheskaya akademiya, 2015.
7. Zubarev S. M., Sabaeva S. V. E`lektronny`e obrashheniya grazhdan v sisteme obshhestvennogo kontrolya /S. M. Zubarev, S. V. Sabaeva //Administrativnoe pravo i process. – 2019. – № 5. – S. 45-56.
8. Moskal`kova T. N. Institut upolnomochenny`x po pravam cheloveka v gosudarstvennom mexanizme Rossii / T. N. Moskal`kova // Administrativnoe pravo i process. – 2018. – № 12. – S. 33-41.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2019. – Т. 5 (71). № 4. – С. 81-90.

УДК 340.15 (470+571) «18/1917»

ОРГАНИЗАЦИОННОЕ ПОСТРОЕНИЕ И СТРУКТУРА ОРГАНОВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ, КОТОРЫЕ ОБЕСПЕЧИВАЛИ ОХРАНУ ГОСУДАРСТВЕННОГО И ОБЩЕСТВЕННОГО УСТРОЙСТВА

Филонов А. В.

Крымский филиал Российского государственного университета правосудия

Данная статья посвящена государственным органам Российской империи, которые в конце XIX-начале XX вв. вели достаточно эффективную борьбу с терроризмом и экстремизмом. Речь здесь идёт, в первую очередь, о внутренней структуре, организации работы и взаимодействии органов полиции, жандармерии и охранных отделений по выполнению задач, которые касались охраны государственного и общественного устройства в Российской империи.

Ключевые слова: полиция, жандармерия, охранные отделения, департамент полиции, терроризм, социал-демократы, революционеры-народники, Третье Отделение его Императорского величества канцелярии.

Ведущее место в структуре органов по охране государственного и общественного строя Российской империи во второй половине XIX-начале XX в. занимала политическая полиция, которую возглавлял департамент полиции МВД.

Политическая полиция Российской империи состояла из отдельного корпуса жандармов и охранных отделений. В указанный период структура жандармерии определялась Положением об Отдельном корпус жандармов от 9 сентября 1867 г., согласно которому корпус состоял из Главного управления, управлений Кавказского, Варшавского и Сибирского округов, 56 губернских управлений, 50 уездных управлений Северо-Западного края, надзирающего состава, петербургского и московского дивизионов, 13 конных команд и полицейских железнодорожных управлений [1, с. 57].

Актуальным, на наш взгляд, является вопрос внутренней организации и взаимодействия данных органов при осуществлении ими своих функций по охране государственного строя.

Центральным органом, руководившим всем уголовным розыском Империи, был особый отдел Департамента полиции. Заведовал им приглашенный из Москвы Зубатов С. В., который считался лучшим практиком поискового дела.

В 1906 году на эту должность был назначен прокурор Петербургской судебной палаты Трусевич М. И., образованный юрист, «специалист по политическому розыску». За три года он завершил создание системы политического розыска в России, просуществовавшей до февраля 1917 года.

Особый отдел Департамента полиции осуществлял политический сыск в Российской империи. В поле его зрения находились не только революционные и оппозиционные организации, но и министры, генералы, даже лица императорской фамилии, в частности, великие князья [2, с. 20].

Агентура департамента была практически во всех революционных партиях и организациях Российской империи. Но в центре его внимания находились наиболее опасные для режима партии – эсеров и социал-демократов. По этому поводу существовало стремление, чтобы секретные сотрудники занимали в указанных партиях как можно более важное и влиятельное положение. Это давало возможность им не только быть в курсе всех замыслов и дел в партийных организациях, но и вмешиваться в партийные дела, создавать склоки и враждебные отношения революционных лидеров, добиваться тех решений, которые были выгодны департаменту. МВД, например, опасалось того, что социал-демократическая партия, разбитая на большевистскую и меньшевистскую фракции, может объединиться. 16 сентября 1914 года был разослан циркуляр Департамента полиции: всем охранным и жандармским управлением предписывалось «безотлагательно внушить подведомственным секретным сотрудникам, чтобы они участвовали в разного рода партийных совещаниях, неуклонно и настойчиво проводя и отстаивая идею полной невозможности какого бы то ни было организационного слияния течений и в особенности объединения большевиков с меньшевиками» [3].

Департаменту подчинялись охранные и розыскные отделения, полицейские учреждения, городские и уездные, градоначальники, речная и фабричная полиция, сыскные отделения, адресные столы, пожарные команды. С департаментом сотрудничали органы штаба жандармов на местах – губернские жандармские управления и жандармско-полицейские Управления железных дорог. Надзор за русскими подданными за границей осуществляли зарубежные агентуры департамента [4].

Развитие органов полиции во второй половине XIX в. характеризовалось усовершенствованием их организационной структуры с целью усиления эффективности охраны общественного порядка в условиях социальной напряженности.

Следует напомнить, что вторая половина XIX в. занимает особое место в истории Российской империи. Осуществление буржуазных реформ 60-70-х гг. привело к изменению традиционных общественных отношений. Новые социально-политические реалии обусловили и тенденции развития полицейской системы Российской империи.

В связи с террористической деятельностью народников в 1880-1883-х гг. была осуществлена полная реорганизация центрального аппарата полиции: министр внутренних дел стал одновременно и шефом жандармов; вместо III отделения был создан Департамент полиции МВД, который объединил руководство общей и политической полиции [5].

Система специальных органов Российской империи включала в себя центральные и местные органы Министерства юстиции и МВД. Их главной задачей была борьба с любыми проявлениями антигосударственной деятельности. Противодействие экстремистскому движению на местах осуществлялась через главные жандармские управления, жандармско-полицейские управления железных дорог, розыскные пункты, охранные отделения (которые впоследствии были реорганизованы в районные охранные отделения).

Существенное значение для характеристики охраны государственного строя в борьбе с терроризмом имеет развитие аппарата не только политической, что не менее важно, и общей полиции во второй половине XIX – начале XX века. Во-первых, последовательно расширялись штаты уже существующих полицейских органов; во-

вторых, создавались новые звенья полицейского механизма, в том числе борьбы с терроризмом.

Важное место среди государственных институтов Российской империи, призванных обеспечивать поддержание общественного порядка среди крестьянского населения, занимали земские участковые начальники, чьи должности были введены по закону от 12 июля 1889 г. [6]. Их назначение было прерогативой губернаторов, но необходимо было согласование кандидатур с предводителями дворянства и утверждениями со стороны МВД.

Земские начальники, кроме судебных, наделялись широкими административно-полицейскими функциями, к которым относился надзор за всеми органами крестьянского общественного управления и ревизия их деятельности. В случае отсутствия на месте уездного исправника или станового пристава, на земского начальника возлагался надзор за действиями волостных старшин и сельских старост, низших чинов полиции по охране безопасности и порядка, а также по предупреждению и пресечению преступлений и проступков [7].

В конце 80-х гг. XIX ст. была изменена структура уездных и городских полицейских управлений. Предметы ведения общих присутствий были отнесены к городским и уездным полицейским управлениям.

5 мая 1903 г. был принят закон о введении в 46 губерниях Европейской России уездной полицейской стражи для охраны благочиния, общего спокойствия, безопасности и порядка в местностях подведомственных уездной полиции» [8]. В состав уездной полицейской стражи входили чиновники и стражи. 25% общего количества стражей формировались в особые конные команды. В каждой волости находились один урядник и определенное количество стражей (с расчетом не более одного часового на каждые 2500 чел.).

Стражи распределялись в соответствии с необходимостью по губерниям – министром внутренних дел, а в губернии – губернатором. Высшее руководство полицейской стражи осуществлял министр внутренних дел, а в губерниях – она подчинялась губернатору, в уезде – уездному исправнику, в состоянии – становому приставу.

Император Николай II 5 декабря 1905 г. утвердил Положение, согласно которому владельцы имений, по разрешению губернаторов, имели право основывать в сельской местности за собственные средства отдельные исполнительные полицейские должности и должности низших чинов полиции или формировать команды полицейской стражи. Эти полицейские чины и команды подчинялись губернатору и находились в ведении местного исправника и должны были выполнять законные требования землевладельцев по охране их имений [9].

Полицейские стражи имели двоякое назначение, с одной стороны, они осуществляли полицейские функции, а с другой – это было военизированное подразделение, которое в случае массовых беспорядков должно было подавлять их с целью восстановления общественного порядка. Таким образом, полицейская стража должна была хотя бы частично, при необходимости заменить войска, которые в период наивысшего подъема революции были просто не в состоянии перекрыть все горячие точки [10, с. 75].

В связи с увеличением численности жителей городов возникла насущная потребность в создании специализированных органов полицейского надзора за насе-

лением. Так, в 1871 г. в Одессе, важном транспортном и торговом центре империи, при городском полицейском управлении был учрежден адресный стол. В его состав входили: начальник стола, его помощник и писарь по вольному найму. Начальник адресного стола и его помощник назначались градоначальником из чиновников полиции или канцелярии градоначальника и получали плату в размере, которая определялась полицмейстером из постановления градоначальника.

Адресный стол создавался:

1) для указания места проживания, переездов, времени прибытия и отбытия граждан в городах;

2) для содействия в розыске лиц;

3) для предоставления официальным учреждениям и должностным лицам правильных справок о пребывании или отсутствии нужных им лиц;

4) для предоставления частным лицам сведений о месте проживания или времени отбытия из города нужных им людей.

Обязанности адресного стола заключались:

1) в учете всех жителей города и в постоянном ведении алфавитных указателей;

2) в предоставлении официальным учреждениям и должностным лицам справок и сведений;

3) в выдаче частным лицам адресов лиц, которые находились в городе [11].

В конце XIX века в связи с усилением антигосударственной деятельности экстремистских группировок, которая была направлена на широкие слои населения, создаётся специальная фабрично-заводская полиция. Еще в 1880 г. предпринимателям было разрешено внедрять на предприятиях за собственный счет должности полицейских, впоследствии царское правительство взяло на себя львиную долю расходов по содержанию фабрично-заводской полиции.

Отдельное, ведущее место в структуре органов борьбы с преступностью в Российской империи, которые непосредственно сосредоточились на борьбе с проявлениями терроризма, занимало Третье отделение личной канцелярии императора. Впоследствии функции этого органа перешли в Департамент полиции МВД, корпус жандармов и охранным отделением полиции.

Третье отделение было учреждено 3 июля 1826 года Николаем I, которое возглавил Бенкендорф А. Х.

Аппарат Третьего Отделения первоначально насчитывал всего 16 человек, организационно объединенных в четыре экспедиции: первую (политические дела), вторую (ересь, фальшивомонетничество, убийства, места заключения, крестьянский вопрос), третью (контроль за иностранцами), четвертую (делопроизводство, личный состав).

В компетенцию Третьего отделения входили: все распоряжения и известия по всем вообще случаям высшей полиции; сведения о числе существующих в государстве разных сект и расколов; сведения о производстве фальшивых ассигнаций, монет, штемпелей и прочее; подробные сведения обо всех людях, находящихся под надзором полиции; высылка и размещение подозрительных людей; заведование надзорной и хозяйственной жизнью всех мест заключения, в которых содержатся государственные преступники; все постановления и распоряжения об иностранцах, прибывших в пределы государства и тех кто покидает ее границы; статистические

сведения, которые касались полиции. Как видно из этого перечня, обязанности Третьего отделения были большие и в силу этого не очень четкие.

Вооруженным подразделением Третьего отделения, для проведения его мероприятий, являлся корпус жандармов, который был создан, согласно указу Николая I, 28 апреля 1827 г.

Впервые институт жандармерии в России появился еще в царствование императора Павла I, но в то время создания жандармских подразделений было нерегулярным, они были малочисленны. Впоследствии к жандармерии перешли функции военной полиции. В 1817 году было проведено увеличение численности личного состава жандармских подразделений. В столицах были созданы жандармские дивизионы, а в губернских городах и некоторых портах – жандармские команды (всего в Российской империи их было 56). Через 10 лет, в 1827 году, был образован корпус жандармов. Он выполнял роль вооруженного формирования специального назначения и подчинялся Третьему отделению собственной его императорского величества канцелярии.

Отдельный корпус жандармов был создан на основании «Положения о Корпусе жандармов», изданного 28 апреля (10 мая) 1827 года (должность шефа жандармов была основана 25 июня (7 июля) 1826 года). В строевом и хозяйственном отношении Отдельный корпус жандармов входил в систему Военного министерства, которое также имело право инспектировать его. Однако осуществление жандармерией надзора за населением, организация и ведение политического розыска, проведение дознаний контролировалось Третьим Отделением собственной его императорского величества канцелярией, а затем Департаментом полиции МВД.

В структуры жандармерии входили губернские жандармские управления, которые создавались в губерниях Центральной России, Северо-Западного края и на Кавказе, жандармского управления Одессы и Шлиссельбургского жандармского управления. В городах и в уездах размещался также дополнительный штат, который до 1870 г. именовался надзорным составом корпуса жандармов.

В уездах для руководства местными подразделениями жандармерии были учреждены должности помощников начальников управлений. В подчинении начальников губернских жандармских управлений были крепостные и портовые жандармские команды и жандармские пограничные пункты. Всего в Российской империи до Февральской революции 1917 г. существовало 75 губернских жандармских управлений [12].

Жандармерия занималась мониторингом политических настроений населения государства, проведением дознания и следствия по политическим преступлениям, которые включали и акты террора и экстремизма, проведением тайных оперативных мероприятий по противодействию антигосударственной деятельности, доставкой преступников в места лишения свободы, а иногда и исполнением приговоров.

Жандармерия, как и полиция, имела свои разновидности: жандармерия столичных и губернских управлений, железнодорожная жандармерия (каждая железная дорога имела свое жандармское управление), пограничная (несла службу по охране государственных границ и контроля за въездом в империю и выездом за ее пределы) и, наконец, полевая жандармерия, осуществлявшая функции военной полиции (к ней можно отнести и крепостных жандармов, которые выполняли те же функции в крепостях).

Кроме производства дознания жандармерия собирала информацию о внутриполитическом положение и настроении общества. Каждые шесть месяцев начальник губернского жандармского управления подавал в штаб корпуса информацию о положении в губернии.

В состав корпуса жандармов входили жандармские полицейские управления железных дорог. Эти органы выполняли полицейские функции на железнодорожном транспорте. В ведении каждого управления находился участок дороги протяженностью 2000 верст. Железнодорожная жандармерия кроме борьбы с преступностью выполняла задачи по обеспечению бесперебойного функционирования дорог, для чего в ее обязанности входил надзор за выполнением «Полицейских железнодорожных правил». В связи с этим жандармы следили за исправностью пути, чистотой на перронах, правильностью составления грузовой документации, сохранностью пломб на дверях вагонов, также они имели право отстранить от работы бригаду поезда в случае ее нетрезвости и т. д. Таким образом, они дублировали функции администрации железной дороги с целью предупреждения нарушения общественного порядка, совершения преступлений и актов экстремизма.

В Москве, Санкт-Петербурге и Варшаве существовали жандармские кавалерийские дивизионы, предназначенные для несения патрульно-постовой службы и борьбы с массовыми беспорядками. Особенность этих частей состояла в том, что рядовым составом они комплектовались из новобранцев, проходивших в дивизионах действительную службу.

Личный состав жандармерии состоял в основном из офицеров и унтерофицеров; рядовых почти не было, поскольку младшие чины комплектовались из лиц, которые прошли сверхсрочную службу в кавалерийских частях (жандармы считались служащими, которые принадлежали к кавалерии, хотя собственно кавалерийских частей в жандармерии было очень мало). Офицерский и унтерофицерский состав имел воинские звания кавалерии.

Комплектование офицерского состава осуществлялось в жандармерии довольно специфическим путем. Во всех других военных соединениях служили офицеры, которые были выпускниками юнкерских училищ или переведены из других полков. Жандармские офицеры были офицерами гвардейской (преимущественно) кавалерии, вынужденные уйти из полка по тем или иным причинам.

Практическая деятельность жандармерии состояла в побуждении к исполнению законов и приговоров судов. К числу обязанностей жандармских чинов, в частности, входил розыск беглых крестьян, задержка беспаспортных лиц, преследование воров, контрабандистов, «расследование законом запрещенных скопищ», сопровождение особо важных преступников и арестантов. Жандармы присутствовали на церковных и народных праздниках, гуляниях, разного рода съездах и парадах. Генералы и штаб-офицеры осуществляли надзор за местным аппаратом государственного управления и политическим настроениям в местном обществе, о чем были обязаны делать регулярные доклады в Третье отделение [13, с. 18]. Таким образом прослеживается направленность института жандармерии против тех составов преступления, которые содержали посягательство на общественный и государственный строй Российской империи. Интересно отметить, в компетенцию Отдельного корпуса жандармов также входила борьба с коррупцией.

В 40-е годы позапрошлого века функции жандармов сильно усложняются, что объективно было обусловлено ростом напряженности в стране, кризисом крепостного строя. Офицеры корпуса не только проводили заседания в рекрутских комиссиях, выявляли злоупотребления чиновников, но и участвовали в контроле за качеством изготовленной для армии амуниции. В это время стало обязательным участие жандармов в расследовании любых крестьянских волнений, убийств крепостными своих помещиков. Кроме того, в ведении жандармерии находился также надзор за местной прессой, культурной жизнью губерний.

Но к моменту прихода к власти императора Александра II (1855 г.) эффективность политического розыска в России снизилась, органы Третьего отделения, как в центре, так и на местах находились в кризисном состоянии. Поэтому новый император вынужден был принимать меры по их совершенствованию.

В 1867 году были созданы губернские жандармские управления.

Указом от 6 августа 1880 году Третье отделение было ликвидировано, а его функции были переданы в Особый отдел Департамента полиции МВД.

С 1880 года губернские жандармские управления, которые ранее подчинялись штабу корпуса жандармов, перешли в подчинение Департамента полиции МВД. Это ведомство стало центральным органом политического надзора и сыска, оно управляло и общей полицией. С указанного времени Министерство внутренних дел функционально выполняло роль ведущей и вышестоящей организации для всех органов Российской империи, которые осуществляли защиту государственного режима. Такое объединение функций защиты государственной безопасности и охраны общественного порядка в рамках одного ведомства было на то время вполне закономерным явлением.

С 1905 года происходил неуклонный рост численности личного состава корпуса жандармов. Корпус состоял из Главного управления (штаба), 75 губернских жандармских управлений, 30 уездных жандармских управлений Привислинского края (современной Польши), 33 жандармско-полицейских управлений железных дорог с 321 отделением в городах и на крупных станциях, 19 крепостных и 2 портовых жандармских команд, 3 дивизионов, одной городской и 2 пеших команд, 27 строевых частей.

В середине 1913 года корпус жандармов насчитывал 12700 человек, из них – 912 генералов и офицеров, 30 государственных чиновников, имевших классные чины. До конца 1916 года в корпусе служили около 16 тысяч жандармов. Из них более 940 офицеров и генералов, десятки классных чиновников. Однако основную массу жандармерии составляли вахмистры, унтер-офицеры, рядовые.

Ведущим структурным подразделением политического розыска было губернское жандармское управление, подчинявшееся по розыскной части Департаменту полиции, управления размещалось в губернских городах, крупных уездных центрах.

Главным в их деятельности, согласно закону от 19 мая 1871 года, было дознание, а также политическое следствие, переданное жандармерии от судебных следователей, институт которых был учрежден в 60-е годы XIX века. Канцелярия жандармского управления делилась на несколько частей (общего руководства, розыскную, следственную, политической благонадежности и денежную часть). В ведении жандармских управлений находились жандармские части.

Особыми секретными распоряжениями министра внутренних дел была усилена самостоятельность жандармских управлений на железных дорогах.

Важным этапом в деле обеспечения государственной безопасности было создание охранных отделений.

Охранные отделения – структурные подразделения полиции, которые ведали политическим сыском, были созданы в 1866 году как Отделение по охране порядка и общественной безопасности при петербургском градоначальнике после покушения на Александра II. Штат его состоял всего из 12 человек. Охранное отделение с 1880 года подчинялась непосредственно Департаменту полиции МВД [14, с. 27].

Московское охранное отделение было создано в 1880 году. В первые годы оно было сравнительно немногочисленным, его штат в 1889 году составлял всего 6 человек. Но существовал и чуть больший неофициальный штат. Он состоял из «охранной наружной службы», то есть филеров, а также целой группы информаторов в рядах революционных партий.

В столичных подразделениях охранные отделения, кроме канцелярии, включали в себя два отдела: наружного наблюдения и агентурный (отдел внутреннего наблюдения). К ним примыкали секретные делопроизводства.

Охранное отделение в период революции 1905-1907 годов через агентуры, контролировало революционные организации, арестовывало членов боевых рабочих дружин, возглавляло разгон петербургского Совета рабочих депутатов, контролировало солдат и офицеров гарнизона. Охранные отделения держала в поле своего зрения видных общественных деятелей, думских депутатов, писателей, художников – словом, всех, кто представлял или мог представлять потенциальную угрозу для государства.

После революции 1905-1907 годов в стране насчитывалось 60 охранных отделений. В 1914 году, когда окрепли губернские жандармские управления и жандармско-полицейские управления железных дорог, а также в связи с ослаблением революционного движения охранные отделения остались только в самых крупных городах, которые были центрами рабочего и студенческого движения. Для улучшения производства дознаний по политическим делам в отдельных городах создавались секретно-поисковые пункты, они создавались, в первую очередь, в тех городах, где революционное движение проявлялось особенно сильно. В число таких городов включили Вильно, Екатеринослав, Киев, Саратов, Тифлис, Харьков, Ярославль и др.

С организацией указанных подразделений эффективность политического сыска стала более высокой. Главное направление деятельности охранных подразделений состоял в противодействии антигосударственной активности социал-демократических организаций. 11 декабря 1902 года министр внутренних дел Плеве В. К. докладывал Николаю II: «С весны текущего года важнейшей задачей Департамента полиции была поставлена борьба с революционными кружками "Искры"». Значительное внимание уделялось и деятельности партии эсеров. В ячейках этой партии у жандармерии были агенты, осуществлявшие передачу информации о намерениях руководства эсеров по осуществлению террористических актов.

Первая российская революция намного усложнила деятельность политического сыска. Сотрудникам охранных отделений приходилось работать в условиях массового революционного движения рабочих забастовок, которые в ряде случаев переходили в вооруженные восстания, крестьянские волнения, активные движения оппозиционных партий, совершение массовых террористических актов. Появилась необходимость координировать работу тайной полиции в крупных регионах и ре-

шать многие важные оперативные вопросы на месте, не дожидаясь указаний Департамента полиции. В 1906 году начали создаваться районные охранные отделения – центры политического сыска для нескольких губерний.

По мнению современных аналитиков, на рубеже XIX – XX веков Россия имела эффективную систему органов защиты государственной безопасности. Благодаря использованию многочисленных тайных агентур в стране и за рубежом, добровольных помощников специализированные органы получали достоверную информацию о намерениях террористических организаций. Они внедряли своих агентов в потенциально опасные круги, действовали на опережение, изучали возможных противников. Спецслужбы имели опыт подготовки доказательств для крупных политических судебных процессов, взаимодействия с прессой (что помогало в дискредитации возможных противников). Насущные задачи помогала решать перлюстрация корреспонденции, наружное наблюдение, совершенствовались методы вербовки агентуры, активно проводились аресты, обыски, допросы. Именно это и помогло спецслужбам преодолеть активную террористическую деятельность в годы первой российской революции.

Таким образом, система государственных органов в лице полиции, жандармерии и охранных отделений, которая существовала в конце XIX – начале XX века в Российской империи позволяла вести в целом эффективную борьбу с террористическими проявлениями в государстве.

Особенностью системы этих органов, осуществлявших борьбу с терроризмом, была разная подчиненность в рамках МВД, наличие двойной подчиненности и подведомственности другим органам государства, что вызывало определенные трудности в согласованности компетенции и планировании совместных действий, но в то же время, создавало уникальную ситуацию, когда одно и то же дело вели по своим направлениям несколько государственных органов, которые дополняли друг друга, что, в свою очередь, повышало результативность антитеррористических действий.

Список литературы

1. Мулукаев Р. С. Политическая полиция дореволюционной России, её реакционный, антинародный характер / Р. С. Мулукаев [Текст]. – М. : Наука, 1986. – 327с.

2. Меняйло Д. В. История органов внутренних дел в схемах: Учебно-методическое пособие [Текст] [Иллюстр.] / Д. В. Меняйло. – Белгород: БЮИ МВД России, 2009. – 92 с.

3. Чукарев А. Г. Департамент полиции // Верой и правдой / А. Г. Чукарев. URL: http://yaroslavl.fsb.ru/book/ogl.html. – Текст электронный.

4. Учреждение министерств // Свод законов Российской империи. В XVI т. – СПб.: Русское книжное товарищество «Деятель», 1892. – Т. И. – Ч. 2., ст. 361.

5. Полное собрание законов Российской империи, собр. 3-е, в 33 томах. – СПб. : Типография 2 Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии 1885-1916 гг., Т. IX, № 6196

6. Полное собрание законов Российской империи, собр. 3-е, в 33 томах. – СПб. : Типография 2 Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии 1885-1916 гг., Т. IX, № 6196., ст. 24

7. Полное собрание законов Российской империи, собр. 2-е, в 45 томах. – Типография 2 Отделения Собственного Его Императорского Величества Канцелярии, СПб.: 1830., отд. 2-е, Т.XXIII, № 22906

8. Полное собрание законов Российской империи, собр. 3-е, в 33 томах. – СПб.: Типография 2 Отделения Собственного Его Императорского Величества Канцелярии 1885-1916 гг. – Т. XXV, отд.1-е, № 27008

9. Ярмыш А. Н. карательный аппарат самодержавия в Украине в конце XIX – начале XX в.: монография / А. Н. Ярмыш [Текст]. – Х. : Консум, 2001. – 284 с.

10. Государственный архив Харьковской области (далее – ГАХО). – Ф. 52 (полицмейстер г. Харькова). – Оп. 1. – Д. 180-а. – Л. 17.

11. Короткий систематический свод действующих законоположений и циркулярных распоряжений, которые относятся к обязанностям чинов губернских жандармских управлений из наблюдения за местным населением и производства дознаний. / Сост. полк. Добряков – СПб.: Тип. от. корп. жанд., 1903. – 650 с.

12. Меняйло Д. В. История органов внутренних дел в схемах: Учебно-методическое пособие [Текст] [Иллюстр.] / Д. В. Меняйло. – Белгород: БЮИ МВД России, 2009 – 92 с.

Filonov A. V. Organizational structure and structure of the bodies of the Russian Empire, which provided protection of the state and public order / A. V. Filonov // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2019. – T. 4 (72). № 4. – P. 81-90.

This article is sanctified to the public organs of the Russian empire, that in the end XIX – beginning of XX cc. conducted an effective enough fight against terrorism and extremism. The question is here, first of all, about an underlying structure, organization of work and cooperation of organs of police, gendarmery and guard separations on implementation of tasks that touched the guard of the political and public system in the Russian empire.

Keywords: police, gendarmerie, security departments, police Department, terrorism, social Democrats, populist revolutionaries, Third Department of his Imperial Majesty's Chancellery.

Spisok literatury`

1. Mulukaev R. S. Politicheskaya policiya dorevolyucionnoj Rossii, eyo reakcionny`j, antinarodny`j xarakter / R. S. Mulukaev [Tekst]. – M. : Nauka, 1986. – 327s.

2. Menyajlo D. V. Istoriya organov vnutrennix del v sxemax: Uchebno-metodicheskoe posobie [Tekst] [Illyustr.] / D. V. Menyajlo. – Belgorod: BYuI MVD Rossii, 2009. – 92 s.

3. Chukarev A. G. Departament policii // Veroj i pravdoj / A. G. Chukarev. URL: http://yaroslavl.fsb.ru/book/ogl.html. – Tekst e`lektronny`j.

4. Uchrezhdenie ministerstv // Svod zakonov Rossijskoj imperii. V XVI t. – SPb.: Russkoe knizhnoe tovarishhestvo «Deyatel`», 1892. – T. I. – Ch. 2., st. 361.

5. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii, sobr. 3-e, v 33 tomax. – SPb. : Tipografiya 2 Otdeleniya Sobstvennoj Ego Imperatorskogo Velichestva Kancelyarii 1885-1916 gg., T. IX, № 6196

6. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii, sobr. 3-e, v 33 tomax. – SPb. : Tipografiya 2 Otdeleniya Sobstvennoj Ego Imperatorskogo Velichestva Kancelyarii 1885-1916 gg., T. IX, № 6196., st. 24

7. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii, sobr. 2-e, v 45 tomax. – Tipografiya 2 Otdeleniya Sobstvennogo Ego Imperatorskogo Velichestva Kancelyarii, SPb.: 1830., otd. 2-e, T.XXIII, № 22906

8. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii, sobr. 3-e, v 33 tomax. – SPb.: Tipografiya 2 Otdeleniya Sobstvennogo Ego Imperatorskogo Velichestva Kancelyarii 1885-1916 gg. – T. XXV, otd.1-e, № 27008

9. Yarmy`sh A. N. karatel`ny`j apparat samoderzhaviya v Ukraine v konce XIX – nachale XX v.: monografiya / A. N. Yarmy`sh [Tekst]. – X. : Konsum, 2001. – 284 s.

10. Gosudarstvenny`j arxiv Xar`kovskoj oblasti (dalee – GAXO). – F. 52 (policzmejster g. Xar`kova). – Op. 1. – D. 180-a. – L. 17.

11. Korotkij sistematicheskij svod dejstvuyushhix zakonopolozhenij i cirkulyarny`x rasporyazhenij, kotory`e otnosyatsya k obyazannostyam chinov gubernskix zhandarmskix upravlenij iz nablyudeniya za mestny`m naseleniem i proizvodstva doznanij. / Sost. polk. Dobryakov – SPb.: Tip. ot. korp. zhand., 1903. – 650 s.

12. Menyajlo D. V. Istoriya organov vnutrennix del v sxemax: Uchebno-metodicheskoe posobie [Tekst] [Illyustr.] / D. V. Menyajlo. – Belgorod: BYuI MVD Rossii, 2009 – 92 s.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2019. – Т. 5 (71). № 4. – С. 91-100.

УДК 343.197.7

МАТЕРИАЛЬНО-ТЕХНИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ОРГАНОВ ТРАНСПОРТНОЙ ЮСТИЦИИ В 1940-е – 1950-е ГОДЫ

Шкаревский Д.Н.

Сургутский государственный университет ХМАО-Югры

Деятельность органов транспортной юстиции относится к малоизученным темам в отечественной и зарубежной научной литературе. Проблемам материально-технического обеспечения данных органов практически не уделялось внимания. Работа основана на не опубликованных ранее делопроизводственных документах, находящихся на хранении в Государственном архиве Российской Федерации [ГАРФ] и Российском государственном архиве социально-политической истории [РГАСПИ].

В работе автор опирается на принципы объективности, историзма, использует сравнительно-исторический метод.

В статье анализируется материальное и техническое обеспечение органов транспортной юстиции СССР в 1940-е – 1950-е гг. Также в работе предпринята попытка оценить уровень материального обеспечения сотрудников данных органов.

Автор приходит к выводу о низком материально-техническом обеспечении деятельности органов транспортной юстиции. Государство стремилось любыми способами экономить на деятельности органов транспортной юстиции. Регулярно сокращались средства, выделяемые на командировки, на повышение квалификации сотрудников, на обновление материальной базы этих учреждений.

Однако, по мнению автора, материальное обеспечение сотрудников органов юстиции на транспорте было существенно выше, чем остальных советских граждан и даже выше, чем у сотрудников органов общей юстиции. По мнению автора, это обстоятельство стало одной из причин ликвидации данных органов в 1957 г.

Ключевые слова: советская юстиция, специальная юстиция, транспортная юстиция, транспортные суды, военные транспортные трибуналы.

До настоящего момента деятельность органов транспортной юстиции остается малоизученной темой. Это связано с тем, что в СССР они были отнесены к органам специальной юстиции, и их деятельность протекала в секретном режиме. Они были частью централизованной системы чрезвычайного управления. Эта система создавалась в 1930-е гг. для обеспечения проведения экономической политики коллективизации и индустриализации. В первой половине 1940-х гг. она была модернизирована под нужды фронта и обеспечения победы в Великой Отечественной войне. В это время произошла милитаризация системы транспортной юстиции. Однако этот процесс занял достаточно продолжительное время – лето 1941 – весна 1943 гг.

Органы транспортной юстиции являлись полуавтономной системой, ядро которой составляли транспортные суды (военные трибуналы, линейные суды). На 1 января 1946 г. в СССР насчитывалось 98 трибуналов транспорта. В дальнейшем, особенно после отмены военного положения на транспорте в 1948 г., их количество сокращалось. К моменту ликвидации системы органов транспортной юстиции в 1957 г. их насчитывалось 42.

Данная система отличалась множественностью центров управления и разнообразием методов управления. Для нее был характерен командно-административный стиль руководства. Для управления данными органами в структуре Верховного суда СССР были созданы соответствующие коллегии (Железнодорожная, Воднотранспортная, а позднее Транспортная), в структуре Наркомата (Министерства) юстиции – Главное управление военных трибуналов транспорта (ГУВТТ), а позднее – Главное управление по делам линейных транспортных судов (ГУДЛТС). Также их деятельность контролировалась непосредственно И. Сталиным, определенное влияние на них оказывали партийные органы.

Статус данных органов был более высоким, чем, например, народных судов. Это подчеркивалось категориями рассматриваемых дел и более высоким уровнем обеспечения их сотрудников. Деятельность этих органов в период ВОВ регламентировалась чрезвычайным законодательством. После окончания войны традиции применения секретных, не опубликованных нормативно-правовых актов сохранялись. Лишь с 1953 г. в этом вопросе начали происходить положительные изменения.

В связи с высоким уровнем секретности все советские исследователи лишь могли упоминать о существовании этих органов и анализировать не секретные нормативные акты, на основании которых они действовали [18, 19, 21]. В 1990-е гг. часть делопроизводственных документов об их деятельности были рассекречены. Однако сокращение финансирования науки оказалось серьезным препятствием для изучения данной темы. Лишь в 2000-е гг. отечественные исследователи стали проявлять интерес к данной теме [20, 26].

Работы иностранных авторов посвящены в основном исследованию органов общей юстиции (народных судов) [25, 30]. Отдельные аспекты деятельности специальных судов рассмотрены в работах Г. Берга, Р. Конквеста [28, 29]. Однако основным недостатком данных работ также является небольшое количество источников, на которых базируются эти исследования.

Основная цель данной работы состоит в том, чтобы определить уровень материально-технического обеспечения органов транспортной юстиции в течение 1940-х – 1950-х гг.

К десятилетию создания органов юстиции на водном транспорте А. Щитович утверждал, что «партия и советское правительство создали все условия для образцовой работы военных прокуратур и трибуналов водного транспорта» [27, с. 24]. Оплата труда работников органов транспортной юстиции действительно была несколько выше, чем в органах общей юстиции.

Денежное довольствие сотрудников транспортной юстиции также было выше, чем сотрудников органов общей юстиции. Примеры денежного довольствия в зависимости от должности приводятся в таблице 1.

Таблица 1

Денежное содержание отдельных должностей в ГУВТТ [9, л. 5]

Штат Главного управления ВТ транспорта

Начальник Главного управления генерал юстиции – 1 – 3200 р.

Помощник начальника главного управления – полковник – 2200 р.

Инспектор для поручений – майор – 1 – 1600 р.

Стенографистка – 1 – 800 р.
Секретарь – ст. лейтенант административной службы – 1 – 1000 р.

Управление ВТ ж.д. и ж.д. войск

Начальник управления – генерал юстиции – 1 – 2800 р.
Ст. инспектор (консультант) – подполковник юстиции – 1 – 2000 р.
Секретарь-машинистка – в/н – 500-600 р.

Управление ВТ водного транспорта

Начальник управления – генерал юстиции – 1 – 2600 р.
Начальник управления по кадрам – подполковник юстиции – 1 – 2200 р.
Ст. инспектор (консультант) – подполковник юстиции – 1 – 2000 р.
Делопроизводитель – в/н – 1 – 550 р.
Секретарь-машинистка – в/н – 1 – 600 р.
Шофер – в/н – 2 – 550 р.

Денежное содержание сотрудников военных трибуналов [9, л. 14]

По литере «А»

Председатель ВТ – 1 – 2000 р. в мес.
Заместитель ВТ – 1 – 1800 р.
Членов ВТ – 7 – 9800 р. (в месяц на трибунал)
Нач.секретариата – 1 – 850 р.
Комендант – 1 – 650 р.
Всего – 11 чел. – 15100 руб.

Вольнонаемный состав:

Судебный секретарь – 7 – 4900 р.
Делопроизводитель – 1 – 600 р.
Машинистка – 2 – 1000 р.
Вахтеры – 2 – 600 р.
Курьеры-уборщицы – 2 – 600 р.
Шоферы – 1 – 600 р.
Всего – 15 – 8300 руб.

Литера «Б»

Председатель ВТ – 1 – 1900 р.
Зам.председателя ВТ – 1 – 1700 р.
Членов ВТ – 5 – 7000 р.
Нач.секретариата – 1 – 850 р.
Комендант – 1 – 650 р.
Всего – 9 чел – 12100 руб.

Вольнонаемный состав:

Судебный секретарь – 5 – 3500 р.
Делопроизводитель – 1 – 600 р.
Машинистка – 2 – 1000 р.
Вахтеры – 2 – 600 р.
Курьеры-уборщицы – 2 – 600 р.
Шоферы – 1 – 600 р.
Всего – 13 – 6900 руб.

Литера «В»

Председатель ВТ – 1 – 1800 р.
Зам.председателя ВТ – 1 – 1600 р.
Членов ВТ – 4 – 5600 р.
Нач.секретариата – 1 – 850 р.
Комендант – 1 – 650 р.
Всего – 8 чел. – 10500 руб.

Вольнонаемный состав:

Судебный секретарь – 4 – 2800 р.
Делопроизводитель – 1 – 600 р.
Машинистка –1– 500 р.
Вахтеры – 2 – 600 р.
Курьеры-уборщицы – 2 – 600 р.
Шоферы – 1 – 600 р.
Всего – 11 – 5700 руб.

Для сравнения, денежное довольствие командира батальона составляло 1 100 рублей, командира корпуса – 2 500 рублей. Поэтому уровень жизни и обеспечение сотрудников органов транспортной юстиции, особенно в период ВОВ, были несколько выше, чем у основной массы населения страны. Это позволяло отдельным работникам оказывать посильную помощь не только своим родственникам, но и знакомым. Так, член военного трибунала Калининской ж.д. Смирнов В. свою квартирую хозяйку Федотову зачислил в штат трибунала, чтобы освободить от лесозаготовок, а также передавал ей топливо, предназначенное для отопления трибунала [15, л. 49].

Расходы на содержание трибуналов транспорта [ВТ] были достаточно высокими. Только содержание трибуналов водного транспорта составляло от 150 000 руб. до 291 600 руб. в год в зависимости от штата и литеры. Отмечу, что большую часть из данных расходов составляло денежное содержание сотрудников. Примеры расходов приводятся в таблице 2.

Таблица 2

Смета расходов на содержание военных трибуналов водного транспорта на 1943 г. по штатам военного времени № 02/230 [18, л. 106]

	З.п. военнослуж. без начисл	З.П. вольнонаем без начисл	Путевое довольствие	Оплата свидет., экспертов, переводчиков	Хоз. и канц. расходы	Почто-телеграфн расходы	Коммун. услуги, аренда помещен., ремонт	Противопожарн мероприят	Воен подгот и команд. учеба	Политпросвет учеба	Вещевое и сан. хозяйст им-во	Эксплоатация автотранспорта	Всего
ВТ Черноморского бассейна на штат № 02/230 лит А.	213 000	38 000	12 000	3 000	3 000	3 000	2 000	700	500	400	1 000	4 000	291 600
ВТ Нижне-Волжского и	213 000	38 000	16 000	3 000	3 000	3 000	2 000	700	500	400	500	4 000	284 100

Уральского басс. штат № 02/230 лит А.													
ВТ Северо-Западного речного и Балтийского морского басс. штат № 02/230 лит Б.	153 600	38 000	12 000	3 000	3 000	2 000	4 400	500	500	400	1 000	4 000	223 000
ВТ Северного морского и Суронского речн басс. штат № 02/230 лит Б.	153 600	38 000	16 000	3 000	3 000	3 500	2 000	500	500	400	1 000	4 000	224 600
ВТ Мурманского морского басс. штат № 02/230 лит Б.	153 600	38 000	12 000	3 000	3 000	2 600	2 000	500	500	400	1 000	4 000	221 100
ВТ Каспийского басс. штат № 02/230 лит Б.	153 600	38 000	12 000	2 000	3 000	2 600	2 000	500	500	400	1 000	4 000	219 600
ВТ Московско-Окского басс. штат № 02/230 лит Б.	153 600	38 000	16 000	3 500	3 000	2 500	3 500	500	500	400	1 000	4 000	226 500
ВТ Тихоокеарнского басс. штат № 02/230 лит. Г.	136 800	34 000	15 000	2 600	3 600	3 000	1 800	400	400	300	800	4 000	202 700
ВТ Николаевского на Амуре морского пароходства штат № 02/230 лит. Д.	91 800	34 000	10 000	2 600	3 000	2 500	1 500	400	400	200	300	4 000	150 100

В период ВОВ органы военно-транспортной юстиции обеспечивались из фондов Наркомата обороны. Так, в апреле 1942 г. заместитель НКО Хрулев А. приказал «Военные прокуратуры Томской, Амурской, Восточно-Сибирской, Дальне-Восточной, Приморской, Красноярской железных дорог и дороги им. т. Молотова В. М. зачислить на все виды снабжения в НКО СССР. … Военным Советам фронтов и округов обеспечить Военные Прокуратуры железных дорог всеми необходимыми материальными средствами» [18, л. 14].

Также сотрудники органов транспортной юстиции обеспечивались дополнительным питанием из фондов НКПС, Наркомфлота, Наркомречфлота [15, л. 25]. Произошло это только в конце 1942 г. по требованию Прокурора СССР Бочкова В. и Наркома юстиции Н. Рычкова, которые указали на то, что по постановлению ЦИК СССР от 7 июня 1934 г. за № 96/1285 имеется указание на то, что «работники линейных водных судов и прокуратуры бассейнов приравниваются по своим правам и по материальному обеспечению соответственно к работникам водного транспорта. Нет никаких оснований также не приравнивать их к работникам водного транспорта и в части продовольственного снабжения» [12, л. 85].

После этого, распоряжением СНК СССР от 14.11. 1942 г. за № 21718-рс председатели и члены органов юстиции водного транспорта были включены в перечень руководящих работников, имеющих право на получение обедов в порядке, установленном постановлением СНК СССР от 17 ноября 1942 г. за № 1548-742с «Об улучшении питания руководящих работников промышленных предприятий» [17, л. 112].

Однако на практике реализация этого распоряжения не всегда проходила гладко. Зачастую председатели военных трибуналов транспорта сообщали, что их «со-

трудники не обеспечиваются дополнительными видами питания» и просили «рассмотреть этот вопрос» [15, л. 10]. Возникала и неразбериха: на одних дорогах дополнительное питание получали только председатели трибуналов, на других – председатели и заместители председателей ВТ, что также вызывало жалобы [4, л. 4].

Кроме этого, председатели трибуналов железнодорожного транспорта и их заместители обеспечивались годовыми железнодорожными билетами (форма № 2-а), выделялись и годовые билеты для председателей военных трибуналов желдорвойск [4, л. 3].

В отличие от материального обеспечения сотрудников материально-техническое обеспечение этих органов оставляло желать лучшего. В органах транспортной юстиции не хватало даже элементарных канцтоваров. В течение 1940-х гг., также как и в 1930-е гг., обращалось внимание на то, что «не придается должного значения внешнему оформлению судебных дел». Как и в довоенное время отмечалось, что «обложки дел – неряшливы, иногда из газетной бумаги» [1, л. 57; 2, л. 197]. Ситуация с обеспечением трибуналов была настолько серьезной, что приказом начальника ГУВТТ № 145 от 16 октября 1943 г. был введен «строгий порядок в учете имущества», т.к. «нередки случаи, когда государственное имущество расхищается и пропадает, а виновные остаются безнаказанными». Этим же документом было приказано повсеместно провести инвентаризацию, и проводить ее регулярно на 31 декабря соответствующего года, в трибуналах ввести инвентаризационные книги. При приеме дел вновь назначенными председателями военных трибуналов обязательно составлять приемо-сдаточные акты инвентаря, немедленно ставить в известность ГУВТТ о фактах разбазаривания, расхищения или пропажи имущества трибуналов. Начальнику общего отдела ГУВТТ было приказано «завести учет имущества по каждому военному трибуналу», а инспекторам ГУВТТ при ревизии военных трибуналов проверять правильность постановки учета имущества и обеспечение его сохранности [13, л. 161].

Также в 1943 г. «при проверке работы военных трибуналов установлены случаи, когда, в результате беззаботности председателей трибуналов помещения, занимаемые трибуналами в течение продолжительного времени не ремонтируются, плохо оборудованы, недостаточно тщательно убираются, грязны и запущены, что совершенно недопустимо для военного учреждения» [16, л. 38].

Отмечу, что государство стремилось экономить на органах транспортной юстиции. Так, сметы содержания военных трибуналов транспорта сокращались в основном за счет средств, выделяемых на путевое довольствие, боевую подготовку и командирскую учебу, коммунальные услуги, «приобретение разного мелкого инвентаря», содержание автотранспорта.

После завершения ВОВ сокращение расходов коснулись средств, выделяемых на командировки. В результате деятельность некоторых трибуналов оказалась под угрозой. Так, военному трибуналу Азербайджанской ж.д. в 1946 г. было выделено всего 700 руб. на командировочные расходы, а требовалось только на одного работника 850-1100 руб. [10, л. 1] В результате в системе органов транспортной юстиции стали появляться перерасходы средств за счет выплат за выслугу лет и оплаты командировочных расходов [10, л. 65].

С окончанием ВОВ органы юстиции ж.д. транспорта постановлением Совета Министров СССР от 3 мая 1946 г. № 978-408сс были переданы на все виды доволь-

ствия из Министерства вооруженных сил в Министерство путей сообщения с сохранением окладов и льгот, кроме выплат за воинские звания [10, л. 5]. Директивой Главного организационного управления Генерального штаба ВС СССР № У4/1/1351019 от 28.05.-1946 г. органы юстиции морского и речного бассейнов были сняты с довольствия военно-морских сил и прикреплены к военным округам [5, л. 10; 6, л. 8].

Лишь в октябре 1946 г. Совет Министров СССР постановлением от 8 октября 1946 г. возложил финансирование трибуналов транспорта на Министерство Юстиции СССР с сохранением окладов содержания и надбавок, кроме выплат за воинские звания, но с сохранением льгот, предусмотренных для военнослужащих [5, л. 25].

В частности, Министерство вооруженных сил должно было обеспечивать военнослужащих трибуналов вещевым довольствием [6, л. 23], а за снабжение продовольствием и промтоварами отвечало Министерство торговли «по нормам соответствующих категорий работников Министерства юстиции» [11, л. 1].

В первые послевоенные годы материально-техническое обеспечение ВТ транспорта по-прежнему оставляло желать лучшего. Так, в 1945 г. отмечалось, что «ряд ВТ не оборудованы арестантской комнатой для содержания под стражей арестованных; отсутствуют в залах заседания барьеры для изоляции арестованных от состава суда и граждан; нет комнаты для состава свободного от смен конвоя» [3, л. 81]. Помещения линейных судов для проведения судебных процессов находились «в неудовлетворительном состоянии», а оборудование не отвечало «требованиям инструкции № 247-40 г.» [14, л. 1].

Очень остро стояла проблема обеспечения автомобильным транспортом, особенно в прокуратуре. Для передвижения сотрудников использовались даже велосипеды [22, л. 122].

В то же время сметы на содержание ВТ выглядели очень внушительно: только на 4 квартал 1946 г. на содержание ВТ водного транспорта было выделено 2 млн. 489 тыс. 106 руб. [9, л. 42-43], на содержание ВТ ж.д. транспорта – 5 млн. 665 тыс. руб. [9, л. 31], на содержание ГУВТТ – 331 тыс. руб. [9, л. 24]

Также после ВОВ сохранялась ситуация с более высокими заработными платами сотрудников органов специальной юстиции. Так, в 1947 г. Н. Рычков докладывал В. Молотову: «Основной оклад моего заместителя по общим вопроса (т. Рубичев) и заместителя по кадрам (т. Морозов) – 1 750 руб. в мес. Эти оклады гораздо ниже двух других моих заместителей, ведающих управлениями военных трибуналов (6 300 руб. и 3 500 руб)» [23, л. 62]. Отмечу, что вопрос с разницей в заработной плате работников общей и специальной юстиции стал одной из причин ликвидации последней, т.к. работники общих органов юстиции проявляли открытое недовольство таким положением.

После завершения ВОВ остро стоял вопрос с обеспечением квартирами и дачами работников юстиции. Так, А. Волин, после назначения председателем ВС СССР, поставил перед Молотовым вопрос о выделении для себя дачи [24, л. 143].

Итак, материально-техническое обеспечение деятельности органов транспортной юстиции было недостаточным. В течение 1940-х гг. отсутствовали элементарные канцелярские принадлежности, печатные машинки, бумага и т.п. В дальнейшем жалобы на нехватку подобных предметов исчезают. Однако практически в течение

всего периода прослеживается нехватка транспорта, помещений, квартир для сотрудников. В течение всего периода остро стояла проблема ремонта помещений данных органов.

Несмотря на это уровень материального обеспечения сотрудников этих органов был существенно выше, чем основной массы населения страны. Тем не менее, сотрудники транспортной юстиции не всегда обеспечивались дополнительными льготами: дополнительным питанием, квартирами и т.п. Зачастую им приходилось требовать выделения положенных льгот. Однако их общий уровень жизни был несколько выше, чем сотрудников органов общей юстиции. Такое положение вызывало открытое недовольство последних, что стало одной из причин ликвидации данных органов в 1957 г.

Список литературы

1. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 9492. Оп. 1. Д. 112.
2. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 9492. Оп. 1а. Д. 62.
3. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 9492. Оп. 4. Д. 141.
4. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 9492. Оп. 4. Д. 149.
5. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 9492. Оп. 4. Д. 155.
6. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 9492. Оп. 4. Д. 156.
7. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 9492. Оп. 4. Д. 157.
8. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 9492. Оп. 4. Д. 19.
9. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 9492. Оп. 4. Д. 256.
10. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 9492. Оп. 4. Д. 261.
11. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 9492. Оп. 4. Д. 286.
12. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 9492. Оп. 4. Д. 32.
13. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 9492. Оп. 4. Д. 34.
14. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 9492. Оп. 4. Д. 417.
15. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 9492. Оп. 4. Д. 69.
16. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 9492.Оп. 4. Д. 35.
17. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ).. Ф. 9492. Оп. 4. Д. 18.
18. Голяков И. Т. Советский суд /И. Т. Голяков. – М. : Гос. изд-во юр.лит., 1958. – 180 с.
19. Карев Д .С. Советская юстиция / Д. С. Карев. – М. : Гос.изд-во юр.лит., 1948. – 139 с.
20. Кодинцев А. Я., Шкаревский Д. Н., Яноши В. В. Органы специальной юстиции СССР в 1930-е – 1950-е гг. / А. Я. Кодинцев, Д. Н. Шкаревский, В. В. Яноши. – Сургут: Изд-во СурГУ, 2016. – 255 с.
21. Кожевников М. В. История советского суда / М. В.Кожевников. – М. : Гос. изд-во юр.лит., 1957. – 383 с.
22. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ) Ф. 82. Оп. 2. Д. 885.
23. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ) Ф. 82. Оп. 2. Д. 892.
24. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ) Ф. 82. Оп. 2. Д. 896.
25. Соломон П. Советская юстиция при Сталине / П. Соломон. – М. : РОССПЭН, 2008. – 463 с.
26. Чучаев А., Пожарский А. Транспортные преступления: понятие, виды, характеристика / А. Чучаев, А. Пожарский. – М. : Проспект, 2018. – 256 с.
27. Щитович А. К 10-летию водно-транспортных судов и прокуратур / А. Щитович // Социалистическая законность. – 1944. – № 5-6. – С. 24-27.
28. Berg G.P. von den. The Soviet system of Justice: figures and policy / G. P. Berg. – Dordrecht; Boston; Lancaster: Springer Netherlands, 1985. – 372 p.
29. Conquest G. Justice and the legal system in the USSR / G. Conquest. – New York; Washington: A.F. Praeger, 1968. – 152 p.
30. Gorlizky Y. Delegalization in Russia: soviet comrades courts in retrospect / Y. Gorlizky // The American journal of comparative law. – 1998. – № 3. – Vol. 46. – Pp. 403-425.

Shkarevsky D. N. The material and technical support of transport justice authorities in the 1940s - 1950s / D. N. Shkarevsky // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2019. – T. 4 (72). № 4. – P. 91-100.

The activities of the transport justice authorities are among little-studied topics in the domestic and foreign scientific literature. Almost no attention was paid to the problems of material and technical support for these bodies. The work is based on previously unpublished office documents stored in the State Archive of the Russian Federation [SARF] and the Russian State Archive of Socio-Political History [RSASPH].

In the work, the author relies on the principles of objectivity, historicism, uses the comparative historical method.

The article analyzes the material and technical support of the transport justice bodies of the USSR in the 1940s - 1950s. Also, an attempt was made to evaluate the level of material support for employees of these bodies.

The author comes to the conclusion about low material and technical support of the activities of transport justice authorities. The state sought by all means to save on the activities of transport justice authorities. The funds allocated for business trips, staff development, and updating the material base of these institutions were regularly reduced.

However, in the author's opinion, the material support of justice officials in transport was significantly higher than that of other Soviet citizens and even higher than that of employees of general justice bodies. According to the author, this circumstance has become one of the reasons for the liquidation of these bodies in 1957.

Keywords: Soviet justice, special justice, transport justice, transport courts, military transport tribunals.

Spisok literatury

1. Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii (GARF). F. 9492. Op. 1. D. 112.
2. Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii (GARF).. F. 9492. Op. 1a. D. 62.
3. Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii (GARF).. F. 9492. Op. 4. D. 141.
4. Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii (GARF).. F. 9492. Op. 4. D. 149.
5. Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii (GARF).. F. 9492. Op. 4. D. 155.
6. Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii (GARF).. F. 9492. Op. 4. D. 156.
7. Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii (GARF).. F. 9492. Op. 4. D. 157.
8. Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii (GARF).. F. 9492. Op. 4. D. 19.
9. Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii (GARF).. F. 9492. Op. 4. D. 256.
10. Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii (GARF).. F. 9492. Op. 4. D. 261.
11. Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii (GARF).. F. 9492. Op. 4. D. 286.
12. Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii (GARF).. F. 9492. Op. 4. D. 32.
13. Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii (GARF).. F. 9492. Op. 4. D. 34.
14. Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii (GARF).. F. 9492. Op. 4. D. 417.
15. Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii (GARF).. F. 9492. Op. 4. D. 69.
16. Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii (GARF).. F. 9492.Op. 4. D. 35.
17. Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii (GARF).. F. 9492. Op. 4. D. 18.
18. Golyakov I. T. Sovetskij sud /I. T. Golyakov. – M. : Gos. izd-vo yur.lit., 1958. – 180 s.
19. Karev D .S. Sovetskaya yusticiya / D. S. Karev. – M. : Gos.izd-vo yur.lit., 1948. – 139 s.
20. Kodincev A. YA., SHkarevskij D. N., YAnoshi V. V. Organy special'noj yusticii SSSR v 1930-e – 1950-e gg. / A. YA. Kodincev, D. N. SHkarevskij, V. V. YAnoshi. – Surgut: Izd-vo SurGU, 2016. – 255 s.
21. Kozhevnikov M. V. Istoriya sovetskogo suda / M. V.Kozhevnikov. – M. : Gos. izd-vo yur.lit., 1957. – 383 s.
22. Rossijskij gosudarstvennyj arhiv social'no-politicheskoj istorii (RGASPI) F. 82. Op. 2. D. 885.
23. Rossijskij gosudarstvennyj arhiv social'no-politicheskoj istorii (RGASPI) F. 82. Op. 2. D. 892.
24. Rossijskij gosudarstvennyj arhiv social'no-politicheskoj istorii (RGASPI) F. 82. Op. 2. D. 896.
25. Solomon P. Sovetskaya yusticiya pri Staline / P. Solomon. – M. : ROSSPEN, 2008. – 463 s.
26. CHuchaev A., Pozharskij A. Transportnye prestupleniya: ponyatie, vidy, harakteristika / A. CHuchaev, A. Pozharskij. – M. : Prospekt, 2018. – 256 s.
27. SHCHitovich A. K 10-letiyu vodno-transportnyh sudov i prokuratur / A. SHCHitovich // Socialisti-cheskaya zakonnost'. – 1944. – № 5-6. – S. 24-27.

28. Berg G.P. von den. The Soviet system of Justice: figures and policy / G. P. Berg. – Dordrecht; Boston; Lancaster: Springer Netherlands, 1985. – 372 p.

29. Conquest G. Justice and the legal system in the USSR / G. Conquest. – New York; Washington: A.F. Praeger, 1968. – 152 p.

30. Gorlizky Y. Delegalization in Russia: soviet comrades courts in retrospect / Y. Gorlizky // The Ameri-can journal of comparative law. – 1998. – № 3. – Vol. 46. – Pp. 403-425.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2019. – Т. 5 (71). № 4. – С. 101-115.

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ; УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО; УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС И КРИМИНАЛИСТИКА

УДК 343.3

КОНФИСКАЦИОННЫЙ РЕСУРС АНТИКОРРУПЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ (ОПЫТ ВЕЛИКОБРИТАНИИ)

Арямов А. А.[1], Руева Е. О.[2]

[1]Российский государственный университет правосудия;
[2]Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова

На основе перевода пакета новейших законов (в единстве с системой подзаконных актов и прецедентной практики), принятых в Великобритании, в статье осуществлен анализ антикоррупционной политики этого государства. Особое внимание уделено исследованию особенностей «расширенной» конфискации, реализуемой по специальной упрощенной процедуре в отношении активов, причастных к совершению преступлении.

Авторы отмечают революционный характер многих положений антикоррупционной юридической реформы Великобритании и приходят к выводу, что наиболее эффективными средствами противодействия коррупционной преступности являются цивилистический и финансово-правовой инструментарий, а отнюдь не уголовная репрессия.

Ключевые слова: преступление, наказание, уголовная ответственность, конфискация, финансовая ответственность, альтернативные средства решения уголовно-правового конфликта, компаративистика, уголовное право зарубежных государств.

В 2002 г. в Великобритании принимается Закон «О преступных доходах». Он же известен, в зависимости от варианта перевода как Закон «О доходах от преступной деятельности» или «Закон о криминальных финансах», хотя, если исходить из содержания этого нормативного правового акта, особенно с учетом его дальнейших изменений, более уместным был бы перевод как Закон «О криминальных активах», так как объектами воздействия этого закона рассматриваются юридические явления, существенно выходящие за пределы понятия «доход», и более соответствующие понятию «актив». Под активами в бухгалтерии понимают любое участвующее в хозяйственном обороте явление, способное: а) приносить доход, б) аккумулировать финансовые ресурсы, в) конвертироваться хотя бы в одну из валют; основным свойством актива является его ликвидность, т.е. способность обращаться в деньги (наличные, безналичные, виртуальные), хотя и деньги тоже являются активами; активы могут быть материальными и нематериальными, имущественными и неимущественными, оборотными и необоротными, но их неотъемлемым признаком является их оценка в денежном эквиваленте. В соответствии с упомянутым британским законом подлежат, например, конфискации именно криминальные активы, даже если в целом преступная деятельность была убыточной.

В соответствии с редакцией 2002г. Закон Великобритании «О криминальных активах» закреплял четыре вида конфискации активов так или иначе связанных с преступной деятельностью:

- конфискация в административном (полицейском) порядке;
- конфискация в фискальном порядке (при реализации налогообложения);
- конфискация преступных доходов орудий и средств преступления, реализуемая в рамках уголовного судопроизводства;
- «расширенная»[1] конфискация, она же специальная, она же упрощенная – реализуется вне рамок уголовного процесса по специальной упрощенной процедуре в отношении активов, причастных к совершению преступления.

Последний вид конфискации представляет особый интерес. Причастность активов к совершенному преступлению определяется комплексом нормативных положений. Например, субъект приобрел активы «в связи с преступным поведением общего характера или преступным образом жизни" (criminal lifestile)» – наглядный пример юридической абстракции. Очевидно, что в таком случае не обязательно доказывать причинную связь между совершенным преступлением и обладанием определенным активом. Понятия: «преступное поведение общего характера», «преступный образ жизни» предоставляют широкий простор для судейского усмотрения. Доказательствами преступного образа жизни могут быть, в частности, сведения о родственных, сексуальных и дружеских связях с преступниками, отсутствие легальных источников доходов, «жизнь не по средствам» и т.д. Как в статутном, так и в общем праве Великобритании судопроизводство основывается на таком понятии, как «стандарт доказывания» (которое составляет целый комплекс требований (необходимость, достаточность, относимость, непосредственность, допустимость, достоверность и т.д.). Очевидно, что по данной категории дел «стандарт доказывания» имеет весьма «усеченную» конструкцию [2]. Если лицо ведет так называемый асоциальный образ жизни в течении определенного периода времени и не может продемонстрировать легальные источники дохода, суд может прийти к выводу о криминальном характере принадлежащих ему активов и конфисковать их.

Процедура такой конфискации реализуется в упрощенном, так называемом приказном порядке: судья выносит ни решение, ни приговор, ни постановление, а приказ, который вступает в силу немедленно. Презюмируется, что все доходы, полученные субъектом в период антисоциального образа жизни, являются криминальными и подлежащими конфискации; подсудимый вправе опровергнуть эту презумпцию и самостоятельно доказать, что какая то часть его доходов за рассматриваемый период имеет легальный источник происхождения; тем самым он может уменьшить объем конфискуемых активов. В судебном приказе закрепляется денежный эквивалент криминального имущества или иной выгоды от преступной деятельности – «возмещаемая стоимость»; но если реальные активы, которыми владеет подсудимый меньше возмещаемой собственности, то суд обращает взыскание на то, что может – так называемая «доступная стоимость»; если субъект не обладает на момент взыскания никакими активами (вывел за пределы

[1] Данный термин не используется непосредственно в тексте нормативного правового акта, но популярен в юридической доктрине.

юрисдикции государства, скрыл, легализовал их) взыскивается так называемая «номинальная стоимость» которая по сути равна нулю. Разница между возмещаемой стоимостью и доступной (или номинальной) стоимостью образует задолженность лица перед бюджетом и взыскивается в течении всей жизни этого субъекта, а иногда может входить в качестве обременения в наследственную массу после его смерти. Обязательным элементом судебного конфискационного приказа является определение срока его исполнения, даже с учетом возможных продлений, исполнения (по ходатайствам сторон) он не может превышать шести месяцев (в порядке исключения – до 12ти). В случае просрочки исполнения судебного приказа с должника, по аналогии с гражданским процессом, взыскивается пеня за каждый день такой просрочки (исключение может быть лишь в том случае если должник докажет, что таковая просрочка имела место по вине взыскателя, само по себе отсутствие вины должника оправданием не является). Как можно наблюдать, перед нами пример весьма оперативного судопроизводства (принцип ускорения, удешевления и упрощения судебной процедуры в действии).

Если должник уклоняется от исполнения судебного приказа о конфискации активов, причастных к совершению тяжких преступлений (фелоний), то вместо начисления пени за каждый день просрочки суд может принять решение о замене конфискации на тюремное заключения, исходя из нормативно закрепленной пропорции: если конфискованные активы превышают один миллион фунтов-стерлингов, то вместо них назначается тюремное заключение сроком на пять лет.

Вопросам реализации конфискационных репрессалий посвящены положения еще одного Британского нормативного правового акта – Закона Великобритании «О серьезной преступности» 2015 г. (в зависимости от перевода может именоваться «Законом о тяжких преступлениях» «Акт о существенном преступлении» и т.) [6]. Данный закон корреспондируется с ранее рассмотренным Законом Великобритании «О криминальных активах» 2002г. В нем содержатся положения, что применительно к тяжким преступлениям – фелониям – процедура конфискации криминальных активов еще более упрощается. Прежде всего изменения коснулись так называемых «ограничительных судебных приказов» (аналог отечественного судебного постановления об избрании мер пресечения или обеспечительных мер) – арест (с оставлением на ответственное хранение у подсудимого), временное изъятие (с передачей на ответственное хранение специализированной организации), передача в управление специализированной организации криминальных активов в целях обеспечения предстоящей конфискации. В период действия ограничительного приказа уполномоченные органы (в зависимости от ситуации прокурор или представитель фискального органа) устанавливают третьих лиц, обладающих правами в отношении «замороженного» актива, привлекают их к процессу и возлагают на них обременение доказать, что они предприняли все необходимые и достаточные с точки зрения среднего разумного и добросовестного человека для установления легитимности происхождения активов в отношении которых они приобрели права, что криминальный характер активов они объективно не могли установить (при этом наличие одного лишь подозрения в нелегитимности источника актива сразу исключает добросовестность лица), что оно само стало жертвой обмана или заблуждения. Если такому третьему лицу не удалось

опровергнуть презумпцию причастности к операциям с криминальным активом, то оно не может рассчитывать на исключение своих имущественных или неимущественных прав из массы конфиската. Наиболее распространенным способом доказывания собственной добросовестности в такой ситуации является обеспечение, страхование или иное хеджирование риска введения в заблуждение со стороны контрагента (риск недобросовестности контрагента) о легитимности происхождения его активов.

Особым статусом обладают третьи лица, перед которыми должник имеет обязательства, обусловленные брачно-семейными, деликтными (обязательства из причинения вреда), трудовыми (задолженность по зарплате) и иными подобными отношениями. В период действия «ограничительного судебного приказа» эти лица до применения конфискации к криминальным активам имеют право удовлетворить свои требования за счет арестованного имущества должника. Это, несомненно, создает возможность для недобросовестного вывода активов из-под грозящей конфискации, но английский парламент пошел на эту меру и согласился с ней, как с «наименьшим злом». Проблемой является также и то, что по правилам подсудности данная категория дел подсудна Судам Короны, специализирующимся на уголовных делах и не имеющего опыта и навыков рассмотрения семейных, трудовых и цивилистических споров [5].

Представляет интерес также применение обеспечительных мер – «ограничительных судебных приказов» - к активам должника, находящихся на его счетах в кредитных учреждениях (банках) – суд вправе принять решение в порядке обеспечения грядущей конфискации списать средства с банковского счета должника и перевести их на банковский счет суда (чтобы надежно исключить любые манипуляции с арестованным банковским счетом). До принятия рассматриваемого закона принудительное безакцептное списание средств со счета должника было возможно лишь в случае истечения сроков добровольного исполнения судебного решения о конфискации (то есть в случае уклонения должника от исполнения вступившего в силу судебного акта).

Новеллой стало уточнение положений о замене тюремным заключением задолженности по конфискации криминальных активов, если их владелец не исполнил своих обязанностей предоставить свое имущество и иные активы для взыскания в установленное судом время (т.е. по подозрению в происхождении активов от совершения тяжких преступлений суд может по своему усмотрению не начислять пеню на период просрочки исполнения конфискационных обязанностей со стороны должника, а провести замену несостоявшейся конфискации – при уклонении подсудимого от ее исполнения – на определенный срок тюремного заключения. Обращаем особое внимание, что данная репрессивная мера применяется вне рамок уголовного процесса по обвинению в совершении лицом конкретного преступления.

Следует отметить, что возможность замены конфискации имущества, причастного к совершению тяжких преступлений, на тюремное заключение была предусмотрена и Законом Великобритании «О криминальных активах» 2002г.; однако, изменен срок лишения свободы, если до 2015г. конфискационная задолженность свыше одного миллиона фунтов стерлингов заменялась на пять лет

лишения свободы (при этом, если он отбыл половину такого срока, то не зависимо от размера задолженности при соблюдении общих требований может рассчитывать на досрочное освобождение), то по новому закону: если таковая задолженность не превышает миллион фунтов стерлингов, то – до семи лет, а если превышает, то – до четырнадцати лет. Более того, если конфискации подлежат активы на сумму более десяти миллионов фунтов стерлингов и за уклонение от добровольного исполнения судебного приказа о конфискации таковая была заменена на тюремное заключение, то виновный, отбывая лишение свободы, не может претендовать на досрочное освобождение.

Уменьшены также сроки, предоставляемые должнику для добровольного исполнения решения о конфискации: если для всех прочих преступлений – это шесть месяцев и в порядке исключения – двенадцать, то по тяжким преступлениям (их перечень нормативно установлен) – не более трех месяцев и в порядке исключения – шести.

Отечественный юрист хорошо знаком с ситуацией, когда неправедно нажитые в России активы выводятся за рубеж и, прежде всего, в Великобританию. Примечательно, но подобная проблема беспокоит и британские правоохранительные и судебные органы. Эта проблема подведомственна специальному учреждению: «Управление по борьбе с тяжким мошенническим обманом» (Serious Fraud Office). По информации данной службы более половины неисполненных судебных приказов о конфискации криминальных активов касаются имущества и иных доходов, находящихся вне юрисдикции правоохранительных и судебных органов Великобритании и государств Союза (а эта сумма превышает 40 миллионов фунтов стерлингов). В настоящее время эта проблема является открытой и разрабатывается инструментарий ее решения[1].

Весьма примечательно, что как по законодательству ряда государств Европейского союза (например, Ирландия и Исландия), так и по законодательству США, Объединенного Королевства, Швейцарии, Австралии и т.д. при формировании массы конфиската в нее включаются и начисленные налоги и пени за их неуплату (так как преступникам не свойственно заблаговременно до изобличения декларировать свои криминальные доходы) на доход от криминальной деятельности (ответственность ответственностью, а налоги платить надо) – своеобразное обложение криминального бизнеса. В данном случае имеет место определенная конкуренция расширенной конфискации криминальных активов и фискальной конфискации. Такая коллизия решается в пользу расширенной конфискации криминальных активов, но в таком случае к процессу привлекаются в качестве заинтересованной стороны (со стороны государства) представитель соответствующего фискального учреждения.

Рассмотренный вид конфискации является своеобразным гибридом традиционной уголовно-правовой конфискации орудий и средств совершения преступлений и доходов, полученных преступным путем, и гражданско-правовой конфискации in rem, особенности которой были рассмотрены нами ранее. По своему содержанию она весьма близка «административной» конфискации, практикуемой фискальными органами Соединенных Штатов Америки (чему мы также уделяли внимание раньше). Но в то же время она является весьма

самобытным самостоятельным явлением, что позволяет рассматривать в качестве автономного правового явления.

27 апреля 2017г. получил Королевскую санкцию Закон Великобритании «О финансовых преступлениях», вступил в силу 1 октября 2017г.[4] Ряд его положений специалистами оцениваются как революционные[7].

Данным нормативным правовым актом введено в правовой оборот понятие корпоративного финансового преступления, под которым понимается непредотвращение даже попытки уклонения от налогообложения не только членом корпорации, но и ассоциированными лицами, не только на территории Великобритании, но и за рубежом. По своей юридической конструкции состав этого преступления является усеченным. По направленности репрессии – он имеет двойную превенцию. Кроме того, состав данного преступления является «предпредикатным»: предполагается в будущем возможность совершения фискального преступления другим лицом (в отличие от классического предикатного преступления, когда рассматриваемое преступление становится возможным после совершения другого преступления, например, приобретение имущества, заведомо добытого преступным путем, или легализация доходов, полученных преступным путем).

Субъектами этого преступления являются одновременно и физические лица-руководители корпорации, и юридические лица – сама корпорация. При этом вина корпорации в инкриминируемом таком преступлении презюмируется: если в недрах корпорации имел место фискальный деликт, значит компания допустила это и не предприняла достаточных мер для его предотвращения; руководству корпорации предоставляется право опровергнуть такую презумпцию и доказать, что с его стороны были предприняты достаточные профилактические меры, соответствующие задекларированным рискам (в этом случае реализуется весь арсенал риск-менеджмента, выявление, оценка и хеджирование рисков).

Обстоятельством, освобождающим от ответственности корпорацию, является реализация в ее деятельности так называемых «адекватных процедур» (комплекса антикриминальных профилактических мероприятий).

Понятие ассоциированного лица ранее введено в оборот Законом Великобритании «О взяточничестве» 2010г. [3]; в качестве такового понимается любая персона, общение с которой формирует у респондента ассоциацию с конкретным должностным лицом (родственники, друзья, поверенные, любовники и т.д. – самый широкий круг). В данном ключе представляется тупиковым направление усилий отечественного законодателя реформировать перечень супругов и близких родственников, подлежащих контролю при реализации антикоррупционной политики. Ассоциированные лица являются в том числе и субъектами применения санкций (в частности и конфискации криминальных активов).

Понятие адекватных процедур также введено в оборот Законом Великобритании «О взяточничестве» 2010г., к ним относится систематическое сотрудничество с правоохранительными органами в плане профилактики и борьбы с фискальными и коррупционными преступлениями, систематическое проведение внешнего независимого бухгалтерского и антикоррупционного аудита,

формирование корпоративного культа непримиримого отношения к коррупции и фискальным деликтам (поощрительные мероприятия, лектории, семинары…) и т.д., адекватные финансовому обороту и кадровому составу организации. Насколько «адекватными» являются такие процедуры британский суд решает, руководствуясь общим принципом «разумности» – весьма широкий плацдарм для свободы судейского усмотрения (что чревато возможными злоупотреблениями).

По корпоративному преступлению предусмотрен реформированный вариант британской юрисдикции: если по прочим деликтам действует общее правило – британский суд может принять к своему рассмотрению любое дело по любым деликтам или спорам, имевшим место в любой части планеты, если обратившаяся сторона докажет, что по месту надлежащего рассмотрения дела не гарантировано квалифицированное и беспристрастное судебное разбирательство (наследие имперского колониального прошлого); то применительно к корпоративному фискальному преступлению (прежде всего отмывание криминальных активов) такое доказывание невозможности по месту надлежащего рассмотрения дела обеспечить квалифицированное и беспристрастное судебное разбирательство, не обязательно; заинтересованная сторона (в основном прокуратура или фискальные органы) просто обращается в британский суд, а британский суд просто принимает дело к своему производству и рассматривает его.

При этом действует принцип «двойной криминализации» – рассматриваемое деяние признается преступлением как по законам Великобритании, так и по законам государства места совершения деликта. Стоит оговориться, что формально присутствует оговорка: юрисдикция Британии зависит от наличия «интереса» Великобритании; или компания зарегистрирована в Британии, или ведет бизнес в Британии, или осуществляет платежи через британские банки, или ее контрагентами являются британские компании и т.д.; в общем при желании такой интерес можно установить практически в любом случае. Естественно, что в случае конфискации криминальных активов выгодоприобретателем является бюджет Великобритании (весьма сомнительная с точки зрения морали ситуация).

Введено в правовой оборот понятие «необъяснимый порядок обогащения»[2] («UWO»), которое является юридической презумпцией опровержимого типа. В соответствии с анализируемым нормативным правовым актом данное понятие адресовано не только к «политически значимым лицам» (PEP), что в принципе уже достаточно распространено в европейском пространстве, но и к каждому субъекту, причастному к корпоративному преступлению. Каждый владелец активов, явившихся предметом фискальной проверки, вправе опровергнуть такую презумпцию предоставив контролирующему органу исчерпывающие доказательства о легитимности источников происхождения своих активов. Если таковая презумпция не будет опровергнута, то активы, имеющие «необъяснимый порядок (источник)» происхождения подлежат конфискации в судебном порядке. Кроме того, с подсудимого взыскиваются расходы на проведение проверочных мероприятий, предварительного расследования и судебного разбирательства (каждый повешенный обязан оплатить свою веревку). Подозрение в необъяснимом

[2] Несмотря на определенное созвучие, это совсем не аналог широко известного отечественным цивилистам понятия неосновательное обогащение.

порядке обогащения предъявляется национальным агентством по борьбе с преступностью в суд, который инициирует упрощенный порядок судебного разбирательства и конфискации (UWO). Такой упрощенный механизм не исключает традиционного способа конфискации криминальных доходов в процессе реализации классического уголовного преследования лица, совершившего преступления; но он заключается несколько в ином: с одной стороны, предполагается, что активы, которыми обладает лицо, имеют криминальное происхождение, с другой стороны, никто не доказывает факт совершения преступления и причинную связь между ним и появлением интересующих активов у субъекта, это как бы презюмируется и оставляется за пределом судебного разбирательства. Пусть выявлением и расследованием конкретных преступлений занимаются соответствующие правоохранительные и судебные органы. Тот факт, что совершение конкретного преступления никем не доказано, юридического значения не имеет. Деликт из предикатного превращается как-бы в автономный (своеобразная юридическая фикция). Судебная процедура обращения взыскания на активы необъясненного происхождения осуществляется в упрощенном приказном порядке по правилам гражданского судопроизводства в связи с чем минимальные стандарты уголовного судопроизводства (со всем комплексом гарантий прав и свобод человека) реализации не подлежат; решение уголовно-правовой проблемы перевели в цивилистическое правовое поле. Для реализации конфискации UWO предъявляются следующие условия:

- стоимость конфискуемых активов должна превышать 50 000 фунтов стерлингов (британские фискальные органы не разменяваются по мелочам), при этом учитывается стоимость, определенная посредством экспертной оценки, договорная или учетная цена фактически игнорируется, если компетентный орган придет к выводу, что активы преднамеренно «дробились» с целью уклонения от указанной пороговой величины, то при оценке несколько активов могут быть аккумулированы (для отечественных олигархов, выводящих свои активы в Британию весьма мизерная сумма);
- существуют веские основания для подозрения в том, что официальных (легальных) источников дохода (одним из признаков легальности дохода является то, что с него надлежащим образом уплачены все налоги) конкретного лица не достаточно для приобретения актива, который является предметом судебного разбирательства;
- владелец конфискуемого актива является политически значимым лицом (PEP) или каким-либо образом прикосновенен к совершению преступлений.

Процедура конфискации UWO предполагает бремя доказывания ответчиком следующих обстоятельств:

- источник происхождения актива;
- уплата налогов с дохода, за счет которого актив приобретен;
- стоимость актива;
- процедура приобретения актива;
- предыдущий владелец актива;
- расходы на приобретение и дальнейшее содержание актива;

- если владельцем актива является юридическое лицо, то надлежащий бухгалтерский учет актива и его отражение в налоговой отчетности;

- если владельцем является юридическое лицо, то сведения об учредителях и аффилированных лицах;

- суд по своему усмотрению вправе потребовать и предоставление иных дополнительных сведений и информации, и доказывание дополнительных обстоятельств.

Если ответчик самостоятельно не может предоставить требуемое доказательство, но достоверно знает где и у кого оно находится, он может ходатайствовать перед судом об истребовании такого доказательства; при чем суд не обязан, а лишь вправе удовлетворить такое ходатайство. Если субъект уже ранее подвергался подобной ответственности, то суд может прийти к выводу (в порядке вынесения промежуточного решения), о том, что перед ним привычный/хронический правонарушитель и еще более упростить процесс доказывания по данному делу. Любые доказательства, представленные судом в этом процессе, имеют юридическое (доказательственное) значение именно в этом процессе, они не могут использоваться в качестве доказательств в уголовном процессе, который возможно будет инициирован против ответчика в будущем (усеченный характер преюдициального значения данного судебного акта). Вполне может случиться следующее: в одном процессе актив конфискуют как имеющий криминальное происхождение, а в другом процессе лицо оправдают по обвинению в совершении преступления, доходом от которого явился уже конфискованный актив (вполне допустимая коллизия). В данном случае имеет место своеобразная гарантия права человека не свидетельствовать против самого себя (никто не может принуждать лицо свидетельствовать против самого себя или своих близких).

Оценка судом доказательств тоже весьма примечательна. Если суд сочтет представленные доказательства неудовлетворительными, либо доказательства были представлены с нарушением срока, установленным судом, исследуемый актив конфискуется (выносится судебный приказ о конфискации). Если лицо представит суду ложные доказательства, то будет привлечен к уголовной ответственности за фальсификацию доказательств в уголовном процессе, хотя процесс по своей сути гражданский.

Рассматриваемым нормативным правовым актом был реформирован «Закон о преступлениях и судах» 2013 г. в части распространения на корпоративные преступления института «DPA» – соглашение об отсрочке судебного преследования, в силу чего по данной категории дел фактически «обнулились» сроки давности привлечения к ответственности. Таким образом, конфискация криминальных активов, происхождение которых причастно к корпоративному преступлению, возможна даже спустя длительный период времени после их приобретения (и даже у наследников и иных выгодоприобретателей).

Реформы, закрепленные исследуемым нормативным правовым актом, коснулись и Закона «О противодействии легализации доходов, полученных от преступной деятельности» 2002 года (POCA) – несколько изменено понятие «подозрительной финансовой операции» (SAR) (содержание которой больше соответствует понятию сделки), существенными признаками которой

предусматриваются отсутствие очевидной экономической выгоды, необоснованная сложность заключения самой сделки, ее исполнения или расчетов по ней, не соответствующая сложившимся обычаям делового оборота… (очевидно влияние рекомендаций ФАТФ). В случае выявления такой сделки любая кредитная организация должна немедленно проинформировать NCA – Национальное агентство по борьбе с преступностью и приостановить во внесудебном порядке все операции по такой сделке (мораторий на 31 день с возможностью продления до шести раз). В дальнейшем инициируется судебная процедура упрощенной фискальной конфискации – все, полученное каждой стороной подозрительной сделки подлежит конфискации в бюджет Великобритании.

В Великобритании 1 января 2018 года вступил в законную силу «Закон о криминальных финансах» в обновленной редакции, который был утвержден королевой 27 апреля 2017 года, являющийся новой редакцией одноименного закона 2002г. Принятие данного закона – единственно возможная рациональная мера для исправления сложившейся по ряду обстоятельств ситуации в стране. Обусловлена данная мера одной простой причиной – экономическим интересом. Британская недвижимость зарегистрирована в офшорах по официальным данным на сумму около £170 млрд. Если собственники недвижимости были бы известны, то ее можно было обложить, например, налогом на наследство, который составляет более 40% от стоимости недвижимости. Однако, владельцы имущества неизвестны. Также ежегодно увеличивается количество запросов на недвижимость.

Существующая в Великобритании программа инвестиционных виз, направленная на увеличение количества денег, поступающих в страну, не способна стабилизировать экономическую ситуацию. Инвестиционные визы дают право на проживание в Британии в обмен на инвестиции в ее экономику и гарантируют упрощенную процедуру получения вида на жительство и гражданства. В зависимости от суммы инвестиций, вид на жительство можно получить через 3 года, а гражданство – через 5 лет. На фоне череды громких международных скандалов, связанных с офшорами, и выхода документального фильма об отмывании денег в Лондоне, со стороны общества возник запрос властям предпринять конкретные действия для решения этого, остро вставшего, вопроса. В итоге на рассмотрение в парламент был внесен законопроект, обязывающий состоятельных иностранцев представлять властям полную информацию об источниках своих доходов.

Британия уже давно стала основным местом хранения финансовых накоплений для чиновников и бизнесменов, чаще всего путем приобретения там старинных замков и особняков. Теперь закон предполагает два пути для их дальнейших действий: полностью раскрыть источник происхождения богатства либо выводить средства из этой страны. Текстом документа вводится понятие «имущество необъясненного происхождения», которое подлежит изъятию в пользу государственной казны. В перечень собственности, которая подлежит конфискации, входят банковские счета, недвижимость и драгоценные украшения.

«Закон о криминальных финансах» предусматривает существенное ужесточение законодательства в сфере борьбы с уклонениями от уплаты налогов, отмывания денег, коррупции и финансирования терроризма.

Его нормами предоставляются полномочия правоохранительным органам изымать объекты недвижимости, вызывающие подозрения в их легитимности, если собственник (бенефициар) не может объяснить источник происхождения средств на их покупку. Недвижимость может изыматься у политически значимых лиц, или у лиц, которые вовлечены или связаны с серьезными уголовными правонарушениями. Предусматривается возможность расширения сроков расследования подозрительных сделок уполномоченными органами. Также изменения касаются компаний, у которых проблемы с уплатой налогов, как в Великобритании, так и за рубежом. Закон направлен на преодоление существовавших трудностей, связанных с распределением уголовной ответственности между предприятиями, которые имеют недобросовестных сотрудников, агентов, подрядчиков или дочерние компании, называемых связанными, «ассоциированными лицами».

Революционными моментами данной юридической реформы являются следующие факторы:

1. Введен в правовой оборот институт «судебного запроса о состоянии имущества неясного происхождения» (unexplained wealth orders, UWO).

2. Закреплено полномочие британских судов направлять такой обязательный для исполнения запрос иностранным учреждениям и организациям, как государственным, так и негосударственным.

3. В случае игнорирование адресатом такого запроса британский суд вправе оценить это обстоятельство как подтверждение криминального происхождения актива, являющегося предметом данного судебного разбирательства.

4. Новым содержанием наполнилось понятие политически значимого лица (politically exposed person, PEP), оно получило расширительное толкование; к данной категории можно теперь относить не только государственных служащих, но и муниципальных служащих, общественных деятелей и представителей крупного бизнеса. В данном случае имеет место имплементация положений норм международного права. В соответствии с директивой Совета и парламента ЕС 2015/849 от 20 мая 2015 года, направленной на противодействие отмыванию доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма, политически значимым является лицо, которое в прошлом или настоящем выполняло или выполняет публичные функции, а кроме того в настоящее время к ним относятся и члены семьи указанных выше лиц, а также их близкие помощники или иным образом связанные с ними персоны.

5. К политически значимым лицам при направлении такого запроса могут быть приравнены и юридические лица.

6. Политическая значимость лица определяется не только его настоящим статусом, но и прошлой деятельностью.

7. Гражданство и место пребывания такого политически значимого лица правового значения не имеют.

8. При направлении такого запроса различного рода иммунитеты политически значимых лиц юридического значения не имеют.

9. Запрос направляется при наличии разумного основания подозревать такое лицо в причастности к совершению конкретных преступлений или в общем в ведении преступного образа жизни им самим или его близкими.

10.Пороговое значение стоимости исследуемых в конфискационной перспективе активов сохранена в размере 50 000 фунтов стерлингов.

Полномочие на инициирование процедуры разбирательства принадлежит:

А) Национальному агентству по борьбе с преступностью (NCA),

Б) Бюро по борьбе с мошенничеством (SFO),

В) Руководителю уголовного преследования в Англии и Уэльсе (DPP),

Г) Королевской службе уголовного преследования (CPS),

Д) Управлению финансового регулирования (FCA),

Е) Управлению Её Величества по налогам и таможенным пошлинам (HMRC).

В перечисленные учреждения вправе обращаться с заявлением любое физическое лицо или организации, которые обладают информацией о наличии у кого-либо или движении каких-либо активов, имеющих сомнительное происхождение. Некоторым организациям или физическим лицам сообщения о таковых активах в компетентные органы вменено в обязанность: адвокатам, поверенным, нотариусам, брокерам, аудиторам, банкам, организациям, проводящим аукционы и публичные торги, финансовым и товарным биржам, ювелирам, организациям, специализирующимся на операциях с драгоценными камнями, драгоценными металлами и ювелирными изделиями, организациям, специализирующимся на операциях с недвижимостью.

Все они должны идентифицировать своего клиента (так называемое правило KYC – know your client) либо контрагента и убедиться, по мере возможности, в легальности источника происхождения средств для проведения курируемой операции с активом. За соблюдением этой обязанности следит целая система компетентных государственных органов; например, орган по регулированию деятельности юристов-солиситоров Англии и Уэльса (Solicitors Regulation Authority) специализируется на контроле за деятельностью адвокатов и поверенных. Допускается подача и анонимных заявлений.

Получившие такое заявление компетентные органы обязаны инициировать проверку, в рамках которой обязаны идентифицировать обозначенное в заявлении лицо как политически значимое (PEP) для чего оперируют не только собственными базами данных, но и обращаются в специализированные аналитические агентства, обращаются в зарубежные учреждения, пользуются как открытыми, так и секретными базами данных.

Далее происходит сбор информации о количественных и качественных, юридических и экономических интересующего актива.

Сформировав досье по активу и его владельцу, компетентный орган обращается в Высокий Суд Лондона. Суд, приняв обращение, возбуждает судебное производство и направляет запрос об активах неясного (сомнительного) происхождения. Запрос адресуется как владельцу актива, так и компетентным организациям, специализирующимся на регистрации и учете различных видов активов: депозитарии акционерных обществ, патентные бюро, учреждения, регистрирующие сделки с недвижимостью и переход прав на недвижимость, банки, саморегулируемые организации банкротных управляющих и т.д.

В период между направлением такого запроса и получением на него ответов, компетентный орган уже вправе инициировать производство по взысканию «сомнительного» актива.

В ответе на запрос ответчик обязан не только указать источник происхождения актива и источник происхождения средств, затраченных на приобретение актива, но и сведения об обстоятельствах приобретения и о предыдущем владельце актива, сведения о характере и степени своей заинтересованности в искомом активе (вполне возможно, что имущество является брошенным, бесхозяйным, отчужденным и т.д.). Если ответчик проигнорирует запрос или суд сочтет его аргументацию неубедительной или недостаточной, актив подлежит конфискации в бюджет королевства.

Как правило в процессе выявления активов, имеющих криминальное происхождение, параллельно выявляются и фискальные деликты: преступникам свойственно не декларировать свои криминальные доходы и платить с них налоги. В таком случае, участвующий в процессе фискальный орган начисляет недоимку по неуплаченным налогам и пеню за просрочку уплаты налогов, которые взыскиваются в этом же процессе увеличивая массу конфиската. Параллельно с этим инициируется уголовное преследование за уклонение лица от налогообложения (и ему в этом случае грозит тюремное заключение до шести лет); при этом могут быть привлечены к ответственности и лица, которые своими действиями умышленно или по неосторожности содействовали основному должнику в уклонении от уплаты налогов (в том числе и перечисленные выше лица, которые не исполнили свою обязанность по уведомлению компетентных органов о ставшей им известной операции с сомнительными активами (сомнительной сделке); им может грозить наказание вплоть до тюремного заключения сроком на два года. Если подсудимым окажется юридическое лицо (а в некоторых случаях это распространяется на отдельные категории физических лиц), то к ним могут быть применены санкции в виде штрафов, аннулирования лицензий и прочих специальных разрешений, запрета заниматься определенным видом деятельности, различного рода дисквалификаций; запрета на участие в государственных закупках и заказах, опубликования в прессе информации о недостойном поведении и т.д. Если суд придет к выводу (например, в случае многократного рецидива подобного поведения со стороны организации) о невозможности обеспечит правомерную деятельность данного юридического лица, то возможно применение даже его ликвидации посредством «криминального банкротства».

Полагаем, что представляет интерес не только анализ зарубежных нормативных правовых актов, но и анализ практики их применения.

1 января 2018г. новый закон начал действовать, а уже 28 февраля 2018г. Национальное агентство Великобритании по борьбе с преступностью (National Crime Agency, NCA) опубликовало информацию о получении двух судебных приказов (unexplained wealth orders, UWOs) в соответствии с которыми гражданин Республики Казахстан, являющийся собственником престижной недвижимости в Объединенном Королевстве на общую сумму в 23 000 000 фунтов стерлингов, был обязан задекларировать источник происхождения этих активов. Параллельно с этим NCA в порядке принятия обеспечительных мер добилось дополнительного судебного приказа (interim freezing orders, IFOs) об аресте всех активов ответчика, находящихся под юрисдикцией Великобритании (замораживание активов – банковских счетов,

банковских хранилищ, ценных бумаг, объектов недвижимости, транспорта, в том числе и морского); причем сумма арестованных активов существенно превышала размер планируемого конфиската. Не известно, как отчитывался ответчик и отчитывался ли вообще, но в мае того же года арест на его активы был снят в связи с исполнением судебного приказа о конфискации объектов недвижимости, которые были предметом судебного разбирательства.

Список литературы

1. Serious Crime Act 2015. – URL: https://www.gov.uk/government/collections/serious-crime-bill (дата обращения: 11.09.2019). – Текст электронный.
2. The UK Anti-Money Laundering Regime: Statutory Offences and the Role of the FSA. – URL: http://www.slaughterandmay.com/what-we-do/publications-and-seminars/publications/client-publications-and-articles/t/the-uk-anti-money-laundering-regime-statutory-offences-and-the-role-of-the-fsa.aspx (дата обращения: 11.09.2019). – Текст электронный.
3. UK Bribery Act 2010. – URL: https://www.nornickel.ru/files/ru/corporate_documents/others/Zakon_Velikobritanii_O_bor_be_so_vzyatochnichestvom._UK_Bribery_Act.pdf (дата обращения: 11.09.2019). – Текст : электронный.
4. UK Criminal Finances Act 2017// https://offshore.su/blog/offshore_news/criminal-finances-act-2017.html (дата обращения: 11.09.2019). – Текст электронный.
5. Winch D. Reform of Confiscation Law. – URL: http://www.accountingevidence.com/blog/author/david-winch (дата обращения: 11.09.2019). – Текст электронный.
6. Serious Crime Bill [HL]. House of Lords, 14 October 2014. – URL: http://www.publications.parliament.uk/pa/ld201415/ldhansrd/text/141014-0001.htm#14101474000525 (дата обращения: 11.09.2019). – Текст электронный.
7. Голованова Н. А. Конфискация как реакция на корыстное преступление / Н. А. Голованова. – URL : http://отрасли-права.рф/article/10714 (дата обращения: 11.09.2019). – Текст электронный.

Aryamov A. A., Rueva E.Ol. Confiscation policy confiscation resource (UK experience) / A. A. Aryamov, E.Ol. Rueva // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2019. – T. 4 (72). № 3. – P. 101-115.

Based on the translation of a package of the latest laws (in unity with the system of by-laws and case-law) adopted in the UK, the article analyzes the anti-corruption policy of this state. Particular attention is paid to the study of the features of "extended" confiscation, implemented by a special simplified procedure in relation to assets involved in the commission of a crime.

The authors note the revolutionary nature of many of the provisions of the UK anti-corruption legal reform and conclude that the most effective means of combating corruption crime are civilian and financial-legal tools, and not criminal repression.

Keywords: crime, punishment, criminal liability, confiscation, financial liability, alternative means of resolving a criminal law conflict, comparative studies, criminal law of foreign states.

Spisok literatury:

1. Serious Crime Act 2015. – URL: https://www.gov.uk/government/collections/serious-crime-bill (дата обращения: 11.09.2019). – Текст : электронный.
2. The UK Anti-Money Laundering Regime: Statutory Offences and the Role of the FSA. – URL: http://www.slaughterandmay.com/what-we-do/publications-and-seminars/publications/client-publications-and-articles/t/the-uk-anti-money-laundering-regime-statutory-offences-and-the-role-of-the-fsa.aspx (дата обращения: 11.09.2019). – Текст : электронный.
3. UK Bribery Act 2010. – URL: https://www.nornickel.ru/files/ru/corporate_documents/others/Zakon_Velikobritanii_O_bor_be_so_vzyatochnichestvom._UK_Bribery_Act.pdf (дата обращения: 11.09.2019). – Текст : электронный.
4. UK Criminal Finances Act 2017// https://offshore.su/blog/offshore_news/criminal-finances-act-2017.html

5. Winch D. Reform of Confiscation Law. – URL: http://www.accountingevidence.com/blog/author/david-winch (дата обращения: 11.09.2019). – Текст : электронный.

6. Serious Crime Bill [HL]. House of Lords, 14 October 2014. – URL: http://www.publications.parliament.uk/pa/ld201415/ldhansrd/text/141014-0001.htm#14101474000525 (дата обращения: 11.09.2019). – Текст : электронный.

7. Golovanova N. A. Konfiskaciya kak reakciya na kory`stnoe prestuplenie / N. A. Golovanova. – URL : http://otrasli-prava.rf/article/10714 (data obrashheniya: 11.09.2019). – Tekst : e`lektronny`j.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2019. – Т. 5 (71). № 4. – С. 116-125.

УДК 347.962

ФОРМИРОВАНИЕ НАУЧНЫХ ВЗГЛЯДОВ О СУЩНОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРОКУРАТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ ЗАКОННОСТИ В ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ СИТУАЦИЯХ

Басова Ю. Ю.

Крымский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации

В статье осуществлен анализ научных работ о сущности деятельности прокуратуры Российской Федерации по обеспечению законности в чрезвычайных ситуациях. Автором определены теоретические и практические вопросы, которые остались без внимания ученых и требующих теоретического и практического решения с целью совершенствования прокурорской деятельности по обеспечению законности в чрезвычайных ситуациях. Установлено, что существующие учебные и научные исследования в сфере прокурорской деятельности по обеспечению законности в чрезвычайных ситуациях рассматривают ряд вопросов, в частности: теоретические аспекты обеспечения законности, общие вопросы организации прокурорской деятельности, организация государственного управления в чрезвычайных ситуациях.

Ключевые слова: научные взгляды, сущность, прокурорская деятельность, законность, чрезвычайные ситуации.

Одним из приоритетных направлений государственной политики и значимым условием дальнейшего социально-экономического развития Российской Федерации является обеспечение соблюдения гарантированных Конституцией Российской Федерации прав и свобод человека и гражданина, защита материальных и духовных ценностей общества от преступных и иных противоправных посягательств, социальных и межнациональных конфликтов, а также от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера [1].

Стоит отметить, что проблемы в сфере предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций различного характера, а также организации деятельности государственных органов, своевременности и законности их деятельности в таких условиях являются актуальными не только для России, но и для любой страны мира. В подтверждение изложенного отметим следующие события:

– возникновение внутреннего вооруженного конфликта на востоке Украине, в результате которого погибло более 20 тыс. человек, разрушено более 5 тыс. жилых домов, 1200 предприятий. Кроме того, националистическими отрядами проведена транспортная, энергетическая, финансовая блокады территорий Донецкой и Луганской областей;

– нестабильностью социально-экономической ситуации в отдельных европейских странах (например, Греция – акции протеста, массовые беспорядки, забастовки и т.д. (2010, 2011, 2012г.), Бельгия – акции протеста, забастовки, террористические акты (2011 – 2016 г.), Чехия – массовые беспорядки, забастовки (2009 – 2014 г.), Франции – акции протеста и массовые беспорядки (2018–2019 г);

– «толерантная» миграционная политика привела к «миграционному хаосу» в странах Европейского Союза, а в частности в Германии, Италии, Польше и Франции. Последствиями такой политики стал неконтролируемый приток беженцев из стран Африки и Ближнего Востока, в результате чего в указанных странах значительно ухудшилась криминогенная обстановка (возникли факты нападения на женщин, сексуального насилия, участились нарушения общественного порядка, совершение крупномасштабных террористических актов (2015–2016 гг.). Кроме того, в начале 2017 года в указанных странах Европейского Союза произошли так называемые миграционные бунты, к которых пострадало свыше 300 сотрудников полиции, 1200 человек задержаны, причинен значительный материальный ущерб;

– возникновением чрезвычайных ситуаций техногенного и природного характера (наводнения в Польше, Германии, Чехии 2009-2010 г.; авария на химическом заводе в Польше в результате которой пострадало свыше 23 тыс. человек);

– возникновением крупномасштабных чрезвычайных ситуаций в различных регионах мира (Япония – землетрясение, обусловил возникновение цунами и аварии на атомной электростанции 2011 г.; социально-политические конфликты на в странах Ближнего Востока 2011, 2012–2016 г.); попытка военного переворота в Турции (2016 г.).

Приведенные события, кроме значительных материальных убытков для государства, разрушение инфраструктуры, изменения или вообще прекращения функционирования общественных и государственных институтов, характеризуются значительными человеческими потерями, значительными объемами беженцев, возникновение существенной напряжения геополитической обстановки как в определенном регионе, так и в мире, в целом.

Так, например, в результате вооруженного конфликта в странах ближнего востока по данным ООН, за время конфликта погибло свыше 430 тыс. человек, включая 11500 детей, уничтожены исторические памятники, разрушено свыше 176 тыс. инфраструктурных объектов, что составляет около 70 % всех объектов страны [2]. В свою очередь, указанный конфликт спровоцировал неограниченный объем беженцев в страны Европейского союза. По данным ООН их количество в 2015–2016 году составило свыше 820 тыс. человек [3], что в свою очередь не может отразиться на социальной и экономической ситуации в регионе.

Актуальность проблематики обеспечения законности в чрезвычайных ситуациях обусловлена тенденциями роста их числа в Российской Федерации, количеством пострадавших и размером ущерба территориям, который причиняется опасными природными явлениями, промышленными авариями и катастрофами, негативными социально-политическими явлениями. Так, за последние 15 лет в Российской Федерации зарегистрировано свыше 12 тыс. чрезвычайных ситуаций, в которых пострадало свыше 150 тыс. человек, из которых погибло 14 тыс. человек; материальный ущерб составляют 6 % ВВП за указанный период. Так, в 2012 г. зарегистрировано 437 чрезвычайных ситуаций, в результате которых погибло 819 чел., пострадало 95 105 человек. В 2013 г. на территории Российской Федерации зарегистрировано 335 чрезвычайных ситуаций, в результате которых погибло 640 человека, пострадало 218177 человек. В 2014 г. зарегистрировано 262 чрезвычайные ситуации, в результате которых погибло 260 человек, пострадало 129869 человек. Тем не менее, не-

смотря на снижение количества чрезвычайных ситуаций число пострадавших и материальных убытков остаются значительными [4].

Кроме того, в последние годы прослеживается тенденция к увеличению количества событий, которые могут обусловить возникновение чрезвычайных обстоятельств различного характера. Так, в 2014 году количественные показатели преступлений террористического характера составили 1128, преступлений совершенных в общественных местах – 785383 (на улицах, площадях, в парках, скверах – 480880) [5], в 2015 году данный показатель составил соответственно 1538 и 883989 (на улицах, площадях, в парках, скверах – 530 407) [6]. В 2016 году при общем снижении количества зарегистрированных преступлений совершенных в общественных местах – 790 287 (на улицах, площадях, в парках, скверах – 501 090), количество преступлений террористического характера возросло на 44,8 %, что составило 2227 [7]. Несмотря на то, что в 2017-2018 годах отмечена динамика снижения количества преступлений совершенных в общественных местах (2017 год – 738 012, преступлений террористического характера – 1 871 [8]: 2018 год соответственно – 587672, и 1566 [9]), их количество остается значительным. В то же время, ежегодно в Российской Федерации проводится более 130 тыс. массовых мероприятий различной направленности, имеют место блокирование транспортных коммуникаций, акции протеста и др.

С целью эффективной реализации указанных направлений, государство принимает необходимые меры, среди которых важное место занимают те, которые направлены на создание и организацию деятельности соответствующей системы государственных органов, обеспечивающих реализацию государственной политики во всех сферах жизнедеятельности государства и населения, в том числе и в сфере обеспечения законности, как в обычных условиях, так и в условиях чрезвычайных ситуаций.

Однако, стоит отметить, что на сегодня в Российской Федерации четко прослеживается отсутствие надлежащего научного внимания теоретическим, правовым и организационным вопросам деятельности прокуратуры по обеспечению законности в чрезвычайных ситуациях. Такая ситуация обуславливает актуальность вопроса относительно определения научных исследований, посвященных данной проблематике.

Итак, специфика исследуемой научной проблематики предполагает необходимость обобщения научных исследований ученых различных сфер знаний. Теоретические и правовые аспекты обеспечения законности и правопорядка в чрезвычайных ситуациях той или иной степени освещали известные представители современной отечественной и зарубежной юридической науки, в частности: Андриашин Х. А., Анисимова В. Л., Берекашвили Л. Ш. Виноградов А. В., Власов Д., Голяков И. Т., Гончаров И. В., Григорьев В. Н., Грязнов А. В., Гущин В. В., Давитадзе М. Д., Демидов Ю. Н., Демин Г. И., Дмитрин В. Б., Дубовик А. Л., Зуйков Г. Г., Иванов Ю. В., Касаткин Н. М., Киреев М. П., Ларин А. М., Лебедь С., Лозбинев В. В., Маилян С. С., Майдыков А. Ф., Мелехин А. В., Овчинников В. В., Петрухин И. Л., Полянский М. М., Пчелинцев С. В., Рушайло В. Б., Старостин С. А., Туманов Г. А., Ухов В. Ю., Фризко В. И., Хазанов С. Д., Четвериков В. С., Якушин Н. М. и ряда других.

Организационно-правовые аспекты управления в чрезвычайных ситуациях природного и техногенного характера рассматривали Армазанцев Н. И., Архипова Н. И., Борзова Е. Б., Бречалов К. Л., Владимиров В. А., Громов М. А., Дагиров Ш. Ш., Дюков А. Н., Кульба В. В., Локтионов Н. И., Микеев А. К., Морозов В. Н., Парубов А. И., Порфирьев Б. Н., Романов И. Б., Серегин А. С., Фалеев М. И., Федулов Г. В., Черничко Г. И., Шойгу С. К., Шпаковский Ю. Г. и другие. Указанные ученые исследовали различные аспекты заявленной проблематики: при межнациональных конфликтах, захвате заложников, подготовке или совершении террористических актов, розыске и задержании вооруженных и особо опасных преступников, пресечении деятельности незаконных вооруженных формирований, реализации режима чрезвычайного положения, введение которого вызвано техногенными авариями, стихийными бедствиями и т. д.

Теория и практика прокурорского надзора исследовались в научных трудах таких ученых: Амирбекова К. И., Бессарабова В. Г., Винокурова А. Ю., Винокурова Ю. Е., Жубрина Р. В., Казариной А. Х., Карпова Н. Н., Коробейникова Б. В., Рябцева В. П., Субановой Н. В., Сухарева А. Я., Халиулина А. Г. и др.

Различные аспекты осуществления прокурорского надзора и прокурорской деятельности в чрезвычайных ситуациях исследовались в работах Беловой Г. Д., Дикановой Т. А., Долговой А. И., Максимова В. А., Хатова Э. Б., Ястребова В. В. и др.

Труды указанных ученых внесли весомый вклад в научную разработку различных аспектов обеспечения законности и правопорядка. Однако, в настоящее время существует значительное количество теоретических и практических аспектов деятельности прокуратуры Российской Федерации в чрезвычайных ситуациях, которые еще не исследовались.

Переходя к анализу содержания научных исследований стоит отметить, что разработке методологических аспектов данной проблематики важное место занимают исследования посвященные теоретическим основам обеспечения законности, среди которых можно выделить таких ученых, как: Алексеев С. С., Амирбеков К. И. , Бахрах Д. Н., Басов А. В., Козлов А. Ф., Клочков В. В., Колюка Н. Н., Мелехин А. В., Нерсесянц В. С., Нижник Н. С., Овчинников Н. А., Рябцев В. П. и др.

Так, Рябцев В. П. отметил, что «наиболее употребимым, в том числе для целей деятельности органов прокуратуры, пониманием законности как характеристики состояния исполняемого правового режима в стране является точное, строгое и неуклонное соблюдение (исполнение) законов всеми субъектами правоприменения, включая граждан, должностных и юридических лиц. Разумеется, такое становится возможным при наличии в стране развитой системы законодательства, отвечающего объективным потребностям правового регулирования сложившихся общественных отношений» [10, с. 161]. Нерсесянц В. С. отмечал: «Когда речь идет о верховенстве закона и господстве принципа законности в правовом государстве, то имеется в виду, конечно, не всякий закон и не всякая законность, а именно правовой закон и правовая законность» [11, с. 530]. Курагин А. В., Паникаров В. А., Паникарова Т. В., Сенатова Е. В. в исследовании «Специальные гарантии законности в административном праве» отмечают, что: «в последние годы предприняты попытки существенного расширения содержания законности за счет включения в понятие законодательства («законность» связывается с соблюдением не только законов, но и осно-

ванных на них подзаконных нормативных актов), так и сужения ее за счет сокращения субъективного состава (из числа субъектов законности исключаются граждане), т.е. граждане обязаны соблюдать только законы, а саму законность – должностные лица и представители власти» [12].

Итак, в современной юридической науки и правоприменительной практике «законность» остается фундаментальной категорией, уровень и состояние которой служат главными критериями оценки правовой жизни общества [13, с. 30-34].

Важное значение для анализа теоретических и практических аспектов исследуемой научной проблематики имеют научные взгляды Хесиной Н. М. В проведенных исследованиях, в частности: «Административно-правовое обеспечение режима законности и правопорядка в РФ» [14]; «Исполнительная власть в механизме обеспечения режима законности и правопорядка» [15]; «Социально-политическое и юридическое содержание механизма обеспечения законности и правопорядка» [16] ученый отмечает, что «для административно-правового обеспечения законности и правопорядка наиболее значимы такие формы реализации компетенции органов государственной администрации, как правоустановление, правоприменение и правоохранение, поскольку именно они, во-первых, вызывают наиболее существенные юридические последствия для властных и невластных участников общественных отношений, во-вторых, отражают специфику полномочий правоохранительных органов, несущих основное бремя по непосредственному обеспечению правопорядка».

Не менее важной группой научных исследований, являются труды, посвященные обеспечению законности в деятельности органов государственной власти, как в обычных условиях, так и в условиях чрезвычайных ситуациях. Так, Басов А. В., Колюка Н. Н. в исследовании «Законность в деятельности государственных органов в Российской Федерации: понятие, сущность, содержание и проблемы совершенствования» ученые делают вывод, о том, что «Законность отображает правовой характер организации общественно-политической жизни, органическую взаимосвязь права и власти, права и государства, права и общества. Она касается как сферы правотворчества, так и сферы правореализации, поскольку требования соблюдения законности касается и высших органов государственной власти и других государственных органов, которые принимают в пределах своих полномочий подзаконные акты, и непосредственно, исполнителей законов» [17; 18].

Важное значение имеют исследования, посвященные вопросам научного анализа содержания прокурорской деятельности российской прокуратуры. Данной проблематики посвящено значительное внимание ученых, среди которых можно выделить научные труды отечественного Рябцева В. П., в частности: «Роль и место органов прокуратуры в системе государственных институтов Российской Федерации» [19], «Правовой статус прокуратуры: тенденции и противоречия развития» [20], «Приоритеты деятельности по обеспечению законности и правопорядка в сфере защиты конституционного строя» [21], «Прокуратура в системе обеспечения национальной безопасности Российской Федерации» [22]. Рябцев В. П. отметил, что «деятельность прокуратуры Российской Федерации органично связана с жизнедеятельностью общества и государства, поскольку ее основной целью является обеспечение верховенства закона, единства и укрепления законности, защиты прав и свобод человека и гражданина, а также охраняемых законом интересов общества и государства. Следовательно, развитие прокуратуры должно способствовать общему про-

цессу обеспечения национальной безопасности, а во главе угла должна находиться способность обеспечить безопасность и надежность развития правовых общественных отношений».

Интересными, с научной точки зрения, является учебные и учебно-методические работы посвященные различным аспектам прокурорской деятельности, в частности: «Прокурорский надзор за соблюдением Конституции Российской Федерации, исполнением законов и законностью правовых актов» [23], «Организация деятельности прокурора по обеспечению безопасности прокурора и прокурорских работников» [24], «Организация работы прокуратур городов, районов и приравненных к ним прокуратур» [25].

Анализ указанных работ показывает, что первоочередными задачами органов прокуратуры являются защита прав пострадавших, в том числе права на получение материальных выплат, обеспечение законности при проведении восстановительных работ, обеспечение целевого расходования средств, обеспечение полноты и своевременности проведения аварийно-спасательных работ, недопущение увеличение цен на товары и продукты питания, соответствия санитарным требованиям условий временного пребывания эвакуированного населения. Таким образом, роль прокуратуры в выявлении, пресечении, устранении и предупреждении нарушений законодательства о защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, а также в восстановлении нарушенных прав граждан представляется весьма значительной.

Делая вывод, отметим, что анализ научных взглядов о сущности деятельности прокуратуры Российской Федерации по обеспечению законности в чрезвычайных ситуациях не претендует на полноту. Отмеченные в исследовании научные работы свидетельствуют о содержательности вопроса обеспечения законности, содержания государственного управления в условиях возникновения чрезвычайных ситуаций, а также содержания прокурорской деятельности в чрезвычайных ситуациях.

С учетом произошедших стихийных бедствий, повлекших человеческие жертвы, разрушения, причинение значительного имущественного ущерба особенную актуальность и значимость имеет надзор за исполнением законодательства, направленного на обеспечение безопасности населения и территорий, их защиты от чрезвычайных ситуаций различного характера.

Важное место в государственно-правовом механизме обеспечения законности и правопорядка в чрезвычайных ситуациях занимает решение методологических и практическими проблем. По целому ряду концептуальных вопросов сохраняется многообразие точек зрения. Прежде всего, это касается понятийного аппарата.

Отсутствие общепринятой терминологии и единообразного толкования базовых категорий, в том числе нормативно закрепленных, на практике приводит к различным оценкам одних и тех же событий, неспланированности и нескоординированности действий уполномоченных субъектов между собой. Кроме того, недостаточное исследование вопросов, в указанной сфере, негативно влияет на усовершенствование законодательства, а также разработку и применение необходимых мер, направленных на усовершенствование правоохранительной деятельности. Поэтому комплексное исследование теоретических предпосылок формирования представлений о сущности и содержании обеспечения законности и правопорядка в чрезвычайных ситуациях, современных теоретических концепциях в данной области, по-

нятия и соотношения законности и правопорядка, изучение онтологической и гносеологической характеристик чрезвычайных ситуаций, исследование организационной характеристики системы субъектов обеспечения законности и правопорядка в чрезвычайных ситуациях, анализ особенностей реализации их полномочий, анализ организационных и практических аспектов осуществления прокурорского надзора за исполнением законодательства государственными органами в чрезвычайных ситуациях, разработка научно-обоснованных направлений усовершенствования правовых и организационных основ обеспечения законности и правопорядка в чрезвычайных ситуациях является актуальным и своевременным.

Разработка указанных научных проблем является одним из перспективных направлений и в определенной степени имеет междисциплинарное значение, поскольку связана с проблемами науки конституционного права, административного права, прокурорского надзора, других отраслевых юридических наук.

Список литературы

1. Концепция общественной безопасности в Российской Федерации. – URL: http://www.kremlin.ru/acts/news/19653 (дата обращения 29.08.2019). – Текст электронный.

2. За родину, за Асада!: оглашено число жертв войны в Сирии, включая боевиков «Хизбаллы». – URL: http://9tv.co.il/news/2015/06/09/206078.htmlc (дата обращения 21.08.2019). – Текст электронный.

3. Количество беженцев в Европе перевалило за полмиллиона // данные ООН. URL: http://zn.ua/WORLD/kolichestvo-bezhencev-v-evrope-perevalilo-za-polmilliona-oon-190263_.html (дата обращения 21.08.2019). – Текст электронный.

4. Сравнительная характеристика чрезвычайных ситуаций, происшедших на территории Российской Федерации в 2014/2013 годах. URL: http://www.mchs.gov.ru/activities/stats/CHrezvichajnie_situacii/2014/Sravnitelnaja_harakteristika_chrezvichaj (дата обращения 29.08.2019). – Текст электронный.

5. Состояние преступности в России за январь – декабрь 2014 года: Статистический сборник // Официальный сайт Генеральной прокуратуры РФ. URL: http://crimestat.ru/analytics (дата обращения 29.08.2019). – Текст электронный.

6. Состояние преступности в России за январь – декабрь 2015 года: Статистический сборник // Официальный сайт Генеральной прокуратуры РФ. URL: https://genproc.gov.ru/upload/iblock/d07/0112_2015.pdf (дата обращения 29.08.2019). – Текст электронный.

7. Состояние преступности в России за январь – декабрь 2016 года: Статистический сборник // Официальный сайт Генеральной прокуратуры РФ. URL: https://genproc.gov.ru/upload/iblock/f8b/Ежемесячный%20сборник%20декабрь%202016.pdf (дата обращения 29.08.2019). – Текст электронный.

8. Состояние преступности в России за январь – декабрь 2017 года: Статистический сборник // Официальный сайт Генеральной прокуратуры РФ. URL: https://genproc.gov.ru/upload/iblock/aab/Ежемесячный%20сборник%20декабрь%202017.pdf (дата обращения 29.01.2019). – Текст электронный.

9. Состояние преступности в России за январь – октябрь 2018 года: Статистический сборник // Официальный сайт Генеральной прокуратуры РФ. URL: https://genproc.gov.ru/upload/iblock/ddb/sbornik_10_2018.pdf (дата обращения 29.01.2019). – Текст электронный.

10. Рябцев В. П. Избранные труды / сост. Р. В. Жубрин, Ю. В. Важина, В. А. Немировский; вступит. ст. Ф. М. Кобзарева; Акад. Ген. прокуратуры Рос. Федерации. – М., 2014. – 300 с.

11. Нерсесянц В. С. Общая теория права и государства / В. С. Нерсесянц. – М. : Издательская группа «Норма-инфра». - М.: 1999. - 552 с.

12. Курагин А. В. Специальные гарантии законности в административном праве / А. В. Курагин, В. А. Паникаров, Т. В. Паникарова, Е. В. Сенатова // Государство и право. – 2017. – № 12. – С. 56-63.

13. Нижник Н. С. Законность: плюрализм подходов к рассмотрению социоюридического феномена в современной юридической науке / Н. С. Нижник // Вестник КРСУ. – 2014. – Т. 14. № 12. – С. 30-34.

14. Хесина Н. М. Административно-правовое обеспечение режима законности и правопорядка в РФ: Монография / Н. М. ХЕсина. – М. : Юнити: Закон и право. – 2004. – 543 с.

15. Хесина Н. М. Исполнительная власть в механизме обеспечения режима законности и правопорядка / Н. М. Хесина // Вестник Московского университета МВД России. – 2004. – № 5. – С. 45-52.

16. Хесина Н. М. Социально-политическое и юридическое содержание механизма обеспечения законности и правопорядка / Н. М. Хесина // Вестник Московского университета МВД России. – 2005. – № 1. –С. 12-25.

17. Басов А. В. Законность в деятельности государственных органов в Российской Федерации: понятие, сущность, содержание и проблемы совершенствования / А. В. Басов, Н. Н. Колюка // Пробелы в российском законодательстве. – 2016. – № 8. – С. 36-42.

18. Басов А. В. Определение содержания законности в деятельности в деятельности органов публичного управления в условиях чрезвычайной ситуации / А. В. Басов // Крымский юридический вестник. – 2010. – Вып. 1 (8). – Ч. 1. – С. 30–36.

19. Рябцев В. П. Роль и место органов прокуратуры в системе государственных институтов Российской Федерации / В. П. Рябцев // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. – 2008. – № 4 (6). – С. 44-51.

20. Рябцев В. П. Правовой статус прокуратуры: тенденции и противоречия развития / В. П. Рябцеу // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. – 2009. – № 3 (11). – С. 13-16.

21. Рябцев В. П. Приоритеты деятельности по обеспечению законности и правопорядка в сфере защиты конституционного строя / В. П. Рябцев // Вестник Российской правовой Академии. – 2010. – № 3. – С. 66-72.

22. Рябцев В. П. Прокуратура в системе обеспечения национальной безопасности Российской Федерации / В. П. Рябцев // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. – 2010. – № 6 (20). – С. 12-22.

23. Прокурорский надзор за соблюдением Конституции Российской Федерации, исполнением законов и законностью правовых актов: учебное пособие. Ч. 1 / О. Н. Коршунова, И. И. Головко, Э. Р. Исламова, С. И. Коряченцова, Д. М. Плугарь ; под ред. Э. Р. Исламовой. – СПб : Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2018. – 108 с.

24. Белова Г. Д. Организация деятельности прокурора по обеспечению безопасности прокурора и прокурорских работников : лекция / Г. Д. Белова / Акад. Ген. прокуратуры Российской Федерации. – М., 2012. – 25 с.

25. Организация работы прокуратур городов, районов и приравненных к ним прокуратур // Сб. материалов семинаров по обмену опытом: вып. 6 / под общ. ред. Э. Б. Хатова. – М. : Акад. Ген. прокуратуры Российской Федерации, 2012. – 88 с.

Basova J. J. The formation of scientific views on the essence of the activities of the prosecutor`s office of the Russian Federation for ensuring law in emergency situations / J. J. Basova // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2019. – T. 4 (72). № 4. – P. 116-125.

The article analyzes scientific works on the nature of the activities of the prosecutor's office of the Russian Federation to ensure the rule of law in emergency situations. The author identifies theoretical and practical issues that have remained without the attention of scientists and requiring theoretical and practical solutions in order to improve prosecutorial activities to ensure the rule of law in emergency situations. It has been established that the existing educational and scientific research in the field of prosecutorial activities to ensure the rule of law in emergency situations address a number of issues, in particular: theoretical aspects of ensuring the rule of law, general issues of organizing prosecutorial activities, organization of public administration in emergency situations.

Keywords: scientific views, essence, prosecutorial activity, legality, emergency situations.

Spisok literatury`

1. Koncepciya obshhestvennoj bezopasnosti v Rossijskoj Federacii. – URL: http://www.kremlin.ru/acts/news/19653 (data obrashheniya 29.08.2019). – Tekst e`lektronny`j.

2. Za rodinu, za Asada!: oglasheno chislo zhertv vojny` v Sirii, vklyuchaya boevikov «Xizbally`». – URL: http://9tv.co.il/news/2015/06/09/206078.htmls (data obrashheniya 21.08.2019). – Tekst e`lektronny`j.

3. Kolichestvo bezhencev v Evrope perevalilo za polmilliona // danny`e OON. URL: http://zn.ua/WORLD/kolichestvo-bezhencev-v-evrope-perevalilo-za-polmilliona-oon-190263_.html (data obrashheniya 21.08.2019). – Tekst e`lektronny`j.

4. Sravnitel`naya xarakteristika chrezvy`chajny`x situacij, proisshedshix na territorii Rossijskoj Federacii v 2014/2013 godax. URL: http://www.mchs.gov.ru/activities/stats/CHrezvichajnie_situacii/2014/Sravnitelnaja_harakteristika_chrezvichaj (data obrashheniya 29.08.2019). – Tekst e`lektronny`j.

5. Sostoyanie prestupnosti v Rossii za yanvar` – dekabr` 2014 goda: Statisticheskij sbornik // Oficial`ny`j sajt General`noj prokuratury` RF. URL: http://crimestat.ru/analytics (data obrashheniya 29.08.2019). – Tekst e`lektronny`j.

6. Sostoyanie prestupnosti v Rossii za yanvar` – dekabr` 2015 goda: Statisticheskij sbornik // Oficial`ny`j sajt General`noj prokuratury` RF. URL: https://genproc.gov.ru/upload/iblock/d07/0112_2015.pdf (data obrashheniya 29.08.2019). – Tekst e`lektronny`j.

7. Sostoyanie prestupnosti v Rossii za yanvar` – dekabr` 2016 goda: Statisticheskij sbornik // Oficial`ny`j sajt General`noj prokuratury` RF. URL: https://genproc.gov.ru/upload/iblock/f8b/Ezhemesyachny`j%20sbornik%20dekabr`%202016.pdf (data obrashheniya 29.08.2019). – Tekst e`lektronny`j.

8. Sostoyanie prestupnosti v Rossii za yanvar` – dekabr` 2017 goda: Statisticheskij sbornik // Oficial`ny`j sajt General`noj prokuratury` RF. URL: https://genproc.gov.ru/upload/iblock/aab/Ezhemesyachny`j%20sbornik%20dekabr`%202017.pdf (data obrashheniya 29.01.2019). – Tekst e`lektronny`j.

9. Sostoyanie prestupnosti v Rossii za yanvar` – oktyabr` 2018 goda: Statisticheskij sbornik // Oficial`ny`j sajt General`noj prokuratury` RF. URL: https://genproc.gov.ru/upload/iblock/ddb/sbornik_10_2018.pdf (data obrashheniya 29.01.2019). – Tekst e`lektronny`j.

10. Ryabcev V. P. Izbranny`e trudy` / sost. R. V. Zhubrin, Yu. V. Vazhina, V. A. Nemirovskij; vstupit. st. F. M. Kobzareva; Akad. Gen. prokuratury` Ros. Federacii. – M., 2014. – 300 s.

11. Nersesyancz V. S. Obshhaya teoriya prava i gosudarstva / V. S. Nersesyancz. – M. : Izdatel`skaya gruppa «Norma-infra». - M.: 1999. - 552 s.

12. Kuragin A. V. Special`ny`e garantii zakonnosti v administrativnom prave / A. V. Kuragin, V. A. Panikarov, T. V. Panikarova, E. V. Senatova // Gosudarstvo i pravo. – 2017. – № 12. – S. 56-63.

13. Nizhnik N. S. Zakonnost`: plyuralizm podxodov k rassmotreniyu socioyuridicheskogo fenomena v sovremennoj yuridicheskoj nauke / N. S. Nizhnik // Vestnik KRSU. – 2014. – T. 14. № 12. –S. 30-34.

14. Xesina N. M. Administrativno-pravovoe obespechenie rezhima zakonnosti i pravoporyadka v RF: Monografiya / N. M. XEsina. – M. : Yuniti: Zakon i pravo. – 2004. – 543 s.

15. Xesina N. M. Ispolnitel`naya vlast` v mexanizme obespecheniya rezhima zakonnosti i pravoporyadka / N. M. Xesina // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. – 2004. – № 5. – S. 45-52.

16. Xesina N. M. Social`no-politicheskoe i yuridicheskoe soderzhanie mexanizma obespecheniya zakonnosti i pravoporyadka / N. M. Xesina // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. – 2005. – № 1. –S. 12-25.

17. Basov A. V. Zakonnost` v deyatel`nosti gosudarstvenny`x organov v Rossijskoj Federacii: ponyatie, sushhnost`, soderzhanie i problemy` sovershenstvovaniya / A. V. Basov, N. N. Kolyuka // Probely` v rossijskom zakonodatel`stve. – 2016. – № 8. – S. 36-42.

18. Basov A. V. Opredelenie soderzhaniya zakonnosti v deyatel`nosti v deyatel`nosti organov publichnogo upravleniya v usloviyax chrezvy`chajnoj situacii / A. V. Basov // Kry`mskij yuridicheskij vestnik. – 2010. – Vy`p. 1 (8). – Ch. 1. – S. 30–36.

19. Ryabcev V. P. Rol` i mesto organov prokuratury` v sisteme gosudarstvenny`x institutov Rossijskoj Federacii / V. P. Ryabcev // Vestnik Akademii General`noj prokuratury` Rossijskoj Federacii. – 2008. – № 4 (6). – S. 44-51.

20. Ryabcev V. P. Pravovoj status prokuratury`: tendencii i protivorechiya razvitiya / V. P. Ryabceu // Vestnik Akademii General`noj prokuratury` Rossijskoj Federacii. – 2009. – № 3 (11). – S. 13-16.

21. Ryabcev V. P. Prioritety` deyatel`nosti po obespecheniyu zakonnosti i pravoporyadka v sfere zashhity` konstitucionnogo stroya / V. P. Ryabcev // Vestnik Rossijskoj pravovoj Akademii. – 2010. – № 3. – S. 66-72.

22. Ryabcev V. P. Prokuratura v sisteme obespecheniya nacional`noj bezopasnosti Rossijskoj Federacii / V. P. Ryabcev // Vestnik Akademii General`noj prokuratury` Rossijskoj Federacii. – 2010. – № 6 (20). – S. 12-22.

23. Prokurorskij nadzor za soblyudeniem Konstitucii Rossijskoj Federacii, ispolneniem zakonov i zakonnost`yu pravovy`x aktov: uchebnoe posobie. Ch. 1 / O. N. Korshunova, I. I. Golovko, E`. R. Islamova, S. I. Koryachenczova, D. M. Plugar` ; pod red. E`. R. Islamovoj. – SPb : Sankt-Peterburgskij yuridicheskij institut (filial) Universiteta prokuratury` Rossijskoj Federacii, 2018. – 108 s.

24. Belova G. D. Organizaciya deyatel`nosti prokurora po obespecheniyu bezopasnosti prokurora i prokurorskix rabotnikov : lekciya / G. D. Belova / Akad. Gen. prokuratury` Rossijskoj Federacii. – M., 2012. – 25 s.

25. Organizaciya raboty` prokuratur gorodov, rajonov i priravnenny`x k nim prokuratur // Sb. materialov seminarov po obmenu opy`tom: vy`p. 6 / pod obshh. red. E`. B. Xatova. – M. : Akad. Gen. prokuratury` Rossijskoj Federacii, 2012. – 88 s.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2019. – Т. 5 (71). № 4. – С. 126-138.

УДК 343.14

О ГНОСЕОЛОГИЧЕСКОЙ ПРИРОДЕ И ВЗАИМОСВЯЗИ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

Биляев В. А.

Крымский филиал Российского государственного университета правосудия

В статье рассмотрены теоретические аспекты и системообразующие факторы, отражающие взаимосвязь оперативно-розыскной и уголовно-процессуальной деятельности. Отмечается основная познавательная направленность данных видов деятельности. Проанализированы особенности протекания познавательных процессов; доказано, что метод (способ) познания является ключевым элементом, раскрывающим общую гносеологическую (познавательную) сущность оперативно-розыскной и уголовно-процессуальной деятельности. Разносторонне рассмотрена категория метода в его научно-философском и деятельном правоприменительном понимании. Проведен анализ методов познания в уголовно-процессуальной и оперативно-розыскной деятельности, установлена их единая методологическая основа и объективные отличия по лини разграничения специальных методов познания, которые применяются в указанных сферах деятельности. На примере анализа отдельных гносеологических методов применительно к рассматриваемым видам деятельности обосновано понятие специального метода познания, как индивидуально-определенной комбинации эмпирических методов. Специальный метод отождествлен с конкретными оперативно-розыскными мероприятиями и следственными действиями и определен в качестве алгоритмизированного, исходя из установленных правовых условий, сложного целенаправленного действия. Доказано, что в основе фактических и нормативно-процедурных отличий и сходств между различными специальными методами, которые используются в рассматриваемых сферах деятельности (ОРД и УПД), лежит конкретный объективно обусловленный нормативными требованиями алгоритм, а не сфера деятельности как таковая.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность, уголовно-процессуальная деятельность, гносеология, познание, метод, алгоритм, специальный метод, оперативно-розыскное мероприятие, следственное действие.

Оперативно-розыскная деятельность (далее – ОРД) неразрывно связана с уголовным процессом в гносеологическом, правовом и организационно-тактическом аспектах.

Назначение уголовного судопроизводства, заключающееся в защите прав и законных интересов лиц и организаций потерпевших от преступлений, а также защите личности от незаконного и необоснованного уголовного преследования и иных правовых ограничений (п.п. 1, 2 ч. 1 ст. 6 УПК РФ) [1], реализуется, в том числе, путем решения задач оперативно розыскной деятельности. Статья 2 Закона РФ «Об оперативно-розыскной деятельности» определяет четыре группы задач, прямо или косвенно связанных с реализацией назначения уголовного судопроизводства. К ним, в частности, относятся:

- выявление, предотвращение (предупреждение, пресечение) и раскрытие преступлений, а также выявление и установление лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших;

- розыск лиц, которые скрываются от органов дознания, следствия и суда, уклоняются от уголовного наказания;

- добывание информации в целях обеспечения государственной, военной, экономической, информационной или экологической безопасности Российской Федерации;

- установление мест нахождения имущества, которое подлежит конфискации [2].

Кроме взаимосвязанных и взаимодополняющих задач, присущих как оперативно-розыскной деятельности, так и уголовному процессу указанные виды деятельности объединяет их совместная функциональная основа: субъекты ОРД и субъекты уголовного судопроизводства, наделенные государственно-властными полномочиями, функционируют в пределах единой системы государственного противодействия преступности [3, с. 18-20].

Результаты ОРД широко используются (применяются) в уголовно-процессуальном доказывании в качестве доказательств, что свидетельствует о взаимном проникновении исследуемых сфер деятельности. Такое взаимное проникновение, в свою очередь, является естественным и необходимым в силу того, что оба вида деятельности направлены на познание однородных по своему существу объектов окружающей действительности – познание лиц, фактов и объектов материального мира, представляющих интерес с точки зрения выявления, предотвращения, раскрытия и расследования преступлений.

Вместе с тем, следует отметить различные правовые режимы, в которых осуществляются указанные виды познавательной деятельности. Действующее законодательство закрепляет принципиальные отличия между ОРД и уголовным процессом в правовых и фактических основаниях осуществления познавательных операций, а также в порядке (процедуре) получения, закрепления и использования представляющих интерес сведений.

Различные проблемные аспекты, посвященные сущности и взаимосвязи ОРД и уголовного процесса рассматривались в работах Зайковского В. Н., Шиканова В. И., Кореневского Ю. В., Токарева М. Н., Доля Е. А., Астафьева Ю. В., Семенцова В. А., Изотова Н. В., Рушайло В. Б. и других ученых [5; 6; 7; 8; 9; 10]. Среди современных зарубежных исследователей, комплексным исследованием данной проблемы занимался украинский ученый Погорецкий Н. А. [11].

В настоящее время существенной проблемой правоприменительной практики является отсутствие достаточной регламентации в уголовно-процессуальном законе порядка использования в уголовном процессе доказательств-результатов ОРД. Остается открытым, пожалуй, главный вопрос – о самой законности использования результатов ОРД как процессуальных доказательств. Учитывая, с одной стороны, требования статьи 7 УПК РФ и ряд других законодательных положений, закрепляющих законность в качестве основополагающего принципа уголовного судопроизводства, и очевидные пробелы, содержащиеся в главах 10 и 11 УПК РФ с другой, законность их использования в таком качестве представляется довольно сомнительной. Сказанное ставит перед исследователями ряд вопросов, требующих разрешения в научно-теоретическом, а, в последующем, и, в законодательном плане.

Неразрешенность важных вопросов законодательства в сфере использования результатов ОРД в уголовно-процессуальном доказывании, а в более широком по-

нимании, речь идет о недостаточно эффективном использовании потенциала ОРД в уголовном судопроизводстве, свидетельствует о том, что и научная проблема, требующая системного междисциплинарного подхода, до сих пор не получила должного концептуального решения [2]. Сказанное актуализирует необходимость всестороннего исследования целого комплекса взаимосвязанных междисциплинарных проблем и направлений. Одним из таких направлений является изучение гносеологической природы и взаимосвязи оперативно-розыскной деятельности и уголовного процесса. Это и является целью настоящей статьи. Соответствующие теоретические построения, несомненно, должны способствовать выработке современных, адекватных общественным потребностям, концептуальных положений и предложений по усовершенствованию действующего законодательства.

Понятие ОРД закреплено в ст. 1 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» в качестве особого вида деятельности, который осуществляется гласно и негласно оперативными подразделениями уполномоченных на то государственных органов. ОРД осуществляется посредством проведения оперативно-розыскных мероприятий (далее – ОРМ) и имеет основными целями защиту жизни, здоровья, прав и свобод человека и гражданина, а также обеспечение безопасности общества и государства от преступных посягательств.

Уголовно-процессуальный закон не содержит специальной нормы, закрепляющей понятие уголовного судопроизводства, но, при этом, указывает на основные составляющие уголовного процесса – досудебное и судебное производство по уголовному делу (п. 56 ст. 5 УПК РФ). Вместе с тем, в современной уголовно-процессуальной науке выработана консолидированная позиция, согласно которой правоприменительная сторона данного понятия раскрывается путем характеристики процессуальной деятельности специальных субъектов – государственных органов, должностных лиц и иных участников уголовного судопроизводства [13, с. 25]. Речь в данном случае идет об уголовно-процессуальной деятельности (далее – УПД), как отдельном виде правоприменительной деятельности.

Законодательные акты раскрывают содержание ОРД и УПД путем закрепления в законе перечня субъектов соответствующей деятельности, сущности, порядка организации и проведения действий (мероприятий), осуществляемых в пределах каждой из них. Особенности протекания познавательных, т.е. гносеологических процессов, как неотъемлемой составляющей каждой из рассматриваемых сфер деятельности, естественно лежат за пределами законодательных конструкций. Они, однако, представляют интерес исследовательский, так как общая гносеологическая природа ОРД и УПД имеет характер объединяющей их неизменной константы. Используя законы системного анализа, гносеологическую составляющую оперативно-розыскной и уголовно-процессуальной деятельности следует рассматривать качестве базовой (родовой) метасистемы, в координатах которой функционируют взаимосвязанные оперативно-розыскная и уголовно-процессуальная подсистемы.

Как известно любая познавательная деятельность основана на законах гносеологии или теории познания, в пределах которой наукой выработаны правила протекания познавательных процессов в материальном мире. Законы гносеологии универсально применимы ко всем видам социальной деятельности. Основополагающим законом гносеологии, является закон отражения материальных явлений в действительности. На свойстве отражения основаны закономерности возникновения и по-

лучения информации о лицах, имевших место событиях и фактах, представляющих интерес с точки зрения выявления и расследования преступлений. Процесс отражения, как пишет Корнфорт М., содержит взаимосвязь между двумя отдельными материальными процессами, при котором особенности одного процесса воспроизводятся в особенностях другого [14].

Белкин Р. С. детально исследовал и раскрыл сущность процесса отражения применительно к возникновению информации криминалистического характера, т.е. информации имеющей значение для раскрытия и расследования преступлений. Он отмечает, что отражение свойственно всей материи, так как любой процесс, происходящий в материальном мире, отражается в иных, связанных с ним материальных процессах. Данное утверждение основано также на законе диалектической взаимосвязи и взаимообусловленности явлений материального мира, исходя из которого, взаимосвязь при отражении является одной из универсальных связей объективной действительности. Исходя из этого, если любой материальный процесс необходимо связан с иными процессами, то не существует как изолированных, так и так и принципиально не отражаемых в материальной действительности явлений [15].

Рассматривая теорию оперативно-розыскной деятельности, Белкин Р. С. относит ее к одной из разновидностей процесса познания объективной действительности, закономерностей, которые формируются в сфере практического осуществления ОРД, процесса диалектического отражения предметов и явлений материального мира в сознании людей. По своей гносеологической природе она не отличается от других наук [16].

Аналогичное утверждение справедливо и для правоприменительной стороны оперативно-розыскной деятельности, ведь система методов, с помощью которых субъект ОРД осуществляет познание представляющих профессиональный интерес объектов окружающей действительности, не отличается от методов, используемых в других сферах деятельности, в частности, уголовно-процессуальной, как наиболее родственной ей по своей природе.

Указанный тезис находит также подтверждение в гносеологической теории. В гносеологии процесс возникновения информации рассматривается как событие, влекущее изменения в окружающей действительности. Для получения знания об определенном событии (возникновение информации) необходимо выявить связанные с ним изменения, так как взаимосвязь между событием и изменением окружающей действительности существует объективно [17, с. 42-43]. Получению познающим субъектом интересующей его информации предшествует выявление им изменений, проявившихся в окружающей действительности в результате возникновения такой информации. Таким образом, методы познания объективной действительности в сфере противодействия преступности (общей системы, объединяющей уголовно-процессуальную и оперативно-розыскную подсистемы [1, с. 19]) являются способами получения информации (сведений) об объектах, представляющих оперативный, следственный и судебный интерес – лицах, фактах и объектах материального мира. В данном случае применение самого метода познания (а точнее методов и их комбинаций), отражают процесс познания и характеризуют его особенности.

Из вышесказанного также следует, что метод (он же и способ) познания является ключевым элементом, раскрывающим общую гносеологическую (познавательную) сущность оперативно-розыскной и уголовно-процессуальной деятельности.

Учитывая это, а также то, что, представление о методе в науке многогранно, попытаемся более детально проанализировать различные представления о методе.

Исходя из словарных толкований, метод является способом познания явлений природы и общественной жизни, а также системой приемов (приемов познания), которые применяются в какой-либо из отраслей деятельности человека [18]. Метод (способ) познания одновременно выступает и средством познания окружающей действительности [19, с. 435].

В философии понятие метода традиционно имеет достаточно широкий диапазон применений, а сам метод определяется как система принципов, приемов, правил и требований, которыми необходимо руководствоваться в познавательной деятельности [20].

Более широкое толкование понятия метода предусматривает включение в его содержание организационной формы деятельности. Метод, исходя из этого, является целенаправленной формой организации определенных действий. Такая характеристика метода основывается на синтезе философских представлениях о форме, как способе организации и существования предмета, процесса, явления [21, с. 383] и о методе как форме практического и теоретического постижения действительности исходя из естественной динамики изучаемого объекта [22, с. 409].

Для уяснения сущности метода также широко используется деятельный подход, в соответствии с которым существование метода представляется в двух формах – потенциальной и актуальной. В первой из них метод рассматривается как форма бытия и, соответственно, он существует в качестве знания (системы знаний), потенциала деятельности, а во второй (актуальной) – как сама непосредственно деятельность. При этом применение метода субъектом деятельности является его актуализацией, т.е. преобразованием метода из его потенциальной формы в актуальную. Весьма применима здесь также аналогия из философского представления о методе, в соответствии с которым понятие метода одновременно охватывает как научную (условно статическую) так и преобразовательную деятельность [23].

В праксиологии метод рассматривается в качестве системы поведения субъекта деятельности. Котарбинский Т., например, определяет метод как пригодный для многократного применения «способ выполнения сложного действия, заключающийся в определенном подборе и расстановке его составных частей» [24, с. 82]. В том же контексте, но более емко, излагает свое понимание метода Пщоловский Т.: «способ действия, применяемый систематически» [25, с. 181].

Если же сопоставить «праксиологическое» толкования метода с «деятельным», то какого-либо противоречия между ними не обнаруживается, а рассмотренные выше толкования являются взаимодополняющими. Так, праксиологическая школа объективно обогащает содержательное наполнение метода, а деятельный подход позволяет рассматривать такое содержание как в абстрактно-статическом понимании – в качестве знания о выполнении необходимой системы действий, так и предметно-действенном – в качестве конкретного научно-обоснованного и апробированного алгоритма действий применяемого субъектом в той либо иной области деятельности или в различных ситуациях.

Такое, основанное на научном синтезе, представление о методе позволяет раскрыть сущность данного понятия применительно к предмету настоящего исследования. Ведь метод, как способ познания субъектом (ОРД, УПД) объектов представ-

ляющих профессиональный интерес, во-первых, нормативно-алгоритмизирован, а во-вторых, существует в двух взаимосвязанных формах – в статике (методика и знание методики) и в динамике – как система действий в той либо иной следственной (оперативной) ситуации.

Чайковский А. В. в статье «Метод как средство познания бытия» анализируя различные применяемые в науке подходы к определению понятия «метод» обращает внимание на существование его двух основных значений. В первом своем значении метод следует рассматривать в качестве регулятива, принципа, парадигмы, точки зрения, взгляда, совета, подхода, направления. Во втором – это «алгоритм, план, способ, предписание, указание, правило, программа, рецепт». В пределах последней группы упоминаемый автор выделяет три отдельных типа методов – метод-способ; метаметод и прием; метод-действие или условный «кирпичик» метода (в его цельно-практическом понимании). При этом метод-способ определяется им как последовательное применение ряда методов познания и преобразования объекта исследования; метаметод и прием включает в себя в качестве дополнительных другие методы познания и преобразования. Далее автор приходит к закономерному выводу о том, что «… понятие «метод» значительно шире, чем понятие «алгоритм». Метод всегда включает в себя алгоритм (или алгоритмы), но не сводится к нему. Если деятельность «методологична», то есть всегда осуществляется с помощью тех или иных методов, то она в той же степени и алгоритмизирована, поскольку метод включает в себя алгоритм». Однако данное утверждение все же нельзя относить к методам-регуляторам (принцип, парадигма, взгляд и т.д.), о возможности алгоритмизации которых может идти речь только в самом широком смысле [23].

Если же продолжить эту мысль, то следует признать возможность существования метода-действия, исключительно в теоретическом и идеальном эмпирическом плане, исключая практическую возможность его обособленного применения как метода деятельного познания. Непосредственно в практическом выражении для любой из сфер организованной жизнедеятельности присуще одновременное и комбинированное применения методов действий, методов-способов и метаметодов в каждом конкретном индивидуально определенном алгоритме.

Сказанное также подтверждает справедливость тезиса об отсутствии в человеческой деятельности абсолютно «чистых» методов, в которых не присутствовали бы элементы других методов, ведь использование познающим субъектом конкретного метода всегда предусматривает одновременное приложения широкого спектра других научных методов в зависимости от особенностей задач, решаемых в процессе познания. Учитывая существование в каждом из методов познания сходных характеристик, обусловленных материальным единством мира, вопрос о границах разграничения конкретных методов часто остается неразрешенным [26, с. 129].

Современные правоприменительные практики в значительной степени алгоритмизированы, так как методы познания (получения информации, интересующей субъект ОРД и УПД) содержат в себе совокупность требований, характеризующих порядок осуществления познавательных операций. Такой подход к пониманию сущности метода целесообразно использовать для сравнительного анализа методов уголовно-процессуальной и оперативно-розыскной деятельности, определения их единой методологической основы и объективных отличий по лини разграничения специальных методов познания применяемых в указанных областях деятельности.

Исходя из рассмотренных представлений о методе как способе познания явлений объективной действительности и, одновременно, основной категории гносеологической науки проведем сравнительный анализ отдельных методов, используемых в ОРД и УПД. Оперативно-розыскной и уголовно-процессуальной деятельности в равной степени присущи как методы эмпирического, так и методы теоретического познания. В свою очередь, методы эмпирического познания превалируют в области практической правоприменительной деятельности, методы теоретического познания – в науке и сфере правотворчества.

В системе эмпирических (чувственно-опытных) методов используемых при проведении ОРД и УПД следует выделять методы наблюдения, описания, эксперимента, сравнения и опроса. Использование эмпирических методов в правоприменительной практике требует непосредственного обращения к фактам, данным наблюдений, жизненного и профессионального опыта правоприменителя, что позволяет путем применения общелогических операций (анализ, синтез, абстрагирование и др.) получать качественно новые знания-выводы в той или иной следственной (оперативно-розыскной) ситуации [27, с. 21; 28, с. 27].

Как видим, применение таких методов в практической деятельности невозможно без использования общелогических методов, являющихся в своей совокупности универсальной связующей субстанцией в области эмпирического, теоретического и философского познания.

Рассмотрим особенности применения одного из основных эмпирических методов в уголовно-процессуальной и оперативно-розыскной практике – метода наблюдения.

Наблюдением является целенаправленное изучение предмета на основе работы органов чувств познающего субъекта, исключая его вмешательство в изучаемое явление [29]. Данное определение соответствует методу-действию (методу-кирпичику) в ранее рассмотренной нами типологии методов. Однако, как было уже отмечено, применение идеально эмпирических методов в их «чистом виде» в практической деятельности исключено. Сказанное дополнительно подтверждается на примере метода наблюдения, представляющего в процессе правоприменительной практики сложный алгоритмизированный процесс, который невозможно представить без дополняющих его методов сравнения, распознания, описания, опроса. Так применение метода наблюдения в оперативно-розыскной и уголовно-процессуальной деятельности предусматривает обязательную фиксацию результатов наблюдения. При этом речь идет о дополнительном использовании другого гносеологического метода – метода описания, путем фиксирования результатов опыта, наблюдения или эксперимента с использованием специальных систем обозначения [30].

Метод наблюдения является основным методом, применяемым при производстве следственных действий, предусмотренных главой 24 УПК РФ – осмотра, освидетельствования, следственного эксперимента, а также обыска и выемки. Приемы наблюдения также активно используются при производстве других следственных действий, основанных на сочетании методов опроса и наблюдения – опознание и проверка показаний на месте [31, с. 73-88].

В комбинации с другими эмпирическими методами наблюдение широко применяется при осуществлении большинства оперативно-розыскных мероприятий. С

помощью приемов наблюдения осуществляются, в частности, мероприятия по опросу, сбору образцов для сравнительного исследования, исследованию предметов и документов, отождествлению личности.

На применении метода наблюдения основано аналогичное по своему названию оперативно-розыскного мероприятия «Наблюдение» (п. 6 ч. 1 ст. 6 ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности»). Разновидностью данного мероприятия является визуальное наблюдение – скрытое (негласное) наблюдение за поведением лиц представляющих оперативный интерес с целью выявления их связей и иных данных, свидетельствующих о преступной деятельности. В данном случае, рассматриваемый нами эмпирический метод познания условно модифицируется объективными требованиями своего конкретно практического назначения. Во-первых – по способу применения самого метода, которым является негласность, характеризующая его главную тактическую особенность в качестве оперативно-розыскного мероприятия. Во-вторых – необходимой комбинацией используемых в сочетании с ним других эмпирических методов (распознания, описания, сравнения, опроса).

Как видим, в своем условно-относительном «чистом» виде (как метод-действие, согласно уже рассмотренной классификации Чайковского А. В.) метод наблюдения является основным методом при проведении оперативно-розыскного мероприятия «Наблюдение». В то же время конкретной формой практического познания действительности может стать исключительно алгоритмизированный метод. Такая индивидуальная алгоритмизация, на примере метода наблюдения, предусматривает условное преобразование существующего в области теории «чистого» метода в практический алгоритм осуществления познавательных операций в форме приближенной к методу-способу, как пример – оперативно-розыскное мероприятие «Наблюдение» или метаметоду – следственное действие «Осмотр», включающее дополнительно элементы наблюдения, опроса, описания и преобразования.

«Индивидуализация» таких алгоритмов в каждом случае обусловлена нормативно определенными целями, задачами и условиями осуществления того либо иного следственного действия или оперативно-розыскного мероприятия. При этом материальные и процедурные отличия, существующие между различными следственными действиями в пределах их системы, как, впрочем, и между оперативно-розыскными мероприятиями, фактически стирают грань, казалось бы, «принципиального» отличия между ОРД и УПД как традиционно рассматриваемыми в науке и практике отдельными видами деятельности. Так, например, такое следственное действие как контроль и запись переговоров (ст. 186 УПК РФ), являясь по своей сути оперативно-розыскным мероприятием, проводимым в рамках уголовного процесса, мало чем также отличается от своего оперативно-розыскного первоаналога в плане оснований для его проведения и процедуры судебного санкционирования, как средства обеспечения основополагающей конституционной гарантии. В то же время, очевидны сущностные и процедурные отличия между такими следственными действиями как обыск и допрос, в основе которых лежат различные эмпирические методы или осмотр и освидетельствование: различные цели, задачи и соответственно отличный алгоритм осуществления познавательных действий (операций). Указанные следственные действия объединяет лишь их общая «формально-процессуальная материя», закрепленная в законодательных предписаниях о проведении данных действий исключительно процессуальными субъектами в рамках уголовного судо-

производства. Вместе с тем, тенденции развития уголовно-процессуального законодательства, позволяют констатировать стремление законодателя оптимизировать границы этой самой «формально-процессуальной материи», что в свою очередь обусловлено необходимостью должного обеспечения современных потребностей противодействия преступности. Примером тому служит расширение приемов доследственной проверки, за которыми законодатель закрепил статус процессуальных действий (ч. 1-1 ст. 144 УПК РФ). Исходя из этого, становится очевидной общая тенденция, направленная на демонтаж привычного процессуального барьера между следственными действиями и оперативно-розыскными мероприятиями (например, допросом и опросом).

Еще одной, дополнительной характеристикой метода является его научность. Но как оценить научность или не научность применяемого метода? Так, на поверхностный взгляд, явно не сопоставимыми по данному критерию являются, например, сложные методы криминалистических исследований, бесспорно, имеющие фундаментальную научную основу и методы познания, применяемые в ходе оперативно-розыскной и уголовно-процессуальной деятельности, использование которых, по сути своей, выражается в получении и фиксировании необходимой информации.

На наш взгляд критерий научности любого сложного метода всегда будет оставаться относительным. Ведь метод, как средство познания является и средством изучения, исследования субъектом познающего им объекта (группы объектов). Исследовательская сущность метода, безусловно, не может являться какой-то дополнительной характеризующей степень его научности компонентой, так как строго очерченных границ между познанием и изучением (исследованием) не существует, а научное исследование, как таковое, представляет всего лишь более сложный конкретизированный научными целями уровень познания. К тому же практическое познание объектов окружающей действительности в правоохранительной деятельности, безусловно, имеет научный характер, т.к. основано на научно-обоснованных рекомендациях, воплощая их путем практического применения.

В криминалистике принята классификация методов исследования на две основные группы: общенаучные и специальные. К числу общенаучных методов относят наблюдение, измерение, описание, сравнение, эксперимент, моделирование. В качестве специальных выделяют, применяемые исключительно в сфере криминалистики технико-криминалистические методы исследований и структурно-криминалистические методы, включая также методы, основанные на достижениях других наук [31, с. 31-34].

Аналогичным нами видится подход и к определению сложных алгоритмизированных методов, применяемых в уголовном процессе и оперативно-розыскной деятельности, которым, как уже было сказано, соответствуют конкретные оперативно-розыскные мероприятия и следственные действия. Такие методы по своей гносеологической природе следует относить к группе специальных методов, используемых в пределах «собственной» познавательной сферы.

Таким образом, используя ранее рассмотренные теоретические подходы к понятию метода, а также проанализировав особенности протекания познавательных процессов на примере метода наблюдения, можем заключить следующее:

1. Оперативно-розыскная и уголовно-процессуальная деятельности в силу объединяющий их системообразующей цели (противодействие преступности) являются

неразрывно-связанными элементами основанной на единых законах гносеологии системы познания объектов окружающей действительности, представляющих интерес с точки зрения выявления и фиксации оперативно значимой информации и доказательств.

2. Специфику каждого из указанных видов деятельности (ОРД и УПД) определяет направленность, правовой режим осуществления познавательных операций, взаимосвязанные и взаимодополняющие цели и задачи, которые ставятся и решаются в процессе профессионального познания.

3. Метод (способ) познания объектов окружающей действительности является ключевым элементом, в котором заключена общая для оперативно-розыскной и уголовно-процессуальной деятельности гносеологическая (познавательная) сущность.

4. Сущность метода познания применительно к рассматриваемым сферам деятельности (ОРД, УПД) раскрывается посредством специального метода, являющегося алгоритмизированным, исходя из установленных правовых условий, сложным целенаправленным действием – следственным действием или оперативно-розыскным мероприятием.

5. Отличительной особенностью каждого из специальных методов (ОРМ, следственного действия), применяемых в оперативно-розыскной и уголовно-процессуальной деятельности, является наличие индивидуального алгоритма применения комбинации различных эмпирических методов. При этом индивидуализация каждого специального метода обусловлена существующими нормативными требованиями, которыми установлены цели, задачи, а также порядок проведения познавательных и удостоверительных операций.

6. В основе фактических и нормативно-процедурных отличий и сходств между различными специальными методами, которые используются в рассматриваемых сферах деятельности, лежит конкретный объективно обусловленный нормативными требованиями алгоритм, а не сфера деятельности (ОРД, УПД) как таковая. Как раз индивидуальный алгоритм, обогащенный сложной комбинацией необходимых методов, превращает чистый эмпирический метод в конкретное оперативно-розыскное мероприятие или следственное действие.

7. Любое следственное действие, также как и оперативно-розыскное мероприятие, являясь по своему существу специальным методом познания, предусматривает использование наиболее эффективных средств достижения соответствующего результата – научно обоснованных, апробированных практикой алгоритмизированных познавательных действий.

Список литературы

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (с изм. и доп. по состоянию на 25 октября 2016 г.). – М.: Проспект, 2016. – 288 с.

2. Об оперативно-розыскной деятельности : Федеральный закон №144-ФЗ // СЗ РФ. – 1995. – №33. – Ст. 3349.

3. Биляев В. А. Правовые проблемы использования результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовно-процессуальном доказывании: системный подход/ В. А. Биляев // Уголовное производство: процессуальная теория и криминалистическая практика: Материалы V Международной

научно-практической конференции, 27-29 апреля 2017 года, г. Симферополь-Алушта / отв. ред. М. А. Михайлов, Т. В. Омельченко, КФУ им. И.В. Вернадского. – Симферополь : ИТ «АРИАЛ», 2017. – С. 18-20.

4. Биляев В. А., Легеза Л. А. Актуальные проблемы использования в уголовном процессе результатов оперативно-розыскных мероприятий по делам о незаконном обороте наркотиков / В. А. Биляев, Л. А. Легеза // Актуальные вопросы противодействия незаконному обороту контролируемых веществ: теория и практика: сборник научных статей участников международной научно-практической конференции / отв. ред. Е. В. Иванова. – Коломна: Государственный социально-гуманитарный университет, 2016. – С.49 – 56.

5. Зайковский В. Н. Использование результатов оперативно-розыскной деятельности в ходе доказывания по уголовному делу: Дисс. … канд. юрид. наук / В. Н. Иванова. – СПб, 1996. – 252 с.

6. Шиканов В. И. Об использовании в уголовном процессе результатов оперативно-розыскной деятельности / В. И. Шиканов. – Иркутск, 1998. – 265 с.

7. Кореневский Ю. В., Токарева М. Н. Использование результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании по уголовным делам / Ю. В. Кореневский, М. Н. Токарева. – М., 2000. – 521 с.

8. Доля Е. А. О доказательствах, доказывании и использовании в доказывании результатов оперативно-розыскной деятельности по УПК РФ: Науч.-практ конф. / Е. А. Доля // Государство и право. – 2002. – №10. – С. 258-259.

9. Астафьев Ю. В., Изотова Н. В. Доказывание и оперативно-розыскная деятельность: проблемы соотношения и взаимодействия / Ю. В. Астафьев, Н. В. Изотова. – Курск, 2002. – 300 с.

10. Основы оперативно-розыскной деятельности : учеб. [для юрид. вузов] / под ред. Рушайло В. Б. – Изд. 3-е, стереотип. – СПб. : Лань, 2001. – 720 с.

11. Погорецький М. А. Функціональне призначення оперативно-розшукової діяльності у кримінальному процесі: Монографія / М. А. Погорецький. — Х. : Арсіс, ЛТД, 2007. – 576 с.

12. Оперативно-розшукова діяльність і кримінальний процес: проблеми взаємозв'язку: Монографія. - У 2-х ч. Ч. 2. – Луганськ: РВВ ЛДУВС ім. Е. О. Дідоренка, 2008. – 252 с.

13. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации : учебник / отв. ред. П. А. Лупинская, Л. А. Воскобитова. – 3-е изд., перераб. и доп. – М. : ИНФРА-М, 2013. – 1008 с.

14. Корнфорт М. Диалектический материализм / М. Корнфорт. – М.,1956. – 400 с.

15. Белкин Р. С. Криминалистика. Проблемы, тенденции, перспективы. Общая и частная теории / Р. С. Белкин. – М. : Юридическая литература, 1987. – 500 с.

16. Белкин Р. С. Криминалистика и теория оперативно-розыскной деятельности / Р. С. Белкин // Сборник научных трудов Омской ВШМ. – Омск 1973. – Вып. № 12. – С. 11-21.

17. Корюкин В. Н. Вероятность и информация / В. Н. Корюкин // Вопросы философии. – 1965. – № 8. – С. 40-49.

18. Метод – это … значение слова Метод. URL: http://tolkslovar.ru/m4454.html. (Дата обращения – 05.01.2018). – Текст электронный.

19. Кант И. Логика. Пособие к лекциям // И. Кант. Трактаты и письма. – М. : Наука, 1980. – С. 435.

20. Алексеев А. Н., Панин А. П. Философия: Учебник / А. Н. Алексеев, А. П. Панин. – М. : 1996. – 725 с.

21. Философская энциклопедия. – М., 1970. – С. 383.

22. Спиркин А. Г. Метод / А. Г. Спиркин // Философская энциклопедия – Т. 3. – М., 1964. – С. 409.

23. Чайковский А. В. Метод как средство познания бытия / А. В. Чайковский / Byt I yego pojecie. – Rzeszow, 2003, С. 180. URL: http://philosof.onu.edu.ua/elb/articles/chaikovski/method.pdf. (Дата обращения – 05.01.2018). – Текст электронный.

24. Котарбинский Т. Трактат о хорошей работе / Т. Котарбинский. – М. : Экономика, 1975. – 400 с.

25. Пщоловский Т. Принципы совершенной деятельности / Т. Пщоловский. – К.,1993. – 520 с.

26. Гвоздев А. М., Гричанин И. Г. Проблемы личного сыска в теории и практике оперативно-розыскной деятельности / А. М. Гвоздев, И. Г. Гричанин // Вопросы совершенствования оперативно-розыскной деятельности ОВД. – К.: УАВД. – 1992. с. 126-136.

27. Лекарь А. Г., Волынский А. Ф., Гребельский Д. В., Самойлов В. Г. Методологические проблемы теории оперативно-розыскной деятельности ОВД / А. Г. Лекарь, А. Ф. Волынский,

Д. В. Гребельский, В. Г. Самойлов // Актуальные проблемы ОРД ОВД // Труды КВШ МВД СССР. – 1976. – 35с.

28. Розенталь М. Теория познания и современные научные достижения / М. Розенталь // “Коммунист”. – 1965. – № 5. – С. 25-38.

29. Методы научного познания и их классификация. Философские общенаучные и общелогические методы. URL: http://www.aspirantfilosov.narod.ru/1-17.html (Дата обращения - 05.01.2018). – Текст электронный.

30. Шейфер С. А. Следственные действия. Система и процессуальная форма / С. А. Шейфер. – М., 2001. – 345 с.

31. Криминалистика : учебник для бакалавров / под. ред. Л. Я. Драпкина. – М. : Издательство Юрайт. 2015. – 831 с.

Bilyaev V. A. On the gnoseological nature and interrelationship of operational-search activities and criminal proceedings / V. A. Bilyaev // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2019. – T. 4 (72). № 4. – P. 126-138.

The article considers theoretical aspects and systemic factors reflecting the relationship between operational and criminal procedure activities. The main cognitive orientation of these activities is noted. The peculiarities of cognitive processes are analyzed; it is proved that the method (way) of knowledge is the key element disclosing the general gnoseological (informative) essence of operational search and criminal procedure activity. The category of the method in its scientific-philosophical and active law enforcement understanding is widely considered. Methods of knowledge in criminal procedure and operational and search activities have been analysed, their uniform methodological basis and objective differences in the distinction between special methods of knowledge, which are used in these spheres of activity, have been established. On the basis of the analysis of individual gnoseological methods, the concept of a special method of cognition as a individually defined combination of empirical methods is justified in relation to the activities under consideration. The special method is identified with specific operational and investigative measures and is defined as an algorithms mized, based on established legal conditions, complex targeted action. Actual and regulatory differences and similarities between the different special methods used in the areas of activity under consideration (DRA and DPA) have been shown to be based on a specific, objectively regulatory algorithm rather than on the area of activity as such.

Keywords: operational-search activity, criminal-procedural activity, gnoseology, cognition, method, algorithm, special method, operational-search activity, investigative action.

Spisok literatury`

1. Ugolovno-processual`ny`j kodeks Rossijskoj Federacii ot 18 dekabrya 2001 g. № 174-FZ (s izm. i dop. po sostoyaniyu na 25 oktyabrya 2016 g.). – M.: Prospekt, 2016. – 288 s.

2. Ob operativno-rozy`sknoj deyatel`nosti : Federal`ny`j zakon №144-FZ // SZ RF. – 1995. – №33. – St. 3349.

3. Bilyaev V. A. Pravovy`e problemy` ispol`zovaniya rezul`tatov operativno-rozy`sknoj deyatel`nosti v ugolovno-processual`nom dokazy`vanii: sistemny`j podxod/ V. A. Bilyaev // Ugolovnoe proizvodstvo: processual`naya teoriya i kriminalisticheskaya praktika: Materialy` V Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii, 27-29 aprelya 2017 goda, g. Simferopol`-Alushta / otv. red. M. A. Mixajlov, T. V. Omel`chenko, KFU im. I.V. Vernadskogo. – Simferopol` : IT «ARIAL», 2017. – S. 18-20.

4. Bilyaev V. A., Legeza L. A. Aktual`ny`e problemy` ispol`zovaniya v ugolovnom processe rezul`tatov operativno-rozy`skny`x meropriyatij po delam o nezakonnom oborote narkotikov / V. A. Bilyaev, L. A. Legeza // Aktual`ny`e voprosy` protivodejstviya nezakonnomu oborotu kontroliruemy`x veshhestv: teoriya i praktika: sbornik nauchny`x statej uchastnikov mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii / otv. red. E. V. Ivanova. – Kolomna: Gosudarstvenny`j social`no-gumanitarny`j universitet, 2016. – S.49 – 56.

5. Zajkovskij V. N. Ispol`zovanie rezul`tatov operativno-rozy`sknoj deyatel`nosti v xode dokazy`vaniya po ugolovnomu delu: Diss. … kand. yurid. nauk / V. N. Ivanova. – SPb, 1996. – 252 s.

6. Shikanov V. I. Ob ispol`zovanii v ugolovnom processe rezul`tatov operativno-rozy`sknoj deyatel`nosti / V. I. Shikanov. – Irkutsk, 1998. – 265 s.

7. Korenevskij Yu. V., Tokareva M. N. Ispol`zovanie rezul`tatov operativno-rozy`sknoj deyatel`nosti v dokazy`vanii po ugolovny`m delam / Yu. V. Korenevskij, M. N. Tokareva. – M., 2000. – 521 s.

8. Dolya E. A. O dokazatel`stvax, dokazy`vanii i ispol`zovanii v dokazy`vanii rezul`tatov operativno-rozy`sknoj deyatel`nosti po UPK RF: Nauch.-prakt konf. / E. A. Dolya // Gosudarstvo i pravo. – 2002. – №10. – S. 258-259.

9. Astaf`ev Yu. V., Izotova N. V. Dokazy`vanie i operativno-rozy`sknaya deyatel`nost`: problemy` sootnosheniya i vzaimodejstviya / Yu. V. Astaf`ev, N. V. Izotova. – Kursk, 2002. – 300 s.

10. Osnovy` operativno-rozy`sknoj deyatel`nosti : ucheb. [dlya yurid. vuzov] / pod red. Rushajlo V. B. – Izd. 3-e, stereotip. – SPb. : Lan`, 2001. – 720 s.

11. Pogorecz`kij M. A. Funkczional`ne priznachennya operativno-rozshukovoï diyal`¬nosti u kriminal`nomu procesi: Monografiya / M. A. Pogorecz`kij. — X. : Arsis, LTD, 2007. – 576 s.

12. Operativno-rozshukova diyal`nist` i kriminal`nij proces: problemi vzaєmozv'yazku: Monografiya. - U 2-x ch. Ch. 2. – Lu¬gans`k: RVV LDUVS im. E. O. Didorenka, 2008. – 252 s.

13. Ugolovno-processual`noe pravo Rossijskoj Federacii : uchebnik / otv. red. P. A. Lupinskaya, L. A. Voskobitova. – 3-e izd., pererab. i dop. – M. : INFRA-M, 2013. – 1008 s.

14. Kornfort M. Dialekticheskij materializm / M. Kornfort. – M.,1956. – 400 s.

15. Belkin R. S. Kriminalistika. Problemy`, tendencii, perspektivy`. Obshhaya i chastnaya teorii / R. S. Belkin. – M. : Yuridicheskaya literatura, 1987. – 500 s.

16. Belkin R. S. Kriminalistika i teoriya operativno-rozy`sknoj deyatel`nosti / R. S. Belkin // Sbornik nauchny`x trudov Omskoj VShM. – Omsk 1973. – Vy`p. № 12. – S. 11-21.

17. Koryukin V. N. Veroyatnost` i informaciya / V. N. Koryukin // Voprosy` filosofii. – 1965. – № 8. – S. 40-49.

18. Metod – e`to … znachenie slova Metod. URL: http://tolkslovar.ru/m4454.html. (Data obrashheniya – 05.01.2018). – Tekst e`lektronny`j.

19. Kant I. Logika. Posobie k lekciyam // I. Kant. Traktaty` i pis`ma. – M. : Nauka, 1980. – S. 435.

20. Alekseev A. N., Panin A. P. Filosofiya: Uchebnik / A. N. Alekseev, A. P. Panin. – M. : 1996. – 725 s.

21. Filosofskaya e`nciklopediya. – M., 1970. – S. 383.

22. Spirkin A. G. Metod / A. G. Spirkin // Filosofskaya e`nciklopediya – T. 3. – M., 1964. – S. 409.

23. Chajkovskij A. V. Metod kak sredstvo poznaniya by`tiya / A. V. Chajkovskij / Byt I yego pojecie. – Rzeszow, 2003, C. 180. URL: http://philosof.onu.edu.ua/elb/articles/chaikovski/method.pdf. (Data obrashheniya – 05.01.2018). – Tekst e`lektronny`j.

24. Kotarbinskij T. Traktat o xoroshej rabote / T. Kotarbinskij. – M. : E`konomika, 1975. – 400 s.

25. Pshholovskij T. Principy` sovershennoj deyatel`nosti / T. Pshholovskij. – K.,1993. – 520 s.

26. Gvozdev A. M., Grichanin I. G. Problemy` lichnogo sy`ska v teorii i praktike operativno-rozy`sknoj deyatel`nosti / A. M. Gvozdev, I. G. Grichanin // Voprosy` sovershenstvovaniya operativno-rozy`sknoj deyatel`nosti OVD. – K.: UAVD. – 1992. s. 126-136.

27. Lekar` A. G., Voly`nskij A. F., Grebel`skij D. V., Samojlov V. G. Metodologicheskie problemy` teorii operativno-rozy`sknoj deyatel`nosti OVD / A. G. Lekar`, A. F. Voly`nskij, D. V. Grebel`skij, V. G. Samojlov // Aktual`ny`e problemy` ORD OVD // Trudy` KVSh MVD SSSR. –1976. – 35s.

28. Rozental` M. Teoriya poznaniya i sovremenny`e nauchny`e dostizheniya / M. Rozental` // “Kommunist”. – 1965. – № 5. – S. 25-38.

29. Metody` nauchnogo poznaniya i ix klassifikaciya. Filosofskie obshhenauchny`e i obshhelogicheskie metody`. URL: (http://www.aspirantfilosov.narod.ru/1-17.html (Data obrashheniya - 05.01.2018). – Tekst e`lektronny`j.

30. Shejfer S. A. Sledstvenny`e dejstviya. Sistema i processual`naya forma / S. A. Shejfer. – M., 2001. – 345 s.

31. Kriminalistika : uchebnik dlya bakalavrov / pod. red. L. Ya. Drapkina. – M. : Izdatel`stvo Yurajt. 2015. – 831 s.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2019. – Т. 5 (71). № 4. – С. 139-145.

УДК 303.6

ФАКТОРЫ ПРЕСТУПНОСТИ В СФЕРЕ КОМПЬЮТЕРНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Бугаев В. А., Чайка А. В.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского

В статье рассмотрен криминологический аспект преступлений в сфере компьютерных технологий. Дан анализ круга причин и условий (факторов), способствующих совершению преступлений в сфере компьютерных технологий. Проведено криминологическое исследование личности киберпреступника. Обобщены и проанализированы мнения ученых по данной тематике, сделаны соответствующие теоретические выводы.

Ключевые слова: компьютерные технологии, факторы, способствующие совершению преступлений, их причины и условия, интернет, интернет-преступления, личность преступника.

Уровень развития инновационных технологий, сети Интернет, компьютерных и беспроводных сетей растет из года в год. Все большее количество людей начинает использовать различные платформы, электронные средства и даже криптовалюты, размещает персональные данные в социальных сетях. Компании ведут свою деятельность за счет полностью автоматизированного производства и управляемых человеком синхронизированных систем, которые производят обработку и хранение информации на серверах. Развитие уровня потребления различных компьютерных услуг приводит к активизации злоумышленников, специализирующихся на проникновениях в компьютерные сети, хищениях информации и денежных средств с электронных счетов. У преступников растет интерес к киберпространству, увеличивается количество взломов целых платформ и личных аккаунтов, а также утечек данных со стороны крупных IT-компаний.

Согласно отчету, опубликованному Генпрокуратурой в 2017 г., число преступлений в сфере информационно-телекоммуникационных технологий увеличилось на 37%. При этом доля таких преступлений от числа всех зарегистрированных в России составляет 4,4%: это почти каждое 20-е преступление [1], а латентность – шести-семикратная.

По мнению криминологов, количество совершаемых преступлений в сфере компьютерных технологий неуклонно растет. Однако этот процесс не находит отражения в официальной статистике в силу самых разных причин. Необходимо отметить, что несовершенство статистического учета позволяет проследить динамику лишь части преступлений в сфере компьютерных технологий, причем не самой значимой, и не дает объективной картины состояния преступности в этой сфере (табл.1).

Таблица 1
Динамика преступлений в сфере компьютерных технологий в РФ в 2015-2017 гг.

Преступления, предусмотренные	Годы		
	2015	**2016**	**2017**
ст. 272 УК РФ	1395	1443	1079
ст. 273 УК РФ	970	1124	802
ст. 274 УК РФ	13	3	2

Раскрываемость даже этой малой части выявленных преступлений в сфере компьютерных технологий не превышает 5% [2, с. 41].

Чтобы противостоять преступности в сфере компьютерных технологий, необходимо четко представлять причины и условия, способствующие совершению этой категории преступлений.

Вопрос о причинах и условиях преступности вообще и преступности в сфере компьютерных технологий в частности, относится к одному из самых сложных и противоречиво разрешаемых в мировой и отечественной науке.

Преступность в сфере компьютерных технологий, с одной стороны, порождается теми же причинами и условиями, что и преступность вообще. С другой стороны, она имеет свои сугубо специфические причины и условия вследствие ее особенностей. Однако в криминологии при наличии общепринятых подходов к концепции причин преступности вообще и компьютерной в частности, имеется ряд проблем, не позволяющих эффективно осуществлять предупреждение такого рода преступлений.

Каковы же причины и условия, т.е. факторы преступности в сфере компьютерных технологий?

Представляется, что все факторы преступности в сфере компьютерных технологий можно подразделить на три категории.

1. Факторы преступности в сфере компьютерных технологий, в информационных сетях, информационной среде и ее инфраструктуре.

В мире и стране наблюдается рост информационного обмена, однако этот рост не обеспечивается соответствующим уровнем защиты информации, что создает благоприятные возможности для совершения преступлений в сфере компьютерных технологий путем как «внешнего», так и «внутреннего» воздействия. Не всегда надлежаще осуществляется защита информации в зависимости от ее категории и общественной значимости. При обработке компьютерной информации можно наблюдать отступление от технологических режимов обработки информации. Нарушаются правила работы с охраняемой законом компьютерной информацией.

К факторам преступности в сфере компьютерных технологий, относительно информационной среды, можно выделить:

-повсеместность использования соответствующей инфраструктуры, сетей, программ, оборудования, а также растущее во всем мире и в России количество пользователей программно-технических средств;

-доступность компьютерных технологий;

-возрастающую зависимость современных технологий от компьютерных систем и средств телесвязи;

-широкое использование зарубежного программно-технического обеспечения, операционных систем, а также технических компонентов.

Информационная инфраструктура — это совокупность объектов информатизации, информационных систем, сайтов в сети «Интернет» и сетей связи, расположенных на территории РФ, а также на территориях, находящихся под юрисдикцией РФ или используемых на основании международных договоров РФ.

К факторам преступности в сфере компьютерных технологий, касающимся информационной инфраструктуры, следует отнести: отсутствие должного контроля со стороны администрации за деятельностью работников, задействованных в обработке компьютерной информации; отсутствие должного контроля со стороны государства за СМИ и российским сегментом сети «Интернет»; наличие закрытых анонимных информационно-телекоммуникационных сетей, посредством которых совершаются самые разнообразные преступления.

2. Факторы, относящиеся к особенностям преступности в сфере компьютерных технологий имеют: организованный и профессиональный характер значительной части преступности; весьма скрытный характер преступлений, в совокупности составляющих преступность в сфере компьютерных технологий, в силу их анонимности, удаленности и сложности инфраструктуры, неосведомленности потерпевших; глобальный и трансграничный характер преступности в сфере компьютерных технологий.

Так, среди этих факторов:

- преступник может находиться в одной стране, преступление совершать в другой, а последствия преступления могут наступать в третьей, что затрудняет противодействие преступности в рамках одного государства и даже совокупности государств;

- возможность при совершении преступлений в сфере компьютерных технологий одновременно атаковать сотни и тысячи компьютеров, находящихся как в одной, так и в разных странах;

- многообразие способов совершения преступлений в сфере компьютерных технологий, возможность совершения преступлений в автоматических режимах и объединения ресурсов пользователей помимо их желания и воли;

- невозможность предотвращения и пресечения преступлений в сфере компьютерных технологий традиционными способами;

- отсутствие какой-либо достоверной статистики преступности в сфере компьютерных технологий, ее состояния, структуры и динамики;

- чрезвычайно широкая распространенность преступлений в сфере компьютерных технологий и высоколатентный характер данных преступлений, обусловленный самыми разными причинами;

- неустоявшаяся судебно-следственная и прокурорская практика, отсутствие научно обоснованных методических рекомендаций по раскрытию, расследованию и квалификации такого рода преступлений;

- чрезвычайно высокая скорость совершения преступного воздействия на среду влияния и практическое отсутствие материальных следов;

- отсутствие восприятия последствий обществом как последствий криминального деяния.

3. Факторы преступности в сфере компьютерных технологий, относящиеся к субъектам общественных отношений, возникающих по поводу обеспечения информационной безопасности:

-несоответствие системы международных стандартов в области компьютерной техники, связи и информационной безопасности требованиям времени;

-отсутствие должного международно-правового сотрудничества в сфере противодействия преступности в сфере компьютерных технологий;

-отсутствие комплексных государственных мер, направленных на противодействие преступлениям в указанной сфере;

-недостатки действующего информационного законодательства, страдающего отсутствием системности и планомерности развития и законодательного регулирования;

-несоответствие уголовного законодательства существующим общественно опасным явлениям в информационной сфере;

-несовершенство действующего уголовного законодательства;

-несовершенство социальных, юридических и политических структур, уровень развития которых значительно отстает от уровня развития компьютерных и телекоммуникационных технологий;

-недостаточное правовое, научное, организационно-техническое и правоприменительное противодействие преступности в сфере компьютерных технологий;

-недостаточная осведомленность общества об уязвимости компьютерных систем и необходимость осуществления действенных мер безопасности;

-неадекватное отношение общества к преступности в сфере компьютерных технологий в целом и компьютерным преступникам в частности;

-недостаточное правовое воспитание населения, особенно подрастающего поколения;

-участие в ряде стран специальных государственных структур, в незаконном проникновении в компьютерные сети, в геополитических и военно-стратегических целях этих государств;

-высочайшая степень свободы, ввиду отсутствия эффективных предохранителей на каналах общения в киберпространстве.

Для успешного устранения этих факторов, а также выявления, раскрытия и предупреждения преступлений в сфере компьютерных технологий необходимым элементом является криминологическое исследование личности преступника.

Анализируя труды российских ученых в области изучения личности компьютерного преступника (например, Попова А. Б., Макушева Д. И., Дьякова В. В.), можно отметить тот факт, что среди социально-демографических характеристик личности, наиболее свойственных для киберпреступников, выделяют: пол, возраст, образование, материальное положение, род занятий. Рассмотрим каждое из них отдельно и попытаемся сформировать социально-демографический портрет киберпреступника.

В криминологической науке имеется единое мнение о том, что киберпреступления совершаются преимущественно мужчинами, что подтверждает в своем исследовании Макушев Д. И. [3, с. 23]. Появляющиеся в СМИ случаи совершения дан-

ной группы преступлений женщинами скорее являются исключительными случаями, однако последнее время прослеживается тенденция роста доли женщин, в структуре преступности указанного вида.

Дьяков В. В. считает, что положительная динамика роста женской киберпреступности состоит в профессиональной ориентации некоторых специальностей (секретарь, бухгалтер, контролер, делопроизводитель, кассир и другие) по использованию в работе средств компьютерной техники [4, с. 130]. Это может быть обусловлено тем, что среди женщин чаще встречаются так называемые «белые» хакеры, не причиняющие значительный вред обществу.

В криминологической науке существует мнение о том, что компьютерные преступления в основном совершаются двумя возрастными категориями: от 16 до 25 лет, и от 18 до 24 лет [4, с. 130]. Однако практика показывает, что компьютерные преступления могут совершаться лицами любого возраста. Это же подтверждается и некоторыми авторами в своих исследованиях [5, с. 99].

Следует отметить тенденцию понижения возраста киберпреступников. Получаемые в школе базовые знания информатики, любопытство, развитие сети Интернет, появление множества обучающих и вспомогательных материалов в открытом доступе, относительно доступная стоимость компьютера, выводит совершение киберпреступлений на новый, более доступный уровень.

Однако для этой возрастной группы речь идет о совершении невысокоинтеллектуальных преступлений, для учинения которых требуются специальные знания и навыки (языки программирования, особенности передачи информации, протоколы взаимодействия, уязвимости сетей и программного обеспечения).

В то же время встречаются исключения из этой тенденции. Юные хакеры сегодня могут получить доступ на просторах Рунета ко множеству пошаговых инструкций для мелких кибердеяний, начиная от DDOS-атак и взломов устройств (например, джейлбрейк продукции компании Apple) до более серьезных преступлений. Хакеры зачастую представляют собой единое коммьюнити, которое охотно делится своими успехами и путями их достижения. Совершив мелкую шалость и получив положительный результат, хакеры зачастую повышают планку совершаемого правонарушения, выбирая в качестве объектов своих атак более квалифицированные компании с большим уровнем защиты. Как правило, именно такая схема генезиса личности киберпреступника наблюдается в последнее время.

Учитывая все вышесказанное, можно сделать вывод о том, что сейчас и в дальнейшем будет происходить снижение возраста киберпреступников и лица в возрасте от 16 до 25 лет будут наиболее активной группой, совершающей данные преступления. Эту тенденцию отразил в своем исследовании Попов А. Б., разделивший компьютерных преступников на 3 возрастные группы: начинающие – 15-25 лет; закрепившиеся – 20-25 лет; профессионалы – 25-45 лет [6, с. 411].

Образование киберпреступника существенно отличается, в зависимости от категории совершаемых ими правонарушений. Для незначительных деяний достаточно среднего образования, и не требуется серьезных технических знаний. Совершение незаконных крупных финансовых операций, вторжение в чужие компьютерные сети, создание и внедрение вредоносного программного обеспечения требует высокого уровня подготовки.

Практически все авторы сходятся во мнении о том, что уровень материального обеспечения киберпреступников или их семей в России выше среднего. Такая тенденция наблюдается в последние 15 лет в связи со стремительным падением цен на персональные компьютеры и повсеместным внедрением широкополосного вещания. Ранее к числу хакеров могли относиться лишь обеспеченные лица или лица из богатых семей, поскольку высокопроизводительный компьютер являлся роскошью, а Интернет и вовсе отсутствовал в большинстве домов. Но научно-технический прогресс меняет эту ситуацию для «начинающих» хакеров практически кардинально.

В целом, род занятия не имеет принципиального значения для киберпреступников, поскольку они совершают эти деяния, как в рабочее, так и нерабочее время. Как показывает практика, это либо безработные, добывающие средства к существованию за счет работы на фрилансе или за счет хищения чужих денежных средств с банковских счетов, либо лица, которые трудятся в сфере информационных технологий (зачастую это системные администраторы локальной вычислительной сети). Подобную позицию поддерживает и Дьяков В. В. [4, с. 130].

Семейный статус киберпреступников не оказывает существенного влияния на совершаемые ими преступления. Соотношение киберпреступников составляет 60% к 40% в пользу тех, кто не состоит в зарегистрированном браке [3, с. 23]. Этот факт может быть обусловлен тем, что зачастую киберпреступники сами по себе отстраненные личности, предпочитающие общение с представителями своего коммьюнити и не находящие собеседников среди рядовых граждан. Также стоит отметить, что киберпреступники чаще всего молодые люди, о чем уже было указано, что несомненно влияет на их семейное положение. Чаще заключение брака может быть зафиксировано у хакеров-профессионалов старше 25 лет. Причем, зачастую, такие браки могут быть заключены с представителями того же рода деятельности ввиду понимания их жизненных устоев и принципов (женщины-хакеры чаще встречаются именно в группе «профессионалов»).

Иные признаки (социальное положение, специальность, наличие постоянного места жительства, гражданство) не имеют ключевого значения для формирования социально-демографического портрета личности преступника, поскольку для них не представляется возможным определить тенденцию, свойственную для данной группы преступников.

Исходя из проанализированных выше положений можно сделать вывод о том, что киберпреступник – это преимущественно неженатый мужчина в возрасте от 16 до 25 лет, материально обеспеченный (с достатком на уровне среднего или выше среднего), обладающий специальными знаниями и навыками в сфере информационно-коммуникационных технологий и занятый в сфере информационных технологий.

Таким образом, рост совершения преступлений в сфере компьютерных технологий связан с развитием, доступностью и популярностью цифровых технологий. Только лишь воздействуя на весь комплекс факторов преступности в указанной сфере, можно значительно снизить ее уровень. Приоритет в этой деятельности должен отдаваться воспитанию человека, формированию его личности, привитию ему чувства коллективизма и ответственности, нейтрализации негативных свойств его личности.

Список литературы

1. О преступлениях, совершаемых с использованием современных информационно-коммуникационных технологий. URL: http://genproc.gov.ru/smi/news/genproc/news-1431104 (дата обращения 01.10.2019). – Текст электронный.
2. Гилинский Я. Криминология: теория, история, эмпирическая база, социальный контроль. Авторский курс / Я. Гилинский. – СПб. : ООО Издательский Дом «Алеф-Пресс», 2018. – 352 с.
3. Макушев Д. И. Криминологическая характеристика личности киберпреступника / Д. И. Макушев // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2016. – № 1-3. – С.23-29.
4. Дьяков В. В. О личности преступника, как компоненте системы криминалистической характеристики преступления в сфере компьютерной информации / В. В. Дьяков // Бизнес в законе: экономико-юридический журнал. – 2008. – № 2. – С. 129-131.
5. Мещеряков В. А. Преступления в сфере компьютерной информации: правовой и криминалистический анализ / В. А. Мещеряков. – Воронеж: ВГУ, 2001. – 176 с.
6. Попов А. Б. Криминологическая характеристика личности преступника, совершающего преступление, предусмотренное ст. 272 УК РФ / А. Б. Попов // Вестник ТУ. – 2009. – № 8. – С.411-413.

Bugaev V. A., Chaika A.V. Computer crime: the criminological aspect / V. A. Bugaev, A. V. Chaika // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2019. – T. 4 (72). № 4. – P. 139-145.

In the article the criminological aspect of crimes is considered in the field of computer technology. The analysis of the range of reasons and conditions (factors) contributing to the commission of crimes in the field of computer technology is given. The criminological research of the identity of the cybercriminal is conducted. The opinions of scientists are generalized and analyzed on this subjects, the corresponding theoretical conclusions are done.

Keywords: the factors promoting committing of crimes in the field of computer technologies, personality of criminal.

Spisok literatury

1. O prestupleniyah, sovershaemyh s ispol'zovaniem sovremennyh informacionno-kommunikacionnyh tekhnologij. URL: http://genproc.gov.ru/smi/news/genproc/news-1431104 (data obrashcheniya 01.10.2019). – Tekst elektronnyj.
2. Gilinskij YA. Kriminologiya: teoriya, istoriya, empiricheskaya baza, social'nyj kontrol'. Avtorskij kurs / YA. Gilinskij. – SPb. : OOO Izdatel'skij Dom «Alef-Press», 2018. – 352 s.
3. Makushev D. I. Kriminologicheskaya harakteristika lichnosti kiberprestupnika / D. I. Makushev // Aktual'nye problemy gumanitarnyh i estestvennyh nauk. – 2016. – № 1-3. – S.23-29.
4. D'yakov V. V. O lichnosti prestupnika, kak komponente sistemy kriminalisticheskoj harakteristiki prestupleniya v sfere komp'yuternoj informacii / V. V. D'yakov // Biznes v zakone: ekonomiko-yuridicheskij zhurnal. – 2008. – № 2. – C. 129-131.
5. Meshcheryakov V. A. Prestupleniya v sfere komp'yuternoj informacii: pravovoj i kriminalisticheskij analiz / V. A. Meshcheryakov. – Voronezh: VGU, 2001. – 176 s.
6. Popov A. B. Kriminologicheskaya harakteristika lichnosti prestupnika, sovershayushchego prestuplenie, predusmotrennoe st. 272 UK RF / A. B. Popov // Vestnik TU. – 2009. – № 8. – C.411-413.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2019. – Т. 5 (71). № 4. – С. 146-152.

УДК 343.09

ПОТЕРПЕВШИЙ ОТ МОШЕННИЧЕСТВА ПО СТ. 159.2 УК РФ СО СРЕДСТВАМИ МАТЕРИНСКОГО КАПИТАЛА: ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ

Евтушенко И. И.

Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

В статье анализируется теория и практика привлечения к уголовной ответственности лиц за совершение мошеннических действий со средствами материнского капитала. Приводятся данные статистики, рассматриваются материалы уголовных дел, находящихся в производстве; дел, по которым уже состоялись приговоры; а также материалы процессуальных проверок, по которым были приняты решения об отказе в возбуждении уголовного дела как по Республике Крым, так и других субъектов РФ. На их примере анализируются проблемные вопросы определения потерпевшего, рассматриваются положения законодательства о социальном обеспечении, положения уголовного кодекса РФ, из которых делается вывод об ошибочности сложившейся практики признания матерей потерпевшими по большинству преступных схем по использованию материнского капитала. Такие женщины, сознательно решившие обналичить средства материнского капитала любой ценой, являются соисполнительницами группового преступления. Учитывая тот факт, что такие действия нарушают законные интересы детей на улучшение жилищных условий, носят массовый характер, совершаются в составе группы лиц по предварительному сговору или организованной группы (от действий только одного КПК, обналичивших материнский капитал, пострадало более 800 семей в Республике Крым), то они должны быть оценены законодателем и правоприменителями более строго, нежели сейчас.

Ключевые слова: мошенничество, потерпевший, материнский капитал, мать, социальные выплаты.

В соответствии с официальными данными статистики преступления в сфере экономики составляют более 80 % от общего количества преступных деяний [1]. Преступления по статьям «Мошенничество» занимают второе место в общей структуре экономических преступлений, после кражи [2].

По данным Прокуратуры Республики Крым, количество зарегистрированных мошеннических действий возросло почти в четыре раза за последние пять лет. Среди всех разновидностей мошенничества наиболее часто встречающимися на практике стали мошенничества с электронными средствами платежа, в кредитной сфере и при получении выплат, но самым распространенным по-прежнему является общий состав мошенничества.

Таблица 1. Сведения о зарегистрированных, расследованных, прекращенных уголовных делах о мошенничестве в Республике Крым за 2014-2018 годы [3]

	2014 г.		2015 г.			2016 г.			2017 г.			2018 г.			
Статья	Зарегистрировано	Направлено в суд	Прекращено	Зарегистрировано	Направлено в суд	Прекращено	Зарегистрировано	Направлено в суд	Прекращено	Зарегистрировано	Направлено в суд	Прекращено	Зарегистрировано	Направлено в суд	Прекращено
159	681	380	19	1479	624	106	1359	506	117	1784	498	84	2643	498	154
159.1	-	-	1	-	-	-	-	-	-	3	1	1	43	12	26
159.2	23	29	3	101	83	57	30	9	10	60	34	4	43	17	19
159.3	-	-	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-	185	-	2
159.4	2	3	-	3	-	-	6	6	-	-	-	-	-		
159.5	-	-	-	1	-	1	-	-	-	-	-	-	3		
159.6	-	-	-	-	-	-	-	-	-	3	-	-	-		

Мошенничество при получении выплат в соответствии со ст. 159.2 УК РФ – «хищение денежных средств или иного имущества при получении пособий, компенсаций, субсидий и иных социальных выплат, установленных законами и иными нормативными правовыми актами, путем представления заведомо ложных и (или) недостоверных сведений, а равно путем умолчания о фактах, влекущих прекращение указанных выплат».

Непосредственным объектом это преступления являются отношения собственности на денежные средства, являющиеся социальными выплатами, а в качестве дополнительного выступают общественные отношения в сфере социального обеспечения [4].

Предметом преступления, предусмотренного ст. 159.2 УК РФ, являются установленные законами и иными нормативными правовыми актами пособия, компенсации, субсидии и иные социальные выплаты. Это позволяет отграничить данную разновидность мошенничества от общего состава мошенничества, предусмотренного частями 1-4 ст. 159 УК РФ и мошенничества в сфере предпринимательской деятельности (ч. 5-7 ст. 159 УК РФ) [5].

В соответствии со ст. 1 Федерального закона от 17 июля 1999 г. № 178-ФЗ «О государственной социальной помощи», «государственная социальная помощь – предоставление малоимущим семьям, малоимущим одиноко проживающим гражданам, а также иным категориям граждан, указанным в настоящем Федеральном законе, социальных пособий, социальных доплат к пенсии, субсидий, социальных услуг и жизненно необходимых товаров, а социальное пособие – безвозмездное предоставление гражданам определенной денежной суммы за счет средств соответствующих бюджетов бюджетной системы Российской Федерации.

Материнский капитал сегодня одна из самых востребованных мер финансовой социальной поддержки семей, решившихся родить или усыновить (удочерить) второго или последующего ребенка. Ее предоставление регламентируется ФЗ «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» [6].

Данный федеральный закон определяет сроки действия данной меры поддержки, порядок ее предоставления, круг лиц, которые имеют право на получение

выплаты, виды разрешенного использования средств материнского капитала и пр.

При этом обналичить средства материнского капитала, кроме как получить единовременную выплату в сумме 25 тыс. руб., нельзя ни при каких условиях. Средства материнского капитала выплачиваются только в безналичной форме, денежные средства хранятся на счетах Пенсионного фонда РФ и перечисляются на счет получателя средств в соответствии с отведенными целями их использования. Владелец сертификата на материнский капитал может только распоряжаться данными средствами по указанным направлениям при его предъявлении.

Самой востребованной формой реализации средств материнского капитала согласно данным Пенсионного фонда РФ является улучшение жилищных условий (покупка, реконструкция, строительство жилья), в том числе компенсация ранее понесенных затрат на строительство жилья.

Использовать средства государственной субсидии по действующему законодательству можно по достижении ребенком (вторым или последующим) 3 лет (а также через 3 года после вступления в силу решения суда об усыновлении (удочерении). Исключение: случаи использования материнского капитала на ипотеку 1) либо в счет погашения ранее взятого кредита или займа на покупку или строительство жилья; либо 2) в качестве первоначального взноса на получение нового жилищного кредита или займа.

Именно с вышеуказанными законодательными ограничениями и связаны самые распространенные способы мошенничества со средствами материнского капитала, направленные в первую очередь на его обналичивание и использование не в соответствии с его целевым назначением.

Согласно требованиям закона, право на дополнительные меры государственной поддержки возникает при рождении (усыновлении) ребенка (детей), имеющего гражданство РФ у гражданина РФ не зависимо от места жительства, в том числе бывших граждан Украины, принявших российское гражданство после вступления Республики Крым и города федерального значения Севастополь в состав России.

Таким правом обладают женщины родившие (усыновившие) второго или последующего ребенка начиная с 01.01.2007 г. и ранее не воспользовавшиеся правом на дополнительные меры государственной поддержки; мужчины, являющиеся единственными усыновителями второго, третьего или последующих детей, ранее не воспользовавшихся таким правом, если решение суда вступило в силу с 01.01.2007 г.

Если родители направляют средства по сертификату на покупку недвижимости, то дети должны получить в приобретаемом или строящемся жилье долю по соглашению родителей, причем все дети, а не только второй или третий ребенок. Однако родители нередко не оформляют приобретенное за счет материнского капитала жилье, земельные участки в общую долевую собственность с детьми. Соответствующий контроль за реализацией этого требования закона не установлен и не закреплен ни за Пенсионным фоном РФ, ни за органами опеки и попечительства. Такими действиями недобросовестных родителей нарушаются права несовершеннолетних детей на жилище.

Вопрос о потерпевшем от такого вида мошенничества является дискуссионным. Неоднозначная складывается и судебная практика. Поскольку ущерб причи-

няется бюджету соответствующего уровня, то и потерпевшими в таком случае должны выступать распорядители социальных выплат. Пенсионный фонд РФ, например, при перечислении средств материнского капитала выступает их распорядителем, а собственником – государство, поскольку это средства государственной казны РФ, находящиеся как в бюджетах различных уровней, так и государственных внебюджетных фондах. Именно на Пенсионный фонд РФ возложена обязанность проверять документы, обосновывающие списание денежных средств, а значит, именно он и должен признаваться потерпевшим и защищать интересы собственника.

Кроме того, в случае хищения денежных средств материнского капитала, цель – улучшение жилищных условий, остается недостигнутой. Соответственно потерпевшими в таком случае выступают и все несовершеннолетние дети, которые вследствие действий мошенников лишись своего права на жилище как базовую социально-экономическую ценность, от имени которых могут выступать органы опеки и попечительства.

Ошибочно считать потерпевшими матерей, которые добровольно и осознано уступили право требования средств материнского капитала различным дельцам за возможность получить денежные средства в значительно меньшем объеме, чем сумма данной субсидии (по состоянию на начало 2019 г. – 453 026 руб.) – в среднем от 25 000 до 100 000 руб.

Так, в частности, Прокуратура Республики Крым сообщила, что «работники потребительского кооператива совершали фиктивные сделки, под видом которых получали от держателей сертификаты на материнский (семейный) капитал, обналичивали и похищали эти средства... Пострадавших в результате будет точно больше, но официально установлено 50 на сегодняшний день», – отметили в пресс-службе. Мошенники оперировали на всей территории Республики Крым. В настоящий момент устанавливается, сколько должностных лиц кооператива принимали участие в афере [7]. Однако матери не могут в данном случае выступать пострадавшими, так как согласно разработанной злоумышленниками схеме они непосредственно сами подавали заявления в Пенсионный фонд РФ либо выписывали доверенности на это, подписывали фиктивные договоры займа и купли-продажи земельных участков под строительство дома в совершенно других, отдаленных от Крыма сельских населенных пунктах, не имея ни какого намерения туда переезжать и преследуя одну единственную цель – получить средства материнского капитала в наличной форме немедленно, пусть и в значительно меньшем объеме.

Говорить о введении матерей в заблуждение не приходится, поскольку и в средствах массой информации, и непосредственно в отделениях Пенсионного фонда РФ, и в органах социальной защиты населения информация о разрешенных способах использования средств материнского капитала доводится в легкодоступной форме, особенно подчеркивается ее безналичный способ реализации. Однако это условие заставляет мошенников искать все новые и новые схемы обналичивания данной субсидии.

Что касается определения признаков субъекта преступления, то и в этом случае нет единства мнений. В статье отсутствуют какие-либо признаки специального субъекта. Однако некоторые авторы к таким субъектам относили «лицо, в отноше-

нии которых принято решение о производстве выплат», «заявители, претендующие на назначение выплат, или получатели таких выплат» и даже «лица, имеющие право на соответствующую социальную выплату» [8; 9]

При таком подходе, сотрудников различных финансовых организаций, через которые в подавляющем большинстве случаев по данным МВД России обналичиваются средства материнского капитала признать субъектами мошенничества при получении выплат нельзя.

Полагаем, что такое утверждение не основано на законе и не поддерживается судебной практикой. Ни сама диспозиция ст. 159.2 УК РФ, ни способ его совершения не позволяют выделить признаки специального субъекта данного вида мошенничества, а значит его исполнителями и соисполнителями должны признаваться все: как заявители, так и сотрудники финансовых организаций; как лица, имеющие право на соответствующие выплаты по закону, так и не имеющие их [10].

Так в частности, в Красногвардейском районе Республики Крым в январе 2016 года необоснованно было отказано в возбуждении уголовного дела по п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ в виду отсутствия состава преступления [11] по ч. 3 ст. 159.2 УК РФ, поскольку следователь СО РОВД пришла к выводу, что мать, действительно родившая второго ребенка и действительно получившая жилищный сертификат, и в последующем добровольно вступившая в преступный сговор с сотрудниками кредитного потребительского кооператива (КПК), не может быть субъектом преступления, так как субъектом являются только лица, не имеющие действительного права на получение данной социальной выплаты.

В случаях хищения мошенническим путем средств материнского капитала матери, имеющие по закону право на получение сертификатов и в последствии их обналичившие не должны признаваться потерпевшими, если только они не были введены в заблуждение относительно сущности совершаемых ими действий (например, полагали, что действительно приобретают жилье, позволяющее им улучшить условия жизни их детей, а их обманули). Например, ГСУ ГУ МВД России по Волгоградской области расследовано уголовное дело по ч. 3 ст. 159.2 УК РФ, в ходе которого к уголовной ответственности привлечен председатель правления КПК «Пенсионный», с использованием своего служебного положения, опосредованно, через неосведомленных о его преступном умысле сотрудников КПК в период времени с июля по ноябрь 2013 года, из корыстных побуждений, имея умысел на хищение денежных средств при получении материнского капитала у матери Н., ввел ее в заблуждение и обманул сотрудников УПФ Российской Федерации, в 2013 году обратил в свое незаконное пользование разницу между поступившими на расчетный счет КПК средствами материнского капитала в сумме 408 960, 50 руб. и денежными средствами, перечисленными на счет Н. в сумме 375 000 руб., то есть похитил денежные средства в сумме 33 960,50 руб. и распорядился ими по своему усмотрению. Было доказано 5 эпизодов его преступной деятельности [12].

Как правило, матери являются активными участницами всей незаконной схемы по обналичиванию средств материнского капитала, и не являются свидетелями, а непосредственными исполнителями, выполняют предусмотренную преступной

схемой роль – подают заявление в УПФ РФ, прилагают к нему подтверждающие документы, подписывают договоры купли-продажи недвижимости, договоры займа или ипотеки и, как следствие, получают за это денежное вознаграждение, которое и является их целью.

Как правило, такие преступления совершаются организованными преступными группами, состоящими из руководителей и сотрудников кредитных организаций, сотрудников риэлтерских фирм, пособников, подыскивающих матерей, имеющих право на получение выплаты и конечно, самих матерей, соглашающихся участвовать в преступной схеме. Так в частности, в Нижегородской области было направлено в суд уголовное дело № 100099, возбужденное 27.06.2013 ГСУ ГУ МВД России по Нижегородской области в отношении организованной группы, состоящей из организатора всей преступной группы, владельцев сертификатов – матерей и продавцов недвижимости, фиктивно ее продающих. Всего 35 лиц [12].

Поскольку данные проблемы квалификации остаются нерешенными, а субъектах РФ складывается противоречивая практика, полагаем они могут быть решены только путем разъяснений Пленума Верховного Суда РФ.

Список литературы

1. Состояние преступности за 2016, 2017, 2018 годы. URL: https://мвд.рф/reports/item/9338947/ (дата обращения 11.09.2019). – Текст электронный.

2. В России число дел по статье мошенничество увеличилось на четверть. URL: http://www.rbc.ru/politics/14/07/2016/5786370c9a794772a45009ee (дата обращения 11.09.2019). – Текст электронный.

3. Отчеты 4-ЕГС за 2014, 2015, 2016, 2017, 2018 г., опубликованные на сайте Прокуратуры РК. URL: http://rkproc.ru/ru/content/statisticheskie (дата обращения 11.09.2019). – Текст электронный.

4. Архипов А. В. К вопросу о необходимости специальной нормы, предусматривающей уголовную ответственность за мошенничество при получении выплат / А. В. Архипов // Вестник Томского государственного университета. 2013. – № 377. – С. 95-98.

5. Токарчук Р. Е. Насильственные хищения: социальная природа норм и вопросы совершенствования уголовной ответственности: монография / Р. Е. Токарчук. – М. : Юрлитинформ, 2012. – 450 с.

6. О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей : Федеральный закон от 29.12.2006 № 256-ФЗ (в ред. от 21.07.2014) // Собрание законодательства РФ. – .2007. – № 1 (ч. 1). – Ст. 9.

7. Мошенники похитили средства маткапитала у 50 человек. URL: http://www.c-inform.info/news/id/54744 (дата обращения: 14 июля 2017 г.). – Текст электронный.

8. Архипов А. В. Проблемы квалификации мошеннических действий, связанных с хищением средств материнского (семейного) капитала // Вестник Томского государственного университета. Право. – 2013. – Выпуск № 4 (10). – С. 47-57.

9. Александрова И. А. Новое уголовное законодательство о мошенничестве / И. А. Александрова // Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2013. – № 21. – С. 54.

10. Архипов А. В. Субъект мошенничества при получении выплат / А. В. Архипов // Вестник Томского государственного университета. – 2014. – № 378. – С. 165.

11. Материал проверки сообщения о преступлении № 229/196 // Архив ГСУ МВД России по Республике Крым за 2016 год. // Не опубликован.

12. Обзор деятельности органов предварительного следствия по расследованию уголовных дел о преступлениях, связанных с хищением бюджетных денежных средств, выделяемых из бюджета РФ в соответствии с Федеральным законом от 29.12.2006 № 256-ФЗ «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей», подготовленный контрольно-следственным управлением СД МВД России за 2016 год // Не опубликован.

Evtushenko I. I. The victim of fraud under art. 159.2 of the Criminal code RF with the means of maternity capital: qualification issues / I. I. Evtushenko // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2019. – T. 4 (72). № 4. – P. 146-152.

The article analyzes the theory and practice of criminal prosecution of individuals for committing fraudulent acts with maternity capital funds. Statistics data are provided. The work considers the materials of criminal cases which are in progress and of those cases on which judgement have already been delivered; as well as the materials of verification of procedural acts on which decisions not to institute criminal proceedings both in the Republic of Crimea and other constituent entities of the Russian Federation have been made. On their example, the problematic issues of determining the victim are analyzed, the provisions of the legislation on social security, the provisions of the criminal code of the Russian Federation are examined, from which it is concluded that the established practice of recognizing mothers as victims of most criminal schemes for the use of maternal capital is erroneous. Such women, who consciously decided to cash out the funds of maternity capital at all costs, are co-executors of a group crime. Given the fact that such actions violate the legitimate interests of children to improve their living conditions, are widespread, are committed as part of a group of persons by prior conspiracy or an organized group (more than 800 families in the Republic of Crimea suffered from the actions of only one CPC that cashed maternity capital) , then they should be evaluated more strictly by the legislator and law enforcers than now.

Keywords: fraud, victim, maternity capital, mother, social benefits.

Spisok literatury`

1. Sostoyanie prestupnosti za 2016, 2017, 2018 gody`. URL: https://mvd.rf/reports/item/9338947/

2. V Rossii chislo del po stat`e moshennichestvo uvelichilos` na chetvert`. URL: http://www.rbc.ru/politics/14/07/2016/5786370c9a794772a45009ee (data obrashheniya 11.09.2019). – Tekst e`lektronny`j.

3. Otchety` 4-EGS za 2014, 2015, 2016, 2017, 2018 g., opublikovanny`e na sajte Prokuratury` RK. URL: http://rkproc.ru/ru/content/statisticheskie (data obrashheniya 11.09.2019). – Tekst e`lektronny`j.

4. Arxipov A. V. K voprosu o neobxodimosti special`noj normy`, predusmatrivayushhej ugolovnuyu otvetstvennost` za moshennichestvo pri poluchenii vy`plat / A. V. Arxipov // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2013. – № 377. – S. 95-98.

5. Tokarchuk R. E. Nasil`stvenny`e xishheniya: social`naya priroda norm i voprosy` sovershenstvovaniya ugolovnoj otvetstvennosti: monografiya / R. E. Tokarchuk. – M. : Yurlitinform, 2012. – 450 s.

6. O dopolnitel`ny`x merax gosudarstvennoj podderzhki semej, imeyushhix detej : Federal`ny`j zakon ot 29.12.2006 № 256-FZ (v red. ot 21.07.2014) // Sobranie zakonodatel`stva RF. – .2007. – № 1 (ch. 1). – St. 9.

7. Moshenniki poxitili sredstva matkapitala u 50 chelovek. URL: http://www.c-inform.info/news/id/54744 (data obrashheniya: 14 iyulya 2017 g.). – Tekst e`lektronny`j.

8. Arxipov A. V. Problemy` kvalifikacii moshennicheskix dejstvij, svyazanny`x s xishheniem sredstv materinskogo (semejnogo) kapitala // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo. – 2013. – Vy`pusk № 4 (10). – S. 47-57.

9. Aleksandrova I. A. Novoe ugolovnoe zakonodatel`stvo o moshennichestve / I. A. Aleksandrova // Yuridicheskaya nauka i praktika. Vestnik Nizhegorodskoj akademii MVD Rossii. – 2013. – № 21. – S. 54.

10. Arxipov A. V. Sub``ekt moshennichestva pri poluchenii vy`plat / A. V. Arxipov // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2014. – № 378. – S. 165.

11. Material proverki soobshheniya o prestuplenii № 229/196 // Arxiv GSU MVD Rossii po Respublike Kry`m za 2016 god. // Ne opublikovan.

12. Obzor deyatel`nosti organov predvaritel`nogo sledstviya po rassledovaniyu ugolovny`x del o prestupleniyax, svyazanny`x s xishheniem byudzhetny`x denezhny`x sredstv, vy`delyaemy`x iz byudzheta RF v sootvetstvii s Federal`ny`m zakonom ot 29.12.2006 № 256-FZ «O dopolnitel`ny`x merax gosudarstvennoj podderzhki semej, imeyushhix detej», podgotovlenny`j kontrol`no-sledstvenny`m upravleniem SD MVD Rossii za 2016 god // Ne opublikovan.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2019. – Т. 5 (71). № 4. – С. 153-158.

УДК 343.131

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПРАВОВОГО ПОЛОЖЕНИЯ ЛИЦ, К КОТОРЫМ ПРИМЕНЯЮТСЯ ПРИНУДИТЕЛЬНЫЕ МЕРЫ МЕДИЦИНСКОГО ХАРАКТЕРА, КАК ОСНОВА ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Журба О. Л.

Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

Лица, страдающие психическими расстройствами, достаточно неустойчивы, у них отсутствует способность руководить своими действиями, данные лица не могут отвечать за последствия своего поведения, что потребовало от законодателя для таких нестандартных ситуаций выработки концепции применения принудительного лечения лиц, совершивших преступление и страдающих психическим расстройством. Основной целью данного исследования является рассмотрение проблем правового статуса лиц, в отношении которых ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера, а также обеспечения прав указанной категории лиц.

Ключевые слова: предварительное следствие, лицо, страдающее психическими расстройствами, производство по уголовному делу, правовой статус лица, права.

Понятие «личность» является одним из наиболее обширных в теории различных наук. Ряд наук выделяет определенную структуру личности, в которую сходят следующие уровни: психологический, социологический, нравственный и правовой [1, с. 116-119]. Личность в ключе уголовно-процессуальных отношений рассматривается как участник данных отношений. Ключевым звеном, которое обеспечивает реализацию вышеуказанных прав и обязанностей выступают правовые нормы, которые являются связующим звеном между государством и конкретным человеком. Именно через призму правовых норм происходят все общественные отношения. В общественных отношениях каждый участник реализует специфические права и обязанности, что составляет его правовому статусу. Анализируя конституционные нормы, следует сказать, что каждый участник имеет равные права и свободы, независимо от его социального и иного положения, о чем свидетельствует принцип равноправия [2].

Каждое лицо, так или иначе вовлеченное в сферу уголовно-правовых отношений, приобретает определенный статус. Именно этим уголовно-процессуальным статусом и определяется перечень прав и обязанностей, присущих конкретному участнику. Однако в теории и практике уголовного процесса возникают многочисленные вопросы, когда тот или иной участник уголовно-процессуальных отношений в силу своего физического состояния и психического здоровья не может реализовывать свои права. Так, потерпевший, свидетель, подозреваемый и обвиняемый могут страдать определенным психическим расстройством [3], что в значительной

мере сказывается на производстве по уголовному делу. Процесс производства по уголовному делу в значительной степени усложняется, когда психическим расстройством страдает лицо, совершившее преступление. Данный факт обуславливает выделение в отдельную главу производство о применении принудительных мер медицинского характера. С чем это связанно и будет рассмотрено в контексте правового статуса лица, в отношении которого и ведется данное производство.

В научной дискуссии по прежнему актуальными остаются вопросы, связанные с определением понятий процессуальной недееспособности и невменяемости, принудительных мер медицинского характера, о возможности участия лиц, к которым применяются принудительные меры медицинского характера, в производстве по уголовному делу [4, с. 76-79; 5, с. 93-95; 6, с. 62-71], однако в данной работе хотелось бы рассмотреть вопросы определения правового положения лиц, к которым применяются принудительные меры медицинского характера, поскольку это напрямую влияет на объем прав, предоставляемых этим лицам, возможности их реализации.

Различного рода психические изменения у лица, которое может быть привлечено к ответственности за совершение преступного деяния, выступают в качестве основополагающих.

При установлении таких условий как совершение уголовно-наказуемого деяния и выявление состояния невменяемости либо психического расстройства, делающего невозможным назначение наказания или его исполнение, которое наступило после совершения преступления, лицо, в отношении которого ведется данное производство, приобретает специфические права и обязанности. Как уже отмечалось, правовая теория закрепляет, что субъективные права и процессуальные обязанности составляют значимую часть правового статуса личности. Кроме того, необходимо учитывать, что права любого участника уголовного судопроизводства подлежат защите и исполнению, вне зависимости от психического состояния. В виду того, что лица с психическими расстройствами не могут в полной мере осознавать происходящие события, то их права и свободы должны защищаться в большей степени как со стороны государства, так и со стороны иных лиц. На основании вышесказанного следует сделать вывод, что лица, в отношении которых ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера, обладают специальным правовым статусом, под которым понимается совокупность прав и обязанностей определенной категории лиц, что не исключает того, то лица с психическими расстройствами обладают и общим правовым статусом, как и все участники уголовного процесса. Данное лицо является полноправным участником процесса. Утверждение подтверждается Постановлением Конституционного Суда РФ, в котором признаны неконституционными нормы, касающиеся ограничения прав лиц, в отношении которых ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера [7].

Первым ограничением прав, которое рассматривается в постановлении суда является право обжаловать судебные решения, касающиеся применения, изменения, продления и отмены принудительных мер медицинского характера. Признав данное положение неконституционным, в статьи 444 и 445 УПК РФ [8] были внесены изменения в той части, что в круг лиц, имеющих право приносить жалобу и возбуждать ходатайство, было внесено лицо, которое подвержено принудительному лече-

нию. На наш взгляд данное положение значительно расширило процессуальные права рассматриваемой категории лиц, уравнивая их правовой статус с иными участниками процесса. При этом, несмотря на закрепление вышеуказанных прав на законодательном уровне, органы предварительного следствия и суд должны учитывать реальную возможность лица реализовывать предоставленные им права. Данное обстоятельство является достаточно важным, так как пытаясь предоставить полный спектр прав и свобод, нельзя забывать, что в уголовном процессе участвует лицо, страдающее психическим расстройством, которое не может в полной степени осознавать и руководить своими действиями. В связи с этим, законодатель закрепил обязательное участие защитника по данной категории дел. Следует отметить, что именно это положение и обжаловалось, в связи с чем Конституционный суд РФ в своем постановлении акцентировал, что участие законного представителя по данной категории дел является важной гарантией реализации прав лиц, к которым применяется принудительное лечение. Суд также указывает, что формулировка «законный представитель привлекается к участию в уголовном деле» является по своему характеру императивной и не может быть не реализована.

Конституционный Суд РФ в своем постановлении также дает ссылки на ряд достаточно важных международно-правовых актов, касающихся прав лиц с психическими расстройствами в уголовном судопроизводстве. В их числе Принципы защиты психически больных лиц и улучшения психиатрической помощи [9]. Данный нормативный акт на международном уровне закрепляет права и основные свободы лиц с психическими заболеваниями, в том числе и лиц, совершивших общественно опасное деяние. Вышеуказанные принципы закрепляют, что их права должны реализовываться в полном объеме наряду с иными участниками процесса. Все исключения и ограничения должны быть в минимальном размере и при обоснованной необходимости.

Иные документы, предусматривающие права невменяемых лиц, например, рекомендации Парламентской Ассамблеи Совета Европы 818(1977) «О положении психически больных», а также рекомендации Комитета Министров Совета Европы N R (83)2 «Относительно правовой защиты лиц, страдающих психическим расстройством, которые были госпитализированы в принудительном порядке» предусматривают, что любое лицо должно быть выслушано, имеет право реализовывать свои права в той мере, в какой позволяет это его состояние психики.

При производстве по уголовному делу с применением принудительных мер медицинского характера немаловажным является реализация принципа уважения чести и достоинства человека. Безусловно, любое производство по уголовному делу предусматривает ограничение в той или иной степени прав и свобод подозреваемого или обвиняемого. Однако эти ограничения должны быть только в рамках закона. Под уважением чести и достоинства понимаются такие действия и решения, которые не влекут за собой какое-либо умаление либо унижение чести и общечеловеческого достоинства. Безусловно, в виду душевной болезни лицо не может в полной мере защищать свою честь и достоинство, поэтому данный факт не должен послужить основанием для неправомерных действий органов власти и иных участников процесса.

Положение ч. 2 ст. 6 УПК РФ закрепило, что уголовное преследование и назначение виновным справедливого наказания являются назначением уголовного

судопроизводства, что предполагает привлечение виновного лица к ответственности. Следовательно, подозреваемый, а впоследствии обвиняемый должны понести уголовную ответственность за совершенные им деяния. В этом контексте следует учесть ч.1 ст. 21 УК РФ, предусматривающую, что лицо в состоянии невменяемости не подлежит уголовной ответственности. Анализируя данное закрепленное законодателем положение, можно сделать вывод, что присвоение лицу, страдающему психическим расстройством, правового статуса подозреваемого либо обвиняемого не представляется возможным. При этом законодатель в ст. 437 УПК РФ закрепляет лишь то, что лицо, с учетом его психического состояния может осуществлять закрепленные в ст. 46 и 47 УПК РФ права. При этом законодатель не урегулировал механизм реализации этих прав, и тем более в каком процессуальном статусе лицо, страдающее психическими расстройствами, может реализовывать предоставленные права.

Нельзя забывать, что любой человек, даже тот, кто совершил преступление и имеет психические недостатки, выступает в качестве полноправного участника общественных отношений и в равной степени может реализовывать субъективные права и исполнять обязанности. Основываясь на этом, мы поддерживаем мнение некоторых ученых, предлагающих дополнение в УПК РФ статью, которая бы конкретно перечисляла права лиц, в отношении которых ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера, а кроме этого хотелось бы предложить рассмотреть вопрос о закреплении положения о таком участнике как лицо, в отношении которого осуществляется производство о применении принудительных мер медицинского характера. Ряд авторов также предлагают внести в отдельную статью и пункты, касающиеся их обязанностей. Их предлагается обязать незамедлительно являться в орган предварительного следствия и суда в случаях их вызова, соблюдать порядок судебного заседания, а также не препятствовать исполнению постановления о применении принудительных мер медицинского характера [10, с. 91].

Конституция РФ в ч.4 ст. 15 закрепляет, что общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры РФ являются составной частью ее правовой системы. Так, ЕСПЧ является межгосударственным органом по разрешению вопросов, касающихся нарушений Конвенции о защите прав человека и основных свобод [11]. В числе государств, ратифицировавших данную конвенцию, входит и Россия. При этом также отмечается, что Российская Федерация признает решения Европейского суда обязательными по вопросам толкования конвенции и протоколов к ней в случаях предполагаемого нарушения Российской Федерацией положений данной конвенции [12].

Подводя итог, стоит сказать, что лицо, в отношении которого ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера, обладает особым, отличающимся правовым статусом, который должен быть законодательно закреплен. Анализ правовых актов и литературы по данному вопросу позволяет утверждать, что лицо, независимо от его психического состояния имеет право пользоваться и реализовывать свои права, предусмотренные международным и национальным законодательством, что требует от законодателя внесения дополнительных норм, которые бы содержали перечень и механизм реализации этих прав. Соответствующая правовая регламентация правового статуса

лиц с психическими расстройствами будет способствовать производству о применении принудительных мер медицинского характера на качественно новом уровне.

Список литературы

1. Мищенко Е. В. Реализация принципа уважения чести и достоинства личности в производстве по применению принудительных мер медицинского характера / Е. В. Мищенко // Вестник Оренбургского государственного университета – 2015. – № 3 (178). – С. 116-119.

2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2009. – N 4. – Ст. 445.

3. МКБ-10. Краткий вариант, основанный на Международной статистической классификации болезней и проблем, связанных со здоровьем, 10-го пересмотра, принятой 43-й Всемирной ассамблеей здравоохранения // СПС «Консультант Плюс».

4. Дымов А. А. Соотношение понятий процессуальной недееспособности и невменяемости при производстве по делам о применении принудительных мер медицинского характера / А. А. Дымов // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата – 2010. – №1 (16). – С. 76-79.

5. Рыкова С. А. Некоторые проблемы определения понятия «принудительные меры медицинского характера» в современном праве России / С. А. Рыкова // История Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право – 2012. – № 2-2. – С. 93-95.

6. Кривокульский А. В. Участие лица в производстве о применении в отношении него принудительных мер медицинского характера / А. В. Кривокульский // Уголовный процесс. – 2013. – №9 (105). – С. 62-71.

7. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 20.11.2007 № 13-П // СПС «Консультант Плюс».

8. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 18.12.2001 г. № 174-ФЗ // Российская газета. – 2001. – № 249.

9. Принципы защиты психически больных лиц и улучшения психиатрической помощи. Приняты 17.12.1991 Резолюцией 46/119 на 75-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН. // СПС «Консультант Плюс».

10. Яковлева С. А., Медведкова Е. В. Вопросы определения процессуального статуса лица, в отношении которого осуществляется производство о применении принудительных мер медицинского характера / С. А. Яковлева, Е. В. Медведкова // Вестник Марийского государственного университета серия «Исторические науки. Юридические науки». – 2018. – Т. 4. №2. – С. 87-94

11. Конвенция о защите прав человека и основных свобод: Принята 04.11.1950 г. // Собрание законодательства РФ. – 1998. – № 20. – С. 2143.

12. О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней : Федеральный закон от 30.03.1998 № 54-ФЗ // СПС «Консультант Плюс».

Zhurba O. L. The determination of the legal status of persons to whom coercive measures of a medical nature are applied as a basis for ensuring rights in criminal proceedings / O. L. Zhurba // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2019. – T. 4 (72). № 4. – P. 153-158.

Persons suffering from mental disorders are rather unstable, they lack the ability to direct their actions, these individuals cannot be responsible for the consequences of their behavior. This required the legislator to develop a concept for the application of compulsory treatment of persons who committed a crime and suffer from mental disorder for such non-standard situations. The main objective of this study is to consider the problems of the legal status of the persons in respect of whom proceedings on the application of the compulsory medical treatment is conducted, as well as ensuring the rights of this category of persons.

Keywords: preliminary investigation, a person suffering from mental disorders, criminal proceedings, legal status of a person, rights.

Spisok literatury

1. Mishhenko E. V. Realizaciya principa uvazheniya chesti i dostoinstva lichnosti v proizvodstve po primeneniyu prinuditel`ny`x mer medicinskogo xaraktera / E. V. Mishhenko // Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta – 2015. – № 3 (178). – S. 116-119.
2. Konstituciya Rossijskoj Federacii (prinyata vsenarodny`m golosovaniem 12.12.1993) (s uchetom popravok, vnesenny`x Zakonami RF o popravkax k Konstitucii RF ot 30.12.2008 № 6-FKZ, ot 30.12.2008 № 7-FKZ, ot 05.02.2014 N 2-FKZ, ot 21.07.2014 № 11-FKZ) // Sobranie zakonodatel`stva Rossijskoj Federacii. – 2009. – N 4. – St. 445.
3. MKB-10. Kratkij variant, osnovanny`j na Mezhdunarodnoj statisticheskoj klassifikacii boleznej i problem, svyazanny`x so zdorov`em, 10-go peresmotra, prinyatoj 43-ĭ Vsemirnoj assambleej zdravooxraneniya // SPS «Konsul`tant Plyus».
4. Dy`mov A. A. Sootnoshenie ponyatij processual`noj nedeesposobnosti i nevmenyaemosti pri proizvodstve po delam o primenenii prinuditel`ny`x mer medicinskogo xaraktera / A. A. Dy`mov // Ucheny`e trudy` Rossijskoj akademii advokatury` i notariata – 2010. – №1 (16). – S. 76-79.
5. Ry`kova S. A. Nekotory`e problemy` opredeleniya ponyatiya «prinuditel`ny`e mery` medicinskogo xaraktera» v sovremennom prave Rossii / S. A. Ry`kova // Istoriya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo – 2012. – № 2-2. – S. 93-95.
6. Krivokul`skij A. V. Uchastie licza v proizvodstve o primenenii v otnoshenii nego prinuditel`ny`x mer medicinskogo xaraktera / A. V. Krivokul`skij // Ugolovny`j process. – 2013. – №9 (105). – S. 62-71.
7. Postanovlenie Konstitucionnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 20.11.2007 № 13-P // SPS «Konsul`tant Plyus».
8. Ugolovno-processual`ny`j kodeks Rossijskoj Federacii: Federal`ny`j zakon ot 18.12.2001 g. № 174-FZ // Rossijskaya gazeta. – 2001. – № 249.
9. Principy` zashhity` psixicheski bol`ny`x licz i uluchsheniya psixiatricheskoj pomoshhi. Prinyaty` 17.12.1991 Rezolyuciej 46/119 na 75-om plenarnom zasedanii General`noj Assamblei OON. // SPS «Konsul`tant Plyus».
10. Yakovleva S. A., Medvedkova E. V. Voprosy` opredeleniya processual`nogo statusa licza, v otnoshenii kotorogo osushhestvlyaetsya proizvodstvo po primenenii prinuditel`ny`x mer medicinskogo xaraktera / S. A. Yakovleva, E. V. Medvedkova // Vestnik Mariĭskogo gosudarstvennogo universiteta seriya «Istoricheskie nauki. Yuridicheskie nauki». – 2018. – T. 4. №2. – S. 87-94
11. Konvenciya o zashhite prav cheloveka i osnovny`x svobod: Prinyata 04.11.1950 g. // Sobranie zakonodatel`stva RF. – 1998. – № 20. – S. 2143.
12. O ratifikacii Konvencii o zashhite prav cheloveka i osnovny`x svobod i Protokolov k nej : Federal`ny`j zakon ot 30.03.1998 № 54-FZ // SPS «Konsul`tant Plyus».

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2019. – Т. 5 (71). № 4. – С. 159-165.

УДК 342.7

К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПОНЯТИЯ «АНТИКОРРУПЦИОННОЕ СТИМУЛИРОВАНИЕ»

Заброда Д. Г.

Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

В статье рассматриваются основные подходы к пониманию правовой природы и сущности антикоррупционного стимулирования. Систематизированы признаки, характерные для данной правовой категории. С использованием инструментального подхода, выработанного теоретиками права (Алексеев С. С., Малько А. В., Мирошник С. В., Пугинский Б. И., Сапун В. А.), сформулирована авторская дефиниция этого понятия.

Установлено, что признаками антикоррупционного стимулирования являются: сфера его реализации – общественные отношения, опосредованные коррупцией и процессами противодействия этому явлению, его причинам и условиям; цели – формирование, поддержание и коррекция антикоррупционного поведения, позитивная или негативная целевая ориентация; предупреждение коррупционных деяний, устранение возникновения и развития конфликта интересов, коррупционных рисков, устранение причин и условиях, порождающих коррупционные правонарушения, содействие реализации антикоррупционного статуса; средства – основные (правовые) и вспомогательные (психологические, педагогические, организационные, информационные); процессуальный характер.

Под антикоррупционным стимулированием предложено понимать урегулированное законодательством, осуществляемое в установленном порядке и с использованием позитивных и негативных стимулов, воздействие на лиц, выполняющих функции государственного, муниципального (административного) и иного публичного управления организацией, с целью формирования, поддержания и коррекции их антикоррупционного поведения и содействия в реализации их антикоррупционного статуса.

***Ключевые слова**:* коррупция, противодействие коррупции, правовое стимулирование, антикоррупционное стимулирование.

Выступая 01.03.2018 г. с ежегодным посланием в Федеральном собрании, Путин В. В. сформулировал важнейший для ближайшего будущего нашей страны приоритет – «прорывное развитие России», основные направления реализации которого нашли свое отражение в Указе Президента РФ от 07.05.2018 № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» [1].

Обеспечение структурных изменений в экономике страны и вхождение в группу государств с высокими темпами прироста валового внутреннего продукта, требует среди прочего и осуществления комплекса организационных, правовых и иных мер, в том числе и оптимизации правового механизма противодействия коррупции.

Поэтому важнейшей задачей гуманитарной и, в частности, юридической науки на сегодняшнем этапе развития российского социума, является выявление подлинных мотивов поведения личности, а также наиболее действенных средств усиления мотивации и непосредственно стимулирования общественно полезного, активного и законопослушного поведения субъектов права, и подавления, сдерживания, ограничения – социально вредного, запрещенного, противоправного поведения.

Например, Национальным планом противодействия коррупции на 2018-2020 гг. предусмотрено: совершенствование системы запретов, ограничений и требований, установленных в целях противодействия коррупции; обеспечение единообразного применения законодательства РФ о противодействии коррупции в целях повышения механизмов предотвращения и урегулирования конфликта интересов; повышение эффективности просветительских, образовательных и иных образовательных мероприятий, направленных на формирование антикоррупционного поведения государственных и муниципальных служащих, популяризацию в обществе антикоррупционных стандартов и развитие общественного правосознания и др.[2]

К методам противодействия коррупции Президент России относит: расширение механизмов прямой демократии, раскрытие потенциала гражданской активности, который заложен в Конституции, поощрение и соревнование идей, предложений, подходов к решению задач развития; ликвидацию давления власти и правоохранительных органов на бизнес, цифровизацию системы государственного управления, повышение её прозрачности, внедрение проектных методов работы; повышение заинтересованности чиновников в росте своей эффективности, их нацеленности на получение конкретного результата; стимулирование продвижения современных профессиональных кадров на государственной и муниципальной службе и др.

Указанные методы носят комплексный характер. При этом наибольший эффект обеспечивается конгломерацией правовых и иных средств воздействия на коррупционные связи и отношения. Следует согласиться с мнением Хабриевой Т. Я., указывающей, что «правовые меры должны сочетаться с иными, неправовыми мерами противодействия коррупции, которые будут убеждать общество в ее пагубности и разрушительной силе» [3].

Цель данной публикации – рассмотрение антикоррупционного стимулирования, как части правовых средств противодействия коррупции, в том числе и формулирование его определения, а также других базовых категорий, раскрывающих его сущность.

Для её достижения предполагается систематизировать основные научные подходы к пониманию сущности антикоррупционного стимулирования, выявить признаки, характерные для данной правовой категории, а также формулирование авторской дефиниции «антикоррупционное стимулирование».

Изучение сущности и места правовых средств противодействия коррупции, а также их стимулирующего потенциала, является предметом исследования теоретиков права, криминологов, административистов, цивилистов, специалистов в отрасли трудового, земельного, международного права, а также психологов, политологов, социологов, экономистов и др.

На наш взгляд, характеристику данной категории необходимо проводить с использованием инструментального подхода, выработанного теоретиками права (Алексеев С. С., Малько А. В., Мирошник С. В. , Пугинский Б. И., Сапун В. А.). Так, Алексеев С. С. указывал, что правовое регулирование возможно за счет «…определенных форм и звеньев – запреты, правоспособность, право и обязанности и др.», а также посредством механизма правового регулирования, как «…взятую в единстве систему правовых средств, при помощи которого обеспечивается результативное правовое воздействие на общественные отношения» [4-7].

В свою очередь, Малько А. В. обращал внимание на то, что правовые средства действуют и имеют эффект «в связке» цель – средство – результат. При этом он отмечал, что объединение юридических средств в систему направлено на получение «социально значимых результатов» [8, с. 321-340].

Следует поддержать мнение Маляевой Е. О., Маляева К. В. о том, что «…правовое регулирование осуществляется не только распределением прав и обязанностей, но и нормативным закреплением средств психологического воздействия, склоняющих к желаемому поведению. Наряду с угрозой государственного принуждения роль стимулятора – и притом не в меньшей степени – играет обещание и предоставление определенного рода поощрений» [9].

Проблема стимулирования находит свое отражение в различных отраслях жизни человека, от повседневного общения до медицинской практики, психологии и права. Юристами стимулирование рассматривается в контексте «…социального контроля за поведением в сфере отношений, регулируемых правом», а также в связи с «…применением мер, устраняющих отклоняющееся поведение…» субъекта [10].

По мнению Звечаровского И. Э. правовое стимулирование – это «…процесс целенаправленного воздействия на личность, осуществляемый посредством системы взаимосвязанных государственно-правовых мер, закрепленных в запрещающих, обязывающих и поощрительных нормах права, основанный на учете различных уровней внутренней регуляции и того содержания потребностей и интересов, которые формируются под влиянием условий жизнедеятельности» [10].

Следует учесть и позицию Алексеева С. С., который, рассматривая психологический подход к механизму правового регулирования, отмечает, что «…перед нами, в сущности, своего рода проекция способов правового регулирования на психологическую среду личности» [5, с. 15].

Отраслевое преломление различных подходов к правовому стимулированию демонстрирует ряд исследователей.

Трудовое право трактует стимулирование как: метод воздействия на поведение работника, опосредствованного через его мотивацию; побуждение к труду через удовлетворение различных потребностей личности, что выступает в качестве компенсации за трудовое усилие; ориентацию на получение удовлетворения от трудового процесса и результатов труда в целом [11; 12; 13, с. 365].

Юдин К. А. считает, что «…правовое стимулирование служебной деятельности ОВД РФ – это юридическое воздействие, осуществляемое в особом процедурном порядке при помощи системы правовых стимулов и направленное на активизацию правомерного, добросовестного, профессионального и результативного служебного поведения сотрудников, федеральных государственных гражданских служащих и работников системы МВД России» [14, с.10-11].

Рассматривая стимулирование на государственной службе Протасов Ю. С., предлагает понимать в контексте «…воздействие на сознание личности и поведение индивида с целью побуждения его к активным действиям, способствующим достижению целей управления» [15, с.7].

В контексте исполнения военнослужащими обязанностей военной службы, Тюрин А. И., указывает, что это – «…правотворческая и правоприменительная деятельность органов государственной власти и органов военного управления, направленная на создание и существование такого правового режима, при котором дости-

жение государственнозначимых (общественно полезных) целей военной службы обеспечивается добросовестным исполнением военнослужащими своих обязанностей, основанным на достижении баланса удовлетворения как публичных, так и собственных интересов» [16, с. 27-28].

Проанализировав правовое стимулирование с позиции административного, уголовного, трудового права, цивилистики, Пашинцева У. В. утверждает, что это – «…информационно-психологическое воздействие с помощью правовых стимулов на мотивацию субъектов права для корректировки их поведения в целях придания ему более высокой степени правомерности и социальной активности, а также достижения иных социально- полезных результатов» [17, с. 122]. По мнению Волковой В. В. «…стимулирование – это совокупность экономических, организационных и социально – психологических предпосылок внешнего воздействия на человека, учитывающих его внутренние побудительные мотивы и направленных на обеспечение заинтересованности людей в результатах их деятельности» [18].

Как метод государственного управления, средство поощрения инициативности, профессионализма и качества работы государственных служащих и иных подконтрольных и управляемых субъектов, исследуется эта категория в административном праве и науке государственного управления.

В уголовном праве и криминологии – это способ воздействия на до- и посткриминальное поведение участников правоотношений путем побуждения к отказу от противоправного поведения, обещания устранения или смягчения будущего наказания (или иного обременения), условий его отбывания и т.д.

При этом общими для отраслевых видов стимулирования являются смысл, назначение и механизм действия – побуждение, дополнительное мотивирование личности к повышению активности и правомерности своего поведения, обеспечения надлежащего исполнения своих обязанностей, активизации реализации полномочий и для удовлетворения публичных и индивидуальных интересов.

Для общей характеристики правового стимулирования Юдиным Ю. К. предлагается учитывать, что оно «… является разновидностью стимулирования, понимаемого как внешнее воздействие на личность человека; осуществляется посредством системы правовых стимулов; осуществляется в рамках функций права, в особом правовом, процедурном порядке; направлено на активизацию правомерной деятельности человека» [14, с. 31].

Брунер Р. А. включает в понятие правового стимулирования и деятельностный аспект, рассматривая его как «…правотворческую и правоприменительную деятельность ОВД, направленную на создание и существование такого правового режима, при котором достижение государственно-значимых (общественно полезных) целей службы обеспечивается добросовестным исполнением конкретными сотрудниками ОВД своих обязанностей, основанным на достижении баланса удовлетворения как публичных, так и собственных интересов» [19, с.53].

Луценко И. М. дополняет определение понятия динамической составляющей, понимая под ним «…длительный процесс правового влияния правовых стимулов на потребности и интересы лица, направленный на активизацию его правомерного поведения з целью достижения поставленных целей» [20, с. 9-10].

Интегрируя различные исследовательские подходы, к особенностям правового стимулирования предлагается относить: наличие системных характеристик (функ-

ций, принципов, целей, содержания (правовой стимул, субъекты, средства), механизма реализации; процессуальный характер (развитие во времени, возможность выделения стадий и этапов; внешний характер по отношению к внутренним побудительным мотивам и личностным стимулам поведения человека; урегулированость законом; нацеленность на коррекцию мотивации поведения субъекта права в сторону увеличения ее социальной активности, полезности, правомерности; дуализм (юридическая и информационно-психологическая природа); множественность методов стимулирования, в том числе и обеспечение свободы поведения и альтернатив коррекции мотивации и поведения субъекта права; направленность на сохранение правомерности поведения личности, ее отказ от неправомерных поступков (правонарушений), повышение социально-правовой активности (в т.ч. использование предоставленных законом возможностей), качества и эффективности труда и т.д.); исключительность применения; ориентирование на удовлетворение интересов или расширение возможностей стимулируемого лица; длительность процесса правового воздействия.

Формулируя понятие «антикоррупционное стимулирование» целесообразно учитывать следующее: оно относится к правовым средствам противодействия коррупции; ему присущи признаки правового стимулирования; сфера его реализации – общественные отношения, опосредованные коррупцией и процессами противодействия этому явлению, его причинам и условиям; его цели – формирование, поддержание и коррекция антикоррупционного поведения, позитивная или негативная целевая ориентация; предупреждение коррупционных деяний, устранение возникновения и развития конфликта интересов, коррупционных рисков, устранение причин и условиях, порождающих коррупционные правонарушения, содействие реализации антикоррупционного статуса; средства – основные (правовые) и вспомогательные (психологические, педагогические, организационные); процессуальный характер.

Таким образом, под антикоррупционным стимулированием предлагается понимать урегулированное законодательством, осуществляемое в установленном порядке и с использованием позитивных и негативных стимулов, воздействие на лиц, выполняющих функции государственного, муниципального (административного) и иного публичного управления организацией, с целью формирования, поддержания и коррекции их антикоррупционного поведения и содействия в реализации их антикоррупционного статуса.

Список литературы

1. Послание Президента Российской Федерации Путина В. Федеральному Собранию, 01 марта 2018 г. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/56957 (дата обращения 15.09.2019). – Текст электронный.

2. О Национальном плане противодействия коррупции на 2018-2020 годы: Указ Президента Российской Федерации от 30 июня 2018 г. № 378. URL: http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/T7fzjNWOafz18Tr8AI91JAeqRIB34Umu.pdf (дата обращения 15.09.2019). – Текст электронный.

3. Хабриева Т. Я. Коррупция и право: доктринальные подходы к постановке проблемы / Т. Я. Хабриева // Журнал российского права – 2012. – № 6 (186). URL: http://cyberleninka.ru/article/n/korruptsiya-i-pravo-doktrinalnye-podhody-k-postanovke-problemy (дата обращения 15.09.2019). – Текст электронный.

4. Алексеев С. Л., Алексеева Ю. С. Основы антикоррупционного права : Учебное пособие /С. Л. Алексеев, Ю. С. Алексеева / Под ред. А .Ю. Епихина, д. юрид. наук, профессора – Казань: ЧОУ

ВО «Академия социального образования», 2013. – 184 с.

5. Алексеев С. С. Общая теория права: В 2-х т. / С. С. Алексеев, Т. 2. – М.: Юридическая литература, 1982. – 360 с.

6. Алексеев С. С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве / С. С. Алексеев. – М. : Юридическая литература, 1966. – 187 с.

7. Алексеев С. С. Теория права / С. С. Алексеев. – М. : Издательство БЕК, 1995. – 320 с.

8. Проблемы теории государства и права / под ред. М. Н. Марченко. М., 1999. – 740 с.

9. Маляева Е. О., Маляев К. В. К вопросу о поощрительных нормах / Е. О. Маляева, К. В. Маляев // Вестник Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского. – 2001. – № 2. – С.177-180.

10. Звечаровский И. Э. Стимулирование в праве : понятие и структурные элементы / И. Э. Звечаровского //Правоведение. – 1993. – № 5. – С. 112-117.

11. Нефагина К. А. Понятие и сущность стимулирования в трудовом праве – К. А. Нефагина // Вестник Омского университета. Серия «Право». – 2008. – № 2 (15). – С. 83-86.

12. Зубкова А. Нормирование труда в условиях становления рыночных отношений / А. Зубкова // РЭЖ. – 2000. – № 11. - С. 87-95.

13. Мескон М. Х., Альбер М., Хедоури Ф. Основы менеджмента / М. Х. Мескон, М. Альбер, Ф. Хедоури /пер. с англ. М., 2000. – 800 с.

14. Юдин К. А. Правовое стимулирование служебной деятельности органов внутренних дел Российской Федерации (теоретико-прикладной аспект): дис... канд. юрид. наук: 12.00.01 / К. А. Юдин. – Нижний Новгород, 2018. – 248 с.

15. Протасов Ю. С. Стимулирование на государственной службе: перспективы использования зарубежного опыта в российских условиях: монография / Ю. С. Протасов [и др.]. – Воронеж: Воронежский институт МВД России, 2014. – 128 с.

16. Тюрин А. И. Стимулирование исполнения обязанностей военной службы : практические рекомендации для командиров и начальников / А. И. Тюрин //Серия «Право в Вооружённых Силах – консультант». – М.: «За права военнослужащих», 2008. – Вып. 84. – С.27-28.

17. Пашинцева У. В. Понятие, сущность и содержание правового стимулирования деятельности государственных служащих / У. В. Пашинцева // Сборник публикаций научного журнала «Chronos» по материалам IX международной научно-практической конференции: «Вопросы современной науки: проблемы, тенденции и перспективы» г. Москва: сборник со статьями (уровень стандарта, академический уровень). – М : Научный журнал «Chronos», 2017. – С.121-125.

18. Волкова В. В. Стимулирование государственной управленческой деятельности / В. В. Волкова. URL: http:// elibrary.ru/download/elibrary_21359945_78423898.pdf (дата обращения 15.09.2019). – Текст электронный.

19. Брунер Р. А. Методы поддержания служебной дисциплины и обеспечения законности в ОВД / Р. А. Брунер // Вестник Московского университета МВД России. – № 6. – 2015. – С. 51-58.

20. Луценко И. Н. Правовые стимулы: теоретико-правовые основы и механизмы реализации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / И. Н. Луценко. – Киев, 2009. – 18 с.

Zabroda D. G. To the definition of the notion “anti-corruption stimulation” /D. G. Zabroda // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2019. – T. 4 (72). № 4. – P. 159-165.

The article deals with the main approaches to understanding the legal nature and essence of anti-corruption incentives. The features characteristic of this legal category are systematized. Using the instrumental approach developed by legal theoreticians (S. S. Alekseev, A. V. Malko, S. V. Miroshnik, B. I. Puginsky V. A. Sapun), the author's definition of this concept is formulated.

It has been established that the features of anti-corruption incentives are: the scope of its implementation - public relations mediated by corruption and processes to counteract this phenomenon, its causes and conditions; aims - forming, maintaining and correcting anti-corruption behavior, positive or negative target orientation; prevention of corruption, the elimination of the emergence and development of a conflict of interest, corruption risks, the elimination of the causes and conditions that give rise to corruption offenses, the promotion of anti-corruption status; tools - basic (legal) and backup (psychological, pedagogical, organizational, informational); procedural nature.

It is proposed that anti-corruption incentives be understood as regulated by law, carried out in due course and using positive and negative incentives impact on persons performing the functions of state, municipal

(administrative) and other public administration of the organization, aimed at forming, maintaining and correcting their anti-corruption behavior and assistance in the implementation of their anti-corruption status.

Keywords: corruption, anti-corruption, legal incentives, anti-corruption incentives.

Spisok literatury`

1. Poslanie Prezidenta Rossijskoj Federacii Putina V. Federal`nomu Sobraniyu, 01 marta 2018 g. - URL: http://kremlin.ru/events/president/news/56957 (data obrashheniya 15.09.2019). – Tekst e`lektronny`j.

2. O Nacional`nom plane protivodejstviya korrupcii na 2018-2020 gody`^ Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 30 iyunya 2018 g. № 378. URL: http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/T7fzjNWOafz18Tr8AI91JAeqRIB34Umu.pdf (data obrashheniya 15.09.2019). – Tekst e`lektronny`j.

3. Xabrieva T. Ya. Korrupciya i pravo: doktrinal`ny`e podxody` k postanovke problemy` / T. Ya. Xabrieva // Zhurnal rossijskogo prava – 2012. – №6 (186). URL: http://cyberleninka.ru/article/n/korruptsiya-i-pravo-doktrinalnye-podhody-k-postanovke-problemy (data obrashheniya 15.09.2019). – Tekst e`lektronny`j.

4. Alekseev S. L., Alekseeva Yu. S. Osnovy` antikorrupcionnogo prava : Uchebnoe posobie /S. L. Alekseev, Yu. S. Alekseeva / Pod red. A . Yu. Epixina, d. yurid. nauk, professora – Kazan`: ChOU VO «Akademiya social`nogo obrazovaniya», 2013. - 184 s.

5. Alekseev S. S. Obshhaya teoriya prava: V 2-x t. / S. S. Alekseev, T. 2. – M.: Yuridicheskaya literatura, 1982. – 360 s.

6. Alekseev S. S. Mexanizm pravovogo regulirovaniya v socialisticheskom gosudarstve / S. S. Alekseev. – M. : Yuridicheskaya literatura, 1966. – 187 s.

7. Alekseev S. S. Teoriya prava / S. S. Alekseev. – M. : Izdatel`stvo BEK, 1995. – 320 s.

8. Problemy` teorii gosudarstva i prava / pod red. M. N. Marchenko. M., 1999. – 740 s.

9. Malyaeva E. O., Malyaev K. V. K voprosu o pooshhritel`ny`x normax / E. O. Malyaeva, K. V. Malyaev // Vestnik Nizhegorodskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. – 2001. – № 2. – S.177-180.

10. Zvecharovskij I. E`. Stimulirovanie v prave : ponyatie i strukturny`e e`lementy` / I. E`. Zvecharovskogo //Pravovedenie. – 1993. – № 5. – S. 112-117.

11. Nefagina K. A. Ponyatie i sushhnost` stimulirovaniya v trudovom prave – K. A. Nefagina // Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «Pravo». – 2008. – № 2 (15). – S. 83-86.

12. Zubkova A. Normirovanie truda v usloviyax stanovleniya ry`nochny`x otnoshenij / A. Zubkova // RE`Zh. – 2000. – № 11. - S. 87-95.

13. Meskon M. X., Al`ber M., Xedouri F. Osnovy` menedzhmenta / M. X. Meskon, M. Al`ber, F. Xedouri /per. s angl. M., 2000. – 800 s.

14. Yudin K. A. Pravovoe stimulirovanie sluzhebnoj deyatel`nosti organov vnutrennix del Rossijskoj Federacii (teoretiko-prikladnoj aspekt): dis... kand. yurid. nauk: 12.00.01 / K. A. Yudin. – Nizhnij Novgorod, 2018. – 248 s.

15. Protasov Yu. S. Stimulirovanie na gosudarstvennoj sluzhbe: perspektivy` ispol`zovaniya zarubezhnogo opy`ta v rossijskix usloviyax: monografiya / Yu. S. Protasov [i dr.]. – Voronezh: Voronezhskij institut MVD Rossii, 2014. – 128 s.

16. Tyurin A. I. Stimulirovanie ispolneniya obyazannostej voennoj sluzhby` : prakticheskie rekomendacii dlya komandirov i nachal`nikov / A. I. Tyurin //Seriya «Pravo v Vooruzhyonny`x Silax – konsul`tant». – M.: «Za prava voennosluzhashhix», 2008. – Vy`p. 84. – S.27-28.

17. Pashinceva U. V. Ponyatie, sushhnost` i soderzhanie pravovogo stimulirovaniya deyatel`nosti gosudarstvenny`x sluzhashhix / U. V. Pashinceva // Sbornik publikacij nauchnogo zhurnala "Chronos" po materialam IX mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii: «Voprosy` sovremennoj nauki: problemy`, tendencii i perspektivy`» g. Moskva: sbornik so stat`yami (uroven` standarta, akademicheskij uroven`). – M : Nauchny`j zhurnal " Chronos ", 2017. – S.121-125.

18. Volkova V. V. Stimulirovanie gosudarstvennoj upravlencheskoj deyatel`nosti / V. V. Volkova. URL: http:// elibrary.ru/download/elibrary_21359945_78423898.pdf (data obrashheniya 15.09.2019). – Tekst e`lektronny`j.

19. Bruner R. A. Metody` podderzhaniya sluzhebnoj discipliny` i obespecheniya zakonnosti v OVD / R. A. Bruner // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. – № 6. – 2015. – S. 51-58.

20. Lucenko I. N. Pravovy`e stimuly`: teoretiko-pravovy`e osnovy` i mexanizmy` realizacii: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk : 12.00.01 / I. N. Lucenko. – Kiev, 2009. – 18 s.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2019. – Т. 5 (71). № 4. – С. 166-173.

УДК 342.9

К ВОПРОСУ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО СТАТУСА ПРОКУРОРА В АДМИНИСТРАТИВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Колюка Н. Н., Басов А. В.

Крымский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации

В статье осуществлен анализ особенностей реализации процессуального статуса прокурора в административном судопроизводстве. Установлено, что правовое регулирование участия прокурора в административном судопроизводстве имеет целостный характер, то есть, нормы которые закрепляют процессуальные особенности участия прокурора в данном судопроизводстве содержаться в различных, по юридической силе, нормативных правовых актах, а также в актах, положения которых разъясняют отдельные вопросы судебной практики. Кроме того, на основе исследования научной, учебно-методической литературы, а также норм действующего законодательства раскрыты процессуальные особенности участия прокурора в административном судопроизводстве и установлено, что участие прокурора в административном судопроизводстве осуществляется в двух формах, а именно: посредствам подачи административного иска; вступления в инициированные другими субъектами дела в целях дачи заключения по административному делу.

Ключевые слова: административное судопроизводство, нормативно-правовой аспект, процессуальные особенности, процессуальный статус, участие.

Конституция Российской Федерации закрепляет, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина является обязанностью государства [1]. Особое значение это приобретает в современных условиях, а именно: когда права и свободы человека, их реальное обеспечение и защита, как важнейшая составляющая развития общества, становиться объектом внимание высших должностных лиц государства.

Успешное выполнение указанной задачи, прежде всего, зависит от наличия действенного нормативного правового регулирования отношений, возникающих при взаимодействии органов государственной власти, их должностных лиц с населением, а также при возникновении правовых конфликтов и споров.

Принятие Кодекса административного судопроизводства РФ обусловило постановку ряда вопросов как теоретического, так и практического характера. К таким можно отнести: содержание процессуального статуса участников административного судопроизводства, в частности прокурора, а также правовое регулирование реализации данного статуса.

Отдельные аспекты осуществления административного судопроизводства в своих работах исследовали такие ученые: Винокуров А. Ю., Выскуб С., Колюка Н. Н., Насонов Ю. Г., Радченко В., Салищева Н. Г., Старилов Ю. Н., Тюнин В. А., Тихомиров Ю. А. и др.

Итак, правовой «площадкой» для осуществления административного судопроизводства является ч. 2 ст. 118 Конституции, которая закрепляет, что «судебная власть осуществляется посредством конституционного, гражданского, административного и уголовного судопроизводства» [1]. Таким образом, можно сделать про-

межуточный вывод, что Конституция Российской Федерации осуществляет первичную легализацию административного судопроизводства в целом.

Отметим, что основным нормативным правовым актом, определяющим процессуальный статус прокурора в административном судопроизводстве, является Кодекс административного судопроизводства РФ, ст. 39 которого закрепляет процессуальный права прокурора в административном судопроизводстве, а именно:

– прокурор вправе обратиться в суд с административным исковым заявлением в защиту прав, свобод и законных интересов граждан, неопределенного круга лиц или интересов Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, муниципальных образований, а также в других случаях, предусмотренных федеральными законами. Анализируя указанную форму участия прокурора в административном судопроизводстве Заленцова А. Б. и Ястребова О. А. указывают, что «обращение прокурора в суд с административным иском является важнейшей формой его участия в административном судопроизводстве и представляет собой способ реагирования прокурора на выявленные им в ходе общей надзорной деятельности правонарушений. В то же время, ученые делают важный вывод, что прокурор, участвуя в собственно инициированном процессе, осуществляет не свои властные надзорные полномочия, а права и обязанности процессуального истца» [2].

– прокурор вступает в судебный процесс и дает заключение по административному делу в случаях, предусмотренных настоящим Кодексом. Прокурор не дает заключение по административному делу, если административное дело возбуждено на основании его административного искового заявления [3]. В заключении прокурор должен проанализировать исследованные в ходе судебного разбирательства доказательства, раскрыть характер правоотношений сторон, сослаться на закон, нормы которого регулируют данные общественные отношения, и высказать своё мнение о том, как должно быть разрешено дело.

В соответствии с положениями Кодекса административного судопроизводства РФ к категории дел по которым прокурор дает заключение относится: об оспаривании нормативных правовых актов (ст. 213); о защите избирательных прав и права на участие в референдуме граждан РФ (ст. 243); о принудительной госпитализации гражданина в психиатрический стационар или о продлении срока принудительной госпитализации гражданина, страдающего психическим расстройством (ст. 277); о госпитализации гражданина в медицинскую противотуберкулёзную организацию в недобровольном порядке (ст. 283); о помещении иностранного гражданина, подлежащего депортации или реадмиссии, в специальное учреждение или о продлении срока пребывания иностранного гражданина, подлежащего депортации или реадмиссии, в специальном учреждении (ст. 268); об административном надзоре (ст. 272).

В то же время, ч. 7 ст. 39 Кодекса административного судопроизводства РФ закрепляет важную «ограничительную» норму: «Прокурор не дает заключение по административному делу, если административное дело возбуждено на основании его административного искового заявления» [3]. Данные положения Кодекса нашли свое отражение в Приказе Генеральной прокуратуры РФ от 10 июля 2017 г. № 475 «Об обеспечении участия прокуроров в гражданском и административном судопроизводстве», а именно: «исключается возможность дачи заключения по делу, в кото-

ром орган прокуратуры выступает в качестве истца, ответчика или заинтересованного лица» [4].

Важно подчеркнуть, что в зависимости от категории административного дела, при реализация права на подачу административного иска, или дачи заключения прокурор руководствуется значительным количеством нормативных правовых актов, а также актами, положения которых разъясняют отдельные вопросы судебной практики, в частности: по административным делам о госпитализации гражданина в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, в недобровольном порядке, о продлении срока госпитализации гражданина в недобровольном порядке или о психиатрическом освидетельствовании гражданина в недобровольном порядке, кроме положений Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и Приказа Генерального прокурора РФ от 10 июля 2017 г. № 475 «Об обеспечении участия прокуроров в гражданском и административном судопроизводстве» [4], прокурор руководствуется Законом РФ от 02.07.1992 № 3185-1 «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» [5]; Федеральным закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» [6]; Постановлением Правительства РФ от 28.04.1993 № 377 «О реализации Закона Российской Федерации «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» [7]; Постановлением Правительства РФ от 25.05.1994 № 522 «О мерах по обеспечению психиатрической помощью и социальной защите лиц, страдающих психическими расстройствами» [8]; Определением Конституционного суда РФ от 10 марта 2005 г. № 62-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Гирича Игоря Валерьевича на нарушение его конституционных прав положениями статей 24, 25, 33 – 36 Закона Российской Федерации «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» [9]; Определением Конституционного Суда РФ от 05.03.2009 № 544-О-П «По жалобе гражданки Хорошавцевой Надежды Николаевны на нарушение ее конституционных прав рядом положений Закона Российской Федерации «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» и Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации» [10]; Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 27.09.2016 № 36 «О некоторых вопросах применения судами Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации» [11].

По административным делам о госпитализации гражданина в медицинскую противотуберкулезную организацию в недобровольном порядке прокурор руководствуется Федеральным законом от 18.06.2001 № 77-ФЗ «О предупреждении распространения туберкулеза в Российской Федерации», Федеральным законом от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», Постановлением Главного государственного санитарного врача Российской Федерации от 22.10.2013 №60 «Об утверждении санитарно-эпидемиологических правил СП 3.1.2.3114-13 «Профилактика туберкулеза»; Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 17.11.2015 № 50 «О применении судами законодательства при рассмотрении некоторых вопросов, возникающих в ходе исполнительного производства».

По административным делам об оспаривании нормативных правовых актов и актов, содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами прокурор руководствуется Определением Конституционного Суда РФ

от 2 марта 2006 г. № 58-О «По жалобе гражданина Смердова Сергея Дмитриевича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 251 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации»; Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 50 «О практике рассмотрения судами дел об оспаривании нормативных правовых актов и актов, содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами».

Кроме того, указанные нормативные правовые акты обуславливают появления дополнительных обязанностей. Так, в случаи обращения прокурора в защиту прав, свобод и законных интересов гражданина в административном исковом заявлении также должны быть указаны причины исключающие возможность предъявления административного искового заявления самим гражданином. Также, в случаи предъявления прокурором административного иска, истцу-прокурору необходимо представить в суд надлежащую доказательственную базу, в частности: по делам о принудительной госпитализации гражданина в противотуберкулезное медицинское учреждение в недобровольном порядке к доказательствам относятся: заключение комиссии врачей противотуберкулезной медицинской организации с указанием диагноза, тяжести заболевания, обязательности диспансерного наблюдения; иные материалы, подтверждающие необходимость госпитализации гражданина в медицинскую противотуберкулезную организацию в недобровольном порядке; документы, на основании которых составлено заключение комиссии врачей противотуберкулезной медицинской организации о помещении гражданина в медицинскую противотуберкулезную организацию в недобровольном порядке; документы, подтверждающие неоднократное нарушение гражданином, в отношении которого подано административное исковое заявление о госпитализации в медицинскую противотуберкулезную организацию в недобровольном порядке, санитарно-противоэпидемического режима либо умышленное уклонение гражданина от обследования в целях выявления туберкулеза или от лечения туберкулеза и т.д. Также на прокурора возлагается обязанность направить другим лицам, участвующим в деле, копии административного искового заявления и приложенных к нему документов, которые у них отсутствуют, заказным письмом с уведомлением о вручении или обеспечить передачу указанным лицам копий этих заявления и документов иным способом, позволяющим суду убедиться в получении их адресатом.

Таким образом, прокурор как истец обязан обеспечить сбор указанных документов.

Одновременно, приказом Генеральной прокуратуры РФ от 10 июля 2017 г. № 475 «Об обеспечении участия прокуроров в гражданском и административном судопроизводстве» установлены обязанности прокуроров, обеспечивающих участие в административном судопроизводстве. К ним относятся:

– участие в рассмотрении судами первой, апелляционной, кассационной и надзорной инстанций дел, возбужденных административным исковым заявлениям прокуроров в защиту прав, свобод и законных интересов граждан, указанных в ч. 1 ста. 39 Кодекса административного судопроизводства РФ, неопределенного круга лиц, интересов Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, муниципальных образований, в том числе по заявлениям и представлениям о пересмотре судебных постановлений по вновь открывшимся или новым обстоятельствам;

– обеспечение качественной подготовки и направления в суд заявлений о возмещении ущерба, причиненного Российской Федерации, субъектам Российской Федерации, муниципальным образованиям, государственным и муниципальным унитарным предприятиям в результате преступлений, если такие заявления не рассмотрены в порядке уголовного судопроизводства (статьи 44, 306 и 309 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации;

– вступление в процесс на любой его стадии и дача заключений в иных случаях, предусмотренных ч. 7 ст. 39 Кодекса административного судопроизводства РФ и федеральными законами;

– апелляционное, кассационное и надзорное обжалование судебных постановлений по административным делам, в рассмотрении которых участвовал либо вправе был участвовать прокурор;

– рассмотрение обращений о проверке законности и обоснованности судебных актов, вынесенных в порядке административного судопроизводства по делам, в которых предусмотрено участие прокурора, от лиц, участвующих в деле, а также от лиц, не привлеченных к участию в деле, если вопрос об их правах и обязанностях был разрешен судом [4].

Продолжая исследование, отметим, что анализ законодательства показывает, что процессуальный статус прокурора в административном судопроизводстве имеет ряд особенностей. Во-первых, прокурор не может заключить соглашение о примирении, освобождается от обязанности по уплате судебных расходов, участвовать в рассмотрении административного дела по основаниям, предусмотренным ст. 31, 33 Кодекса административного судопроизводства РФ (является членом семьи, родственником или родственником супруга кого-либо из лиц участвующих в деле; личная прямая или косвенная заинтересованность в исходе административного дела). По данному поводу Павловская М. В. в научной статье «Особенности участия прокурора в административном судопроизводстве» отмечает, что отсутствие у прокурора права на заключение соглашения о примирении обусловлено тем, что указанное исключительное право принадлежит только сторонам по делу, к которым в данном случаи относятся субъекты спорного материального правоотношения. Поскольку прокурор не является субъектом материального правоотношения, то он указанным правом и не обладает [12, с. 4].

Подводя итог, следует отметить, что:

– считаем, что нормативные правовые акты, устанавливающие процессуальный статус прокурора в административном судопроизводстве, имеют многоаспектную юридическую природу и относятся к различным отраслям права;

– установлено, что участие прокурора в административном судопроизводстве регулируется значительным количеством нормативных правовых актов, которые предложено разделить на две группы общие (закладывают фундаментальные принципы участия прокурора в административном судопроизводстве) и специальные (совокупность нормативных правовых актов, нормы которых непосредственно осуществляют регулирование отношений, возникающих в процессе реализации прокурором процессуальных прав и обязанностей в административном судопроизводстве);

– установлено, что прокурор как участник административного судопроизводства обладает специальным дуалистическим процессуальным статусом, в соответ-

ствии с которым прокурор реализует статус административного истца, с другой стороны – вступает в административное судопроизводство для дачи заключения, т.е. высказать своё мнение о том, как должно быть разрешено дело.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации от 12.12.1993. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения 10.09.2019). – Текст электронный.

2. Судебное административное право: Учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / Зеленцов А. Б., Ястребов О. А.). URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=CMB&n=18449#01241298662093493 (дата обращения 07.09.2019). – Текст электронный.

3. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 № 21-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_ LAW_176147/ (дата обращения 07.09.2019). – Текст электронный.

4. Об обеспечении участия прокуроров в гражданском и административном судопроизводстве : приказ Генеральной прокуратуры РФ от 10 июля 2017 г. № 475. URL: http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71659058/#ixzz5EtXMFS5p (дата обращения 12.09.2019). – Текст электронный.

5. О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании: Закон РФ от 02.07.1992 № 3185-1. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_4205/ (дата обращения 21.09.2019). – Текст электронный.

6. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации : Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121895/ (дата обращения 21.09.2019). – Текст электронный.

7. О реализации Закона Российской Федерации «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» (вместе с «Перечнем медицинских психиатрических противопоказаний для осуществления отдельных видов профессиональной деятельности и деятельности, связанной с источником повышенной опасности : постановление Правительства РФ от 28.04.1993 N 377. URL:http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1918/ (дата обращения 21.09.2019). – Текст электронный.

8. О мерах по обеспечению психиатрической помощью и социальной защите лиц, страдающих психическими расстройствами: постановление Правительства РФ от 25.05.1994 № 522 (ред. от 24.11.2014). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_3822/ (дата обращения 21.09.2019). – Текст электронный.

9. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Гирича Игоря Валерьевича на нарушение его конституционных прав положениями статей 24, 25, 33-36 Закона Российской Федерации «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании :Определение Конституционного суда РФ от 10 марта 2005 г. № 62-О. URL: http://www.psychepravo.ru/law/ks-rf/opredelenie-ks-rf-62-2005.htm (дата обращения 05.09.2019). – Текст электронный.

10. По жалобе гражданки Хорошавцевой Надежды Николаевны на нарушение ее конституционных прав рядом положений Закона Российской Федерации «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» и Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации : Определение Конституционного Суда РФ от 05.03.2009 N 544-О-П. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_89963/ (дата обращения 22.09.2019). – Текст электронный.

11. О некоторых вопросах применения судами Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.09.2016 № 36. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_205136/ (дата обращения 23.09.2019). – Текст электронный.

12. Павловская М. В. Особенности участия прокурора в административном судопроизводстве / М. В. Павловская // Законность. – 2016. – N 1. – С. 3-7.

Kaluka N. N., Basov A. V. On the issue of determining the procedural status of the prosecutor in administrative proceedings / N. N. Kaluka, A. V. Basov // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2019. – T. 4 (72). № 4. – P. 166-173.

The article analyzes the features of the implementation of the procedural status of the Prosecutor in administrative proceedings. It is established that the legal regulation of the participation of the prosecutor in the administrative proceedings is of a holistic nature, that is, the norms that fix the procedural features of the prosecutor's participation in this legal procedure are contained in various legal acts, as well as in the acts, the provisions of which clarify certain issues of the judicial practice. In addition, based on the study of scientific, educational and methodological literature, as well as the norms of the current legislation, procedural peculiarities of the prosecutor's participation in administrative proceedings are disclosed and it is established that the participation of the prosecutor in administrative proceedings is carried out in two forms, namely: through the submission of an administrative claim; accession to cases initiated by other subjects with a view to giving an opinion on the administrative case.

Keywords: administrative legal proceedings, normative and legal aspect, procedural features, procedural status, participation.

Spisok literatury`

1. Konstituciya Rossijskoj Federacii ot 12.12.1993. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (data obrashheniya 10.09.2019). – Tekst e`lektronny`j.

2. Sudebnoe administrativnoe pravo: Uchebnik dlya studentov vuzov, obuchayushhixsya po special`nosti "Yurisprudenciya" / Zelenczov A. B., Yastrebov O. A.). URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=CMB&n=18449#01241298662093493 (data obrashheniya 07.09.2019). – Tekst e`lektronny`j.

3. Kodeks administrativnogo sudoproizvodstva Rossijskoj Federacii ot 08.03.2015 № 21-FZ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_ LAW_176147/ (data obrashheniya 07.09.2019). – Tekst e`lektronny`j.

4. Ob obespechenii uchastiya prokurorov v grazhdanskom i administrativnom sudoproizvodstve : prikaz General`noj prokuratury` RF ot 10 iyulya 2017 g. № 475. URL: http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71659058/#ixzz5EtXMFS5p (data obrashheniya 12.09.2019). – Tekst e`lektronny`j.

5. O psixiatricheskoj pomoshhi i garantiyax prav grazhdan pri ee okazanii: Zakon RF ot 02.07.1992 № 3185-1. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_4205/ (data obrashheniya 21.09.2019). – Tekst e`lektronny`j.

6. Ob osnovax oxrany` zdorov`ya grazhdan v Rossijskoj Federacii : Federal`ny`j zakon ot 21.11.2011 № 323-FZ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121895/ (data obrashheniya 21.09.2019). – Tekst e`lektronny`j.

7. O realizacii Zakona Rossijskoj Federacii «O psixiatricheskoj pomoshhi i garantiyax prav grazhdan pri ee okazanii» (vmeste s «Perechnem medicinskix psixiatricheskix protivopokazanij dlya osushhestvleniya otdel`ny`x vidov professional`noj deyatel`nosti i deyatel`nosti, svyazannoj s istochnikom povy`shennoj opasnosti : postanovlenie Pravitel`stva RF ot 28.04.1993 N 377. URL:http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1918/ (data obrashheniya 21.09.2019). – Tekst e`lektronny`j.

8. O merax po obespecheniyu psixiatricheskoj pomoshh`yu i social`noj zashhite licz, stradayushhix psixicheskimi rasstrojstvami: postanovlenie Pravitel`stva RF ot 25.05.1994 № 522 (red. ot 24.11.2014). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_3822/ (data obrashheniya 21.09.2019). – Tekst e`lektronny`j.

9. Ob otkaze v prinyatii k rassmotreniyu zhaloby` grazhdanina Giricha Igorya Valer`evicha na narushenie ego konstitucionny`x prav polozheniyami statej 24, 25, 33-36 Zakona Rossijskoj Federacii «O psixiatricheskoj pomoshhi i garantiyax prav grazhdan pri ee okazanii :Opredelenie Konstitucionnogo suda RF ot 10 marta 2005 g. № 62-O. URL: http://www.psychepravo.ru/law/ks-rf/opredelenie-ks-rf-62-2005.htm (data obrashheniya 05.09.2019). – Tekst e`lektronny`j.

10. Po zhalobe grazhdanki Xoroshavcevoj Nadezhdy` Nikolaevny` na narushenie ee konstitucionny`x prav ryadom polozhenij Zakona Rossijskoj Federacii «O psixiatricheskoj pomoshhi i garantiyax prav grazhdan pri ee okazanii» i Grazhdanskogo processual`nogo kodeksa Rossijskoj Federacii : Opredelenie

Konstitucionnogo Suda RF ot 05.03.2009 N 544-O-P. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_89963/ (data obrashheniya 22.09.2019). – Tekst e`lektronny`j.

11. O nekotory`x voprosax primeneniya sudami Kodeksa administrativnogo sudoproizvodstva Rossijskoj Federacii : Postanovlenie Plenuma Verxovnogo Suda RF ot 27.09.2016 № 36. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_205136/ (data obrashheniya 23.09.2019). – Tekst e`lektronny`j.

12. Pavlovskaya M. V. Osobennosti uchastiya prokurora v administrativnom sudoproizvodstve / M. V. Pavlovskaya // Zakonnost`. – 2016. – N 1. – S. 3-7.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2019. – Т. 5 (71). № 4. – С. 174-182.

УДК 343.122

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ РАЗГРАНИЧЕНИЯ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ И ДРУГИХ ВИДОВ ПРАВОХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НА ЭТАПЕ ИСПОЛНЕНИЯ РЕШЕНИЙ СУДЕБНЫХ ОРГАНОВ

Мищенко Е. В., Бормотова Л. В.

Оренбургский государственный университет

В статье рассматриваются проблемные вопросы уголовно-процессуальной деятельности на этапе исполнения судебных решений. В результате анализа действующего уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного законодательства, а также практики его применения предлагаются возможные тенденции совершенствования стадии исполнения приговора.

Ключевые слова: исполнение судебного решения, осужденный в совершении преступления, пересмотр приговора, органы исполнения наказания, замена наказания, особый порядок принятия судом решения, производство по вновь открывшимся обстоятельствам.

По данным Центрального аппарата Федеральной службы исполнения наказаний с начала 2019 года и по настоящий момент уклоняются от отбывания наказания и скрываются от органов контроля исполнения наказания около 20 осужденных. При этом по данным системы ГАС РФ «Правосудие» за 2018-2019 г.г. рассмотрено только 9 материалов о замене наказания, не связанного с лишением свободы, в порядке решения вопросов, предусмотренных ст. 397 УПК и в связи с уклонением скрывшихся осужденных от исполнения приговоров судов, вступивших в законную силу. Такая статистика позволяет констатировать, что уголовно-процессуальная деятельность на этапе исполнения судебных решений нуждается в научных исследованиях, направленных на анализ существующих проблем и в конкретных предложениях по оптимизации существующего положения как на законодательном уровне, так и в практике правоприменения.

При исполнении судебных решений в отношении осужденных нередко возникают сложности, создающие риски их реализации в силу имеющихся законодательных коллизий. В России получила распространение практика, когда судом рассматриваются представления об отмене таких наказаний как условное осуждение, штраф, исправительные работы и других, и замене их лишением или ограничением свободы в отсутствии осужденного, поскольку его участие в судебном заседании суд может признать необязательным в силу действия положений ст. 399 УПК РФ, где не указывается на обязательность участия осужденного, как впрочем, нет и обратного утверждения. При этом создается ситуация, когда задержание лица может произойти гораздо позже вынесения судом нового решения о новом более тяжком наказании при игнорировании принципов презумпции невиновности и обеспечения осужденному права на защиту.

Анализ постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 20 декабря 2011 г. № 21 «О практике применения судами законодательства об исполнении приговора» (с изменениями и дополнениями по состоянию на 18 декабря 2018 г.), не позволяет найти ответы на поставленный вопрос. Так, в п. 5 названного постановления акцентируется внимание судов на необходимость выяснения всех обстоятельств, которые могут повлиять на замену наказания, а также причин, по которым осужденный избегает отбывания назначенного ему наказания. Последнее, как представляется, невозможно без участия самого осужденного в судебном заседании, что автоматически лишает суд возможности вынесения заочного решения по вопросу о замене наказания. Сказанное означает, что судебному заседанию должно предшествовать фактическое задержание скрывшегося осужденного лица, что косвенно подтверждается системным анализом ч. 4.1 ст. 396, п. 18 ст. 397, п. 3 ч. 1, ч. 2-4 ст. 399 УПК РФ, пп. 24.1-24.3 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 20 декабря 2011 г. № 21. Поэтому роль задержания осужденного лица и доставление его в судебное заседание в целях вынесения законного и обоснованного решения многократно увеличивается. Не все суды внимательно относятся к такой косвенной рекомендации высшего судебного органа и не подвергают тщательному анализу действия органов системы исполнения наказаний по принятию мер, направленных на обеспечение участия осужденного в судебном производстве. Примером тому может служить Определение суда надзорной инстанции при Верховном Суде РФ по делу № 18-Д13-2 от 19 февраля 2013 г., согласно которому заседание Президиума Краснодарского краевого суда по рассмотрению жалобы осужденного было назначено на 10 часов утра 13.06.2012 г. Телеграмма с соответствующим уведомлением была направлена в ФКУ для объявления осужденному 04.06.2012 г. Каких-либо данных о надлежащем уведомлении осужденного о времени рассмотрения надзорной жалобы судом надзорной инстанции получено не было. А из сообщения начальника ФКУ от 09.01.2013 г. следует, что и в материалах личного дела осужденного не содержится сведений о его извещении о дне слушания уголовного дела и о направлении им ходатайства об участии в судебном заседании. В такой ситуации осужденный был лишен реальной возможности участвовать в судебном заседании и довести до суда в непосредственной форме свою позицию по вопросам, подлежащим обсуждению, а также пригласить для участия в деле защитника или ходатайствовать о его предоставлении перед судом. В результате 13.06.2012 г. заседание президиума Краснодарского краевого суда по уголовному делу в отношении осужденного Мартынова А. П. было проведено в его отсутствие. С учетом таких обстоятельств постановление президиума Краснодарского краевого суда отменено, а уголовное дело направлено на повторное рассмотрение судом надзорной инстанции.

Тем не менее, есть в судебной практике примеры поэтапного выполнения не озвученных требований законодателя. Примером тому может служить следующее уголовное дело, проанализированное в научной статье Сенатовым А. В. и Чайковским А. А. Так, 22.08.2012 г. гр. К. был осужден к исправительным работам в размере 240 часов за преступления, предусмотренные ст. 158 УК РФ. Дата начала исправительных работ 19.12.2012 г. Однако осужденный уклонился от отбывания наказания и скрылся с места его последнего пребывания. Сотрудниками уголовно-исполнительной инспекции были проведены оперативно-розыскные мероприятия, в

результате которых установить место нахождения гр. К. не удалось. Позже в соответствии с требованиями ч. 2 ст. 18.1 УИК РФ осужденный был объявлен в розыск и задержан и 13.03.2013 г. Уголовная инспекция направила в суд представление в порядке исполнения п. 18 ст. 397 УПК РФ о заключении осужденного К. под стражу на срок 20 суток как скрывшегося в целях уклонения от отбывания наказания в виде исправительных работ. В этот же день судом вынесено постановление о заключении лица под стражу с участием самого осужденного [10, с. 138].

Подобные коллизии создают благоприятные условия для уклонения осужденных от отбывания наказания, а также способствуют халатному отношению со стороны сотрудников системы органов исполнения наказаний к исполнению своих должностных обязанностей и коррупционным проявлениям.

Рассматриваемая стадия носит особый и универсальный, свойственный абсолютно всем уголовным делам, итоговые решения которых вступили в законную силу, характер. Эта «особость», по мнению Николюка В. В. [8, с. 23] и рядя других ученых [5, с. 48; 9, с. 217], заключается в комплексном решении вопросов уголовно-правового, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного толка, что требует одновременного регулирования нормами различных отраслей права. При этом автор указывает на первостепенность решения вопросов сначала уголовно-исполнительным законодательством и только затем уголовно-процессуальным [8, С. 23]. Такой подход не находит поддержки среди ученых-процессуалистов. Споры, относительно границ процессуального и материального регулирования в стадии исполнения решений по уголовным делам, ведутся с советского периода [5, с. 30] и по настоящее время [9, с. 219].

Очевидно, что существует целый ряд нерешенных проблем в стадии исполнения приговора с позиции ее комплексной юридической природы. В их числе процессуальное положение сотрудников органов и учреждений системы исполнения наказаний, оказывающихся на стыке применения норм уголовно-исполнительного, уголовно-процессуального и оперативно-розыскного характера. Потенциал сотрудников пенитенциарной юстиции достаточно велик и, к сожалению, не оценен законодателем с точки зрения использования результатов такой деятельности в уголовном процессе в целом и в порядке подготовки к судебному заседанию на этапе исполнения решений по уголовным делам, в частности.

В качестве участников уголовно-процессуальной деятельности Разделе II УПК РФ должностных лиц и органы системы ФСИН не называет и не наделяет функцией уголовного преследования. На этот факт указывалось еще в 1963 году профессором Стручковым Н. А. [11, с. 14], который отмечал отсутствие процессуального статуса и полномочий у учреждений и органов, исполняющих наказания. При этом автором отмечалось большое количество нормативных актов подзаконного характера, вменяющих в обязанности этих органов совершать действия и принимать решения подготовительного или сопровождающего процессуальную деятельность характера.

Современная деятельность органов и должностных лиц ФСИН России регламентируется несколькими правовыми актами. В их числе: Указ Президента РФ № 1314 от 13 октября 2004 г. «Вопросы Федеральной службы исполнения наказаний» (в ред. от 09.09.2019 г.) [4]; Федеральный закон РФ № 144-ФЗ от 12 августа 1995 г. (в ред. от 02.08.2019 г.) «Об оперативно-розыскной деятельности»

(ст. ст. 13, 14, 15) [2]; Уголовно-исполнительный Кодекс РФ (ст. ст. 18.1, 21 и др.) [1]; Приказ Министерства юстиции России от 20 мая 2009 г. № 142 «Об утверждении Инструкции по организации исполнения наказаний и мер уголовно-правового характера без изоляции от общества» (в ред. от 22.08.2014 г.) [3] в части организации исполнения наказаний и наделения полномочиями соответствующих должностных лиц на направление в суд представлений о замене наказаний. Последнее замечание о действии Инструкции (к названному приказу Минюста) в ее взаимосвязи с положениями УИК РФ является настоящим «бичом» для сотрудников уголовно-исполнительных инспекций, так как неисполнение простых предписаний нередко становится основанием для прекращения производств по замене наказания в судах.

Так, по смыслу постановления Бирского межрайонного суда Республики Башкортостан № 4/17-38/2019 от 07 мая 2019г., судебным органом производство по представлению заместителя начальника Бирского МФ ФКУ УИИ УФСИН России по Республике Башкортостан было прекращено ввиду отсутствия у заместителя начальника соответствующих полномочий, подтвержденных документально помимо доверенности, по обращению в судебные органы для изменении меры наказания. Из имеющейся в материале дела доверенности следует, что заместителю начальника передоверено право направлять от своего лица в суды общей юрисдикции представления о решении вопросов, связанных с исполнением приговора, то есть общее правомочие без четкой конкретизации решаемых вопросов. Между тем, УИК РФ не предусматривает возможность передачи полномочий начальника уголовно-исполнительной инспекции при направлении в суд представления о замене обязательных работ иным видом наказания другим должностным лицам. Указанное полномочие по смыслу закона обусловлено необходимостью дополнительного контроля со стороны начальника территориальной уголовно-исполнительной инспекции за деятельностью находящихся в его подчинении сотрудников в целях проверки законности и обоснованности направляемого в суд представления о замене иным видом наказания ранее назначенных обязательных работ.

В числе решений обозначенной проблемы в литературе высказывалась позиция о необходимости разделения стадии исполнения приговора на подстадии (уголовно-исполнительную и уголовно-процессуальную) [7, с. 177]. Также высказывалось мнение о необходимости придания процессуального статуса работникам уголовно-исполнительной системы в рамках только лишь одной стадии – исполнения судебного решения [6, с. 6].

В уголовно-исполнительном законодательстве (ст. 175 УИК РФ и др.) присутствуют полномочия должностных лиц и органов уголовно-исполнительной юстиции, свидетельствующие об инициировании в стадии исполнения приговора процессуальной деятельности, например, путем составления осужденным ходатайства об условно-досрочном освобождении и внесения соответствующего представления администрацией учреждения, исполняющего наказание в отношении такого осужденного в судебный орган. Что по сути своей является своеобразным возбуждением производства в суде. Но на этом, аналогии заканчиваются, хотя в юридической литературе эта тема получила широкое развитие.

Так, Свиридов М. К. [12, с. 20], Томин В. Т., Зинченко И. А. [13, с. 227] признавали в свое время процессуальную основу деятельности органов и лиц, осуществляющих исполнение наказаний в специализированных учреждениях. При этом обуславливали данное обстоятельство необходимостью обращения в суд, а в отсутствие этой необходимости видели в действиях изучаемых лиц чистую уголовно-исполнительную природу полномочий. Мартыняхин Л. Ф. [7, с. 200], рассматривая проблемы усиления эффективности судебной деятельности по делам об освобождении от наказания, усматривал в деятельности администрации учреждений исполнения наказаний нечто большее, – исключительное право на возбуждение производства в суде и собирание необходимого доказательственного материала для участия в будущем решении вопроса о замене неотбытой части наказания, освобождении от наказания, условно-досрочном освобождении. Одновременно с этим он предлагал законодательно закрепить, как это чуть раньше прогнозировалось Свиридовым М. К. [12, с. 32], для конкретизации полномочий должностных лиц и судебных органов четко разделить всю процедуру исполнения судебных решений на следующие этапы: 1) возбуждение судебного производства по вопросам, связанным с исполнением приговора; 2) подготовка к судебному заседанию, связанному с исполнением наказания и решением соответствующих вопросов; 3) судебное рассмотрение вопросов, связанных с исполнением приговора и других решений. Обозначение таких этапов, по мнению вышеуказанных авторов, помогло бы достичь эффективности в решении проблемы с определением статуса полномочных лиц, обозначением круга правомочий по реализации судебной инициативы (внесение представления, составление особого мнения, назначение представителя администрации учреждения, исполняющего наказание, для участие в судебном заседании, представление доказательств и участие в доказывании, а также последующем обжаловании вынесенного решения). Также усматривалась некая возможность с уточнением процедуры производства в суде, через выделения в ней подготовительной части, судебного следствия, вынесения и оглашения итогового решения. При этом, видимо для устранения неизбежных ошибок со стороны представителей администраций органов системы исполнения наказаний, авторы указывали на необходимость обязательного участия в судебном заседании прокурора и активную позицию судьи для обеспечения всестороннего исследования обстоятельств дела, вплоть до возвращения материалов на доработку учреждению исполняющему наказание, вызов необходимых для допроса лиц по исключительной заинтересованности суда в вынесении итогового решения, а также самостоятельного решения вопроса об отложении или приостановлении судебного рассмотрения, в том числе при отсутствии должной инициативы со стороны иных участников, в случае, к примеру, неявки представителя органа, исполняющего наказание.

С подобные предложения в настоящее время трудно согласиться. Их актуальность и эффективность потеряли свое остроту с принятием Конституции РФ 1993 года и Уголовно-процессуального Кодекса РФ 2001 года. Современное представление о состязательности уголовного судопроизводства и тенденции в сторону развития сокращенных, ускоренных форм судебного рассмотрения, не позволяют говорить о применении выше обозначенных предложений.

Мы придерживаемся несколько иных позиций как относительно процессуального положения сотрудников органов, исполняющих наказания, так и формы судебного рассмотрения вопросов, возникающих на данном этапе.

В соответствии с п. 1 Положения о Федеральной службе исполнения наказаний, утвержденном указом Президента РФ от 13.10.2004 г. № 1314 Федеральная служба исполнения наказаний (ФСИН России) является федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим правоприменительные функции, функции по контролю и надзору в сфере исполнения уголовных наказаний в отношении осужденных, функции по содержанию лиц, подозреваемых либо обвиняемых в совершении преступлений, и подсудимых, находящихся под стражей, их охране и конвоированию, а также функции по контролю за поведением условно осужденных и осужденных, которым судом предоставлена отсрочка отбывания наказания, и по контролю за нахождением лиц, подозреваемых либо обвиняемых в совершении преступлений, в местах исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста и за соблюдением ими наложенных судом запретов и (или) ограничений.

К задачам ФСИН России относятся: исполнение уголовных наказаний, содержание лиц под стражей либо домашним арестом, контроль за поведением условно осужденных и осужденных, которым судом предоставлена отсрочка отбывания наказания; обеспечение охраны прав, свобод и законных интересов осужденных и лиц, содержащихся под стражей; обеспечение правопорядка и законности в местах лишения свободы, следственных изоляторах, охрана и конвоирование осужденных и лиц, содержащихся под стражей, охрана психиатрических больниц (стационаров), создание осужденным и лицам, содержащимся под стражей, условий содержания, соответствующих с международными нормами, оказание помощи в социальной адаптации осужденных. Другие положения Указа, регламентирующие полномочия, также свидетельствуют об административно-правовой, уголовно-исполнительной природе деятельности органов, исполняющих наказания.

Особого внимания заслуживает оперативно-розыскной характер деятельности органов, осуществляющих исполнение наказаний, в соответствии со ст. 13 Федерального закона от 12 августа 1995 года № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» [2]. О процессуальной природе можно говорить лишь в косвенном, опосредованном аспекте. Возникает вопрос: а надо ли что-то менять при наличии другого важного участника уголовно-процессуальной деятельности со стороны обвинения (уголовного преследования), одновременно наделенного властными полномочиями по поддержанию законности в нашей стране, – прокуроре? Не является ли стремление наделить процессуальными возможностями должностных лиц администраций учреждений, исполняющих наказания, попыткой подмены прокурора, с доклада которого в силу исполняемых им полномочий в уголовном процессе, должно начинаться судебное заседание, а не представителем учреждения или органа, подавшего представление, как это установлено в настоящий момент по ч. 7 ст. 399 УПК РФ. Мы трактуем этот законодательный момент нелогичным и первопричинным в допущении ошибок со стороны администраций учреждений исполнения наказаний в виде «забытого» приказа о возложении обязанностей начальника учреждения органа ФСИН на его заместителя, как в примере по Республике Башкортостан, или, что еще хуже, совершении преступных действий, как в случае понужде-

ния осужденных к даче показаний о признании себя виновными в 28 уголовно-наказуемых деяниях по Ямало-Ненецкому автономному округу в 2014 году.

Поэтому, считаем, что нет необходимости в дополнительном расширении процессуальных полномочий должностных лиц и органов, осуществляющих исполнение наказаний. Более того, следует исключить этих участников из уголовного процесса, а в судебном заседании при решении вопросов, обозначенных в ст. 397 УПК РФ, заменить на прокурора.

Далее, анализ ст. 399 УПК РФ свидетельствует о признаках применения сокращенной процедуры при решении судом в судебном заседании вопросов ст. 397 УПК РФ. А именно: отсутствие спора о виновности лица; отсутствие полноценного доказывания в судебном заседании, кроме исследования доказательств, относящихся к назначаемому наказанию; возможность рассмотрения вопроса в отсутствие неявившихся лиц, извещенных надлежащим образом; сокращение сроков подготовки материалов к судебному рассмотрению и быстрота самого судебного заседания; невозможность обжалования итогового решения по всем юридическим основаниям.

Вместе с тем, процедура рассмотрения вопросов, связанных с исполнением приговора, схожа с судебным разбирательством уголовного дела по существу. Это сходство усиливается указаниями Пленума Верховного Суда РФ, данными им в п. 35 постановления от 20 декабря 2011 г. № 21, где фактически между постановлением суда , выносимым в порядке ст. 399 УПК РФ ставится знак равенства с приговором через требования, свойственные только итоговому процессуальному документу, – законности, обоснованности и справедливости. Кроме того, в п. п. 36-37 высший судебный орган указал на необходимость отражения в постановлении вопросов о распределении судебных издержек в соответствии со ст. ст. 131, 132 УПК РФ и праве судов выносить частное постановление (определение) в порядке ч. 4 ст. 29 УПК РФ. Это ли не свидетельство осуществления правосудия в стадии исполнения судебного решения?

Отмеченное нами позволяет сделать вывод о необходимости четкого разграничения через процессуальное закрепление судебной формы решаемых вопросов на этапе исполнения приговора. На наш взгляд, это должен быть либо особый порядок принятия судом решения при решении обозначенных в ст. 397 УПК РФ вопросов по аналогии с гл. 40 УПК РФ, либо пересмотр судебного решения, вступившего в законную силу при наличии вновь открывшихся обстоятельств по аналогии со ст. ст. 417 и 401.13 УПК РФ. Между вновь открывшимся обстоятельствами и перечисляемыми в ст. 397 УПК РФ злостным уклонением лица от отбывания наказания, необходимостью восстановления прав реабилитированного лица, условно-досрочным освобождением и т.д. прослеживаются следующие сходства: обстоятельства могли возникнуть как до, так и после вступления приговора в законную силу, что заранее суду на момент рассмотрения уголовного дела по существу не было известно. Совершенствование законодательства в этой части позволит оптимизировать существующий порядок судебной процедуры и, соответственно, повысить эффективность исполнения приговоров.

Список литературы

1. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08 января 1997 г. № 1-ФЗ (ред. 26.07.2019). URL:

http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=330154&dst=0&rnd=6D7B91FB0E84A9B660188CDEE2BE46A6#01331622062482949 (Дата обращения 17 октября 2019 года). – Текст электронный.

2. Об оперативно-розыскной деятельности : Федеральный закон от 12.08.1995 г. № 144-ФЗ (ред. 02.08.2019). URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=330818&dst=0&rnd=6D7B91FB0E84A9B660188CDEE2BE46A6#04377618104864507 (Дата обращения – 8 октября 2019 года). – Текст электронный.

3. Об утверждении Инструкции по организации исполнения наказаний и мер уголовно-правового характера без изоляции от общества : приказ Министерства юстиции России от 20 мая 2009 г. № 142 (ред. 22.08.2014). URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=159196407082157724206494 34&cacheid=B21D8EBBF4F78D7FED8D9EE98930BD90&mode=splus&base=LAW&n=168288&rnd=6D7B91FB0E84A9B660188CDEE2BE46A6#5cqwtvech7 (Дата обращения 17 октября 2019 года). – Текст электронный

4. Вопросы Федеральной службы исполнения наказаний : Указ Президента РФ от 13 октября 2004 г. № 1314 (ред. 09.09.2019). URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=213677147006561304677938675&cacheid=88A3DA374AAE94922B4923B9564E2E96&mode=splus&base=LAW&n=333104&rnd=6D7B91FB0E84A9B660188CDEE2BE46A6#t5thg5h0cn (Дата обращения 18 октября 2019 года). – Текст электронный.

5. Васильев А. И. Деятельность судов по обеспечению исполнения приговора к наказанию в виде лишения свободы / А. И. Васильев. – Рязань: НИиРИО РВШ МВД СССР, 1979. – 75 с.

6. Карасев И. Е. Взаимодействие суда и исправительно-трудовых учреждений при достижении целей уголовного наказания: автореф. дис. … канд. юрид. наук /И. Е. Карасев. Томск, 1973. – 30 с.

7. Мартыняхин Л. Ф. Проблемы повышения эффективности судебной деятельности по делам об условно-досрочном освобождении от наказания / Л. Ф. Мартыняхин. – Томск, 1990. – 215 с.

8. Николюк В. В. Уголовно-исполнительное судопроизводство в СССР / В. В. Николюк. – Иркутск: Изд-во Иркутского университета, 1989. – 256 с.

9. Потапов А. Г. Актуальные проблемы соотношения норм уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного законодательства при назначении и исполнении наказаний / Потапов А. Г. // Актуальные проблемы юридической науки и правоприменительной практики: сборник научных трудов (по материалам VII международной заочной научно-практической конференции, состоявшейся 17 октября 2008 г.) в 2-х ч.: ч. 2. – Киров: Филиал НОУ ВПО «СПбИВЭСЭП», 2008. – С. 217–221.

10. Сенатов А. В., Чайковский А. А. Отдельные проблемы, возникающие при исполнении приговора в отношении осужденных к наказаниям, не связанным с лишением свободы / А. В. Сенатов, А. А. Чайковский // Вестник Кузбасского института. – 2017. – № 2(31). – С. 134-139.

11. Стручков Н. А. Правовое регулирование исполнения наказания (основные проблемы советского исправительно-трудового права): автореф. дис… д-ра юрид. наук / Н. А. Стручков. – Москва, 1963. – 63 с.

12. Свиридов, М.К. Порядок разрешения дел об условно-досрочном освобождении от наказания: учеб. пособие / М. К. Свиридов. – Томск, 1972. – 78 с.

13. Уголовный процесс: проблемные лекции / под ред. В. Т. Томина, И. А. Зинченко. – М. : Юрайт, 2013. – 799 с.

Mischenko E. V., Bormotova L. V. Problematic issues of the distinction between criminal procedure and other law enforcement activities during the execution of judicial decisions / L. V. Mischenko, E. V. Bormotova // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2019. – T. 4 (72). № 4. – P. 174-182.

The article deals with the problematic issues of criminal procedure at the stage of execution of court decisions. The analysis of the existing criminal, criminal-procedural and criminal-Executive legislation and practice of its application suggests possible trends in the improvement stage of execution.

Keywords: execution of a court decision, convicted of committing a crime, review of a sentence, bodies of execution of punishment, replacement of punishment, special procedure of decision-making by a court, proceedings on newly discovered circumstances.

Spisok literatury`

1. Ugolovno-ispolnitel`ny`j kodeks Rossijskoj Federacii ot 08 yanvarya 1997 g. № 1-FZ (red. 26.07.2019). URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=330154&dst=0&rnd=6D7B91FB0E84A9B660188CDEE2BE46A6#01331622062482949 (Data obrashheniya 17 oktyabrya 2019 goda). – Tekst e`lektronny`j.

2. Ob operativno-rozy`sknoj deyatel`nosti : Federal`ny`j zakon ot 12.08.1995 g. № 144-FZ (red. 02.08.2019). URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=330818&dst=0&rnd=6D7B91FB0E84A9B660188CDEE2BE46A6#04377618104864507 (Data obrashheniya – 8 oktyabrya 2019 goda). – Tekst e`lektronny`j.

3. Ob utverzhdenii Instrukcii po organizacii ispolneniya nakazanij i mer ugolovno-pravovogo xaraktera bez izolyacii ot obshhestva : prikaz Ministerstva yusticii Rossii ot 20 maya 2009 g. № 142 (red. 22.08.2014). URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=159196407082157724206494 34&cacheid=B21D8EBBF4F78D7FED8D9EE98930BD90&mode=splus&base=LAW&n=168288&rnd=6D7B91FB0E84A9B660188CDEE2BE46A6#5cqwtvech7 (Data obrashheniya 17 oktyabrya 2019 goda). – Tekst e`lektronny`j

4. Voprosy` Federal`noj sluzhby` ispolneniya nakazanij : Ukaz Prezidenta RF ot 13 oktyabrya 2004 g. № 1314 (red. 09.09.2019). URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=213677147006561304677938675&cacheid=88A3DA374AAE94922B4923B9564E2E96&mode=splus&base=LAW&n=333104&rnd=6D7B91FB0E84A9B660188CDEE2BE46A6#t5thg5h0cn (Data obrashheniya 18 oktyabrya 2019 goda). – Tekst e`lektronny`j.

5. Vasil`ev A. I. Deyatel`nost` sudov po obespecheniyu ispolneniya prigovora k nakazaniyu v vide lisheniya svobody` / A. I. Vasil`ev. – Ryazan`: NIiRIO RVSh MVD SSSR, 1979. – 75 s.

6. Karasev I. E. Vzaimodejstvie suda i ispravitel`no-trudovy`x uchrezhdenij pri dostizhenii celej ugolovnogo nakazaniya: avtoref. dis. … kand. yurid. nauk /I. E. Karasev. Tomsk, 1973. – 30 s.

7. Marty`nyaxin L. F. Problemy` povy`sheniya e`ffektivnosti sudebnoj deyatel`nosti po delam ob uslovno-dosrochnom osvobozhdenii ot nakazaniya / L. F. Marty`nyaxin. – Tomsk, 1990. – 215 s.

8. Nikolyuk V. V. Ugolovno-ispolnitel`noe sudoproizvodstvo v SSSR / V. V. Nikolyuk. – Irkutsk: Izd-vo Irkutskogo universiteta, 1989. – 256 s.

9. Potapov A. G. Aktual`ny`e problemy` sootnosheniya norm ugolovnogo, ugolovno-processual`nogo i ugolovno-ispolnitel`nogo zakonodatel`stva pri naznachenii i ispolnenii nakazanij / Potapov A. G. // Aktual`ny`e problemy` yuridicheskoj nauki i pravoprimenitel`noj praktiki: sbornik nauchny`x trudov (po materialam VII mezhdunarodnoj zaochnoj nauchno-prakticheskoj konferencii, sostoyavshejsya 17 oktyabrya 2008 g.) v 2-x ch.: ch. 2. – Kirov: Filial NOU VPO «SPbIVE`SE`P», 2008. – S. 217–221.

10. Senatov A. V., Chajkovskij A. A. Otdel`ny`e problemy`, voznikayushhie pri ispolnenii prigovora v otnoshenii osuzhdenny`x k nakazaniyam, ne svyazanny`m s lisheniem svobody` / A. V. Senatov, A. A. Chajkovskij // Vestnik Kuzbasskogo instituta. – 2017. – № 2(31). – S. 134-139.

11. Struchkov N. A. Pravovoe regulirovanie ispolneniya nakazaniya (osnovny`e problemy` sovetskogo ispravitel`no-trudovogo prava): avtoref. dis… d-ra yurid. nauk / N. A. Struchkov. – Moskva, 1963. – 63 s.

12. Sviridov, M.K. Poryadok razresheniya del ob uslovno-dosrochnom osvobozhdenii ot nakazaniya: ucheb. posobie / M. K. Sviridov. – Tomsk, 1972. – 78 s.

13. Ugolovny`j process: problemny`e lekcii / pod red. V. T. Tomina, I. A. Zinchenko. – M. : Yurajt, 2013. – 799 s.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2019. – Т. 5 (71). № 4. – С. 183-187.

УДК 341.343

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ СОЗДАНИЮ НЕЗАКОННЫХ ВООРУЖЕННЫХ ФОРМИРОВАНИЙ

Оболенский Ю. Б.

Юридический институт Севастопольского государственного университета

В статье указываются основные, по мнению автора, меры противодействия создания и деятельности незаконных вооруженных формирований. Отмечается о необходимости привлечения соответствующих органов, в первую очередь, осуществляющих борьбу с организованной преступностью, к разработке нормативных правовых актов, регламентирующих меры противодействия данному явлению. Целесообразным является привлечение представителей различных конфессий с целью обращения последних через средства массовой информации к представителям различных народностей, а также их выступление на каких-либо общественных собраниях с разъяснениями положений религии о недопустимости совершения каких-либо противоправных деяний. Необходимым является увеличение количества выступлений представителей правоохранительных органов в средствах массовой информации органов власти и местного самоуправления с целью указания о недопустимости создания и деятельности указанных формирований на территории России, с разъяснением положений уголовного законодательства. Также указывается о необходимости усовершенствования законодательства регламентирующего обращение оружия.

Ключевые слова: незаконное вооруженное формирование, организованная преступность, противодействие, огнестрельное оружие

Проблема борьбы с незаконными вооруженными формированиями являются важной и сложной для общества, в связи с тем, что крайне неблагоприятным фактором является то, что внутри страны существуют влиятельные в политическом, финансовом, военном, идеологическом и религиозном смысле силы, деятельность которых направлена на разрушение российского государства.

Необходимо отметить, что меры противодействия организованной преступности, одной из форм которой являются указанные формирования уже уделялось внимание в трудах многих ученых. Однако единства мнений относительно определения категориального аппарата, характеристики признаков, детерминант и мер противодействия создания и деятельности данных объединений среди авторов отсутствует.

Целью этой работы является выделение основных мер противодействия созданию и деятельности незаконных вооруженных формирований.

В целом, относительно основных направлений профилактических мер противодействия организованной преступности, одной из форм проявления которой являются данные формирования необходимо отметить, что они должны учитывать следующие положения:

- формирование и реализация политики региональной безопасности;
- повышение конституционного авторитета органов государственной власти;
- формирование доверия и позитивного имиджа власти у населения;
- соблюдение прав и свобод человека;
- умеренное проведение религиозной политики;

- законодательный запрет религий, которые могут угрожать национальной безопасности России;
- предотвращение распространения информации деструктивного характера средствами массовой информации;
- создание благоприятных условий для развития культуры и образования всех национальных групп, которые проживают на территории страны, предотвращение проявления напряженности в межэтнических отношениях;
- заблаговременное выявление основных носителей социальной напряженности с целью их нейтрализации;
- утверждение российской национальной идеи, как стержня консолидации общества [1, с. 111-113].

Относительно мер противодействия созданию и деятельности непосредственно незаконных вооруженных формирований на территории нашего государства, целесообразными считаем проведение следующих.

При принятии, любыми органами, нормативных правовых актов, которые касаются борьбы с какими-либо формами проявления организованной преступности или профилактических мер, относительно уже существующих, необходимо привлекать органы, на которые будет непосредственно возложено их выполнение. А именно, при разработке проектов указанных документов, направлять их к соответствующим службам или отделам, которые непосредственно работают в этом направлении, а именно Генеральной прокуратуре России, Министерству внутренних дел России и Федеральной службе безопасности России, с целью разработки и предоставления предложений. Также, считаем целесообразным, что разработка предложений, относительно внесения изменений в указанные проекты, должна проходить при коллегиальном рассмотрении, то есть при анализировании этих документов необходимо одновременное присутствие представителей всех вышеуказанных органов.

В качестве следующей меры противодействия можно выделить необходимость развивать практику привлечения к такой деятельности наиболее авторитетных представителей тех или иных народностей, вероисповеданием которого следуют участники отдельных формирований. Привлечение этих лиц должно иметь целью их обращения через средства массовой информации и проведения выступлений на любых митингах, собраниях и т. п., о невозможности сопровождения своих требований, достижения целей, какими-либо противозаконными мерами, особенно с применением оружия и кроме того, недопустимость создания вооруженных формирований, деятельность которых направлена непосредственно на осуществление данных мер. По нашему мнению, применение таких мероприятий является необходимым, в первую очередь, на территориях, на которых может возникать религиозное противостояние в каких-либо формах проявления. Следует отметить, что правоохранительные органы уже имеют опыт привлечения указанных лиц для урегулирования конфликтов, которые возникали на межнациональном уровне.

Необходимой мерой противодействия также является проведение выступлений в средствах массовой информации представителей правоохранительных органов, органов власти и местного самоуправления с целью указания о недопустимости создания и деятельности указанных формирований на территории России. Эти выступления должны акцентировать внимание на недопустимость создания и существования указанных объединений, с целью обеспечения общественной безопасно-

сти и в целом мира на территории нашего государства. Необходимо указывать о существовании уголовной ответственности за эти деяния, с указанием видов и размеров наказания, разъясняя при этом, за какие именно деяния предусмотрена ответственность в уголовном законе. Кроме того, в обращениях необходимо уделять внимание предусмотренной, в уголовном законодательстве, возможности освобождения от уголовной ответственности за эти деяния, с разъяснениями положений этого вида освобождения.

Кроме того, учитывая особенную общественную опасность таких объединений, целесообразным является назначение вознаграждения лицам, которые могут предоставить информацию, которая поможет предотвратить создание данных объединений, раскрыть и прекратить деятельность уже существующих, о чем сообщать в указанных выступлениях.

Следующей мерой является проведение тщательных проверок при регистрации и деятельности уже существующих общественных объединений, при которых особенное внимание необходимо уделять молодежным организациям, которые существуют на территории России. Эти меры являются целесообразными в связи с тем, что, некоторые авторы отмечают, что отдельные общественные организации, под своей эгидой создают данные формирования, с целью их привлечения, для отстаивания своих интересов незаконными способами. Деятельность таких общественных организаций, как это очевидно, носит большую общественную опасность, в соответствии с тем, что угрожает не только жизни и здоровью людей, собственности, нормальной деятельности предприятий, учреждений и организаций, но, в целом, создает угрозу для существования самого государства, поскольку в структуре общества действуют, завуалировав свою деятельность, указанные выше формирования.

Кроме того, необходимо повышать уровень развития и воспитания молодежи, с целью недопущения совершения ею, как преступлений в целом, так и ее склонности к влиянию различных организаций, деятельность которых направлена на совершение каких-либо противоправных действий. Необходимо повышать практику привлечения представителей правоохранительных органов для проведения в учебных заведениях занятий (бесед, семинаров, круглых столов и т.п.), направленных на осуществление указанных целей. Также, целесообразным является привлечение к проведению таких занятий представителей религиозных конфессий для разъяснения положений религии относительно совершения каких-либо проявлений преступного характера и прививания молодежи к выполнению не только требований нормативных правовых актов, но и положений религии. Кроме того, для проведения таких занятий необходимо привлекать психологов, для проведения тестов, тренингов и т.п., с целью выявления лиц склонных к девиантному поведению и проведения бесед с такими лицами, направленных на предоставление помощи и не допущение развития у них антисоциальных направлений поведения.

С целью предотвращения деятельностью указанных формирований целесообразным является применение профилактических мер, направленных на недопущение попадания огнестрельного оружия к этим объединениям. Для реализации данных мер необходимым условиям является изменение законодательства в сфере оборота оружия, которые должно выражаться в следующем: ужесточение требований относительно получения и продления разрешений на право приобретения и хранения оружия физическими лицами; ужесточение требований относительно получе-

ния юридическими лицами лицензий на право осуществления оборота оружия; ужесточение требований к процедурам уничтожения и реализации конфискованного и изъятого оружия; урегулирование вопроса добровольной возмездной сдачи оружия.

Правоохранительным органам, которые осуществляют деятельность в этой сфере необходимо разрабатывать эффективные стратегии надлежащего регулирования обращения огнестрельного оружия. Для осуществления этих мер необходимо уделять надлежащее внимание проведения компаний из повышения информированности общественности по вопросам регулирования обращения огнестрельного оружия, поскольку это, имеет не малозначительное значение для проведения вышеуказанных мероприятий. Кроме того, по нашему мнению, нецелесообразным является разработка законодательных положений, относительно разрешения свободного оборота огнестрельного оружия на территории нашего государства. Необходимо отметить, что на законодательном уровне уже не раз поднимался вопрос о предоставлении разрешения гражданам права на ношение короткоствольного нарезного огнестрельного оружия в целях самообороны (в 2011 г., в 2013 [2], однако указанные законопроекты отклонялись). Целесообразно отметить, что отдельные авторы также указывают о целесообразности и необходимости разрешения свободного оборота огнестрельного оружия на территории нашего государства [3, с. 9].

Также, с целью проведения мер, анализированию которых посвящена настоящая статья, правоохранительным органам необходимо налаживать и расширять связи с правоохранительными органами других стран относительно вопросов противодействия созданию и деятельности каких-либо форм организованной преступности, в том числе и незаконных вооруженных формирований.

На основании вышеуказанного, по нашему мнению, указанные выше меры противодействия созданию и прекращению деятельности уже существующих незаконных вооруженных формирований являются важными и крайне необходимыми для нашего государства.

Список литературы

1. Топильская Е. В. Организованная преступность / Е. В. Топильская. – СПб. : Издательство «Юридический центр Пресс», 1999. – 256 с.

2. О внесении изменений в Федеральный закон «Об оружии» (по вопросу разрешения гражданам России приобретать для целей самообороны нарезное короткоствольное оружие отечественного производства при условии владения огнестрельным гладкоствольным оружием более пяти лет : паспорт проекта Федерального закона № 302993-6). URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=PRJ&n=107519#07568871144949508 (дата обращения 28.08.2019). – Текст электронный.

3. Мелешко Г. С. Уголовно-правовые и криминологические проблемы противодействия незаконному обороту оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств (по материалам Ставропольского края): дис. … канд. юрид. наук /Г. С. Мелешко. – Саратов, 2004. – 182 с.

Obolenskiy Yu. B. Countering the creation of illegal armed formations/ Yu. B. Obolenskiy// Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2019. – T. 4 (72). № 4. – P. 183-187.

The article indicates the main, according to the author, measures to counteract the creation and activities of illegal armed groups. The necessity of involvement the relevant authorities, first of all, in the fight against organized crime, in the development of regulatory legal acts regulating measures to counter this phenomenon is stated. It is advisable to involve representatives of various faiths in order to appeal to the representatives of various nationalities through the mass media, as well as their appearance at any public meetings with explana-

tions of the provisions of religion on the inadmissibility of committing any illegal acts. It is necessary to increase the number of speeches of representatives of law enforcement bodies in the mass media of government bodies and local self-government in order to indicate the inadmissibility of the creation and activities of these groups in Russia, with an explanation of the provisions of the criminal law. The need to improve the legislation governing the circulation of weapons is also indicated.

Keywords: illegal armed group, organized crime, counteraction, firearms

Spisok literatury`

1. Topil`skaya E. V. Organizovannaya prestupnost` / E. V. Topil`skaya. – SPb. : Izdatel`stvo «Yuridicheskij centr Press», 1999. – 256 s.

2. O vnesenii izmenenij v Federal`ny`j zakon «Ob oruzhii» (po voprosu razresheniya grazhdanam Rossii priobretat` dlya celej samooborony` nareznoe korotkostvol`noe oruzhie otechestvennogo proizvodstva pri uslovii vladeniya ognestrel`ny`m gladkostvol`ny`m oruzhiem bolee pyati let : pasport proekta Federal`nogo zakona № 302993-6). URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=PRJ&n=107519#07568871144949508 (data obrashheniya 28.08.2019). – Tekst e`lektronny`j.

3. Meleshko G. S. Ugolovno-pravovy`e i kriminologicheskie problemy` protivodejstviya nezakonnomu oborotu oruzhiya, boepripasov, vzry`vchaty`x veshhestv i vzry`vny`x ustrojstv (po materialam Stavropol`skogo kraya): dis. … kand. yurid. nauk /G. S. Meleshko. – Saratov, 2004. – 182 s.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2019. – Т. 5 (71). № 4. – С. 188-196.

УДК 343.97

ИССЛЕДОВАНИЕ ЗАКОНА СПРОСА НА ТОВАРЫ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПО ЦЕНЕ ПО ДАННЫМ МВД УКРАИНЫ

Олькова О. А.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского

Цель статьи – показать, как работает закон спроса на товары преступления в зависимости от установленных на эти товары украинским государством цен. Научные результаты, полученные автором: 1) установлен закон спроса на товары преступления по цене для 2017 года; 2) установлен закон спроса на товары преступления по цене для 1985 года; 3) установлен закон спроса на товары преступления по цене для 2007 года; 4) установлен закон спроса на товары преступления по цене для 2010 года; 5) сделан общий вывод, что определение преступности как товара (услуги) профессором Ольковым С. Г. в 2017 году открывает новые возможности для объяснения, прогнозирования и управление данным социально-правовым явлением; 6) сделан общий вывод, что закон спроса на товар преступление вида: $Q = \alpha P^{-\beta}$, установленный профессором Ольковым С. Г. является фундаментальным и не связан временными и пространственными границами. Научная новизна: заключается во вновь полученных научных результатах. Практическая значимость заключается в возможности использования полученных научных результатов в развитии уголовно-правовой и криминологической теории, практике управления преступным поведением.

Ключевые слова: преступление, преступность, уголовное наказание, уголовное право, криминология, предупреждение преступлений, товар, спрос, предложение, кража, убийство, грабёж, разбой, мошенничество, угон.

До 2017 года проблема преступности как в отечественной, так в и зарубежной криминологии, рассматривалась изолировано от иных экономических явлений и процессов, что мешало её правильной постановке и решению соответствующих задач уголовной политики. В частности, в американской криминологической литературе «преступный акт – это социальный, хотя обычно недружелюбный акт, происходящий в социальном окружении и вовлеченный в культурные и структурные рамки общества» [1, с. 44]. Отсюда «криминология – это научное исследование преступности, как социального феномена (противопоставляемого, например, правовому или судебному феномену). Таким образом, преступность является предметом социологического интереса, поскольку она определена внутри социальной сферы, нарушает социальные нормы и вызывает социальный отклик» [1, с. 44].

В традициях отечественного уголовного права принято рассматривать преступление, как противоправное, общественно-опасное, виновное и наказуемое деяние, обладающее четырёхэлементным составом – объектом, объективной стороной, субъектом и субъективной стороной, откуда преступность – это структурированная сумма преступлений. В отечественной криминологии подчёркивается: «Содержание криминологии как науки – это исследование и оценка преступности, её изменений, региональных и социально-групповых различий; исследование и оценка процессов детерминации и причинности соответствующей преступности, её изменений и раз-

личий; разработка рекомендаций по борьбе с преступностью, как целостной системной деятельности, а также методологии и методики криминологических исследований» [2, с. 25].

В современном учебнике криминологии уральских авторов отмечается: «Обычно криминологами выделяются две генеральные цели науки криминологии: теоретическая и практическая. Теоретическая цель состоит в познании закономерностей преступности и разработке на данной основе научных моделей и концепций, формулировании гипотез, определения задач развития науки о преступности, а практическая цель выражается в выработке конкретных рекомендаций и конструктивных предложений по повышению степени эффективности противостояния преступности. Практическая цель, распадающаяся на целый ряд частных, промежуточных задач, прежде всего сводится к созданию действенной системы предупреждения преступных посягательств, которая позволяет своевременно обнаруживать и нейтрализовывать причины и условия преступности [3, с. 19].

Изложенный подход, во-первых, является описательным и малопродуктивным. Во-вторых, задаёт ошибочный вектор исследований. Неслучайно, в среде криминологов и специалистов в области уголовного права не стихают дискуссии о том, что такое преступление и преступность в криминологическом смысле, то есть исходные понятия данной отрасли знания.

В 2019 году была опубликована статья авторитетного российского криминолога Гилинского Я. И. «Преступность: что это? Кто виноват? Что делать?» [4, с. 6-13], где подчёркивалось, что современным криминологам пока не вполне ясна, как сущность «преступности», так и сущность «преступления». До этого им же была опубликована научная статья «Наказание как результат недомыслия» [5], в которой ставилась под сомнение ценность уголовных наказаний, как таковых.

Очевидно, что идеи Гилинского Я. И. лежат в русле определенных теоретических постулатов, заложенных еще в XVIII веке Чезаре Беккариа [6], и получивших поддержку в трудах итальянских и других авторов уже в XIX, XX и XXI веках. Отсюда же, кстати, и дискуссии о смертной казни, её полезности и вредности, к которым подключались и известные писатели, например, француз – Виктор Гюго, написавший произведение с названием «Последний день приговорённого к смерти» (Victor Hugo, *Le Dernier Jour d'un Condamné*). В результате в настоящее время во многих государствах мира данная мера уголовного наказания отменена или не применяется, способствуя совершению особо опасных преступлений, на что справедливо обращает внимание проф. Ольков С. Г. [7, с. 14-32].

К счастью, в настоящее время хотя бы в теории положение дел начинает меняться в лучшую сторону. В частности, опубликован ряд научных статей Олькова С. Г., раскрывающих сущность феномена преступности. В работе «О разъяснении природы уголовно-правовых отношений» он пишет: «Преступление – это специфический товар или услуга в чисто экономическом смысле. Например, в современной России перечень всех преступлений дан в Особенной части Уголовного кодекса. То есть перед нами витрина магазина, где описаны товары преступления – убийства, грабежи, разбои, изнасилования, мошенничество, угон и т.д., установлены на них цены, скажем в годах лишения свободы, рублях и других единицах измерения стоимости. Соответственно преступность – это простая сумма товаров и услуг данного класса, именуемого преступным» [8, с. 128-142].

Ключевым в данном случае является постулат: «Преступление – это специфический товар или услуга в чисто экономическом смысле». Необходимо четко уяснить, что это не фигура речи и не особый литературный прием, использованный для красного словца или привлечения внимания праздной публики. Отнюдь и, напротив, в данном случае используется точно выверенная научная терминология, хотя и новая для криминологии, но давно и широко применяемая как в теории, так и на практике экономистами. Не надо путать метафору и основополагающее научное экономическое понятие. Определяя преступление, как товар нужно понимать, что преступлению, как товару (в научном экономическом, а не бытовом смысле) присущи строго определенные свойства и оно (преступление, как экономическое явление) подчиняется строго определенным научным, математически и эмпирически обоснованным и доказанным законам и закономерностям.

Один из таких законов – закон спроса на товары преступления по цене – в своей работе проф. Ольков С. Г. строго доказывает по эмпирическим данным: «Очевидно, что для разных временных периодов, разных государств, разной структуры преступности, то есть разных социальных условий, детерминирующих преступность, параметры уравнений спроса и предложения будут различаться, но функции спроса и предложения по цене преступлений будут иметь типичную форму: $\hat{Q} = \alpha P^{-\beta}$, где и α и β – параметры, крышка над Q – показатель оценки. Мы также видим, что число преступлений положительно и функционально зависит от численности народонаселения, что явно подтверждает гипотезу: преступление – товар. Сильное сдерживающее воздействие на число преступлений оказывает строгость уголовных наказаний (цена преступлений), и небольшой сдерживающий эффект имеет судимость населения с лагом в один год» [8, с. 137] (имеется в виду, что сдерживающий эффект на преступность в текущем году, оказывает количество осужденных в предыдущем году). Применительно к Российской Федерации за 2018 год данный закон «описывается уравнением: $\widehat{LnQ} = 13{,}9887 - 2{,}07838 \cdot LnP$, которое интерпретируется следующим образом: если цена преступления возрастает на 1 процентный пункт, то число преступлений в среднем снижается на 2,078 процентных пункта» [8, С. 131].

Очевидно, что заявление проф. Олькова С. Г. об отсутствии временных и пространственных границ действия закона спроса на товары преступления по цене нуждается в проверке, в частности, на эмпирических данных по иным государствам, поскольку проф. Ольков С. Г. проводил корреляционно-регрессионный анализ только по эмпирическим данным за 2017 и 2018 годы по Российской Федерации [8, с. 131-133]. Здесь же будет проведена проверка закона спроса на товары преступления по цене по официальным статистическим данным украинского государства за ряд лет. То есть будет проверяться гипотеза о том, что между ценой преступлений и их приобретаемым количеством существует обратная связь, описываемая уравнением: $\hat{Q} = \alpha P^{-\beta}$.

В представленном исследовании алгоритм получения научных результатов подробно не расписывается, но желающие ознакомиться с ним могут обратиться к вводной части статьи профессора Олькова С. Г. «Установление фундаментальных физических законов спроса и предложения товара «преступление», цены преступ-

лений, напряжения и мощности в социальных системах» [9, с. 265-269], где в качестве примера подробно расписано её решение.

Далее представлена таблица 1, содержащая первичные статистические данные по структуре преступности в Украине с 2005 по 2011 годы [11,12].

Таблица 1

№	Вид преступления	П (цена преступления), лет лишения свободы[13]	Зарегистрировано шт.						
			2005г.	**2006г.**	**2007г.**	**2008г.**	**2009 г.**	**2010г.**	**2011г.**
1	Умышленное убийство	15 (п. 1, ст. 115 УКУ)	3315	3220	2906	2707	2478	2356	2506
2	Умышленное тяжкое телесное повреждение	8 (п. 1, ст. 121 УКУ)	5698	5283	5486	5055	4141	3777	3441
3	Кража	3 (п. 1, ст. 185 УКУ)	184823	131174	113984	110493	175876	254755	277598
4	Грабеж	4 (п. 1, ст. 186 УКУ)	47050	41657	32266	26927	27598	23300	22966
5	Разбой	7 (п. 1, ст. 187 УКУ)	6707	6464	5716	4984	5103	4029	3715
6	Мошенничество	3 (п. 2, ст. 190 УКУ)	18331	16160	15354	14693	23219	24879	24058
7	Незаконное завладение транспортным средством	5 (п. 1, ст. 289 УКУ)	8207	7081	6806	5793	5184	4278	4682
8	Всего преступлений	По всем составам УКУ	485725	420900	401293	384424	497555	566928	578000
9	Удельный вес указанных составов в структуре общей преступности		**56,44 %**	**50,1%**	**45,5%**	**44,4%**	**49%**	**56%**	**58,64 %**

Для проверки гипотезы о том, что между ценой преступлений и их приобретаемым количеством существует нелинейная обратная связь, применим двойную логарифмическую модель.

Для 2005 года получаем нижеследующее уравнение спроса на товар преступление в Украине:

$$Ln\widehat{Q}_{2005} = 12{,}9532 - 1{,}9613 LnP$$

(1,36) (0,65)

Дадим интерпретацию результата: если цена преступлений увеличится на 1 %, то спрос на товар преступление в среднем уменьшится на 1,96 %.

Уравнение в целом является статистически значимым, о чем свидетельствует F-статистика Фишера (1, 5)=9,139, p-значение для F=0,029<0,05; коэффициент детерминации R^2=0,66, который показывает, что 66% вариации зависимой переменной (преступности) объясняется вариацией независимой переменной (цена преступлений). Коэффициент корреляции $r = \sqrt{0{,}66} = -0{,}8124$ (знак минус, поскольку коэффициент регрессии отрицательный). Коэффициент корреляции показывает, что связь между переменными отрицательная и сильная, потому что коэффициент корреляции превышает $|0{,}7|$. Коэффициент регрессии статистически значим на 5% уровне значимости (т.е. с вероятностью 95 % можно утверждать, что коэффициент значим), а константа значима на 1% уровне значимости (т.е. с вероятностью 99 % можно утверждать, что коэффициент значим).

Далее на рисунке 1 представлен график функции спроса на товар преступление по цене в Украине в 2005 году.

Рисунок № 1

Вывод: гипотеза о том, что между ценой преступлений и их приобретаемым количеством существует нелинейная обратная связь, подтверждается.

Для 2006 года получаем нижеследующее уравнение спроса на товар преступление в Украине:

$$Ln\tilde{Q}_{2006} = 12{,}6033 - 1{,}8298 LnP$$

(1,242) (0,59)

Дадим интерпретацию результата: если цена преступлений увеличится на 1 %, то спрос на товар преступление в среднем уменьшится на 1,83 %.

Уравнение в целом является статистически значимым, о чем свидетельствует F-статистика Фишера (1, 5)=9,54, p-значение для F=0,027<0,05; коэффициент детерминации R^2=0,66, который показывает, что 66% вариации зависимой переменной (преступности) объясняется вариацией независимой переменной (цена преступлений). Коэффициент корреляции $r = \sqrt{0{,}66} = -0{,}8124$ (знак минус, поскольку коэффициент регрессии отрицательный). Коэффициент корреляции показывает, что

связь между переменными отрицательная и сильная, потому что коэффициент корреляции превышает $|0,7|$. Коэффициент регрессии статистически значим на 5% уровне значимости (т.е. с вероятностью 95 % можно утверждать, что коэффициент значим), а константа значима на 1% уровне значимости (т.е. с вероятностью 99 % можно утверждать, что коэффициент значим).

Вывод: гипотеза о том, что между ценой преступлений и их приобретаемым количеством существует нелинейная обратная связь, подтверждается.

Для 2007 года получаем нижеследующее уравнение спроса на товар преступление в Украине:

$$Ln\widehat{Q}_{2007} = 12,4387 - 1,7897LnP$$

(1,17) (0,56)

Дадим интерпретацию результата: если цена преступлений увеличится на 1 %, то спрос на товар преступление в среднем уменьшится на 1,79 %.

Уравнение в целом является статистически значимым, о чем свидетельствует F-статистика Фишера (1, 5)=9,139, p-значение для F=0,029<0,05; коэффициент детерминации R^2=0,684, который показывает, что 68% вариации зависимой переменной (преступности) объясняется вариацией независимой переменной (цена преступлений). Коэффициент корреляции $r = \sqrt{0,684} = -0,827$ (знак минус, поскольку коэффициент регрессии отрицательный). Коэффициент корреляции показывает, что связь между переменными отрицательная и сильная, потому что коэффициент корреляции превышает $|0,7|$. Коэффициент регрессии статистически значим на 5% уровне значимости (т.е. с вероятностью 95 % можно утверждать, что коэффициент значим), а константа значима на 1% уровне значимости (т.е. с вероятностью 99 % можно утверждать, что коэффициент значим).

Вывод: гипотеза о том, что между ценой преступлений и их приобретаемым количеством существует нелинейная обратная связь, подтверждается.

Для 2008 года получаем нижеследующее уравнение спроса на товар преступление в Украине:

$$Ln\widehat{Q}_{2008} = 12,3519 - 1,798LnP$$

(1,19) (0,57)

Дадим интерпретацию результата: если цена преступлений увеличится на 1 %, то спрос на товар преступление в среднем уменьшится на 1,8 %.

Уравнение в целом является статистически значимым, о чем свидетельствует F-статистика Фишера (1, 5)=9,8363, p-значение для F=0,025<0,05; коэффициент детерминации R^2=0,675, который показывает, что 68% вариации зависимой переменной (преступности) объясняется вариацией независимой переменной (цена преступлений). Коэффициент корреляции $r = \sqrt{0,675} = -0,821$ (знак минус, поскольку коэффициент регрессии отрицательный). Коэффициент корреляции показывает, что связь между переменными отрицательная и сильная, потому что коэффициент корреляции превышает $|0,7|$. Коэффициент регрессии статистически значим на 5% уровне значимости (т.е. с вероятностью 95 % можно утверждать, что коэффициент значим), а константа значима на 1% уровне значимости (т.е. с вероятностью 99 % можно утверждать, что коэффициент значим).

Вывод: гипотеза о том, что между ценой преступлений и их приобретаемым количеством существует нелинейная обратная связь, подтверждается.

Для 2009 года получаем нижеследующее уравнение спроса на товар преступление в Украине:

$$Ln\hat{Q}_{2009} = 13{,}0265 - 2{,}146LnP$$

(1,17) (0,56)

Дадим интерпретацию результата: если цена преступлений увеличится на 1 %, то спрос на товар преступление в среднем уменьшится на 2,146 %.

Уравнение в целом является статистически значимым, о чем свидетельствует F-статистика Фишера (1, 5)=911,01, p-значение для F=0,021<0,05; коэффициент детерминации R^2=0,7, который показывает, что 70% вариации зависимой переменной (преступности) объясняется вариацией независимой переменной (цена преступлений). Коэффициент корреляции $r = \sqrt{0{,}7} = -0{,}84$ (знак минус, поскольку коэффициент регрессии отрицательный). Коэффициент корреляции показывает, что связь между переменными отрицательная и сильная, потому что коэффициент корреляции превышает $|0{,}7|$. Коэффициент регрессии статистически значим на 5% уровне значимости (т.е. с вероятностью 95 % можно утверждать, что коэффициент значим), а константа значима на 1% уровне значимости (т.е. с вероятностью 99 % можно утверждать, что коэффициент значим).

Вывод: гипотеза о том, что между ценой преступлений и их приобретаемым количеством существует нелинейная обратная связь, подтверждается.

Для 2010 года получаем нижеследующее уравнение спроса на товар преступление в Украине:

$$Ln\hat{Q}_{2010} = 13{,}2632 - 2{,}3102LnP$$

(1,5584) (0,7809)

Дадим интерпретацию результата: если цена преступлений увеличится на 1 %, то спрос на товар преступление в среднем уменьшится на 2,31 %.

Уравнение в целом является статистически значимым, о чем свидетельствует F-статистика Фишера (1, 5)=8,75, p-значение для F=0,031<0,05; коэффициент детерминации R^2=0,66, который показывает, что 66% вариации зависимой переменной (преступности) объясняется вариацией независимой переменной (цена преступлений). Коэффициент корреляции $r = \sqrt{0{,}66} = -0{,}8124$ (знак минус, поскольку коэффициент регрессии отрицательный). Коэффициент корреляции показывает, что связь между переменными отрицательная и сильная, потому что коэффициент корреляции превышает $|0{,}7|$. Коэффициент регрессии статистически значим на 5% уровне значимости (т.е. с вероятностью 95 % можно утверждать, что коэффициент значим), а константа значима на 1% уровне значимости (т.е. с вероятностью 99 % можно утверждать, что коэффициент значим).

Вывод: гипотеза о том, что между ценой преступлений и их приобретаемым количеством существует нелинейная обратная связь, подтверждается.

Для 2011 года получаем нижеследующее уравнение спроса на товар преступление в Украине:

$$Ln\hat{Q}_{2011} = 13{,}2889 - 2{,}324LnP$$

(1,637) (0,83)

Дадим интерпретацию результата: если цена преступлений увеличится на 1 %, то спрос на товар преступление в среднем уменьшится на 1,79 %.

Уравнение в целом является статистически значимым, о чем свидетельствует F-статистика Фишера (1, 5)=7,81, p-значение для F=0,038<0,05; коэффициент детерминации R^2=0,65, который показывает, что 65% вариации зависимой переменной (преступности) объясняется вариацией независимой переменной (цена преступлений). Коэффициент корреляции $r = \sqrt{0{,}65} = -0{,}8$ (знак минус, поскольку коэффициент регрессии отрицательный). Коэффициент корреляции показывает, что связь между переменными отрицательная и сильная, потому что коэффициент корреляции превышает $|0{,}7|$. Коэффициент регрессии статистически значим на 5% уровне значимости (т.е. с вероятностью 95 % можно утверждать, что коэффициент значим), а константа значима на 1% уровне значимости (т.е. с вероятностью 99 % можно утверждать, что коэффициент значим).

Вывод: гипотеза о том, что между ценой преступлений и их приобретаемым количеством существует нелинейная обратная связь, подтверждается.

Таким образом, доказано, что спрос на товары преступления по цене в Украине за период с 2005 по 2011 гг. описывается уравнением вида: $Q = \frac{\alpha}{P^{\beta}}$, где α и β – параметры, получаемые по эмпирическим данным, Q – количество зарегистрированных преступлений в штуках, P – цена товаров преступлений в годах лишения свободы, т.е. количество преступлений является обратной функцией от цены, установленной на эти преступления.

Список литературы

1. Шели Дж. Ф. Криминология/ Под ред. Дж. Ф. Шели/ Пер. с англ. – Спб.: Питер, 2003. – 864 с.

2. Криминология: Учебник для вузов / Под общ. ред. д.ю.н., проф. А. И. Долговой. – 3-е изд. Перераб. и доп. – М. : Норма, 2007. – 912 с.

3. Криминология : учебник и практикум для бакалавриата и специалитета / И. Я.Козаченко, К. В. Корсаков. – М. : Издательство Юрайт, 2018. – 277 с.

4. Гилинский Я. И. Преступность: что это? Кто виноват? Что делать? / Я. И. Гилинский // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2019. – № 1(35). – С. 6-13.

5. Гилинский Я. И. Наказание как результат недомыслия / Я. И. Гилинский. URL: http://index.org.ru/nevol/2017-52/04-52-gilinski.html (дата обращения: 3.10.2019). – Текст электронный.

6. Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях / Ч. Беккариа. – М. : НИЦ ИНФРА-М, 2016. – 184 с.

7. Ольков С. Г. Доказательство закона возрастающей предельной полезности уголовных наказаний и инверсии субъекта в функциях совокупной и предельной полезности этих наказаний. Закона спроса и предложения преступности / С. Г. Ольков// Известия высших учебных заведений. Уральский регион. – 2017. – №3. – С. 14-32.

8. Ольков С. Г. О разъяснении природы уголовно-правовых отношений / С. Г. Ольков // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2019. – Т. 10, N 2. – С. 128-142.

9. Ольков С. Г. Установление фундаментальных физических законов спроса и предложения товара «преступление», цены преступлений, напряжения и мощности в социальных системах / С. Г. Ольков // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2019. – Т. 10, N 3. – С. 264-276.

10. Олькова О.А. Сравнительный анализ преступности в России и Украине в советский и постсоветский период (1960-2013 годы): монография / О. А. Олькова /Под ред. лауреата Государственной премии РФ, докт. юрид. наук, проф. Лунеева В. В. – М. : Юрлитинформ, 2014. – 224с.

11. Государственная служба статистики Украины// Официальный сайт. URL: http://www.ukrstat.gov.ua/ (дата обращения: 05.02.2012г.). – Текст электронный.

12. Министерство внутренних дел Украины// Официальный сайт. URL: http://mvs.gov.ua/ (дата обращения: 05.02.2012г.). – Текст электронный.

13. Уголовный кодекс Украины от 1 сентября 2001 // Ведомости Верховной Рады Украины. – 2001. – N 25-26. – Ст. 131.

Olkova O. A. Study of the law of demand for goods crime by price according to the Ministry of internal Affairs of Ukraine / O. A. Olkova // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2019. – T. 4 (72). № 4. – P. 188-196.

The purpose of the article is to show how the law of demand for goods «crimes» works, depending on the prices set for these goods «crimes» by the Ukrainian state. Scientific methods: 1) observation; 2) deduction; 3) the use of the laws of formal logic; 4) comparative analysis; 5) formal legal; 6) correlation and regression analysis; 7) the use of double logarithmic model. Scientific results obtained by the author: 1) established the law of demand for goods «crimes» at the price of goods «crimes» for 2017; 2) established the law of demand for goods «crimes» at price for 1985; 3) established the law of demand for goods «crimes» by price for 2007; 4) established the law of demand for goods «crimes» at the price for 2010; 5) the General conclusion is made that the definition of crime as a good (service) by Professor S. G. Olkov in 2017 opens up new opportunities to explain, predict and manage this social and legal phenomenon; 6) the General conclusion is made that the law of demand for goods of the following form: Q=αP^(-β), established by Professor S. G. Olkov, is fundamental and is not connected by temporal and spatial boundaries. Scientific novelty: lies in the newly obtained scientific results. Practical significance lies in the possibility of using the obtained scientific results in the development of criminal legal and criminological theory, practice of criminal behaviour management.

Keywords: crime, crime, criminal penalty, criminal law, criminology, prevention of crimes, goods, demand, offer, theft, murder, robbery, robbery, fraud, stealing.

Spisok literatury`

1. Sheli Dzh. F. Kriminologiya/ Pod red. Dzh. F. Sheli/ Per. s angl. – Spb.: Piter, 2003. – 864 s.

2. Kriminologiya: Uchebnik dlya vuzov / Pod obshh. red. d.yu.n., prof. A. I. Dolgovoj. – 3-e izd. Pererab. i dop. – M. : Norma, 2007. – 912 s.

3. Kriminologiya : uchebnik i praktikum dlya bakalavriata i specialiteta / I. Ya.Kozachenko, K. V. Korsakov. – M. : Izdatel`stvo Yurajt, 2018. – 277 s.

4. Gilinskij Ya. I. Prestupnost`: chto e`to? Kto vinovat? Chto delat`? / Ya. I. Gilinskij // Vestnik Kazanskogo yuridi-cheskogo instituta MVD Rossii. – 2019. – № 1(35). – S. 6-13.

5. Gilinskij Ya. I. Nakazanie kak rezul`tat nedomy`sliya / Ya. I. Gilinskij. URL: http://index.org.ru/nevol/2017-52/04-52-gilinski.html (data obrashheniya: 3.10.2019). – Tekst e`lektronny`j.

6. Bekkaria Ch. O prestupleniyax i nakazaniyax / Ch. Bekkaria. – M. : NICz INFRA-M, 2016. - 184 s.

7. Ol`kov S. G. Dokazatel`stvo zakona vozrastayushhej predel`noj poleznosti ugolovny`x nakazanij i inversii sub``-ekta v funkciyax sovokupnoj i predel`noj poleznosti e`tix nakazanij. Zakona sprosa i predlozheniya prestupnosti / S. G. Ol`kov// Izvestiya vy`sshix uchebny`x zavedenij. Ural`skij region. – 2017. – №3. – S. 14-32.

8. Ol`kov S. G. O raz``yasnenii prirody` ugolovno-pravovy`x otnoshenij / S. G. Ol`kov // Vestnik Kazanskogo yuridi-cheskogo instituta MVD Rossii. – 2019. – T. 10, N 2. – S. 128-142.

9. Ol`kov S. G. Ustanovlenie fundamental`ny`x fizicheskix zakonov sprosa i predlozheniya tovara «prestuplenie», ceny` prestuplenij, napryazheniya i moshhnosti v social`ny`x sistemax / S. G. Ol`kov // Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. – 2019. – T. 10, N 3. – S. 264-276.

10. Ol`kova O.A. Sravnitel`ny`j analiz prestupnosti v Rossii i Ukraine v sovetskij i postsovetskij period (1960-2013 gody`): monografiya / O. A. Ol`kova /Pod red. laureata Gosudarstvennoj premii RF, dokt. yurid. nauk, prof. Luneeva V. V. – M. : Yurlitinform, 2014. – 224s.

11. Gosudarstvennaya sluzhba statistiki Ukrainy`// Oficial`ny`j sajt. URL: http://www.ukrstat.gov.ua/ (data obra-shheniya: 05.02.2012g.). – Tekst e`lektronny`j.

12. Ministerstvo vnutrennix del Ukrainy`// Oficial`ny`j sajt. URL: http://mvs.gov.ua/ (data obrashheniya: 05.02.2012g.). – Tekst e`lektronny`j.

13. Ugolovny`j kodeks Ukrainy` ot 1 sentyabrya 2001 // Vedomosti Verxovnoj Rady` Ukrainy`. – 2001. – N 25-26. – St. 131.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2019. – Т. 5 (71). № 4. – С. 197-214.

УДК 34.01

ЗАКОНЫ СПРОСА БЛАГО- И ЗЛОДЕЯНИЙ В СВЯЗИ С ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТЬЮ И ЗАКОНОМ ДОБРА И ЗЛА

Ольков С. Г.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского

Цель статьи – показать законы спроса на благо- и злодеяния в зависимости от фундаментальных законов юридической ответственности - законов убывающей и возрастающей предельной полезности, и построение математических моделей юридической ответственности с учетом закона добра и зла, обеспечивающих снижение спроса на товары правонарушения и повышение спроса на товары благодеяния. Доказано, что цена злодеяния обладает отрицательной полезностью, а благодеяния положительной.

Научные результаты, полученные автором: 1) показано, что закон убывающей предельной полезности, действующий применительно к благодеяниям, ведёт к снижению спроса на благодеяния; 2) показано, что закон возрастающей предельной полезности, действующий применительно к злодеяниям, ведёт к увеличению спроса на злодеяния; 3) показано, что рост цены благодеяний увеличивает на них спрос; 4) показано, что увеличение цены злодеяний снижает на них спрос; 5) с учетом закона добра и зла, а также закона Гаусса-Лапласа построены на плоскости и в трёхмерном пространстве математические модели юридической ответственности, практическое применение которых ведёт к повышению спроса на благодеяния и понижению спроса на злодеяния; 6) получено общее решение дифференциального уравнения, связывающего свободу (полезность) с переменными общественного и личного интереса.

Научная новизна: заключается во вновь полученных научных результатах. Практическая значимость заключается в возможности использования полученных научных результатов в развитии уголовно-правовой и криминологической теории, практике управления преступным поведением.

Ключевые слова: злодеяние, благодеяние, правонарушение, преступление, поощрение, наказание, юридическая ответственность, позитивная юридическая ответственность, негативная юридическая ответственность, цена, спрос, полезность, убывающая полезность, возрастающая полезность, эластичность.

Данное исследование продолжает серию работ по совершенствованию математической модели юридической ответственности, представленной мной еще в конце 90-х годов XX столетия, и подробно описанной в 2003 году [1, с. 196-204], и её приложений, включая законы спроса на благодеяния и злодеяния.

Юридическая ответственность (ЮО) – это поощрения и наказания, то есть цены благодеяний и злодеяний. Говоря более развернуто, ЮО – это государственное реагирование на деяния субъектов правовых отношений, то есть благодеяния и злодеяния, выражающееся соответственно в поощрениях (награждении) и наказаниях. Государство устанавливает соответствующие цены, и вводит процессуальные правила о поощрениях и наказаниях.

Так, в России имеются государственные и ведомственные награды, вводятся поощрения в Трудовом кодексе РФ. В УК РФ дан исчерпывающий перечень злодеяний – преступлений. В УПК РФ расписана процедура привлечения к уголовной

ответственности, а в УИК РФ процедура исполнения уголовных наказаний. Имеется Кодекс об административных правонарушениях, а в Трудовом кодексе установлены санкции за дисциплинарные проступки. Имеется законодательство субъектов РФ об административных правонарушениях. Кроме того, вопросы поощрений и наказаний устанавливаются различными ведомствами, судебными и правоохранительными структурами. Например, вопросы поощрений и наказаний сотрудников органов внутренних дел рассматриваются в Федеральном законе «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 30.11.2011 N 342-ФЗ, где имеется глава седьмая «Служебная дисциплина в органах внутренних дел». В статье 48 дан перечень поощрений, а в статье 50 – перечень наказаний. Поскольку такой перечень дан без привязки к конкретным благодеяниям и злодеяниям, постольку имеем выделенные не конкретизированные поощрения и наказания. Феномен выделенных не конкретизированных санкций был впервые описан мной в кандидатской диссертации: «Типичные уголовно-процессуальные правонарушения конституционных прав граждан (по материалам следственных органов МВД СССР» [3, с. 245].

Математическая функция ЮО может быть задана в любой известной системе координат, например, аффинной (косоугольной) (от лат. *affinis* «соприкасающийся, близкий, смежный»), полярной или цилиндрической. Удобно представить ЮО линейной или нелинейной функцией на плоскости ***X0Y*** в прямоугольной декартовой системе координат правой ориентации, где *X* – ось абсцисс, на которой расположено бесконечное множество деяний субъектов правовых отношений в удобных единицах измерения, например, баллах или ибах – исходных баллах, а *Y* – ось ординат, по которой расположены оценки деяний субъектов правовых отношений в удобных единицах измерения, например, обах – оценочных баллах.

В начале отсчёта – на пересечении координатных осей расположено нейтральное (нулевое) деяние, за которое нельзя поощрить и наказать субъекта правовых отношений. Точнее говоря, наказать и поощрить можно, но только в случае допущения ошибки.

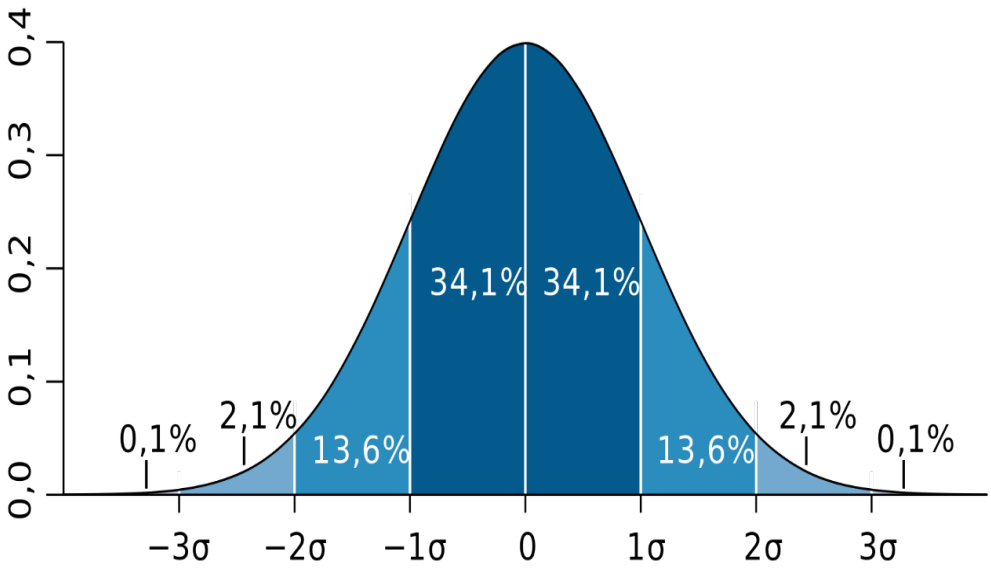
Вообще говоря, оценочная плоскость – это простейший способ представления ЮО научными средствами. Более сложная модель – трёхмерное пространство ***X0HY***, то есть оценочная поверхность. Такие поверхности удобно задавать отдельно по позитивной и негативной ЮО, чтобы использовать только первый октант восьмиоктантной прямоугольной системы координат правой ориентации, хотя, естественно, уместно это делать, объединяя виды ответственности, и с полноценным использованием всей восьмиоктантной системы. Тогда ПЮО (***y***) задаём как функцию от двух переменных – 1) благодеяний (***x***); 2) свойств или характеристик личности поощряемого физического лица (***h***). Аналогично, говоря о НЮО, задаём её как функцию от двух переменных: 1) общественной опасности (вредности) злодеяния (***x***); 2) характеристики личности физического лица, совершившего злодеяние (***h***).

Вернемся пока к простейшей модели ЮО на плоскости. Она удобна тем, что здесь представлены, как ПЮО, так и НЮО. Задать ЮО на плоскости *X0Y* нужно функцией $y = f(x)$, где *y* – переменная оценок в обах – зависимая переменная в оценочных баллах, а *x* – переменная деяний выраженная в ибах (исходных баллах) – аргумент функции, ***f*** – правило, связывающее переменные модели. Задать правило

удобно в виде линейной модели: $y = a + bx$, где a=0, b=1, то есть как уравнение в явном виде: $y = x$, или неявном виде: $y - x = 0$. Недостатком такой модели ЮО будет стабильная прямая пропорциональность величины поощрения и наказания от величины деяния. Если деяние меняется на единицу измерения, то оценка меняется строго на величину b. То есть первая производная от функции ЮО: $(x)' = 1$.

С учетом вероятностного закона распределения деяний субъектов правовых отношений, а это закон *Гаусса-Лапласа*, или закон нормального распределения, правило, связывающее переменные модели, может быть задано кубической функцией: $y = x^3$ или при записи в неявном виде: $y - x^3 = 0$. Данная кубическая функция естественно нечётная (симметрична относительно начала координат) и интересна тем, что в окрестности точки О (0; 0) она практически линейна, и начинает быстро «сваливаться» по «хвостам», что учитывает, как количество деяний под графиком плотности нормального распределения (в границах первой сигмы около 70% всех деяний) (точный график плотности нормального распределения показан на рисунке ниже), так и их качественные характеристики, то есть более сильное сдерживание особо опасных злодеяний и стимулирование особо ценных благодеяний в отличие от менее значимых.

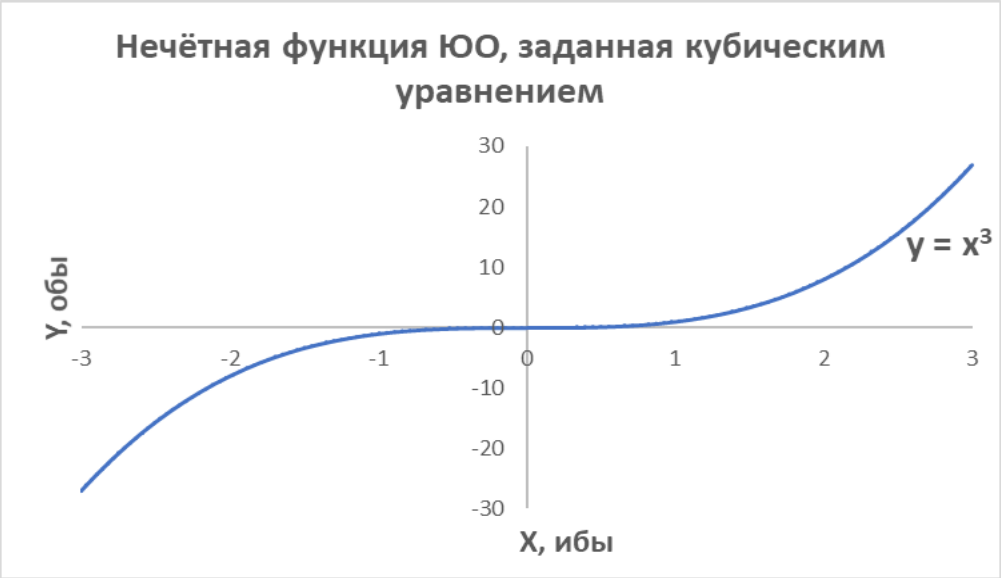
Рисунок №1.
График плотности вероятности нормального распределения и процент попадания случайной величины на отрезки, равные среднеквадратическому отклонению

При этом и наклон кривой в окрестности начала координат меньше единицы, что учитывает закон возрастающей предельной полезности уголовных и иных наказаний, раскрывающий сущность общей и специальной превенции правонарушений наказаниями. То есть в данном случае ЮО не сбивает планку страха перед серьезными уголовными наказаниями у большого количества субъектов правоотношений – потенциальных преступников.

С учетом правила трёх сигм область определения данной функции: $Df \in [-3;3]$, а область значений $Ef \in [-27;27]$.

Рисунок № 2.
Нечётная функция ЮО, заданная кубическим уравнением: $y = x^3$

Первая производная от первообразной (интегральной) функции: $y = x^3$ соответственно нелинейная: $\frac{dy}{dx} = 3x^2$ показывает скорость изменения первообразной функции. При x<1, то есть в пределах первой сигмы, данная функция изменяется медленно и незначительно, а во торой и третьей сигмах она начинает быстро расти, подавляя особо негативное поведение, и стимулируя особо позитивное.

Длина дуги кривой для функции $y = x^3$ определятся по формуле: $dS = \int_{-3}^{3} \sqrt{1 + \left(\frac{dy}{dx}\right)^2}\, dx = \int_{-3}^{3} \sqrt{1 + (3x^2)^2}\, dx$ =55 точек длины. Если бы мы пользовались линейной функцией ЮО с той же областью определения, то имели: $\int_{-3}^{3} \sqrt{1 + \left(\frac{dy}{dx}\right)^2}\, dx = \int_{-3}^{3} \sqrt{1 + 1^2}\, dx$ =8 точек длины, а это в 6,875 раза короче или короче на 687,5%.

Ясно, что нелинейная модель ЮО дает возможность дифференциации юридической ответственности (индивидуализации поощрений и наказаний) в $\frac{55}{8} = 6{,}875$ раз или на 688% больше.

Первая производная $\frac{dy}{dx} = 3x^2$ равна нулю только в точке x=0: $\frac{dy}{dx} = 3x^2 = 3 \cdot 0^2 = 0$. Следовательно, стационарная точка x=0, но после прохождения этой точки первообразная не меняет знак, а остается строго положительной. Поэтому в стационарной точке нет экстремума – нет ни минимума, ни максимума функции.

Вторая производная от функции $y = x^3$ даёт $\frac{d^2y}{dx^2} = 6x$, и она меняет знак с минуса на плюс после прохождения точки перегиба (x=0) или в терминах теории юридической ответственности – точки нейтрального поведения. Это значит, что первообразная функция – функция юридической ответственности меняет выпуклость на вогнутость. До точки перегиба функция выпукла, а после её прохождения вогнута. То есть, приближаясь к нулю функция ЮО замедляется, а, удаляясь вправо от нуля, начинает с положительным ускорением расти.

Поскольку свойства выпуклости и вогнутости чрезвычайно важны в анализе юридической ответственности кратко сформулируем необходимое и достаточное условие выпуклости/вогнутости функции. Здесь важны три понятия: 1) выпуклость функции $y = f(x)$; 2) вогнутость функции $y = f(x)$; 3) точка перегиба функции $y = f(x)$. Говоря о юридической ответственности, имеем дело с функцией: $y = f(x) = x^3$, на примере которой и будем давать пояснения. Отметим, что линейные функции не обладают свойствами вогнутости и выпуклости, поскольку не имеют второй производной, благодаря которой собственно и появляются свойства выпуклости и вогнутости, характеризующие отрицательное и положительное ускорение движения, описываемого нелинейными функциями (можно сказать и по-другому, что они одновременно и выпуклы, и вогнуты).

В точке перегиба $x_0 = 0$ функции $y = x^3$ вторая производная этой первообразной функции равняется нулю: $\frac{d^2y}{dx^2} = 6x = 6 \cdot 0 = 0$. До точки перегиба функция $y = x^3$ выпукла, поскольку её вторая производная меньше нуля: $\frac{d^2y}{dx^2} < 0$, то есть скорость функции замедляется – ускорение отрицательное, характеризующее торможение. Действительно, умножая на отрицательный икс, всегда получаем $\frac{d^2y}{dx^2} < 0$ вплоть до точки перегиба, где скорость перестает изменяться. Справа от точки перегиба вторая производная положительна $\frac{d^2y}{dx^2} > 0$, и это значит, что ускорение движения увеличивается с ростом аргумента функции. Действительно, умножая константу 6 из нашего примера на возрастающие значения аргумента получаем всё более высокие значения второй производной. Это значит, что функция справа от точки перегиба стала вогнутой.

Графически выпуклость и вогнутость, по крайней мере дважды дифференцируемых функций, можно определять с помощью касательных и/или хорд, а аналитически с помощью вторых производных. Для функции $y = x^3$ по графику видно, что в области её определения от минус бесконечности до нуля функция выпукла, ибо график функции лежит ниже любой касательной к нему, и выше любой хорды. Напротив, в области определения данной функции от нуля до плюс бесконечности график первообразной функции расположен выше любой касательной к нему, и ниже любой хорды, а это значит, что здесь функция вогнута.

В точке перегиба вторая производная меняет знак, а, следовательно, выпуклость меняется на вогнутость или наоборот. Строго говоря, если в точке x_0 имеет место перегиб графика функции $y = f(x)$, то вторая производная $\frac{d^2y}{dx^2} = 0$ либо не существует (необходимое условие перегиба). Если при после прохождения точки x_0

вторая производная меняет знак, то в данной точке существует перегиб (достаточное условие перегиба функции).

Определенный интерес при анализе функции юридической ответственности имеют такие понятия математического анализа, как кривизна функции и радиус кривизны функции.

Для функции ЮО кривизна первообразной в точке x=0 определяется по формуле: $K = \frac{y''}{(1+y'^2)^{\frac{3}{2}}} = \frac{6x}{(1+(3x^2)^2)^{\frac{3}{2}}} = \frac{6\cdot 0}{(1+(3\cdot 0^2)^2)^{\frac{3}{2}}} = 0$. Отсюда и радиус кривизны функции: $R = \frac{(1+y'^2)^{\frac{3}{2}}}{y''}$ в точке x=0 не существует, поскольку на нуль делить нельзя.

На плоскости ***X0Y*** в первом квадранте декартовой системы координат правой ориентации расположено поле ПЮО – позитивной юридической ответственности, поскольку любая координата здесь означает положительное деяние – благодеяние и его положительную оценку. Целевая оптимизационная задача ПЮО – максимизация количества благодеяний, с одной стороны, и максимизация собственно функции ПЮО. Но функция ПЮО задана на плоскости ***X0Y*** либо уравнением $y = x$, либо уравнением $y = x^3$ при $0 \leq x \leq \infty$, которые имеют экстремум – заданный минимум слева при x=0, а, следовательно, здесь присутствует только левая граница, откуда функция может возрастать до бесконечности – в первом случае линейно, а во втором нелинейно – по кубическому закону, и можно просто сказать, чем правее благодеяние, тем лучше. Однако, принимая во внимание закон Гаусса-Лапласа и закон возрастающей предельной полезности уголовных наказаний, можно, как делалось выше задать правую границу области определения, как линейной, так и нелинейной функций юридической ответственности, и тогда экстремум функции справа становятся очевидным. Для кубической функции ЮО, заданной уравнением: $y = x^3$, максимум составляет 27. Для линейной функции максимум равен трём.

Аналогична и логика рассуждений относительно НЮО – негативной юридической ответственности, которая расположена симметрично (функция нечётная) относительно ПЮО в третьем квадранте декартовой системы координат правой ориентации. То есть любая координата в третьем квадранте – это отрицательное деяние – злодеяние, и его отрицательная оценка. Целевая оптимизационная задача здесь – минимизация количества злодеяний, с одной стороны, и, собственно, минимизация функции НЮО – с другой. Здесь мы также можем просто сказать – чем левее расположено деяние на оси абсцисс, тем хуже и тем менее желательно такое поведение, а, следовательно, и жёстче будет подавление такого поведения, как при использовании линейной, так и нелинейной модели ЮО. Минимум функция НЮО принимает при x=0, где ***f(x)***=0.

Для ПЮО действует ***закон убывающей предельной полезности***, а для НЮО – ***закон возрастающей предельной полезности***. Это значит, что применение однотипных поощрений к физическому лицу, за совершенные им благодеяния, будет доставлять этому физическому лицу всё меньшее удовлетворение, а, следовательно, **снижать частоту или спрос на такие благодеяния со стороны данного физического лица** – субъекта правовых отношений. Удовлетворение, полученное физическим лицом, скажем, от первой грамоты за доблестный труд будет максимальным. Получение второй аналогичной грамоты принесет удовлетворение, но оно будет

меньше, чем от первой, третья аналогичная грамота, уже будет безразлична для данного поощряемого физического лица, а четвертую он просто «поклеит на стену в туалете».

Противоположная картина будет наблюдаться с однотипными наказаниями. До первого осуждения к лишению свободы физическое лицо обычно довольно сильно боится данного уголовного наказания, а, следовательно, воздерживается от совершения преступлений, предмет которых обладает для него положительной полезностью, поскольку влечет удовлетворение конкретных потребностей. После первого осуждения к лишению свободы и реального отбытия хотя бы незначительной части данного уголовного наказания уровень страха резко падает, а, следовательно, полезность данного вида наказания для этого конкретного физического лица возрастает. Длительное нахождение в местах лишение свободы будь то при одном или многократных осуждениях приводит к тому, что полезность уголовного наказания для данного физического лица всё возрастает, и наступает момент, когда данному лицу безразлично находится ли оно на свободе или в местах лишения свободы, а далее уголовное наказание в виде лишения свободы начинает доставлять удовольствие, то есть происходит инверсия. Аналогично, например, и применение наказания в виде штрафа одного размера. Первое наказание вызывает наиболее сильные негативные эмоции, второе менее и так до момента полного безразличия к сей мере государственного принуждения.

Таким образом в математической модели ПЮО закон убывающей предельной полезности показывает линейное **падение** удовлетворенности личности, а в модели НЮО ***линейный рост*** такого удовлетворения.

Важно понимать, как функция убывающей предельной полезности, так и функция возрастающей предельной полезности линейны, поскольку являются производными от нелинейных квадратичных первообразных соответственно совокупной полезности поощрений, и совокупной полезности наказаний.

Функция совокупной полезности поощрений на плоскости ***U0Y*** описывается полиномом второй степени: $u = -ay^2 + by + c$, где старший член квадратного многочлена отрицательный: $a < 0$, а второй член строго положительный: $b > 0$, а свободный член $c \geq 0$, u – полезность в утилях, y – юридическая ответственность в обах. Следовательно, первая производная от этой функции: $\frac{du}{dy} = (-ay^2 + by + C)' = -2ay + b$ как раз и описывает закон убывающей предельной полезности.

Функция совокупной полезности уголовных и иных наказаний противоположна функции совокупной полезности поощрений, и описывается квадратным уравнением: $u = ay^2 - by + C$, где $a > 0$, $b < 0$, $C > 0$. Первая производная от этой функции: $\frac{du}{dy} = (ay^2 - by + C)' = 2ay - b$.

Функции совокупной полезности наказаний и поощрений имеют экстремумы. Функция совокупной полезности наказаний имеет глобальный минимум, а функция совокупной полезности поощрений – глобальный максимум, откуда можно измерить кривизну и радиус кривизны в этих точках.

Для функции совокупной полезности наказаний первая производная примет вид: $\frac{du}{dy} = 2ay - b$, а вторая производная: $\frac{d^2u}{dy^2} = 2a$, и для функции совокупной полезности поощрений первая производная: $\frac{du}{dy} = -2ay + b$, а вторая производная: $\frac{d^2u}{dy^2} = -2a$.

Чтобы найти точку экстремума приравняем первую производную функции совокупной полезности наказаний к нулю: $2ay - b = 0$, и решим данное уравнение, получив: $y = \frac{b}{2a}$. Для функции совокупной полезности поощрений экстремум будет отличаться только знаком: $y = -\frac{b}{2a}$.

Кривизна функции совокупной полезности уголовных наказаний в точке минимума: $K_{y=min} = \frac{y''_{min}}{(1+y'^2_{min})^{\frac{3}{2}}}$ и радиус кривизны: $R_{y=min} = \frac{(1+y'^2_{min})^{\frac{3}{2}}}{y''_{min}}$. Следовательно, радиус кривизны функции совокупной полезности наказаний в точке глобального минимума: $R_{y=min} = \frac{(1+y'^2_{min})^{\frac{3}{2}}}{y''_{min}} = \frac{(1+\left(\frac{b}{2a}\right)^2)^{\frac{3}{2}}}{2a}$, а радиус кривизны функции совокупной полезности поощрений: $R_{y=min} = \frac{(1+y'^2_{min})^{\frac{3}{2}}}{y''_{min}} = \frac{(1+\left(-\frac{b}{2a}\right)^2)^{\frac{3}{2}}}{-2a}$.

Очевидно, что кривизна в точке экстремума, как для функции совокупной полезности наказаний, так и для функции совокупной полезности поощрений является наибольшей, и от точки экстремума убывает по обе стороны, что легко заметить и по графикам функции совокупной полезности поощрений и наказаний. Это напоминает картину разгибания подковы. Более строгое доказательство данного факта легко получить, взяв конкретные числовые примеры функций совокупной полезности наказаний, используя значения точек: $y > \frac{b}{2a}$ и $y < \frac{b}{2a}$.

Очевидно, спрос благодеяний и злодеяний будет зависеть от функций полезности благодеяний и злодеяний, а скорость изменения этих функций описывается законами убывающей и возрастающей предельной полезности.

Важно заметить, что сама модель ЮО на плоскости ***X0Y*** не является фундаментальной, поскольку её основание лежит в законе добра и зла, то есть модель ЮО «снимается» с этого закона.

В законе добра и зла, который также удобно представить на плоскости *U0θ*, где ***U*** – полезность или свобода в удобных единицах измерения, например, утилях или полах, $\theta = W_i - w_i$ – разностная переменная, отражающая различия между общественным и личным интересом, где ***W*** – общественный интерес, ***w*** – личный интерес, измеренные в единицах измерения ***i***-го интереса, например, рублях. При $u \geq 0$ имеем $-\infty \leq \theta \leq \infty$, откуда уровень полезности будет описываться в линейном виде уравнением: $u = |\theta|$ или в нелинейном виде уравнением: $u = \theta^2$, с которых и снимается модель ЮО.

Спрашивается, откуда взялись эти функции полезности? – Они, как и всякие функции полезности, порядковые. Главное их свойство – ранжирование. То есть субъект оценки, будучи рациональным субъектом правовых или моральных отно-

шений, может различные объекты, в данном случае, разность интересов, расположить в строгом порядке, и поставить им в соответствие значение величины полезности, сказать: «это лучше, а это хуже», и при этом не важно насколько лучше или хуже. При этом сама разность интересов может выражаться точно измеримой величиной, например, в реальных или денежных единицах, а вот полезность – это просто ранжированная удобным способом переменная, которая, собственно говоря, не чувствительна к преобразованиям, если сохраняется порядок ранжирования. В подробных курсах микроэкономики приводятся аксиомы полезности: полноты, транзитивности, непрерывности и независимости, которые здесь подробно не рассматриваются.

Отсюда можно сказать, что добро и зло – это функция свободы (полезности) от разностной переменной общественного и личного интереса, которую удобно задать либо по правилу модуля, либо по правилу квадрата разностной переменной [7, с. 166-201]

Рисунок № 3.
Закон добра и зла вида: $U = |\theta|$.

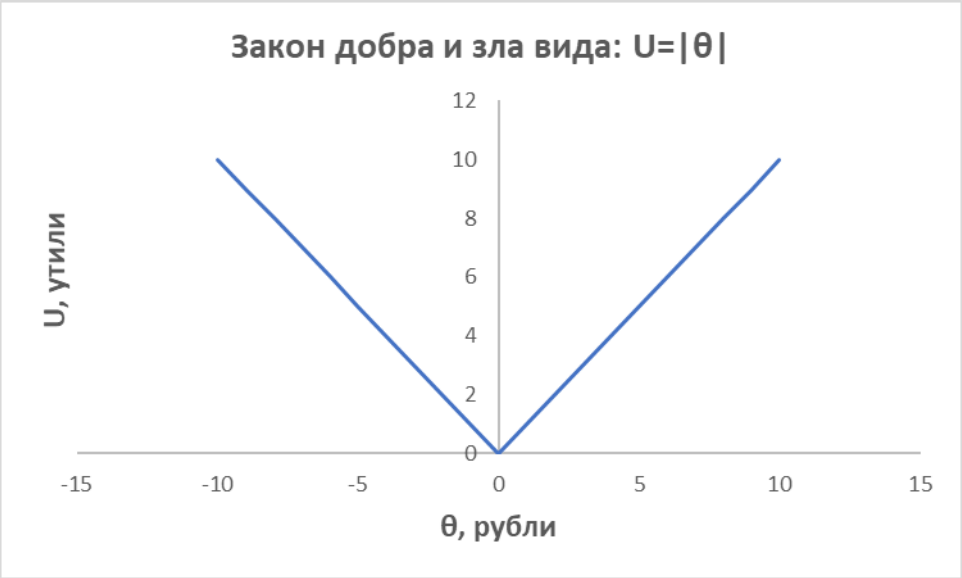

Рисунок №4.
Закон добра и зла вида: $U = \theta^2$.

В состоянии равновесия, когда личный и общественный интерес равны добро и зло отсутствует, поскольку нет смещения в левую – личный интерес, или правую сторону – общественный интерес. Состояние равновесия в модели находится в точке $\theta_0(0; 0)$, и оно устойчиво.

При смещении координаты из состояния равновесия в точку θ_1 , а равно θ_{-1} получим площадь под графика функции $U(\theta)$ в этой точке, то есть определенный интеграл с пределами интегрирования от состояния равновесия до исследуемой точки: $\int_0^{\theta_1} \theta^2 d\theta$, чем он больше, тем выше потенциальная энергия системы, но нам известно, что состояние устойчивого равновесия соответствует минимуму потенциальной энергии системы. Другими словами, равновесие системы является строго устойчивым тогда и только тогда, когда при выводе её из состояния равновесия центр тяжести поднимается, и потенциальная энергия системы возрастает.

Ясно, что $\int_0^{\theta_1} \theta^2 d\theta > \int_0^{\theta_0} \theta^2 d\theta$, а из этого строго следует – состояние системы «добро-зло» находится в состоянии устойчивого равновесия в точке $\theta_0(0; 0)$.

Если закон добра и зла описывается уравнением: $u = |\theta|$, то с развёрткой по координатным квадрантам, и получается функция юридической ответственности вида: $y = \breve{u}$, где диакритический знак «галочка» подчёркивает, что функция разворачивается, превращаясь из чётной в нечётную, то есть симметричную относительно начала координат, а не оси ординат.

Заменив для удобства $\breve{u} = x$, получим функцию $y = x$. Если же используется закон добра и зла вида: $u = \theta^2$, то его развёртка (перенос ветви параболы с разворотом из второго квадранта в третий) по координатным квадрантам даёт ***приблизительно*** уравнение вида: $y = x^3$, где мы также избавились от представления с диакритическим знаком, проведя замену: $\breve{u} = x$. Очевидно, что переход от параболиче-

ской функции к кубической дает определенную погрешность, которая, во-первых, усиливается с ростом модуля независимой переменной; во-вторых, дает снижение независимой, а, следовательно, и зависимой переменной при $x<1$, но именно эти свойства и делают функцию $y = x^3$ более привлекательной, чем простой разворот параболы второго порядка, так как учитывается правило трёх сигм и фундаментальные законы юридической ответственности.

Получается, что в пределах первой сигмы кубическая юридическая ответственность вида $y = x^3$ слабее, чем квадратичная давит на поведение субъектов правовых отношений. С другой стороны, во второй и третьей сигмах давление кубической ответственности сильней, чем квадратичной, и именно эти свойства кубической юридической ответственности в полной мере учитывают фундаментальные законы юридической ответственности – закон убывающей предельной полезности поощрений, и закон возрастающей предельной полезности наказаний.

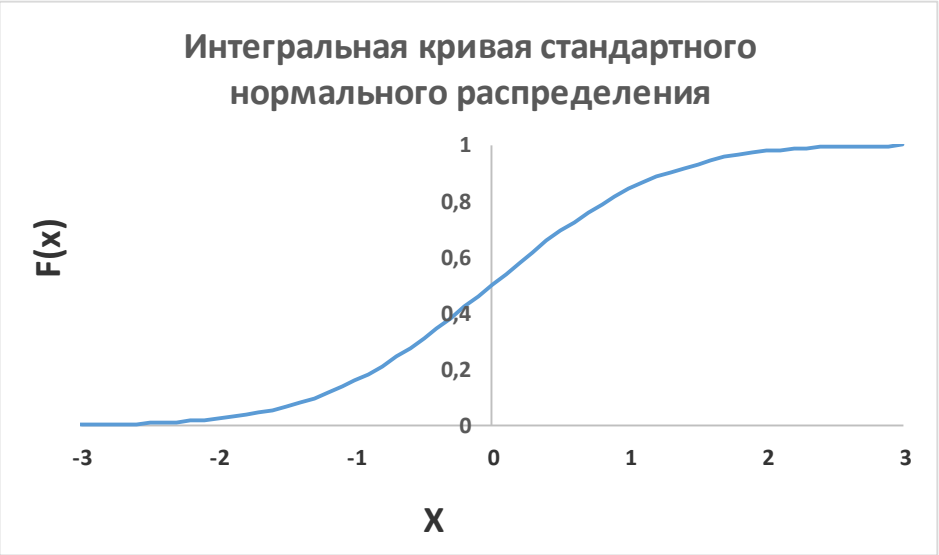
Обратим внимание, что функцию юридической ответственности вида: $y = x^3$ **нельзя заменить интегральной кривой нормального распределения**, поскольку, во-первых, она будет ошибочно учитывать хвостовые эффекты – гасить ответственность на концах кривой, а это грубо противоречит фундаментальным законам юридической ответственности; во-вторых, несоразмерно усиливать ответственность в окрестности нейтрального поведения, что также грубо противоречит, как закону убывающей предельной полезности поощрений, так и закону возрастающей предельной полезности наказаний.

Модель вида $y = x^3$ не противоречит **дифференциальному стандартному закону нормального распределения**, поскольку учитывает плотность распределения деяний при математическом ожидании $\mu = 0$, и стандартном отклонении $\sigma = 1$. То есть учитывает правило трёх сигм, а далее фундаментальные законы юридической ответственности – закон убывающей предельной полезности поощрений, и закон возрастающей предельной полезности наказаний.

Таким образом, использование модели юридической ответственности вида: $y = x^3$ будет дифференцированно наращивать силу наказаний, подавляя спрос на соответствующие злодеяния, и наращивая силу поощрений за соответствующие виды благодеяний, дифференцировано усиливая спрос на такие благодеяния.

Сказанное можно доказать более строго. Дело в том, что интегральная функция нормального распределения, как и функция $y = x^3$ имеет точку перегиба $x_0 = 0$, но у них разный характер поведения. Интегральная функция стандартного нормального распределения до точки перегиба вогнута, а после её прохождения выпукла, в то время, как функция $y = x^3$ до точки перегиба выпукла, а после её прохождения вогнута, что наглядно видно из нижеследующего рисунка.

Рисунок № 5.
Интегральная кривая стандартного нормального распределения ($\mu = 0;\ \sigma = 1$).

Также очевидно, что область значений функции ***F(x)***: $EF(x) = [0;1]$, то есть принимает только ограниченные и положительные значения. Эти недостатки можно было бы скорректировать сдвигом графика вниз, и подбором соответствующих новых значений функции, но характер выпуклости/вогнутости данной и подобных ей кривых не позволяет их использование при моделировании ЮО.

Разностная переменная θ являет собой модель я-вы, которая отражает взаимосвязь данного физического лица – субъекта общественных отношений с остальным социальным миром через посредство различных общих интересов. Если индивид отдает обществу ровно столько сколько от него получает, то между ним и обществом существует состояние равновесия. То есть в модели я-вы имеет место строго сбалансированное состояние. Когда индивид получает от общества больше, чем отдает, тогда происходит увеличение личной свободы индивида по данному интересу за счёт других индивидов, составляющих данное общество. Можно сказать, что в этом случае в модели я-вы наблюдается дисбаланс в пользу «я», и это называется злом. С другой стороны, когда индивид отдает другим людям больше, чем получает от них, то это называется добром, и это тоже дисбаланс в модели «я-вы» в пользу «вы».

За дисбаланс в пользу «я» устанавливаются различные виды негативной юридической ответственности, а за дисбаланс в пользу «вы» устанавливаются различные виды позитивной юридической ответственности, что вполне справедливо и выражается в функции справедливой ответственности по линейному или кубическому закону.

Чтобы записать дифференциальное уравнение, связывающее полезность, личный и общественный интересы, то есть, решив его, получить семейство интегральных кривых вида: $U = f(W, w)$, сначала установим зависимость между обществен-

ным и личным интересом в долевых соотношениях: $W = a - qw$, где W – количество общественного интереса, w – количество личного интереса, свободный член равен единице, поскольку при нулевом личном интересе, общественный интерес равен целому. С ростом личного интереса, доля общественного интереса снижается со скоростью q. Если личный интерес вырос на единицу измерения, то общественный интерес снизился на q единиц измерения.

Отсюда, полагая, что дифференциальная функция полезности (свободы) в зависимости от общественного и личного интереса являет собой их произведение, запишем: $\frac{dU}{dw} = Ww \Rightarrow \frac{dU}{dw} = (a - qw) \cdot w \Rightarrow \frac{dU}{dw} = aw - qw^2$. Интегрируя левую и правую части данного обыкновенного дифференциального уравнения первого порядка с разделяющимися переменными и записанного в нормальном виде в квадратурах:

$dU = (aw - qw^2)dx \Rightarrow \int dU = a\int wdw - q\int w^2 dw$ получим:

$U = \frac{aw^2}{2} - \frac{bw^3}{3} + C$, где C – произвольная постоянная.

После преобразований общее решение дифференциального уравнения можно записать более компактно:

$$U = \frac{1}{6} \cdot \left(w^2 \cdot (3a - 2qw)\right) + C.$$

Можно записать данное дифференциальное уравнение в форме Коши, выразив в нём произвольную постоянную:

$$U = U_0 + \frac{1}{6} \cdot \left(w^2 \cdot (3a - 2qw)\right) - \frac{1}{6} \cdot \left(w^2 \cdot (3a - 2qw_0)\right).$$

То есть нами получено семейство кубических интегральных кривых, связывающих полезность, личный и общественный интересы, что является дополнительным аргументом в пользу кубической функции юридической ответственности.

В пространстве ***X0HY***, как ПЮО, так и НЮО будут описываться поверхностями в декартовой системе координат правой ориентации. Удобно представить и объединенную модель, как показано на рисунке ниже.

Рисунок № 6.

Поверхность ЮО вида: $y = x^3 + h$.

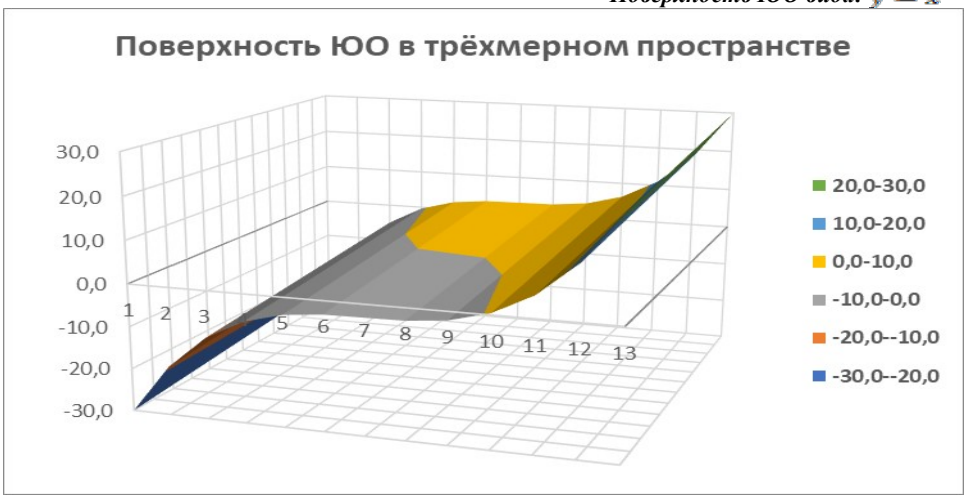

Рисунок № 7.
Фрагмент таблицы снятой
с поверхности $y = x^3 + h$.

y↘ h↓ x→	-3	-2,5	-2	-1,5	-1	-0,5	0
-3	-30,0	-18,6	-11,0	-6,4	-4,0	-3,1	-3,0
-2,5	-29,5	-18,1	-10,5	-5,9	-3,5	-2,6	-2,5
-2	-29,0	-17,6	-10,0	-5,4	-3,0	-2,1	-2,0
-1,5	-28,5	-17,1	-9,5	-4,9	-2,5	-1,6	-1,5
-1	-28,0	-16,6	-9,0	-4,4	-2,0	-1,1	-1,0
-0,5	-27,5	-16,1	-8,5	-3,9	-1,5	-0,6	-0,5
0	-27,0	-15,6	-8,0	-3,4	-1,0	-0,1	0,0
0,5	-26,5	-15,1	-7,5	-2,9	-0,5	0,4	0,5
1	-26,0	-14,6	-7,0	-2,4	0,0	0,9	1,0
1,5	-25,5	-14,1	-6,5	-1,9	0,5	1,4	1,5
2	-25,0	-13,6	-6,0	-1,4	1,0	1,9	2,0
2,5	-24,5	-13,1	-5,5	-0,9	1,5	2,4	2,5
3	-24,0	-12,6	-5,0	-0,4	2,0	2,9	3,0

Продолжение рис. №7.

0,5	1	1,5	2	2,5	3
-2,9	-2,0	0,4	5,0	12,6	24,0
-2,4	-1,5	0,9	5,5	13,1	24,5
-1,9	-1,0	1,4	6,0	13,6	25,0
-1,4	-0,5	1,9	6,5	14,1	25,5
-0,9	0,0	2,4	7,0	14,6	26,0
-0,4	0,5	2,9	7,5	15,1	26,5
0,1	1,0	3,4	8,0	15,6	27,0
0,6	1,5	3,9	8,5	16,1	27,5
1,1	2,0	4,4	9,0	16,6	28,0
1,6	2,5	4,9	9,5	17,1	28,5
2,1	3,0	5,4	10,0	17,6	29,0
2,6	3,5	5,9	10,5	18,1	29,5
3,1	4,0	6,4	11,0	18,6	30,0

В данном случае h – характеристика личности деятеля (правонарушителя или благодетеля) включена в модель линейно, а, собственно, деяния включены нелинейно, а по кубическому правилу. Линейное правило включения характеристик личности преступника дает наклон поверхности с севера на юг, а нелинейное с запада на восток. Первый октант – пространство ПЮО, поскольку в первом октанте содержатся положительные значения всех трёх переменных модели, а седьмой октант – пространство НЮО, поскольку здесь содержатся все отрицательные значения переменных модели. Очевидно, при анализе ЮО в трёхмерном пространстве аналитические возможности модели существенно возрастают по сравнению с плоской моделью ЮО, где в анализе используются всего четыре квадранта вместо восьми октант. Например, если точка попала в третий квадрант, то это значит – за благодеяние субъект правовых отношений наказан, а это ошибка, величину которой можно точно измерить, взяв модуль расстояния от этой координаты до точки на поверхности юридической ответственности в данной точке области её определения. Аналогично, если координата попала во второй квадрант, то субъект, совершивший пра-

вонарушение поощрен, а не наказан, и величина несправедливости равна модулю расстояния от данной координаты до точки на поверхности ЮО в точке области её определения под точкой ошибочной координаты.

Ясно, что 8 октант расширяют поле для анализа соответствующих эффектов, скажем позволяют анализировать поведение субъектов правовых отношений, например, при отрицательном деянии и положительной характеристике личности (восьмой октант, в котором деяние отрицательно, характеристика личности положительна, ответственность отрицательна). Соответственно октанты можно делить на призмы и углублять анализ, равно, как можно делить и квадранты, но там возможность деления, естественно, меньше.

Ранее применительно к НЮО мной было доказано, что спрос на преступные деяния – товары преступления сильно, нелинейно и отрицательно зависит от цены, установленной на эти деяния. С использованием двойной логарифмической модели были получены уравнения, связывающее число зарегистрированных в 2017 и 2018 году преступлений, в зависимости от цен на эти преступления, установленных в Особенной части УК РФ [4, С.131-133]. Выше было показано, что применение однотипных поощрений и наказаний дает эффекты соответственно снижения благодеяний (понижение спроса и предложения благодеяний) и увеличения злодеяний (повышение спроса и предложения злодеяний), и эти эффекты не следует смешивать со спросом на благодеяния и злодеяния по цене. Количество злодеяний будет строго снижаться с ростом цены на эти злодеяния, а вот количество благодеяний будет расти с ростом цены на них, поскольку цена злодеяний всегда отрицательна для субъекта – злодея, а цена благодеяний положительна для благодетеля, что следует из математической модели юридической ответственности. Это очевидно, коль скоро, скажем ценой преступления выступают годы лишения свободы, а ценой благодеяния, например, рубли, увеличивающие свободу благодетеля, что и было выше показано в отношении злодеев на эмпирической модели: $\hat{Q} = \alpha P^{-\beta}$ или $\hat{Q} = \frac{\alpha}{p^{\beta}}$.

Важно отметить, что цена благодеяния обладает положительной полезностью, а само деяние отрицательной, поскольку носит рисковый характер. Например, звезду героя можно получить и посмертно, и получив травму и т.п. Цена же злодеяния обладает отрицательной полезностью в то время, как предмет злодеяния несет для злодея положительную полезность.

Общий закон спроса на товары правонарушения описывается формулой: $Q = \frac{z}{p}$, где **z** – напряжение в системе физическое лицо, связанное с разностью между желаемым и действительным (разность потенциалов), ***p*** – цены товаров правонарушений, который подробно описан в соответствующей научной статье [5, С. 264-276].

Применительно к практически действующим моделям ЮО можно отметить ряд их существенных недостатков, которые связаны с непониманием сути юридической ответственности российским, да и мировым юридическим сообществом. Однако это предмет самостоятельных отдельных статей.

Выводы:

1) для ПЮО действует ***закон убывающей предельной полезности.*** Это значит, что применение однотипных поощрений к физическому лицу, за совершенные им благодеяния, будет доставлять этому физическому лицу всё меньшее удовлетворе-

ние, а, следовательно**, снижать частоту или спрос на такие благодеяния со стороны данного физического лица** – субъекта правовых отношений.

2) Для НЮО действует закон возрастающей предельной полезности. Это значит, что применение однотипных наказаний к физическому лицу за совершенные злодеяния, будет доставлять этому физическому лицу всё большее удовлетворение, а, следовательно, повышать спрос на такие злодеяния со стороны данного физического лица – субъекта правовых отношений.

3) Следует различать действие законов спроса и предложения благодеяний и злодеяний при действии законов возрастающей и убывающей предельной полезности от действия закона спроса и предложения на благодеяния и злодеяния по цене соответственно благодеяний и злодеяний. Количество злодеяний будет строго снижаться с ростом цены на эти злодеяния, а вот количество благодеяний будет расти с ростом цены на них, поскольку цена злодеяний всегда отрицательна для субъекта – злодея, а цена благодеяний положительна для благодателя.

4) Построены математические модели юридической ответственности на плоскости и в трёхмерном пространстве связанные с законом Гаусса-Лапласа, законом возрастающей предельной полезности наказаний и законом убывающей предельной полезности благодеяний, позволяющие подавлять спрос на злодеяния и увеличивать спрос на благодеяния.

5) Получено общее решение дифференциального уравнения, связывающего полезность (свободу), личный и общественный интерес.

6) Доказано устойчивое равновесие системы добра и зла.

Список литературы

1. Ольков С. Г. Юридический анализ (исследовательская юриспруденция. В 2-х томах / С. Г. Ольков. – Тюмень: Тюменский государственный нефтегазовый университет, 2003 – с. 196-204.

2. Ольков С.Г. Юридическая ответственность и многомерные оценочные пространства / С. Г. Ольков// Актуальные проблемы правоведения. – №1(7). – 2004. – С.196-204.

3. Ольков С. Г. Типичные уголовно-процессуальные правонарушения конституционных прав граждан (по материалам следственных органов МВД СССР). Дисс. канд. юрид. наук / С. Г. Ольков. – М. : Академия МВД СССР, 1991. – 225 с.

4. Ольков С. Г. О разъяснении природы уголовно-правовых отношений / С. Г. Ольков. // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2019. – Т. 10, No 2. – С. 128-142.

5. Ольков С. Г. Установление фундаментальных физических законов спроса и предложения товара «преступление», цены преступлений, напряжения и мощности в социальных системах / С. Г. Ольков // Вестник казанского юридического института МВД России. – 2019. – №3. – С. 264-276.

6. 6. Ольков С. Г. Математические начала теории правоотношений, благо- и злодеяний (Часть I) / С. Г. Ольков // Известия высших учебных заведений. Уральский регион. – 2018. – № 2. – С. 169-191.

7. 7. Ольков С. Г. Математические начала теории правоотношений, благо- и злодеяний (Часть II) / С. Г. Ольков // Известия высших учебных заведений. Уральский регион. – 2018. – № 3. – С. 166-201.

8. 8. Ольков С. Г. Математические начала теории правоотношений, благо- и злодеяний (Часть III) / С. Г. Ольков // Известия высших учебных заведений. Уральский регион. – 2018. – № – 4. – С. 94-187.

Olkov S. G. The laws of demand good - and atrocities in connection with legal responsibility and the law of good and evil / S. G. Olkov // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2019. – T. 4 (72). № 4. – P. 197-214.

The purpose of this article is to demonstrate the laws of demand for the good and evil deeds depending on the fundamental laws of legal liability, laws of diminishing and who increasing marginal utility, and the construction of mathematical models of legal responsibility, given the law of good and evil, which reduce

demand for goods offences and the increase in demand for goods benefits. It is proved that the price of evil has a negative utility, and the benefits of positive.

Scientific methods: 1) observation; 2) deduction; 3) the use of the laws of formal logic; 4) comparative analysis; 5) formal legal; 6) mathematical modeling; 7) differential, integral and variational calculus; 8) the solution of differential equations; 9) the study of mathematical functions by methods of mathematical analysis; 10) correlation and regression analysis.

The scientific results obtained by the author: 1) it is shown that the law of diminishing marginal utility, acting in relation to the benefits, leads to a decrease in demand for benefits; 2) it is shown that the law of increasing marginal utility, acting in relation to the crimes leads to an increase in demand for crime; 3) it is shown that the growth rates of benefits increases demand for them; 4) shown that increasing rates of crimes reduces demand for them; 5) subject to the law of good and evil, and law Gauss-Laplace built on the plane and in three-dimensional space mathematical model of legal responsibility, practical application of which leads to increased demand for benefits and a decrease in demand for crime; 6) the obtained General solution of the differential equation linking freedom (utility) with varying public and personal interest.

Scientific novelty: lies in the newly obtained scientific results.

The practical significance lies in the possibility of using the obtained scientific results in the development of criminal law and criminological theory, the practice of criminal behavior management.

Keywords: crime, beneficence, offense, crime, encouragement, punishment, legal liability, positive legal liability, negative legal liability, price, demand, utility, diminishing utility, increasing utility, elasticity.

Spisok literatury`

1. Ol`kov S. G. Yuridicheskij analiz (issledovatel`skaya yurisprudenciya. V 2-x tomax / S. G. Ol`kov. – Tyumen`: Tyumenskij gosudarstvenny`j neftegazovy`j universitet, 2003 – s. 196-204.

2. Ol`kov S.G. Yuridicheskaya otvetstvennost` i mnogomerny`e ocenochny`e prostranstva / S. G. Ol`kov// Aktual`ny`e problemy` pravovedeniya. – №1(7). – 2004. – S.196-204.

3. Ol`kov S. G. Tipichny`e ugolovno-processual`ny`e pravonarusheniya konstitucionny`x prav grazhdan (po materia-lam sledstvenny`x organov MVD SSSR). Diss. kand. yurid. nauk / S. G. Ol`kov. – M. : Akademiya MVD SSSR, 1991. – 225 s.

4. Ol`kov S. G. O raz``yasnenii prirody` ugolovno-pravovy`x otnoshenij / S. G. Ol`kov. // Vestnik Kazanskogo yuri-dicheskogo instituta MVD Rossii. – 2019. – T. 10, No 2. – S. 128-142.

5. Ol`kov S. G. Ustanovlenie fundamental`ny`x fizicheskix zakonov sprosa i predlozheniya tovara «prestuplenie», ceny` prestuplenij, napryazheniya i moshhnosti v social`ny`x sistemax / S. G. Ol`kov // Vestnik kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. – 2019. – №3. – S. 264-276.

6. 6. Ol`kov S. G. Matematicheskie nachala teorii pravootnoshenij, blago- i zlodeyanij (Chast` I) / S. G. Ol`kov // Izvestiya vy`sshix uchebny`x zavedenij. Ural`skij region. – 2018. – № 2. – S. 169-191.

7. 7. Ol`kov S. G. Matematicheskie nachala teorii pravootnoshenij, blago- i zlodeyanij (Chast` II) / S. G. Ol`kov // Izvestiya vy`sshix uchebny`x zavedenij. Ural`skij region. – 2018. – № 3. – S. 166-201.

8. 8. Ol`kov S. G. Matematicheskie nachala teorii pravootnoshenij, blago- i zlodeyanij (Chast` III) / S. G. Ol`kov // Izvestiya vy`sshix uchebny`x zavedenij. Ural`skij region. – 2018. – № – 4. – S. 94-1

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2019. – Т. 5 (71). № 4. – С. 215-221.

УДК 343.122

КОМПЕНСАЦИЯ УЩЕРБА «ЖЕРТВАМ» ПРЕСТУПЛЕНИЙ: МИФ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ?

Поддубняк А. А.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»

Наиболее актуальной темой и вопросом весьма дискуссионным, в любом демократическом государстве является обеспечение и защита прав и свобод человека и гражданина. Мы, в свою очередь, считаем вопрос динамично развивающейся преступности на территории Российской Федерации, а в частности латентной преступности одним из наиболее значимых для обеспечения прав и свобод каждого без исключения индивида. Таким образом, в данной статье речь идет об отсутствующем в нормах Российского уголовного и уголовно-процессуального законодательства понятия «жертвы» преступления, которым охватывается более широкий круг лиц, нежели просто «потерпевшим». Несмотря на множество попыток разрешения данной проблемы, вопрос законодательной регламентации правового статуса «жертв» преступлений и компенсации им причиненного ущерба, механизма ее реализации на территории Российской Федерации в полной мере так и не урегулирован и на сегодняшний день остается открытым.

Ключевые слова: преступление, преступность, латентная преступность, уголовно-процессуальный статус, потерпевший, «жертва» преступления, компенсация ущерба, механизм возмещения вреда, общественный компенсационный фонд, государственный компенсационный фонд.

Тема, касающаяся обеспечения и защиты прав человека, была и будет одной из самых актуальных тем до тех пор, пока будет жива демократия с ее гуманистическими ценностями и представлениями. Вот уже на протяжении нескольких десятков лет этому вопросу предоставляется особое внимание как со стороны законодателей и правоохранительных структур, так и со стороны общественности и средств массовой информации. Так, к числу основных прав на сегодняшний день принято относить те, что формируют понятие общего правового статуса человека и гражданина в любом правовом демократическом государстве. Именно эти права являются неотчуждаемыми, признаваемыми естественными и принадлежащими каждому индивиду с момента его появления на свет. Самыми главными из них наряду с другими правами, являются, безусловно, право каждого без исключения индивида на жизнь, свободу и личную неприкосновенность. Но одной их регламентации, как в международном, так и в национальном законодательстве недостаточно. Прежде всего, необходимо наряду с правами закрепить и гарантии их соблюдения и реализации, формирующиеся в виде обязанностей соответствующих государственных структур по обеспечению и защите указанных прав. В свою очередь, переживаемый в стране период системных общественно-политических перемен и преобразований, как в научном, так и в практическом смысле стал в определенном смысле предпосылкой для возникновения вопроса, касающегося взаимоотношений государства с обществом, о характере, сущности и динамике этих отношений. Только при полноценном

обеспечении защиты законных прав и свобод человека, можно говорить о существовании истинно демократического, основанного и функционирующего государства, основанного на праве и законе. В свою очередь, принятая в 1993 году всенародным голосованием Конституция РФ, сформировала для достижения этой цели все необходимые условия-положения. Одним из самых главных основополагающих принципов, конституционно закрепленных на территории Российской Федерации, стало положение о признании, соблюдении и защите прав и свобод человека и гражданина в качестве первостепенной обязанности государства. Конституция провозглашает также равенство каждого индивида перед законом и судом, закрепляет право на свободу и личную неприкосновенность, тем самым, не допуская проявления каких-либо признаков дискриминации и необоснованного ограничения в указанных правах. Не менее важным, в свою очередь, считаем закрепленное в Конституции РФ и охраняемое таким образом законом, право потерпевших от преступных деяний и злоупотреблений властью, а также обеспечение потерпевшим доступа к правосудию и право на компенсацию причиненного преступлением ущерба. На самом деле, глава Конституции Российской Федерации «О правах и свободах человека и гражданина» не просто соответствует принципам и нормам международного права, но и, как не раз уже подчеркивалось в научных публикациях, она даже в определенной степени превзошла положения Всеобщей декларации прав человека [2]. Обоснованием этому смелому заявлению служит провозглашение Конституцией РФ наивысшей ценностью не права человека в целом, а самого человека как такового, в связи с чем, порой сравнивая ее с Конституциями других стран, говорят о наиболее демократично и гуманно сформированной основе государства. Многие нормы, закрепленные в Конституции РФ, являются более полными, насыщенными и «пропитанными» идеями гуманности, детализированными и раскрытыми по сравнению с аналогичными нормами Всеобщей декларации прав человека, а в отдельных случаях они и не имеют аналогов в ней.

Безусловно, на сегодняшний день нет ни идеального правового государства, в котором и регламентировались и обеспечивались таким же должным образом, без выходящих за рамки закона ограничений, все права и свободы человека и гражданина. Это, в свою очередь, касается и идеального главного закона государства – его Конституции. Поднимая тему обеспечения защиты жертв преступных деяний, в обязательном порядке нужно отметить прогрессирующее ограничение на уровне, прежде всего законодательном, ответственности государства перед данными лицами.

В одной из норм Всеобщей декларации прав человека 19991 года, было зафиксировано бесспорное право каждому, ставшему жертвой преступления или злоупотребления власти человеку, на охрану, как со стороны закона, так и со стороны его реализации государством. Для этого, согласно Декларации, государство предоставляет и обеспечивает равный, абсолютно каждому без исключения, доступ к правосудию и право на получение компенсаций за причиняемый преступлениями и злоупотреблениями со стороны государственной власти ущерб [1]. Однако говорить о полноценном отражении данной нормы в действующем на сегодняшний день законодательстве Российской Федерации не представляется возможным.

В свою очередь, данная норма не нашла своего полного отражения в действующей Конституции Российской Федерации, поскольку статья 52 предоставляет пра-

во и тем самым непосредственную защиту, лишь потерпевшим, которые получили данный статус уже в соответствии с нормами уголовно-процессуального законодательства [4, с.114]. Упоминание о нормах международного права и расширенный перечень лиц, попадающий под категорию «жертва преступления» можно найти лишь в источниках ненормативного толкования норм Конституции РФ и законодательства РФ как такового в целом. Именно в связи с этим и возникает множество вопросов и проблем о реализации права человека на защиту от посягательств на его права, свободы и законные интересы, ведь разница в понятиях «жертва» и «потерпевший» для норм действующего законодательство Российской Федерации просто колоссальна! Именно поэтому государственной защиты лишены десятки миллионов жертв, как правило, латентной преступности.

В нашем государстве, на сегодняшний день, вопрос о возмещении ущерба лицам, пострадавшим от совершаемых преступных деяний, связанный с обеспечением их прав и законных интересов, которые нарушаются такими противоправными деяниями, является не просто проблемным, а довольно-таки острым и даже критичным. Традиционным способом для разрешения данного вопроса, как правило, становится реституция, основанная на предъявлении гражданского иска к виновному либо ответственному за возмещения нанесенного ущерба лицу. Но, к сожалению, проблема таким образом не разрешается, разве что весьма формально и «процедурно». В большинстве своих случаев она абсолютно не гарантирует удовлетворение интересов потерпевшего и соответственно не приводит к достижению идеалов социальной справедливости. Обоснованием данному обстоятельству служит ряд следующих обстоятельств. Во-первых – это отсутствие у большей части лиц, признанных виновными в совершении преступлений, необходимого для возмещения ущерба имущества либо доходов, которые стали бы средством возмещения ущерба. Во-вторых – высокая вероятность невозможности установления и привлечения к ответственности, следственному органу лиц, являющихся виновными в совершении преступлений, что тем самым напрочь лишает какой-либо надежды на возмещение ущерба лицу, которому преступлением был причинен вред. Именно поэтому, на основании вышеизложенных и множества других немаловажных отрицательных в отношении обеспечения защиты прав и законных интересов «жертв» преступных деяний обстоятельств, особо пристальное внимание представителей юриспруденции и законодателей многих развитых демократический стран на сегодняшний день обращено к данному вопросу. А направлено оно непосредственно на разработку и апробацию механизмов и присущих им средств по возмещению вреда, причиненного преступным деянием, непосредственно за счет государства. Безусловно, эта позиция вызвала огромное количество вопросов, аргументов «за» и «против» и само собой разумеющиеся дискуссии на предмет целесообразности введения такого «непривычного» для государственного бюджета механизма. В свою очередь, мы считаем такой подход к разрешению назревшей и требующей эффективного разрешения проблемы абсолютно логичным и реальным к применению. Государство абсолютно всецело взяло на себя ответственность по заботе и поддержанию правопорядка и обеспечению безопасности всех без исключения членов гражданского общества того или иного государства. Следовательно, и устранение последствий преступления, а в частности возмещение причиненного противоправным деянием вреда, также должно войти в перечень основных задач государства, в связи с тем, что механизмы

предотвращения преступления и его последствий не оказались в конкретном случае эффективными.

В Конституции Российской Федерации говорится об обеспечении государством компенсации нанесенного преступлением ущерба. Однако значение понятия «обеспечивает» воспринимается двояко [5, с. 38]. С одной стороны как формирование на законодательном уровне всех необходимых условий и предпосылок, процедурных элементов для организации компенсации ущерба со стороны виновного лица. С другой стороны – это прямое возложение государством на себя обязанности по возмещению ущерба за счет собственных государственных средств. Если обобщить две этих позиции, то обеспечение подразумевает не иначе как возложение государством на себя социальной обязанности по возвещению причиненного ущерба потерпевшему лицу, независимо от всевозможных сопутствующих, ограничивающих эту возможность обстоятельств. А в случае прослеживания невозможно исполнить эту обязанность обвиняемым – государство в силу конституционной регламентированной обязанности, принимает на себя обязанность по возмещению компенсации ущерба из средств федерального бюджета или при его поддержке из средств соответствующих специализированных фондов.

Поскольку о роли норм международного права уже было упомянуто раннее, поэтому считаем необходимым в обязательном порядке упомянуть о невыполнении Российской Федерацией принятых на себя международных обязательств. При вступлении в Совет Европы, в соответствии с заключением №193, принятым Парламентской ассамблеей Совета Европы 25 января 1996 году, Россия как полноценный член организации приняла на себя ряд определенных обязательств. Одними из основных стали обязанности по подписанию и ратифицированию всех без исключения конвенций Совета Европы и тем самым приведение в соответствие с принципами и стандартами, устанавливаемыми указанной организацией национальное законодательство своего государства. Однако в полной мере эта обязанность так и не соблюдалась. Не стала исключением и Европейская конвенция по возмещению ущерба жертвам насильственных преступлений, вступившая в силу 1 февраля 1988 г. Впервые на международном уровне были обозначены и зафиксированы принципы, цели и основания для реализации государственной компенсации, были также обозначены и необходимые для данной компенсации источники финансирования, был определен перечень видов подлежащих компенсации ущербов и соответствующий ему круг лиц, имеющих право на ее получение. В основе такого механизма компенсации лежит идея справедливости и общественной солидарности. В Конвенции 1988г. четко обозначены обстоятельства, при которых компенсация причиненного преступлением ущерба, для государства становится обязанностью. Во-первых, когда результатом насильственного преступления становится нанесение серьезного ущерба физическому здоровью или психическому состоянию. Во-вторых, компенсация осуществляется в отношении той категории лиц, которая находилась на иждивении погибших в результате преступного деяния с летальным исходом. Также, особой оговорке о случаях компенсации ущерба со стороны государства подлежит и случай, когда преступник не может быть подвергнут судебному преследованию и наказанию за совершенное противоправное деяние. Также Генеральной Ассамблеей ООН 29 ноября 1985 г. была принята Декларация об основных принципах правосудия для жертв преступлений и злоупотреблений властью, которая установи-

ла единое общее правило для разрешения проблемы компенсации в соответствии с национальным законодательством, которое, в свою очередь, должно соответствовать нормам и принципам международного права.

К огромному сожалению, приходится констатировать тот факт, что пострадавшая от преступного деяния «жертва» в рассматриваемой нами ситуации остается один на один со своей проблемой и поиском путей по ее разрешению [6, с.21]. Во-первых, требовать компенсации можно лишь в случае присвоения статуса «потерпевшего», а во-вторых – единственный реально действующий законный способ получения компенсации нанесенного ущерба – гражданский иск, являющийся в случае совершения преступлений, как правило, второстепенным и как следствие абсолютно неэффективным или вовсе нереализуемым. В рамках действующего на территории Российской Федерации законодательства вопрос защиты прав лиц, пострадавших от совершаемых преступлений в основном регулируется Конституцией РФ, Уголовно-процессуальным Кодексом и Федеральным законом от 20 августа 2004 г. N 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства». В связи с назревшей проблемой в определении статуса лица, пострадавшего от преступления, после множества «бурных» дискуссий в процессе правотворческой деятельности в 2012 году был опубликован проект ФЗ «О потерпевших от преступлений». Но как мы наблюдаем из самого названия нормативно-правового акта, речь идет о суженом, не соответствующем нормам международного законодательства круга лиц, имеющие право на получение компенсации ущерба. Уже не раз был подвергнут критике этот проект, и мы в свою очередь хотели бы выделить некоторые из положений, подлежащих изменению и конкретизации. Так, статью 5 указанного законопроекта необходимо дополнить случаем возмещения вреда в случае совершения противоправного уголовно наказуемого деяния лицом в состоянии невменяемости, что лишает его признака субъекта преступления и соответственно всего состава преступления [3, с. 14]. Независимо от статуса субъекта, которым был причинен тот или иной вред, ущерб должен быть возмещен в любом случае, ведь совершенное деяние может повлечь за собой серьезное нарушение жизнедеятельности человека или даже лишить его жизни. Также необходимо более детально прописать механизм определения стоимости компенсации. Исходя из смысла нормы законопроекта, речь идет о нижнем пределе компенсационных выплат. При этом необходимо помнить о разнице между разумным возмещением причиненного преступным деянием ущерба и необходимыми, минимальными компенсационными выплатами, ведь зачастую последние носят сугубо формальный, «отчетный» характер. Кроме того, возможно уточнение видов причиняемого вреда. Так, в отличие от трех закрепленных в уголовно-процессуальном законодательстве видов возможного вреда, Рекомендация R (85) 11 устанавливает четыре вида: физический, психологический, материальный и социальный ущерб. И, конечно же, самый главный вопрос об источниках финансового обеспечения выплаты возмещаемого ущерба. В ст. 28 ФЗ от 20 августа 2004 г. N 119-ФЗ "О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства" о финансовом и материально-техническом обеспечении мер государственной поддержки, упоминается об утверждаемой Государственной программе обеспечения безопасности потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства. Средства для данной программы выделяются из Федерального бюджета и

иных финансовых источников, которые определяются уже другими законами и подзаконными нормативно-правовыми актами. В связи с тем, что постоянная отсылка к самым разным нормативно-правовым актам, в случае определения источников финансирования для подобных целей, не позволит оказать должную материальную поддержку жертвам преступных деяний, считаем необходимым предпринять следующий шаг. Необходимо сформировать государственный и общественный фонд защиты для возмещения ущерба и оказания всевозможной поддержки жертвам преступлений в случаях, которые будут четко определены на законодательном уровне. На сегодняшний день существует Фонд поддержки пострадавших от преступлений, однако, не будучи государственным, об эффективности распространения финансовой помощи в виде компенсационных выплат, говорить крайне трудно. До 2016 года эта некоммерческая организация именовалась правозащитным движением «Сопротивление». Для реализации целей, предусмотренных учредительными документами фонда, осуществляется сотрудничество с рядом других общественных организаций и движений. А что касается концепции создания и функционирования фондов с целью усиления эффективности и результативности их работы – считаем наиболее правильным возложить на государственный фонд обязанность по возмещению вреда, который был причинен жизни и здоровью граждан, а на общественный фонд – возмещение вреда, причиненного собственности жертв преступных деяний. Считаем такое распределение обязанностей между фондами, а именно возложение на государственный фонд – возмещение ущерба жертвам насильственных преступлений, представляющих наибольшую общественную опасность и посягающих на наиболее значимые объекты – здоровье человека и его жизнь. Выдвигая идею внедрения в Российской Федерации такого нововведения в области рассматриваемого вопроса, мы ознакомились с опытом работы компенсационных фондов некоторых зарубежных стран. В большинстве высокоразвитых иностранных государствах, институт государственных компенсационных выплат жертвам преступных деяний функционирует уже довольно длительное время, что подтверждает внушающий доверие немалый опыт по разрешению данного вопроса. В случае правильного, структурировано выстроенного механизма реализации, при помощи специализированных как государственных, так и общественных фондов, компенсационных выплат ущерба всем жертвам, чьи права и законные интересы, совершенным преступным деянием были существенным образом нарушены. Только в случае начала полноценной работы как на законодательном, так и на правоприменительном уровне механизма по разрешению рассматриваемой в данной статье проблемы, можно говорить о демократическом, следующим целям безусловной защиты и обеспечения прав и свобод каждого индивида, государстве и защищенности его населения от незаконных действий, ограничений и лишений своих прав и законных интересов.

Список литературы

1. Всеобщая декларация прав человека (принята на третьей сессии Генеральной Ассамблеи ООН резолюцией 217 А (III) от 10 декабря 1948 г.) // Библиотечка Российской газеты. – 1999. – № 22-23.

2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 21.07.2014 N 11-ФКЗ). URL:

http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения 01.10.2019). – Текст электронный.

3. Ахмедшина Н. В. О потерпевших от преступлений / Н. В. Ахмедшина // Виктимология. – 2015. – № 1. – 58 с.

4. Волосова Н. Ю. Процессуальное положение потерпевшего в российском уголовном процессе: дис. ... кандидата юридических наук : 12.00.09 / Н. Ю. Волосова. – Екатеринбург: Уральская государственная юридическая академия, 1999. – 144 с.

5. Карпиков А. С. Право на возмещение причиненного преступлением материального ущерба и его реализация в стадии предварительного расследования. Дис. … канд. юрид. наук: 12.00.09 / А. С. Карпиков. – М., 1999. - 151 с.

6. Юношев С. В. Проблема государственных компенсаций жертвам преступлений сдвинулась с мертвой точки / С. В. Юношев // Актуальные проблемы уголовного процесса России: сб. науч. тр. – Самара, 2012. – Вып. 6. – 374с.

Poddubniak A. Compensation for «victims» of crimes: myth or reakity? / A. Poddubniak // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2019. – T. 4 (72). № 4. – P. 215-221.

The provision and protection of rights and freedoms of man and citizen is most urgent topic and a highly debatable issue in any democratic state. We, in turn, consider the issue of dynamically developing crime in the territory of the Russian Federation, and in particular latent crime, one of the most important for ensuring rights and freedoms of each individual, without exception. Thus, this article deals with the concept of "victim" of a crime, absent in the norms of the Russian criminal and criminal procedure legislation, which covers a wider circle of people than just "wronged individuals". Despite numerous attempts to resolve this problem, the issue of legislative regulation of the legal status of "victims" of crimes and compensation for the damage caused to them, as well as the mechanism for its implementation in the territory of the Russian Federation, has not been fully resolved yet and remains open today.

Keywords: crime, latent crime, criminal procedural status, victim, "victim" of a crime, compensation for damage, compensation mechanism, public compensation fund, state compensation fund.

Spisok literatury`

1. Vseobshhaya deklaraciya prav cheloveka (prinyata na tret`ej sessii General`noj Assamblei OON rezolyuciej 217 A (III) ot 10 dekabrya 1948 g.) // Bibliotechka Rossijskoj gazety`. – 1999. – № 22-23.

2. Konstituciya Rossijskoj Federacii (prinyata vsenarodny`m golosovaniem 12.12.1993) (s uchetom popravok, vnesenny`x Zakonami RF o popravkax k Konstitucii RF ot 30.12.2008 N 6-FKZ, ot 30.12.2008 N 7-FKZ, ot 05.02.2014 N 2-FKZ, ot 21.07.2014 N 11-FKZ). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (data obrashheniya 01.10.2019). – Tekst e`lektronny`j.

3. Axmedshina N. V. O poterpevshix ot prestuplenij / N. V. Axmedshina // Viktimologiya. – 2015. – № 1. – 58 s.

4. Volosova N. Yu. Processual`noe polozhenie poterpevshego v rossijskom ugolovnom processe: dis. ... kandidata yuridicheskix nauk : 12.00.09 / N. Yu. Volosova. – Ekaterinburg: Ural`skaya gosudarstvennaya yuridicheskaya akademiya, 1999. – 144 s.

5. Karpikov A. S. Pravo na vozmeshhenie prichinennogo prestupleniem material`nogo ushherba i ego realizaciya v stadii predvaritel`nogo rassledovaniya. Dis. … kand. yurid. nauk: 12.00.09 / A. S. Karpikov. – M., 1999. - 151 c.

6. Yunoshev S. V. Problema gosudarstvenny`x kompensacij zhertvam prestuplenij sdvinulas` s mertvoj tochki / S. V. Yunoshev // Aktual`ny`e problemy` ugolovnogo processa Rossii: sb. nauch. tr. – Samara, 2012. – Vy`p. 6. – 374s.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2019. – Т. 5 (71). № 4. – С. 222-227.

УДК 341.343

НАЗНАЧЕНИЕ НАКАЗАНИЙ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ В СФЕРЕ НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА ОРУЖИЯ

Робак В. А.

Крымский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации

Работа посвящена анализу особенностей назначения наказаний за преступления в сфере незаконного оборота оружия. Проводится сравнительная характеристика видов и размеров наказаний, за указанные преступления, с уголовными законами иных стран. Обосновывается целесообразность отнесения преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 349 Уголовного кодекса Российской Федерации, к преступлениям средней тяжести и установление наказания в виде лишения свободы на срок до 5 лет. Обосновывается целесообразность при назначении наказания за преступление, предусмотренное ст. 222 УК РФ, использовать правило полного сложения наказаний.

Ключевые слова: незаконный оборот оружия, наказание, санкция, лишение свободы, назначение наказания.

Наказание есть мера государственного принуждения, назначаемая по приговору суда. Наказание применяется к лицу, признанному виновным в совершении преступления, и заключается в предусмотренных настоящим Кодексом лишении или ограничении прав и свобод этого лица [1].

Эффективность уголовного наказания может быть обеспечена лишь при условиях соответствия установленной в законе санкции принципам уголовного права, соответствия санкции диспозициям уголовно-правовых норм, обеспечения их научной обоснованности и согласованности между собой. Необходимо придерживаться требований целесообразности и обоснованности санкций уголовного закона в соответствии с тем, что законы, которые устанавливают наказуемость деяний, должны отвечать представлению о свойственных современному сознанию справедливых формах и пределах репрессий. Кроме того, эффективность применения уголовного закона в значительной мере зависит не только от обоснованности санкций и их взаимной согласованности, но и от учета общественного мнения по поводу тяжести наказания.

Специальной шкалы для установления санкций, адекватных общественной опасного того или иного преступления, наукой не разработано. Основным фактором при определении санкций является практика назначения наказания за совершение соответствующих преступлений.

Относительно формирования санкции, процесс пенализации упирается в два наиболее сложных вопроса: определение оптимальности наказания (мягкое будет свидетельствовать о неэффективности нормы, строгое – нарушение принципа соразмерности) и аргументация конкретного вида наказания [2, с. 268].

Преступления, в сфере незаконного оборота оружия предусматривают 30 санкций. В качестве основных наказаний, законодателем предусмотрены следующие: штраф (в 10 санкциях); обязательные работы (в одной санкции); исправительные работы (в 4 санкциях); ограничения по военной службе (в 2 санкциях); ограничение свободы (в 5 санкциях); принудительные работы (в 4 санкциях); арест (в 3 санкциях); содержание в дисциплинарной воинской части (в 2 санкциях); лишение свободы (в 28 санкциях). В качестве дополнительных наказаний, которые установлены в 16 санкциях, законодателем предусмотрены следующие: штраф (в 13 санкциях); лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью (в 4 санкциях); ограничение свободы (в 4 санкциях).

Необходимо указать, что санкции анализируемых норм предусматривают достаточно большой разрыв между нижним и верхним пределом. Так, например, анализируя такое наказание, как лишение свободы, можно сделать вывод, что в: ч. 1 ст. 222 УК РФ он составляет 3,10 года, ч. 2 ст. 222 УК РФ – 4 года; ч. 3 ст. 222 УК РФ – 3 года; ч. 4 ст. 222 УК РФ 1,10 г., ч. 1 ст. 222.1 УК РФ – 4,10 г., ч. 2 ст. 222.1 УК РФ – 5 лет, ч. 3 ст. 222.1 УК РФ – 7 лет, ч. 1 ст. 223 УК РФ – 2 г., ч. 2 ст. 223 УК РФ – 4 г., ч. 3 ст. 223 УК РФ – 3 г., ч. 4 ст. 223 УК РФ – 1,10 г., ч. 2 ст. 224 УК РФ – 2 г., ч. 1 ст. 225 УК Ф – 4,10 г., ч. 2 ст. 225 УК РФ – 6,10 лет, ч. 1 ст. 226 УК РФ – 4 г., ч. 2 ст. 226 УК РФ – 5 лет, ч. 3 ст. 226 УК РФ – 7 лет, ч. 4 ст. 226 УК РФ – 7 лет, ч. 1 ст. 226.1 УК РФ – 4 г., ч. 2 ст. 226.1 УК РФ – 5 лет, ч. 3 ст. 226.1 УК РФ – 5 лет, ст. 348 УК РФ – 1,10 г., ч. 2 ст. 349 УК РФ – 4,10 г., ч. 3 ст. 349 УК РФ – 9,10 г., ст. 355 УК РФ – 5 лет.

На основе указанного можно сделать вывод, что имеет место существенная разница в установлении низших и высших пределов указанного наказания, ее пределы составляют от 1,10 г. до 9,10 лет. Отчасти, широкий диапазон между низшим и высшим пределом санкций можно оценить положительно, поскольку во многих случаях в диспозициях содержатся альтернативные действия, которые, в определенной степени, отличаться между собой по степени общественной безопасности. Также, целесообразно указать, что на основе анализа уголовного законодательства иных стран, можно сделать вывод, что в преступлениях анализируемой категории, также имеет место существенная разница в установлении низших и высших пределов указанного наказания: УК Белоруссии – до 6 лет, УК Литовской республики – 6,6 лет, УК Чехии – 8 лет, УК Польши – 9 лет, УК Португалии – 8 лет, УК Швейцарии – 9,6 лет, УК Германии – 9,9 лет, УК Болгарии – до 10 лет, УК Узбекистана – до 10 лет, УК Франции – от 7 лет до пожизненного заключения, КНР – от 7 до пожизненного заключения или смертной казни.

Также необходимо отметить, что в санкциях, анализируемой категории преступлений имеет место неравномерность в установлении низших и высших пределов санкций, предусматривающих ответственность за квалифицирующие или особо квалифицирующие признаки, по сравнению с деяниями без таковых.

Так, например (на основе анализа наказания, в виде лишения свободы): ч. 1 ст. 222 УК РФ – до четырех лет, ч. 2 – от двух до шести лет, ч. 3 – от пяти до восьми; ч. 1 ст. 222.1 УК РФ – до пяти лет, ч. 2 – от трех до восьми лет, ч. 3 – от пяти до двенадцати лет; ч. 1 ст. 223 УК РФ – от трех до пяти лет, ч. 2 – от трех

до семи, ч. 3 от пяти до восьми; ч. 1 ст. 223.1 УК РФ – от трех до шести, ч. 2 – от пяти до восьми лет, ч. 3 – от восьми до двенадцати лет; ч. 1 ст. 226 УК РФ – от трех до семи лет, ч. 2 – от пяти до десяти лет, ч. 3 – пяти до двенадцати, ч. 4 – от восьми до пятнадцати; ч. 1 ст. 226.1 УК РФ – от трех до семи лет, ч. 2 – от пяти до десяти лет, ч. 3 – от семи до двенадцати лет.

В целом, по нашему мнению, виды и размеры наказаний, установленные за преступления в сфере незаконного оборота оружия, являются целесообразными и обоснованными, за исключением санкции ст. 349 УК РФ.

Санкция ст. 349 УК РФ предусматривает наказание в виде ограничением по военной службе на срок до двух лет или содержанием в дисциплинарной воинской части на срок до двух лет. Санкция ст. 168 УК РФ «Уничтожение или повреждение имущества по неосторожности» предусматривает наказание в виде штрафа в размере до ста двадцати тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до одного года, либо обязательных работ на срок до четырехсот восьмидесяти часов, либо исправительных работ на срок до двух лет, либо ограничение свободы на срок до одного года, либо принудительные работы на срок до одного года, либо лишение свободы на тот же срок.

По нашему мнению, указанные нормы тождественны в части уничтожения имущества (ст. 168 УК РФ – имущество, ст. 349 УК РФ – военная техника), и соотносятся как общая и специальная нормы. Как уже указывалось, военная техника необходима для обеспечения обороноспособности государства, имеет значительную стоимость, для ее производства необходим достаточно длительный период их производства, непонятной является позиция законодателя, относительно установления более строгого наказания за указанные деяния в отношении иного имущества. Мы считаем, что нецелесообразно сравнивать уничтожение, например, автомобиля и танка Т-14 «Армата» либо трактора Беларусь-2022 и ракетной системы РС-20В «Воевода».

Безусловно верной является позиция Меркурьева В. В., относительно того, что долгосрочные лишения свободы, в теории военно-уголовного права, всегда признавались нецелесообразными в условиях военной службы. Обоснованием такой позиции является тот факт, что военнослужащий, долгое время отбывающий лишения свободы, утрачивает свои знания, умения и навыки, обусловленные военной службой, профессиональный уровень военнослужащего снижается и отстает от современных условий, вследствие чего его ценность для Вооруженных сил снижается [3, с. 82].

Однако, виды и размеры наказаний, за то или иное деяния, должны соответствовать его общественной опасности и при формировании санкции должен соблюдаться принципы тождественности наказаний, за тождественные деяния и соразмерности, при установлении наказаний за деяния, которые отягощены какими-либо дополнительными признаками.

Анализ судебной практики, относительно назначения наказания за анализируемую категорию преступлений, позволяет сделать следующие выводы. В подавляющем большинстве случаев превалирует такой вид наказания, как лишение свободы – 83 % (из них: ст. 222 УК РФ (средний размер наказания 1,6 г.) – 77 %; ст. 222.1 (средний размер наказания – 2,6 г.) – 10 %; ст. 223 УК РФ (сред-

ний размер наказания – 3 г.) – 5 %; ст. 223.1 УК РФ (средний размер наказания – 3,3 г.) – 3 %; ст. 226 УК РФ (средний размер наказания – 5,6 л.) – 3 %; ст. 226.1 УК РФ (средний размер наказания – 4,8 г.) – 1 %; ст. 348 УК РФ (средний размер наказания – 9 мес.) – 0,2 %; ст. 349 УК РФ (средний размер наказания – 2 г.) – 0,8 %).

Назначение иных видов наказаний, в соответствии с нашим исследованием, составляет: штраф – 2 %, ограничение по военной службе – 1,5 %, ограничение свободы – 6 %, исправительные работы – 2,5 %, обязательные работы – 4,5 %, содержание в дисциплинарной воинской части 1,5 %.

Также необходимо указать, что в качестве дополнительных наказаний назначаются следующие: штраф (средний размер – 120 тыс. руб.) – 11 %; лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью (средний размер – 1 г.) – 3 %; лишение специального, воинского или почетного звания, классного чина и государственных наград – 1 %; ограничение свободы (средний размер – 1,6 г.) – 2 %.

Некоторые авторы указывают, что в большинстве случаев, если имеет место назначение наказания в виде в виде реального лишения свободы, суды склоняются к низшему пределу санкции. Причинами этого являются: во-первых, реальное отбывание наказания, в большинстве своем, не назначается лицам, которые не имеют судимости; во-вторых, некоторые суды, данную категорию преступлений, не рассматривают, как представляющие значительную общественную опасность; в-третьих, сравнительно с насильственными преступлениями против личности анализируемые преступления не являются значительно распространенными.

Опираясь на данные факторы суды, по мнению отдельных авторов, занижают наказания лицам, совершившим указанные преступления. Однако авторы также отмечает отсутствие целесообразности в повышении размеров наказания [4, с. 154]. Судебная практика недооценивает действительную опасность незаконного оборота предметов вооружения, занижает осужденным за такие преступления наказание. Недооценка опасности рассматриваемых преступлений чревата гибелью людей, причинением вреда их здоровью, уничтожением имущества, насильственными посягательствами на иные охраняемые уголовным законом ценности [5, с. 197].

Отдельные авторы отмечают, что в судебной практике наблюдается тенденция к смягчению наказания или назначению условного наказания за совершение подобных преступлений. Отчасти это связано с несовершенством уголовного закона, который в недостаточной мере применяет квалифицирующие признаки, что не позволяет обеспечить максимальную дифференциацию уголовной ответственности и индивидуализацию наказания за незаконный оборот оружия [6, с. 6]. Отдельные авторы отмечают о необходимости полного сложения наказаний за совершение преступлений в указанной сфере [7, с. 9].

На основании указанного, по нашему мнению, санкция ч. 1 ст. 349 УК РФ является необоснованной, поскольку предусмотренные в ней виды и размеры наказаний не являются оптимальными и аргументированными. Мы считаем, что указанное преступление целесообразно отнести к преступлениям средней тяже-

сти, на основании чего повысить верхний предел наказания в виде лишения свободы на срок до пяти лет.

Учитывая общественную опасность указанной категории преступлений, по нашему мнению, целесообразным является при назначении наказания за преступление, предусмотренное ст. 222 УК РФ, использовать правило полного сложения наказаний, что в большей мере соответствует принципу неотвратимости наказания, повышая его эффективность.

Список литературы

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ. URL http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/fb522826ace216c139340de9ed06214ba989c656/ (дата обращения 25.08.2019). – Текст электронный.

2. Кругликов Л. Л., Васильевский А. В. Дифференциация ответственности в уголовном праве / Л. Л. Кругликов, А. В. Васильевский. – СПб., 2002. – 300 с.

3. Меркурьев В. В. Проблемы совершенствования системы исполнения наказаний, назначаемых военнослужащим / В. В. Меркурьев // Право в Вооруженных Силах. – № 4. – 2017. – С. 81-88.

4. Торопыгин О. Ю. Уголовная ответственность за незаконное изготовление, приобретение, сбыт или ношение газового, холодного оружия: дис. … канд. юрид. наук / О. Ю. Торопыгин. – М., 2003 – 179 с.

5. Бикеев И. И. Уголовная ответственность за незаконное обращение с предметами вооружения / И. И. Бикеев. – Казань: Издательство «Познание», 2007. – 312 с.

6. Ширкин А. И. Уголовно-правовые и криминологические аспекты противодействия незаконному обороту оружия в Российской Федерации: дис. … канд. юрид. наук / А. И. Ширкин. – Казань, 2008. – 211 с.

7. Кац Е. А. Уголовная ответственность за незаконные приобретение, передачу, сбыт, хранение, перевозку или ношение оружия, его основных частей, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств: дис. … канд. юрид. наук / Е. А. Кац. – Красноярск, 2005. – 227 с.

Robak V. A. Appointment of punishments for crimes in the field of illegal trafficking of arms / V. A. Robak // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2019. – T. 4 (72). № 4. – P. 222-226.

The work is dedicated to the analysis of the specifics of sentencing in the field of arms trafficking. A comparative description of the types and sizes of punishments for these crimes, with the criminal laws of other countries is given. The feasibility of attributing a crime under Part 1 of Art. 349 of the Criminal Code of the Russian Federation, to crimes of medium gravity and the establishment of punishment in the form of imprisonment for a term of up to 5 years is justified. The use the rule of complete addition of sentences when sentencing for a crime under Art. 222 of the Criminal Code of the Russian Federation is explained.

Keywords: illegal arms trafficking, punishment, sanction, imprisonment, sentencing.

Spisok literatury`

1. Ugolovny`j kodeks Rossijskoj Federacii ot 13.06.1996 № 63-FZ. URL http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/fb522826ace216c139340de9ed06214ba989c656/ (data obrashheniya 25.08.2019). – Tekst e`lektronny`j.

2. Kruglikov L. L., Vasil`evskij A. V. Differenciaciya otvetstvennosti v ugolovnom prave / L. L. Kruglikov, A. V. Vasil`evskij. – SPb., 2002. – 300 s.

3. Merkur`ev V. V. Problemy` sovershenstvovaniya sistemy` ispolneniya nakazanij, naznachaemy`x voennosluzhashhim / V. V. Merkur`ev // Pravo v Vooruzhenny`x Silax. – № 4. – 2017. – S. 81-88.

4. Toropy`gin O. Yu. Ugolovnaya otvetstvennost` za nezakonnoe izgotovlenie, priobretenie, sby`t ili noshenie gazovogo, xolodnogo oruzhiya: dis. … kand. yurid. nauk / O. Yu. Toropy`gin. – M., 2003 – 179 s.

5. Bikeev I. I. Ugolovnaya otvetstvennost` za nezakonnoe obrashhenie s predmetami vooruzheniya / I. I. Bikeev. – Kazan`: Izdatel`stvo «Poznanie», 2007. – 312 s.

6. Shirkin A. I. Ugolovno-pravovy`e i kriminologicheskie aspekty` protivodejstviya nezakonnomu oborotu oruzhiya v Rossijskoj Federacii: dis. … kand. yurid. nauk / A. I. Shirkin. – Kazan`, 2008. – 211 s.

7. Kacz E. A. Ugolovnaya otvetstvennost` za nezakonny`e priobretenie, peredachu, sby`t, xranenie, perevozku ili noshenie oruzhiya, ego osnovny`x chastej, boepripasov, vzry`vchaty`x veshhestv i vzry`vny`x ustrojstv: dis. … kand. yurid. nauk / E. A. Kacz. – Krasnoyarsk, 2005. – 227 s.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2019. – Т. 5 (71). № 4. – С. 228-234.

УДК 343.131

ОТДЕЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА НА ЗАЩИТУ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ РАЗВИТИЯ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Журба О. Л., Раднева Е. Г.

Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

Актуальность статьи вызвана необходимостью дополнительного урегулирования норм уголовно-процессуального законодательства относительно участия защитника на стадии предварительного расследования и в суде. Проведенным исследованием рассмотрены вопросы применения меры процессуального принуждения в виде задержания с соблюдением конституционных прав и свобод человека и гражданина, при которой имеется необходимость в законодательном закреплении обязательного участия защитника с момента фактического задержания лица. Кроме того, исходя из правоприменительной практики, по уголовным делам продолжает оставаться актуальной одна из наиболее острых проблем, возникающая в связи с осуществлением защиты законных прав и интересов двух и более подозреваемых, обвиняемых, а иногда, в ходе судебного разбирательства и подсудимых, одним защитником по одному и тому же уголовному делу либо же защитниками, состоящими в родстве.

Ключевые слова: право на защиту, права человека и гражданина в уголовном судопроизводстве, задержанный, защита двух и более подозреваемых, адвокатский запрос, адвокатская этика.

Основополагающим принципом или началом уголовно-процессуального права является право на защиту. Наличие механизмов, которые позволяют реализовать данное право, являются базой для обеспечения состязательности в уголовном судопроизводстве, что влияет на качество и эффективность процесса отправления правосудия, а именно справедливого правосудия желает каждый гражданин.

В данной работе хотелось бы рассмотреть те проблемы, которые возникают при реализации права на защиту. Данный вопрос является предметом исследования как ученых, так и юристов-практиков [1, с. 262-264], но при этом данная проблема не теряет своей остроты и актуальности. На сегодняшний день реализация права на защиту может рассматриваться в двух аспектах: самостоятельная защита своих интересов или использование для защиты квалифицированной помощи.

Согласно действующего законодательства квалифицированную правовую помощь оказывают адвокаты, которые в уголовном судопроизводстве выступают в качестве защитников. Казалось бы, квалифицированный специалист может и должен выполнять свои обязанности на высоком профессиональном уровне. К сожалению, следует признать, что защита в уголов-

ном процессе – это защита от системы, которая имеет иной более мощный ресурс. Сторона обвинения и сторона защиты наделены условно равными правами, однако защитнику, чтобы реализовать представленные права, в большинстве случаев, необходимо обращаться с ходатайством к следователю, дознавателю, которые представляют сторону обвинения, что ставит защитника не в положение равного среди равных, а в положение просящего. Выполнение запросов защитника также надлежаще не регламентировано, срок выполнения запросов и ответственность в случае, если запрос остался без ответа, нормативно не выписаны.

Согласно действующему Уголовно-процессуальному кодексу РФ (далее – УПК РФ) защитник участвует в деле:

- с момента вынесения постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого;
- с момента возбуждения уголовного дела в отношении конкретного лица;
- с момента фактического задержания лица, подозреваемого в совершении преступления, в случаях:
- предусмотренных ст. ст. 91 и 92 УПК РФ (основания задержания);
- применения к нему в соответствии со ст. 100 УПК РФ меры пресечения в виде заключения под стражу;
- с момента вручения уведомления о подозрении в совершении преступления в порядке, установленном ст. 223-1 УПК РФ;
- с момента объявления лицу, подозреваемому в совершении преступления, постановления о назначении судебно-психиатрической экспертизы;
- с момента осуществления иных мер процессуального принуждения или иных процессуальных действий, затрагивающих права и свободы лица, подозреваемого в совершении преступления [2].

В решениях Европейского суда по правам человека (далее ЕСПЧ), неоднократно обращалось особое внимание на то, что использование в уголовном судопроизводстве доказательств, полученных с нарушением ст. 3 Конвенции о защите прав и основных свобод (далее Конвенция), всегда поднимает вопросы о добросовестности судопроизводства. В постановлении по делу «Тангиев против России» суд отметил, что показания заявителя, данные после задержания, повлияли на итог уголовного судопроизводства, наличие таких доказательств привело к несправедливости уголовного судопроизводства, и постановил, что имело место нарушение п.1 ст. 6 Конвенции [3].

В соответствии с действующим законодательством, если защитник участвует в производстве по уголовному делу с момента фактического задержания подозреваемого, его участие в составлении протокола задержания обязательно. Законодатель, полагаем, пытался защитить права задержанного данным нововведением, однако, если защитник не присутствовал при фактическом задержании, получается, что протокол может составляться без его участия, а внесенные в него заявления задержанного в последствии могут быть использованы в качестве доказательств по делу.

Хотелось бы привести следующий пример: постановлением Черкесского городского суда Карачаево-Черкесской Республики задержание Манченко М. А. признано незаконным. По возбужденному уголовному делу Манченко М. А. был допрошен в качестве свидетеля и до момента задержания его статус не менялся. После заключения экспертизы Манченко М. А. был задержан в порядке ст. 91 УПК РФ, а основанием задержания указано, что потерпевший указал на него, как на лицо, совершившее преступление. Суд установил, что следователем был нарушен порядок задержания, а именно прокурор о задержании был уведомлен по истечении 12 часов, предусмотренных действующим законодательством, а также в протоколе отсутствовали мотивы задержания. Судом было установлено, что в данном уголовном деле задержание использовалось как средство получения от подозреваемого признания вины в совершении преступления, что и послужило основанием для признания задержания незаконным [4]. Следует отметить, что данный пример можно рассматривать как положительный опыт судебной защиты прав граждан, но также вынуждены признать, что подобная практика нарушения прав задержанных не единична.

По нашему мнению, с целью обеспечения прав задержанных, целесообразно закрепить норму, обязывающую уполномоченное лицо, осуществляющее задержание, незамедлительно известить об этом орган, уполномоченный законом на предоставление бесплатной юридической помощи. Привлечение в обязательном порядке задержанному защитника с момента фактического задержания позволит наиболее полно обеспечить соблюдение основных прав и свобод задержанного, законности процедуры задержания и тем самым снизит риски получения доказательств, которые в последствии будут признаны недопустимыми, что влияет на качество правосудия.

Не хотелось бы, чтобы институт защиты в нашей стране превратился в фикцию как это происходит в Китайской народной республике (КНР), где систему адвокатов представляют: социальные адвокаты, адвокаты компаний, адвокаты правительств и адвокаты армий. Законодательно адвокатская деятельность была регламентирована в 1997 году и до настоящее времени законодательство изменяется с учетом современных социально-экономических требований эпохи глобализации. Число статей, регламентирующих право на защиту, увеличилось, однако по факту защита в уголовных делах является иллюзией, поскольку китайские адвокаты без энтузиазма берутся защищать по уголовным делам в силу того, что защитники подвергаются давлению, ходатайства остаются без удовлетворения, а в отдельных случаях в удовлетворении ходатайств обвиняемых о предоставлении защитника отказывают. Из этого следует, что институт защиты в Китае несмотря на его законодательное закрепление, фактически в уголовном судопроизводстве – фиктивное явление.

Справедливости ради стоит сказать, что не все зависит от законодателя, который должен создать максимально благоприятные условия для функционирования института защиты. Реалии сегодняшнего дня демонстрируют претензии и к самим лицам, которые осуществляют квалифицированную защиту – адвокатам.

Помним, что лицо имеет право самостоятельно осуществлять свою защиту и в этом случае все риски ложатся на самого подозреваемого, обвиняемого, если же защита предоставляется профессиональными адвокатами здесь у подозреваемого, обвиняемого есть выбор привлечения защитника по назначению или на основании заключения договора. К сожалению, в современной действительности сложилось мнение о том, что защитник по назначению не профессионален, не мотивирован на должное выполнение своих обязанней, а защитник, которому работа оплачивается подозреваемым, обвиняемым, более качественно и добросовестно выполняет свою работу. Конечно же это не залог успешной защиты, имеются неединичные примеры качественной работы именно защитников по назначению, но в данном случае лишь подтверждается правило, что на вкус и цвет товарища нет, каждый волен реализовывать право на защиту в том виде, который, по его мнению, является для него наиболее результативным.

При проведении предварительного расследования по уголовным делам продолжает оставаться актуальной одна из наиболее острых проблем, возникающая в связи с осуществлением защиты законных прав и интересов двух и более подозреваемых, обвиняемых, а иногда, в ходе судебного разбирательства и подсудимых, одним защитником по одному и тому же уголовному делу.

В правоприменительной практике Российской Федерации постоянно обращается внимание на защиту прав и свобод человека, закрепленных и гарантированных основным законом государства – Конституцией Российской Федерации. Все чаще обращается внимание должностных лиц, осуществляющих предварительное расследование, а также прокуратуры и судов на недопустимость нарушения этих прав. Но, к сожалению, данная проблема по сегодняшний день существует в достаточно масштабных пределах.

В соответствии с положениями ст. 16 УПК РФ, подозреваемому и обвиняемому на предварительном следствии необходимо обеспечить право на защиту. Это право наделяет лиц, которые подвергаются уголовному преследованию, возможностью защищаться любыми законными способами, пользоваться услугами неограниченного количества защитников по соглашению и защитника по назначению лица, производящего предварительное расследование.

В процессе реализации обеспечения подозреваемому, обвиняемому права на защиту, которое представляет собой фундаментальный принцип уголовного судопроизводства, при производстве предварительного расследования ни в коем случае нельзя допустить его нарушения.

В уголовно-процессуальном законодательстве Российской Федерации нет прямых норм, которые запрещают одному адвокату осуществлять защиту двух и более лиц по одному и тому же уголовному делу. Лишь в п. 3 ч. 1 ст. 72 УПК РФ в качестве ограничения к участию защитника в уголовном деле указывается, что он не может оказывать юридическую помощь лицу, интересы которого противоречат интересам его подзащитного (подозреваемого, обвиняемого).

Что происходит на практике? Так, к примеру следователь (дознаватель), предварительно выяснив позиции привлекаемых к ответственности лиц, в целях экономии времени либо, при отсутствии, на первый взгляд, противоречий в их показаниях, принял решение о допуске одного и того же адвоката в качестве защитника по уголовному делу. С участием одного и того же защитника избрал меру пресечения и произвел допросы в качестве подозреваемых. Один из подозреваемых, вполне законно, пользуясь своим правом на защиту, решил заключить досудебное соглашение и изобличить своего «подельника» в совершении серии иных преступлений, о которых ему достоверно известно. Как результат, защитник подлежит отводу, поскольку возникли противоречия у двух его подзащитных. Также возникает вопрос, а будут ли судом признаны в качестве доказательств допросы этих подозреваемых, с признательными показаниями, проведенные с участием в допросах одного и того же защитника. Ответ очевиден – нарушено право на защиту, поскольку противоречие интересов имеет очень тонкую грань.

В первую очередь адвокат, с которым заключили соглашение либо, выступающий по назначению в качестве защитника подозреваемого, обвиняемого, должен самостоятельно принимать решение о защите только одного участника уголовного судопроизводства. Но, не всегда это превалирует на практике. В первую очередь адвокату выгодно одному осуществлять защиту всех подозреваемых, обвиняемых по уголовному делу, что дает возможность «контролировать» ход и направление расследования (защитнику известны показания, позиция всех подозреваемых, обвиняемых); важную роль играет финансовый аспект (защитнику оплачивается соответственно больший гонорар в зависимости от количества подзащитных).

Еще один пример, когда защиту двух и более подозреваемых, обвиняемых, подсудимых осуществляют адвокаты, состоящие между собой в родстве или иных близких отношениях. Так, двое обвиняемых привлекались к ответственности за совершение разбойного нападения. На предварительном следствии к участию в уголовном дела в качестве защитников были допущены адвокаты, состоящие между собой в родстве – мать и сын, которые, соответственно, в суде продолжили защиту. На протяжении предварительного расследования показания обвиняемых корректировались защитниками в пользу одного из обвиняемых (того, который заключил соглашение с адвокатом), а второй обвиняемый (которого адвокат защищал по назначению), как предполагалось защитниками большую часть вины должен был «взять на себя», при этом от дачи показаний обвиняемый на предварительном следствии отказался. При рассмотрении уголовного дела в суде, подсудимый, защиту которого осуществлял адвокат по назначению, решил дать показания, изобличающие его подельника в совершении преступления, однако, это не смогло уже существенно повлиять на дальнейшее рассмотрение дела и на основании всех совокупных доказательств ему было назначено судом более строгое наказание.

Таким образом, мы видим, что одновременная защита двух и более подозреваемых, обвиняемых адвокатами, состоящими между собой в родстве, пагубно сказывается на их подзащитных, защита строится так, как выгодно,

преимущественно в пользу одного подозреваемого, обвиняемого, подсудимого. В этом случае рассчитывать на полноценную защиту невозможно.

Приходим к выводу, что адвокат, принимая решение о защите двух и более подозреваемых, обвиняемых, нарушает тем самым право этих участников уголовного судопроизводства на защиту; он не задумывается, что ему придется возвращать в случае отвода либо недовольства клиента довольно значительные суммы; остро становится вопрос, касающийся адвокатской этики; наносится ущерб деловой репутации как самому адвокату, так и в целом Адвокатской палате.

Исходя из рассмотренных нами обстоятельств, полагаем, что не может одно и то же лицо осуществлять защиту законных прав и интересов двух и более подозреваемых, обвиняемых, подсудимых по одному и тому же делу, либо, при наличии родства между адвокатами, осуществляющими защиту двух и более лиц с противоречивыми интересами.

Подводя итог, хотелось отметить, что работа законодателя на сегодняшний день требует внесения в УПК РФ изменений и дополнений, которые позволят более эффективно реализовывать представленное конституционное право на защиту, а именно: обязательное привлечение защитника при задержании лиц в порядке ст. 91 УПК РФ; законодательно закрепить сроки исполнения адвокатского запроса и ответственность за его неисполнение; установить в качестве дополнительного критерия допуска адвоката в качестве защитника по уголовному делу запрет на использование какой бы то ни было конфиденциальной информации, предусмотренной этическими нормами, для собственной выгоды, или для выгоды третьей стороны, или в ущерб подзащитному. Адвокат, помогая подзащитному, ни в коем случае не должен нарушать закон, он может и обязан использовать все ему известные законные способы для того, чтобы добиться оптимального и желаемого результата для своего доверителя. Никогда не следует забывать, что адвокат – фигура самостоятельная и всегда имеет право выбора своего поведения и своей позиции во взаимоотношениях с подзащитным, органами предварительного следствия и судом. Никаким гонораром не окупится падение престижа адвоката как в глазах доверителя, так и перед лицом суда и общества в целом.

Список литературы

1. Журба О. Л. К вопросу обеспечения прав участников уголовного судопроизводства / О. Л. Журба / Евразийский юридический журнал. – 2017. – № 9 (112). – С. 262-264.

2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 18.12.2001 г. № 174-ФЗ // Российская газета. – 2001. – № 249.

3. Конвенция о защите прав человека и основных свобод : Принята 04.11.1950 г. // Собрание законодательства РФ. – 1998. – № 20. – С. 2143.

4. Каталог статей. URL : www.borkalov.com/katalog-statej (дата обращения 01.09.2019). – Текст электронный.

Zhurba O. L., Radneva E. G. Certain problems of the right to a defence at the modern stage of criminal procedure development / O. L. Zhurba, Radneva E. G. // Scientific notes of

V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2019. – T. 4 (72). № 4. – P. 483-488.

The relevance of the article is due to the need for additional regulation of provisions of the criminal procedural law regarding the participation of a lawyer at the stage of preliminary investigation and in court. The study examined the application of the procedural coercive measure in the form of detention in compliance with the constitutional rights and freedoms of the man and the citizen, in which there is a need for legal implementation of the mandatory participation of a lawyer from the moment of actual detention of a person. In addition, based on law enforcement practice in criminal cases, one of the most acute problems that arises in connection with the protection of the legitimate rights and interests of two or more suspects, who are accused, and sometimes, during the trial who are defendants, by one lawyer on the same criminal case or the same kinship lawyers.

Keywords: right to defence, human and civil rights in criminal procedure, detainee, defence of two or more suspects, lawyer's request, legal ethics.

Spisok literatury`

1. Zhurba O. L. K voprosu obespecheniya prav uchastnikov ugolovnogo sudoproizvodstva / O. L. Zhurba / Evrazijskij yuridicheskij zhurnal. – 2017. – № 9 (112). – S. 262-264.

2. Ugolovno-processual`ny`j kodeks Rossijskoj Federacii: Federal`ny`j zakon ot 18.12.2001 g. № 174-FZ // Rossijskaya gazeta. – 2001. – № 249.

3. Konvenciya o zashhite prav cheloveka i osnovny`x svobod : Prinyata 04.11.1950 g. // Sobranie zakonodatel`stva RF. – 1998. – № 20. – S. 2143.

4. Katalog statej. URL : www.borkalov.com/katalog-statej (data obrashheniya 01.09.2019). – Tekst e`lektronny`j.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2019. – Т. 5 (71). № 4. – С. 235-242.

УДК 343.21:616-097-022.1

ВОПРОСЫ СОДЕРЖАНИЯ САНКЦИЙ И НАЗНАЧЕНИЯ НАКАЗАНИЯ ЗА ЗАРАЖЕНИЕ ВИЧ-ИНФЕКЦИЕЙ В ДЕЙСТВУЮЩЕМ УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РФ

Скворцова О. В., Горчуева В. А.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского

В данной статье исследованы вопросы содержания и выявлены некоторые проблемы построения санкций нормы, предусматривающей уголовную ответственность за заражение вирусом иммунодефицита человека, в действующем уголовном законодательстве РФ. Осуществлен анализ практики назначения наказания за заражение вирусом иммунодефицита человека в последние годы. Установлено, что практика назначения наказания за заражение вирусом иммунодефицита человека свидетельствует о сформировавшейся тенденции смягчения назначаемых наказаний. Предложено внести изменения в санкции данной нормы с целью корректировки практики их применения.

Ключевые слова: заражение вирусом иммунодефицита человека, заведомое поставление в опасность заражения, назначение наказания, цели наказания, виды наказаний, проблемы построения санкции статьи.

Массовое распространение заболевания, вызванного вирусом иммунодефицита человека (далее – ВИЧ-инфекция), – это угроза как международной, так и национальной безопасности. ВИЧ-инфекция относится к социально значимым заболеваниям и способна вызвать тяжелые социально-экономические и демографические последствия для Российской Федерации. Поэтому борьбу с этим негативным явлением можно отнести к одной из основных проблем XXI века.

На сегодняшний день меры уголовно-правового воздействия являются одним из основных методов борьбы с распространением ВИЧ-инфекции в нашей стране. Ведь каждый преступный акт предполагает негативную реакцию со стороны государства, то есть неотвратимый ответ за совершенное преступление. Для эффективности указанного метода представляется необходимым сконструировать санкции ст. 122 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) [1] таким образом, чтобы цели наказания максимально были достигнуты.

Вместе с тем, выявленные в ходе анализа нарушения в построении санкций ст. 122 УК РФ, а также тенденции в назначении наказаний являются, на наш взгляд, препятствием для достижения положительных результатов в этой сфере и требуют законодательного разрешения, что и обусловило актуальность осуществляемого исследования.

Следует отметить, что указанной проблеме в правовой доктрине не уделяется должное внимание, что также подтверждает уникальность выбранной темы.

Цель исследования заключается в комплексном изучении вопросов содержания санкций ст. 122 УК РФ и назначения наказания за заражение ВИЧ-инфекцией.

Цель исследования определяет решение следующих задач:

- выявить проблемы построения санкций ст. 122 УК РФ;

- проанализировать статистические данные за 2014-2018 гг. по Российской Федерации о наказаниях, назначаемых за преступления, предусмотренные ст. 122 УК РФ;

- сформулировать теоретические выводы и практические рекомендации по совершенствованию законодательного регулирования вопросов построения санкций и назначения судами наказания.

На сегодняшний день статья, предусматривающая уголовную ответственность за заражение ВИЧ-инфекцией (ст. 122 УК РФ), состоит из четырех частей, следовательно, подвергнуть анализу необходимо все санкции, содержащиеся в рамках этой статьи.

Санкция ч. 1 ст. 122 УК РФ является альтернативной, то есть предусматривает возможность назначить одно из нескольких основных видов наказания. Так, за поставление в опасность заражения ВИЧ-инфекцией осужденному может быть назначено основное наказание в виде: ограничения свободы на срок до трех лет, принудительных работ на срок до одного года, ареста сроком до шести месяцев, лишения свободы на срок до одного года.

В отчетности Судебного департамента Верховного Суда Российской Федерации [2 – 6] содержатся официальные статистические данные о видах наказания (формы № 10.3), о сроках лишения свободы (формы № 10.3.1), о числе осужденных по всем составам преступлений (формы № 10-а).

Проанализировав статистические показатели назначения наказания за период с 2014 по 2018 гг., можно прийти к выводу о том, что за поставление в опасность заражения ВИЧ-инфекцией (ч. 1 ст. 122 УК РФ) назначалось: лишение свободы без условного осуждения – 24,7 % осужденных, лишение свободы с условным осуждением – 18,2 % осужденных, ограничение свободы – 56,9 % осужденных.

Как видно, из четырех наказаний, предусмотренных в санкции ч. 1 ст. 122 УК РФ, применяется только два: ограничение свободы и лишение свободы.

На наш взгляд, арест как разновидность наказания необходимо исключить из санкции ст. 122 УК РФ. Объясняется это тем, что в нашем государстве арест как разновидность наказания не применяется по причине отсутствия условий отбывания этого наказания. В данном случае речь идет об отсутствии на сегодняшний день арестных домов. В России существует соответствующая законодательная база для создания и функционирования арестных домов, но исполнительная власть не может организовать их строительство ввиду отсутствия необходимого финансирования. Многие ученые справедливо выделяют и другие недостатки применения в качестве наказания ареста, например:

- арест дублирует по своей карательной природе лишение свободы;

- арест, в соответствии с принципом построения системы наказаний (ст. 44 УК РФ), является менее строгим наказанием по сравнению с лишением свободы, однако условия исполнения ареста гораздо суровее лишения свободы на определенный срок и др.

Принудительные работы в течение пяти лет по ч. 1 ст. 122 УК РФ осужденным не назначались. Представляется, что указанная разновидность наказания не назначалась по следующим причинам.

Во-первых, согласно ч. 1 ст. 60.1 Уголовно-исполнительного кодекса (далее – УИК) РФ: «Осужденные к принудительным работам отбывают наказание в специальных учреждениях – исправительных центрах в пределах территории субъекта Российской Федерации, в котором проживали или были осуждены» [7].

В настоящее время исправительные центры и участки исправительных учреждений, функционирующих как исправительные центры, действуют лишь в некоторых субъектах Российской Федерации. Это приводит к тому, что на практике указанная разновидность наказания применяется довольно редко, либо не применяется вообще.

Во-вторых, назначение принудительных работ осужденным, страдающим ВИЧ-инфекцией, является негуманным и нерациональным.

Санкция ч. 2 ст. 122 УК РФ содержит в качестве наказания только лишение свободы сроком до пяти лет.

Безальтернативность санкции свидетельствует о невозможности реализации принципа индивидуализации наказания, то есть назначения наказания согласно характеру и степени общественной опасности совершенного деяния, учета личности виновного и иных фактических обстоятельств дела.

Кроме того, следует учитывать, что ч. 2 ст. 122 УК РФ охватывает как умышленное заражение ВИЧ-инфекцией, так и совершенное по легкомыслию, что говорит о наличии различного характера и степени общественной опасности совершенного деяния.

Также стоит отметить, что по ч. 2 ст. 122 УК РФ к ответственности привлекаются только лишь «вирусоносители», то есть лица, страдающие ВИЧ-инфекцией, следовательно, при назначении наказания судам необходимо учитывать этот факт. Условия отбывания наказания в местах лишения свободы нельзя назвать благоприятными, что может негативно отразиться на состоянии здоровья больного. Также за заражение ВИЧ-инфекцией привлекаются лица, достигшие к моменту совершения преступления шестнадцатилетнего возраста. Как следствие, представляется не гуманным привлекать к лишению свободы несовершеннолетних лиц, которые страдают указанным заболеванием.

Руководствуясь изложенным, считаем необходимым дополнить санкцию ч. 2 ст. 122 УК РФ альтернативными видами наказания, например, такими как обязательные или исправительные работы.

Согласно анализу статистических показателей с 2014 по 2018 гг. включительно, размещенных на официальном сайте Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации в отчетах о сроках лишения свободы и размерах штрафов, было установлено следующее: из 57 осужденных к лишению свободы по ч. 2 ст. 122 УК РФ, 10 осужденным назначено лишение свободы на срок до одного года, 39 осужденным – от одного года до двух лет, 8 осужденным – от двух до трех лет. Лишение свободы сроком свыше трех лет за анализируемый период не назначалось.

Как видим, в большинстве случаев суды назначают наказание в виде лишения свободы на срок от одного года до двух лет (68,4 %), а это, в свою очередь, свидетельствует о смягчении уголовной репрессии.

Помимо этого, стоит затронуть тему касательно условного осуждения к лишению свободы. Отметим, что только лишь в 2018 г. из 33 осужденных по ч. 2 ст. 122 УК РФ – 20 человек условно осуждены к лишению свободы. В целом же за период 2014-2018 гг. из 263 осужденных по всем частям ст. 122 УК РФ условно осуждены к лишению свободы – 89 человек, что составляет 33, 8 %.

Значительное количество условно осужденных к лишению свободы говорит о том, что осужденные по факту остаются на воле и могут заражать окружающих ВИЧ-инфекцией. Таким образом, при условном осуждении к лишению свободы за заражение ВИЧ-инфекцией цели наказания, в частности, исправление, могут быть не достигнуты.

Во избежание подобных случаев нами предложено дополнить санкцию ч. 2 ст. 122 УК РФ такими наказаниями, которые реально смогут назначаться осужденным и позволят достигать основных целей назначения наказания. В соответствии с ч. 2 ст. 43 УК РФ, таковыми являются восстановление социальной справедливости, исправление осужденного и превенция (общая и специальная). Степень и характер общественной опасности заражения ВИЧ-инфекцией является высоким, а причиненный вред не может быть устранен. Поэтому, на наш взгляд, при безусловной значимости каждой, закрепленной в действующем УК РФ, цели наказания на первый план выступает цель предупреждения. Именно реально применяемые, соответствующие общественной опасности содеянного, уголовно-правовые меры в санкции ч. 2 ст. 122 УК РФ будут способствовать воздействию на осужденных и иных лиц, удерживая их от совершения преступления, наряду с достижением и других целей наказания.

Согласно ч. 2 ст. 53 УК РФ, наказание в виде ограничения свободы может назначаться как дополнительное к наказанию в виде лишения свободы, если указанное зафиксировано в санкции статьи Особенной части УК РФ.

Представляется целесообразным в санкции ч. 2 ст. 122 УК РФ предусмотреть в качестве дополнительного наказания к лишению свободы – ограничение свободы, которое заключается в установлении конкретных ограничений, например, не посещать определенные места, не покидать место жительства в определенное время суток. Являясь дополнительным наказанием, оно может назначаться на срок от шести месяцев до двух лет (ч. 2 ст. 53 УК РФ). В таком случае даже условное осуждение к лишению свободы не станет препятствием для возложения определенных ограничений на виновного.

Санкция ч. 3 ст. 122 УК РФ содержит наказание в виде лишения свободы на срок до восьми лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенным видом деятельности на срок до десяти лет, либо без такового.

В данном случае имеет место быть большой разрыв между минимальной и максимальной границами наказания в виде лишения свободы. В отличие от ч. 1 и ч. 2 анализируемой нормы, где санкция также содержит наказание в виде лишения свободы, но, что вполне логично, с гораздо более низким показателем верхнего предела. В санкции же ч. 3 разрыв составляет показатель в 48 раз (от двух месяцев, по

данным ч. 2 ст. 56 УК РФ, до восьми лет лишения свободы, по данным ч. 3 ст. 122 УК РФ).

На наш взгляд, было бы целесообразнее установить в санкции анализируемого состава минимальный срок лишения свободы не менее трех и не более пяти лет на усмотрение законодателя и с учетом правил конструирования санкций в статьях, имеющих части.

Системный анализ судебной практики в части назначения наказания за деяния, совершенные по ч. 3 ст. 122 УК РФ, показал, что за период 2014-2018 гг. из 25 осужденных к лишению свободы 3 осужденным назначено лишение свободы на срок от одного года до двух лет, 7 осужденным – от двух до трех лет, 13 осужденным – от трех до пяти лет, 2 осужденным – от пяти до восьми лет.

Такая судебная практика явно не согласуется с тем, что заражение ВИЧ-инфекцией двух или более лиц, либо несовершеннолетнего принадлежит к категории тяжких преступлений, посягающих на один из наиболее ценных объектов уголовно-правовой охраны – здоровье человека.

Также следует отметить, что в течение анализируемого периода лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью в качестве дополнительного вида наказания за совершение преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 122 УК РФ, было назначено всего один раз.

Указанные показатели свидетельствуют о том, что размещение в санкции ч. 3 ст. 122 УК РФ такого наказания как лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью является бесполезным и не логичным, так как субъект преступления по ч. 3 данной нормы не является специальным даже с позиции занятия профессиональной деятельностью. Помимо этого, предлагаем в качестве дополнительного наказания к лишению свободы предусмотреть наказание в виде ограничения свободы.

За заражение ВИЧ-инфекцией другого лица вследствие ненадлежащего исполнения профессиональных обязанностей, за которое предусмотрена ответственность по ч. 4 ст. 122 УК РФ, законодатель предлагает назначать наказания в виде: принудительных работ сроком до пяти лет (минимальный срок, согласно ч. 4 ст. 53.1 УК РФ, составляет два месяца) с лишением права занимать определенные должности и заниматься определенной деятельностью до трех лет либо без такового, или лишение свободы на срок до пяти лет с лишением права занимать определенные должности и заниматься определенной деятельностью сроком до трех лет.

Считаем, что сроки лишения права занимать определенные должности и заниматься определенной деятельностью, предусмотренные в санкции ч. 4 ст. 122 УК РФ, необоснованно занижены, особенно, с учетом регламентации пределов данного наказания в санкции ч. 3 ст. 122 УК РФ.

Так, если мы обратим внимание на санкцию ч. 3 ст. 122 УК РФ, то анализируемое наказание назначается на срок до десяти лет, хотя преступление не является служебным, его совершение непосредственно не связано с осуществлением какой-либо деятельности. При этом преступление, предусмотренное ч. 4 ст. 122 УК РФ, может совершаться только лицом, который занимает определенную должность или занимается определенной деятельностью и нарушает свои профессиональные обязанности, следовательно, на наш взгляд, предел назначения анализируемого наказания должен быть повышен.

Наряду с обозначенным, учитывая тот факт, что ч. 4 ст. 122 УК РФ не применяется, представляется невозможным проследить практику назначения наказания осужденным по указанной статье.

В заключение осуществляемого исследования, следует отметить, что санкция ст. 115.2 УК РСФСР 1960 г. [8] предусматривала за поставление в опасность заражения ВИЧ-инфекцией наказание в виде лишения свободы до 5 лет, а за заражение ВИЧ-инфекцией – до 8 лет. Наказание за фактическое заражение заболеванием СПИД (абз. 2 ст. 115.2 УК РСФСР) приравнивалось к наказанию за умышленное тяжкое телесное повреждение (ст. 108 УК РСФСР). Как видно, уголовное законодательство советского периода предусматривало более суровую ответственность за заражение ВИЧ инфекцией.

Таким образом, анализ вопросов содержания санкций в составах преступного заражения ВИЧ-инфекцией, а также судебной практики назначения наказания за деяния, регламентируемые ст. 122 УК РФ, позволило прийти к выводу, что имеются нарушения в построении санкций, прослеживается тенденция к смягчению назначаемых наказаний, неприменение наказаний на практике. На основании изложенного предложено внести изменения в санкции посредством дополнения их альтернативными, дополнительными видами наказаний, исключением неприменяемых на практике наказаний, корректировки регламентации имеющихся видов наказаний. А именно:

- из санкции ч. 1 ст. 122 УК РФ необходимо исключить наказания в виде ареста, а также принудительных работ;

- санкция ч. 2 ст. 122 УК РФ является безальтернативной, следовательно, для реализации принципов гуманизма и индивидуализации назначения наказания представляется необходимым дополнить ее альтернативными видами наказания, в частности, такими как обязательные или исправительные работы. Кроме того, в связи с высоким удельным весом условного осуждения к лишению свободы предложено в санкции ч. 2 ст. 122 УК РФ предусмотреть в качестве дополнительного наказания к лишению свободы – ограничение свободы;

- в санкции ч. 3 ст. 122 УК РФ предложено устранить большой разрыв в показателях пределов назначения лишения свободы путем установления минимального срока лишения свободы за данный квалифицированный состав преступления;

- в санкции состава, предусматривающего уголовную ответственность за заражение ВИЧ-инфекцией вследствие ненадлежащего исполнения профессиональных обязанностей, усматривается необоснованное понижение сроков назначения наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, следовательно, на наш взгляд, указанные сроки должны быть повышены.

Список литературы

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения – 15.10. 2019). – Текст электронный.

2. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2018 год. Формы № 10.1; 10.3; 10.3.1; 10-а; 11; 11.1; 11.2. URL: http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4894/ (дата обращения – 15.10. 2019). – Текст электронный.

3. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2017 год. Формы № 10.1; 10.3; 10.3.1; 10-а; 11. URL: http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4572/ (дата обращения – 15.10. 2019). – Текст электронный.

4. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2016 год. Формы № 10.1; 10.3; 10.3.1; 10-а; 11. URL: http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=3834/ (дата обращения – 15.10. 2019). – Текст электронный.

5. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2015 год. Формы № 10.1; 10.3; 10.3.1; 10-а; 11. URL: http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=3423/ (дата обращения – 15.10. 2019). – Текст электронный.

6. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2014 год. Формы № 10.1; 10.3; 10.3.1; 10-а; 11. URL: http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=2883/ (дата обращения – 15.10. 2019). – Текст электронный.

7. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08.01.1997 № 1-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12940/(дата обращения – 15.10. 2019). – Текст электронный.

8. Уголовный кодекс РСФСР от 27.10.1960. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_2950/(дата обращения – 15.10. 2019). – Текст электронный.

Skvortsova O. V., Gorchueva V. A. The questions of sanctions content and attachment of punishment for infecting with HIV in valid criminal legislation of Russian Federation / O. V. Skvortsova, V. A. Gorchueva // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2019. – T. 4 (72). № 4. – P. 236-242.

This article contains a legal observation relating to content issues and certain problems of construction of sanctions in the norm, contemplating liability to prosecution for immunodeficiency virus infection of the person in valid criminal legislation of Russian Federation. An analysis of practical assignment of punishment for immunodeficiency virus infection of the person in the last years was accomplished. It was determined that a practical assignment of punishment for immunodeficiency virus infection of the person is indicating that tendency of remission of fixed penalty is established. It was suggested to bring about a change in the sanctions of this norm for the purpose of adjustment of their practical application.

Keywords: immunodeficiency virus infection of the person, known endangering of infection, assignment of punishment, purpose of punishment, kinds of punishment, problems of construction of sanctions in the norm.

Spisok literatury`

1. Ugolovny`j kodeks Rossijskoj Federacii ot 13.06.1996 № 63-FZ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (data obrashheniya – 15.10. 2019). – Tekst e`lektronny`j.

2. Svodny`e statisticheskie svedeniya o sostoyanii sudimosti v Rossii za 2018 god. Formy` № 10.1; 10.3; 10.3.1; 10-a; 11; 11.1; 11.2. URL: http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4894/ (data obrashheniya – 15.10. 2019). – Tekst e`lektronny`j.

3. Svodny`e statisticheskie svedeniya o sostoyanii sudimosti v Rossii za 2017 god. Formy` № 10.1; 10.3; 10.3.1; 10-a; 11. URL: http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4572/ (data obrashheniya – 15.10. 2019). – Tekst e`lektronny`j.

4. Svodny`e statisticheskie svedeniya o sostoyanii sudimosti v Rossii za 2016 god. Formy` № 10.1; 10.3; 10.3.1; 10-a; 11. URL: http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=3834/ (data obrashheniya – 15.10. 2019). – Tekst e`lektronny`j.

5. Svodny`e statisticheskie svedeniya o sostoyanii sudimosti v Rossii za 2015 god. Formy` № 10.1; 10.3; 10.3.1; 10-a; 11. URL: http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=3423/ (data obrashheniya – 15.10. 2019). – Tekst e`lektronny`j.

6. Svodny`e statisticheskie svedeniya o sostoyanii sudimosti v Rossii za 2014 god. Formy` № 10.1; 10.3; 10.3.1; 10-a; 11. URL: http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=2883/ (data obrashheniya – 15.10. 2019). – Tekst e`lektronny`j.

7. Ugolovno-ispolnitel`ny`j kodeks Rossijskoj Federacii ot 08.01.1997 № 1-FZ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12940/(data obrashheniya – 15.10. 2019). – Tekst e`lektronny`j.

8. Ugolovny`j kodeks RSFSR ot 27.10.1960. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_2950/(data obrashheniya – 15.10. 2019). – Tekst e`lektronny`j.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2019. – Т. 5 (71). № 4. – С. 243-248.

УДК 343.11

ПОДГОТОВКА УГОЛОВНОГО ДЕЛА К АПЕЛЛЯЦИОННОМУ РАССМОТРЕНИЮ

Стародубова Г. В.

Воронежский государственный университет

В статье анализируется порядок подготовки уголовного дела к рассмотрению в суде апелляционной инстанции. С учетом того, что данная подготовка осуществляется судом первой инстанции до направления уголовного дела или материалов во вторую инстанцию, количество нарушений, обусловивших снятие дел с апелляционного рассмотрения, их возвращение в суд первой инстанции, является довольно большим. Приводится статистика таких решений судебной коллегии по уголовным делам Воронежского областного суда, а также примеры наиболее распространенных нарушений норм УПК РФ, регулирующих данный этап уголовного судопроизводства. Предлагается законодательно ограничить срок подготовки уголовного дела к апелляционному пересмотру двумя месяцами с возможностью его продления мотивированным постановлением судьи суда первой инстанции.

Ключевые слова: апелляционное производство, апелляционная жалоба, суд первой инстанции, пересмотр, подготовка, уголовное дело, срок, возвращение уголовного дела, снятие с апелляционного рассмотрения.

Право на обжалование приговора либо иного судебного решения, не вступившего в законную силу, является одним из важнейших прав участников уголовного судопроизводства, и прежде всего, осужденного и потерпевшего. Возможность поставить под сомнение законность, обоснованность и(или) справедливость решения суда по уголовному делу, указать на следственно-судебную ошибку, добиться ее исправления способствует торжеству правосудия и укреплению в обществе доверия к нему. Избежать ошибок при разрешении уголовных не удастся. В связи с этим необходим эффективный механизм их выявления до вступления приговора и иного судебного решения в законную силу. Таким механизмом в отечественном уголовном процессе призвано быть апелляционное производство.

Процедура апелляционного пересмотра начинается с подачи апелляционной жалобы либо апелляционного представления. УПК РФ закрепил, что они приносятся через суд, постановивший приговор, вынесший иное обжалуемое решение (ч. 1 ст. 389.3). Закон возлагает на суд первой инстанции ряд обязанностей по подготовке уголовного дела к собственно апелляционному рассмотрению. Порядок такой подготовки закреплен в нормах главы 45.1 УПК РФ, сопровождается разъяснениями в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27 ноября 2012 года № 26 «О применении норм УПК РФ, регулирующих производство в суде апелляционной инстанции».

Постановивший приговор или вынесший иное обжалуемое решение суд при получении апелляционной жалобы или апелляционного представления должен проверить, соответствуют ли они по содержанию требованиям ч. 1, 1.1 и 2 ст. 389.6

УПК РФ. В зависимости от результатов проверки суд первой инстанции либо возвращает апелляционную жалобу или апелляционное представление с назначением срока для пересоставления, либо извещает об их подаче или принесении заинтересованных участников судопроизводства, направляет им копии апелляционной жалобы или представления и разъясняет право представить возражения на них в письменной форме. При поступлении возражений этот же суд рассылает их копии заинтересованным лицам (ч. 4 ст. 389.6 УПК РФ). В связи с тем, что в соответствии с ч. 2 ст. 389.19 УПК РФ суд апелляционной инстанции вправе проверить производство по уголовному делу в полном объеме и в отношении всех осужденных, включая тех, которые апелляционную жалобу не подавали, суд, постановивший приговор или вынесший иное обжалуемое решение, должен известить о поданных жалобах, принесенном представлении и возражениях на них всех осужденных, оправданных, лиц, в отношении которых судом прекращено уголовное преследование.

Если жалоба или представление поданы по истечении срока апелляционного обжалования, то суд первой инстанции оставляет их без рассмотрения (ст. 389.4 УПК РФ). Если они сопровождаются ходатайством о восстановлении пропущенного срока обжалования, это ходатайство должно быть разрешено судьей суда первой инстанции – председательствовавшим в судебном заседании по уголовному делу или иным (ч. 1 ст. 389.5 УПК РФ).

По истечении сроков обжалования и направления возражений суд первой инстанции передает дело с комплектом поступивших апелляционных жалоб, представлений, возражений в суд второй инстанции. Об этом опять же должны быть извещены стороны (ч. 2 ст. 389.8 УПК РФ).

Таким образом, законом на суд первой инстанции возложен довольно существенный круг обязанностей организационно-обеспечительного характера, связанных с апелляционными жалобами и представлениями. Все эти действия, уже не имеющие какого-либо отношения к производству по первой инстанции, безусловно, составляют правовое, органичное единство с апелляционным производством [1, с. 112].

Их выполнение – наиболее длительная часть апелляционного производства, которая вовсе не исчерпывается 10-суточным сроком апелляционного обжалования, установленным ст. 389.4 УПК РФ. Так, данный срок не считается пропущенным, если до его истечения апелляционная жалоба будет сдана в почтовое отделение. Соответственно суду необходимо выждать достаточное время для ее доставки. Направление копий поступивших жалоб, представлений сторонам и иным, заинтересованным лицам с разъяснением их прав и процессуальных возможностей осуществляется, как правило, почтой. Соответственно их пересылка увеличивает период производства до передачи уголовного дела в суд апелляционной инстанции. Для подачи возражений должен быть определен срок. Закон по этому поводу установлений не содержит. Его продолжительность зависит от усмотрения суда первой инстанции. Однако Пленум Верховного Суда РФ в постановлении № 26 указывает, что он должен быть сопоставим со сроком, установленным для принесения самой жалобы или представления, т.е. не менее 10 суток со дня получения копии апелляционной жалобы или апелляционного представления. Возражения участников так же, как и жалобы, могут быть направлены через почту, что должно быть учтено судом первой инстанции.

Кроме того, в период до направления судом первой инстанции уголовного дела с поданной апелляционной жалобой, принесенным апелляционным представлением и возражениями на них в апелляционную инстанцию суд должен ознакомить участников, ходатайствовавших об этом, с материалами уголовного дела и протоколом судебного заседания, рассмотреть замечания на него, если они поданы сторонами.

Таким образом, продолжительность производства в суде второй инстанции во многом обусловлена оперативностью действий судьи, принявшего решение, о пересмотре которого ставится вопрос.

На практике существует проблема ненадлежащей подготовки судьей первой инстанции уголовного дела к апелляционному рассмотрению. Отмечается, что случаи длительного разбирательства дел обусловлены не только обстоятельствами объективного характера, но и существенными недостатками в организации работы по направлению материалов и уголовных дел в апелляционную инстанцию. Эта проблема стабильно сохраняется на протяжении долгого времени [3].

При подготовке и назначении заседания суда апелляционной инстанции поступившие материалы или уголовное дело должны быть изучены и проверены на предмет выполнения судом первой инстанции требований ст. 389.6 и 389.7 УПК РФ. Уголовно-процессуальный закон устанавливает, что при выявлении несоответствия апелляционной жалобы или представления требованиям закона (ч. ч. 1- 3 ст. 389.6 УПК РФ), при неизвещении лиц, интересы которых ими затрагиваются, ненаправлении им соответствующих копий и т.д. (ст. 389.7 УПК РФ), судья, в соответствии с ч. 3 ст. 389.11 УПК РФ возвращает уголовное дело в суд первой инстанции для устранения обстоятельств, препятствующих рассмотрению данного дела в суде апелляционной инстанции. Такое же решение принимается и в случае направления уголовного дела с апелляционной жалобой или представлением, поданными по истечении срока, установленного ч. 1 ст. 389.4 УПК РФ, а также при несоблюдении прав сторон на ознакомление с протоколом судебного заседания и (или) иными материалами дела. Если вышеназванные нарушения выявлены в ходе судебного заседания апелляционной инстанции, то уголовное дело должно быть снято с апелляционного рассмотрения с возвращением его в суд первой инстанции для устранения этих нарушений.

Процентный показатель уголовных дел и материалов, снятых с апелляционного рассмотрения, возвращенных без рассмотрения судом апелляционной инстанции по Воронежской области довольно большой. В 2017 году в судебную коллегию по уголовным делам Воронежского областного суда поступило на рассмотрение 2946 уголовных дел и материалов, из них снято с апелляционного рассмотрения 227 дел, что составляет 7,8% [4]. В 2018 году из 2795 уголовных дел и материалов возвращено без рассмотрения судом апелляционной инстанции 162 дела или 5,8 % соответственно [2]. Снижение количества уголовных дел, возвращенных в суд первой инстанции, свидетельствует о повышении качества их подготовки до направления в суд апелляционной инстанции. Однако с учетом того, что основания для этого преимущественно связаны с недочетами в работе суда первой инстанции, показатель все же является недопустимо высоким.

Среди наиболее часто встречающихся причин снятия дел с апелляционного рассмотрения судебной коллегии по уголовным делам Воронежского областного суда можно отметить невыполнение требования ст. 389.7 УПК РФ об извещении

сторон о поданных апелляционных жалобах и принесенных апелляционных представлениях, возражениях на них, о направлении их копий, а также копий иных процессуальных документов, оформляющих решения суда первой инстанции на рассматриваемом этапе судопроизводства. Так, уголовные дела были возвращены в суд первой инстанции в связи с отсутствием подтверждения получения осужденной копии приговора, из-за ненаправления заинтересованным лицам копий постановления об отклонении замечаний на протокол судебного заседания; в виду невручения участникам, не владеющим языком уголовного судопроизводства, копий перевода приговора, либо апелляционного представления, либо возражений на апелляционную жалобу, либо промежуточных решений суда первой инстанции.

Еще одной причиной возвращения уголовных дел в суд первой инстанции является несоответствие апелляционных жалоб требованиям ст. 389.6 УПК РФ и неиспользование закрепленного ч. 4 этой же статьи механизма по устранению выявленного несоответствия. Так, материалы по апелляционным жалобам либо уголовные дела возвращались в связи с тем, что в суд первой инстанции поступали предварительные апелляционные жалобы, в которых было указано о подаче основной жалобы после ознакомления с материалами уголовного дела или получения копии обжалуемого решения, но в суд апелляционной инстанции направлялись именно предварительные жалобы; апелляционные жалобы не были подписаны их заявителем вовсе либо подписаны, но другим лицом, не являющимся участником уголовного судопроизводства. Кроме того, можно отметить случай, когда уголовное дело было снято с апелляционного рассмотрения в связи с подачей жалобы лицом, не наделенным правом обжалования: судом первой инстанции постановлен обвинительный приговор в отношении двух обвиняемых, совершивших преступление в соучастии; в апелляционной жалобе одной из них содержалась просьба об отмене этого приговора в отношении второго осужденного, а не в отношении нее самой, что нарушает положения ст. 389.1 УПК РФ.

УПК РФ не установлен срок апелляционного производства. Также нет нормативного указания на срок производства в суде первой инстанции до направления уголовного дела с поданной апелляционной жалобой, принесенным апелляционным представлением и возражениями на них в апелляционную инстанцию. Есть лишь указание на сроки начала рассмотрения уголовного дела в суде апелляционной инстанции. Они составляют 15 суток для районного суда, 30 суток для областного и равного ему суда субъекта РФ, а также окружного (флотского) военного суда и 45 суток для апелляционного суда общей юрисдикции, апелляционного военного суда и Верховного Суда РФ. Течение срока в данном случае начинается со дня поступления уголовного дела в суд апелляционной инстанции.

Срок апелляционного производства в целом законодательно определить вряд ли возможно. В него включается время, необходимое для проведения судебного заседания апелляционной инстанции. Его продолжительность зависит, прежде всего, от судебного следствия, поскольку в ходе данного этапа закон предполагает проверку доказательств, имеющихся в материалах уголовного дела и исследованных судом первой инстанции, а также допускает возможность исследовать доказательства, содержащиеся в деле, но не исследованные судом первой инстанции, и новые доказательства, которые ранее сторонами не представлялись при рассмотрении дела.

Что касается срока подготовки уголовного дела судом первой инстанции к апелляционному пересмотру, то его необходимо закрепить законодательно. Представляется, что он должен составлять 2 месяца с момента провозглашения приговора судом первой инстанции. Этого срока достаточно для совершения необходимых действий по уведомлению лиц, чьи интересы затрагиваются апелляционной жалобой либо апелляционным представлением, об их подаче с направлением копий, получения возражений и т.д. При этом закон должен предусматривать возможность продления данного срока мотивированным постановлением соответствующего судьи суда первой инстанции, если по объективным причинам требуется дополнительное время, к примеру, в связи с большим объемом уголовного дела и заявлением кем-либо из участников уголовного судопроизводства ходатайства об ознакомлении с ним. Нормативное установления срока подготовки уголовного дела судом первой инстанции к апелляционному пересмотру дисциплинирует судей и будет дополнительной гарантией права участников на судопроизводство в разумный срок.

Список литературы

1. Апелляция в уголовном судопроизводстве: научно-практическое пособие / Под общ. ред. В. В. Ершова. – М. : «Издательство «Право», 2013. – 352 с.

2. Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел за 12 месяцев 2018 года. URL: http://oblsud.vrn.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&rid=37 (дата обращения: 20 сентября 2019 года). – Текст электронный

3. Процессуальные сроки рассмотрения уголовных дел и причины их нарушения // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1999. № 7. – СПС «КонсультантПлюс».

4. Справка по результатам анализа практики снятия дел с апелляционного рассмотрения за 2017 год. URL: http://oblsud.vrn.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=457 (дата обращения: 12 сентября 2019 года). – Текст электронный.

Starodubova G. V. Preparation of the criminal case for appeal / G. V. Starodubova // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2019. – T. 4 (72). № 4. – P. 243-248.

The article analyses the procedure for preparing a criminal case for consideration in the court of appeal. In view of the fact that this training is carried out by the court of first instance before the submission of the criminal case or materials to the second instance, the number of violations that led to the withdrawal of cases from the appeal, their return to the court of first instance, is quite large. Statistics of such decisions of the Judicial Board on Criminal Cases of the Voronezh Regional Court are given, as well as examples of the most common violations of the norms of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation governing this stage of criminal proceedings. It is proposed to limit by law the period of preparation of a criminal case for appeal review to two months, with the possibility of its extension by a reasoned decision of a judge of the court of first instance.

Keywords: appeal production, appeal, court of first instance, revision, preparation, criminal case, term, return of criminal case, removal from appeal consideration.

Spisok literatury`

1. Apellyaciya v ugolovnom sudoproizvodstve: nauchno-prakticheskoe posobie / Pod obshh. red. V. V. Ershova. – M. : «Izdatel`stvo «Pravo», 2013. – 352 s.

2. Otchet o rabote sudov obshhej yurisdikcii po rassmotreniyu ugolovny`x del za 12 mesyacev 2018 goda. URL: http://oblsud.vrn.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&rid=37 (data obrashheniya: 20 sentyabrya 2019 goda). – Tekst e`lektronny`j

3. Processual`ny`e sroki rassmotreniya ugolovny`x del i prichiny` ix narusheniya // Byulleten` Verxovnogo Suda RF. 1999. № 7. – SPS «Konsul`tantPlyus».

4. Spravka po rezul`tatam analiza praktiki snyatiya del s apellyacionnogo rassmotreniya za 2017 god. URL: http://oblsud.vrn.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=457 (data obrashheniya: 12 sentyabrya 2019 goda). – Tekst e`lektronny`j.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2019. – Т. 5 (71). № 4. – С. 249-254.

УДК 67. 628

ИНСТИТУТ ОБЩИХ УСЛОВИЙ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ И ЕГО РОЛЬ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ ДОЗНАНИЯ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

Титова К. А.

Краснодарский университет МВД России

В статье рассматриваются особенности реализации общих условий предварительного расследования при производстве дознания по уголовным делам. На основе обобщения судебно-следственной практики приведены отдельные общие условия предварительного расследования при производстве дознания по уголовным делам, с которыми сталкиваются дознаватели при расследовании уголовных дел в форме дознания. Показаны факторы, оказывающие негативное влияние при реализации отдельных общих условий предварительного расследования при производстве дознания по уголовным делам и предложены пути решения, направленные на их преодоление.

Ключевые слова: судопроизводство, уголовное дело, общие условия предварительного расследования, органы дознания, производство дознания по уголовным делам, выделение и восстановление уголовных дел.

В современном российском уголовно-процессуальном законодательстве дознание определяется как упрощенная форма расследования преступлений по отношению к предварительному следствию. Производство дознания регламентируется главами 32 и 32.1 УПК РФ, и проводится по общим правилам предварительного расследования. Однако дознанию, как самостоятельной форме предварительного расследования присущи и свои особенности, которые прописаны в соответствующих статьях УПК РФ.

Среди ученых правоведов подходы к определению понятия дознания рознятся. Так, например, Загорский Г. И. понимает под дознанием только лишь действия, непосредственно направленные на раскрытие преступного посягательства и фиксацию первоначальных доказательств, имеющих важное значение по делу, а вот производство полного расследования относит к следствию [1]. Противоположного мнения придерживается Стельмах В. Ю., которой полагает, что производство дознания включает в себя совокупность следующих действий: первоначальная проверка сообщения о преступлении, результатом которой является вынесение постановления о возбуждении или об отказе в возбуждении уголовного дела; производство неотложных следственных действий, лицом управомоченным на их осуществление с дальнейшей передачей материалов дела прокурору; и, наконец, производство полного предварительного расследования в форме дознания по уголовному делу, итогом которого будет являться обвинительный акт, передаваемый вместе с материалами уголовного дела прокурору [6, с.15]. Таким образом, одни полагают, что дознание – это производство лишь неотложных следственных действий, а другие под дознанием

подразумевают реализацию всех существующих видов уголовно-процессуальной деятельности, присущих предварительному расследованию.

Проанализировав все отличительные особенности производства предварительного расследования в форме дознания, мы приходим к выводу о том, что дознание от предварительного следствия существенно не отличается. Так, Кабанцов Ю. Н. отмечал: «Схожие черты дознания и предварительного следствия прослеживаются в следующем: во-первых, в перечне, основаниях и порядке производства следственных действий; во-вторых, в видах, основаниях избрания, изменения и отмены основных мер пресечения, а также применения иных мер процессуального принуждения; в-третьих, основных требованиях, предъявляемых к процессуальным документам, которые составляются в ходе расследования. А также начало предварительного следствия и дознания в общем порядке имеет место только после вынесения постановления о возбуждении уголовного дела. Однако, несмотря на схожесть данных форм предварительного расследования некоторые процессуалисты рассматривают либо дознание как упрощенный вариант предварительного следствия, либо предварительное следствие как квалифицированное дознание» [3, с. 168]. На наш взгляд дознание не следует рассматривать в качестве упрощенной формы уголовного судопроизводства, поскольку дознание хоть и имеет схожие черты с предварительным следствием, но все же имеет свои, характерные только ему особенности и поэтому дознание следует рассматривать исключительно как самостоятельную форму предварительного расследования.

Соблюдение, предусмотренных Конституцией Российской Федерации прав, свобод и законных интересов человека и гражданина при производстве предварительного расследования в форме дознания обеспечивается соблюдением определенных правил, регламентирующих порядок производства такого расследования. Данные правила установлены уголовно-процессуальным законодательством РФ и называются общими условиями предварительного расследования. Несмотря на довольно широкое внимание процессуалистов к институту общих условий предварительного расследования имеются проблемы, требующие переосмысления, которые связаны с их реализацией при производстве дознания по уголовным делам.

Одним, из общих условий предварительного расследования является выделение уголовного дела в отдельное производство. Так, например, в отношении несовершеннолетнего подозреваемого (обвиняемого), совершившего уголовно-наказуемое деяние совместно с совершеннолетними лицом, уголовное дело может быть выделено вследствие не достижения возраста уголовной ответственности. Однако при реализации данного основания в ходе практической деятельности появляется вопрос о процессуальном статусе лица, не достигшего возраста уголовной ответственности, в силу чего в отношении него уголовное дело выделено в отдельное производство, и которого необходимо допросить об обстоятельствах преступления, по уголовному делу, по которому производство продолжается, только уже в отношении совершеннолетнего лица. Подозреваемым по такому уголовному делу он являться не будет, поскольку уголовное преследование в отношении него прекращено, и свидетелем, по нашему мнению, он также являться не может, хотя бы потому, что объем прав, принадлежащих лицу, не достигшему возраста уголовной ответственности и совершившему уголовно-наказуемое деяние, в данном случае, будет не соответствовать объему прав, принадлежащих ему в случае если бы он проходил при

расследовании уголовного дела в качестве свидетеля. В уголовно-процессуальном законодательстве Швейцарии, например, при возникновении такой ситуации несовершеннолетний допрашивается в качестве лица, являющегося источником сведений. Данное положение закреплено в п. f ст. 178 УПК Швейцарии и звучит следующим образом: «В качестве лица, являющегося источником сведений, может быть допрошено лицо, обвиняемое в преступлении, которое взаимосвязано с данным преступлением, но расследуется в другом производстве» [7, с. 92]. На наш взгляд, статус несовершеннолетнего в такой ситуации должен быть строго определен, а название существенного значения иметь не будет и возможно назвать данный правовой статус по аналогии с уголовно-процессуальным законодательством Швейцарии. В данной ситуации мы считаем необходимым введение уголовно-процессуальной нормы, регулирующей статус несовершеннолетнего и определяющей его основные права и обязанности. Такая практика уже имеется в российском уголовно-процессуальном законодательстве. Так, в 2018 году в уголовно-процессуальный кодекс РФ была введена норма, определяющая уголовно-процессуальный статус лица, заключившего с прокурором досудебное соглашение о сотрудничестве. Основанием такого нововведения послужило постановление Конституционного суда, в котором он обязал законодателя внести в УПК РФ такого рода изменения. В данном постановлении Конституционный суд счел необходимым наличие процессуального статуса обвиняемого по уголовному делу, выделенному в отдельное производство в связи с заключением досудебного соглашения о сотрудничестве, в судебном разбирательстве по основному делу в целях дачи показаний в отношении лиц, обвиняемых в том же преступлении в соучастии с ним. Во исполнение данного указания, в ноябре 2018 года федеральным законом № 376-ФЗ, в УПК РФ была введена статья 56.1, которая и установила основной объем прав и обязанностей данного участника уголовного судопроизводства.

Еще одним дискуссионным вопросом, касающимся порядка реализации общих условий предварительного расследования, является право дознавателя на внесении представления об устранении обстоятельств, способствующих совершению преступления. Так, согласно ч. 2 ст. 158 УПК РФ при установлении в ходе предварительного расследования в форме дознания обстоятельств, способствующих совершению преступления, дознаватель вправе внести представление в соответствующую организацию и соответствующему должностному лицу представление об устранении обстоятельств, способствующих совершению преступления.

Данная норма носит диспозитивный характер и не обязывает дознавателя выносить представление, предоставляя ему право оставить это на свое усмотрение. Однако, такая позиция законодателя противоречит главному назначению правоохранительной деятельности - противодействию преступности, обеспечению прав, свобод и законных интересов общества и государства, поскольку вопрос с обстоятельствами, способствующими совершению преступления, может остаться неразрешенным, что в последствии приведет к совершению новых, аналогичных преступлений. На наш взгляд, вынесение постановления об устранении обстоятельств, способствующих совершению преступлений, все же должно быть обязанностью дознавателя.

Еще одной немаловажной проблемой является отсутствие в уголовно-процессуальном законодательстве такого института как восстановление уголовных

дел, и как следствие отсутствие четко регламентированного порядка их восстановления. Многие ученые процессуалисты придерживаются мнения о необходимости создания уголовно-процессуального института восстановления уголовных дел, аргументируя это тем, что восстановительное производство является особой формой деятельности органов предварительного расследования, поэтому требует к себе пристального внимания законодателя, детальной регламентации и подробного изучения [4]. На наш взгляд, данное мнение вполне обосновано и более подробный порядок реализации восстановления утраченных уголовных дел просто необходим в правоприменительной деятельности.

Согласно ч. 1ст. 158 УПК РФ восстановление утраченного уголовного дела либо его материалов производится по постановлению начальника органа дознания, а в случае утраты уголовного дела либо его материалов в ходе судебного производства, то по решению суда. Восстановление производится по сохранившимся копиям утерянных процессуальных документов, либо же путем производства следственных или иных процессуальных действий.

На практике часто встречаются случаи, когда обвиняемый при ознакомлении с материалами уголовного дела предпринимает попытки (не редко и весьма успешные) к уничтожению материалов. Так, в июле 2011 г. обвиняемый, при ознакомлении с материалами обвинения в помещении следственного изолятора N 7, похитил том N 7 возбужденного в отношении него уголовного дела, пронес в помещение камеры и там съел его [2]. Другим примером служит приговор Калининского районного суда г. Челябинска, согласно которому Терещенко П.В., находясь в следственном кабинете № 4 ФКУ СИЗО-3 ГУФСИН России по Челябинской области, вырвал из тома № 1 возбужденного в отношении него уголовного дела листы № № 200-204, на которых находился протокол допроса подозреваемого Терещенко П.В. от 20.07.2016 г., листы № № 205-210, на которых находилось уведомление обвиняемого о дате предъявления обвинения и постановление о привлечении в качестве обвиняемого Терещенко П.В., листы № № 211-216, на которых находился протокол допроса обвиняемого Терещенко П.В., а затем, действуя также умышленно, разорвал оказавшиеся в его руках листы на мелкие части, фактически уничтожив их [5].

Вышеуказанные случаи являются не единственными причинами утраты материалов уголовных дел. Помимо уничтожения материалов уголовного дела обвиняемым они могут быть утеряны вследствие каких-либо стихийных бедствий, например, наводнений либо же по причине халатности должностных лиц, производящих расследования.

В данном случае решением данной проблемы мы считаем осуществление при расследовании уголовных дел электронного документооборота. Отсутствие в деятельности правоохранительных органов электронного документооборота влечет за собой колоссальные по своим объемам материалы уголовных дел, а также затрачиваемые материальные и людские ресурсы. Так, на практике довольно часто бывают случаи, когда расследованное уголовное дело не умещается и на 8-9 томах. При этом со всеми этими материалами уголовного дела должен быть ознакомлен обвиняемый, который в свою очередь может предпринять попытки к их уничтожению, не говоря уже о возможном воздействии природных стихий, которые повлекут утрату большей части уголовных дел, если не всех. Поэтому, мы считаем правильным и логичным, переводить материалы уголовных дел в электронный формат, что

обеспечит не только упрощение процедуры восстановления материалов уголовного дела, но и сократит расходы сил и средств, затрачиваемых при восстановительном производстве.

Рассмотренные нами в данной статье общие условия предварительного расследования, реализуемые непосредственно при производстве дознания по уголовным делам, при их строгом соблюдении, в полной мере обеспечивают полноту, объективность и быстроту при расследовании уголовного дела, а также гарантируют соблюдение прав, свобод и законных интересов человека и гражданина, предусмотренных Конституцией РФ. В тоже время, соблюдение общих условий предварительного расследования при производстве дознания по уголовным делам на сегодняшний день не в полной мере осуществляется практическими сотрудниками, а в уголовном законодательстве имеются существенные недоработки, которые необходимо устранять.

Список литературы

1. Загорский Г. И. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / Г. И. Загорский. – Проспект. – 2016. – 785 с.

2. Заключенный похитил свое уголовное дело. URL: http://kp.ru/online/ news/ 954163 (Дата обращения 01.09.2019). – Текст электронный.

3. Кабанцов Ю. Н. Основные правила производства дознания в общем порядке / Ю. Н. Кабанцов // Общество и право. – 2015. – С. 164-170.

4. Мещерякова О. А. Некоторые проблемы реализации института восстановления утраченного уголовного дела либо его материалов в российском уголовном судопроизводстве / О. А. Мещерякова // Вестник ВятГУ. – 2015. – № 4. – С. 138-142.

5. Приговор № 1-126/2017 от 23 марта 2017 г. по делу № 1-126/2017. URL: https://sudact.ru (дата обращения 07.10.2019). – Текст электронный.

6. Стельмах В. Ю. Дознание в органах внутренних дел: Учебное пособие / В. Ю. Стельмах. – Екатеринбург: Уральский юридический институт. – 2015. – 145 с.

7. Трефилов А. А. Уголовно-процессуальный кодекс Швейцарии от 5 октября 2007 года / А. А. Трефилов. – М. : НИПКЦ Восход-А, 2012. 405 с.

Titova K. A. The institute of general conditions for the preliminary investigation and its role in criminal inquiry / K. A. Titova // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2019. – T. 4 (72). № 4. – P. 249-254.

The article discusses the features of the implementation of the general conditions of preliminary investigation in the production of inquiries in criminal cases. On the basis of generalization of the judicial-investigative practice, certain general conditions of the preliminary investigation in the production of inquiries in criminal cases that investigators encounter in the investigation of criminal cases in the form of inquest are given. The factors that have a negative impact in the implementation of certain general conditions of the preliminary investigation in the production of inquiries in criminal cases are shown and solutions are proposed to overcome them.

Keywords: legal proceedings, criminal case, general conditions of preliminary investigation, inquiry bodies, inquiry in criminal cases, separation and restoration of criminal cases.

Spisok literatury`

1. Zagorskij G.I . Kommentarij k Ugolovno-processual`nomu kodeksu Rossijskoj Federacii / G. I. Zagorskij. – Prospekt. – 2016. – 785 s.

2. Zaklyuchenny`j poxitil svoe ugolovnoe delo. URL: http://kp.ru/online/ news/ 954163 (Data obrashheniya 01.09.2019). – Tekst e`lektronny`j.

3. Kabanczov Yu. N. Osnovny`e pravila proizvodstva doznaniya v obshhem poryadke / Yu. N. Kabanczov // Obshhestvo i pravo. – 2015. – S. 164-170.

4. Meshheryakova O. A. Nekotory`e problemy` realizacii instituta vosstanovleniya utrachennogo ugolovnogo dela libo ego materialov v rossijskom ugolovnom sudoproizvodstve / O. A. Meshheryakova // Vestnik VyatGU. – 2015. – № 4. – S. 138-142.

5. Prigovor № 1-126/2017 ot 23 marta 2017 g. po delu № 1-126/2017. URL: https://sudact.ru. – Tekst e`lektronny`j.

6. Stel`max V. Yu. Doznanie v organax vnutrennix del: Uchebnoe posobie / V. Yu. Stel`max. – Ekaterinburg: Ural`skij yuridicheskij institut. – 2015. – 145 s..

7. Trefilov A. A. Ugolovno-processual`ny`j kodeks Shvejczarii ot 5 oktyabrya 2007 goda / A. A. Trefilov. – M. : NIPKCz Vosxod-A, 2012. 405 s.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2019. – Т. 5 (71). № 4. – С. 255-260.

УДК 343.131.8

СООТНОШЕНИЕ СОГЛАШЕНИЙ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РОССИИ И РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

Топчиева Т. В.

Барнаульский юридический институт МВД России

Статья посвящена вопросу соотношения соглашений о сотрудничестве в уголовном судопроизводстве России и Республики Казахстан. Автор анализирует сложившиеся процессуальные институты, определяет их соотношение по следующим критериям: кругу преступлений, стадиям уголовного судопроизводства, участникам, условиям. Обосновывает необходимость совершенствования института досудебного соглашения о сотрудничестве.

Ключевые слова: уголовный процесс, процессуальное соглашение о сотрудничестве, досудебное соглашение о сотрудничестве, дискреционность, типы уголовного процесса, подозреваемый, обвиняемый, прокурор, судья.

Довольно продолжительное время республики, входящие в состав СССР, развивались в едином уголовно-процессуальном поле, где основными приоритетами являлись установление объективной истины по каждому уголовному делу, назначение виновному справедливого наказания. Однако в связи с определением самостоятельности союзных республик произошла существенная модернизация постсоветского правового пространства. Вошедший в большинство уголовно-процессуальных законов союзных государств принцип состязательности сторон привел не только к расширению прав участников уголовного судопроизводства, но и обусловил развитие тенденции к ускорению уголовного судопроизводства посредством возникновения различных моделей ускоренного производства, к которым относятся досудебное соглашение о сотрудничестве в Российской Федерации и процессуальное соглашение о сотрудничестве в Республике Казахстан.

Вместе с тем, особенность рассматриваемых процессуальных институтов заключается не только в упрощении производства по уголовному делу. Соглашения о сотрудничестве несут в себе признаки договорного начала, присущие частному праву. Введение процессуальных соглашений в публичную сферу общественных отношений со свойственным ей императивным характером свидетельствует о конвергенции частного и публичного права практически на всем постсоветском пространстве.

Проведем сравнительный анализ досудебного соглашения о сотрудничестве и процессуального соглашения о сотрудничестве по следующим критериям: категории преступлений, стадии уголовного судопроизводства, участникам, условиям заключения соглашения.

Исходя из буквального толкования норм отечественного уголовно-процессуального законодательства, досудебное соглашение о сотрудничестве может

быть заключено по любой категории преступлений. Однако практика применения рассматриваемого процессуального института и правовая позиция Верховного Суда Российской Федерации [1] свидетельствует о том, что досудебное соглашение о сотрудничестве, как указывалось ранее, заключается по тяжким и особо тяжким преступлениям, совершенных в соучастии, по которым уголовным законом предусмотрено наказание в виде лишения свободы сроком более пяти лет либо более строгий вид наказания, поскольку данная процедура вводилась в уголовный процесс с целью расширения средств противодействия организованным и другим опасным преступлениям и повышения эффективности их расследования, а также расследования преступлений, совершенных в соучастии либо организованными преступными группами [2]. Таким образом, досудебное соглашение о сотрудничестве заключается лишь по преступлениям, подследственным органам предварительного следствия, и совершенным в соучастии. Судебная практика свидетельствует о распространенном опыте заключения соглашения о сотрудничестве с несколькими подозреваемыми (обвиняемыми) в ходе расследования одного уголовного дела одновременно [3].

В отличие от российского уголовно-процессуальное законодательство Республики Казахстан закрепляет право заключения соглашения о сотрудничестве, во-первых, за участниками преступной группы, которые готовы способствовать раскрытию и расследованию преступлений, причем по любым категориям преступлений; во-вторых, за лицами, которые могут сообщить сведения о совершении тяжкого преступления или преступлений, связанных с терроризмом и экстремизмом. Сходство применения рассматриваемых процедур заключается в невозможности заключения соглашения о сотрудничестве с лицом, которое сообщает сведения лишь о собственном участии в совершенном преступлении, поскольку институты досудебного соглашения о сотрудничестве и процессуального соглашения о сотрудничестве выступают в качестве правовых средств борьбы с организованной преступностью, экстремизмом и терроризмом. Вместе с тем, анализ норм главы 40.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее УПК РФ) и главы 63 Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан (далее УПК РК) свидетельствует о возможности заключения соглашения о сотрудничестве с лицом, совершившим преступление единолично, однако готовым дать показания и изобличить лиц, совершивших особо тяжкие преступления или преступления экстремистской, террористической, коррупционной направленности.

Применение процедуры досудебного соглашения о сотрудничестве в российском уголовном процессе обусловлено ее назначением. Исходя из семантики названия этого процессуального института и требований ч. 2 ст. 317.1 УПК РФ, заключение досудебного соглашения о сотрудничестве возможно на стадии досудебного производства, а именно «…с момента начала уголовного преследования до объявления об окончании предварительного следствия» [4]. Появление такой процедуры именно на стадии предварительного расследования дела обусловлено заинтересованностью законодателей в более эффективном раскрытии и расследований «заказных» убийств, фактов бандитизма, наркопреступлений и преступлений коррупционной направленности. То есть всех тех видов преступлений, которые в настоящее время все чаще совершаются, но связаны с определенными трудностями при расследовании: найти и закрепить необходимые доказательства, установить причастных к совершению преступления лиц и их виновность в силу того, что они зачастую

состоят в преступных группах и не заинтересованы давать обвинительные показания о своих подельниках. Правоприменительная практика реализации досудебного соглашения о сотрудничестве свидетельствует об эффективности данного процессуального инструмента по привлечению к сотрудничеству лиц, состоящих в организованных группах и преступных сообществах, тем самым способствуя успешному расследованию указанных преступлений.

Уголовно-процессуальное законодательство Республики Казахстан предусматривает более широкое применение процессуального соглашения о сотрудничестве, которое может быть заключено с момента начала производства по уголовному делу до исполнения приговора включительно, что напрямую вытекает из анализа норм, закрепленных в п. 37 ст. 7 УПК РК. Думается, данное законодательное положение позволяет более эффективно использовать содействие подозреваемых, обвиняемых, осужденных в раскрытии и расследовании преступлений, представляющих наибольшую общественную опасность для общества и государства, поскольку, не смотря на возможность применения мер безопасности к лицам, сотрудничающими с органами предварительного расследования, довольно часто подозреваемые, обвиняемые опасаются как за свою безопасность, так и жизнь и здоровье своих близких, т.к. учитывают сложившиеся внутри преступной группы социально-психологические связи и ценности преступного сообщества. Имеющаяся у осужденного возможность изобличить соучастников преступления либо иных лиц, совершивших особо тяжкие преступления либо преступления в составе преступной группы, в том числе экстремисткой и террористической направленности позволяет, во-первых, минимизировать распространение информации о содействии следствию; во-вторых, более эффективно выявлять ранее совершенные латентные преступления, представляющие наибольшую опасность для общества и государства в целом.

Исходя из определения, закрепленного в п. 61 ст. 5 УПК РФ, досудебное соглашение о сотрудничестве может быть заключено между сторонами обвинения и защиты, которые представлены соответственно подозреваемым, обвиняемым, защитником и следователем, руководителем следственного органа, прокурором. Данный круг участников закреплен российским законодателем, исходя из принципа состязательности сторон, который предполагает равные процессуальные права сторон перед судом. Однако, учитывая то, что современный российский уголовный процесс относится к «смешанному» типу, в процедуре досудебного соглашения о сотрудничестве данный принцип реализуется не в полной мере, поскольку, во-первых, одного лишь волеизъявления подозреваемого (обвиняемого) недостаточно для заключения соглашения, во-вторых, ходатайство о заключении соглашения о сотрудничестве хотя и адресуется прокурору, но первоначальное решение при его рассмотрении принимается следователем, в-третьих, прокурор в российском уголовном процессе не правомочен принимать решения, связанные с размером и видом наказания. По сути, заключая соглашение о сотрудничестве, прокурор лишь официально подтверждает, что сотрудничество подозреваемого (обвиняемого) необходимо для расследования уголовного дела; в результате содействия подозреваемого (обвиняемого) будет изобличена преступная деятельность соучастников либо лиц, совершивших иные преступления, и «…разъясняет нормы уголовного законодательства, которые могут быть применены в отношении подозреваемого или обвиняемого при соблюдении последним условий и выполнении обязательств, указанных в досудеб-

ном соглашении о сотрудничестве…» [4]. По окончании предварительного расследования прокурор подтверждает, что обвиняемый выполнил взятые на себя соглашением обязательства, и выносит представление об особом порядке проведения судебного заседания, которое для суда является процессуальным основанием для проведения судебного разбирательства в особом порядке.

В целом круг участников казахского соглашения о сотрудничестве аналогичен российскому. Отличие состоит лишь в том, что соглашение о сотрудничестве может быть заключено и с осужденным, при этом оно утверждается Генеральным прокурором Республики Казахстан. Некоторые отличия характерны и для процессуального порядка заключения соглашения о сотрудничестве. В Российской Федерации следователь, руководитель следственного органа наделены более широкими полномочиями по рассмотрению заявленного ходатайства о заключении соглашения. При отсутствии целесообразности сотрудничества стороны защиты со следствием следователь вправе вынести постановление об отказе в удовлетворении ходатайства; при этом сторона защиты обладает правом обжаловать данное решение следователя руководителю следственного органа. Вместе с тем, в случае необходимости содействия и письменно заявленного волеизъявления подозреваемого, обвиняемого следователь обязан вынести мотивированное постановление о возбуждении перед прокурором ходатайства о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве. При этом данное процессуальное решение, в отличие от предыдущего, необходимо согласовать с руководителем следственного органа.

Уголовно-процессуальное законодательство Республики Казахстан не предполагает какого-либо усмотрения органов предварительного расследования и исполняющих наказания при решении вопроса о заключении процессуального соглашения о сотрудничестве, который в императивном порядке является прерогативой прокурора области либо его заместителя, а также Генерального прокурора Республики Казахстан (его заместителя). Помимо этого, анализ статей 618-621 УПК РК позволяет сделать вывод о том, что соглашение о сотрудничестве может быть заключено и при расследовании уголовных дел в форме дознания, что не свойственно российскому институту досудебного соглашения о сотрудничестве. В то же время особенностью рассматриваемого отечественного процессуального института является необходимость выделения уголовного дела в отдельное производство.

Некоторые отличительные особенности присущи этапу реализации процессуальных соглашений о сотрудничестве России и Казахстана. В Российской Федерации фактическими основаниями для вынесения прокурором представления об особом порядке проведения судебного заседания являются данные, свидетельствующие о том, каковы характер и пределы содействия обвиняемого следствию в раскрытии и расследовании преступления; значение сотрудничества с обвиняемым для раскрытия и расследования преступления, изобличении и уголовного преследования других соучастников преступления, розыска имущества, добытого в результате преступления; какие выявлены преступления или возбуждены уголовные дела в результате сотрудничества с обвиняемым, а также и степень угрозы личной безопасности сотрудничающего со следствием обвиняемого и его близких родственников, родственников и близких лиц (ст. 317.5 УПК РФ). В то время как казахское процессуальное соглашение о сотрудничестве может быть реализовано только лишь при наличии в материалах уголовного дела доказательств, свидетельствующих о при-

влечении в качестве обвиняемых лиц, совершивших особо тяжкие преступления, в составе преступной группы либо преступления экстремистской и террористической направленности, а также в отношении которых вынесен обвинительный приговор.

Вместе с тем, не смотря на некоторые отличия, сходство рассматриваемых процессуальных институтов заключается в их назначении – выявлении и эффективном расследовании тяжких и особо тяжких преступлений, совершенных в соучастии, а также наркопреступлений, коррупционной, экстремисткой и террористической направленности посредством сотрудничества подозреваемых, обвиняемых, осужденных (согласно уголовно-процессуальному законодательству Республики Казахстан) с органами предварительного расследования. Уголовное законодательство России и Республики Казахстан относит посткриминальное поведение сотрудничающих со следствием лиц к обстоятельствам, смягчающим наказание (ст. 61 УК РФ; ст. 53 УК РК), а также закрепляет существенное снижение наказания, предусмотренного Особенной частью Уголовного кодекса. Более того, нормы материального права Республики Казахстан закрепляют возможность освобождения от уголовной ответственности лиц, выполнивших в полном объеме условия процессуального соглашения (ст. 67 УК РФ). Таким образом, процессуальные соглашения о сотрудничестве выступают в качестве правового инструмента, способного снизить не только уровень латентной преступности, но и повысить эффективность борьбы с преступлениями, представляющими наибольшую опасность для общества и государства.

Проведенный сравнительно-правовой анализ норм материального и процессуального законодательства Российской Федерации и Республики Казахстан позволяет прийти к выводу, что существующие ныне наднациональные тенденции правовой глобализации и модернизации уголовного судопроизводства привели к созданию на постсоветском пространстве подобных процессуальных институтов, соответствующих современным потребностям развития общества рассматриваемых государств. Следует позитивно оценить позицию законодателя Республики Казахстан о возможности сотрудничества с органами предварительного расследования осужденного, поскольку в России довольно часто подозреваемые, обвиняемые, совершившие преступления в соучастии, не смотря на предусмотренные законом меры безопасности, применяемые к лицам, сотрудничающим со следствием, опасаются за свою жизнь и здоровье, а также жизнь и здоровье близких родственников, родственников и близких лиц, что, с одной стороны, приводит к снижению заключенных соглашений о сотрудничестве. Так, в 2014 году органами прокуратуры Алтайского края заключено 60 досудебных соглашений о сотрудничестве; в 2018 году – 15. [5], с другой, сведения о совершенных общественно опасных преступных деяниях остаются скрытыми от правоохранительных органов. При этом, фактические основания для заключения досудебного соглашения о сотрудничестве осужденным по сути остаются теми же, что позволяет прийти к выводу о возможности расширения круга участников досудебного соглашения о сотрудничестве со стороны защиты.

Список литературы

1. О практике применения судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2012 № 16 // СПС «КонсультантПлюс».

2. Топчиева Т. В. Соотношение соглашений о сотрудничестве в уголовном процессе России и США / Т. В. Топчиева // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2011. – № 3 (51). – С. 93-96.

3. Уголовное дело № 1-27/2018: Официальный сайт Петропавловского районного суда Алтайского края. URL: https://sudact.ru/regular/doc/KWeegXFvvx1K/ (дата обращения 01.10.2019). – Текст электронный.

4. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ (с посл. изменениями) // СПС «КонсультантПлюс».

5. Обзорная справка Прокуратуры Алтайского края. URL: http://www.prok-altai.ru/statistics/ (дата обращения 01.10.2019). – Текст электронный.

Topchieva T. V. Co-relation of collaboration agreements in criminal procedure of Russia and the Republic of Kazakhstan / T. V. Topchieva // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2019. – T. 4 (72). № 4. – P. 255-260.

This article is dedicated to co-relation of collaboration agreements in criminal procedure of Russia and the Republic of Kazakhstan. The author performs an analysis of the existing procedural institutes defining their co-relation by the following criteria: scope of crime, criminal proceedings stages, participants, conditions. The author also substantiates the need for improvement of pre-trial cooperation agreement institute.

Keywords: criminal proceedings, the procedural cooperation agreement, pre-trial collaboration agreement, discretionality, criminal proceeding categories, suspect, defendant, prosecutor, judge.

Spisok literatury`

1. O praktike primeneniya sudami osobogo poryadka sudebnogo razbiratel`stva ugolovny`x del pri zaklyuchenii dosudebnogo soglasheniya o sotrudnichestve: Postanovlenie Plenuma Verxovnogo Suda RF ot 28.06.2012 № 16 // SPS «Konsul`tantPlyus».

2. Topchieva T. V. Sootnoshenie soglashenij o sotrudnichestve v ugolovnom processe Rossii i SShA / T. V. Topchieva // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. – 2011. – № 3 (51). – S. 93-96.

3. Ugolovnoe delo № 1-27/2018: Oficial`ny`j sajt Petropavlovskogo rajonnogo suda Altajskogo kraya. URL: https://sudact.ru/regular/doc/KWeegXFvvx1K/ (data obrashheniya 01.10.2019). – Tekst e`lektronny`j.

4. Ugolovno-processual`ny`j kodeks Rossijskoj Federacii: federal`ny`j zakon ot 18.12.2001 № 174-FZ (s posl. izmeneniyami) // SPS «Konsul`tantPlyus».

5. Obzornaya spravka Prokuratury` Altajskogo kraya. URL: http://www.prok-altai.ru/statistics/ (data obrashheniya 01.10.2019). – Tekst e`lektronny`j.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2019. – Т. 5 (71). № 4. – С. 261-271.

УДК 342.95

СИСТЕМА ФУНКЦИЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ОБЛАСТИ АДМИНИСТРАТИВНЫХ НАКАЗАНИЙ

Цындря В. Н.

Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

В статье актуализирована потребность в систематизации функций государственной политики Российской Федерации в области административных наказаний (административно-наказательной политики). Установлено, что они являются производными от функций государственной правовой, административной и административно-деликтной политик, а также взаимосвязаны с направлениями уголовно-правовой, уголовно-исполнительной политик и других видов политик, определяющих основы регулирования правовых санкций. Определены признаки и сформулировано понятие «функции государственной политики в области административных наказаний», рассмотрены политологический, общеправовой, нормативный и отраслевые (уголовно-правовой, административный) подходы к пониманию понятия и сущности функций административно-наказательной политики, осуществлена их классификация, высказано предложение о включении системы таких функций в проект научной концепции административно-наказательной политики в Российской Федерации.

В систему функций государственной политики в области административных наказаний предлагается включать: идеологическую; общие и специальные; формируемые и реализуемые на федеральном уровне и на уровнеб субъектов Российской Федерации; учредительную; организационную; обеспечение взаимосвязи с иными видами наказаний и санкций; прогностическую; правового воспитания; информационную.

***Ключевые слова**:* правовая политика, административно-деликтная политика, административно-наказательная политика, функции, государственная политика Российской Федерации в области административных наказаний.

Реформирование административно-деликтного законодательства, как одного из наиболее эффективных правовых средств защиты прав и свобод человека, интересов общества и государства от противоправных посягательств, предусматривает разработку научно-обоснованных предложений, направленных как на обновление концепции системы административных наказаний, так и на совершенствование отдельных их разновидностей.

Исследователи справедливо отмечают, что реформирование административной ответственности, будучи политико-правовым процессом, призвано выражать принятую обществом модель регулирования важных общественных отношений, отражающих баланс идеологических представлений о личной свободе, справедливости и социальной необходимости; соотношение индивидуальных и общественных интересов; представление о действии административного права за счет ограничения государственно установленной форме [1].

Считаем, что построение концепции системы административных наказаний тесно связано с формированием государственной политики в области административных наказаний (административно-наказательной политики) как структурного

элемента административно-деликтной политики Российского государства.

Данная категория рассматривается нами как сложное политико-правовое явление, содержание которого определяется как доминирующими в обществе идеями, взглядами на сущность и состав административных наказаний, критерии их установления, порядок исполнения, так и системой нормативных правовых актов, регулирующих основы их претворения в правовую действительность. Она тесно взаимодействует с другими видами правовой политики – конституционно-правовой, административной, уголовной, уголовно-исполнительной, налоговой, бюджетной и др.

Государственная политика в рассматриваемой области, как и другие виды государственной политики, материализуется посредством функций, в которых раскрывается её политико-правовая природа, социальное предназначение и роль.

Базовые положения теории административных наказаний, использование которых влияет на определение системы функций административно-наказательной политики, содержаться в научных работах Абдуллаева Э. И. оглы, Банчука А. В., Буткова А. И., Гензюка Э. Е., Денисенка В. В., Дугенца А. С., Дерюги А. Н., Жеребцова А. Н., Заярного О. А., Игнатенка В. В., Килясханова И. Ш., Кирина А. В., Клепикова С. Н., Клепиковой О. С., Колпакова В. К., Костюченка Н. И., Липинского Д. А., Лукьянца Д. М., Максимова И. В., Мышляева Д. Н., Николенко Е. Н., Никулина М. И., Олефира В. И., Попугаева Ю. И. , Севрюгина В. Е. , Серкова П. П., Солдатова А. П., Соловья Ю. П., Старилова Ю. Н., Студеникиной М. С., Родионовой А. С., Рогачовой О. С. , Шергина А. П., Якимова А. Ю. и некоторых других авторов. Однако приходиться констатировать, что единого комплексного подхода к пониманию функций административно-деликтной политики, а также его составляющей – государственной политики в области административных наказаний – в юриспруденции не сформировано.

В связи с этим, актуализируется необходимость исследование взаимосвязей между общественными потребностями и необходимостью урегулирования социальных отношений, формирующихся в процессе применения административно-деликтного способа защиты.

Цель данной публикации состоит в систематизации функций государственной политики в области административных наказаний (административно-наказательной политики).

Достижение указанной цели предполагает вычленение группы основных направлений административно-наказательной политики, их классификации и выработки предложений по их закреплению в действующем законодательстве.

К основным методам научного познаний, которые целесообразно использовать для повышения объективности выводов этого исследования, необходимо относить: системный метод познания сущности правовых явлений, структурно-функциональный, сравнительно-правовой методы, методы классификации, анализ и синтез и др.

Следует обратить внимание на сложный, синтезирующий характер функций административно-наказательной политики. С одной стороны, как правового регулятора определенной группы общественных отношений, обусловленных применением наказаний за совершение административных правонарушений, с другой – совокупности основных направлений деятельности государственных органов, органов

местного самоуправления, институтов гражданского общества по реализации административно-деликтного законодательства.

Содержание каждой функции складывается и однородных аспектов деятельности, связанных с реализацией актуальных для современной социально-экономической и политической ситуации целей и задач, стоящих перед административно-деликтной политикой в целом, и отдельными её составляющими в частности.

Обобщение теоретических подходов к пониманию сущности функций государственной политики к признакам функций государственной политики в области административных наказаний могут быть отнесены: обусловленность целями и задачами этого вида государственной деятельности; объективность; включение в состав содержания административно-деликтной деятельности; относительная самостоятельность и однородность; непосредственное выражение сущности административного принуждения; реализация в процессе административно-деликтных отношений; направленность на удовлетворение публичных потребностей в правопорядке.

Таким образом, под функциями государственной политики в области административных наказаний предлагается понимать основные направления правовой и социальной деятельности, вызванные необходимостью удовлетворения публичных потребностей в противодействии административным правонарушениям, осуществляемого путем реализации административного наказания.

В политологической концепции выделяют такие функции государственной политики: создание благоприятных условий для жизни граждан; согласование общественных интересов; разработка целей, стратегии общественного развития и субъектов общественных действий; формирование и принятие управленческих решений, обязательных для всех; мобилизация ресурсов для реализации политических решений; обеспечение коммуникации между субъектами политики; представление и реализация интересов сообществ, групп и индивидуумов; укрепление и развитие социальных институтов; интеграция общества, поддержка и укрепление целостности государства как сложной дифференцированной системы; авторитарное (властное) распределение дефицитных ресурсов и ценностей; предотвращение и регулирования межгрупповых конфессиональных и других социальных конфликтов [2, с.10, 58].

Основные направления правовой политики сформулированы Малько А. В., Матузовым Н. И., Петровым М. П., Нырковым В. В., Шундиковым К. В. в «Проекте концепции правовой политики в Российской Федерации до 2020 года» Среди обозначенных ими приоритетов правовой политики в контексте проводимого нами исследования можно выделить: разработку среднесрочных и краткосрочных программ развития отдельных отраслей правового регулирования; инвентаризация системы правовых средств и механизмов с оценкой степени их целесообразности и эффективности; устранение пробельности российского законодательства; обеспечение согласованности в системе действующих нормативно-правовых актов; декриминализация общественных отношений [3].

Анализ этого проекта позволяет определить следующие группы функций российской правовой политики в зависимости от: 1) уровня формирования и реализации на: а) федеральном уровне; б) уровне субъектов Российской Федерации; 2) сферы правовой деятельности в: а) правотворчестве; б) правореализации; в) информационно-воспитательной; г) культурно-нравственной.

К сожалению, авторы рассмотренной нами концепции уделили внимание лишь общим вопросам ответственности публичных органов и их представителей, государственных служащих, в том числе и представителей власти перед обществом и гражданами, а проблемы отраслевых деликтных институтов изложили фрагментарно.

При отсутствии нормативно определённой концепции административно-деликтной политики в целом и её составляющих в частности, характеристика функций административно-наказательной политики может быть проведена и с учетом закрепленных в законодательстве Российской Федерации направлений различных видов государственных политик, содержащих деликтный аспект.

Изучение текстов нормативных правовых актов как основы, концепции, стратегии ряда других документов, отражающих основные положения государственной политики, реализуемой в различных областях жизни, показывает, что общими направлениями являются: обеспечение приоритета прав, свобод и законных интересов физических и юридических лиц, защита общественных и государственных интересов; совершенствование нормативно-правового регулирования государственного управления; принятие и реализация документов стратегического планирования; контроль и надзор за соблюдением правового режима; координация и осуществление взаимодействия между властными и иными участниками общественных отношений; выявление, изучение и распространение отечественного и зарубежного опыта; подготовка кадров; информационное обеспечение; международное сотрудничество; ведение государственной статистики; развитие науки и техники, информационных технологий и др. [4-12].

В ряде концептуальных документов, определяющих направления различных видов государственной политики, к самостоятельным направлениям ее осуществления относят и совершенствование юридической, в том числе и административно-правовой ответственности.

Например, в п. 26 Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019-2025 годы к таким направлениям относятся: совершенствование правовой основы регулирования ответственности за нарушение миграционного законодательства (п. «а»), порядка исполнения решений об административном выдворении иностранных граждан за пределы Российской Федерации (п. «ж»); повышение эффективности профилактической, информационной и разъяснительной работы с гражданами, работодателями, заказчиками работ и услуг в целях предупреждения нарушений миграционного законодательства Российской Федерации (п. «м») [13].

Национальный план противодействия коррупции на 2018-2020 годы к ним отнесены: совершенствование мер ответственности в отношении лиц, замещающих в порядке назначения государственные должности Российской Федерации и государственные должности субъектов Российской Федерации, за несоблюдение запретов, ограничений и требований, установленных в целях противодействия коррупции (абз. 3 пп. б, п. 1 Раздела 1); разработка критериев, согласно которым несоблюдение запретов, ограничений и требований, установленных в целях противодействия коррупции, будет относиться к правонарушениям, влекущим за собой увольнение со службы или с работы, либо к малозначительным правонарушениям, а также представить предложения по определению обстоятельств, смягчающих или отягчающих

ответственность за несоблюдение указанных запретов, ограничений и требований, и по учету таких обстоятельств при применении взыскания (пп. «г», п. 1 Раздела 1); разработка механизма, позволяющего государственным и муниципальным заказчикам получать в автоматизированном режиме сведения о юридических лицах, привлеченных к административной ответственности по статье 19.28 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (пп. «а» п. 32 Раздела 3); совершенствование порядка и механизма привлечения иностранных юридических лиц, осуществляющих деятельность на территории Российской Федерации, к административной ответственности за нарушение требований законодательства Российской Федерации о противодействии коррупции независимо от места совершения коррупционного правонарушения (пп. «б» п. 32 Раздела 3) [14].

Таким образом, в нормативных правовых актах функции государственной политики конкретизируется в соответствие с видами, целями и задачами того или иного вида государственной деятельности.

В свою очередь, административисты выделяют несколько направлений административно-деликтной политики: социально и научно обоснованная деликтолизация деяний, разработка системы действенных, справедливых и целесообразных административных наказаний; быстрое выявление и полное раскрытие административных правонарушений, правильная квалификация деяний и назначение наказания виновным; своевременное исполнение административных наказаний; предупреждение административных правонарушений [15, с.15-16; 16,с.41-45].

Систематизируя функции административно-деликтного права Николенко Е. Н., выделяет среди них: учредительную, правозащитную (процессуальную), ограничительную, карательную, профилактическую, воспитательную, правовосстановительную, компенсационную разновидности [17, с.22].

К основным направлениям административно-деликтной политики Рогачева О. С. относит «…изучение причин и условий совершения административных правонарушений, личности правонарушителя, динамики и структуры административной деликтности, разработка эффективных мер предупреждения и борьбы с административными правонарушениями, принятие качественных административно-деликтных законов» [18].

Константинов П. Ю. выделял такие направления административно-деликтной политики государства: социально и научно-обоснованная деликтолизация деяний, разработка системы действенных, справедливых и целесообразных наказаний; быстрое и полное раскрытие административных правонарушений, правильная квалификация деяний и назначение наказания виновным; своевременное исполнение административных наказаний; предупреждения административных правонарушений [19].

Целесообразно учитывать и позицию исследователей, относящих к процессу административной деликтолизации, разработку и законодательное установление системы наказаний за правонарушения, соответствующих содержанию деликтов, целям наказания лиц, их совершивших, социальной ценности объектов административно-правовой охраны, процедур их применения [20; 21; 22, с. 40].

Считаем также, что для конкретизации функций рассматриваемой нами разновидности государственной политики, целесообразно установить её соотношение с функциями административного наказания. Не вступая в дискуссию об их системе и

содержании, предлагается рассматривать их карательную, превентивную (общую и частную), восстановительную их разновидности [23].

Наиболее полно обоснование содержания направлений административной политики в области административных наказаний изложено Максимовым И. В. в «Концепции развития теории административных наказаний». В частности, это касается: признания основной государственной задачей в области административных наказаний – обеспечение условий, способствующих эффективности и в то же время разумности властного вмешательства в юридические возможности личности, с тем, чтобы достичь и оправдать социальные ожидания, которые возлагаются на подобные правоограничительные меры в области охраны высших правовых ценностей; понимания системы административных наказаний как правового стимула, принуждающего нарушителя к правомерному поведению, а также как инструмента исключительного вмешательства в правовой статус виновного лица; разработка критериев степени суровости административных наказаний, отнесения к основным и дополнительным, а также их соотношения с финансовыми, налоговыми, бюджетными, антимонопольными и другими санкциями; создание условий для сближения систем административных наказаний, урегулированных законодательством государств, входящих в экономико-политические союзы, основателем или участником которых является Российская Федерация [24, с. 287-297].

Формирования научной системы функций государственной политики в области административных наказаний предусматривает и их сравнение с функциями иного вида деликтной политики – уголовно-правовой.

В частности, криминологами выделяются общеправовые (отражаются и закрепляется во всех отраслях законодательства) и специальные (конкретные) (отражаются и закрепляются только в уголовном, уголовно-процессуальном, уголовно-исполнительном и некоторых других отраслях законодательства) направления уголовной политики.

Так, к общим направлениям уголовной политики относят: коренную перестройку уголовного законодательства, состоящую в приведении его в соответствие с новыми общественными отношениями; формирование правового государства, в том числе в части, относящейся к уголовному праву; установление оптимального соотношения уголовно-правовых и иных правовых мер борьбы с правонарушениями, обеспечивающего эффективность этой борьбы в новых социально-экономических условиях.

Специальные направления уголовной политики: декриминализация деяний, ранее признававшихся преступлениями; криминализация деяний, ранее не считавшихся преступлениями; депенализация наказания, то есть отмена отдельных видов наказаний либо смягчение строгости наказаний за некоторые виды преступлений и т.д.; пенализация, то есть установление более строгих наказаний, либо усиление строгости наказаний, либо отмена менее строгих видов наказаний; изменение и уточнение норм Общей и Особенной частей уголовного законодательства, а в УК РФ 1996 года – еще и изменение (в сравнении с УК РСФСР 1960 г.) его структуры; борьба с организованной преступностью и коррупцией [25].

Исследователями также выделяются и другие разновидности её функций : научно-теоретическую, прикладную и прогностическую (Ромашов Р. А.) [26]; охранительную, предупредительную, карательную, восстановительную (Воронин М. Ю.)

[27]; предупреждения и устранения преступности, организационно-административную, карательную, доктринально-идеологическую, нормативно-прогностическую (Третьяков И. Л.) [28].

Подытоживая изложенный материала, предлагаются следующие выводы, касающиеся системы функций государственной политики в области административных наказаний:

1. Они являются производными от функций государственной правовой, административной и административно-деликтной политик, а также взаимосвязаны с направлениями уголовно-правовой, уголовно-исполнительной политик и других видов политик, определяющих основы регулирования правовых санкций.

2. В административно-правовой науке основные направления административно-деликтной политики и её составляющей – в области административных наказаний – изложены фрагментарно, преимущественно в контексте обоснования целесообразности установления или оценки эффективности отдельных видов наказаний.

3. Отечественные нормативные правовые акты не содержат перечня направлений формирования и реализации как правовой политики в целом, так и её разновидностей в частности.

4. Учитывая динамику и функциональность исследуемой нами части административно-деликтной политики, её характеристику необходимо осуществлять в контексте двух фаз её развития: формирования и реализации [29].

5. В систему функций государственной политики в области административных наказаний входят, следующие функции: идеологическую; общие и специальные; формируемые и реализуемые на федеральном и субъектовом уровнях; учредительную; организационную; обеспечение взаимосвязи с иными видами наказаний и санкций; прогностическую; правового воспитания; информационную.

К перспективным направлениям изучения функций государственной политики в области административных наказаний предлагается относить их детальную характеристику, в том числе и проведение сравнительно-правового исследования, а также окончательное формулирование их перечня для включения в проект соответствующего концептуального нормативного акта.

Список литературы

1. Крижановская В. А. Административная ответственность в административном праве Украины: современное понимание, новые подходы: автореф… дис. к. юрид. н.: 12.00.07/ В. А. Крижановская / Национальный университет «Львовская политехника». – Львов, 2016, 22 с.

2. Крюков О. И., Майстро С. В. Концептуальные основы взаимодейсвтия политики и управления: навч. пособ. / О. И. Крюков, С. В. Майстро. – Х. : НУЦЗУ, 2016. – 185 с.

3. Проект концепции правовой политики в Российской Федерации до 2020 года / Под ред. Малько А. В. – Саратов, 2010, 49 с.

4. Трудовой кодекс Российской Федерации. URL: http: // www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/ (дата обращения 07.09.2019). – Текст электронный.

5. О стандартизации в Российской Федерации : Федеральный закон от 29.06.2015 №162-ФЗ. URL: http: // www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_181810/ (дата обращения 07.09.2019). – Текст электронный.

6. О безопасности дорожного движения : Федеральный закон от 10.12.1995 N 196-ФЗ. URL: http: // www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8585/ (дата обращения 07.09.2019). – Текст электронный.

7. О безопасности : Федеральный закон от 28.12.2010 № 390-ФЗ. URL: http: // www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_108546/ (дата обращения 07.09.2019). – Текст электронный.

8. О наркотических средствах и психотропных веществах : Федеральный закон от 08.01.1998 № 3-ФЗ. URL: http: // www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_17437/ (дата обращения 07.09.2019). – Текст электронный.

9. Об Основах государственной политики Российской Федерации в области промышленной безопасности на период до 2025 года и дальнейшую перспективу : Указ Президента РФ от 06.05.2018 N 198. URL: http: kremlin.ru/acts/bank/43022 (дата обращения 07.09.2019). – Текст электронный.

10. Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций на период до 2030 года : Указ Президента РФ от 11.01.2018 № 12. URL: http: //publication.pravo.gov.ru/Search/Date?date=01%2F11%2F2018%2000%3A00%3A00 (дата обращения 07.09.2019). – Текст электронный.

11. Об утверждении Стратегии безопасности дорожного движения в Российской Федерации на 2018 - 2024 годы Распоряжение Правительства РФ от 08.01.2018 N 1-р. URL: http: // www.consultant.ru/document/cons.../df7700fdc6ec2d37938dd5435543e61ffea84440/ (дата обращения 07.09.2019). – Текст электронный.

12. О Концепции реализации государственной политики по снижению масштабов злоупотребления алкогольной продукцией и профилактике алкоголизма среди населения Российской Федерации на период до 2020 года : распоряжение Правительства РФ от 30.12.2009 N 2128-р. URL: http: // www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_96236/ (дата обращения 07.09.2019). – Текст электронный.

13. О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019 - 2025 годы Указ Президента РФ от 31.10.2018 N 622. URL: http: //http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=310139&fld=134&dst=1000000001,0&rnd=0.16725039286270627#022618501215300224 (дата обращения 07.09.2019). – Текст электронный.

14. О Национальном плане противодействия коррупции на 2018 - 2020 годы : Указ Президента Российской Федерации от 29.06.2018 № 378. URL: http: //www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71877694/ (дата обращения 07.09.2019). – Текст электронный.

15. Константинов П. Ю., Соловьева А. К., Стуканов А. П. Административно-деликтная политика как одно из направлений административной реформы в Российской Федерации //Правоведение. – 2007. – № 1. – С. 5-20.

16. Шергин А. П. Нужна теория административной деликтолизации / А. П. Шергин // Право и государство: теория и практика. – 2005. – № 1. – С. 41-45.

17. Миколенко Е. Н. Функции административно-деликтного права (теоретико-правовой аспект): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.07 / Е. Н. Миколенко /Запорож. нац. ун-т. – Запорожье, 2018. – 32 с.

18. Рогачева О. С. Виды, критерии и показатели эффективности норм административно-деликтного права / О. С. Рогачева // Правопорядок: история, теория, практика. 2015. №1 (4). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vidy-kriterii-i-pokazateli-effektivnosti-norm-administrativno-deliktnogo-prava (дата обращения 07.09.2019). – Текст электронный.

19. Константинов П. Ю., Соловьева А. К., Стуканов А. П. Административно-деликтная политика как одно из направлений административной реформы в Российской Федерации / П. Ю. Константинов, А. К. Соловьева, А. П. Стуканов // Правоведение. – 2007. – № 1. – С. 5-20.

20. Административная ответственность: вопросы теории и практики (Восьмые «Лазаревские чтения») // Государство и право. – 2005. – № 1. – С. 5-27.

21. Заярный О. Административная деликтолизация противоправных деяний, совершаемых в информационной сфере: некоторые концептуально-прикладные проблемы / О. Заярный // Национальный юридический журнал: Теория и практика. – 2016. – № 6(22). – С. 39-44.

22. Заярный О. А. Правовое обеспечение развития информационной сферы Украины: административно-деликтный аспект : монография / О. А. Заярный. – К. : Издательский дом «Гельветика», 2017. – 700 с.

23. Липинский Д. А., Мусаткина А. А. Цели и функции административных наказаний /Д. А. Липинский, А. А. Мусаткина // NB: Административное право и практика администрирования, – 2017. – № 2. – С. 20-37. URL: http://e-notabene.ru/al/article_22440.html

24. Максимов И. В. Административные наказания / И. В.Максимов. – М. : Норма, 2009. – 299 с.

25. https://sci.house/pravo-rossii-ugolovnoe-scibook/napravleniya-ugolovnoy-politiki.html (дата обращения 07.09.2019). – Текст электронный.

26. Ромашов Р. А. Уголовная политика России: генезис и современность / Р. А. Ромашов. URL: http://www.gup.ru/events/news/smi/Ugolovnaya_politika_RF.pdf (дата обращения 07.09.2019). – Текст электронный.

27. Воронин М. Ю. К определению содержания уголовной политики / М. Ю. Воронин // Теоретические и прикладные аспекты использования новейших научных достижений в сфере борьбы с преступностью: сборник материалов ежегодной Международной научно-практической конференции (18-19 октября 2007 г.). – Тула, 2007. – С.33-36.

28. Третьяков И. Л. Уголовная политика России: общетеоретические и прикладные проблемы : автореферат дис. ... д. юрид. н. 12.00.08 / И. Л. Третьяков / С.-Петерб. ун-т МВД РФ. – СПб, 2006. – 43 с.

29. Жеребцов А. Н., Цындря В. Н. Концептуальные теоретические аспекты административно-наказательной политики Российской Федерации / А. Н. Жеребцов, В. Н. Цындря // Вестник Краснодарского университета МВД России. – 2018. – № 4 (42). – С.80-84.

Tsyndrya V. N. System of functions of public policy to russian federation in area of administrative punishments / V. N. Tsyndrya. // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2019. – T. 4 (72). № 4. – P. 261-271.

The article actualizes the need to systematize the functions of the state policy of the Russian Federation in the field of administrative penalties (administrative-punitive policy). It is established that they are derived from the functions of the state legal, administrative and administrative-tort policies, and are also interconnected with the areas of criminal law, criminal executive policies and other types of policies that determine the basis for the regulation of legal sanctions. Attributes are specified and the concept of "functions of state policy in the field of administrative penalties" is defined. Political theory, general legal, regulatory and sectoral (criminal law, administrative) approaches to the understanding of the concept and the essence of the functions of administrative punitive policy are considered, their classification is undertaken. A proposal to include a system of such functions in the draft scientific concept of administrative-punitive policy in the Russian Federation has been made.

Keywords: legal policy, administrative-tort policy, administrative-punitive policy, functions, state policy of the Russian Federation in the field of administrative penalties.

Spisok literatury`

1. Krizhanovskaya V. A. Administrativnaya otvetstvennost` v administrativnom prave Ukrainy`: sovremennoe ponimanie, novy`e podxody`: avtoref… dis. k. yurid. n.: 12.00.07/ V. A. Krizhanovskaya / Nacional`ny`j universitet «L`vovskaya politexnika». – L`vov, 2016, 22 s.

2. Kryukov O. I., Majstro S. V. Konceptual`ny`e osnovy` vzaimodejsvtiya politiki i upravleniya: navch. posob. / O. I. Kryukov, S. V. Majstro. – X. : NUCzZU, 2016. – 185 s.

3. Proekt koncepcii pravovoj politiki v Rossijskoj Federacii do 2020 goda / Pod red. Mal`ko A. V. – Saratov, 2010, 49 s.

4. Trudovoj kodeks Rossijskoj Federacii. URL: http: // www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/ (data obrashheniya 07.09.2019). – Tekst e`lektronny`j.

5. O standartizacii v Rossijskoj Federacii : Federal`ny`j zakon ot 29.06.2015 №162-FZ. URL: http: // www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_181810/ (data obrashheniya 07.09.2019). – Tekst e`lektronny`j.

6. O bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya : Federal`ny`j zakon ot 10.12.1995 N 196-FZ. URL: http: // www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8585/ (data obrashheniya 07.09.2019). – Tekst e`lektronny`j.

7. O bezopasnosti : Federal`ny`j zakon ot 28.12.2010 № 390-FZ. URL: http: // www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_108546/ (data obrashheniya 07.09.2019). – Tekst e`lektronny`j.

8. O narkoticheskix sredstvax i psixotropny`x veshhestvax : Federal`ny`j zakon ot 08.01.1998 № 3-FZ. URL: http: // www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_17437/ (data obrashheniya 07.09.2019). – Tekst e`lektronny`j.

9. Ob Osnovax gosudarstvennoj politiki Rossijskoj Federacii v oblasti promy`shlennoj bezopasnosti na period do 2025 goda i dal`nejshuyu perspektivu : Ukaz Prezidenta RF ot 06.05.2018 N 198. URL: http: kremlin.ru/acts/bank/43022 (data obrashheniya 07.09.2019). – Tekst e`lektronny`j.

10. Ob utverzhdenii Osnov gosudarstvennoj politiki Rossijskoj Federacii v oblasti zashhity` naseleniya i territorij ot chrezvy`chajny`x situacij na period do 2030 goda : Ukaz Prezidenta RF ot 11.01.2018 № 12. URL: http: //publication.pravo.gov.ru/Search/Date?date=01%2F11%2F2018%2000%3A00%3A00 (data obrashheniya 07.09.2019). – Tekst e`lektronny`j.

11. Ob utverzhdenii Strategii bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya v Rossijskoj Federacii na 2018 - 2024 gody` Rasporyazhenie Pravitel`stva RF ot 08.01.2018 N 1-r. URL: http: // www.consultant.ru/document/cons.../df7700fdc6ec2d37938dd5435543e61ffea84440/ (data obrashheniya 07.09.2019). – Tekst e`lektronny`j.

12. O Koncepcii realizacii gosudarstvennoj politiki po snizheniyu masshtabov zloupotrebleniya alkogol`noj produkciej i profilaktike alkogolizma sredi naseleniya Rossijskoj Federacii na period do 2020 goda : rasporyazhenie Pravitel`stva RF ot 30.12.2009 N 2128-r. URL: http: // www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_96236/ (data obrashheniya 07.09.2019). – Tekst e`lektronny`j.

13. O Koncepcii gosudarstvennoj migracionnoj politiki Rossijskoj Federacii na 2019 - 2025 gody` Ukaz Prezidenta RF ot 31.10.2018 N 622. URL: http: //http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=310139&fld=134&dst=1000000001, 0&rnd=0.16725039286270627#022618501215300224 (data obrashheniya 07.09.2019). – Tekst e`lektronny`j.

14. O Nacional`nom plane protivodejstviya korrupcii na 2018 - 2020 gody` : Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 29.06.2018 № 378. URL: http: //www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71877694/ (data obrashheniya 07.09.2019). – Tekst e`lektronny`j.

15. Konstantinov P. Yu., Solov`eva A. K., Stukanov A. P. Administrativno-deliktnaya politika kak odno iz napravlenij administrativnoj reformy` v Rossijskoj Federacii //Pravovedenie. – 2007. – № 1. – S. 5-20.

16. Shergin A. P. Nuzhna teoriya administrativnoj deliktolizacii / A. P. Shergin // Pravo i gosu¬darstvo: teoriya i praktika. – 2005. – № 1. – S. 41-45.

17. Mikolenko E. N. Funkcii administrativno-deliktnogo prava (teoretiko-pravovoj aspekt): avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk : 12.00.07 / E. N. Mikolenko /Zaporozh. nacz. un-t. – Zaporozh`e, 2018. – 32 s.

18. Rogacheva O. S. Vidy`, kriterii i pokazateli e`ffektivnosti norm administrativno-deliktnogo prava / O. S. Rogacheva // Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika. 2015. №1 (4). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vidy-kriterii-i-pokazateli-effektivnosti-norm-administrativno-deliktnogo-prava (data obrashheniya 07.09.2019). – Tekst e`lektronny`j.

19. Konstantinov P. Yu., Solov`eva A. K., Stukanov A. P. Administrativno-deliktnaya politika kak odno iz napravlenij administrativnoj reformy` v Rossijskoj Federacii / P. Yu. Konstantinov, A. K. Solov`eva, A. P. Stukanov // Pravovedenie. – 2007. – № 1. – S. 5-20.

20. Administrativnaya otvetstvennost`: voprosy` teorii i praktiki (Vos`my`e «Lazarevskie chteniya») // Gosudarstvo i pravo. – 2005. – № 1. – S. 5-27.

21. Zayarny`j O. Administrativnaya deliktolizaciya protivopravny`x deyanij, sovershaemy`x v informacionnoj sfere: nekotory`e konceptual`no-prikladny`e problemy` / O. Zayarny`j // Nacional`ny`j yuridicheskij zhurnal: Teoriya i praktika. – 2016. – № 6(22). – S. 39-44.

22. Zayarny`j O. A. Pravovoe obespechenie razvitiya informacionnoj sfery` Ukrainy`: administrativno-deliktny`j aspekt : monografiya / O. A. Zayarny`j. – K. : Izdatel`skij dom «Gel`vetika», 2017. – 700 s.

23. Lipinskij D. A., Musatkina A. A. Celi i funkcii administrativny`x nakazanij /D. A. Lipinskij, A. A. Musatkina // NB: Administrativnoe pravo i praktika administrirovaniya, – 2017. – № 2. – S. 20-37. URL: http://e-notabene.ru/al/article_22440.html

24. Maksimov I. V. Administrativny`e nakazaniya / I. V.Maksimov. – M. : Norma, 2009. – 299 s.

25. https://sci.house/pravo-rossii-ugolovnoe-scibook/napravleniya-ugolovnoy-politiki.html (data obrashheniya 07.09.2019). – Tekst e`lektronny`j.

26. Romashov R. A. Ugolovnaya politika Rossii: genezis i sovremennost` / R. A. Romashov. URL: http://www.gup.ru/events/news/smi/Ugolovnaya_politika_RF.pdf (data obrashheniya 07.09.2019). – Tekst e`lektronny`j.

27. Voronin M. Yu. K opredeleniyu soderzhaniya ugolovnoj politiki / M. Yu. Voronin // Teoreticheskie i prikladny`e aspekty` ispol`zovaniya novejshix nauchny`x dostizhenij v sfere bor`by` s prestupnost`yu: sbornik materialov ezhegodnoj Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii (18-19 oktyabrya 2007 g.). – Tula, 2007. – S.33-36.

28. Tret`yakov I. L. Ugolovnaya politika Rossii: obshheteoreticheskie i prikladny`e problemy` : avtoreferat dis. ... d. yurid. n. 12.00.08 / I. L. Tret`yakov / S.-Peterb. un-t MVD RF. – SPb, 2006. – 43 s.

29. Zherebczov A. N., Cyndrya V. N. Konceptual`ny`e teoreticheskie aspekty` administrativno-nakazatel`noj politiki Rossijskoj Federacii / A. N. Zherebczov, V. N. Cyndrya // Vestnik Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii. – 2018. – № 4 (42). – S.80-84.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2019. – Т. 5 (71). № 4. – С. 272-278.

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО; ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО; АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО; ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПРАВО

УДК 347.421; 347.68

НЕПОИМЕНОВАННЫЕ СПОСОБЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИСПОЛНЕНИЯ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ (ЧАСТЬ I)

Бахриева З. Р., Муртазаева А. А.

Крымский федеральный университет имени В .И. Вернадского

Исследование посвящается проблеме правовой квалификации правовых инструментов, применяемых на практике в качестве способов обеспечения исполнения обязательств.

В настоящей статье освещаются особенности титульного обеспечения и товарной (вещной) неустойки, как непоименованных в Главе 23 Гражданского кодекса Российской Федерации способов обеспечения исполнения обязательств.

По мнению авторов, титульное обеспечение относится к одному из наиболее дискуссионных способов обеспечения вещного типа. При этом авторами доказывается, что это, в действительности, - достаточно эффективный способ, так как при неисполнении должником обязательства у кредитора имеется имущество должника, которое он может реализовать или распорядиться им другим способом.

В статье также анализируются особенности использования товарной (вещной) неустойки и возможность применения к ней по аналогии правил о денежной неустойке, закрепленных в ГК РФ.

***Ключевые слова**:* способы обеспечения исполнения обязательств, непоименованные способы обеспечения исполнения обязательств, титульное обеспечение, неустойка, товарная (вещная) неустойка.

Надлежащее исполнение субъектами своих договорных обязательств во многом зависит от эффективности существующих способов обеспечения исполнения обязательств, в связи с чем данная проблема приобретает всё большую актуальность.

Так, в Главе 23 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее по тексту – ГК), регулирующей способы обеспечения исполнения обязательств, не только не содержится понятие способа обеспечения, но и перечень имеющихся обеспечительных способов не является исчерпывающим. Подобное утверждение прямо вытекает из п. 1 ст. 329 ГК, где такие способы перечисляются, и при этом указывается на возможность установления других предусмотренных законом или договором способов. Речь идет о так называемых «непоименованных» способах обеспечения исполнения обязательств на случай закрепления их в качестве таковых в законах, а также в договорах по собственной инициативе сторон.

Следует отметить, что в настоящее время в гражданском обороте часто используются новые механизмы и правовые конструкции, которые являются оперативны-

ми и надежными средствами, гарантирующими исполнение обязательства. В отношении некоторых таких способов еще даже не успела сформироваться судебная практика, не успело сложиться какое-либо научное обоснование. А ведь от доктринального объяснения зависит законодательное определение тех или иных явлений. Однако в отечественной цивилистике, притом, что проблематика обеспечения исполнения обязательств достаточно широко освещена, в то же время, отсутствуют специальные монографии по теме непоименованных способов обеспечения. Лишь в 2005 г. Торкиным Д. А. было осуществлено специальное исследование, посвященное непосредственно непоименованным способам обеспечения обязательств.

Целью настоящей статьи является исследование различных правовых инструментов, которые используются в гражданском обороте в качестве непоименованных в п. 1 ст. 329 ГК РФ способов обеспечения исполнения обязательств с позиций современного российского законодательства и гражданско-правовой доктрины.

Так, на наш взгляд, к одному из наиболее дискуссионных и договорных способов обеспечения вещного типа относится титульное обеспечение, которое предусматривает уступку права требования или права собственности на вещь до исполнения обязательства должником, и только в случае надлежащего исполнения последним обязательства кредитор должен будет перенести право требования обратно на должника, либо возвратить ему право собственности на вещь. Исходя из сущности такого обеспечительного способа, можно сделать вывод о том, что это, в действительности, – эффективный способ, а кредитор является в достаточной мере защищенным, так как при неисполнении должником обязательства у него имеется имущество должника, которое он может реализовать или распорядиться им любым другим способом. Кроме того, цель этого способа обеспечения также в том, чтобы кредитору было гарантировано преимущественное право перед другими кредиторами.

Однако нельзя не сказать о том, что в юридической литературе исследуемая нами конструкция не лишена критики, так как сам механизм напоминает правоотношения, возникающие из кредитования под залог, когда кредитор также наделяется обеспечительными правами. Причем залог, как известно, имеет правовую регламентацию в качестве способа обеспечения исполнения обязательства. В частности, как отмечает Карапетов А., есть такие активные противники обеспечительной собственности, которые выступают de lege ferenda за отмену всех или некоторых допускаемых сейчас законом конструкций кредитования с титульным обеспечением, против легализации использования обеспечительной собственности как непоименованного способа обеспечения в любых иных ситуациях и предлагают обороту ограничить свой выбор различными институтами классического кредитования (в форме займа, банковского или коммерческого кредита) пол залог. При этом сам цивилист одобряет и даже предлагает определение обеспечительной собственности как такой договорной конструкции, которая позволяет кредитору обеспечить свое денежное требование к должнику за счет права собственности, а не права залога. Кроме того, он также подчеркивает низкую эффективность механизмов продажи предмета залога с торгов, которая сейчас позволяет извлечь из заложенного имущества нередко намного меньше ее реальной стоимости, которую можно было бы извлечь при нормальной, не принудительной продаже [1], а это является еще одним из многочисленных доводов, аргументирующих плюсы титульного обеспечения, поскольку, в отличие от финансирования под залог, в модели финансирования под титульное

обеспечение не предполагается погашение долга за счет обращения взыскания на предмет вещного обеспечения и продажи его с торгов для извлечения денежной стоимости. Так, в случае дефолта должника кредитор может оставить предмет обеспечения себе, либо произвести отчуждение актива от своего имени по самой удобной для кредитора процедуре и максимально быстро превратить обеспечение в деньги, не соблюдая достаточно громоздкую и нередко дорогостоящую процедуру обращения взыскания на предмет залога. В этом и состоит основное преимущество титульного обеспечения, ради которого большинство таких сделок и заключается.

Далее обратимся к часто применяемой на практике товарной (вещной), то есть, неденежной форме неустойки, в отношении которой отсутствует как законодательное, так и доктринальное определение. При этом сразу оговоримся, что следует быть острожными в выводах в случаях применения к ней по аналогии правил, установленных для «классической» неустойки, регулируемой § 2 «Неустойка» Главы 23 ГК.

С одной стороны, обе неустойки схожи по механизму своего действия, однако, уже по самому названию можно сделать вывод о том, что, применяя товарную неустойку, кредитор в случае неисполнения обязательства должником ожидает получить удовлетворение своих имущественных притязаний путем возложения на должника обязанности не в виде уплаты определенной денежной суммы, как это предусмотрено ст. 330 ГК РФ, а путем передачи имущества, оговоренного сторонами. При этом для отражения сути неденежной формы неустойки в юридической литературе используются самые различные термины: «вещная неустойка», «товарная неустойка», «имущественная неустойка», «неустойка в натуральной форме», и другие. Между тем, предметом неденежной неустойки могут выступать не только вещи, но и иные объекты гражданских прав, например, результаты работ, оказание услуг, в том числе.

Федорова Ю. С. подчеркивает преимущество применения товарной неустойки как обеспечительного способа «в случаях, когда у должника нет свободных денежных средств, но есть, например, продукция, взыскание которой может предотвратить дорогостоящий и длительный процесс рассмотрения дела в суде» [2, с. 105]. Однако сказанное не позволяет воспринимать товарную (вещную) неустойку как «запасной вариант» на случай невозможности взыскания неустойки в денежной форме, да и не каждый кредитор согласится принять предлагаемую должником продукцию, если только не от безысходности.

Относительно правовой конструкции «товарной неустойки», считаем возможным признать ее в качестве самостоятельного, отвечающего требованиям законодательства способа обеспечения исполнения обязательств. Правда, относительно возможности существования неустойки в виде натурально-вещественных показателей в современной юридической литературе существуют и ортодоксальные взгляды. Так, по мнению Вятчина В. А., «неденежный характер неустойки недопустим, так как этим сводится на нет уникальность такого правового способа, как неустойка…». Далее указанный автор и вовсе категорично высказывается по поводу применения на практике «различных конструкций в качестве способов обеспечения исполнения обязательств, не являющихся по сути таковыми, которые при их применении только неоправданно усложняют договорные правоотношения, и в частности товарной не-

устойки…». Но самым смелым, на наш взгляд, является его вывод о введении закрытого перечня способов обеспечения исполнения обязательств [3, с. 125].

С одной стороны, закрытый перечень во многом мог упростить сложившуюся ситуацию, причем для этого законодателю достаточно в п. 1 ст. 329 ГК РФ исключить фразу: «и другими способами, предусмотренными законом или договором». С другой стороны, тот перечень, который содержится на сегодняшний день в п. 1 ст. 329 ГК РФ, необходимо пополнить иными способами, поскольку он не удовлетворяет потребностям делового оборота, в том числе, не предусматривает возможность применения товарной (вещной) неустойки, что, в свою очередь, можно считать прямым проявлением ущемления свободы договора.

Что касается вопроса о том, можно ли применять к неденежной неустойке положения, регулирующие неустойку, предусмотренную ст. 330 ГК, думается, что ответ также неоднозначен, учитывая то, что товарная (вещная) неустойка – самостоятельный непоименованный способ.

Во-первых, нельзя отрицать, что и денежная, и товарная (вещная) неустойка как способ обеспечения обязательства проявляют себя одинаково. До того, как обязательство нарушено, они выполняют стимулирующую функцию, так как угрожают должнику наступлением неблагоприятных имущественных последствий. После нарушения обязательства должником у него появляется имущественная ответственность в виде передаче денежных средств (собственно, неустойка) или в виде дополнительных товаров (товарная неустойка).

Судебная практика признает существование товарной (вещной) неустойки. Более того, в абзаце 3 п. 60 Постановления Пленума ВС РФ от 24.03.2016 г. № 772 прямо устанавливается правило о том, что где если в качестве неустойки в соглашении сторон названо иное имущество, определяемое родовыми признаками, то, учитывая, что в силу положений статьи 329 ГК РФ перечень способов обеспечения исполнения обязательств не является исчерпывающим, к подобному способу обеспечения обязательств применяются правила статей 329 - 333 ГК РФ [4].

В свою очередь, не можем не отметить, что правовая норма – ст. 333 ГФ РФ, позволяющая требовать уменьшение неустойки в суде, даже по логике вещей, может применяться в отношении товарной неустойки в случаях, когда в качестве предмета товарной неустойки выступает не индивидуально-определенная вещь, а такое имущество, которое не только определяется родовыми признаками, но еще и обладает свойством делимости. Если же вещь неделимая, то даже при явной несоразмерности неустойки последствиям нарушения обязательства применение по аналогии ст. 333 ГК становится невозможным. Однако в таком случае возможно неосновательное обогащение кредитора за счет должника и вполне очевидна ситуация, что при взыскании неделимой вещи, являющейся предметом товарной неустойки, явно несоразмерной последствиям нарушения обязательства, суд может отказать кредитору, ссылаясь на имеющееся с его стороны злоупотребление правом (ст. 10 ГК РФ). В таком случае даже при наличии у кредитора формального права взыскать товарную неустойку он не сможет воспользоваться им в силу неделимости предмета товарной неустойки, размер которой не может быть уменьшен.

Добродеева А. В. пишет о возможности «новации денежной неустойки в товарную», то есть, если у должника нет в наличии денежных средств, чтобы погасить неустойку, по её мнению, ничто не препятствует сторонам «новировать ее», напри-

мер, передав кредитору какое-либо имущество. Далее она также пишет о гибкости указанного ею способа и при этом в качестве примеров выступает уже «новация товарной неустойки в отступное, зачет, и соответственно, прекращение обязательства» [5].

Относительно всего вышеприведенного отметим, что, во-первых, товарная неустойка не является способом прекращения обязательства, она выполняет функции способа обеспечения надлежащего исполнения существующего между сторонами обязательства. Кроме того, во-вторых, если в соглашении сторон появится оговорка о возможности замены товара на денежную сумму, тем самым товарная неустойка потеряет свою сущность, и фактически сам должник будет решать, в какой форме ему выгоднее удовлетворить требования кредитора, хотя, на самом деле, он не должен иметь право выбора, а денежная компенсация должна устанавливаться только на случай невозможности исполнения соглашения о товарной неустойке, например, на случай гибели вещи.

Федорова Ю. С. отмечает, что предметом товарной неустойки могут быть и индивидуально-определенные вещи, однако в таком случае при нарушении должником обязательства взыскание будет осуществляться исключительно по модели штрафа, то есть, по мнению автора, должник будет обязан единовременно передать кредитору указанное в договоре имущество. Если же в качестве предмета товарной неустойки выступают родовые вещи, то в таком случае представляется возможным начисление неденежной неустойки в любом виде, как штрафа, так и пени [6].

В этом аспекте проблемы нам представляется правильной позиция, предоставления сторонам возможности выбора в своем соглашении механизма, который будет определять начисление неустойки. Если это будет модель штрафа, то тогда должник будет обязан передать заранее определенное в договоре количество вещей, а если же это модель пени, то тогда за каждый день просрочки будет насчитываться определенное количество вещей.

Бесспорно, вопрос об уменьшении количества подлежащих передаче вещей в порядке применения по аналогии ст. 333 ГК РФ представляется на сегодняшний день одним из сложнейших. Однако необходимо сказать, что это далеко не единственная проблема, с которой могут столкнуться на практике стороны, применяющие неденежную неустойку. Так, например, вполне возможен случай, когда у должника отсутствуют товары, которые необходимо передать кредитору. В данной ситуации возникает вопрос о том, возможно ли понудить должника уплатить товарную неустойку в натуре. На наш взгляд, выходом в данной ситуации может стать заявление ходатайства об изменении способа и порядка исполнения судебного решения о взыскании товарной неустойки.

Еще один из возможных отрицательных моментов для кредитора может произойти в результате изменения стоимости продукции, то есть, в случае обесценивания товара, указанного в качестве неустойки. Понятно, что это не зависит от сторон, и в большей части является результатом различных экономических факторов. Кроме того, изменение цены может происходить и в большую сторону, чего не ожидал должник, вынужденный в таком случае нести дополнительные убытки.

Таким образом, считаем, что стороны имеют право на свободный выбор не только тех способов обеспечения исполнения обязательств, которые, на их взгляд, являются наиболее оптимальными и эффективными, но также, они свободны в

выборе дополнительных условий, например, нельзя лишать права устанавливать возможность замены одного обязательства другим (новация) на случай невозможности исполнения первоначального обязательства, а также возможность замены одного обеспечительного способа другим. В особенности это касается товарной неустойки, когда предметом выступает индивидуально-определенная вещь, гибель или повреждение которой влекут невозможность исполнения обеспечительного обязательства.

В целом, можно сделать вывод о том, что в юридической литературе отсутствует единообразный подход относительно необходимости внесения в Главу 23 Гражданского кодекса Российской Федерации иных способов обеспечения исполнения обязательств или закрепления каких-либо специальных правил, которые могли бы урегулировать правоотношения с использованием таких способов. Сказанное касается титульного обеспечения и неденежной формы неустойки, в том числе.

Впрочем, кроме обсуждаемых в настоящей статье способов, существует ряд иных непоименованных способов обеспечения исполнения обязательств, также широко применяемых на практике и претендующих на «выведение» их из категории непоименованных способов обеспечения, о чем более подробно пойдет речь в следующей части исследования на данную тему.

Список литературы

1. Карапетов А. Титульное обеспечение vs Кредитование под залог / А. Карапетов. URL: https://zakon.ru/blog/2018/7/9/titulnoe_obespechenie_vs_kreditovanie_pod_zalog (дата обращения: 25.06.2019). – Текст электронный.
2. Федорова, Ю. С. Неденежная неустойка: от теории к практике / Ю. С. Федорова // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5: Юриспруденция. – 2013. – № 4. – С. 108-110.
3. Вятчин, В.А. О правовой природе товарной неустойки / В. А. Вятчин // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – № 2 (97). – 2014. – С. 122 -125.
4. О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств: Постановление Пленума ВС РФ от 24.03.2016 № 772/ URL: www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_195783/ (дата обращения: 16.06.2019). – Текст электронный.
5. Добродеева, А. В. Товарная неустойка в системе непоименованных способов обеспечения исполнения обязательств/ А. В. Добродеева. URL: http://sibac.info/conf/law/xvi/28896 (дата обращения: 20.06.2019). – Текст электронный.
6. Фёдорова, Ю. С. Товарная неустойка как непоименованный в законе способ обеспечения исполнения обязательств // Вопросы современной юриспруденции: сб. ст. по матер. XVI междунар. науч.-практ. конф./ Ю. С. Федорова. – Новосибирск: СибАК, 2012. URL: http://sibac.info/conf/law/xvi/28896 (дата обращения: 22.06.2019). – Текст электронный.

Bakhrieva Z., Murtazaeva A. Unmentioned methods providing of execution of obligations (part I) / Z. Bakhrieva, A. Murtazaeva // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical sciences. – 2019. – T. 5 (71). № 4. – P. 272-278.

The research is devoted to a problem of legal qualification of legal tools which are put into practice as ways of ensuring performance of obligations.

Features of title providing and commodity (real) penalty as the ways of ensuring performance of obligations which are not named in Chapter 23 of the Civil code of the Russian Federation are covered in the present article.

According to the authors, title providing belongs to one of the most debatable ways of providing real type. The authors prove that it in fact, is rather effective way as at non-execution by the debtor of the obligation the creditor has a property of the debtor which he can realize or dispose of it in a different way.

In article features of use of a commodity (real) penalty and a possibility of application to it by analogy of

the rules about a monetary penalty enshrined in the Civil Code of the Russian Federation are also analyzed.

Keywords: ways of ensuring performance of obligations, not named ways of ensuring performance of obligations, title providing, a penalty, a commodity (real) penalty.

Spisok literatury`

1. Karapetov A. Titul`noe obespechenie vs Kreditovanie pod zalog / A. Karapetov. URL: https://zakon.ru/blog/2018/7/9/titulnoe_obespechenie_vs_kreditovanie_pod_zalog (data obrashheniya: 25.06.2019). – Tekst e`lektronny`j.

2. Fedorova, Yu. S. Nedenezhnaya neustojka: ot teorii k praktike / Yu. S. Fedorova // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 5: Yurisprudenciya. – 2013. – № 4. – S. 108-110.

3. Vyatchin, V.A. O pravovoj prirode tovarnoj neustojki / V. A. Vyatchin // Vestnik Saratovskoj gosudarstvennoj yuridicheskoj akademii. – № 2 (97). – 2014. – S. 122 -125.

4. O primenenii sudami nekotory`x polozhenij Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii ob otvetstvennosti za narushenie obyazatel`stv: Postanovlenie Plenuma VS RF ot 24.03.2016 № 772/ URL: www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_195783/ (data obrashheniya: 16.06.2019). – Tekst e`lektronny`j.

5. Dobrodeeva, A. V. Tovarnaya neustojka v sisteme nepoimenovanny`x sposobov obespecheniya ispolneniya obyazatel`stv/ A. V. Dobrodeeva. URL: http://sibac.info/conf/law/xvi/28896 (data obrashheniya: 20.06.2019). – Tekst e`lektronny`j.

6. Fyodorova, Yu. S. Tovarnaya neustojka kak nepoimenovanny`j v zakone sposob obespecheniya ispolneniya obyazatel`stv // Voprosy` sovremennoj yurisprudencii: sb. st. po mater. XVI mezhdunar. nauch.-prakt. konf./ Yu. S. Fedorova. – Novosibirsk: SibAK, 2012. URL: http://sibac.info/conf/law/xvi/28896 (data obrashheniya: 22.06.2019). – Tekst e`lektronny`j.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2019. – Т. 5 (71). № 4. – С. 279-285.

УДК 347.921.2

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПРАКТИКА РЕАЛИЗАЦИИ ИСТЦОМ ПРАВА НА ИЗМЕНЕНИЕ ПРЕДМЕТА ИЛИ ОСНОВАНИЯ ИСКА В ЦИВИЛИСТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ

Борецкая Л. Р.

Крымский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации

В статье осуществлен анализ правовых и процессуальных аспектов реализации права истца на изменение предмета или основания иска в цивилистическом процессе. Проанализированы нормативные правовые акты, регламентирующие права истца на изменение предмета или основания иска в гражданском и арбитражном процессе в Российской Федерации и других странах. Выработаны предложения по усовершенствованию норм, регламентирующих реализацию права истца на изменение предмета или основания иска как в гражданском, так и в арбитражном процессе.

Ключевые слова: предмет иска, изменение предмета иска, основание иска, изменение основания иска, цивилистический процесс, гражданский процесс, арбитражный процесс.

Конституция Российской Федерации [1] в статье 46 закрепляет право на судебную защиту. Возможность практического осуществления права на обращения в суд предусмотрены в действующем Гражданском процессуальном кодексе Российской Федерации [2] (далее – ГПК РФ) и Арбитражном процессуальном кодексе Российской Федерации [3] (далее – АПК РФ) в которых закреплены юридические гарантии защиты прав и законных интересов сторон цивилистического процесса.

Процессуальное положение каждой стороны цивилистического процесса определяется в зависимости от целей и задач, которые они реализуют в процессе, при рассмотрении или разрешении спора.

Анализ действующего арбитражного процессуального и гражданского процессуального законодательства с учетом подходов, которые сложились в научной литературе по вопросам процессуального статуса сторон, которые принимают участие по делу в целом и прав истца в частности, неоднократно осуществлялись в трудах таких ученых как: Григорьева Т. А., Захаров В. Н., Исаенкова О. В., Елистратова А. Н., Елисейкин П. Ф., Комаров И. С., Хасаншин И. А. и др.

Однако, немало дискуссионных вопросов остались, и это обусловлено многоаспектностью и динамичностью правового регулирования. Прежде всего, это касается применения отдельных норм, регламентирующих то или иное право истца на практике, отсутствие четкого правового регулирования, что нуждается в уточнении и детализации.

Как в соответствии со статьей 35 ГПК РФ, так и в соответствии со статьей 41 АПК РФ, перечень прав сторон в целом и прав истца в частности, не является исчерпывающим, и отдельные права закреплены в других статьях ГПК РФ и АПК РФ.

Так, ГПК РФ регламентирует право давать объяснения, заключения, выступать, заявлять ходатайства, подавать жалобы на родном языке или на любом свободно избранном языке общения, а также пользоваться услугами переводчика (ст. 9 ГПК РФ); право подать ходатайство о проведении закрытого судебного заседания в письменной форме, а также с помощью средств аудиозаписи фиксировать ход судебного разбирательства (ст. 10 ГПК РФ) и других статей содержат права сторон.

Помимо статьи 41 АПК РФ права сторон предусмотрены в ряде других статьях АПК РФ, так в ст.6.1 предусмотрено право обратиться к председателю арбитражного суда с заявлением об ускорении рассмотрения дела; ст.8 дает право на заявление отводов и ходатайств; право знакомиться с материалами дела, участвовать в судебных действиях, выступать в суде на родном языке предусмотрено ч. 2 ст.12; право заявить о самоотводе или об отводе зафиксировано в ч. 1 ст. 24.

Предметом данного анализа является исследование право истца изменить основание или предмет иска.

Ни действующее арбитражное процессуальное, ни гражданское процессуальное законодательство РФ не содержит в себе легального закрепления термина «предмет иска» и «основание иска». Отсутствие четкого закрепления этих понятий вызывает большие сложности, в связи с реализацией права истца на изменения предмета или основания иска как в гражданском, так и в арбитражном процессе.

Исаенкова О. В. в монографии посвященной исковой форме защиты в гражданском процессе, отмечает, что значение правильного определения предмета иска в настоящее время усиливается, в связи с возможностью у истца его изменить [4, с.59], а так же обращается внимание на недопустимость игнорирования правильности определения основания иска [4, с. 48].

Термин предмет иска содержится только в статье 49 АПК РФ и в статье 39 ГПК РФ.

Так, статья 39 ГПК РФ регламентирует право истца на изменение предмета или основания иска в гражданском процессе, аналогичная норма содержится в статье 49 АПК РФ для арбитражного процесса.

Причем, если статья 39 ГПК РФ указывает, что истец вправе изменить или предмет или основание иска, не ограничивая во времени это право, то статья 49 АПК РФ предоставляет право истцу изменить основание или предмет иска, только до принятия судебного акта в арбитражном суде первой инстанции.

Концепция единого Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации [5] сохраняет возможность для истца в суде первой и второй инстанции, изменить предмет или основания иска, однако реализовать это право возможно только до принятия судом решения (постановления) по делу.

Право на изменение предмета или основания иска дает возможность уточнить, скорректировать правовую позицию истца по делу.

В определении Верховного Суда РФ по делу № 303-ЭС15-16010, А51-29511/2014 от 09.03.2016 указано, что под основанием иска понимаются фактические обстоятельства, на которых истец основывает свои требования к ответчику, под предметом иска - материально-правовое требование истца к ответчику (пункты 4 и 5 части 2 статьи 125 Арбитражного процессуального кодекса РФ, пункт 3 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от

31.10.1996 № 13 «О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел в суде первой инстанции».

В Постановлении Верховного Суда РФ от 04.07.2016 № 305-АД16-8893 по делу № А40-134966/2015 делается ссылка на пункт 3 Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 31.10.1996 № 13 «О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел в суде первой инстанции», в котором сказано, что изменение материально-правового требования истца к ответчику означает изменение предмета иска. Изменение обстоятельств, на которых истец основывает свое требование к ответчику означает изменение основания иска.

Агешкина Н. А. под изменением основания иска понимает «изменение обстоятельств, на которых истец основывает свое требование к ответчику, а под изменением предмета иска понимает изменение материально-правового требования истца к ответчику (например, изменить способ защиты субъективного права, изменить предмета спора)» [6, с. 39].

Изменить предмет и основание иска одновременно не допускается. Запрет содержится в ст. 39 ГПК и 49 АПК РФ, но и судебная практика четко следует этому запрету, о чем свидетельствует Постановление Суда по интеллектуальным правам по делу № А50-13431/2014 от 04.06.2015г.

В данном постановлении суд указывает суду первой инстанции на нарушение, так как суд принял изменение истцом предмета и основания иска одновременно.

В Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 29.09.2015 № 305-ЭС15-8891 по делу № А40-39758/2014, содержится запрет судам самостоятельно изменять предмет или основания иска, так отмечено, что: «в силу части 1 статьи 49 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, арбитражный суд не вправе выходить за пределы требований истца и самостоятельно изменять предмет или основание иска. Такое право предоставляется только истцу. Самостоятельно изменив исковые требования при принятии постановления по делу, суд апелляционной инстанции нарушил такие закрепленные в Арбитражном процессуальном кодексе Российской Федерации принципы арбитражного процесса, как законность (статья 6), равноправие (статья 8), состязательность (статья 9). В части 3 статьи 123 Конституции Российской Федерации закреплено положение об осуществлении судопроизводства на основе состязательности и равноправия сторон, что предполагает предоставление сторонам равных процессуальных возможностей для защиты своих прав и законных интересов».

Изменение предмета или оснований первоначального иска вызывает необходимость начинать рассмотрение дела с самого начала.

При анализе изменения иска в судебной и судебно-арбитражной практике, П.А. Иевлев, отмечает, что необходимо суду проверить исковое заявление, на соответствие его нормам ст. 39 ГПК РФ и ст.49 АПК РФ, в случае заявления истцом ходатайство об изменении предмета или основания иска. [7]

В постановлении Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 09.10.2014 года в деле № А79-1666/2013 отмечено, что если уточненный иск подан в канцелярию суда в дату вынесения решения, но после оглашения, то нарушения норм процессуального права не будет. («Материалы дела свидетельствуют о том, что резолютивная часть решения суда от 04.03.2014 была оглашена в 14 часов 50 минут. Предста-

витель истца после объявленного перерыва в судебном заседании участия не принимал. Согласно представленному Арбитражным судом Чувашской Республики письму от 07.10.2014 № РУ/И-610 уточненное исковое требование Общества было зарегистрировано в программе судопроизводства 04.03.2014 в 16 часов 02 минуты, то есть после оглашения резолютивной части решения. При этом к моменту вынесения решения с начала судебного производства прошло около одного года, проведено шесть судебных заседаний»).

Нормы статьи 37 АПК Туркменистана от 19 декабря 2000 года, [8] статьи 63 Хозяйственного процессуального кодекса Республики Беларусь от 15 декабря 1998 г. № 219-з [9], статьи 157 Экономического процессуального кодекса Республики Узбекистан от 24.01.2018 г. № ЗРУ-461 [10], аналогичны нормам 49 АПК РФ, в части реализации права истца до принятия судебного акта изменить основание или предмет иска.

А вот нормы Хозяйственного процессуального кодекса Украины от 06.11.1991г. № 1798-XII [11] ограничивают это право. Так статья 46 Хозяйственного процессуального кодекса Украины от 06.11.1991 № 1798-XII регламентирует, что до окончания подготовительного заседания истец вправе изменить предмет или основания иска путем подачи письменного заявления. (Аналогичная норма содержится в статье 49 Гражданского процессуального кодекса Украины [12])

С одной стороны данные нормы ограничивает временные рамки изменения предмета или основания иска до окончания подготовительного заседания, с другой стороны, ничто не ограничивает право истца, который пришел к выводу, о необходимости заявить другой стороне определенные требования уже после начала рассмотрения дела по существу, реализовать свое право на обращение в суд в пределах другого дела и по другому исковому заявлению.

Ограничивает временные рамки изменения предмета или основания иска, законодатель лишил возможности истца злоупотреблять правом на изменения предмета или основания иска с целью затягивания процесса.

Автор, согласен с мнением Хасаншина И. А. который указывал на необходимость частично ограничить стороны в совершении распорядительных действий в стадии судебного разбирательства, т.к. процессуальные позиции должны быть четко определены к моменту рассмотрения дела, а значит, изменение предмета или основания иска возможно лишь в исключительных случаях [13, с. 12] .

В научной литературе не сложилось единственной точки зрения, возможно ли изменить в одном процессе и предмет, и основания иска, или же необходимо признать право изменения одного из элементов иска.

Например, Орлова Л. М. допускает возможность изменения не только основания иска, но в исключительных случаях и предмет иска. По ее мнению, право стороны изменять иск в процессе дает суду возможность рассмотреть измененный иск в том же процессе не ввиду того, что сначала имело место неправильное указание истцом предмета или основания иска [14, с. 66].

В случае изменение предмета и основания иска означает замена одного иска другим, следовательно, изменение предмета и основания иска недопустимо.

Боннер А. Т. писал о возможности изменения предмета и основания иска одновременно, в зависимости от характера интереса, который является предметом судебной защиты. В случае если интерес, который побуждал истца обратиться в

суд остается неизменным, то изменения предмета и основания иска одновременно будет правомерным [15, с. 52].

Захаров В. М. и Якубов С. А. определяют, что: «изменение основания иска является процессуальным правом стороны, однако они не соглашаются с возможностью изменения предмета иска, аргументируя это тем, что предоставление истцу процессуального права на смену предмета иска ведет к возникновению нового процесса. Следовательно, чтобы спор в окончательном итоге был правильно решен, то необходимо суду, а также самим сторонам, и особенно ответчику, подготовиться, чтобы его рассмотреть и решить» [16, с. 21].

С целью усовершенствования реализации права истца на изменение предмета или основания иска предлагается:

1. Легально закрепить в АПК РФ и ГПК РФ термины «предмет иска» и «основание иска».

2. Дополнить как ст. 158 АПК РФ, так и ст. 169 ГПК РФ дополнительным основанием для отложения рассмотрения дела. В случае если истец изменил предмет или основания иска необходимо суду предоставить право отложить рассмотрение дела, так как ответчику необходимо время для уточнение правовой позиции по делу, по измененному иску.

3. Внести изменения в статьи 39 ГПК и 49 АПК РФ.

Статью 39 ГПК РФ внести следующие изменения: часть 1 изложить в следующей редакции: «Истец вправе изменить основание или предмет иска до окончания подготовительного заседания путем подачи письменного заявления, увеличить или уменьшить размер исковых требований либо отказаться от иска, ответчик вправе признать иск, стороны могут окончить дело мировым соглашением»

Статью 49 ГПК РФ внести следующие изменения: часть 1 изложить в следующей редакции: «Истец вправе при рассмотрении дела в арбитражном суде первой инстанции до принятия судебного акта, которым заканчивается рассмотрение дела по существу, увеличить или уменьшить размер исковых требований, а изменить основание или предмет иска до окончания подготовительного заседания путем подачи письменного заявления.

Внесение данных изменений внесет большую определенность в правовое регулирование статуса сторон в цивилистического процесса РФ в целом, истца в частности.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. – 2014. – № 31. – Ст. 4398.

2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 27.12.2018) // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 46. – Ст. 4532.

3. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 25.12.2018) // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 30. – Ст. 3012.

4. Иск и исковая форма защиты в гражданском процессе: монография / О. В. Исаенкова, О. В. Николайченко, Т. В. Соловьева, Н. Н. Ткачева; под редакцией О. В. Исаенковой. – М. : Издательство Юрайт, 2019. – 183 с.

5. Концепция единого Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (одобрена решением Комитета по гражданскому, уголовному, арбитражному и процессуальному законодательству

ГД ФС РФ от 08.12.2014 № 124(1)). URL: http://client.consultant.ru/site/list/?id=1004323891 (дата обращения 11.09.2019). – Текст электронный.

6. Научно-практический комментарий к Арбитражному процессуальному кодексу Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ / Н. А. Агешкина [и др.]. – Саратов: Ай Пи Эр Медиа, 2018. — 904 с.

7. Иевлев П. А. Изменение иска в судебной и судебно-арбитражной практике: Дис…канд.юрид.наук: 12.00.15 / П. А. Иевлев. – М., 2004. – 214 с.

8. Арбитражный процессуальный кодекс Туркменистана от 19 декабря 2000 года. URL: http://minjust.gov.tm/ru/mmerkezi/doc_view.php?doc_id=8374 (дата обращения 11.09.2019). – Текст электронный.

9. Хозяйственный процессуальный кодекс Республики Беларусь от 15 декабря 1998 г. № 219-з. URL: http://pravo.by/document/?guid=3871&p0=HK9800219 (дата обращения 11.09.2019). – Текст электронный.

10. Экономический процессуальный кодекс Республики Узбекистан от 24.01.2018 г. № ЗРУ-461. URL: https://nrm.uz/contentf?doc=534251_ekonomicheskiy_processualnyy_kodeks_respubliki_uzbekistan_(utverjden_zakonom_respubliki_uzbekistan_ot_24_01_2018_g_n_zru-461)&products=1_vse_zakonodatelstvo_uzbekistana#%D1%801%D0%B3%D0%BB6%D0%BF%D0%B0%D1%801%D1%81%D1%8242 (дата обращения 11.09.2019). – Текст электронный.

11. Хозяйственный процессуальный кодекс Украины от 06.11.1991 № 1798-XII. URL : https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/1798-12 (дата обращения 11.09.2019). – Текст электронный.

12. Гражданский процессуальный кодекс Украины от 18.03.2004 № 1618-IV. URL: https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/1618-15?lang=ru (дата обращения 11.09.2019). – Текст электронный.

13. Хасаншин И. А. Процессуальные гарантии прав участников производства в арбитражном суде первой инстанции: Автореф. дисс.канд. юрид. наук / И. А. Хасаншин. – Саратов, 2014. – 28 с.

14. Орлова Л. М. Права сторон в гражданском процессе / Л. М. Орлова. – Минск: Изд-во Белорусск. ун-та, 1973. – 423 с.

15. Боннер А. Т. Принцип диспозитивности советского гражданского процессуального права: Учебное пособие / А. Т. Боннэр. – М. : ВЮЗИ, 1987. – 78 с.

16. Захаров В. Н. Гражданские процессуальные гарантии субъективных прав сторон и третьих лиц при рассмотрении и разрешении гражданских дел: Автореф. дисс.канд. юрид. наук: 12.01.03 / В. В. Захаров. – Саратов, 1990. – 24 с.

Boretskaya L. R. The current state and practice of the implementation by the claimant of the right to change the subject or cause of action in a civil procedure / L. R. Boretskaya // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2019. – T. 4 (72). № 4. – P. 279-285.

The article analyzes the legal and procedural aspects of the implementation of the plaintiff's right to change the subject or cause of action in the civil process. Analyzed regulatory legal acts regulating the rights of the plaintiff to change the subject or cause of action in the civil and arbitration process in the Russian Federation and other countries. Developed proposals to improve the rules governing the implementation of the right of the plaintiff to change the subject or cause of action in both civil and in the arbitration process.

Keywords: subject of a claim, change of a subject of a claim, basis of a claim, change of the basis of a claim, civil procedure, civil procedure, arbitration process.

Spisok literatury`

1. Konstituciya Rossijskoj Federacii (prinyata vsenarodny`m golosovaniem 12.12.1993) (s uchetom popravok, vnesenny`x Zakonami RF o popravkax k Konstitucii RF ot 30.12.2008 № 6-FKZ, ot 30.12.2008 № 7-FKZ, ot 05.02.2014 № 2-FKZ, ot 21.07.2014 № 11-FKZ) // Sobranie zakonodatel`stva RF. – 2014. – № 31. – St. 4398.

2. Grazhdanskij processual`ny`j kodeks Rossijskoj Federacii ot 14.11.2002 № 138-FZ (red. ot 27.12.2018) // Sobranie zakonodatel`stva RF. – 2002. – № 46. – St. 4532.

3. Arbitrazhny`j processual`ny`j kodeks Rossijskoj Federacii ot 24.07.2002 № 95-FZ (red. ot 25.12.2018) // Sobranie zakonodatel`stva RF. – 2002. – № 30. – St. 3012.

4. Isk i iskovaya forma zashhity` v grazhdanskom processe: monografiya / O. V. Isaenkova, O. V. Nikolajchenko, T. V. Solov`eva, N. N. Tkacheva; pod redakciej O. V. Isaenkovoj. – M. : Izdatel`stvo Yurajt, 2019. – 183 s.

5. Koncepciya edinogo Grazhdanskogo processual`nogo kodeksa Rossijskoj Federacii (odobrena resheniem Komiteta po grazhdanskomu, ugolovnomu, arbitrazhnomu i processual`nomu zakonodatel`stvu GD FS RF ot 08.12.2014 № 124(1)). URL: http://client.consultant.ru/site/list/?id=1004323891 (data obrashheniya 11.09.2019). – Tekst e`lektronny`j.

6. Nauchno-prakticheskij kommentarij k Arbitrazhnomu processual`nomu kodeksu Rossijskoj Federacii ot 24.07.2002 № 95-FZ / N. A. Ageshkina [i dr.]. – Saratov: Aj Pi E`r Media, 2018. — 904 c.

7. Ievlev P. A. Izmenenie iska v sudebnoj i sudebno-arbitrazhnoj praktike: Dis…kand.yurid.nauk: 12.00.15 / P. A. Ievlev. – M., 2004. – 214 s.

8. Arbitrazhny`j processual`ny`j kodeks Turkmenistana ot 19 dekabrya 2000 goda. URL: http://minjust.gov.tm/ru/mmerkezi/doc_view.php?doc_id=8374 (data obrashheniya 11.09.2019). – Tekst e`lektronny`j.

9. Xozyajstvenny`j processual`ny`j kodeks Respubliki Belarus` ot 15 dekabrya 1998 g. № 219-z. URL: http://pravo.by/document/?guid=3871&p0=HK9800219 (data obrashheniya 11.09.2019). – Tekst e`lektronny`j.

10. E`konomicheskij processual`ny`j kodeks Respubliki Uzbekistan ot 24.01.2018 g. № ZRU-461. URL: https://nrm.uz/contentf?doc=534251_ekonomicheskiy_processualnyy_kodeks_respubliki_uzbekistan_(utverjden_zakonom_respubliki_uzbekistan_ot_24_01_2018_g_n_zru-461)&products=1_vse_zakonodatelstvo_uzbekistana#%D1%801%D0%B3%D0%BB6%D0%BF%D0%B0%D1%801%D1%81%D1%8242 (data obrashheniya 11.09.2019). – Tekst e`lektronny`j.

11. Xozyajstvenny`j processual`ny`j kodeks Ukrainy` ot 06.11.1991 № 1798-XII. URL : https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/1798-12 (data obrashheniya 11.09.2019). – Tekst e`lektronny`j.

12. Grazhdanskij processual`ny`j kodeks Ukrainy` ot 18.03.2004 № 1618-IV. URL: https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/1618-15?lang=ru (data obrashheniya 11.09.2019). – Tekst e`lektronny`j.

13. Xasanshin I. A. Processual`ny`e garantii prav uchastnikov proizvodstva v arbitrazhnom sude pervoj instancii: Avtoref. diss.kand. yurid. nauk / I. A. Xasanshin. – Saratov, 2014. – 28 s.

14. Orlova L. M. Prava storon v grazhdanskom processe / L. M. Orlova. – Minsk: Izd-vo Belorussk. un-ta, 1973. – 423 s.

15. Bonner A. T. Princip dispozitivnosti sovetskogo grazhdanskogo processual`nogo prava: Uchebnoe posobie / A. T. Bonne`r. – M. : VYuZI, 1987. – 78 s.

16. Zaxarov V. N. Grazhdanskie processual`ny`e garantii sub``ektivny`x prav storon i tret`ix licz pri rassmotrenii i razreshenii grazhdanskix del: Avtoref. diss.kand. yurid. nauk: 12.01.03 / V. V. Zaxarov. – Saratov, 1990. – 24 s.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2019. – Т. 5 (71). № 4. – С. 286-290.

УДК 347.238.1

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ РАЗДЕЛА ОБЩЕДОЛЕВОЙ ЖИЛОЙ НЕДВИЖИМОСТИ

Зарубин А. В.

Двадцать первый арбитражный апелляционный суд

Применительно к разделу общей долевой собственности закон содержит очень простое правило, согласно которому раздел осуществляется по взаимному согласию сособственников и должен учитывать размер доли. Однако когда эти правила перекладываются на недвижимость, а тем более – жилую, выявляются проблемы, которые порождаются спецификой данного объекта. В частности, существует проблема определения правовой судьбы обслуживающих сооружений; необходимости переоборудования и перепланировки помещений; обоснования минимально допустимой площади вновь образованных помещений; готовности жилой недвижимости к разделу в натуре; выбора критериев раздела и так далее. Проанализировав научную литературу и судебную практику, автор констатирует, что раздел жилого дома означает одновременно и раздел всех вспомогательных строений (сооружений). Раздел дома в натуре не должен ухудшать его «инженерное» и «социальное» состояние, то есть влиять на прочность, долговечность и способность обслуживать потребность в жилье. Минимальная площадь вновь образованных помещений законодательно не устанавливается. Примерным ориентиром здесь могут служить только строительные и санитарно-эпидемиологические правила. Раздел в натуре не может быть поставлен в зависимость от готовности объекта к реальному разделу. В судебном решении может быть указано кто и какие действия должен совершить для окончательного раздела. В основе реального раздела должен находиться фактор владения, то есть, имущество должно получить лицо, которое им фактически владеет. Неравномерность раздела компенсируется денежной выплатой.

Ключевые слова: общая собственность; общая долевая собственность; доля; раздел; выдел; переоборудование; недвижимость; жилое помещение; владение.

В научных кругах давно обсуждается вопрос о делимости жилой недвижимости. В частности, Шершеневич Г. Ф. [3, с. 177] писал о том, что многие дома, как правило, неделимы, поскольку выделенные части лишаются таких принадлежностей, как кухни, погреба и др., а потому перестают соответствовать тем задачам, для которых создавались. Но существуют и обширные дома, при разделе которых можно обеспечить наличие у каждой части всего необходимого для сохранения первоначального назначения строения. А если каких–либо вспомогательных помещений недостаточно, их можно создать именно для того, чтобы раздел стал возможен. Победоносцев К. П. [2, с. 49] более склонялся к мысли, что раздел дома невозможен, хотя и признавал отсутствие законодательных препятствий. Один из основных доводов состоял в том, что раздел дома зачастую осуществляется возведением стены. В этом случае собственники все равно не получат полного набора прав, т. к. вынуждены будут согласовывать все действия, связанные с воздействием на эту стену. Кстати сказать, Шершеневич Г. Ф. тоже учитывал данный момент и ничего предосудительного в нем не видел, указывая, что в населенных пунктах многие здания возводятся так, что имеют общие стены с соседними строениями.

Современная наука возможность раздела жилых домов не отрицает, да и вообще довольно мало обращается к этому вопросу, видимо, считая положительный ответ аксиоматичным. Сегодня возможность раздела таких объектов находится преимущественно в сфере интересов правоприменителей, поэтому подавляющее большинство информации по данному вопросу мы получаем из судебной практики. Она, в свою очередь, основывается на специальных познаниях в области строительства, позволяющих сделать применительно к конкретному делу вывод о возможности раздела, при котором каждая из образованных частей соответствовала бы требованиям, предъявляемым к помещениям такого рода.

Так, согласно абзацу 2 пп. «а» п. 6 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10 июня 1980 г. № 4 (ред. от 06 февраля 2007 г.) «О некоторых вопросах практики рассмотрения судами споров, возникающих между участниками общей собственности на жилой дом» [4] выдел участнику общей собственности принадлежащей ему доли означает передачу в собственность истцу определенной изолированной части жилого дома и построек хозяйственного назначения, соответствующих его доле, а также утрату им права на эту долю в общем имуществе (ст. 252 ГК РФ).

Поскольку участники общей долевой собственности имеют равные права в отношении общего имущества пропорционально своей доле в нем, суд при выделе доли в натуре должен передать сособственнику часть жилого дома и нежилых построек, соответствующую по размеру и стоимости его доле, если это возможно без несоразмерного ущерба хозяйственному назначению строений. Под несоразмерным ущербом хозяйственному назначению строения следует понимать существенное ухудшение технического состояния дома, превращение в результате переоборудования жилых помещений в нежилые, предоставление на долю помещений, которые не могут быть использованы под жилье из-за малого размера площади или неудобства пользования ими, и т.п. (п. 7 Постановления). В литературе справедливо обращается внимание на то, что из запрета на переоборудование жилых помещений в нежилые можно сделать исключение, если помимо жилого помещения, которое должно быть переоборудовано, имеются другие жилые помещения либо иные варианты раздела (выдела) также предполагают необходимость переоборудования жилых помещений в нежилые [1, с. 255].

Таким образом, судебная практика, во-первых, говорит о необходимости выдела только изолированной части жилого дома и, во-вторых, о включении в раздел хозяйственных построек, пусть даже обособленных от жилого дома.

Еще одна проблема раздела жилых помещений связана с правильным пониманием минимальной площади помещения, способного к выделу. Ранее Верховный Суд РФ разъяснял, что раздел (выдел) возможен, если образуются изолированные помещения, состоящие из одной или нескольких комнат. Если выделяемая комната (комнаты) менее установленной ЖК РФ нормы, но соответствуют санитарным и техническим требованиям, раздел возможен (п. 15 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26 декабря 1984 г. №5 «О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при применении Жилищного кодекса РСФСР» [5]). Несмотря на то, что разъяснения утратили силу, мысль, заложенная в них, осталась актуальной. Дело в том, что ЖК РФ действительно устанавливает минимальные нормативы жилой площади. Так, согласно ст. 50 ЖК РФ, выделяются две разновидности мини-

мальных размеров жилья: 1) минимальный размер площади жилого помещения, исходя из которого определяется размер общей площади жилого помещения, предоставляемого по договору социального найма (норма предоставления); 2) минимальный размер площади жилого помещения, исходя из которого определяется уровень обеспеченности граждан общей площадью жилого помещения в целях их принятия на учет в качестве нуждающихся в жилых помещениях (учётная норма). Как видно из приведенного положения закона, оно касается отношений по поводу социального найма.

Что касается минимально выделяемого при разделе общей собственности жилого помещения, то здесь необходимо ориентироваться не на ст. 50 ЖК РФ, а на строительные и санитарно–эпидемиологические правила. К примеру, СП «54.13330.2011. Свод правил. Здания жилые многоквартирные. Актуализированная редакция СНиП 31-01-2003» (утв. Приказом Минрегиона РФ от 24 декабря 2010 г. №778 [6]), «СНиП 31-02-2001. Дома жилые одноквартирные» (утв. Постановлением Госстроя РФ от 22 марта 2001 г. №35 [7]). Обосновано это тем, что закон не устанавливает минимальных объемов жилого помещения, находящегося в собственности.

Как верно подметил Бутырин А. Ю., следует допускать выделение как можно меньшей площади. Это позволит разрешить большее количество спорных ситуаций, ликвидировав общую собственность. В ином случае стороны могут претендовать лишь на определение порядка пользования, что не всегда устраняет спор между сособственниками, либо обратиться к возможности выплаты компенсации, а это «предполагает насильственную по отношению к собственнику замену недвижимости стоимостным эквивалентом», что не соответствует его интересам [1, с. 315]. По мнению Бутырина А. Ю. при определении минимальной площади жилого помещения следует исходить только из «возможность биологического существования на этой площади человека без вреда для его здоровья» [1, с. 316]. Ссылаясь на исследования в данной области, указанный нами автор указывает, что она равна 8 кв. м.

Существование готовых вариантов раздела – большая редкость. Планируя строительство жилого дома, заказчик предполагает единое использование всего пространства. В связи с этим на практике возникают вопросы относительно того, должно быть помещение готово к разделу на момент вынесения решения суда или нет. Правоприменительный опыт показывает, что спор между разделяющимися нуждается в скорейшем разрешении. Предоставление времени сторонам для подготовки объекта, например, с целью возведения дополнительных подсобных помещений, необходимых для обслуживания вновь образуемой изолированной части дома, нецелесообразно и вряд ли достигнет результата. Если стороны не договорились о совместном проживании, то не договорятся они и о реконструкции дома, после которой он приобретет реальную возможность раздела. В связи с этим, если жилой дом не готов к фактическому разделу, суду следует указывать не только кому и какие помещения переходят, но и на ком лежит обязанность по совершению действий, подготавливающих дом к разделу.

При разделе общей собственности споры зачастую вызваны не тем, что кто-либо не желает покидать сообщество собственников, а несогласием с предлагаемыми вариантами распределения имущества. В связи с этим представители науки и практики пытаются найти критерии, которые могут быть положены в

основу справедливого раздела. На первый взгляд вопросов здесь не должно возникать, поскольку размер доли изначально определен, и каждый понимает, что ему причитается. Но проблема не в этом. Неизвестно, что брать за абсолютную величину. Таким образом, если одному из сособственников принадлежит 1/5 доли, то что конкретно необходимо делить на 5 частей? Если следовать букве закона, то сособственник обладает долей в праве общей собственности, следовательно, делить необходимо право. При этом абсолютно очевидно, что при разделе стороне должно быть выделено имущество в натуре, но не право. Об этом прямо говорит и ст. 252 ГК РФ «раздел имущества, находящегося в долевой собственности…». Если делится имущество, то что должно браться за основу: стоимость, площадь и т. д.?

Подробная критика данных критериев приводится Бутыриным А. Ю. [1, с. 320]. Сомнения относительно стоимости как критерия деления он обосновывает тем, что эта величина постоянно меняется. Кроме того, затраты на улучшения выделенного ему имущества могут быть настолько велики со стороны одного из сособственников, что доли других невозможно будет рассмотреть невооруженным глазом. Деление «по площади» тоже сомнительно, поскольку одна часть строения может по своему качеству сильно уступать другой. Сам Бутырин А. Ю. предлагает подход, «при котором величины долей <…> определяются по площади помещения жилого дома (полезной площади) пропорционально величине затрат (стоимости выполненных работ, характер которых можно определить как «значительные»)» [1, с. 325]. Еще лучше, если эксперт будет предлагать варианты раздела «по стоимости» и «по площади», а окончательный выбор сделает суд.

С точки зрения эксперта Бутырин А. Ю., возможно, прав, но что делать суду и каков должен быть окончательный ответ? Представляется, что допустим тот и другой критерий, а правильный выбор зависит от фактора владения. Раздел должен осуществляться точно так, как определился порядок владения и пользования общим имуществом. Если размер фактического владения не соответствует доле, разница может быть возмещена в деньгах. Если стороны никогда не владели имуществом, например, получили его по наследству, раздел должен производиться в зависимости от стоимости, ведь в конечном итоге гражданские правоотношения направлены на регулирование экономических, т. е. денежных отношений. В этом состоит их отличие от споров, касающихся увеличения доли, где в первую очередь учитывается увеличение площади, а во вторую – повышение стоимости.

Список литературы

1. Бутырин А. Ю. Теория и практика судебной строительно-технической экспертизы / А. Ю. Бутырин. – М. : Городец, 2006. – 544 с.
2. Курс гражданского права: Вотчинные права. Ч. 1 / К. П. Победоносцев. – С.-Пб. : Синод. тип., 1896. – 546 с.
3. Учебник русского гражданского права. С портретом автора и очерком его научной деятельности. Т. 1 / Г. Ф. Шершеневич; Под ред.: Краснокутский В. А. 11-е изд., первое посмерт., просм. и доп. – М. : Бр. Башмаковы, 1914. – 645 с.
4. О некоторых вопросах практики рассмотрения судами споров, возникающих между участниками общей собственности на жилой дом : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 июня 1980 г. №4 (ред. от 06 февраля 2007 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26 декабря 1984 г. №5 «О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при применении Жилищного кодекса РСФСР» (утратил силу) // Бюллетень Верховного Суда РСФСР. №3. 1985. (СПС «КонсультантПлюс»).

6. СП «54.13330.2011. Свод правил. Здания жилые многоквартирные. Актуализированная редакция СНиП 31-01-2003» : утв. Приказом Минрегиона РФ от 24 декабря 2010 г. №778 // СПС «КонсультантПлюс».

7. СНиП 31-02-2001. Дома жилые одноквартирные : утв. Постановлением Госстроя РФ от 22 марта 2001 г. №35 // СПС «КонсультантПлюс».

Zarubin A. V. On some issues of the section of common residential real estate / A. V. Zarubin // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2019. – T. 4 (72). № 4. – P. 286-290.

With regard to the division of common ownership, the law contains a very simple rule according to which the division is carried out by mutual consent of the co-owners and must take into account the size of the share. However, when these rules are shifted to real estate, and even more so-residential, identified problems that are generated by the specifics of the object. In particular, there is a problem of determining the legal fate of service facilities; the need for refit and redevelopment of premises; justification of the minimum allowable area of newly formed premises; readiness of residential real estate for the section in kind; selection of criteria for the section and so on. After analyzing the scientific literature and judicial practice, the author States that the division of a house means simultaneously the division of all auxiliary buildings (structures). The division homes in nature should not worsen his "engineering" and "social" state of, i.e. to influence the tenacity, the durability of the and ability to service need in housing. The minimum area of newly formed premises is not established by law. Only construction and sanitary-epidemiological rules can serve as an approximate reference point here. Division in kind can not be made dependent on the readiness of the object to the real section. The court decision may specify who and what actions must be taken for the final section. The basis of the real division should be the factor of possession, that is, the property should get the person who actually owns it. Unevenness of the section is compensated by cash payment.

Keyword: common property; common shared property; share; division; separate; refit; realty; residential premises; possession.

Spisok literatury`

1. Buty`rin A. Yu. Teoriya i praktika sudebnoj stroitel`no-texnicheskoj e`kspertizy` / A. Yu. Buty`rin. – M. : Gorodecz, 2006. – 544 s.

2. Kurs grazhdanskogo prava: Votchinny`e prava. Ch. 1 / K. P. Pobedonoscev. – S.-Pb. : Sinod. tip., 1896. – 546 s.

3. Uchebnik russkogo grazhdanskogo prava. S portretom avtora i ocherkom ego nauchnoj deyatel`nosti. T. 1 / G. F. Shershenevich; Pod red.: Krasnokutskij V. A. 11-e izd., pervoe posmert., prosm. i dop. – M. : Br. Bashmakovy`, 1914. – 645 s.

4. O nekotory`x voprosax praktiki rassmotreniya sudami sporov, voznikayushhix mezhdu uchastnikami obshhej sobstvennosti na zhiloj dom : Postanovlenie Plenuma Verxovnogo Suda RF ot 10 iyunya 1980 g. №4 (red. ot 06 fevralya 2007 g.) // SPS «Konsul`tantPlyus».

5. Postanovlenie Plenuma Verxovnogo Suda RF ot 26 dekabrya 1984 g. №5 «O nekotory`x voprosax, voznikshix v sudebnoj praktike pri primenenii Zhilishhnogo kodeksa RSFSR» (utratil silu) // Byulleten` Verxovnogo Suda RSFSR. №3. 1985. (SPS «Konsul`tantPlyus»).

6. SP «54.13330.2011. Svod pravil. Zdaniya zhily`e mnogokvartirny`e. Aktualizirovannaya redakciya SNiP 31-01-2003» : utv. Prikazom Minregiona RF ot 24 dekabrya 2010 g. №778 // SPS «Konsul`tantPlyus».

7. SNiP 31-02-2001. Doma zhily`e odnokvartirny`e : utv. Postanovleniem Gosstroya RF ot 22 marta 2001 g. №35 // SPS «Konsul`tantPlyus».

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2019. – Т. 5 (71). № 4. – С. 291-297.

УДК 347.45

ДОГОВОР УСЛОВНОГО ДЕПОНИРОВАНИЯ (ЭСКРОУ)

Мухамедова Э. Э.

Крымский федеральный университет имени. В. И. Вернадского

В статье проведен анализ понятия договора условного депонирования (эскроу). Рассмотрены основные юридические признаки договора условного депонирования, а также особенности его правовой регламентации. Обосновывается, что договор эскроу является консенсуальным, однако в зависимости от объекта депонирования может быть реальным. Аргументируется двусторонне-обязывающий характер договора эскроу, не смотря на его относительно сложный субъектный состав, представленный депонентом, бенефициаром и эскроу-агентом. Сделан вывод о том, что договор условного депонирования (эскроу) обеспечивает охрану прав и законных интересов сторон обязательства по передаче имущества.

Ключевые слова: договор условного депонирования, эскроу, депонент, эскроу-агент, бенефициар.

В 2018 году в Гражданский Кодекс Российской Федерации (далее – ГК РФ) [4] внесены изменения, в соответствие с которыми в главу 45 «Банковский счет» ГК РФ добавлен § 3 «Счет эскроу», а так же включена глава 47.1 «Условное депонирование (эскроу)», предусматривающая определение договора условного депонирования (эскроу) и особенности осуществления депонирования. Несмотря на применение одинаковой терминологии указанные договоры являются самостоятельными и независимыми договорными конструкциями. При этом необходимо отметить, что Василевской Л. Ю. упоминалось о том, что на стадии законопроекта предусматривалась «увязка» договора счета эскроу с договором эскроу (договором условного депонирования) в ст. 860^{13}, которая так и не нашла своего отражения в действующем ГК РФ [2, с. 38].

Термин «эскроу» известен науке с давних времен. Он происходит от французского «escroue», что означало клочок бумаги или свиток пергамента и указывало на третье лицо, удерживающее его до завершения (совершения) определенных действий, предусмотренных сделкой [7].

Василевской Л. Ю. отмечается, что термин «escrow» (англ.), «Treuhand» (нем.) означает депонирование у третьего лица имущества должника с целью его передачи кредитору при предусмотренных договором обстоятельствах. Речь идет об эскроу-агенте (доверительном агенте, escrow agent, Treuhänder), которому поручено (доверено) депонирование чужого имущества (денег, ценных бумаг, правоустанавливающих документов и т. п.) на определенном счете эскроу [2, с. 38].

В научной литературе отмечается, что отношения по эскроу-агентированию получили значительное распространение в иностранных правопорядках. В Германии, например, договор счета эскроу – это непоименованный, предусматривающий

различные варианты взаимоотношений договор с определенными элементами правовой конструкции хранения. Именно в качестве эскроу-агентирования данный договор поименован в англосаксонской цивилистике и правоприменительной практике. Например, в решении по делу «Hudgins v. Krawetz» (Texas App., 1977) отмечается, что эскроу-агент является «нейтральным» третьим лицом, осуществляющим держание документов или иного имущества до момента наступления определенного обстоятельства, после наступления которого он должен осуществить платеж или передачу имущества в соответствии с инструкциями, которые были даны сторонами договора [1, с. 56].

Отечественное гражданское законодательство содержит схожее определение договора эскроу. В соответствии со ст. 926.1 ГК РФ по договору условного депонирования (эскроу) депонент обязуется передать на депонирование эскроу-агенту имущество в целях исполнения обязательства депонента по его передаче другому лицу, в пользу которого осуществляется депонирование имущества (бенефициару), а эскроу-агент обязуется обеспечить сохранность этого имущества и передать его бенефициару при возникновении указанных в договоре оснований.

Рассматривая основные признаки договора условного депонирования, приходим к выводу о том, что данный договор является консенсуальным. В дефиниции договора указано, что депонент обязуется передать на депонирование эскроу-агенту имущество в целях исполнения обязательства депонента по его передаче другому лицу. Так, договор эскроу считается заключенным при наличие волеизъявления сторон и достижения согласия по всем существенным условиям договора.

При этом необходимо учитывать положения ст. 926.5 ГК РФ об особенностях депонирования вещей. Согласно п. 3 данной статьи к отношениям по договору эскроу, предусматривающему передачу на депонирование вещей, право собственности на которые сохраняется за депонентом, применяются положения главы 47 «Хранение» ГК РФ, если иное не предусмотрено правилами главы условного депонирования, договором или не вытекает из существа обязательства. Таким образом, договор депонирования вещей по аналогии с договором хранения является реальным, а в случаях когда эскроу-агентом выступает коммерческая организация либо некоммерческая организация, осуществляющая условное депонирование в качестве одной из целей своей профессиональной деятельности, может быть предусмотрена его обязанность принять вещь в предусмотренный договором срок, – договор является консенсуальным.

Договор условного депонирования (эскроу) возмездный. В ст. 926.2 ГК РФ закреплена презумпция возмездности договора условного депонирования, где предусмотрено право эскроу-агента требовать уплаты вознаграждения за исполнение своих обязательств, если иное не предусмотрено договором. Таким образом, в случаях, указанных в договоре эскроу, условное депонирование может быть безвозмездным.

Договор условного депонирования срочный. Договор эскроу должен предусматривать срок депонирования имущества. Гражданским законодательством устанавливается предельный срок договора. Срок действия договора эскроу не может превышать пять лет. Договор эскроу, заключенный на больший срок или без указания срока, считается заключенным на пять лет.

На первый взгляд, в легальной конструкции договора условного депонирования (эскроу) предусмотрен его трехсторонний характер, который устанавливается в п. 1

ст. 926.1 ГК РФ, где предусмотрено, что договор эскроу заключается между депонентом, бенефициаром и эскроу-агентом.

Однако последующее рассмотрение норм главы 47.1 ГК РФ дает основания полагать, что рассматриваемый договор является взаимным, поскольку при условном депонировании права и обязанности по договору возникают у каждой из сторон. С момента принятия имущества на депонирование у эскроу-агента возникает обязательство обеспечить сохранность этого имущества и передать его бенефициару при возникновении указанных в договоре оснований либо вернуть полученное имущество депоненту – при не возникновении указанных в договоре оснований. У депонента же в рамках рассматриваемой договорной конструкции возникают обязательства перед эскроу-агентом по надлежащей передаче имущества и по оплате вознаграждения эскроу-агенту. У бенефициара в соответствии с данным договором возникают обязательства перед эскроу-агентом в случае выполнения им указанных в договоре оснований. Обязанности же депонента и бенефициара друг пред другом возникают до заключения договора условного депонирования в рамках ранее заключенного обязательства по передаче имущества. Таким образом, можно предположить, что взаимных обязательств депонента и бенефициара в рамках договора эскроу не возникает.

Представляется, что договор условного депонирования (эскроу) двустороннеобязывающий. Не смотря на относительно сложный субъектный состав (депонент, бенефициар и эскроу-агент) взаимные обязательства в рамках данного договора возникают у эскроу-агента, с одной стороны, а так же у депонента либо бенефициара, – с другой стороны. Предполагается, что депонента и бенефициара обобщенно можно назвать «собственник имущества». В зависимости от стадии исполнения сторонами своих обязательств по договору, при передаче на депонирование вещей депонент сохраняет право собственности на них до даты возникновения оснований для их передачи бенефициару, а после указанной даты право собственности на депонированные вещи переходит к бенефициару (ст. 926.5 ГК РФ). Однако, если указанные в договоре эскроу основания передачи имущества бенефициару в течение срока действия договора не возникают, эскроу-агент обязан вернуть полученное имущество депоненту (п. 2 ст. 926.1 ГК РФ). Таким образом, в договоре условного депонирования одна сторона – эскроу-агент остается постоянной, а другая сторона «собственник имущества» может быть представлена либо депонентом, либо бенефициаром. При этом собственником имущества является депонент либо бенефициар после возникновения указанных в договоре оснований.

Об общности правового статуса депонента и бенефициара свидетельствует обязательство депонента и бенефициара по уплате вознаграждения эскроу-агенту, которое является солидарным, если иное не предусмотрено договором (п. 1 ст. 926.2 ГК РФ), а также основания прекращения договора эскроу (п. 1 ст. 926.8 ГК РФ), предусматривающие право депонента и бенефициара отказаться от договора эскроу, направив совместное уведомление об этом эскроу-агенту в письменной форме или иным способом, предусмотренным договором эскроу. Однако, несмотря на двусторонне-обязывающий характер договора условного депонирования, субъектный состав договора эскроу характеризуется наличием эскроу-агента, депонента и бенефициара.

Депонент – лицо, передающее на депонирование эскроу-агенту имущество в целях исполнения обязательства по его передаче другому лицу (бенефициару).

Эскроу-агент – лицо, которому депонент обязуется передать на депонирование имущество с целью обеспечения сохранности этого имущества и последующей передачи его бенефициару при возникновении указанных в договоре оснований.

Бенефициар – лицо, в пользу которого осуществляется депонирование имущества, для последующей передачи при возникновении указанных в договоре оснований.

Исходя из содержания главы 47.1. ГК РФ согласно сути правоотношений в сфере условного депонирования, – специальных требований к участникам договора эскроу не предъявляется. Субъектами договора эскроу являются любые участники гражданских правоотношений. Например, согласно ст. 926.8 ГК РФ «Прекращение договора эскроу» эскроу-агентом могут выступать гражданин, нотариус, юридическое лицо, а в соответствии со ст. 626.6 ГК РФ «Особенности депонирования бездокументарных ценных бумаг и безналичных денежных средств» эскроу-агентом может быть банк и др.

Форма договора условного депонирования предусмотрена п. 1 ст. 926.1 ГК РФ, согласно которой договор эскроу подлежит нотариальному удостоверению, за исключением случаев депонирования безналичных денежных средств и (или) бездокументарных ценных бумаг. Представляется, что к договорам о депонировании безналичных денежных средств и (или) бездокументарных ценных бумаг применяются общие правила ГК РФ о форме сделок и договоров с учетом особенностей договора эскроу.

Содержание договора эскроу составляют его условия в совокупности. Среди условий договора выделяют существенные условия, которые определены в ст. 432 ГК РФ как условия о предмете договора, условия, которые названы в законе или иных правовых актах как существенные или необходимые для договоров данного вида, а также все те условия, относительно которых по заявлению одной из сторон должно быть достигнуто соглашение.

В главе 47.1 ГК РФ «Условное депонирование (эскроу)» непосредственно существенные условия не определены. Следовательно в силу ст. 432 ГК РФ существенным для всех гражданско-правовых договоров в том числе и для договора эскроу является условие о предмете договора.

Условием о предмете договора условного депонирования является условие, отражающее юридическую конструкцию договора эскроу и его объект. Таким образом, предметом данного договора является условие о передаче эскроу-агенту на депонирование имущества в целях исполнения обязательства депонента по его передаче другому лицу (бенефициару), для обеспечения сохранности этого имущества и передачи бенефициару при возникновении указанных в договоре оснований (иными словами, – деятельность эскроу-агента по условному депонированию).

Вместе с тем объект договора не тождественен предмету договора. Условие об объекте предполагает имущество, которое передается на депонирование в целях исполнения обязательства депонента по его передаче другому лицу (бенефициару). В соответствие со ст. 926.1 ГК РФ объектом депонирования могут быть движимые вещи (включая наличные деньги, документарные ценные бумаги и документы), безналичные денежные средства, бездокументарные ценные бумаги.

Исходя из содержания п. 2 ст. 926.4 ГК РФ объекты договора условного депонирования могут быть определены как родовыми, так и индивидуальными признаками. Объекты договора эскроу должны отвечать требованиям ст. 129 ГК РФ об оборотоспособности объектов гражданских прав. Объекты, переданные на депонирование эскроу-агенту в соответствие со ст. 926.4 ГК РФ должны быть обособлены от его имущества. Это имущество отражается на отдельном балансе и (или) по нему ведется обособленный учет.

К существенным условиям договора условного депонирования также можно отнести условие об основаниях для передачи имущества бенефициару. Договором эскроу может быть предусмотрена обязанность эскроу-агента проверить наличие оснований для передачи имущества бенефициару. Договором условного депонирования может быть предусмотрена необходимость предъявления бенефициаром документов, подтверждающих возникновение оснований для передачи ему имущества, а также обязанность эскроу-агента проверить их по внешним признакам и при наличии разумных оснований полагать, что представленные документы являются недостоверными, воздержаться от передачи имущества, если иное не предусмотрено договором.

Срок договора не является существенным условием, так как договор условного депонирования может заключаться как с указанием срока, так и без указания срока. Что выплывает из существа п. 1 ст. 926.1 ГК РФ, где указано, что договор эскроу должен предусматривать срок депонирования имущества. Срок действия договора эскроу не может превышать пять лет. Договор эскроу, заключенный на больший срок или без указания срока, считается заключенным на пять лет.

Цена договора не относится к существенным условиям. Согласно ст. 926.2 ГК РФ эскроу-агент вправе требовать уплаты вознаграждения за исполнение своих обязательств, если иное не предусмотрено договором. В установленных договором случаях условное депонирование является безвозмездным.

Рассматривая общую характеристику договора эскроу, необходимо обратить внимание на правовую природу данных обязательственных отношений. В науке гражданского права существуют различные подходы к определению сущности и правовой природы договора эскроу. Так, Дубнова Д. К. считает, что эскроу может выступать как обеспечительное многостороннее гражданско-правовое обязательство [5]. Сходной позиции придерживается и Ефимова Л. Г., относящая эскроу к особому личному способу обеспечения исполнения обязательства, непоименованному в ст. 329 ГК РФ, т.к. наряду с должником-депонентом бенефициар получает дополнительного должника – эскроу-агента, который обязуется произвести платежи после выполнения бенефициаром соответствующего условия [6, с. 362].

В свою очередь Василевская Л. Ю., анализируя правовую природу договора счета эскроу отмечает, что нельзя не отметить обеспечительный характер обязательства по договору счета эскроу. Однако рассматривать этот договор как способ обеспечения исполнения основного обязательства не представляется возможным [2, с. 43]. По мнению ученого договор счета эскроу представляет собой гибкую, универсальную договорную конструкцию, одна из основных функций которой – гарантировать исполнение основного обязательства, возникающего из гражданско-правового договора между кредитором и должником. «Гарантийный» эффект достигается не через различные способы обеспечения исполнения обязательств, а по-

средством установления особого правового режима для имущества, посредством его обособления и передачи во исполнение обязательства, что позволяет защитить интересы обеих сторон – депонента и бенефициара [2, с. 39].

Гонгало Б. М. и Крашенинников П. В. приходят к выводу, что наряду с обязательством, на исполнение которого нацелен договор, появляется еще одно обязательство – условного депонирования. Эти обязательства взаимосвязаны. Одно из них можно считать главным (основным), например, договор купли-продажи; другое, возникающее на основе договора эскроу, является вспомогательным, производным и зависимым обязательством. Это обязательство может существовать лишь постольку, поскольку существует основное (главное) обязательство. Вспомогательный характер его проявляется в том, что условное депонирование осуществляется в целях исполнения основного (главного) обязательства [3, с. 156].

Из содержания п. 1 ст. 926.1 ГК РФ следует, что договор условного депонирования заключается в пользу и в целях исполнения обязательства депонента по передаче имущества другому лицу. Очевидно, что договор эскроу возникает наряду с иным договором по передаче имущества (например, договором купли-продажи), а также носит вторичный характер по отношению к уже существующему обязательству по передаче имущества. В свою очередь, обязательство по передаче имущества носит первичный характер, а также обусловливает обязательство эскроу и находится в определенной взаимосвязи с ним. Договор условного депонирования (эскроу) имеет гарантийный характер, который обеспечивается передачей имущества (являющегося объектом обязательства депонента по передаче имущества другому лицу) на депонирование и обеспечение его сохранности, а также передачей его бенефициару при возникновении указанных оснований. Таким образом устанавливается определенный режим охраны прав и законных интересов сторон обязательства по передаче имущества (депонента и бенефициара).

Список литературы

1. Богданов Д. Е. Богданова С. Г. Правовая природа договора условного депонирования (эскроу) / Д. Е. Богданов, С. Г. Богданова // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2018. – № 10. – С. 55-66.

2. Василевская Л. Ю. Договор счета эскроу: проблемы правовой квалификации / Л. Ю. Василевская // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». – 2016. – № 2. – С. 37-49.

3. Гонгало Б. М. Крашенинников П. В. Условное депонирование (эскроу) / Б. М. Гонгало, П. В. Крашенников // Гражданское право: современные проблемы науки, законодательства, практики: Сборник статей к юбилею доктора юридических наук, профессора Евгения Алексеевича Суханова. – М. : Статут, 2018. – С. 151-167.

4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26 января 1996 года № 14-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 5. – Ст. 410.

5. Дубнова Д. К. Правовая природа договора счета эскроу / Д. К. Дубнова // Юрист. – 2018. – № 2. URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=CJI&n=112571#046850778099861423 (Дата обращения – 20 мая 2019 г.). – Текст электронный.

6. Ефимова Л. Г. Договор банковского вклада. Гражданско-правовая теория страхования вкладов. Договор банковского счета. Новые виды банковских счетов по Гражданскому кодексу РФ: монография / Л. Г. Ефимова. – М. : Проспект, 2018. – 427 с.

7. Online Etymology Dictionary. URL: https://www.etymonline.com/search?q=escrow (Дата обращения 20 мая 2019 г.). – Текст электронный.

Muhamedova E. E. An escrow agreement / E. E. Muhamedova // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2019. – T. 4 (72). № 4. – P. 291-297.

The article deals with the concept of an escrow contract (escrow). The main legal features of the escrow agreement, as well as the peculiarities of its legal regulation are considered. It is substantiated that the escrow agreement is consensual, however, depending on the deposit object, it can be real. The bilateral-binding nature of the escrow agreement is argued, despite its relatively complex subject composition represented by the depositor, the beneficiary and the escrow agent. It is concluded that the escrow agreement (escrow) protects the rights and legitimate interests of the parties to the obligation to transfer property.

Keywords: escrow agreement, escrow, depositor, escrow agent, beneficiary.

Spisok literatury`

1. Bogdanov D. E. Bogdanova S. G. Pravovaya priroda dogovora uslovnogo deponirovaniya (e`skrou) / D. E. Bogdanov, S. G. Bogdanova // Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA). – 2018. – № 10. – S. 55-66.

2. Vasilevskaya L. Yu. Dogovor scheta e`skrou: problemy` pravovoj kvalifikacii / L. Yu. Vasilevskaya // E`lektronnoe prilozhenie k «Rossijskomu yuridicheskomu zhurnalu». – 2016. – № 2. – S. 37-49.

3. Gongalo B. M. Krasheninnikov P. V. Uslovnoe deponirovanie (e`skrou) / B. M. Gongalo, P. V. Krashennikov // Grazhdanskoe pravo: sovremenny`e problemy` nauki, zakonodatel`stva, praktiki: Sbornik statej k yubileyu doktora yuridicheskix nauk, professora Evgeniya Alekseevicha Suxanova. – M. : Statut, 2018. – S. 151-167.

4. Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii (chast` vtoraya) ot 26 yanvarya 1996 goda № 14-FZ // Sobranie zakonodatel`stva RF. – 1996. – № 5. – St. 410.

5. Dubnova D. K. Pravovaya priroda dogovora scheta e`skrou / D. K. Dubnova // Yurist. – 2018. – № 2. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=CJI&n=112571#046850778099861423> (Data obrashheniya – 20 maya 2019 g.). – Tekst e`lektronny`j.

6. Efimova L. G. Dogovor bankovskogo vklada. Grazhdansko-pravovaya teoriya straxovaniya vkladov. Dogovor bankovskogo scheta. Novy`e vidy` bankovskix schetov po Grazhdanskomu kodeksu RF: monografiya / L. G. Efimova. – M. : Prospekt, 2018. – 427 s.

7. Online Etymology Dictionary. URL: https://www.etymonline.com/search?q=escrow> (Data obrashheniya 20 maya 2019 g.). – Tekst e`lektronny`j.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2019. – Т. 5 (71). № 4. – С. 298-303.

УДК 347.63

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ РОДИТЕЛЬСКИХ ПРАВ И ОБЯЗАННОСТЕЙ В СТРАНАХ ЕВРОПЫ

Некрасова Е. В.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского

Статья посвящена сравнительно−правовому исследованию возникновения родительских прав и обязанностей в странах Европы. Анализируется семейное законодательство некоторых стран Европы в вопросах возникновения родительских прав и обязанностей, деятельность Комиссии по европейскому семейному праву, некоторые документы Совета Европейского Союза и решения Европейского Суда по правам человека. Следует отметить, что в европейских странах существуют различные подходы к основаниям и порядку приобретения родительских прав и обязанностей лицами, не состоящими в браке, способам их осуществления и прекращения. Охарактеризованы и проанализированы основные модели приобретения родительских прав отцами, не состоящими в браке. Следует заметить, что в некоторых европейских странах возможность получения родительских прав во внесудебном порядке зависит от одобрения матери ребенка. Разнообразие подходов к этим вопросам, обнаруживается в законодательстве различных европейских стран.

Ключевые слова: родительские права, родительские обязанности, семейное законодательство**,** отцовство, брак, законодательство европейских стран.

Юридическим фактом, на основании которого возникают правоотношения между родителями и детьми, является происхождение детей от родителей. Биологическая связь между родителем и ребенком является наиболее распространенной основой приобретения родительских прав и обязанностей, но не выступает решающим правовым фактором. Распространенной является концепция социального отцовства и материнства, в которой родительские правоотношения рассматриваются не только как биологические, но и как социальные. Важнейшим элементом родительского правоотношения является готовность родителей, принять своих детей и выполнять родительские обязанности. В европейских странах существуют различные подходы к основаниям и порядку приобретения родительских прав и обязанностей, способам их осуществления и прекращения. Разнообразие подходов к этим вопросам, обнаруживается в законодательстве различных европейских стран.

Родительские обязательства, в странах Европы, направлены на защиту прав и благополучие детей и охватывают, как правило: право на совместное проживание с ребенком и его воспитание, право на доступ к ребенку, управление имуществом ребенка и осуществление представительства ребенка. Подразумевается, что родительские обязательства должны осуществляться в наилучших интересах ребенка, уважая его и способствуя росту зрелости и самостоятельности. Такое понимание содержания родительских прав и обязанностей было одобрено и подкреплено международными нормативными актами. Наиболее значимыми из

которых являются: Конвенция о защите прав человека и основных свобод [1], Конвенция о юрисдикции, применимом праве, признании, исполнении и сотрудничестве в отношении родительской ответственности и мерах по защите детей, которая указывает, что «что первоочередное внимание должно уделяться наилучшим интересам ребенка» [2], Регламент № 2201/2003 Совета Европейского Союза «О юрисдикции, признании и приведении в исполнение судебных решений по семейным делам и делам об обязанностях родителей, отменяющий Регламент (ЕС) № 1347/2000» [3], который определяет термин «родительские обязанности», как все права и обязанности в отношении лица или имущества ребенка, которыми физическое или юридическое лицо наделено судебным решением, указанием законодательного акта или имеющим юридическую силу соглашением, термин включает определение прав на совместное проживание с ребенком и воспитание, а также право на доступ к ребенку. Кроме этого, важное значение в понимании содержания родительских прав и обязанностей вносят прецеденты Европейского суда по правам человека. Большой вклад в развитие науки семейного права в Европе был внесен благодаря работе ученых в области семейного и сравнительного права, проводимой Комиссией по европейскому семейному праву. Основная цель Комиссии по европейскому семейному праву заключается в теоретической и практической работе в направлении гармонизации семейного права в Европе, анализе современного состояния сравнительных исследований по гармонизации семейного права в европейских странах, поиск, на общей основе, решений ряда правовых проблем семейного законодательства [4]. В 2007 г. Европейская комиссия по семейному праву разработала Принципы европейского семейного права, касающиеся родительских прав и обязанностей (Principles on Parental Responsibilities). Указанные принципы определяют родительские обязательства таким образом: это совокупность прав и обязанностей, направленных на поддержание и защиту благополучия ребенка. Они включают, в частности: уход, защиту и образование, поддержание личных отношений, определение места жительства ребенка, управление его имуществом и юридическое представительство [5].

Основной темой для юридических исследований родительских обязательств в Европе являются многочисленные трудности, связанные с разнообразием семейных моделей в современном европейском обществе и обязательством общества признавать права детей и улучшать их благосостояние. Эти обстоятельства влияют на принятие решений об установлении родительских обязательств, их разграничении на различные группы, наделение ими третьих лиц, способы их осуществления и прекращения [6, с. 286].

В настоящее время, принято считать, что обязательства по заботе о детях и их воспитанию возлагаются, в равной степени, на обоих родителей. Конвенция о правах ребенка закрепляет принцип общей и одинаковой ответственности обоих родителей за воспитание и развитие ребенка (статья 18) [7] и обязывает государства прилагать все усилия для обеспечения его признания. Однако, единодушное принятие этой идеи, не означает безоговорочного автоматического возложения родительских обязанностей на обоих родителей, во всех странах Европы, сразу после того, как отцовство и материнство были юридически установлены. В этом контексте можно

провести различие между двумя распространенными типами правовых конструкций:

Первый тип – законодательные конструкции, которые возлагают родительские права и обязанности на обоих родителей, на общей основе, вследствие установления происхождения ребенка от матери и отца. К таким странам относятся: Бельгия, Чехия, Франция, Хорватия, Испания, Италия, Венгрия, Польша, Дания. В России, также, применяется такой принцип установления родительских обязательств.

Второй тип – законодательные конструкции, в которых существует различие в правовом положении отцов детей, рожденных в браке и вне брака. К таким государствам относятся: Австрия, Финляндия, Германия, Нидерланды, Норвегия, Швеция, Швейцария. В этих странах законодательство, практически, не предусматривает автоматического возложения родительских обязательств на отцов, которые не состоят в браке с матерями своих детей, связывая такой подход с тем, что в отсутствие брака, степень готовности отцов брать на себя ответственность и сотрудничать с матерями в воспитании детей может сильно отличаться, а в некоторых случаях может вообще отсутствовать. По этой причине, приобретение родительских прав и обязанностей со стороны отца, не состоящего в браке с матерью ребенка, обусловлено наличием своеобразного «разрешающего» показателя, которым, чаще всего, является согласие матери ребенка. Таким образом, закон, возлагает родительские обязательства на отца, если он вступит в брак с матерью ребенка, если родители достигли соглашения по вопросу об общих родительских правах и обязанностях, либо следуя из определенного поведения (например, имя отца записывается в свидетельстве о рождении ребенка). Европейский суд по правам человека пришел к выводу, что такое строгое отношение к не состоящим в браке отцам, с целью выявления лиц, на которых могут быть возложены родительские права и обязанности, является дифференциацией, которая уважает принцип пропорциональности и, следовательно, не является запрещенной формой дискриминации [6, с. 292-293]. Например, по законодательству Финляндии не состоящий в браке отец, получает опеку над ребенком на основании соглашения с матерью. Предварительным условием для этого является установленное отцовство не состоящего в браке отца. Обычно, не состоящая в браке пара, заключает соглашение о совместной опеке вскоре после рождения ребенка. После утверждения соглашения о совместной опеке родителей, их положение ничем не отличается от положения родителей, состоящих в браке. В то же время, отец, не состоящий в браке, может получить родительские права и обязанности по решению суда, если он не может достичь соглашения с матерью ребенка. Оба родителя имеют право подать в суд заявление об опеке или праве на доступ к ребенку. Суд может передать опекунство обоим родителям совместно или одному из них, как он считает, в соответствии с наилучшими интересами ребенка [8].

Таким образом, если мать против общих родительских прав и обязанностей, национальные законы, обычно, предоставляют отцу альтернативный вариант получения родительских обязательств, посредством судебного решения. Однако, следует заметить, что правовые системы Германии и Австрии, ранее отвергали и эту альтернативу, основываясь на том, что присуждение совместных родительских прав и обя-

занностей против воли одного из родителей имеет больше недостатков, чем преимуществ, и может противоречить наилучшим интересам ребенка.

Этот подход, вызвавший большую критику, был окончательно отвергнут ЕСПЧ в делах Цаунеггер против Германии (Zaunegger v. Germany, 2009) [9] и Спорер против Австрии (Sporer v. Austria, 2011) [10]. В частности, в деле Цаунеггер против Германии, Европейский Суд отметил, что в отсутствие совместного заявления родителей ребенка, законно и правильно передавать родительские права, первоначально, матери с целью обеспечения с момента рождения ребенка, наличие лица, которое действует от имени ребенка. Возможны уважительные причины для отказа в признании за отцом родительских прав, если это угрожает благополучию ребенка. Однако, эти соображения не применялись в деле заявителя: его отцовство было удостоверено с самого начала, он проживал с ребенком более пяти лет и, впоследствии, осуществлял контакты и обеспечивал обычные потребности дочери. Несмотря на это, законодательство лишило его возможности требовать судебного решения по вопросу о том, отвечало ли интересам ребенка совместное осуществление родительских прав. В связи с этим Европейский Суд не согласен с тем, что совместное осуществление родительских прав и обязанностей вопреки желанию матери рассматривалось, как не соответствующее интересам ребенка. Хотя в Европе отсутствует согласие по вопросу о том, имеют ли не состоящие в браке с матерью ребенка отцы, право требовать совместных родительских прав и обязанностей в отсутствии согласия матери, общая позиция большинства государств, по-видимому, заключается в том, что решения о присуждении родительских обязательств должны отвечать интересам ребенка и подлежать судебному контролю в случае конфликта между родителями [9]. Следуя этим суждениям, Австрия и Германия изменили закон, что позволило отцам, не состоящим в браке с матерями общих детей, получить родительские права и обязанности, полностью или частично, посредством судебного решения.

Если говорить о предлагаемом Европейской комиссией по семейному праву направлении развития законодательства стран Европы о родительских правах и обязанностях, то Принципы европейского семейного права, касающиеся родительских прав и обязанностей, предлагают такой подход: родители, чье отцовство и материнство юридически установлено, должны иметь родительские права и обязанности по отношению к ребенку, без каких-либо ограничений. Это положение сочетается с полномочиями компетентных органов по отстранению от исполнения родительских обязанностей, если поведение родителя или пренебрежение этими обязанностями создает серьезную угрозу для личности или имущества ребенка и с возможностью установления единоличной опеки над ребенком по соглашению между родителями или по решению компетентного органа [5]. Безусловно, если интересы ребенка требуют установления ограничений в отношении статуса одного из родителей, то предпочтительнее ограничить или отменить его или её родительские правомочия, а не исключать его или её из сферы родительских обязательств с самого начала.

Список литературы

1. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Заключена в г. Риме 04.11.1950) (с изм. от 13.05.2004) // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 08.04.2019).

2. Конвенция о юрисдикции, применимом праве, признании, исполнении и сотрудничестве в отношении родительской ответственности и мер по защите детей (Заключена в г. Гааге 19.10.1996) // Собрание законодательства РФ. – 2013. – № 32. – Ст. 4297.

3. Регламент № 2201/2003 Совета Европейского Союза «О юрисдикции, признании и приведении в исполнение судебных решений по семейным делам и делам об обязанностях родителей, отменяющий Регламент (ЕС) N 1347/2000» // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 08.04.2019).

4. History. URL: http://ceflonline.net/history (дата обращения: 08.04.2019). – Текст электронный

5. Principles of European Family Law regarding parental responsibilities. URL: http://ceflonline.net/principles (дата обращения: 08.04.2019). – Текст электронный

6. European Family Law. Volume III. Family Law in European Perspective / Ed. by Jens M. Scherpe. Edward Elgar Publishing. 2016. P. 286.

7. Конвенция о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989) (вступила в силу для СССР 15.09.1990) // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 08.04.2019).

8. National report: Finland. URL: http://ceflonline.net/parental-responsibility-reports-by-jurisdiction/ (дата обращения: 08.04.2019). – Текст электронный.

9. Zaunegger v. Germany (№ 22028/04). URL: http:// http://base.garant.ru/12177733 (дата обращения: 08.04.2019). – Текст электронный.

10. Sporer v. Austria (№ 35637/03). URL: http://www.menschenrechte.ac.at/orig/11_1/Sporer.pdf (дата обращения: 08.04.2019). – Текст электронный.

Nekrasova E. V. Some features of the emergence of parental rights and duties in Europe / E. V. Nekrasova // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2019. – T. 4 (72). № 4. – P. 298-303.

The article is devoted to a comparative legal study of the emergence of parental responsibilities in Europe. The family legislation of some European countries is analyzed in questions of emergence of parental rights and obligations. Besides this, the activity of the Commission on European Family Law, some documents of the Council of the European Union and the decisions of the European Court of Human Rights are analyzed. It should be noted, that in European countries have a different approaches to the grounds and procedure of acquiring parental responsibilities for unmarried persons, for the methods of their implementation and termination. The main models of the acquisition of parental rights by unmarried fathers are characterized and analyzed in this article. It should be noted, that in some European countries, the possibility of obtaining parental rights in an extrajudicial manner depends on the approval of the mother of the child. A variety of approaches to these issues are found in the legislation of various European countries.

Keywords: parental rights, parental responsibilities, family law, paternity, marriage, legislation of European countries.

Spisok literatury`

1. Konvenciya o zashhite prav cheloveka i osnovny`x svobod (Zaklyuchena v g. Rime 04.11.1950) (s izm. ot 13.05.2004) // SPS «Konsul`tant Plyus» (data obrashheniya: 08.04.2019).

2. Konvenciya o yurisdikcii, primenimom prave, priznanii, ispolnenii i sotrudnichestve v otnoshenii roditel`skoj otvetstvennosti i mer po zashhite detej (Zaklyuchena v g. Gaage 19.10.1996) // Sobranie zakonodatel`stva RF. – 2013. – № 32. – St. 4297.

3. Reglament № 2201/2003 Soveta Evropejskogo Soyuza «O yurisdikcii, priznanii i privedenii v ispolnenie sudebny`x reshenij po semejny`m delam i delam ob obyazannostyax roditelej, otmenyayushhij Reglament (ES) N 1347/2000» // SPS «Konsul`tant Plyus» (data obrashheniya: 08.04.2019).

4. History. URL: http://ceflonline.net/history (data obrashheniya: 08.04.2019). – Tekst e`lektronny`j

5. Principles of European Family Law regarding parental responsibilities. URL: http://ceflonline.net/principles (data obrashheniya: 08.04.2019). – Tekst e`lektronny`j

6. European Family Law. Volume III. Family Law in European Perspective / Ed. by Jens M. Scherpe. Edward Elgar Publishing. 2016. P. 286.

7. Konvenciya o pravax rebenka (odobrena General`noj Assambleej OON 20.11.1989) (vstupila v silu dlya SSSR 15.09.1990) // SPS «Konsul`tant Plyus» (data obrashheniya: 08.04.2019).

8. National report: Finland. URL: http://ceflonline.net/parental-responsibility-reports-by-jurisdiction/ (data obrashheniya: 08.04.2019). – Tekst e`lektronny`j.

9. Zaunegger v. Germany (№ 22028/04). URL: http:// http://base.garant.ru/12177733 (data obrashheniya: 08.04.2019). – Tekst e`lektronny`j.

10. Sporer v. Austria (№ 35637/03). URL: http://www.menschenrechte.ac.at/orig/11_1/Sporer.pdf (data obrashheniya: 08.04.2019). – Tekst e`lektronny`j.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2019. – Т. 5 (71). № 4. – С. 304-314.

УДК: 347.1:347.73

ВОЗДЕЙСТВИЕ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА И ГРАЖДАНСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА НА ФИНАНСОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Очкуренко С. В.

Юридический институт Севастопольского государственного университета

В статье исследуются и анализируются отдельные способы воздействия положений гражданского законодательства на финансовое законодательство и сферу его действия. Приводятся примеры субсидиарного применения положений гражданского законодательства, формулирования законодателем бланкетных правовых норм, использования и заимствования финансовым законодательством гражданско-правовых понятий и правовых конструкций для регулирования финансовых отношений. Формулируется концепция межотраслевого правового воздействия, которое, по мнению автора, выходит за пределы понятия правового регулирования и характеризует сущность (основное содержание) взаимосвязей гражданского и финансового права.

Ключевые слова: гражданское право, гражданское законодательство, нормы гражданского права, гражданские правоотношения, правовое регулирование, правовое воздействие, межотраслевое взаимодействие, финансовое право, финансовое законодательство, финансовые правоотношения.

Межотраслевое взаимодействие, в том числе воздействие положений гражданского законодательства, норм гражданского права и урегулированных этими нормами общественных отношений на финансовое законодательство и сферу его действия, является одним из наиболее актуальных и дискуссионных направлений современных юридических исследований. Результаты таких научных исследований необходимы не только для решения теоретических задач, связанных с определением соотношения частного и публичного права, но и имеют важное прикладное значение для практики правотворчества и правоприменения.

Поэтому большинство современных представителей как науки гражданского права, так и науки финансового права, в той или иной мере затрагивали в своих работах проблематику межотраслевого взаимодействия гражданского и финансового права. Нередко указанной проблематике посвящались отдельные публикации в научных и научно-практических изданиях [4, с. 12-14; 7, с. 313-329; 9, с. 78-80; 10, с. 11-14]. Однако до сих пор специальных комплексных научных исследований этой темы не производилось.

Научный анализ соотношения гражданско-правового регулирования с регулированием общественных отношений финансовым правом предполагает использование категорий и правовых конструкций, сформулированных в рамках теории права. Однако такой анализ затруднен в связи с тем, что в теории права недостаточно изучены вопросы взаимодействия отраслей права в процессе их воздействия на общественные отношения. Наука теории права, как и отраслевые науки гражданского и финансового права, сосредоточивали свое внимание преимущественно на фундаментальных проблемах системы и структуры права, соотношении системы права и системы законодательства, дифференциации права на отрасли, появлении в процессе развития новых отраслей права и законодательства [1]. Это дало очень важные

результаты, имеющие неопровержимое методологическое значение. Однако на определенном этапе ученые под влиянием различных причин останавливались и не шли дальше, – к расширению применения этих методологических достижений в прикладных целях исследования взаимодействия норм разных отраслей права.

Задачами настоящей статьи является исследование отдельных способов воздействия положений гражданского законодательства на финансовое законодательство и сферу его действия, а также выявление и пояснение основных сущностных характеристик межотраслевого взаимодействия гражданского и финансового права.

Даже не детализированный обзор гражданского и финансового законодательства дает возможность отметить то обстоятельство, что актами гражданского законодательства часто определяются параметры юридических фактов, которые являются основаниями возникновения, изменения или прекращения финансовых правоотношений. Существенность этого канала влияния часто обусловливает потребность в субсидиарном применении положений гражданского законодательства к финансовым отношениям. Финансовое правоотношение при этом не меняет своей отраслевой принадлежности, но определить все условия, необходимые для его реализации, без обращения к соответствующим положениям гражданского законодательства невозможно. Например, в соответствии с пунктом 8 статьи 396 Налогового кодекса Российской Федерации (далее также – НК РФ) в отношении земельного участка, перешедшего по наследству к физическому лицу, земельный налог исчисляется, начиная со дня открытия наследства. Финансовое законодательство не формулирует ответа на вопрос о времени открытия наследства. Такой ответ дает общее правило пункта 1 ст. 1114 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), согласно которому временем открытия наследства является момент смерти гражданина, и специальные правила, действующие в случаях объявления гражданина умершим судом (п. 3 ст. 45, п. 1 ст. 1114 ГК РФ).

В других случаях, гражданско-правовые конструкции или термины, которые их обозначают, используются для полного раскрытия содержания диспозиций финансово-правовых норм, сформулированных в актах финансового законодательства. Так, в соответствии с пунктом 1 ст. 180 НК РФ организации или индивидуальные предприниматели – участники договора простого товарищества (договора о совместной деятельности) несут солидарную ответственность по исполнению обязанности по уплате налога, исчисленного в соответствии с главой 22 НК РФ «Акцизы». Согласно абзацу 2 п. 7 и п. 8 ст. 50 НК РФ солидарное исполнение обязанности по уплате налогов может применяться по решению суда в случаях реорганизации юридических лиц путем разделения или выделения. Согласно п. 3 ст. 74 НК РФ при неисполнении налогоплательщиком обязанности по уплате налога, обеспеченной поручительством, поручитель и налогоплательщик несут солидарную ответственность. Как видим, законодатель неоднократно использует правовую конструкцию солидарной ответственности и солидарного исполнения обязанности по уплате налогов. Поскольку ее содержание в Налоговом кодексе или другом акте финансового законодательства не раскрывается, то применение абз. 2 п. 7 и п. 8 ст. 50, п. 3 ст. 74 и п. 1 ст. 180 НК РФ без одновременного применения статей 322-325 ГК РФ, устанавливающих порядок предъявления кредитором требований к солидарным должникам, является невозможным.

Когда в положении Бюджетного кодекса Российской Федерации (далее также– БК РФ), которая закрепляет норму бюджетного (финансового) права, используется понятие юридического лица, то это означает возможность применения к соответствующим бюджетным (финансовым) отношениям положений гражданского законодательства, определяющего признаки юридических лиц. При ином толковании мы должны будем прийти к выводу, что предписания БК РФ, адресованные юридическим лицам, не подлежат применению вообще, поскольку бюджетное законодательство не предусматривает необходимого набора признаков, которые позволяют идентифицировать субъекта как юридическое лицо.

Следует обратить внимание на то, что согласно пункту 3 ст. 2 ГК РФ к имущественным отношениям, основанным на административном или ином властном подчинении одной стороны другой, в том числе к налоговым и другим финансовым и административным отношениям, гражданское законодательство не применяется, если иное не предусмотрено законодательством. Пунктом 1 ст. 11 НК РФ предусмотрено, что «институты, понятия и термины гражданского, семейного и других отраслей законодательства Российской Федерации, используемые в настоящем Кодексе, применяются в том значении, в каком они используются в этих отраслях законодательства, если иное не предусмотрено настоящим Кодексом». Поскольку значение терминов раскрывается не только в определениях соответствующих понятий, а и в законодательных положениях, устанавливающих правовые нормы, п. 1 ст. 11 НК РФ следует толковать как предписание, допускающее субсидиарное применение к налоговым отношениям положений гражданского законодательства.

Бюджетный кодекс РФ не устанавливает подобного положения. Но это, по нашему мнению, не означает невозможность субсидиарного применения к бюджетным отношениям положений гражданского законодательства, если в Бюджетном кодексе прямо употребляется соответствующее гражданско-правовое понятие. Таким образом, считаем, что прямое использование в финансовом законодательстве понятий, терминов или конструкций, сформулированных исключительно гражданским законодательством, означает установление законом исключения из правила пункта 3 ст. 2 ГК РФ о запрете использования гражданского законодательства к финансовым отношениям. Причем действие этого запрета распространяется лишь на публичные имущественные отношения, если иное не установлено законом. Иное может быть установлено законом не только с использованием отсылочных и бланкетных норм, а также путем прямого использования понятий, терминов, конструкций и других положений гражданского законодательства для регулирования публичных отношений.

От субсидиарного применения положений гражданского законодательства к финансовым отношениям нужно отличать случаи, когда законодатель в акте финансового законодательства формулирует бланкетную норму, которая предписывает применять к финансовым отношениям положения гражданского законодательства. При этом в содержании финансово-правового отношения может не появляться ничего гражданско-правового. В таких случаях положение гражданского законодательства, которое наполняет содержанием бланкетную финансово-правовую норму, также теряет гражданско-правовой характер применительно к таким отношениям. Применяется не гражданско-правовая норма, а бланкетная финансово-правовая норма с информационным содержанием, взятым из положения гражданского зако-

нодательства. Так, согласно подпункту 3 пункта 3 ст. 44 НК РФ «задолженность по налогам, указанным в пункте 3 статьи 14 и пунктах 1 и 2 статьи 15 НК РФ, умершего лица либо лица, объявленного умершим, погашается наследниками в пределах стоимости наследственного имущества в порядке, установленном гражданским законодательством Российской Федерации для оплаты наследниками долгов наследодателя». Здесь формулируется налогово-правовая норма. И любого другого юридического содержания в цитированном законодательном положении нет. Но налоговое законодательство не устанавливает порядка погашения наследниками задолженности по налогам умершего лица либо лица, объявленного умершим. Поэтому подпункт 3 пункта 3 ст. 44 НК РФ формулирует бланкетную норму, которая предусматривает применение порядка, установленного гражданским законодательством Российской Федерации для оплаты наследниками долгов наследодателя. На основании указанного законодательного положения к налоговому правоотношению прямо (а не субсидиарно) применяется ст. 1175 ГК РФ. При этом наследники погашают не долги перед третьими лицами, а выполняют обязанность по уплате налогов со всеми юридическими налогово-правовыми последствиями надлежащего или ненадлежащего исполнения этой обязанности. Поэтому в указанном случае порядок, предусмотренный ст. 1175 ГК РФ, утрачивает гражданско-правовое содержание и становится одной из налоговых процедур, выполнение которой прекращает обязанность по уплате налога. Законодатель мог бы текстуально перенести ее в Налоговый кодекс, но не сделал это исключительно с целью более лаконичного изложения нормативного материала.

В других случаях в актах финансового законодательства указывается на регулирование гражданским законодательством определенных гражданских отношений, связанных с финансовыми отношениями. Такое указание означает не формулирование бланкетной финансово-правовой нормы, а определение отраслевой принадлежности соответствующих отношений. Например, п. 7 ст. 73 и п. 6 ст. 74 НК РФ прямо предусматривают применение гражданского законодательства к отношениям по залогу имущества и отношениям поручительства как к способам обеспечения обязанности по уплате налогов, сборов, страховых взносов, если иное не предусмотрено законодательством о налогах и сборах.

Таким образом, субсидиарное правоприменение отличается от бланкетных правовых норм отсутствием прямого указания на применение соответствующих положений гражданского законодательства. Кроме того, бланкетная правовая норма может указывать на регулирование соответствующих отношений гражданским правом, а субсидиарное правоприменение не предполагает изменения отраслевой принадлежностей отношений, а предусматривает лишь необходимость вспомогательного использования гражданского законодательства для уточнения динамики или содержания финансовых правоотношений.

Начало взимания налогов часто связывают с возникновением государства. Но правового в налоговых отношениях почти всегда было мало, потому что налогоплательщик юридически не был защищен ни в отношениях с государством, ни в отношениях с государственными органами и их должностными лицами, которые взимали налоги. А когда у налогоплательщика появилась возможность юридической защиты в налоговых отношениях – это уже было начало формирования принципа верховенства права как реального регулятора отношений между человеком и государ-

ством (Головатый С. П. процесс утверждения принципа верховенства права неслучайно связывает с Великой хартией вольностей, которую английскому королю навязали английские же бароны в 1215 г. [5, с. 127]).

Гражданские права стали защищаться намного раньше. Соответственно и гражданское законодательство, а также наука гражданского права, начали развиваться интенсивнее и раньше. Это обуславливает заимствование финансовым правом гражданско-правовой терминологии и другого нормативно-правового, а также доктринального материала. Поэтому без анализа проблемы заимствования финансовым законодательством и наукой финансового права гражданско-правовой терминологии и гражданско-правовых конструкций исследование воздействия гражданского права на финансовое право не может быть признанное полным.

Как уже указывалось пунктом 1 ст. 11 НК РФ предусмотрено, что «институты, понятия и термины гражданского, семейного и других отраслей законодательства Российской Федерации, используемые в настоящем Кодексе, применяются в том значении, в каком они используются в этих отраслях законодательства, если иное не предусмотрено настоящим Кодексом». В других актах финансового законодательства Российской Федерации, в том числе в Бюджетном кодексе, гражданско-правовые понятия также чаще используются в том значении, в каком они используются в гражданском законодательстве.

Вместе с тем, нередко законодатель в финансовом законодательстве использует понятия и конструкции гражданского права, придавая им специальное значение. Например, в бюджетном законодательстве широко применяется понятие денежного обязательства, установленное абзацем 24 ст. 6 БК РФ, согласно которому «денежные обязательства – обязанность получателя бюджетных средств уплатить бюджету, физическому лицу и юридическому лицу за счет средств бюджета определенные денежные средства в соответствии с выполненными условиями гражданско-правовой сделки, заключенной в рамках его бюджетных полномочий, или в соответствии с положениями закона, иного правового акта, условиями договора или соглашения». Здесь понятие денежного обязательства приобретает комплексное правовое содержание, но все еще тяготеет к его первоначальному гражданско-правовому значению. В отличие от денежного обязательства, преимущественно публично-правовое значение имеет понятие расходных обязательств, которое определяется абзацем 20 ст. 6 БК РФ как обусловленные законом, иным нормативным правовым актом, договором или соглашением обязанности публично-правового образования (Российской Федерации, субъекта Российской Федерации, муниципального образования) или действующего от его имени казенного учреждения предоставить физическому или юридическому лицу, иному публично-правовому образованию, субъекту международного права средства из соответствующего бюджета. Сугубо финансово-правовое содержание приобретает понятие публичных обязательств, под которыми понимаются обусловленные законом, иным нормативным правовым актом расходные обязательства публично-правового образования перед физическим или юридическим лицом, иным публично-правовым образованием, подлежащие исполнению в установленном соответствующим законом, иным нормативным правовым актом размере или имеющие установленный указанным законом, актом порядок его определения (расчета, индексации) (абз. 22 ст. 6 БК РФ). Это по-

нятие уже никак содержательно не связано с терминологически близкой конструкцией публичного договора, которая регулируется ст. 426 ГК РФ.

В некоторых других государствах использование гражданско-правовых понятий в специальном финансово-правовом значении имеет гораздо большие масштабы. Например, ст. 14 Налогового кодекса Украины содержит около 300 определений понятий для целей этого кодекса, многие из которых имеют первоначальное гражданско-правовое значение. Возможно, поэтому тенденцию к закреплению в актах финансового законодательства собственных определений понятий поддерживают, прежде всего, украинские ученые. Например, Билык В. В. указывает: «Необходимо избегать применения терминов одной отрасли права в другой (хотя в бюджетное законодательство уже вводятся гражданско-правовые категории, например, обязательства). Существование в нормативных актах конкурирующих номинаций имеет негативные последствия не только для кодификационного процесса, а и для практики правоприменения» [2, с. 24]. Мулявка Д. Г. и Стецко Р. В. также пишут: «…Ныне уровень развитости отдельных отраслей права является уже достаточно высоким, что позволяет четко сформулировать собственные правовые категории, избавившись от заимствования из других отраслей права» [8, с. 19]. По нашему мнению, сейчас уровень развития отрасли финансового права, в том числе в Украине, действительно является уже достаточно высоким, что позволяет в случае наличия связей между соответствующими отношениями, отраслями права и их институтами использовать понятия, отработанные в других отраслях права, при осуществлении финансово-правового регулирования.

Считаем, что задача разработки в каждой отрасли права собственного понятийного аппарата и избежание заимствования терминов из других отраслей права является нереальной с точки зрения ее практической реализации. Кроме того, такой подход не представляется целесообразным, потому что в значительной мере нарушит системные связи между отраслями права, усложнит усвоение нормативного материала. Только на схеме правовой нормы гипотеза, диспозиция и санкция размещаются рядом. На самом деле эти структурные элементы нормы права и их отдельные части надо отыскивать, поскольку гораздо чаще они сформулированы в разных нормативно-правовых актах или, в лучшем случае, в разных статьях одного нормативно-правового акта. Такой поиск значительно облегчается в случае определенного единства терминологии в актах законодательства, в том числе в тех, которые являются источниками норм разных отраслей права.

Однако и позиция Волковой Н. Н., согласно которой «понятие, которое сложилось в одной отрасли права (законодательства), должно применяться во всех отраслях права и законодательства исключительно в одном и том же значении» [3, с. 24], является слишком категоричной. Возникает множество случаев, когда содержание термина, который используется в одной отрасли права, для использования в другой отрасли права необходимо уточнить, расширить или сузить. Нередкими являются также случаи, когда заимствованное из гражданского права понятие приобретает в финансовом законодательстве свое сугубо отраслевое (например, пеня) либо комплексное значение. Это – целиком нормально, если дает возможность придать положениям актов законодательства большую определенность. Однако, следует согласиться с Волковой Н. Н. в том, что нужно избегать излишней многозначности поня-

тий, как это, например, происходит после рецепции понятия обязательство в бюджетное законодательство Российской Федерации.

Следует иметь в виду, что на стадии использования бюджетных средств, вообще не существует каких-либо правовых форм имущественных отношений, которые бы обеспечивали не только распределение, но и расходование денежных средств в обмен на товары, работы или услуги исключительно в рамках финансовых правоотношений. Игнорирование этого факта приводит к размыванию границ финансового права, при котором гражданские правоотношения называют финансовыми с многочисленными искусственными оговорками о приоритете публичных целей и задач и/или о вспомогательном характере, подчиненности, несущественности договорной формы и других проявлений гражданско-правового регулирования в этих отношениях. Неприемлемой является и обратная позиция ограничения сферы финансово-правового регулирования только распределением бюджетных средств. Отсутствие специфической финансово-правовой формы передачи бюджетных денег в обмен на необходимые публично-правовому образованию товары, работы и услуги не означает, что в связи с такой передачей не возникают финансовые правоотношения. Такие правоотношения, безусловно, возникают, но возникают они между уполномоченными государством субъектами, с одной стороны, и получателями бюджетных средств, с другой стороны. Основное юридическое содержание этих отношений составляют обязанности получателя бюджетных средств обеспечить их целевое и эффективное использование в отношениях с третьими лицами и право уполномоченного государством субъекта (распорядителя бюджетных средств или контролирующего органа) требовать такого целевого и эффективного использования. Финансовые отношения возникают в таких случаях с целью воздействия на гражданские отношения между получателями бюджетных средств и лицами, которые поставляют товары (выполняют работы, предоставляют услуги). В связи с этим, следует учесть предложение ведущего отечественного цивилиста Толстого Ю. К. об использовании советского опыта, когда цивилистическая доктрина детально разработала теорию планово-административных актов [11, с. 33]. При этом целесообразно на основе этой теории создать концепции финансово-правовых и административно-правовых предпосылок возникновения, изменения и прекращения гражданских обязательств.

Напротив, одним из основных каналов влияния гражданского права на финансовое право и сферу его действия является гражданско-правовое регулирование отношений, в результате реализации которых денежные средства поступают в бюджеты, а дальше распределяются в юридической форме бюджетного правоотношения. Посредством гражданских правоотношений в Федеральный бюджет Российской Федерации, бюджеты субъектов РФ и в местные бюджеты поступает значительная часть неналоговых доходов. Это – доходы от использования имущества, находящегося в собственности соответствующих публично-правовых образований, доходы от продажи такого имущества, доходы от платных услуг, оказываемых казенными учреждениями, плата по договорам об установлении сервитута и др.

Внимательный взгляд на публичные доходы, позволяет сделать вывод о том, что налоговые доходы бюджетов также в большинстве случаев являются одним из последствий реализации обязательственных гражданско-правовых отношений либо наличия у налогоплательщика вещных прав на имущество. Обусловленность налоговых последствий гражданско-правовой сделкой отмечена в юридической литера-

туре. Карасева (Сенцова) М. В. характеризует взаимосвязь гражданского и налогового права как гражданско-правовую детерминацию налогового права и доказывает, что такая обусловленность имеет сущностный характер [7, с. 313-329]. Считаем, что следует согласиться с этим мнением. Однако возражение вызывает характеристика обратного воздействия финансового (налогового права) на гражданское право как случайного или эпизодического явления. Как известно, одними из основных функций налогообложения являются стимулирующая или дестимулирующая функция, когда государство с использованием налоговой системы стимулирует развитие той или иной сферы товарно-денежных отношений либо, наоборот, создает препятствия для такого развития (например, акцизы на оборот табачных изделий). Поэтому эффективность налогово-правового регулирования, по нашему мнению, в первую очередь, должна оцениваться не количеством денежных средств, собранных в бюджеты и внебюджетные фонды, а надлежащей реализацией стимулирующей функции для экономики государства, то есть надлежащим воздействием на товарно-денежные отношения, которые регулируются гражданским правом.

В широком аспекте, межотраслевые связи гражданского и финансового права, по нашему мнению, могут быть пояснены не философской категорией «детерминация», а более близкой к праву категорией правового воздействия. Общепризнанным является тот факт, что воздействие права на общественные отношения не исчерпывается категорией правового регулирования. Правовое регулирование имеет место только тогда, когда норма права прямо или косвенно устанавливает право одной стороны общественного отношения, которому корреспондирует обязанность другой стороны этого общественного отношения. Даже применительно к абсолютным правоотношениям (или к абсолютным субъективным правам, существующим вне правоотношений) можно установить содержание не только субъективного права (абсолютной юридической обязанности), но и корреспондирующей ему обязанности (субъективного права) [12, с. 242-257]. Прямая корреспонденция между правами и обязанностями является неотъемлемым признаком правового регулирования. Наряду с правовым регулированием в теории права выделяют идеологическое, воспитательное, ценностно-ориентированное и информационное влияние права на общественные отношения, которое для разграничения с правовым регулированием можно обозначить как внерегулятивное воздействие права на общественные отношения. Однако межотраслевое взаимодействие также выходит за рамки регулирования общественных отношений нормами одной отрасли права, но является не только социальным, а и правовым явлением. Поэтому следует признать, что гражданское, финансовое и другие отрасли права наряду с правовым регулированием, идеологическим, воспитательным, ценностно-ориентационным и информационным влиянием осуществляют также внерегулятивное, но сугубо правовое воздействие на общественные отношения, которые регулируются другими отраслями права. Такое воздействие заключается в том, что исполнение субъектом своих обязанностей или реализация прав в отношениях одной отраслевой принадлежности существенно обусловливают содержание или динамику смежных правоотношений, которые имеют другую отраслевую принадлежность и в которых принимает участие тот же субъект. Межотраслевое правовое воздействие очень похоже на правовое регулирование, но выходит за пределы этого понятия.

Например, возникновение обязанности по уплате налога с доходов, как правило, связано с получением платежа по гражданско-правовой сделке или с возникновением права на получение такого платежа, причем, такие юридические факты предопределяют налоговую базу, порядок исчисления налога, сроки его уплаты, то есть элементы налогообложения, формирующие содержание налоговых правоотношений. Однако, это не означает что гражданское право, регулируя договорные отношения сторон сделки, одновременно регулирует и налоговые отношения. Оно на них воздействует, поскольку одна из сторон сделки одновременно является стороной соответствующего налогового правоотношения. Аналогичным образом, почти все основные условия гражданско-правовой сделки, которая осуществляется за счет бюджетных средств, предопределяются в рамках бюджетных правоотношений. Однако, это не означает, что финансовое право регулирует обязательственные отношения сторон сделки. Оно также на них только воздействует, используя то обстоятельство, что получатель бюджетных средств, вступая в гражданско-правовые отношения с контрагентом, связан финансово-правовыми обязанностями перед публично-правовым образованием, от имени которого может действовать распорядитель бюджетных средств, контролирующий или другой уполномоченный орган. Поэтому нам непонятно стремление многих представителей науки финансового права доказать исключительно финансово-правовую природу таких институтов как государственное кредитование, государственный долг, банковское кредитование, расчеты, страхование, основываясь на приоритете публичных интересов в этих отношениях [6, с. 93]. Такой приоритет действительно существует, но гражданские обязательства также объективно необходимы в составе отношений, регулируемых этими институтами, а публично-правовые цели могут быть достигнуты путем воздействия финансового права на эти договорные отношения без их прямого регулирования. Даже в случаях, когда соответствующее финансово-правовое регулирование прямо распространяется на обе стороны обязательства, само по себе это также не означает исключения гражданско-правовых отношений. Например, осуществляя расчеты в иностранной валюте, банк одновременно является и контрагентом, и агентом валютного контроля по отношению к своему клиенту, но расчетные отношения между ними из-за этого не превращаются в финансово-правовые обязательства.

Таким образом, связи гражданского права с финансовым правом являются наиболее интенсивными по той причине, что движение денег осуществляется преимущественно в гражданско-правовой и финансово-правовой формах, переходя из одной формы в другую.

Влияние гражданского законодательства на финансовое законодательство и сферу его регулирования является очень многогранным и выражается, в частности, в комплексном регулировании многих групп общественных отношений, в формулировании в финансовых законах бланкетных финансово-правовых норм, отсылающих к положениям гражданского законодательства, в необходимости субсидиарного применения положений гражданского законодательства к финансовым отношениям, в использовании и рецепции финансовым правом цивилистических понятий и конструкций и т. д. Реализация гражданских отношений часто является способом выполнения финансовых обязанностей или основанием (юридическим фактом) для возникновения, изменения и прекращение налоговых, бюджетных и других финансовых правоотношений.

Каждая из отраслей гражданского и финансового права не только регулирует отношения, входящие в ее предмет, но и воздействует на отношения, являющиеся предметом другой отрасли права. Поэтому в процессе реализации фактического содержания правоотношений часто одновременно, путем совершения одних и тех же действий реализуются и финансовые, и гражданские права и обязанности (например, в случае взыскания средств по кредитному договору банк не только реализовывает гражданское право перед заемщиком, но и исполняет финансово-правовую обязанность перед государством по возврату кредитных ресурсов).

Тесное взаимодействие финансового и гражданского права обуславливает разнообразие способов и средств воздействия гражданского права на финансовые отношения. Основными его направлениями являются влияние отношений собственности на финансовое право и сферу его действия, а также влияние обязательственных отношений на формирование и использование публичных фондов денежных средств и на осуществление эмиссии денег. Нормы финансового права, в свою очередь, осуществляют определяющее воздействие на имущественные отношения, которые регулируются гражданским правом, и связаны с использованием публичных фондов денежных средств. Такое межотраслевое правое воздействие очень похоже на правовое регулирование, но выходит за пределы последнего и широко используется правотворческими органами как одно из проявлений активной роли права.

Список литературы

1. Алексеев С. С. Общая теория права : в 2 т. / С. С. Алексеев. – М. : Юрид. лит., 1981. – Т. I. – 360 с.
2. Білик В. В. Категорії і поняття бюджетного права у системі категорій і понять фінансового права та їх модифікація / В. В. Білик // Фінансове право. – 2011. – № 3(13). – С. 22-25.
3. Волкова Н. Н. Рецепция гражданско-правовых норм в налоговом законодательстве / Н. Н. Волкова // Финансовое право. – 2008. – № 10. – С. 23-27.
4. Гаффарова Г. Р. О гражданско-правовых средствах в финансовом праве / Г. Р. Гаффарова // Финансовое право. – 2010. – № 11. – С. 12-14.
5. Головатий С. Верховенство права: Монографія / С. Головатий: У 3-х кн. Книга 1: Верховенство права: від ідеї до доктрини – Київ: Фенікс, 2006. – 624 с.
6. Запольский С. В. Дискуссионные вопросы финансового права: монография / С. В. Запольский. – М. : РАП, Эксмо, 2008. – 160 с.
7. Карасева (Сенцова) М.В. Гражданско-правовая детерминация налогового права: понятие и сущностная обусловленность / М. В. Карасева (Сенцова) // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. – 2013. – № 12. – С. 313-329.
8. Мулявка Д. Г. Стецко Р. В. Співвідношення публічного і приватного у правовому регулюванні забезпечення виконання платником податків його обов'язків / Д. Г. Мулявак, Р. В. Стецко // Фінансове право. – 2012. – № 1 (19). – С. 18-20.
9. Политика Л. В. К вопросу о взаимосвязи налогового права с другими отраслями российского права / Л. В. Политика// Молодой ученый. – 2016. – №22. – С. 78-80. URL https://moluch.ru/archive/126/34930/ (дата обращения: 12.11.2019). – Текст электронный.
10. Саттарова Н. А. Современные аспекты межотраслевых связей финансового права / Н. А. Саттарова // Финансовое право. – 2012. – № 5. – С. 11-14.
11. Толстой Ю. К. О Концепции развития гражданского законодательства / Ю. К. Толстой // Журнал российского права. – 2010. – № 1. – С. 31-38
12. Халфина Р.О. Общее учение о правоотношении / Р. О. Халфина. – М. : Юрид. лит., 1974. – 351 с.

Ochkurenko S. The legal impact of civil law and civil legislation on financial relations / S. Ochkurenko // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2019. – T. 4 (72). № 4. – P. 304-314.

The article explores and analyzes individual ways of influencing the provisions of civil law on financial legislation and its scope. Concrete examples of such an impact are given, such as subsidiary application of the provisions of civil law, the formulation by the legislator of blanket rules of law, the borrowing of civil law definition and legal constructions by financial legislation for the purpose of regulation of financial relations. The concept of interbranch legal impact is formulated. According to the author, such an impact is not covered by the concept of legal regulation and characterizes the essence (main content) of the relationship of civil and financial law.

The impact of civil legislation on financial legislation and its scope is very multifaceted. It is expressed in the complex legal regulation of many groups of public relations, in the formulation of blank rules of law in financial laws, which refer to the provisions of civil legislation, in the need for subsidiary application of the provisions of civil legislation to financial relations, in the use of civilistic concepts and legal structures by the financial legislation, etc.

According to the author, the essence of intersectoral relations of civil and financial law can be explained by the category of legal impact. Each of the branches of law not only regulates the relations that are included in its subject, but also affects the relations that are regulated by another branch of law. The possibility of such an interbranch legal impact arises when the subject is simultaneously a participant in related financial and civil relations. Civil law has a huge potential of influence on financial law and on its coverage.

The main directions of this impact is the impact of property relations on financial relations, as well as the impact of civil obligations on the formation and use of the state budget and on the issue of money. Such an impact is very similar to legal regulation, but it is not a legal regulation. Interbranch legal impact is widely used by law-making bodies as one of the phenomena of law activity.

Keywords: civil law, civil legislation, rules of civil law, civil relations, legal regulation, legal impact, interbranch cooperation, financial law, financial legislation, financial legal relations.

Spisok literatury`

1. Alekseev S. S. Obshhaya teoriya prava : v 2 t. / S. S. Alekseev. – M. : Yurid. lit., 1981. – T. I. – 360 s.

2. Bilik V. V. Kategoriï i ponyattya byudzhetnogo prava u sistemi kategorij i ponyat` finansovogo prava ta їx modifikacziya / V. V. Bilik // Finansove pravo. – 2011. – № 3(13). – S. 22-25.

3. Volkova N. N. Recepciya grazhdansko-pravovy`x norm v nalogovom zakonodatel`stve / N. N. Volkova // Finansovoe pravo. – 2008. – № 10. – S. 23-27.

4. Gaffarova G. R. O grazhdansko-pravovy`x sredstvax v finansovom prave / G. R. Gaffarova // Finansovoe pravo. – 2010. – № 11. – S. 12-14.

5. Golovatij S. Verxovenstvo prava: Monografiya / S. Golovatij: U 3-x kn. Kniga 1: Verxovenstvo prava: vid ideï do doktrini – Kiïv: Feniks, 2006. – 624 s.

6. Zapol`skij S. V. Diskussionny`e voprosy` finansovogo prava: monografiya / S. V. Zapol`skij. – M. : RAP, E`ksmo, 2008. – 160 s.

7. Karaseva (Senczova) M.V. Grazhdansko-pravovaya determinaciya nalogovogo prava: ponyatie i sushhnostnaya obuslovlennost` / M. V. Karaseva (Senczova) // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo. – 2013. – № 12. – S. 313-329.

8. Mulyavka D. G. Steczko R. V. Spivvidnoshennya publichnogo i privatnogo u pravovomu regulyuvanni zabezpechennya vikonannya platnikom podatkiv jogo obov'yazkiv / D. G. Mulyavak, R. V. Steczko // Finansove pravo. – 2012. – № 1 (19). – S. 18-20.

9. Politika L. V. K voprosu o vzaimosvyazi nalogovogo prava s drugimi otraslyami rossijskogo prava / L. V. Politika// Molodoj ucheny`j. – 2016. – №22. – S. 78-80. URL https://moluch.ru/archive/126/34930/ (data obrashheniya: 12.11.2019). – Tekst e`lektronny`j.

10. Sattarova N. A. Sovremenny`e aspekty` mezhotraslevy`x svyazej finansovogo prava / N. A. Sattarova // Finansovoe pravo. – 2012. – № 5. – S. 11-14.

11. Tolstoj Yu. K. O Koncepcii razvitiya grazhdanskogo zakonodatel`stva / Yu. K. Tolstoj // Zhurnal rossijskogo prava. – 2010. – № 1. – S. 31-38

12. Xalfina R.O. Obshhee uchenie o pravootnoshenii / R. O. Xalfina. – M. : Yurid. lit., 1974. – 351 c.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2019. – Т. 5 (71). № 4. – С. 315-320.

УДК 347.254

СОДЕРЖАНИЕ ОБЩЕГО ИМУЩЕСТВА МНОГОКВАРТИРНОГО ДОМА СОБСТВЕННИКАМИ ЖИЛЫХ И НЕЖИЛЫХ ПОМЕЩЕНИЙ

Филиппова О. С.

Омский государственный университет имени Ф. М. Достоевского

Статья посвящена вопросу содержание общего имущества собственников жилых и нежилых помещений в многоквартирном доме. В статье обосновывается подход, в соответствии с которым для разных собственников (жилых помещений, коммерческих помещений, машино-мест) должны устанавливаться разные экономически обоснованные тарифы за содержание общего имущества многоквартирного дома. Действующее законодательство не позволяет в действительности учитывать мнение собственников нежилых помещений, поскольку такие собственники будут всегда оставаться в меньшинстве. В связи с этим предлагается обязать юридические лица, осуществляющие управление многоквартирным домом, дифференцированно подходить к вопросу о размере платы за содержание общего имущества многоквартирного жилого дома для разных категорий собственников.

Ключевые слова: общее имущества, плата, тариф, собственники жилых и нежилых помещений, дифференцированный подход, экономическое обоснование, учет мнения меньшинства.

Вопрос содержания общего имущества многоквартирного жилого дома (далее по тексту – МКД) всегда актуален для любого МКД. Плата за содержание общего имущества устанавливается общим собранием собственников МКД или общим собранием членов ТСЖ, если такой способ управления в доме выбран собственниками.

Подавляющее большинство современных проектов многоквартирных домов, как правило, предполагают наличие на первых этажах нежилых помещений. В домах советской застройки жилые помещения на первых этажах (по крайней мере, значительная их часть) давно уже переведены в нежилые. Потребность в, так называемых, магазинах «шаговой доступности» в условиях современных реалий более чем очевидна, и предприниматели знают об этом, в связи с чем количество магазинов, кафе и салонов красоты на первых этажах МКД неуклонно растет. Пожалуй, сейчас уже нет ни одного МКД, лишенного таких удобств. Как следствие вышеуказанного процесса появилась даже новая организационно-правовая форма юридического лица, что вполне логично, некоммерческая корпорация – товарищество собственников недвижимости, которая практически вытеснила сегодня товарищество собственников жилья.

В соответствии со ст. 210 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее по тексту – ГК РФ) «собственник несет бремя содержания принадлежащего ему имущества» [1]. Согласно п. 1 ст. 158 Жилищного кодекса Российской Федерации (далее по тексту – ЖК РФ) «собственник помещения в многоквартирном доме обязан нести расходы на содержание принадлежащего ему помещения, а также участ-

вовать в расходах на содержание общего имущества в многоквартирном доме соразмерно своей доле в праве общей собственности на это имущество»[2].

Аналогичная норма содержится в п.п. 1 и 2 ст. 39 ЖК РФ «собственники помещений в многоквартирном доме несут бремя расходов на содержание общего имущества в многоквартирном доме. Доля обязательных расходов на содержание общего имущества в многоквартирном доме, бремя которых несет собственник помещения в таком доме, определяется долей в праве общей собственности на общее имущество в таком доме указанного собственника».

В соответствии с п. 2 ст. 154 ЖК РФ, которая называется «Структура платы за жилое помещение и коммунальные услуги» плата за жилое помещение и коммунальные услуги для собственника помещения в многоквартирном доме включает в себя:

1) плату за содержание жилого помещения, включающую в себя плату за услуги, работы по управлению многоквартирным домом, за содержание и текущий ремонт общего имущества в многоквартирном доме, за холодную воду, горячую воду, электрическую энергию, потребляемые при содержании общего имущества в многоквартирном доме, а также за отведение сточных вод в целях содержания общего имущества в многоквартирном доме;

2) взнос на капитальный ремонт;

3) плату за коммунальные услуги.

Статьи с таким же названием, но в отношении нежилых помещений в ЖК РФ нет, однако предполагается, что вышеуказанная норма действует по аналогии и в структуру платы за нежилое помещение входит плата за содержание общего имущества.

Таким образом, у собственника или иного законного правообладателя помещения в многоквартирном доме, независимо от того, является ли это помещение жилым или нежилым, в силу закона возникает гражданско-правовое денежное обязательство по оплате содержания и ремонта общего имущества дома тому лицу, которое эти услуги осуществляет. Участие каждого сособственника в расходах по содержанию общего имущества многоквартирного дома в соответствии с его долей является следствием самого права собственности на помещение в многоквартирном доме и не зависит от порядка пользования общим имуществом.

При этом не имеет значения, собственником какого помещения (жилого или нежилого) является лицо, которое должно производить расходы на содержание имущества. Многоквартирный дом спроектирован как единый комплекс с общими инженерными сетями и коммуникациями, в связи с чем, осуществление технического обслуживания находящихся в нем нежилых помещений невозможно отдельно от технического обслуживания дома в целом. Ограничение обязанностей собственников нежилых помещений по содержанию общего имущества противоречило бы общему смыслу гражданского законодательства о равенстве участников регулируемых отношений (ст. 1 ГК РФ).

Вышеуказанный вывод содержится во многих решениях арбитражных судов и судов общей юрисдикции [См., напр. : 3]. Он справедлив и по сути «закрывает» существующий в праве пробел, поскольку ЖК РФ в современной редакции не содержит отдельных норм о содержании общего имущества МКД собственниками нежи-

лых помещений, в связи с этим действует аналогия права. В литературе тоже обращается внимание на равный подход законодателя к разным собственникам [4].

Как следует из статьи 36 ЖК РФ к общему имуществу в многоквартирном доме относятся помещения в данном доме, не являющиеся частями квартир и предназначенные для обслуживания более одного помещения в данном доме, в том числе межквартирные лестничные площадки, лестницы, лифты, лифтовые и иные шахты, коридоры, технические этажи, чердаки, подвалы, в которых имеются инженерные коммуникации, иное обслуживающее более одного помещения в данном доме оборудование.

Тариф (далее – плата или тариф) за содержание общего имущества устанавливается на общем собрании собственников МКД или общем собрании членов ТСЖ (ст. 137 ЖК РФ). Существуют примерные тарифы, которые устанавливаются местными органами власти. Так, например, согласно Постановлению Администрации города Омска от 29 ноября 2017 года № 1306-п размер рекомендованного тарифа для МКД с лифтом и мусоропроводом с 1 января 2018 года составил 25 рублей 96 копеек за 1 кв. м [5]. Для одного дома такой тариф является приемлемым, для другого - завышенным. В любом случае тариф за содержание общего имущества должен быть экономически обоснованным. Справедливости ради отметим, что подобного рекомендованного местными властями тарифа за содержание общего имущества для собственников нежилых помещений нет.

В соответствии с п. 5 ст. 46 ЖК РФ «решение общего собрания собственников помещений в многоквартирном доме, принятое в установленном ЖК РФ порядке, по вопросам, отнесенным к компетенции такого собрания, является обязательным для всех собственников помещений в многоквартирном доме, в том числе для тех собственников, которые не участвовали в голосовании».

Таким образом, отсутствие членства в ТСЖ или не присутствие на общем собрании не освобождают собственника нежилого помещения от вышеуказанных плат.

Не внесение собственником нежилого помещения платы за содержание и ремонт общего имущества свидетельствует о неосновательном сбережении им денежных средств. В силу п. ст. 1102 ГК РФ лицо, которое без установленных законом, иными правовыми актами или сделкой оснований приобрело или сберегло имущество (приобретатель) за счет другого лица (потерпевшего), обязано возвратить последнему неосновательно приобретенное или сбереженное имущество (неосновательное обогащение). В нашем случае собственник нежилого помещения, не участвуя в общих расходах незаконно сберегает свое имущество.

Основным доводом ответчиков в подобного рода спорах является то, что какими-то видами услуг ответчик не пользуется, например, лифтом. Однако на этот счет существует давно устоявшаяся позиция, в соответствии с которой неосуществление полномочий по фактическому пользованию каким-либо объектом общего имущества, в том числе лифтовым оборудованием, многоквартирного дома не освобождает собственника или иного законного владельца нежилого помещения от обязанности нести затраты по его содержанию, поскольку несение бремени расходов закон связывает не с фактом владения или пользования, а с размером доли в общем имуществе (определение ВАС РФ от 17.04.2008 № 4342/08)[6]. Однако насколько справедлив такой подход?

Приведем простой пример. Структура тарифа за содержание общего имущества одного из омских МКД включает уход за зелёными насаждениями (оплачиваются услуги ландшафтного дизайнера). В этом доме есть нежилые помещения, в том числе машина-места, расположенные в подвальной части дома (подземный паркинг). Очевидно, что собственникам машино-мест не нужны зеленые насаждения. Кроме того, они не пользуются лифтом, видеокамерами, установленными на надземной части придомовой территории. Указанными услугами, очевидно, не пользуются и собственники коммерческих помещений, поскольку последние, как правило, выходят не на внутреннюю часть придомовой территории, а на внешнюю, для целей обеспечения к ним доступа всех третьих лиц, их потенциальных клиентов.

Структура тарифа за содержание общего имущества МКД, т.е. перечень входящих в нее услуг в расчете на один квадратный метр, вполне прозрачен, однако собственников коммерческих и иных нежилых помещений сегодня не понятно почему они должны платить за то, чем они фактически не пользуются.

Этот вопрос поднимается в научной литературе не впервые. Так, Козырева С. Н. отмечает, что собственники нежилых помещений в МКД (чаще всего это юридические лица), что называется, считают каждую копейку и привыкли платить только за те услуги, которые фактически оказаны. Несмотря на то что материального, вещественного результата услуга не имеет, а ценность для потребителя несет сама деятельность исполнителя услуги, организации согласны платить, только если убеждены, что такая деятельность была осуществлена [7].

Таким образом, по нашему мнению, для разных помещений в МКД должен применяться разный тариф, необходим дифференцированный подход к структуре тарифа за содержание общего имущества МКД. Как следует из вышеприведенных примеров он может разниться и для нежилых помещений, для помещений коммерческого назначения – один тариф, для некоммерческих (машино-мест) – другой. В настоящее время в некоторых домах существует такая категория объектов как «апартаменты». Отметим, что пока ГК РФ не знает такой недвижимой вещи, а в ЖК РФ отсутствует такой вид жилых помещений, в связи с этим тариф за содержание общего имущества в отношении апартаментов должен применяться как к нежилым помещениям.

Согласно Постановлению КС РФ от 29 января 2018 года собственники могут на общем собрании установить дифференцированные тарифы за содержание общего имущества, учитывая разный статус помещений. КС РФ указал, что в законодательстве не исключена возможность учета при принятии решения особенностей помещений (в частности, их назначения), а также иных объективных обстоятельств, которые при соблюдении баланса интересов различных категорий собственников могут служить достаточным основанием для изменения долей их участия в обязательных расходах по содержанию общего имущества. Например, может учитываться соотношение общей площади жилых и нежилых помещений в конкретном доме, характер использования нежилых помещений и т.д. [8].

Следует согласиться в Шестаковой М., которая отмечает, что выбор дополнительных критериев для определения долей участия собственников в обязательных расходах по содержанию общего имущества в многоквартирном доме не должен быть произвольным. Кроме того, не должно быть злоупотребления правом при принятии такого решения [9].

Однако возможность для злоупотребления своими права большинства в отношении меньшинства все же имеется. Очевидно, что совокупная площадь жилых помещений в любом случае будет больше площади нежилых. Таким образом, собственники нежилых помещений подобно миноритариям в акционерном обществе должны будут подчиниться воле большинства и оплачивать содержание общего имущества по тем тарифам, которые установят собственники жилых помещений. Представляется, что в законодательстве должна быть закреплена норма, в соответствии с которой собственники нежилых помещений, имеющие в совокупности более 50 % голосов от общего количества голосов – собственников нежилых помещений определенной категории (машино-места, коммерческие помещения) вправе внести вопрос в повестку очередного общего собрания собственников или членов ТСЖ о пересмотре в отношении них тарифа за содержание общего имущества. Структура тарифа и его экономическое обоснование должны быть представлены собственниками таких помещений для рассмотрения управляющей компании или ТСН (ТСЖ). Последние, в свою очередь, должны представить контррасчет тарифа или утвердить предложенный. В случае не утверждения на общем собрании такого тарифа, решение собственников по установление общего для всех собственников помещений в МКД тарифа может быть обжаловано в суд. Указанный подход представляется нам справедливым, не допускающим злоупотребления и соответствующем принципу равенства участников гражданских правоотношений.

Список литературы

1. Гражданского кодекса Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ. Часть первая // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1994 г. – № 32. – Ст. 3301.

2. Жилищный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 2004 г. № 188-ФЗ// Российская газета от 12 января 2005 г., № 1

3. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 15 июня 2016 г. № Ф09-6448/16 по делу № А60-33073/2015 // Справочно-правовая система «ГАРАНТ».

4. Максимова Н. Н. «Кафе в многоквартирном доме» / Н. Н. Максимова // Предприятия общественного питания: бухгалтерский учет и налогообложение. – 2014. – № 8.// Справочно-правовая система ГАРАНТ.

5. Постановление Администрации города Омска от 29 ноября 2017 года № 1306-п. URL: http://admomsk.ru/c/document_library/get_file?folderId=779625&name=DLFE-62264.pdf (Дата обращения 10.04.2019 г.). – Текст электронный.

6. Определение Высшего Арбитражного Суда РФ от 17 апреля 2008 г. № 4342/08// Справочно-правовая система ГАРАНТ

7. Козырева С. Н. «Расчеты УК с собственниками за содержание общего имущества» / С. Н. Козырева // Жилищно-коммунальное хозяйство: бухгалтерский учет и налогообложение. – 2012. – № 1. // Справочно-правовая система ГАРАНТ

8. По делу о проверке конституционности положений статей 181.4 и 181.5 Гражданского кодекса Российской Федерации и части 1 статьи 158 Жилищного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С.А. Логинова : Постановление Конституционного Суда РФ от 29.01.2018 № 5-П. URL:https://legalacts.ru/sud/postanovlenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-29012018-n-5-p (Дата обращения 20.04.2019 г.). – Текст электронный.

9. Шестакова М. Для собственников жилых и нежилых помещений в многоквартирных домах можно установить разную плату / М. Шестакова //Газета «эж-ЮРИСТ». –2018, № 5. – С. 4.

Filippova O.S. Content of the common property of the apartment owners of residential and non-residential premises / O. S. Filippova // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2019. – T. 4 (72). № 4. – P. 315-320.

The article is devoted to the matter content of the common property of the owners of residential and non-residential units in apartment buildings. The article substantiates the approach whereby for different owners (residential premises, commercial premises, parking places) should be installed different economically justified tariffs for maintenance of common property in apartment building. Current legislation does not allow you to actually take into account the opinions of the owners of non-residential premises, since such owners will always remain in the minority. In this regard, it is proposed to oblige legal persons carrying out office blocks, a differentiated approach to the question of fees for maintenance of the common property of the block of flats for different categories of owners.

Keywords: total assets, fee, rate, the owners of residential and non-residential premises, a differentiated approach, taking into account the views of the minority.

Spisok literatury`

1. Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii ot 30 noyabrya 1994 g. № 51-FZ. Chast` pervaya // Sobranie zakonodatel`stva Rossijskoj Federacii. – 1994 g. – № 32. – St. 3301.

2. Zhilishhny`j kodeks Rossijskoj Federacii ot 29 dekabrya 2004 g. № 188-FZ// Rossijskaya gazeta ot 12 yanvarya 2005 g., № 1

3. Postanovlenie Arbitrazhnogo suda Ural`skogo okruga ot 15 iyunya 2016 g. № F09-6448/16 po delu № A60-33073/2015 // Spravochno-pravovaya sistema «GARANT».

4. Maksimova N. N. «Kafe v mnogokvartirnom dome» / N. N. Maksimova // Predpriyatiya obshhestvennogo pitaniya: buxgalterskij uchet i nalogooblozhenie. – 2014. – № 8.// Spravochno-pravovaya sistema GARANT.

5. Postanovlenie Administracii goroda Omska ot 29 noyabrya 2017 goda № 1306-p. URL: http://admomsk.ru/c/document_library/get_file?folderId=779625&name=DLFE-62264.pdf (Data obrashheniya 10.04.2019 g.). – Tekst e`lektronny`j.

6. Opredelenie Vy`sshego Arbitrazhnogo Suda RF ot 17 aprelya 2008 g. № 4342/08// Spravochno-pravovaya sistema GARANT

7. Kozy`reva S. N. «Raschety` UK s sobstvennikami za soderzhanie obshhego imushhestva» / S. N. Kozy`reva // Zhilishhno-kommunal`noe xozyajstvo: buxgalterskij uchet i nalogooblozhenie. – 2012. – № 1. // Spravochno-pravovaya sistema GARANT

8. Po delu o proverke konstitucionnosti polozhenij statej 181.4 i 181.5 Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii i chasti 1 stat`i 158 Zhilishhnogo kodeksa Rossijskoj Federacii v svyazi s zhaloboj grazhdanina S.A. Loginova : Postanovlenie Konstitucionnogo Suda RF ot 29.01.2018 № 5-P. URL:https://legalacts.ru/sud/postanovlenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-29012018-n-5-p (Data obrashheniya 20.04.2019 g.). – Tekst e`lektronny`j.

9. Shestakova M. Dlya sobstvennikov zhily`x i nezhily`x pomeshhenij v mnogokvartirny`x domax mozhno ustanovit` raznuyu platu / M. Shestakova //Gazeta «e`zh-YuRIST». –2018, № 5. – S. 4.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2019. – Т. 5 (71). № 4. – С. 321-332.

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО; АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО; ФИНАНСОВОЕ ПРАВО; ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПРАВО

УДК 342.951:349.41

ПУБЛИЧНОЕ (ГОСУДАРСТВЕННОЕ) АДМИНИСТРИРОВАНИЕ ЗЕМЕЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ: НА ПУТИ ПОСТРОЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОГО БАЗИСА

Аблякимова Э. Э.

Крымский филиал Российского государственного университета правосудия

В статье рассматриваются международно-правовые основы государственного администрирования земельных отношений. Отмечается, что нормы международных соглашений в сфере земельных и связанных с ними отношений сегодня облечены в форму норм-принципов (рекомендательных или обязательных), которым могут/должны следовать государства и их правительства. При этом, определенных, четко описанных правил построения системы государственного администрирования земельных отношений в них не содержится. Однако очевидно, что эти принципы, касающиеся, в основном, охраны окружающей среды, закладывают основы государственного администрирования таких отношений, которое должно соответствовать охране, сохранению, бережному использованию всех природных ресурсов, включая землю, и быть приверженными принципу устойчивого развития. Автор приходит к выводу о том, что на сегодняшний день объективно сформировалась необходимость разработки международного соглашения, посвященного общим принципам построения системы государственного администрирования земельных отношений. Он может объединить императивы такого администрирования на основе принципа устойчивого развития, создать международно согласованный базис государственной политики в области земельных ресурсов как ограниченных и уязвимых элементов окружающей среды.

Ключевые слова: земля, земельные отношения, земельные ресурсы, земельная политика, Российская Федерация, администрирование, публичное администрирование, государственное управление, международные акты, устойчивое развитие.

Конституция России [1] в статье 9 закрепляет норму о том, что «земля и другие природные ресурсы используются и охраняются в Российской Федерации как основа жизни и деятельности народов, проживающих на соответствующей территории». Настолько высокая характеристика земли в Основном Законе показывает, как ценится нашим государством этот на самом деле ограниченный и уязвимый природный ресурс, требующий к себе пристального внимания и заботы. Действительно, ценность земли как ресурса заключается в том, что она может выступать как средство производства, как объект сделок с недвижимостью и во многих других качествах. Эта многогранность земли как ресурса многократно повышает ее ценность и значимость в процессе формирования устойчивой экономики любого государства, особенно актуально это для России, территория которой наибольшая в мире и составляет 1,71E9 га [2, с. 42].

Важность и стратегическое значение земли обусловливает ведущую роль государства в определении правового базиса и управленческого механизма в сфере земельных отношений. Неслучайно упоминание о земельных ресурсах и в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683 [3], где отмечается ее роль в обеспечении продовольственной безопасности нашей страны, акцентируется внимание на необходимости ее охраны от негативных воздействий и развитии системы особо охраняемых природных территорий. Как справедливо отмечают исследователи управленческих механизмов в сфере земельных отношений, земля – это основа национального богатства, которое необходимо беречь и использовать в качестве жизненно важного ресурса. Являясь одним из потенциальных источников экономического роста, земельные ресурсы объединяют в себе социально-экономические и общественно-политические отношения, которые, в свою очередь, представляют принципиально новую систему управления ресурсами регионов, отличающуюся от других систем управления [4].

Вопросы, связанные с анализом исторического базиса, современным состоянием, возможностями реформирования государственного управления [публичного (государственного) администрирования] в сфере земельных ресурсов, достаточно часто рассматриваются в правоведческой, экономической и политологической научной периодике (Анисимов А. П., Землякова Г. Л., Мельников Н. Н., Барсукова Г. Н., Безпалов В. В., Волкова Т. В., Галиновская Е. А., Киреева Е. Е., Короткова О. И., Кухтин П. В., Рыженков А. Я., Чмыхало Е. Ю. [4-15] и др.), а также на уровне диссертационных исследований в этих сферах (Волкова Т. В., Кочнева И. В., Шишов Д. А. [16-18] и др.). При этом международно-правовые основы публичного (государственного) администрирования земельных отношений, их анализ и возможные пути развития до сих пор предметом научной дискуссии не становились. Это обусловило выбор цели настоящего исследования – рассмотреть в аспекте глобализации современного административного права существующий международно-правовой базис публичного (государственного) администрирования земельных отношений в Российской Федерации, рассмотреть пути его возможного обновления.

Основной формой управления землей является государственное управление, или, как сегодня часто отмечается в научной литературе административно-правовой сферы, публичного, в частности государственного, администрирования. Действительно, государственное управление (или администрирование) в области рационального управления, использования и охраны земель означает, что государство в лице своих компетентных органов устанавливает определенные правила и нормы по организации использования как всех земельных ресурсов страны, так и отдельных его частей (категорий земель, видов землепользования и т.п.) [19]. Не следует, однако, забывать, что публичное администрирование включает в себя не только т.н. «государственную составляющую», но также и «муниципальную», проводимую в жизнь на уровне местного самоуправления («негосударственного», но такого же публичного), и достаточно широкий спектр форм и методов «местного воздействия» на земельные отношения. Примером этому может служить, в частности, ст. 14 «Вопросы местного значения городского, сельского поселения» Федерального закона от 06.10.2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [20]. Неслучайно в литературе отмечается, что пуб-

личное администрирование реализуется с помощью институциональных субъектов: государства, государственной службы, государственного и муниципального управления, а также менеджмента в рамках устойчивых нормативно заданных систем [21, с. 38]. На сегодняшний день, к сожалению, еще не утверждены нормативно-правовые акты, регламентирующие именно вопросы администрирования, а в существующих правовых нормах есть значительные недостатки, пробелы, связанные с их разработкой без единого концептуального подхода. Цель публичного администрирования состоит в исполнении политики государства, проводимой в отношении всех участников правоотношений, регулируемых законодательством [22, с. 179]. Необходимо отметить, что задачами публичного администрирования в рассматриваемой нами сфере являются: установление основ федеральной и региональной политики в области регулирования природоресурсных отношений; мониторинг природных ресурсов, государственный надзор, введение государственных кадастров природных ресурсов; разработка и реализация программ использования и охраны природных ресурсов; их рациональное использование и восстановление; предоставление прав пользования природными ресурсами; установление стандартов (норм, правил) в области изучения, использования и охраны природных ресурсов, безопасного ведения работ, связанных с природопользованием, а также рационального использования и охраны природных ресурсов [23, с. 231].

Государственное управление (или администрирование) земельными ресурсами можно рассматривать как воздействие государства на формирование и развитие земельных отношений организационно-правовыми и экономическими методами в целях упорядочения использования земельных ресурсов, их сохранения, преобразования, повышения эффективности использования. Соответственно, проблему управления следует рассматривать с двух позиций: с одной стороны – управление земельными ресурсами, с другой – регулирование земельных отношений. Эти два направления взаимосвязаны и взаимообусловлены [24].

Необходимо учитывать, что современный этап развития мирового сообщества характеризуется глобализацией экономических, политических, социальных и культурных процессов. В этих условиях конкурентоспособность того или иного государства во многом зависит от эффективности осуществляемого им публичного администрирования [21, с. 37]. Этот тезис безусловно справедлив и для земельных отношений, складывающихся сегодня в Российской Федерации: умелое, продуктивное и чуткое управления земельными ресурсами – залог процветания нашего государства, благосостояния граждан и последующего прогрессивного развития с учетом принципа устойчивого развития.

При этом, предпринимаемые в последнее время шаги по реформированию государственного управления (администрирования) земельных отношений в РФ не всегда совершенны. Так, отмечается, что сфера управления земельными ресурсами на федеральном уровне имеет ряд проблем: 1) создание Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии, сосредоточившей в себе практически все полномочия в сфере государственного управления земельными ресурсами, повлекло ее «неповоротливость» и отсутствие мобильности при решении вопросов, а также безальтернативность решений; 2) отсутствует четкая система взаимодействия субъектов государственного управления земельными ресурсами на федеральном уровне с органами государственной власти субъектов РФ для ускорения реше-

ния вопросов «на местах»; 3) незначительность предоставляемых земельных ресурсов слабозащищенным слоям населения [17, с. 18]. Продолжает оставаться актуальной проблема отсутствия финансовых средств у производителей сельскохозяйственной продукции, в связи с чем не выполняются мероприятия по сохранению и повышению плодородия почв, развитию селекционной и генетической базы и т.д., что определяет в качестве необходимого условия повышения эффективности земельной политики в РФ обеспечение инвестиционной направленности, требующей экономической основы управления накопившемся инвестиционным потенциалом страны [4]. А постоянное увеличение числа и детализации норм, разнонаправленность и недостаточная согласованность реформирования основных институтов, постоянное внесение изменений в действующее законодательство [8, с. 168-169] замедляют и усложняют процессы эффективного управления (администрирования) земельными ресурсами.

Сказанное подтверждается также рекомендациями Парламентских слушаний на тему «Тенденции и проблемы развития земельного законодательства» (19.04.2018 г.) [25]: «… В настоящее время законодательство в сфере земельных отношений все еще нуждается в совершенствовании и в устранении коллизионных норм. В большинстве случаев принимаемые законы в сфере земельных отношений направлены на решение достаточно узких проблем…».

Не секрет, что в современном мире большинство сфер внутригосударственного правового регулирования подчинено (или имеют своей непосредственной основой) международные соглашения, ставшие в установленном порядке частью их национальных законодательств. К таковым относится деятельность и в/на водных (пресноводных и морских), и в воздушных пространствах, и в космосе, им подчинены торговые, финансовые, таможенные и множество других сфер деятельности государств, их физических, юридических лиц и т.п. Ими заложен и правовой базис отношений в сфере земельных отношений. При этом, нормы этих соглашений заслуженно обозначаются в правовой литературе как «экологические» и подразделятся на две группы: 1) соглашения, непосредственно являющиеся носителями действующих принципов и норм права; 2) соглашения, по своей правовой природе носящие рекомендательный характер, но, тем не менее, оказывающие достаточно активное влияние на международные отношения [26, с. 91] и внутреннее законодательство. Необходимо подчеркнуть, что правила, касающиеся использования и охраны земель, преимущественно имеют рекомендательный, декларативный характер. К их числу относятся принципы (нормы, правила):

– Стокгольмской декларации по окружающей среде 1972 г. [27] о том, что природные ресурсы Земли, включая воздух, землю, флору и фауну, и особенно репрезентативные образцы естественных экосистем, должны быть сохранены на благо нынешнего и будущих поколений путем тщательного планирования и управления по мере необходимости;

– Декларации о сохранении флоры, фауны и среды их обитания 1988 г. [28], о стимулировании бережного отношения к природе и рациональному использованию природных богатств; обеспечении совместимости хозяйственной деятельности с естественным функционированием экологических систем, в частности, путем учета новейших экологических знаний в хозяйственной деятельности и при принятии решений по социально-экономическим вопросам, включая планирование землеполь-

зования, и осуществлении необходимых административных, финансовых и других экономических мер в целях охраны флоры, фауны и среды их обитания;

– Рио-де-Жанейрской декларации по окружающей среде и развитию 1992 г. [29], о суверенном праве государств на разработку своих собственных ресурсов согласно своей политике в области окружающей среды и развития и их ответственности за обеспечение того, чтобы деятельность в рамках их юрисдикции или контроля не наносила ущерба окружающей среде других государств или районов за пределами действия национальной юрисдикции; о принятии государствами эффективных законодательных актов в области окружающей среды; о сотрудничестве в целях дальнейшей разработки международного права, касающегося ответственности и компенсации за негативные последствия экологического ущерба, причиняемого деятельностью, которая ведется под их юрисдикцией или контролем, районам, находящимся за пределами их юрисдикции;

– Декларации тысячелетия ООН 2000 г. [30] о признании фундаментальной ценностью уважения к природе, при котором в основу охраны и рационального использования всех живых организмов и природных ресурсов должна быть положена осмотрительность в соответствии с постулатами устойчивого развития; о новой этике бережного и ответственного отношения к природе;

– Стамбульской декларации по населенным пунктам 1996 г. [31], о проведении работы в целях расширения доступа к земле;

– Всемирной хартии почв, пересмотренной в 2015 г. [32] о том, что рациональное управление почвами требует, чтобы деятельность на всех уровнях – правительств и, в тех случаях, когда это в их силах, других органов государственной власти, международных организаций, отдельных лиц, групп и корпораций – основывалась на принципах устойчивого использования почв и содействовала построению мира, в котором отсутствует деградация почв в контексте устойчивого развития. В документе в отдельный раздел выделены рекомендации для правительств, основным лейтмотивом которых также названо устойчивое развитие почв.

Ряд документов имеет обязательную силу для участников: Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия 1972 г. [33], Конвенция о запрещении военного или любого иного враждебного использования средств воздействия на природную среду 1977 г. [34], Конвенция об оценке воздействия на окружающую среду в трансграничном контексте 1991 г. [35], Конвенция Организации Объединенных Наций по борьбе с опустыниванием 1994 г. [36], Европейская конвенция о ландшафтах 2000 г. [37] и т.д. В последней (РФ не участвует) указывается, что стороны применяют эту Конвенцию в соответствии с собственным разделением полномочий властей, ее конституционными принципами и административным устройством и уважая принцип субсидиарности с учетом Европейской хартии местного самоуправления. Вопросы земельных отношений также затрагиваются в двусторонних соглашениях РФ: Соглашение между Правительством РФ и Правительством КНР о сотрудничестве в области охраны окружающей среды 1994 г. [38]; Соглашение между Правительством РФ и Правительством Республики Беларусь о сотрудничестве в области охраны окружающей природной среды 1994 г. [39] и др.

В перечисленных документах нормы о деятельности их участников в сфере земельных и связанных с ними отношений облечены в форму норм-принципов, осно-

вополагающих правил, которым должны следовать государства и их правительства в сфере использования природных ресурсов. При этом, определенных, четко описанных и рассматриваемых/названных таковыми принципов построения системы государственного администрирования земельных отношений в них не содержится. Очевидно, однако, что эти принципы, касающиеся, в основном, охраны окружающей среды, закладывают основы государственного администрирования таких отношений, которое должно служить охране, сохранению, бережному их использованию и быть приверженным принципу устойчивого развития.

Действительно, построение системы государственного администрирования, или управления, земельными ресурсами – внутреннее «дело» суверенных государств, осуществляемое в соответствии с характерными особенностями каждой страны. В России эта система строится согласно нормам Конституции и отраслевого законодательства. Ее конструкция предполагает наличие полномочий РФ, ее субъектов, органов местного самоуправления в области земельных отношений, предусматривает возможность передачи осуществления полномочий федеральных органов исполнительной власти в области земельных отношений органам исполнительной власти субъектов РФ, а также перераспределения полномочий между органами местного самоуправления и органами государственной власти субъекта РФ. Такая система в полной мере соответствует федеративному устройству нашего государства, его приверженности принципам демократического развития, она предполагает наличие вопросов федерального, регионального и местного значения, возможности их перераспределения. Однако, как отмечают некоторые авторы, система такого администрирования и определяющая его политика все же требует обновления и усовершенствования. Так, недостаточная сбалансированность и периодические изменения правового регулирования сказываются на всей сфере земельных отношений, включая реализацию функций публичных органов власти. Нередко на этом фоне ощущается несогласованность регулятивной и управленческой деятельности государственных органов. Так, в силу Конституции РФ (ст. 72) земельное законодательство находится в совместном ведении РФ и ее субъектов. Следовательно, изменения в земельном законодательстве на федеральном уровне делают обязательным внесение изменений в законодательство субъектов РФ, а также в нормативные правовые акты местного самоуправления. При этом на региональном и местном уровне признается, что органы власти и местного самоуправления не всегда успевают вовремя вносить изменения в собственную нормативную базу. Это создает еще большие условия для дестабилизации правопорядка [8, с. 169].

Представляется, что на сегодняшний день объективно сформировалась необходимость разработки международного соглашения, посвященного общим принципам построения системы государственного администрирования земельных отношений. Он может объединить императивы такого администрирования на основе принципа устойчивого развития, создать международно согласованный базис государственной политики в области земельных ресурсов для участников. Безусловно, обязательность его норм – предмет обсуждения международного форума, однако именно юридическая сила такого документа может обусловить его имплементацию в государствах-участниках.

При разработке такого документа, на наш взгляд, необходимо учитывать общие принципы управления, формирующие и определяющие процесс управления в целом

и процесс государственного администрирования земельных отношений в частности: приоритет государственного управления земельными ресурсами; дифференцированный подход к управлению землями разных категорий и регионов; принцип рационального использования земель; единство управления земельными ресурсами и управления территориями; организационная согласованность использования земель и управления территориями; совершенствование функций и методов управления земельными ресурсами; экономически эффективное сочетание государственного, регионального и муниципального управления земельными ресурсами; разграничение функций по управлению ресурсами между органами исполнительной и представительной власти одного административно-территориального уровня; разделение функций между различными ведомствами по федеральному, региональному и муниципальному уровню; правовая обеспеченность управления земельными ресурсами; принцип организационного и экономично-рационального соотношения централизации и децентрализации; принцип организационный, финансовый и кадровой обеспеченности системы управления земельными ресурсами [40]. Также необходимо учесть все нормы-принципы рекомендательных международных соглашений, а также тот факт, что сегодня исследователями выделяются два подхода к формированию государственного управления (администрирования) земельными ресурсами – административный и экономический. Административный подход предполагает зонирование земель, планирование, регулирование их использования и землеотвода на основе законодательства страны. Экономический подход предполагает привлечение к управлению земельными ресурсами финансово-экономические рычаги – налогообложение, залог, ипотеку земли, различные виды субсидий [6]. Объединение этих подходов, безусловно, может поспособствовать усовершенствованию и правовой базы сферы земельных отношений, и практики ее применения.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации, 1993. // СПС «КонсультантПлюс».

2. Фатыхова А. М. Рационально использовать земельные ресурсы региона / А. М. Фатыхова // Вестник экономики, права и социологии. – 2010. – № 1. – С. 42-47.

3. «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» : Указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. № 683 // СПС «КонсультантПлюс».

4. Безпалов В. В. Проблемы управления земельным ресурсом в России на современном этапе / В. В. Безпалов // Управление экономическими системами: электронный научный журнал. 2015. № 7 (79) // Научная электронная библиотека «Киберленинка». URL: https://cyberleninka.ru/article/v/problemy-upravleniya-zemelnym-resursom-v-rossii-na-sovremennom-etape (последнее обращение – 12 мая 2019 г.). – Текст электронный.

5. Анисимов А. П., Землякова Г. Л., Мельников Н. Н. Зонирование как функция управления земельным фондом: вопросы теории / А. П Анисимов, Г. Л. Землякова, Н. Н. Мельников // Современное право. – 2012. – № 8. – С. 87-93.

6. Барсукова Г. Н., Радчевский Н. М. Современные проблемы управления земельными ресурсами / Г. Н. Барсукова, Н. М. Радчевский // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2017. № 125(01). DOI: 10.21515/1990-4665-125-028. // Научная электронная библиотека «Киберленинка». URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/sovremennye-problemy-upravleniya-zemelnymi-resursami> (последнее обращение – 12 мая 2019 г.). – Текст электронный.

7. Волкова Т. В. Правовые механизмы повышения эффективности управления земельными ресурсами / Т. В. Волкова // Право. Законодательство. Личность. – 2013. – № 2 (17). – С. 126-129.

8. Галиновская Е. А. Концепция государственного стратегического управления земельными ресурсами (правовой аспект) / Е. А. Галиновская // Вопросы государственного и муниципального управления. – 2017. – № 3. – С. 167-180.

9. Киреева Е. Е. Проблемы управления земельными ресурсами / Е. Е. Киреева // Вестник Иркутского государственного технического университета. – 2013. – № 6 (77). – С. 184-189.

10. Короткова О. И. Создание четкой и отлаженной системы управления как стратегическая цель государственной политики в сфере управления и распоряжения земельными ресурсами / О. И. Короткова // Законодательство и экономика. – 2016. – № 4. – С. 19-23.

11. Кухтин П. В. Развитие структуры государственного управления земельными ресурсами в России / П. В. Кухтин // Интернет-журнал «НАУКОВЕДЕНИЕ». Выпуск 3, май-июнь 2014. // Научная электронная библиотека «Киберленинка». URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/razvitie-strukturygosudarstvennogo-upravleniya-zemelnymi-resursami-v-rossii> (последнее обращение – 11 мая 2019 г.). – Текст электронный.

12. Анисимов А. П., Рыженков А. Я. Земельная функция современного государства / А. П. Анисимов, А. Я. Рыженков. – М., 2012. 192 с.

13. Анисимов А. П., Рыженков А. Я., Чаркин С. А. Земельное право России / А. П. Анисимов, А. Я. Рыженков, С. А. Чаркин. – М., 2016. – 239 с.

14. Чмыхало Е. Ю. Концептуальные проблемы экологической безопасности и государственная политика в сфере охраны и использования земель: правовые аспекты / Е. Ю. Чмыхало // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2014. – № 4(99). – С. 228-235.

15. Чмыхало Е. Ю. Управление земельными ресурсами: правовые аспекты / Е. Ю. Чмыхало // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2013. – № 6(95). – С. 70-78.

16. Волкова Т. В. Правовое регулирование управления земельным фондом Российской Федерации: на примере Саратовской области: дис. … канд. юрид. наук / Т. В. Волкова. – Саратов, 2001. 198 с.

17. Кочнева И. В. Политические процессы реформирования и оптимизации государственной политики в сфере управления земельными ресурсами: Автореф. дисс. … канд. полит. Наук / И. В. Кочнева. – Чита, 2015. –24 с.

18. Шишов Д. А. Эффективное управление земельными ресурсами и обеспечение продовольственной безопасности в условиях реформирования аграрной сферы экономики: дис. ... д-ра экон. наук / Д. А. Шишов. – СПб., 2005. 407 с.

19. Четверикова Л. В. Земельное право / Л. В. Четверикова. – Сыктывкар, 2012. – 543 с.

20. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации : Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ //СПС «КонсультантПлюс».

21. Зинченко Г. П. Институционализация публичного администрирования в России / Г. П. Зинченко // Государственное и муниципальное управление: ученые записки СКАГС. – 2010. – № 1. – С. 37-45.

22. Волков А. М. К вопросу обоснования понятия «публичное администрирование» / А. М. Волков // Вестник МФЮА – 2015. – № 2. – С. 173-184.

23. Волков А. М., Лютягина Е. А. Современное российское административное законодательство в сфере природопользования: проблемы и противоречия / А. М. Волкова, Е. А. Лютягина // Ученые записки Худжандского государственного университета им. академика Б. Гафурова. Гуманитарные науки. – 2014. – № 1. – С. 230-247.

24. Barsukova G. N. The basic methods and mechanisms for regulation of land relationships in conditions of their transformation Economy of agro-industrial complex and agriculture // Kybernetik@. – 2013. – № 9. – С. 68-75.

25. Стенограмма парламентских слушаний на тему «Тенденции и проблемы развития земельного законодательства», 19 апреля 2018 г. // Интернет-сайт Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации. URL : http://council.gov.ru/media/files/xpdOjlC5pQBR5zGzI3xjBP4Wyqjktyq5.pdf> (последнее обращение – 6 мая 2019 г.). – Текст электронный.

26. Бычков М. В., Сорокина Ю. В. Международно-правовые акты в системе источников экологического права Российской Федерации / М. В. Бычков, Ю. В. Сорокина // Научное сообщество студентов XXI столетия. Общественные науки: электронный сборник статей по материалам LXXI студенческой международной научно-практической конференции. Новосибирск, 2018. № 11 (70). С. 91-94. URL: http://www.sibac.info/archive/Social/11(70).pdf> (последнее обращение –3 мая 2019 г.). – Текст электронный.

27. Стокгольмская декларация по окружающей среде 1972 г. URL : https://bellona.ru/2007/05/07/stokgolmskaya-deklaratsiya-po-okruzhayu/> (последнее обращение –3 мая 2019 г.). Текст электронный.

28. Декларация о сохранении флоры, фауны и среды их обитания 1988 г. // СПС «КонсультантПлюс».

29. Рио-де-Жанейрская декларация по окружающей среде и развитию 1992 г. // Интернет-сайт ООН. URL : https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/riodecl.shtml> (последнее обращение – 3 мая 2019 г.). – Текст электронный.

30. Декларация тысячелетия ООН 2000 // Интернет-сайт ООН. URL ^ https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/summitdecl.shtml> (последнее обращение –3 мая 2019 г.). – Текст электронный.

31. Стамбульская декларация по населенным пунктам 1996 г. // Интернет-сайт ООН. URL : https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/habdecl.shtml> (последнее обращение –3 мая 2019 г.). – Текст электронный.

32. Пересмотренная Всемирная хартия почв 2015 г. // Интернет-сайт Продовольственной и сельскохозяйственной организации Объединенных Наций. URL : http://www.fao.org/3/b-i4965r.pdf> (последнее обращение –3 мая 2019 г.). – Текст электронный.

33. Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия 1972 г. // Интернет-сайт Организация Объединённых Наций по вопросам образования, науки и культуры. URL : https://whc.unesco.org/archive/convention-ru.pdf> (последнее обращение –3 мая 2019 г.). – Текст электронный.

34. Конвенция о запрещении военного или любого иного враждебного использования средств воздействия на природную среду 1977 г. // Интернет-сайт ООН. URL : https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/hostenv.shtml> (последнее обращение –3 мая 2019 г.). – Текст электронный.

35. Конвенция об оценке воздействия на окружающую среду в трансграничном контексте 1991 г. // Интернет-сайт ООН. URL : https://www.un.org/ru/documents/ decl_conv/conventions /env_assessment.shtml#a1> (последнее обращение –3 мая 2019 г.). – Текст электронный.

36. Конвенция Организации Объединенных Наций по борьбе с опустыниванием 1994 г. // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. URL: http://docs.cntd.ru/document/901893003> (последнее обращение –3 мая 2019 г.). – Текст электронный.

37. Европейская конвенция о ландшафтах 2000 г. // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. <http://docs.cntd.ru/document/901909720> (последнее обращение –3 мая 2019 г.). – Текст электронный.

38. Соглашение между Правительством РФ и Правительством КНР о сотрудничестве в области охраны окружающей среды 1994 г. // СПС «КонсультантПлюс».

39. Соглашение между Правительством РФ и Правительством Республики Беларусь о сотрудничестве в области охраны окружающей природной среды 1994 г. // СПС «КонсультантПлюс».

40. Мезенина О. Б., Лантинова А. В., Рассказова А. А. Управление земельными ресурсами России на современном этапе. – Екатеринбург, 2012. URL : http://elar.usfeu.ru/bitstream/123456789/967/2/Mezenina%20.pdf> (последнее обращение – 13 мая 2019 г.). – Текст электронный.

Ablyakimova E. Public (State) Administration of Land Relations: On the Way to Building an International Legal Basis / E. Ablyakimova // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2019. – T. 4 (72). № 4. – P. 321-332.

The article discusses the international legal framework of public (state) administration of land relations. It is noted, that the norms of international agreements in the field of land and related relations with them today are given in the form of norms-principles (recommendatory or obligatory) that can/must be followed by states and their governments. At the same time, there are no specific, clearly described rules for constructing a system of state administration of land relations in them. However, it is obvious that these principles, mainly related to environmental protection, lay the foundations of public administration of such relations, which must comply with the protection, conservation, careful use of all natural resources, including land, and be committed to the principle of sustainable development. The author comes to the conclusion that today, objectively, the need has arisen for the development of an international agreement on the general principles of building a system of state administration of land relations. It can unite the imperatives of such administration on the basis of

the principle of sustainable development, create an internationally agreed basis of state policy in the field of land resources as limited and vulnerable elements of the environment.

Keywords: land, land relations, land resources, land policy, Russian Federation, an administration, public administration, state administration, international acts, sustainable development.

Spisok literatury`

1. Konstituciya Rossijskoj Federacii, 1993. // SPS «Konsul`tantPlyus».

2. Faty`xova A. M. Racional`no ispol`zovat` zemel`ny`e resursy` regiona / A. M. Faty`xova // Vestnik e`konomiki, prava i sociologii. – 2010. – № 1. – S. 42-47.

3. «O Strategii nacional`noj bezopasnosti Rossijskoj Federacii» : Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 31 dekabrya 2015 g. № 683 // SPS «Konsul`tantPlyus».

4. Bezpalov V. V. Problemy` upravleniya zemel`ny`m resursom v Rossii na sovremennom e`tape / V. V. Bezpalov // Upravlenie e`konomicheskimi sistemami: e`lektronny`j nauchny`j zhurnal. 2015. № 7 (79) // Nauchnaya e`lektronnaya biblioteka «Kiberleninka». URL: https://cyberleninka.ru/article/v/problemy-upravleniya-zemelnym-resursom-v-rossii-na-sovremennom-etape (poslednee obrashhenie – 12 maya 2019 g.). Tekst e`lektronny`j.

5. Anisimov A. P., Zemlyakova G. L., Mel`nikov N. N. Zonirovanie kak funkciya upravleniya zemel`ny`m fondom: voprosy` teorii / A. P Anisimov, G. L. Zemlyakova, N. N. Mel`nikov // Sovremennoe pravo. – 2012. – № 8. – S. 87-93.

6. Barsukova G. N., Radchevskij N. M. Sovremenny`e problemy` upravleniya zemel`ny`mi resursami / G. N. Barsukova, N. M. Radchevskij // Politematicheskij setevoj e`lektronny`j nauchny`j zhurnal Kubanskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta. 2017. № 125(01). DOI: 10.21515/1990-4665-125-028. // Nauchnaya e`lektronnaya biblioteka «Kiberleninka». URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/sovremennye-problemy-upravleniya-zemelnymi-resursami> (poslednee obrashhenie – 12 maya 2019 g.). Tekst e`lektronny`j.

7. Volkova T. V. Pravovy`e mexanizmy` povy`sheniya e`ffektivnosti upravleniya zemel`ny`mi resursami / T. V. Volkova // Pravo. Zakonodatel`stvo. Lichnost`. – 2013. – № 2 (17). – S. 126-129.

8. Galinovskaya E. A. Koncepciya gosudarstvennogo strategicheskogo upravleniya zemel`ny`mi resursami (pravovoj aspekt) / E. A. Galinovskaya // Voprosy` gosudarstvennogo i municipal`nogo upravleniya. – 2017. – № 3. – S. 167-180.

9. Kireeva E. E. Problemy` upravleniya zemel`ny`mi resursami / E. E. Kireeva // Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo texnicheskogo universiteta. – 2013. – № 6 (77). – S. 184-189.

10. Korotkova O. I. Sozdanie chetkoj i otlazhennoj sistemy` upravleniya kak strategicheskaya cel` gosudarstvennoj politiki v sfere upravleniya i rasporyazheniya zemel`ny`mi resursami / O. I. Korotkova // Zakonodatel`stvo i e`konomika. – 2016. – № 4. – S. 19-23.

11. Kuxtin P. V. Razvitie struktury` gosudarstvennogo upravleniya zemel`ny`mi resursami v Rossii / P. V. Kuxtin // Internet-zhurnal «NAUKOVEDENIE». Vy`pusk 3, maj-iyun` 2014. // Nauchnaya e`lektronnaya biblioteka «Kiberleninka». URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/razvitie-struktury-gosudarstvennogo-upravleniya-zemelnymi-resursami-v-rossii> (poslednee obrashhenie – 11 maya 2019 g.). Tekst e`lektronny`j.

12. Anisimov A. P., Ry`zhenkov A. Ya. Zemel`naya funkciya sovremennogo gosudarstva / A. P. Anisimov, A. Ya. Ry`zhenkov. – M., 2012. 192 c.

13. Anisimov A. P., Ry`zhenkov A. Ya., Charkin S. A. Zemel`noe pravo Rossii / A. P. Anisimov, A. Ya. Ry`zhenkov, S. A. Charkin. – M., 2016. – 239 s.

14. Chmy`xalo E. Yu. Konceptual`ny`e problemy` e`kologicheskoj bezopasnosti i gosudarstvennaya politika v sfere oxrany` i ispol`zovaniya zemel`: pravovy`e aspekty` / E. Yu. Chmy`xalo // Vestnik Saratovskoj gosudarstvennoj yuridicheskoj akademii. – 2014. – № 4(99). – S. 228-235.

15. Chmy`xalo E. Yu. Upravlenie zemel`ny`mi resursami: pravovy`e aspekty` / E. Yu. Chmy`xalo // Vestnik Saratovskoj gosudarstvennoj yuridicheskoj akademii. – 2013. – № 6(95). – S. 70-78.

16. Volkova T. V. Pravovoe regulirovanie upravleniya zemel`ny`m fondom Rossijskoj Federacii: na primere Saratovskoj oblasti: dis. … kand. yurid. nauk / T. V. Volkova. – Saratov, 2001. 198 c.

17. Kochneva I. V. Politicheskie processy` reformirovaniya i optimizacii gosudarstvennoj politiki v sfere upravleniya zemel`ny`mi resursami: Avtoref. diss. … kand. polit. Nauk / I. V. Kochneva. – Chita, 2015. –24 s.

18. Shishov D. A. E`ffektivnoe upravlenie zemel`ny`mi resursami i obespechenie prodovol`stvennoj bezopasnosti v usloviyax reformirovaniya agrarnoj sfery` e`konomiki: dis. ... d-ra e`kon. nauk / D. A. Shishov. – SPb., 2005. 407 s.

19. Chetverikova L. V. Zemel`noe pravo / L. V. Chetverikova. – Sy`kty`vkar, 2012. – 543 s.

20. Ob obshhix principax organizacii mestnogo samoupravleniya v Rossijskoj Federacii : Federal`ny`j zakon ot 6 oktyabrya 2003 g. № 131-FZ //SPS «Konsul`tantPlyus».

21. Zinchenko G. P. Institucionalizaciya publichnogo administrirovaniya v Rossii / G. P. Zinchenko // Gosudarstvennoe i municipal`noe upravlenie: ucheny`e zapiski SKAGS. – 2010. – № 1. – S. 37-45.

22. Volkov A. M. K voprosu obosnovaniya ponyatiya «publichnoe administrirovanie» / A. M. Volkov // Vestnik MFYuA – 2015. – № 2. – S. 173-184.

23. Volkov A. M., Lyutyagina E. A. Sovremennoe rossijskoe administrativnoe zakonodatel`stvo v sfere prirodopol`zovaniya: problemy` i protivorechiya / A. M. Volkova, E. A. Lyutyagina // Ucheny`e zapiski Xudzhandskogo gosudarstvennogo universiteta im. akademika B. Gafurova. Gumanitarny`e nauki. – 2014. – № 1. – S. 230-247.

24. Barsukova G. N. The basic methods and mechanisms for regulation of land relationships in conditions of their transformation Economy of agro-industrial complex and agriculture // Kybernetik@. – 2013. – № 9. – S. 68-75.

25. Stenogramma parlamentskix slushanij na temu «Tendencii i problemy` razvitiya zemel`nogo zakonodatel`stva», 19 aprelya 2018 g. // Internet-sajt Soveta Federacii Federal`nogo Sobraniya Rossijskoj Federacii. URL : http://council.gov.ru/media/files/xpdOjlC5pQBR5zGzI3xjBP4Wyqjktyq5.pdf> (poslednee obrashhenie – 6 maya 2019 g.). – Tekst e`lektronny`j.

26. By`chkov M. V., Sorokina Yu. V. Mezhdunarodno-pravovy`e akty` v sisteme istochnikov e`kologicheskogo prava Rossijskoj Federacii / M. V. By`chkov, Yu. V. Sorokina // Nauchnoe soobshhestvo studentov XXI stoletiya. Obshhestvenny`e nauki: e`lektronny`j sbornik statej po materialam LXXI studencheskoj mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. Novosibirsk, 2018. № 11 (70). S. 91-94. URL: http://www.sibac.info/archive/Social/11(70).pdf> (poslednee obrashhenie –3 maya 2019 g.). – Tekst e`lektronny`j.

27. Stokgol`mskaya deklaraciya po okruzhayushhej srede 1972 g. URL : https://bellona.ru/2007/05/07/stokgolmskaya-deklaratsiya-po-okruzhayu/> (poslednee obrashhenie –3 maya 2019 g.). Tekst e`lektronny`j.

28. Deklaraciya o soxranenii flory`, fauny` i sredy` ix obitaniya 1988 g. // SPS «Konsul`tantPlyus».

29. Rio-de-Zhanejrskaya deklaraciya po okruzhayushhej srede i razvitiyu 1992 g. // Internet-sajt OON. URL : https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/riodecl.shtml> (poslednee obrashhenie – 3 maya 2019 g.). – Tekst e`lektronny`j.

30. Deklaraciya ty`syacheletiya OON 2000 // Internet-sajt OON. URL ^ https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/summitdecl.shtml> (poslednee obrashhenie –3 maya 2019 g.). – Tekst e`lektronny`j.

31. Stambul`skaya deklaraciya po naselenny`m punktam 1996 g. // Internet-sajt OON. URL : https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/habdecl.shtml> (poslednee obrashhenie –3 maya 2019 g.). – Tekst e`lektronny`j.

32. Peresmotrennaya Vsemirnaya xartiya pochv 2015 g. // Internet-sajt Prodovol`stvennoj i sel`skoxozyajstvennoj organizacii Ob``edinenny`x Nacij. URL : http://www.fao.org/3/b-i4965r.pdf> (poslednee obrashhenie –3 maya 2019 g.). – Tekst e`lektronny`j.

33. Konvenciya ob oxrane vsemirnogo kul`turnogo i prirodnogo naslediya 1972 g. // Internet-sajt Organizaciya Ob``edinyonny`x Nacij po voprosam obrazovaniya, nauki i kul`tury`. URL : https://whc.unesco.org/archive/convention-ru.pdf> (poslednee obrashhenie –3 maya 2019 g.). – Tekst e`lektronny`j.

34. Konvenciya o zapreshhenii voennogo ili lyubogo inogo vrazhdebnogo ispol`zovaniya sredstv vozdejstviya na prirodnuyu sredu 1977 g. // Internet-sajt OON. URL : https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/hostenv.shtml> (poslednee obrashhenie –3 maya 2019 g.). – Tekst e`lektronny`j.

35. Konvenciya ob ocenke vozdejstviya na okruzhayushhuyu sredu v transgranichnom kontekste 1991 g. // Internet-sajt OON. URL : https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/env_assessment.shtml#a1> (poslednee obrashhenie –3 maya 2019 g.). – Tekst e`lektronny`j.

36. Konvenciya Organizacii Ob``edinenny`x Nacij po bor`be s opusty`nivaniem 1994 g. // E`lektronny`j fond pravovoj i normativno-texnicheskoj dokumentacii. URL: http://docs.cntd.ru/document/901893003> (poslednee obrashhenie –3 maya 2019 g.). – Tekst e`lektronny`j.

37. Evropejskaya konvenciya o landshaftax 2000 g. // E`lektronny`j fond pravovoj i normativno-texnicheskoj dokumentacii. <http://docs.cntd.ru/document/901909720> (poslednee obrashhenie –3 maya 2019 g.). – Tekst e`lektronny`j.

38. Soglashenie mezhdu Pravitel`stvom RF i Pravitel`stvom KNR o sotrudnichestve v oblasti oxrany` okruzhayushhej sredy` 1994 g. // SPS «Konsul`tantPlyus».

39. Soglashenie mezhdu Pravitel`stvom RF i Pravitel`stvom Respubliki Belarus` o sotrudnichestve v oblasti oxrany` okruzhayushhej prirodnoj sredy` 1994 g. // SPS «Konsul`tantPlyus».

40. Mezenina O. B., Lantinova A. V., Rasskazova A. A. Upravlenie zemel`ny`mi resursami Rossii na sovremennom e`tape. – Ekaterinburg, 2012. URL : http://elar.usfeu.ru/bitstream/123456789/967/2/Mezenina%20.pdf> (poslednee obrashhenie – 13 maya 2019 g.). – Tekst e`lektronny`j.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2019. – Т. 5 (71). № 4. – С. 333-349.

УДК 342.951: 336.221

К ВОПРОСУ О ВНЕСЕНИИ ИЗМЕНЕНИЙ И ДОПОЛНЕНИЙ В НАЛОГОВОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ЧАСТИ ВКЛЮЧЕНИЯ НЕНАЛОГОВЫХ ПЛАТЕЖЕЙ В НАЛОГОВЫЙ КОДЕКС

Евсикова Е. В.

Крымский филиал Российского государственного университета правосудия

В статье проводится анализ понятия и соотношения категорий «налоговая система Российской Федерации» и «система налогов и сборов Российской Федерации», на основе, автор предлагает свое авторское понятие «система налогов и сборов Российской Федерации». Автор изучает систему налогов и сборов Российской Федерации, исходя из законодательно закрепленных уровней: федеральных налогов и сборов; региональных налогов; местных налогов и сборов, а также исследует Проект Федерального закона «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации (в части включения отдельных неналоговых платежей в Налоговый кодекс Российской Федерации)», которым предусматривается введение в систему налогов и сборов РФ таких неналоговых платежей, как сбор за проезд грузовиков массой свыше 12 т (система «Платон»); экологический сбор; утилизационный сбор; плата за негативное воздействие на окружающую среду; обязательные отчисления операторов связи в качестве региональных налогов и сборов, а также гостиничного сбора в качестве местного сбора. Высказывается авторская позиция и авторские предложения относительно включения в Налоговый кодекс Российской Федерации рассматриваемых налогов и сборов.

Ключевые слова: система налогов и сборов РФ; экологический налог; утилизационный сбор; плата за негативное воздействие на окружающую среду; система «Платон»; обязательные отчисления операторов связи; курортный сбор; гостиничный сбор.

Актуальность темы. Ориентация на курс государственно-правового реформирования и развития выдвигает перед нашим государством новые задачи по выработке и реализации качественно новой концепции и подхода к формированию системы налогов и сборов Российской Федерации (далее – система налогов и сборов РФ), а также налоговой системы Российской Федерации (далее – налоговая система РФ) в целом, отвечающей на вызовы и угрозы экономики Российской Федерации в условиях существующей действительности [1, с. 385].

Налоговая система Российской Федерации за последние 27 лет много раз претерпевала существенные изменения, направленные на ее оптимизацию и развитие и совершенствование, что обусловлено необходимостью дальнейшего усовершенствования концептуальной основы развития системы налогов и сборов в Российской Федерации [2].

Так, в апреле 2019 г. Президент РФ Путин В. В. поддержал включение в систему налогов и сборов РФ шести неналоговых платежей. В силу чего, Министерством финансов РФ был разработан соответствующий законопроект, предусматривающий включение в Налоговый кодекс Российской Федерации (далее – НК РФ) [3] шести неналоговых платежей: сбора за проезд грузовиков массой свыше 12 т (система

«Платон»); курортного (гостиничного) сбора; экологического сбора; утилизационного сбора; платы за негативное воздействие на окружающую среду; обязательных отчислений операторов связи. В результате чего, в России может появиться пять новых налогов и сборов, поскольку, экологический сбор и плата за негативное воздействие на окружающую среду будут заменены одним – экологическим налогом. В свою очередь, предприниматели РФ резко высказались против данного Законопроекта. В частности, в марте Российский союз промышленников и предпринимателей, Торгово-промышленная палата, «Деловая Россия» и «Опора России» попросили Президента РФ Путина В. В. не вносить «квазиналоги» в Налоговый кодекс РФ, поскольку, введение указанных платежей создаст дополнительную налоговую нагрузку на предпринимателей, а также даст возможность привлечения к уголовной ответственности за их неуплату [4].

Таким образом, вопросы дальнейшего реформирования системы налогов и сборов РФ стоят на повестке дня и, как никогда, являются актуальными и резонансными, т.е. требуют качественной научной проработки и исследования, с целью, прежде всего, обоснования необходимости таких кардинальных изменений либо необходимости их дальнейшего изучения и апробации в качестве эксперимента и анализа полученных в ходе такого эксперимента данных с целью выработки новой концепции реформирования системы налогов и сборов РФ, основанной на научных исследованиях и анализе статистических данных положительного и отрицательного опыта взимания указанных платежей.

Основной текст. К основным направлениям современной налоговой политики можно справедливо отнести стабилизацию существующей структуры налогов; усовершенствование налогового законодательства путем упрощения и качественного изменения отдельных норм НК РФ, устранение коллизионности и противоречивости отдельных норм НК РФ и уточнение существующих формулировок; сохранение баланса прав, обязанностей и ответственности плательщиков налогов и сборов и контролирующих органов, прежде всего, налоговых [5], а также, и с этим следует согласиться, как указывают Арсланбекова А. З. и Амиров Н. З., повышение уровня налоговой культуры населения в целом, что будет способствовать повышению уровня собираемости налогов в бюджет и сокращению количества налоговых правонарушений [6, с. 47], повышение налоговой грамотности и воспитание добросовестных налогоплательщиков, ориентация в деятельности налоговых органов на повышение качества обслуживания налогоплательщиков [7, с. 65]; усовершенствование и качественная регламентация порядка привлечения к налоговой ответственности [8, с. 59-63].

В то же время, налоговая система РФ, выступая базисом и основой государственного регулирования экономики с помощью финансовых рычагов, при грамотном и гибком ее построении во многом определяет эффективное функционирование всего хозяйственного комплекса государства в целом.

Анализируя вопрос о соотношении категорий «налоговая система РФ» и «система налогов и сборов РФ», отметим, что, по нашему мнению, существующая на сегодняшний день в юридической науке позиция, что понятие «налоговая система» является по смыслу более широким, чем понятие «система налогов и сборов», является вполне обоснованной в силу того, что первая категория включает в себя вторую, наряду с принципами налоговой системы РФ, системы контролирующих орга-

нов, налогового законодательства и ответственностью за его нарушение, формами и методами налогового контроля, порядком защиты прав и интересов налогоплательщиков, стратегией развития налоговой системы РФ и ее усовершенствования и т.д.

Так, некоторые авторы рассматривают «налоговую систему РФ» как совокупность общественных отношений по поводу формирования доходной части бюджета, стимулирования развития производительных сил страны и социально-экономического благосостояния граждан, складывающихся в сфере налогообложения, или влияющих на эту сферу, и имеющих экономический, политический, организационный и правовой характер» [9].

Таким образом, по нашему мнению, «система налогов и сборов РФ» – это совокупность федеральных, региональных и местных налогов и сборов, которые устанавливаются, вводятся и отменяются НК РФ и соответствующим нормативно-правовым актом регионального или местного уровня, а также перечисляются в соответствующий бюджет в порядке и сроки, предусмотренные законодательством о налогах и сборах, за нарушение которого предусмотрена налоговая, административная или уголовная ответственность [1, с. 387-388].

Вместе с тем, в соответствии с главой 2 НК РФ «Система налогов и сборов в Российской Федерации», последняя включает в себя следующие виды налогов и сборов: федеральные, региональные и местные. Так, федеральные налоги и сборы закрепляются НК РФ, в силу чего, являются обязательными к уплате на всей территории РФ. Однако, региональные налоги закрепляются НК РФ и соответствующими законами субъектов Российской Федерации (далее – субъектов РФ), в силу чего, являются обязательными к уплате на территории таких субъектов РФ. При этом, органы государственной власти субъектов РФ самостоятельно могут устанавливать налоговую ставку, порядок и срок уплаты налогов, если они не закреплены в НК РФ, а также особенности определения налоговой базы, налоговые льготы, основания и порядок их применения. В свою очередь местные налоги и сборы закрепляются НК РФ и нормативно-правовыми актами представительных органов муниципальных образований о налогах и сборах, в силу чего, являются обязательными к уплате на территориях соответствующих муниципальных образований, при установлении которых органами местного самоуправления могут устанавливаться налоговая ставка, порядок и срок уплаты налогов, если они не предусмотрены в НК РФ, особенности определения налоговой базы, налоговые льготы, основания и порядок их применения [10, с. 85].

Исходя из базовых принципов налогообложения, закрепленных в ст. 3 НК РФ, никто не обязан уплачивать налоги и сборы, а также иные взносы и платежи, обладающие установленными НК РФ признаками налогов или сборов, не предусмотренные НК РФ либо установленные в ином порядке, чем это определено НК РФ, в связи с чем, возникает вопрос о законности и обоснованности введения и уплаты неналоговых платежей и необходимости включения в систему налогов и сборов РФ.

Следует отметить, что в систему налогов и сборов РФ, согласно НК РФ, входят только три вида сборов – государственная пошлина, сбор за пользование объектами животного мира и водных биологических ресурсов, торговый сбор, а все остальные сборы, которые имеют место быть, отнесены Бюджетным кодексом РФ к неналоговым доходам бюджета.

В силу чего, определенный научный интерес в рамках данного исследования представляет позиция, согласно которой, предлагается рассматривать все обязательные платежи, которые не обладают признаками налогов, в качестве сборов, что позволит применять к ним одинаковые правила установления и обеспечить одинаковый объем гарантий прав плательщиков налогов и сборов, а также урегулировать существующую сегодня ситуацию законодательного закрепления двух систем обязательных налоговых и неналоговых платежей, что существенно нарушает права плательщиков налогов и сборов, которые не включены в систему налогов и сборов РФ, в силу элементарного отсутствия законодательных требований к содержанию устанавливающих их нормативно-правовых актов [11, с. 13].

В то же время, анализ статей 14-15 НК РФ показывает, что в систему региональных налогов входят: транспортный налог; налог на игорный бизнес; налог на имущество организаций, а в систему местных налогов и сборов – торговый сбор; земельный налог; налог на имущество физических лиц.

Как видим, ни сбор за проезд грузовиков массой свыше 12 т (система «Платон»), ни курортный сбор, ни экологический сбор, ни утилизационный сбор, на плата за негативное воздействие на окружающую среду, ни обязательные отчисления операторов связи действующим НК РФ не предусмотрены и, соответственно, в систему налогов и сборов РФ не входят. В силу чего возникает вопрос о законности и обоснованности их уплаты, поскольку, согласно ч. 5 ст. 3 НК РФ, ни на кого не может быть возложена обязанность уплачивать налоги и сборы, а также иные взносы и платежи, обладающие установленными НК РФ признаками налогов или сборов, не предусмотренные НК РФ либо установленные в ином порядке, чем это определено НК РФ.

Так, в научной среде до сих пор ведутся дискуссии относительно обоснованности и необходимости включения в «систему налогов и сборов РФ» всей совокупности имеющихся на сегодня сборов [12].

Таким образом, для обеспечения правильного установления и введения новых либо уже существующих платежей, которые по факту взимаются и уплачиваются, а также поступают в соответствующий бюджет, однако НК РФ не предусмотрены и не установлены соответствующим законом субъекта РФ или решением представительного органа местного самоуправления, необходимо в НК РФ закрепить, что сбор за проезд грузовиков массой свыше 12 т (система «Платон»); курортный сбор; экологический сбор; утилизационный сбор; плата за негативное воздействие на окружающую среду; обязательные отчисления операторов связи входят в систему налогов и сборов РФ на соответствующем уровне – федеральном, региональном или местном, а та4кже, обеспечить их соответствующее установление и закрепление законом субъекта РФ или решением представительного органа местного самоуправления с определением всех обязательных и необходимых элементов соответствующего вида платежа (налога или сбора).

Анализ проекта Федерального закона «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации (в части включения отдельных неналоговых платежей в Налоговый кодекс Российской Федерации)» (далее – Проект) [13] позволяет выделить следующие особенности:

1) В систему федеральных налогов и сборов РФ включаются: экологический налог; утилизационный сбор; сбор за пользование автомобильными дорогами феде-

рального значения; налог на операторов сети связи общего пользования, которые, соответственно, являются федеральными налогами и сборами;

2) В систему местных налогов и сборов включается гостиничный сбор, т.е. курортный сбор, который будет выступать местным сбором, что, по нашему мнению, является вполне обоснованным и оправданным, поскольку, на сегодняшний день, вопрос правовой природы и места данного вида сбора в системе налогов и сборов РФ остается открытым и не разрешенным, даже на законодательном уровне. Так, исходя из смысла ч. 2 ст. 1 ФЗ № 214-ФЗ [14], курортный сбор – относится к местным, в силу того, что вводится на территориях муниципальных образований органов местного самоуправления, входящих в территорию проведения эксперимента, однако, анализ положений ст. 5 ФЗ № 214-ФЗ показывает, что курортный сбор – относится к региональным, в силу того, что устанавливается соответствующим законом субъекта РФ и доходы от его поступления перечисляются в бюджет соответствующего субъекта РФ. Вместе с тем, на сегодняшний день курортный сбор не входит в «систему налогов и сборов РФ» и НК РФ не предусмотрен [15, с. 146-147].

3) Платежи за выбросы загрязняющих веществ в атмосферный воздух, сбросы загрязняющих веществ в составе сточных вод в водные объекты, осуществляемые с превышением нормативов допустимых сбросов, за размещение отходов производства и потребления с превышением установленных лимитов на их размещение будут заменены экологическим налогом, который будет исчисляться из расчета превышения нормативов допустимых выбросов, нормативов допустимых сбросов, технологических нормативов, лимитов на размещение отходов;

4) По запросу налоговых органов органы, уполномоченные по контролю и надзору в области охраны окружающей среды, смогут участвовать вместе с налоговыми органами в проводимых налоговыми органами камеральных налоговых проверках и выездных налоговых проверках;

5) Уполномоченные Правительством Российской Федерации на ведение федерального государственного реестра объектов, оказывающих негативное воздействие на окружающую среду, федеральные органы исполнительной власти и уполномоченные на ведение региональных государственных реестров объектов, оказывающих негативное воздействие на окружающую среду, органы исполнительной власти субъектов РФ обязаны будут сообщать в налоговые органы по месту своего нахождения о внесении сведений в соответствующий реестр (об изменениях, вносимых в реестр) в течение 10 дней со дня внесения указанных сведений (изменений);

6) Доступ на территорию или в помещение проверяемого лица должностных лиц налоговых органов, непосредственно проводящих налоговую проверку, осуществляется при предъявлении этими должностными лицами служебных удостоверений и решения руководителя (его заместителя) налогового органа о проведении выездной налоговой проверки этого лица либо при предъявлении служебных удостоверений и мотивированного постановления должностного лица налогового органа, осуществляющего камеральную налоговую проверку на основе налоговой декларации по налогу на добавленную стоимость, в случаях, предусмотренных п. 8 и 8.1 ст. 88 НК РФ, либо камеральную налоговую проверку на основе налоговой декларации по экологическому налогу, о проведении осмотра. Указанное постановление подлежит утверждению руководителем (заместителем руководителя) налогового органа;

7) Должностное лицо налогового органа, производящее выездную налоговую проверку, либо камеральную налоговую проверку на основе налоговой декларации по налогу на добавленную стоимость, в случаях, предусмотренных п. 8 и 8.1 ст. 88 НК РФ, либо камеральную налоговую проверку на основе налоговой декларации по экологическому налогу, в целях выяснения обстоятельств, имеющих значение для полноты проверки, вправе будет производить осмотр территорий, помещений лица, в отношении которого проводится налоговая проверка, документов и предметов. При этом, налоговый орган, проводящий камеральную налоговую проверку, в случае необходимости проведения осмотра территорий, помещений, находящихся на территории иного налогового органа, должен будет направить мотивированное поручение о проведении осмотра указанных территорий, помещений, в налоговый орган по месту нахождения таких территорий, помещений (в поручении должно указываться, что при проведении камеральной налоговой проверки налоговой декларации по какому налогу возникла необходимость в осмотре). В течение пяти дней со дня получения поручения налоговый орган по месту нахождения подлежащих осмотру территорий, помещений, должен вынести мотивированное постановление о проведении осмотра;

8) выдача документов (их дубликатов, копий), предоставление сведений из государственных реестров (регистров) будет приравниваться к юридически значимым действиям. Так, Проектом предусмотрены следующие тарифы: за предоставление сведений, содержащихся в едином государственном реестре автомобильных дорог на бумажном носителе – 200 рублей; за предоставление информация о расположенном на территории Российской Федерации федеральном имуществе из реестра федерального имущества на бумажном носителе – 200 рублей; за предоставление сведений, содержащихся в едином государственном реестре прав на воздушные суда и сделок с ними на бумажном носителе: для физических лиц – 100 рублей; для организаций – 300 рублей; за предоставление сведений, содержащихся в Едином государственном реестре недвижимости на бумажном носителе, связанных: с предоставлением копии договора или иного документа, выражающего содержание односторонней сделки, совершенной в простой письменной форме, содержащегося в реестровом деле (кроме предприятия как имущественного комплекса): для физических лиц – 300 рублей; для организаций – 950 рублей; с предоставлением копии договора или иного документа, выражающего содержание односторонней сделки с предприятием, совершенной в простой письменной форме, содержащегося в реестровом деле на предприятие как имущественный комплекс: для физических лиц я 950 рублей; для организаций – 1400 рублей; с предоставлением копии межевого плана, технического плана, разрешения на ввод объекта в эксплуатацию: для физических лиц – 1500 рублей; для организаций – 4500 рублей и т.д.

9) Глава 25-5 «Экологический налог» будет предусматривать:

- Налогоплательщиками экологического налога признаются организации и индивидуальные предприниматели, которые оказывают в процессе хозяйственной и (или) иной деятельности на территории Российской Федерации, континентальном шельфе Российской Федерации, в исключительной экономической зоне Российской Федерации и в российском секторе дна Каспийского моря негативное воздействие на окружающую среду, предусмотренное ст. 333[59] НК РФ;

- При размещении отходов, за исключением твердых коммунальных отходов, налогоплательщиками признаются организации и индивидуальные предприниматели, при осуществлении которыми хозяйственной и (или) иной деятельности образовались отходы;

- При размещении твердых коммунальных отходов налогоплательщиками признаются региональные операторы по обращению с твердыми коммунальными отходами, операторы по обращению с твердыми коммунальными отходами;

- При оказании негативного воздействия на окружающую среду в процессе хозяйственной и (или) иной деятельности при пользовании недрами на территории Российской Федерации, континентальном шельфе Российской Федерации, в исключительной экономической зоне Российской Федерации и в российском секторе дна Каспийского моря налогоплательщиками признаются организации и индивидуальные предприниматели, признаваемые пользователями недр в соответствии с законодательством Российской Федерации.

- в то же время, не будут признаваться налогоплательщиками организации и индивидуальные предприниматели:

1) осуществляющие хозяйственную и (или) иную деятельность исключительно на объектах, оказывающих негативное воздействие на окружающую среду, IV категории при условии представления организацией или индивидуальным предпринимателем в налоговый орган свидетельства о постановке объекта, оказывающего негативное воздействие на окружающую среду, на государственный учет в соответствии с законодательством Российской Федерации в области охраны окружающей среды;

2) в результате осуществления хозяйственной и (или) иной деятельности которых образуются только твердые коммунальные отходы;

3) осуществляющие хозяйственную и (или) иную деятельность исключительно на объектах недвижимого имущества, которые не соответствуют критериям отнесения к объектам, оказывающим негативное воздействие на окружающую среду, и не подлежат постановке на государственный учет в соответствии с законодательством Российской Федерации в области охраны окружающей среды.

- Постановка на учет, снятие с учета организаций и индивидуальных предпринимателей в качестве налогоплательщиков экологического налога будет осуществляться в налоговом органе по месту нахождения объекта, оказывающего негативное воздействие на окружающую среду, т.е. на территории субъекта (субъектов) РФ, на которой (которых) находится такой объект;

- Объектами налогообложения экологическим налогом будут признаваться: 1) выбросы в атмосферный воздух стационарными источниками загрязнения окружающей среды загрязняющих веществ, в отношении которых п. 1 ст. 333^{61} НК РФ установлены налоговые ставки; 2) сбросы в водные объекты в составе сточных вод загрязняющих веществ, в отношении которых п. 1 ст. 333^{61} НК РФ установлены налоговые ставки; 3) размещение отходов каждого класса опасности, который определяется в соответствии с законодательством Российской Федерации в области обращения с отходами и для которого п. 1 ст. 333^{61} НК РФ установлены налоговые ставки.

- не будут признаваться объектами налогообложения: 1) размещение отходов на объектах размещения отходов, которые не оказывают негативное воздействие на

окружающую среду, при представлении налогоплательщиком в налоговый орган решения федерального органа исполнительной власти, осуществляющего функции по контролю и надзору в сфере природопользования и в области охраны окружающей среды, подтверждающего исключение негативного воздействия на окружающую среду объектов размещения отходов в соответствии с законодательством Российской Федерации в области обращения с отходами; 2) размещение отходов, подлежащих накоплению и фактически утилизированных в собственном производстве в соответствии с технологическим регламентом или переданных для утилизации в течение срока, не превышающего 11 месяцев, предусмотренного законодательством Российской Федерации в области обращения с отходами; 3) размещение отходов вскрышных и вмещающих горных пород, отходов производства черных металлов IV и V классов опасности, используемых для закладки искусственно созданных полостей в горных породах при рекультивации земель и почвенного покрова (в соответствии с разделом проектной документации «Перечень мероприятий по охране окружающей среды» и (или) техническим проектом разработки месторождения полезных ископаемых); 4) выбросы загрязняющих веществ в процессе хозяйственной и (или) иной деятельности на объекте, оказывающем негативное воздействие на окружающую среду, IV категории;

- Налоговая база будет определяться налогоплательщиком самостоятельно на основе данных производственного экологического контроля, осуществляемого в соответствии с законодательством Российской Федерации в области охраны окружающей среды, отдельно по каждому объекту налогообложения, для каждого стационарного источника загрязнения окружающей среды, оказывавшего негативное воздействие на окружающую среду в налоговом периоде, в отношении каждого загрязняющего вещества, отходов каждого класса опасности.

- Налогоплательщики, за исключением налогоплательщиков, применяющих систему налогообложения для сельскохозяйственных товаропроизводителей, упрощенную систему налогообложения, систему налогообложения в виде единого налога на вмененный доход для отдельных видов деятельности, патентную систему налогообложения, будут уплачивать авансовые платежи по налогу не позднее 20-го числа месяца, следующего за истекшим отчетным периодом;

10) Глава 25-6 «Утилизационный сбор» будет предусматривать:

- Плательщиками утилизационного сбора будут организации и физические лица, в том числе индивидуальные предприниматели, которые: 1) осуществляют производство и (или) ввоз на территорию Российской Федерации товаров и (или) упаковки товаров, подлежащих утилизации после утраты ими потребительских свойств, признаваемых объектом обложения сбором в соответствии со ст. 333[68] НК РФ; 2) осуществляют производство, изготовление колесных транспортных средств (шасси) и (или) прицепов к ним, самоходных машин и (или) прицепов к ним на территории Российской Федерации и (или) их ввоз на территорию Российской Федерации; 3) приобрели транспортные средства на территории Российской Федерации у лиц, не уплачивающих сбор в отношении таких транспортных средств.

- Не будут признаваться плательщиками сбора:1) физические лица, за исключением индивидуальных предпринимателей, которые осуществляют ввоз на территорию Российской Федерации транспортных средств в качестве личного имущества и являются участниками Государственной программы по оказанию содействия добро-

вольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом, либо признанными в установленном порядке беженцами или вынужденными переселенцами; 2) дипломатические представительства или консульские учреждения, международные организации, пользующиеся привилегиями и иммунитетами в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права, а также сотрудники таких представительств, учреждений, организаций и члены их семей, которые осуществляют ввоз на территорию Российской Федерации транспортных средств, принадлежащим им на праве собственности или ином законном основании.

- Объектами обложения сбором будут являться: 1) товары и (или) упаковка товаров, подлежащие утилизации после утраты ими потребительских свойств, включаемые в группы в соответствии с классификацией, установленной Правительством Российской Федерации, и реализованные на территории Российской Федерации; 2) упаковка товаров для товаров в упаковке, используемых в качестве сырья, комплектующих изделий или полуфабрикатов в производстве других товаров, включаемая в группы в соответствии с классификацией, установленной Правительством Российской Федерации, и реализованная на территории Российской Федерации; 3)транспортные средства, ввозимые на территорию Российской Федерации или произведенные, изготовленные в Российской Федерации, в соответствии с перечнем, установленным ст. 333[69] НК РФ.

- Не признаются объектами обложения сбором: 1) произведенные или ввезенные на территорию Российской Федерации плательщиком сбора товары и (или) упаковка товаров, подлежащие утилизации после утраты ими потребительских свойств, транспортные средства, которые помещены под таможенную процедуру экспорта и вывозятся плательщиком сбора за пределы территории Российской Федерации; 2) произведенные или ввезенные на территорию Российской Федерации плательщиком сбора товары, подлежащие утилизации после утраты ими потребительских свойств, которые реализуются в качестве сырья, комплектующих изделий или полуфабрикатов, используемых в производстве других товаров; 3) транспортные средства, с года выпуска которых прошло тридцать и более лет, которые не используются в коммерческих целях, имеют оригинальный двигатель, кузов и (при наличии) раму, сохранены или отреставрированы до оригинального состояния, виды и категории которых определяются Правительством Российской Федерации; 4) транспортные средства, с даты выпуска которых прошло менее трех лет и которые помещаются под таможенную процедуру свободной таможенной зоны, применяемую на территории Особой экономической зоны в Калининградской области, виды и категории которых определяются Правительством Российской Федерации, за исключением транспортных средств международной перевозки при помещении таких транспортных средств под иную таможенную процедуру при завершении действия таможенной процедуры свободной таможенной зоны, применяемой на территории Особой экономической зоны в Калининградской области, за исключением случаев помещения таких транспортных средств под таможенную процедуру реэкспорта.

- Ставки сбора в отношении товаров и (или) упаковки товаров, подлежащих утилизации после утраты ими потребительских свойств, устанавливаются по каждой группе товаров и (или) упаковки товаров в следующих размерах: Группа № 12 «Тара, упаковка бумажная и картонная прочая» – 2378 руб.; Группа № 18 «Шины,

покрышки и камеры резиновые» – 7109 руб.; Группа № 20 «Изделия из резины прочие» – 8965 руб. и т.д.;

- Сумма сбора будет исчисляться плательщиком сбора самостоятельно отдельно по каждому объекту обложения сбором с учетом ряда особенностей, установленных для отдельных объектов: исчисление суммы сбора в отношении товаров и (или) упаковки товаров производится за календарный год (сумма сбора за товары определяется как произведение массы реализованных на территории Российской Федерации за год исчисления сбора товаров, признаваемых в соответствии с настоящей главой объектами обложения сбором, и норматива утилизации, установленного на год исчисления сбора, выраженного в относительных единицах, уменьшенное на уменьшенное на величину вычета, определяемого в соответствии с настоящей статьей, и умноженное на ставку сбора за группу товаров); сумма сбора в отношении транспортного средства будет определяться как произведение ставки сбора, установленной для соответствующего транспортного средства, и коэффициента расчета сбора $К_{рс}$, установленного для соответствующего вида и категории транспортного средства;

- Плательщики сбора, в отношении товаров и (или) упаковки товаров будут уплачивать сбор по месту своего учета до 15 апреля года, следующего за годом исчисления сбора, одновременно с представлением расчета сбора, а плательщики сбора, являющиеся производителями транспортных средств, будут уплачивать сбор по месту своего учета до 15 числа месяца, следующего за месяцем производства транспортного средства, одновременно с представлением расчета сбора;

11) Глава 25-7 «Сбор за пользование автомобильными дорогами федерального значения общего пользования»:

- Плательщиками сбора за пользование автомобильными дорогами федерального значения общего пользования будут являться собственники (владельцы) транспортных средств, имеющих разрешенную максимальную массу свыше 12 тонн. В отношении транспортных средств, принадлежащих иностранным перевозчикам, если такой сбор не уплачен собственниками соответствующих транспортных средств, плательщиками будут водители этих транспортных средств;

- Объектом обложения будет выступать использование плательщиком сбора транспортных средств для передвижения по автомобильным дорогам федерального значения общего пользования. Не будет признаваться объектом обложения право использования транспортных средств для передвижения по платным автомобильным дорогам, платным участкам автомобильных дорог;

- Ставка сбора устанавливается в размере 3,73 рубля на один километр пути, пройденного транспортным средством по автомобильным дорогам федерального значения общего пользования, однако, ставка сбора будет подлежать индексации на коэффициент-дефлятор, установленный на соответствующий календарный год;

- От уплаты сбора будут освобождаться физические лица и организации в отношении: 1) транспортных средств, предназначенных для перевозки людей, за исключением грузо-пассажирских автомобилей – фургонов; 2) специальных транспортных средств, оборудованных устройствами для подачи специальных световых и звуковых сигналов и используемых для осуществления деятельности пожарной охраны, полиции, медицинской скорой помощи, аварийно-спасательных служб, военной автомобильной инспекции; 3) самоходных транспортных средств с вооруже-

нием, военной техники, транспортных средств Вооруженных Сил Российской Федерации и иных специальных транспортных средств, осуществляющих перевозки вооружения, военной техники и военного имущества;

- В целях исчисления сбора оператор будет предоставлять плательщику сбора на безвозмездной основе бортовое устройство и информацию о порядке и условиях его использования, закрепить за транспортным средством указанное бортовое устройство или стороннее бортовое устройство (при его наличии у плательщика) либо осуществить оформление маршрутной карты. До начала движения транспортного средства, за которым закреплено бортовое устройство или стороннее бортовое устройство, по автомобильным дорогам федерального значения общего пользования плательщик сбора должен будет обеспечить установку и включение этих устройств на транспортном средстве;

- В отношении транспортного средства, за которым будет закреплено бортовое устройство или стороннее бортовое устройство, позволяющее определять маршрут движения данного транспортного средства по автомобильным дорогам федерального значения общего пользования, сумма сбора будет исчисляться автоматически посредством системы взимания сбора на основании данных таких устройств.

- В случае если в системе взимания сбора отсутствуют данные позиционирования бортового устройства или стороннего бортового устройства в отношении маршрута (отдельного участка маршрута), пройденного транспортным средством, за которым закреплено бортовое устройство или стороннее бортовое устройство, по автомобильным дорогам федерального значения общего пользования, протяженность такого маршрута (отдельных участков такого маршрута) и исчисление суммы сбора будет осуществляться автоматически посредством системы взимания сбора при одновременном выполнении следующих условий: протяженность маршрута (отдельного участка маршрута) не превышает 30 километров; временной интервал, в отношении которого системой взимания сбора зафиксировано отсутствие данных, указанных в абзаце втором настоящего пункта, не превышает 1 час; расчетная скорость движения транспортного средства по маршруту (отдельному участку маршрута), определенная системой взимания сбора, не превышает 150 километров в час; имеются данные о координатах точек участков маршрута, полученные системой взимания сбора в автоматическом режиме от бортового устройства, иных объектов системы взимания сбора либо от стороннего бортового устройства, позволяющие определить протяженность маршрута (отдельных участков маршрута). Возможность определения протяженности маршрута (отдельных участков маршрута) на основании указанных данных будет определяться системой взимания сбора в течение двух дней со дня получения таких данных;

- В случае движения транспортного средства без уплаты сбора оператор будет составлять акт о задолженности по уплате сбора и направляет его в течение пяти дней с даты составления в налоговый орган. При этом оператор должен будет информировать плательщика сбора о направлении акта в налоговый орган в течение пяти дней с даты его направления. Акт о задолженности по уплате сбора может быть обжалован плательщиком сбора в федеральном органе исполнительной власти, осуществляющим функции по оказанию государственных услуг и управлению государственным имуществом в сфере автомобильного транспорта и дорожного хозяйства, в порядке, установленном федеральным органом исполнительной власти в об-

ласти транспорта, или в суде. В случае отмены акта сведения об этом будут направляться оператором в налоговый орган в течение пяти дней с даты его отмены;

- Сбор будет уплачиваться до начала движения транспортного средства по автомобильным дорогам федерального значения общего пользования в случае его исчисления оператором, в течение дня с момента доведения до сведения плательщика сбора исчисленной суммы сбора путем внесения денежных средств на специальный счет оператора, но не позднее начала движения транспортного средства по автомобильным дорогам федерального значения общего пользования, заявленного плательщиком сбора при оформлении маршрутной карты;

- Сбор будет уплачиваться при движении транспортного средства по автомобильным дорогам федерального значения общего пользования в случае его исчисления автоматически посредством системы взимания сбора путем перечисления денежных средств со счета плательщика сбора на специальный счет оператора;

- Проект предусматривает, что сбор будет администрироваться оператором, который будет: 1)осуществлять регистрацию транспортного средства и плательщиков сбора в реестре системы взимания сбора; 2) предоставлять плательщику сбора на безвозмездной основе бортовое устройство и информацию о порядке и условиях его использования; 3) вести реестр одобренных для использования в системе взимания сбора типов сторонних бортовых устройств на своем сайте в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет»; 4) вести персонифицированную запись плательщиков сбора, содержащую следующую обновляемую не реже чем один раз в сутки информацию по каждому принадлежащему ему транспортному средству; 5) принимать решение о предоставление плательщику сбора отсрочки по уплате сбора; 6) осуществлять возврат плательщику сбора не перечисленных в доход федерального бюджета денежных средств, внесенных им в счет уплаты сбора; 7) перечислять в бюджет денежные средства, внесенные плательщиком сбора в счет уплаты сбора на основании произведенных с использованием системы взимания сбора расчетов; 8)составлять акт о задолженности по уплате сбора и передает его в налоговые органы.

12) Глава 25-8 «Налог на операторов сети связи общего пользования»:

- Налогоплательщиками налога на операторов сети связи общего пользования будут являться организации и индивидуальные предприниматели, оказывающие услуги связи в сети связи общего пользования в соответствии с Федеральным законом «О связи»;

- Объектом налогообложения налога на операторов сети связи общего пользования будут операции, связанные с оказанием услуг связи абонентам и иным пользователям в сети связи общего пользования;

- Налоговая база будет определяться как доходы, полученные в течение налогового периода от оказания услуг связи абонентам и иным пользователям в сети связи общего пользования, за исключением сумм налога на добавленную стоимость, предъявленных абонентам и иным пользователям в сети связи общего пользования в соответствии с главой 21 НК РФ. При этом доходы будут определяться в порядке, установленном законодательством о бухгалтерском учете.

- Налоговым периодом будет – квартал;

- Налоговая ставка будет в размере 1,2 %;

-Налогоплательщик будет исчислять сумму налога самостоятельно как произведение налоговой базы и налоговой ставки;

- Налоговая декларация за истекший налоговый период будет подаваться в налоговый орган по месту учета налогоплательщика не позднее 30-го числа месяца, следующего за истекшим налоговым периодом;

- Налог, подлежащий уплате по итогам налогового периода, будет уплачиваться налогоплательщиком по месту учета в налоговом органе не позднее срока, установленного для подачи налоговой декларации за соответствующий налоговый период;

13) Глава 33-1 «Гостиничный сбор»:

- Гостиничный сбор будет устанавливаться НК РФ и нормативными правовыми актами представительных органов муниципальных образований, а также вводиться в действие и прекращать действовать в соответствии с положениями НК РФ и нормативными правовыми актами представительных органов муниципальных образований и будет обязателен к уплате на территориях этих муниципальных образований;

- В городах федерального значения Москве, Санкт-Петербурге и Севастополе сбор будет устанавливаться НК РФ и соответствующими законами указанных субъектов РФ, вводиться в действие и прекращать действовать в соответствии с НК РФ и законами указанных субъектов РФ и обязателен к уплате на территориях этих субъектов РФ;

- Плательщиками сбора будут организации и физические лица, осуществляющие деятельность по предоставлению гостиничных услуг, услуг по временному размещению и (или) обеспечению временного проживания физических лиц в гостиницах и иных средствах размещения, к которым будут относиться здания, сооружения, помещения, предназначенные для предоставления гостиничных услуг, услуг по временному размещению и (или) обеспечению временного проживания физических лиц, включая объекты санаторно-курортного лечения и отдыха;

- Плательщиками сбора не будут признаваться организации и физические лица, основным видом деятельности которых является организация отдыха и (или) оздоровления детей, индивидуальные предприниматели, применяющие патентную систему налогообложения в отношении деятельности, подлежащей обложению сбором, а также физические лица, перешедшие на специальный налоговый режим «Налог на профессиональный доход»;

- Объектом обложения будет являться использование плательщиками сбора объекта недвижимого имущества для осуществления деятельности по предоставлению гостиничных услуг, услуг по временному размещению и (или) обеспечению временного проживания физических лиц в средствах размещения;

- Периодом обложения гостиничным сбором будет являться – квартал;

- Ставка сбора будет устанавливаться нормативными правовыми актами представительных органов муниципальных образований (законами городов федерального значения Москвы, Санкт-Петербурга и Севастополя) и не будет превышать 100 рублей за одного проживающего физического лица в средстве размещения в день (при этом, допускается установление дифференцированных ставок сбора в зависимости от сезона, категории средства размещения, его назначения и (или) местонахождения);

- Постановка на учет, снятие с учета организации или физического лица в качестве плательщика сбора в налоговом органе будет осуществляться на основании соответствующего уведомления плательщика сбора, представляемого им в налоговый орган по месту осуществления деятельности, указанной в ст. 418^3 НК РФ, либо на основании информации, представленной указанным в п. 2 ст. 418^9 НК РФ уполномоченным органом в налоговый орган;

- Сумма сбора будет исчисляться плательщиком сбора самостоятельно по истечении периода обложения по каждому средству размещения как произведение количества проживающих в нем физических лиц за период обложения, количества дней их проживания и ставки сбора (при определении количества дней проживания не будут учитываться дни заезда в средство размещения и выезда из него);

- В случае представления в налоговый орган информации от указанного в п. 2 ст. 418^9 НК РФ уполномоченного органа о выявленных средствах размещения, в отношении которых в налоговый орган не представлено уведомление о постановке на учет в качестве плательщика сбора или в отношении которых в уведомлении о постановке на учет указаны недостоверные сведения, налоговый орган будет направлять плательщику сбора требование об уплате сбора в срок не позднее 30 дней со дня поступления указанной информации;

- Уплата сбора будет производиться в бюджет по месту осуществления деятельности не позднее 25-го числа месяца, следующего за периодом обложения;

- Плательщики сбора по истечении периода обложения будут представлять в налоговый орган по месту осуществления деятельности расчет сбора не позднее 15-го числа месяца, следующего за периодом обложения;

- При выявлении средств размещения, в отношении которых в налоговый орган не будет представлено уведомление о постановке на учет, уполномоченный орган в течение пяти дней будет составлять акт о выявлении нового средства размещения и направляет указанную информацию в налоговый орган по форме (формату) и в порядке, которые определяются федеральным органом исполнительной власти, уполномоченным по контролю и надзору в области налогов и сборов, в котором будет отражаться информация о средстве размещения, о количестве проживающих в нем физических лиц и периоде их проживания за период обложения, в котором выявлено это средство размещения, и иная информация, необходимая для исчисления сбора. Акты о выявленных средствах размещения могут быть обжалованы плательщиком сбора в порядке, установленном законодательством Российской Федерации;

14) штраф, предусмотренный п. 1 ст. 122 НК РФ, при неуплате или неполной уплате сумм экологического налога, утилизационного сбора, сбора за пользование автомобильными дорогами общего пользования, налога на операторов сети связи общего пользования, гостиничного сбора будет применяться с 1 января 2020 года по 31 декабря 2029 года включительно в размере 10 % от неуплаченной суммы экологического налога, утилизационного сбора;

15) Гостиничный сбор в соответствии с главой 33^1 НК РФ может быть введен в муниципальных образованиях (городах федерального значения Москвы, Санкт-Петербурга и Севастополя) не ранее 1 января 2023 года, после окончания эксперимента по развитию курортной инфраструктуры;

16) Организации и физические лица, осуществлявшие деятельность по предоставлению гостиничных услуг, услуг по временному размещению и (или) обеспече-

нию временного проживания физических лиц в гостиницах и иных средствах размещения в муниципальном образовании (городе федерального значения Москве, Санкт-Петербурге и Севастополе) до введения гостиничного сбора, обязаны будут представить в налоговый орган уведомление о постановке на учет в качестве плательщика гостиничного сбора в течение 30 дней с момента введения гостиничного сбора на соответствующей территории.

Таким образом, включение в систему налогов и сборов РФ таких неналоговых платежей, как сбор за проезд грузовиков массой свыше 12 т (система «Платон»); экологический сбор; утилизационный сбор; плата за негативное воздействие на окружающую среду; обязательные отчисления операторов связи в качестве региональных налогов и сборов, а также гостиничного сбора в качестве местного сбора и детальная регламентация всех обязательных элементов указанных налогов и сборов нам видится правильным в силу того, что большая часть указанных налогов и сборов уже так или иначе взимается на территории РФ, не будучи предусмотренными и регламентированными на законодательном уровне в нарушение принципов Конституции РФ и принципов налогообложения, закрепленных в НК РФ, предусматривающих, что уплате подлежат только законно установленные налоги и сборы, а налоги и сборы, не предусмотренные НК РФ уплате не подлежат. В то же время, необходима более детальная проработка одного из самых наиболее спорных и дискуссионных сборов – гостиничного сбора, с целью, уточнения категорий плательщиков, операторов гостиничного сбора, лиц, которые освобождаются от уплаты гостиничного сбора (например, лица, зарегистрированные на территории определенного субъекта РФ), и лиц, которым предоставляется льгота по уплате гостиничного сбора (например, пенсионеры, инвалиды, дети-инвалиды, многодетные семьи и т.д.), минимальный и максимальный размер ставки сбора, порядок возврата излишне уплаченных сумм сбора, налоговый период, который целесообразно установить в виде – календарного месяца, а не календарного квартала, а также необходимость внесения изменений в Бюджетный кодекс РФ с указанием на то, что средства от уплаты гостиничного сбора идут в местный бюджет, так же, как и необходимо предусмотреть, что 50 % от экологического налога идет в местный бюджет на развитие и поддержание экологического баланса и экологической безопасности соответствующей территории, где осуществляется такая деятельность, которая оказывает негативное воздействие на окружающую среду. Кроме того, при введении сбора за пользование автомобильными дорогами федерального значения общего пользования потребуется выделение значительных дополнительных средств на приобретение соответствующих бортовых устройств или сторонних бортовых устройств, позволяющих определять маршрут движения данного транспортного средства по автомобильным дорогам федерального значения общего пользования, а также средств на оплату услуг операторов, которые будут заниматься администрированием сбора за пользование автомобильными дорогами федерального значения общего пользования. Таким образом, указанные нововведения требуют дальнейшей научной проработки и исследования, анализа практических результатов проведения соответствующих экспериментов, в частности, по уплате курортного сбора, с целью более качественной разработки единой Концепции о введении неналоговых платежей в систему налогов и сборов РФ.

Список литературы

1. Евсикова Е. В. К вопросу о реформировании системы налогов и сборов Российской Федерации в контексте установления и введения курортного сбора / Е. В. Евсикова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. – 2018. – Т. 22. № 3. – С. 385-405.
2. Евсикова Е. В. К вопросу о внесении изменений и дополнений в Закон Республики Крым «Об административных правонарушениях в Республике Крым» в части установления ответственности за нарушение норм Закона Республики Крым «О введении курортного сбора»/ Е. В. Евсикова // Евразийский юридический журнал. – 2018. – № 8 (123). – С. 112-114.
3. Налоговый кодекс Российской Федерации часть первая от 31 июля 1998 г. N 146-ФЗ (с изменениями и дополнениями) и часть вторая от 5 августа 2000 г. N 117-ФЗ (с изменениями и дополнениями). URL: http://base.garant.ru/10900200/1/#block_20001. – Текст электронный.
4. Фаизова Л. Путин одобрил введение пяти новых налогов/ Л. Фаизова. URL: https://narzur.ru/putin-odobril-vvedenie-pjati-novykh-nalogov/. – Текст электронный.
5. Горский И. В. Развитие налоговой системы Российской Федерации : дисс. д-ра эк. наук 08.00.10 / И. В. Горский. – М., 2004. – 342 с.
6. Арсланбекова А.З., Амиров Н.З. Проблемы повышения налоговой культуры населения Дагестана / А. З. Арсланбекова, Н. З. Амиров/ Юридический вестник Дагестанского государственного университета. – 2014. – Вып. 2 . – С. 47-48.
7. Арсланбекова А.З., Лабазанова Д.Б. Меры по повышению налоговой грамотности населения Дагестана / А. З. Арсланбекова, Д. Б. Лабазанова / Юридический вестник Дагестанского государственного университета. – 2015. – Вып. 1. – С. 65-68.
8. Алиева Э. Б. Анализ норм давности привлечения к налоговой ответственности / Э. Б. Алиева / Юридический вестник Дагестанского государственного университета. – 2016. – Вып. 2. – С. 59-63.
9. Федосимов Б.А. Формирование оптимальной налоговой системы России / Б. А. Федосимов // Аудит и финансовый анализ. – 2010. – № 5. – С. 22-39.
10. Евсикова Е. В. курортный сбор в системе налогов и сборов Российской Федерации / Е. В. Евсикова // Юридический вестник ДГУ. – 2018. – Т. 26. № 2. – С. 83-91.
11. Васильева Н. В. Финансово-правовое регулирование публичных доходов в российской Федерации : автореф. дисс. д-ра юрид. наук 12.00.04 / Н. В. Васильева. – М., 2017. – 46 с.
12. Васильева Н. В. Современное состояние системы налогов и сборов: правовой аспект / Н. В. Васильева // Baikal Research Journal. – 2016. – Т. 7. № 2. – С. 54-61.
13. О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации (в части включения отдельных неналоговых платежей в Налоговый кодекс Российской Федерации) : Проект Федерального закона). URL: https://regulation.gov.ru/projects#npa=84496. – Текст электронный.
14. О проведении эксперимента по развитию курортной инфраструктуры в Республике Крым, Алтайском крае, Краснодарском крае и Ставропольском крае : Федеральный закон от 29 июля 2017 года № 214-ФЗ. URL: http://www.garant.ru/hotlaw/federal/1125891/. – Текст электронный.
15. Евсикова Е. В. Проблемы законодательного урегулирования введения курортного сбора в Республике Крым, Алтайском, Краснодарском и Ставропольском краях / Е. В. Евсикова // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. – 2017. – Т. 3 (69). № 2. – С. 143-161.

Evsikova E. V. To the question of modification and additions in the tax law of the Russian Federation regarding inclusion of non-tax payments in the Tax Code / E. V. Evsikova // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2019. – T. 4 (72). № 4. – P. 333-349.

In article the analysis of a concept and ratio of categories "tax system of the Russian Federation" and "system of taxes and fees of the Russian Federation", on a basis is carried out, the author offers the author's concept "system of taxes and fees of the Russian Federation". The author studies the system of taxes and fees of the Russian Federation, proceeding from legislatively fixed levels: federal taxes and fees; regional taxes; local taxes and fees and also investigates the Draft federal law "About Modification of Parts the First and Second the Tax Code of the Russian Federation (regarding Inclusion of Separate Non-tax Payments in the Tax Code of the Russian Federation)" which provides introduction to the system of taxes and fees of the Russian Federation of such non-tax payments as charge for journey of trucks weighing over 12 t (Platon system); ecological collecting; utilization collecting; payment for negative impact on the environment; obligatory assignments of telecom operators as regional taxes and fees and also hotel collecting as local collecting. The author's

position and author's offers concerning inclusion in the Tax Code of the Russian Federation of the considered taxes and fees expresses.

Keywords: System of taxes and fees of the Russian Federation; ecological tax; utilization collecting; payment for negative impact on the environment; Platon system; obligatory assignments of telecom operators; resort collecting; hotel collecting.

Spisok literatury`

1. Evsikova E. V. K voprosu o reformirovanii sistemy` nalogov i sborov Rossijskoj Federacii v kontekste ustanovleniya i vvedeniya kurortnogo sbora / E. V. Evsikova // Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby` narodov. Seriya: Yuridicheskie nauki. – 2018. – T. 22. № 3. – S. 385-405.
2. Evsikova E. V. K voprosu o vnesenii izmenenij i dopolnenij v Zakon Respubliki Kry`m «Ob administrativny`x pravonarusheniyax v Respublike Kry`m» v chasti ustanovleniya otvetstvennosti za narushenie norm Zakona Respubliki Kry`m «O vvedenii kurortnogo sbora»/ E. V. Evsikova // Evrazijskij yuridicheskij zhurnal. – 2018. – № 8 (123). – S. 112-114.
3. Nalogovy`j kodeks Rossijskoj Federacii chast` pervaya ot 31 iyulya 1998 g. N 146-FZ (s izmeneniyami i dopolneniyami) i chast` vtoraya ot 5 avgusta 2000 g. N 117-FZ (s izmeneniyami i dopolneniyami). URL: http://base.garant.ru/10900200/1/#block_20001. – Tekst e`lektronny`j.
4. Faizova L. Putin odobril vvedenie pyati novy`x nalogov/ L. Faizova. URL: https://narzur.ru/putin-odobril-vvedenie-pjati-novykh-nalogov/. – Tekst e`lektronny`j.
5. Gorskij I. V. Razvitie nalogovoj sistemy` Rossijskoj Federacii : diss. d-ra e`k. nauk 08.00.10 / I. V. Gorskij. – M., 2004. – 342 s.
6. Arslanbekova A.Z., Amirov N.Z. Problemy` povy`sheniya nalogovoj kul`tury` naseleniya Dagestana / A. Z. Arslanbekova, N. Z. Amirov/ Yuridicheskij vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2014. – Vy`p. 2 . – S. 47-48.
7. Arslanbekova A.Z., Labazanova D.B. Mery` po povy`sheniyu nalogovoj gramotnosti naseleniya Dagestana / A. Z. Arslanbekova, D. B. Labazanova / Yuridicheskij vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2015. – Vy`p. 1. – S. 65-68.
8. Alieva E`. B. Analiz norm davnosti privlecheniya k nalogovoj otvetstvennosti / E`. B. Alieva / Yuridicheskij vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2016. – Vy`p. 2. – S. 59-63.
9. Fedosimov B.A. Formirovanie optimal`noj nalogovoj sistemy` Rossii / B. A. Fedosimov // Audit i finansovy`j analiz. – 2010. – № 5. – S. 22-39.
10. Evsikova E. V. kurortny`j sbor v sisteme nalogov i sborov Rossijskoj Federacii / E. V. Evsikova // Yuridicheskij vestnik DGU. – 2018. – T. 26. № 2. – S. 83-91.
11. Vasil`eva N. V. Finansovo-pravovoe regulirovanie publichny`x doxodov v rossijskoj Federacii : avtoref. diss. d-ra yurid. nauk 12.00.04 / N. V. Vasil`eva. – M., 2017. – 46 s.
12. Vasil`eva N. V. Sovremennoe sostoyanie sistemy` nalogov i sborov: pravovoj aspekt / N. V. Vasil`eva // Baikal Research Journal. – 2016. – T. 7. № 2. – S. 54-61.
13. O vnesenii izmenenij v chasti pervuyu i vtoruyu Nalogovogo kodeksa Rossijskoj Federacii (v chasti vklyucheniya otdel`ny`x nenalogovy`x platezhej v Nalogovy`j kodeks Rossijskoj Federacii) : Proekt Federal`nogo zakona). URL: https://regulation.gov.ru/projects#npa=84496. – Tekst e`lektronny`j.
14. O provedenii e`ksperimenta po razvitiyu kurortnoj infrastruktury` v Respublike Kry`m, Altajskom krae, Krasnodarskom krae i Stavropol`skom krae : Federal`ny`j zakon ot 29 iyulya 2017 goda № 214-FZ. URL: http://www.garant.ru/hotlaw/federal/1125891/. – Tekst e`lektronny`j.
15. Evsikova E. V. Problemy` zakonodatel`nogo uregulirovaniya vvedeniya kurortnogo sbora v Respublike Kry`m, Altajskom, Krasnodarskom i Stavropol`skom krayax / E. V. Evsikova // Ucheny`e zapiski Kry`mskogo federal`nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Yuridicheskie nauki. – 2017. – T. 3 (69). № 2. – S. 143-161.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2019. – Т. 5 (71). № 4. – С. 350-357.

УДК 342.7

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРАВА НА СВОБОДУ ПЕРЕДВИЖЕНИЯ

Казанцева Е. В.

Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

В статье анализируется закрепленное в международном праве и в Конституции Российской Федерации права на свободу передвижения. Проводится исследование реализации права на свободу передвижения в отраслевом законодательстве Российской Федерации: в гражданском, административном. Изучены законы, постановления Правительства и Конституционного Суда, приказы органов исполнительной власти Российской Федерации. В статье указывается на: существующие неконституционные положения действующих нормативно правовых актов в реализации прав и свобод человека, а также на отсутствие в действующем законодательстве норм, реализующих право на свободу передвижения; на существующие пробелы по регулированию порядка осуществления регистрационного учета. Обращено внимание на то, что уведомление об изменении места пребывания, является не только правом, но и обязанностью каждого гражданина.

Ключевые слова: конституция, регистрационный учет, место пребывания, место жительства, право, обязанность, ответственность, свобода передвижения, гражданин, договор, найм, аренда.

Ценность – это многогранное понятие, которое используется учеными в различных аспектах жизни, в различных науках, а также в различных отраслях права. Само понимание ценности – указывает нам на значение определенными нами объектами или явлениями.

Любое живое существо находится в постоянном движении, и нет сегодня человека, который не мечтал бы о путешествии. И не имеет значения, куда путешествовать в ближайший город или субъект, в соседнее государство или на Северный полюс. Ему, человеку, нужна свобода, нужно право на свободу передвижения.

Права и свобода человека и гражданина, как основы конституционного строя, являются неотъемлемой ценной категорией человека. Одним из самых актуальных и спорных прав, является право на свободу передвижения. Общепринятым и неизменным является то, что нормы международного права, имеют приоритетное правоприменение в регулировании общественных отношений. Не являются исключением и сфера охраны прав и свобод человека. В ст. 13 Всеобщей декларации прав человека (принятой Генеральной Ассамблеей Организаций Объединенных Наций 10.12.1948) и ст. 12 Международного пакта о гражданских и политических правах (принят 16.12.1966 Генеральной Ассамблей Организаций Объединенных Наций) указано: каждый человек имеет право свободно передвигаться и выбирать себе местожительство в пределах каждого государства [1; 7].

Вопросам свободы передвижения, а также регистрационному учету граждан уделялось внимание такими учеными как: Ивановой М. А., Кудрявцевой А. В., Миролюбовой С. Ю. Сергеевым А. А., Шестобаевым О. Н. и другими. Однако ими рассматривались актуальные и спорные вопросы регистрации по месту проживания или пребывания. При этом вопрос реализации конституционной ценности – права

на свободу продвижения, в отраслевом законодательстве остался без внимания, что и является целью нашего исследования.

Основным, правовым актом Российской Федерации, который обладает высшей юридической силой, является Конституция Российской Федерации (12.12.1993 года) (далее – Конституция РФ) [5]. Именно Конституция РФ является базовой конституционной ценность в государстве, в которой закреплены «основные ценности» как человека, общества, государства.

Право на свободу передвижения закреплено законодателем в главе второй, где отображены основные права и свободы человека и гражданина. Определено, что право свободно передвигаться имеет каждый (человек, гражданин), а также каждый имеет право выбрать место пребывания и право выбрать место жительства (ст. 27 Конституции РФ). Следует отметить, что это право приемлемо только при определенных условиях: во-первых, человек или гражданин находится на территории России законно; во-вторых, такое право не распространяется на территории и зоны государства, которые определены Законом Российской Федерации «О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации» от 25.06.1993 № 5242-1 (с изм. и доп. на 03.04.2017) (далее – Закон РФ от 25.06.1993 № 5242-1) [4].

Общеизвестно, что указанные конституционные ценности должны быть реализованы в отраслевом законодательстве, регулирующие те или иные общественные отношения. Рассматривая право на свободу передвижения, необходимо отметить, что оно неразрывно связано с такими понятиями как право на выбор «места жительства» и «места пребывания». Ученые, изучающие историю становления и развития регистрации граждан, в простонародье «прописку», отмечают, что первые упоминания о ней содержатся в Новгородских летописях (XIII век), далее в Соборном уложении (XVII век) и в указах Петра I (XVIII век), именно с этого периода (с XVIII века) порядку регистрации граждан уделяется все больше и больше внимания. Однако, понятие «места пребывая» впервые, на законодательном уровне, возникает только в Законе РФ от 25.06.1993 № 5242-1 (статья 2), в котором законодатель раскрывает это понятие, а также понятие «место жительство». Отметим, что понятие «место жительства» раскрывает и ст. 20 Гражданского кодекса Российской Федерации (часть первая) (далее – ГК РФ (часть первая), но в узком понимании, указав только на его существенный признак: постоянное проживание или преимущественное проживание [2].

Итак, право на свободу передвижения (в том числе и на выбор места пребывания или жительства) на территории России нашло свое отражение в отношении: 1) гражданин России – в Законе РФ от 25.06.1993 № 5242-1; 2) иностранного гражданина – в Федеральном законе от 25.07.2002 № 115-ФЗ (ред. от 19.07.2018) «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» (ст.11 Передвижение иностранных граждан в пределах Российской Федерации) [13] и в Федеральном законе от 18.07.2006 № 109-ФЗ «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации» (ред. от 11.10.2018) [14]. Обращает внимание на себя Федеральный закон от 18.07.2006 № 109-ФЗ «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации», который, в части реализации права на свободу передвижения, согласно Постановления Конституционного суда Российской Федерации № 22-П от 19.07.2017 [10], признан некон-

ституционным. К тому же законодателю надлежало незамедлительно принять необходимые меры по устранению выявленного несоответствия, однако на сегодня изменения не внесены.

Что касается такой категории как беженцы, то анализ законодательства указывает, что в основном документе – Федеральном законе от 19 февраля 1993 г. № 4528-I «О беженцах» [12], нет норм, регулирующих это право, этих норм нет и в иных подзаконных правовых актах. Но ведь беженец, не является ни гражданином государства, ни иностранцем, таком образом, в законодательстве регулирующим отношения с категорией людей как «беженцы», право на свободу передвижения, не реализовано.

Анализ международных актов, Конституции РФ и Закона РФ от 25.06.1993 № 5242-1 показывает, что свобода передвижения – это *«право»*, которое предоставляется каждому человеку. Несмотря на это законодатель, предоставленное право, ущемляет, указывая, что в пределах нашего государства, вводится, по месту пребывания, а также по месту жительства, регистрационный учет всех граждан России. При этом ограничения вводятся в целях: 1) обеспечения необходимых условий для реализации гражданином *«его же прав и свобод»*; 2) исполнения гражданином взятых на себя обязанностей перед другими гражданами, а также государством и обществом. Эти же цели продублированы законодателем и в Правилах регистрации и снятия граждан РФ с регистрационного учета по месту пребывания и по месту жительства в пределах России и перечня лиц, ответственных за прием и передачу в органы регистрационного учета документов для регистрации и снятия с регистрационного учета граждан Российской Федерации по месту пребывания и по месту жительства в пределах Российской Федерации, утвержденные Постановлением Правительства РФ от 17.07.1995 № 713 (ред. от 25.05.2017) (далее – Правила регистрации или снятия с регистрационного учета) [8].

Таким образом, уведомление гражданином о месте своего пребывания, является его обязанностью. На это указывает и Конституционный суд РФ в своем постановлении от 02.02.1998 № 4-П, в котором указано, что в соответствии с установленным Законом РФ № 5242-1 от 25.06.1993 и Правилами регистрации и снятия с регистрационного учета, уведомление является не только правом, но и обязанностью [9]. Странно то, что законодатель ставит «знак равенства» между правом и обязанностью гражданина.

Итак, Закон РФ от 25.06.1993 № 5242-1 и Правила регистрации или снятия с регистрационного учета указывают, что с целью реализации наших прав и свобод вводится регистрационный учет, кратко разберем, что это такое регистрационный учет.

Граждане, которые прибыли в населенный пункт (город, поселок, деревню), которые не являются их постоянным местом жительства, обязаны обратиться в территориальные органы внутренних дел, непосредственно к должностным лицам, в обязанности которых входит осуществление приема и передачи документов в органы регистрационного учета, для осуществления учета. Отметим, что данное императивное указание касается лиц, которые прибывают на срок более чем 90 дней. Общеизвестно и общепринято, что с заявление на совершение каких-либо действий необходимо предоставить «свой пакет документов», он есть и при осуществлении регистрационного учета. Не будем, останавливается на всем перечне необходимых

документов, которые обязаны предоставить граждане, обратим внимание только на некоторых, а именно: 1) документ, который является основанием для временного проживания (договор аренды или субаренды; договор найма или поднайма договор социального найма жилого помещения); 2) заявление лица, которое предоставило гражданину помещение или свидетельство о государственной регистрации права на жилое помещение.

Отметим, что договор найма жилого помещения, в соответствии с п.1 ст. 674 ГК РФ (часть вторая) (форма договора найма жилого помещения), должен заключаться в письменной форме (напомним, что это императивная норма) [3]. А вот согласно п. 1 ст. 609 ГК РФ (часть вторая) (форма и государственная регистрация договора аренды), договор должен быть заключен в письменной форме при условии, если стороной договора выступает юридическое лицо. А также, если граждане снимаю жилое помещение для проживания на срок до одного года, то наниматель и наймодатель должны составлять договор в простой письменной форме, а если срок проживания предусматривает более одного года, договор найма должен пройти государственную регистрацию, в соответствии с требованиями действующего законодательства.

Таким образом, найм (аренда) жилого помещения предусматривает наличие договора в письменной форме, и с этим, на наш взгляд, проблемных или спорных вопросов у граждан не должно возникнуть. Хотя, следует признать, что в реальных жизненных ситуациях, не все наймодатели согласны исполнять указания законодателя и составлять договор, даже в простой письменной форме.

Следующий документ, на который указывает законодатель, и обязан представить гражданин – это свидетельство о государственной регистрации права на жилое помещение, которое передаётся во временное владение и пользование.

Итак, свидетельство о регистрации права на жилое помещение, что это такое? Это документ, который выдавался ранее собственникам недвижимости, и являлся документом, действующим до вступления в законную силу Федерального закона «О государственной регистрации недвижимости» от 13.07.2015 № 218-ФЗ (ред. от 03.08.2018) [15]. На сегодняшний день это выписки из Единого государственного реестра недвижимости.

Однако, несмотря на то что законодательство разрешает всем получить информации о недвижимости, на деле нам (не собственнику недвижимости) отказывают в предоставлении информации или же предоставляют только общую информацию (без указания собственника или сособственников, наличия или отсутствие ограниченного права, а также обременение объекта недвижимости). К тому же выписка из Единого государственного реестра недвижимости предоставляется только на конкретное лицо, которое непосредственно запрашивает информацию, а если информация необходима по определенной недвижимости, то только его собственнику. Возникает вопрос, будет ли наймодатель тратить свое время, чтобы предоставить нанимателю такие сведенья? Мы думаем, что нет. А без свидетельства или выписки, или заявления лица, которое предоставляет жилое помещение, пакет документов не будет полным.

Далее анализируя Закон РФ № 5242-1 от 25.06.1993 и Правила регистрации или снятия с регистрационного учета, необходимо отметить, что они не содержат оснований для отказа в регистрационном учете.

Не так давно принят и действует Административный регламент МВД РФ по предоставлению государственной услуги по регистрационному учету граждан Российской Федерации по месту пребывания и по месту жительства в пределах Российской Федерации, утвержденный Приказом МВД России от 31.12.2017 № 984 (далее – Административный регламент) [11]. В нем, указан перечень оснований для отказа в приеме документов, которые необходимы для предоставления указанных государственных услуг (регистрационного учета), при этом перечень является исчерпывающим. Так, в п. 58.2 Административного регламента, одним из оснований является отсутствие документов, обязательное представление которых предусмотрено непосредственно Административным регламентом.

Анализируя Административный регламент, обращает на себя его отличие от Закона РФ № 5242-1 от 25.06.1993 и от Правил регистрации или снятия с регистрационного учета, которое состоит в следующем указании: предоставить документ, который является основанием для временного проживания в предоставленном жилом помещении, права на которое зарегистрированы в Едином государственном реестре недвижимости. К тому же, данный документ должен быть удостоверен нотариально, или его копии удостоверены нотариально. Но и это не все, при предоставлении договора найма в простой письменной форме, подписи, и собственника, и нанимателя, и заявителя (если он не является стороной договора), должны быть удостоверены лицом, который отвечает за прием и передачу документов в органы, которые обеспечивают регистрационный учет [8].

Таким образом, для необходимости предоставления «полного пакета документов» необходимо нанимателю и наймодателю совместно выделить время (скорее всего целый день) для обращения или к нотариусу, что еще предусматривает дополнительные расходы, или в органы регистрационного учета документов, с целью удостоверения лиц. В случаи несогласия наймодателя уделить время для подготовки документов временного пребывания гражданина, нанимателю в соответствии с Административным регламентом, в регистрации будет отказано (п. 58.2).

Необходимо отметить, что указанный отказ в регистрации противоречит ст. 6 Закона РФ от 25.06.1993 № 5242-1, как это и отмечено в Постановлении Конституционного Суда РФ от 02.02.1998 № 4-П, так для осуществления регистрационного учета достаточно предоставить любой из указанных документов, что в свою очередь указывает на добросовестное исполнение своего права гражданином. А соответственно у представителей органа, осуществляющего регистрационный учет, обязанность (не право) принять предоставленные документы и произвести регистрацию, чем удостоверить свободное волеизъявление гражданина по выбору места пребывания. Далее суд, предвидя, наверное, различные ситуации, определил, что введение дополнительных требований о предоставлении иных, каких-либо, документов могло бы фактически привести к парализации прав на свободу передвижения [9]. Что, собственно говоря, и сделано в Административном регламенте и является неконституционным.

Как известно, за нарушение установленных обязанностей, правил, требований и т.д. законодателем предусматривается ответственность. Так, например, в Кодексе РФ об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ [6], предусмотрена ответственность за проживания гражданина России без регистрации по месту пребывания или по месту жительства (ст. 19.15.1 КРФоАП) и за нарушение

правил регистрации по месту пребывания или по месту жительства в жилом помещении (ст. 19.15.2 КРФоАП). Согласно диспозиции указанных норм, к ответственности могут привлекаться: 1) как собственник, так и наниматель, за нарушение сроков уведомления органов, осуществляющих регистрационный учет, о сроке и месте проживания гражданина; 2) наниматель за то, что он не зарегистрировался по месту пребывания, порядок которого предусмотрен Правилами регистрации или снятия с регистрационного учета (Постановление Правительства РФ от 17.07.1995 № 713). Анализируя ст. 19.15.2 КРФоАП, следует отметить, что согласно примечанию к норме освобождаются от ответственности лица, которые проживает в помещении населенного пункта того же субъекта России, в котором лицо зарегистрировано. Однако, в Правилах регистрации или снятия с регистрационного учета, данное условие, или указание отсутствует, что является пробелом в законодательстве.

Из изложенного выше следует, что регистрационный учет «приобрел» разрешительный характер и соответственно привел к ограничению конституционного права гражданина на выбор места пребывания и выбор места проживания.

Подведя итог можно сделать следующие выводы: спорные, неразрешенные, противоречащие, неконституционные положения в реализации права на свободу передвижения выявлены в следующих правовых актах: Федеральных законах «О беженцах», «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации»; постановлении Правительства РФ; приказе МВД.

Список литературы

1. Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) // Российская газета. – 1995., № 67.

2. Гражданский кодекс РФ (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (в ред. 03.08.2018) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://www.pravo.gov.ru. – Текст электронный.

3. Гражданский кодекс РФ (часть вторая) от 26.01.2006 № 14-ФЗ (ред. от 29.07.2018) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://www.pravo.gov.ru. – Текст электронный.

4. О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации : Закон Российской Федерации от 25.06.1993 № 5242-1 (ред. от 03.04.2017) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://www.pravo.gov.ru. – Текст электронный.

5. Конституция Российской Федерации от 12.12.1993 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://www.pravo.gov.ru. – Текст электронный.

6. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 01.05.2019) (с изм. и доп., вступ. в силу с 12.05.2019) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://www.pravo.gov.ru. – Текст электронный.

7. Международный пакт о гражданских и политических правах (принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-м пленарном заседании Генеральной Ассамблей Организаций Объединенных Наций // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://www.pravo.gov.ru. – Текст электронный.

8. Об утверждении Правил регистрации и снятия граждан Российской Федерации с регистрационного учета по месту пребывания и по месту жительства в пределах Российской Федерации и перечня лиц, ответственных за прием и передачу в органы регистрационного учета документов для регистрации и снятия с регистрационного учета граждан Российской Федерации по месту пребывания и по месту жительства в пределах Российской Федерации : Постановление Правительства РФ от 17.07.1995 № 713 (ред. от 25.05.2017) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://www.pravo.gov.ru. – Текст электронный.

9. По делу о проверке конституционности пунктов 10, 12 и 21 Правил регистрации и снятия граждан Российской Федерации с регистрационного учета по месту пребывания и по месту жительства в пределах Российской Федерации, утвержденных Постановлением Правительства Российской Феде-

рации от 17 июля 1995 г. № 713 : Постановление Конституционного Суда РФ от 02.02.1998 № 4-П // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://www.pravo.gov.ru. – Текст электронный.

10. По делу о проверке конституционности положений части 1 и пункта 2 части 2 статьи 20 Федерального закона «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации» в связи с жалобами граждан США Н. Д. Вордена и П. Д. Олдхэма : Постановление Конституционного Суда РФ от 19 июля 2017 г. № 22-П // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://www.pravo.gov.ru. – Текст электронный.

11. Об утверждении Административного регламента Министерства внутренних дел Российской Федерации по предоставлению государственной услуги по регистрационному учету граждан Российской Федерации по месту пребывания и по месту жительства в пределах Российской Федерации: Приказ МВД России от 31.12.2017 № 984 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://www.pravo.gov.ru. – Текст электронный.

12. О беженцах : Федеральный закон от 19 февраля 1993 г. № 4528-I // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://www.pravo.gov.ru

13. О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации: Федеральный закон от 25.07.2002 № 115-ФЗ (ред. от 1. – Текст электронный.9.07.2018) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://www.pravo.gov.ru. – Текст электронный.

14. О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации: Федеральный закон от 18.07.2006 № 109-ФЗ (ред. от 11.10.2018) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://www.pravo.gov.ru. – Текст электронный.

15. О государственной регистрации недвижимости : Федеральный закон от 13.07.2015 № 218-ФЗ (ред. от 03.08.2018) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://www.pravo.gov.ru. – Текст электронный.

Kazantseva E. V. The realization of the right to freedom of movement / E. V. Kazantseva // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2019. – T. 4 (72). № 4. – P. 350-357.

The article analyzes the right to freedom of movement enshrined in international law and in the Constitution of the Russian Federation. A study of the implementation of the right to freedom of movement in the sectoral legislation of the Russian Federation: civil, administrative. Laws, decisions of the Government and the constitutional Court, orders of Executive authorities of the Russian Federation are studied. The article points to: the existing unconstitutional provisions of the existing legal acts in the implementation of human rights and freedoms, as well as the lack of existing legislation implementing the right to freedom of movement; the existing gaps in the regulation of the procedure for registration. Attention is drawn to the fact that notification of change of place of stay is not only a right but also a duty of every citizen.

Keywords: Constitution, registration, place of residence, place of residence, right, duty, responsibility, freedom of movement, citizen, contract, employment, rent.

Spisok literatury`

1. Vseobshhaya deklaraciya prav cheloveka (prinyata General`noj Assambleej OON 10.12.1948) // Rossijskaya gazeta. – 1995., № 67.

2. Grazhdanskij kodeks RF (chast` pervaya) ot 30.11.1994 № 51-FZ (v red. 03.08.2018) // Oficial`ny`j internet-portal pravovoj informacii. URL: http://www.pravo.gov.ru. – Tekst e`lektronny`j.

3. Grazhdanskij kodeks RF (chast` vtoraya) ot 26.01.2006 № 14-FZ (red. ot 29.07.2018) // Oficial`ny`j internet-portal pravovoj informacii. URL: http://www.pravo.gov.ru. – Tekst e`lektronny`j.

4. O prave grazhdan Rossijskoj Federacii na svobodu peredvizheniya, vy`bor mesta preby`vaniya i zhitel`stva v predelax Rossijskoj Federacii : Zakon Rossijskoj Federacii ot 25.06.1993 № 5242-1 (red. ot 03.04.2017) // Oficial`ny`j internet-portal pravovoj informacii. URL: http://www.pravo.gov.ru. – Tekst e`lektronny`j.

5. Konstituciya Rossijskoj Federacii ot 12.12.1993 // Oficial`ny`j internet-portal pravovoj informacii. URL: http://www.pravo.gov.ru. – Tekst e`lektronny`j.

6. Kodeks Rossijskoj Federacii ob administrativny`x pravonarusheniyax ot 30.12.2001 № 195-FZ (red. ot 01.05.2019) (s izm. i dop., vstup. v silu s 12.05.2019) // Oficial`ny`j internet-portal pravovoj informacii. URL: http://www.pravo.gov.ru. – Tekst e`lektronny`j.

7. Mezhdunarodny`j pakt o grazhdanskix i politicheskix pravax (prinyat 16.12.1966 Rezolyuciej 2200 (XXI) na 1496-m plenarnom zasedanii General`noj Assamblej Organizacij Ob``edinenny`x Nacij // Oficial`ny`j internet-portal pravovoj informacii. URL: http://www.pravo.gov.ru. – Tekst e`lektronny`j.

8. Ob utverzhdenii Pravil registracii i snyatiya grazhdan Rossijskoj Federacii s registracionnogo ucheta po mestu preby`vaniya i po mestu zhitel`stva v predelax Rossijskoj Federacii i perechnya licz, otvetstvenny`x za priem i peredachu v organy` registracionnogo ucheta dokumentov dlya registracii i snyatiya s registracionnogo ucheta grazhdan Rossijskoj Federacii po mestu preby`vaniya i po mestu zhitel`stva v predelax Rossijskoj Federacii : Postanovlenie Pravitel`stva RF ot 17.07.1995 № 713 (red. ot 25.05.2017) // Oficial`ny`j internet-portal pravovoj informacii. URL: http://www.pravo.gov.ru. – Tekst e`lektronny`j.

9. Po delu o proverke konstitucionnosti punktov 10, 12 i 21 Pravil registracii i snyatiya grazhdan Rossijskoj Federacii s registracionnogo ucheta po mestu preby`vaniya i po mestu zhitel`stva v predelax Rossijskoj Federacii, utverzhdenny`x Postanovleniem Pravitel`stva Rossijskoj Federacii ot 17 iyulya 1995 g. № 713 : Postanovlenie Konstitucionnogo Suda RF ot 02.02.1998 № 4-P // Oficial`ny`j internet-portal pravovoj informacii. URL: http://www.pravo.gov.ru. – Tekst e`lektronny`j.

10. Po delu o proverke konstitucionnosti polozhenij chasti 1 i punkta 2 chasti 2 stat`i 20 Federal`nogo zakona «O migracionnom uchete inostranny`x grazhdan i licz bez grazhdanstva v Rossijskoj Federacii» v svyazi s zhalobami grazhdan SShA N. D. Vordena i P. D. Oldxe`ma : Postanovlenie Konstitucionnogo Suda RF ot 19 iyulya 2017 g. № 22-P // Oficial`ny`j internet-portal pravovoj informacii. URL: http://www.pravo.gov.ru. – Tekst e`lektronny`j.

11. Ob utverzhdenii Administrativnogo reglamenta Ministerstva vnutrennix del Rossijskoj Federacii po predostavleniyu gosudarstvennoj uslugi po registracionnomu uchetu grazhdan Rossijskoj Federacii po mestu preby`vaniya i po mestu zhitel`stva v predelax Rossijskoj Federacii: Prikaz MVD Rossii ot 31.12.2017 № 984 // Oficial`ny`j internet-portal pravovoj informacii. URL: http://www.pravo.gov.ru. – Tekst e`lektronny`j.

12. O bezhenczax : Federal`ny`j zakon ot 19 fevralya 1993 g. № 4528-I // Oficial`ny`j internet-portal pravovoj informacii. URL: http://www.pravo.gov.ru

13. O pravovom polozhenii inostranny`x grazhdan v Rossijskoj Federacii: Federal`ny`j zakon ot 25.07.2002 № 115-FZ (red. ot 1. – Tekst e`lektronny`j.9.07.2018) // Oficial`ny`j internet-portal pravovoj informacii. URL: http://www.pravo.gov.ru. – Tekst e`lektronny`j.

14. O migracionnom uchete inostranny`x grazhdan i licz bez grazhdanstva v Rossijskoj Federacii: Federal`ny`j zakon ot 18.07.2006 № 109-FZ (red. ot 11.10.2018) // Oficial`ny`j internet-portal pravovoj informacii. URL: http://www.pravo.gov.ru. – Tekst e`lektronny`j.

15. O gosudarstvennoj registracii nedvizhimosti : Federal`ny`j zakon ot 13.07.2015 № 218-FZ (red. ot 03.08.2018) // Oficial`ny`j internet-portal pravovoj informacii. URL: http://www.pravo.gov.ru. – Tekst e`lektronny`j.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2019. – Т. 5 (71). № 4. – С. 358-363.

УДК 342.09

ОСОБЕННОСТИ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ФОРМЫ ЗАЩИТЫ ПРАВ

Лусегенова З. С.

Ростовский филиал Российского государственного университета правосудия

Предмет научного исследования – идея особенностей процессуальной формы административного судопроизводства, ее предназначения через выполняемые государством функции.

Цели исследования – определение нормотворческой и правоприменительной матрицы формы судебной защиты прав и законных интересов граждан, общества и государства в публичной сфере.

Методология и методика исследования - структурно-функциональный анализ деятельности судов по отправлению правосудия в форме административного судопроизводства.

В результате исследования можно сформулировать следующий вывод – процессуальная форма административного судопроизводства является разновидностью общего судебного контроля. Гармоничной природе административных дел и дел из публичных отношений является процессуальная форма защиты прав в виде обжалования незаконных действий администрации.

Ключевые слова: процессуальная форма административного судопроизводства, правовая природа процессуальной формы административного судопроизводства, подобие процессуальной формы конституционного и административного судопроизводства, судебный нормоконтроль, особенности административного судопроизводства, правосудие по делам административного судопроизводства.

Изменилась правовая картина мира, произошла интеграция традиционных отраслей права, конституционное и гражданское право приобрели черты управленческого, административного. Гражданский Кодекс РФ одновременно стал законом о публичных потребностях и публичным актом о частных потребностях. Публичное в правовом регулировании стало представляться суммарным отображением частного, а частное – частью целого, публичного. Особенно ярко эти процессы отразились на современных административных процессуальных отношениях, решающих одновременно задачи реализации частных и публичных субъективных потребностей-целей. Главным для административной процессуальной формы стала процедура рассмотрения споров, в рамках которой должен учитываться публичный характер прав и обязанностей сторон. Разница в весовых категориях участников спора, в случае необходимости, должна компенсироваться предоставлением невластной стороне возможностей для сбора доказательств и аргументации своей позиции, указывает Серков П. П. в монографии, посвященной современному правопониманию сущности правоотношений [1, с. 270]. Попытки разграничить понятия административный процесс, управленческий процесс, административно-процессуальная деятельность, административное судопроизводство, породили многочисленные острые научные дискуссии, затрагивающие сферу защиты прав граждан при осуществлении государством властных полномочий [2, с. 170].

Тихомиров Ю. А. считает, что дискуссия о природе административного судопроизводства, затрагивает, прежде всего, вопросы о правосудии и судебной власти, вопросы законности в государственном управлении. Правосудие в современном

правоведении рассматривается как направление государственной деятельности, как деятельность органов особого рода, к субъектам которой предъявляются специальные требования. Правосудие по делам административного судопроизводства рассматривается как система взаимодействия субъектов судебной власти с иными субъектами государственной деятельности.

В административном судопроизводстве наиболее целостно отображается, как государство выполняет свои функции. Соответственно, суду надлежит решить задачу – как оценивать результаты оспариваемой, или обжалуемой государственной деятельности. В связи с этим настоящее исследование проведено на основе структурно-функционального анализа деятельности судов по отправлению правосудия в форме административного судопроизводства [2, с. 169].

Такой подход предопределил предмет научного исследования – особенности судебной деятельности по рассмотрению и разрешению споров в публичной сфере как специфической функциональной системы, состоящей из нормативных, организационных, инструментальных и социальных структурных элементов.

Структурно-функциональный метод исследования административного судопроизводства как процессуальной формы включает: 1) структурный анализ формы осуществления государственной защиты прав и законных интересов граждан, общества, государства в публичной сфере; 2) функциональный анализ, направленный на выявление функций отдельных элементов такой государственной деятельности; 3) комплексный анализ правосудной деятельности, основанный на исследовании ее структурных элементов.

Функционалистское понимание административного судопроизводства ставит на первое место вопрос о государстве как инициаторе принудительности в праве. Опираясь на следующие исходные положения современной доктрины государственного управления: 1) государство ответственно за реализацию и достижение публичных целей, выдвигаемых как гражданским обществом, так и самим государством; 2) цели государства направлены на удовлетворение индивидуальных, национальных и общечеловеческих солидарных интересов; 3) способы достижения таких целей подразделяются на пять основных отраслей управления (дела иностранные, военные, внутренние, финансовые и юстиция); 4) функции современных государств подразделяются на политическую, экономическую, социальную, идеологическую и международную; 5) каждая функция подразделяется на подфункции применительно к отраслям и секторам государственного воздействия; 6) подфункции подразделяются на нормативно установленные задачи, статусы и компетенции государственных институтов и органов; 7) нормативные задачи государства включают: определение меры и формы государственного воздействия на общественные процессы, регулятивное воздействие административно-правовых норм на деятельность органов и поведение людей, осуществление управленческого процесса и административно-процессуальной деятельности [2, с. 170], приходим к выводу, что административное судопроизводство в общей системе государственного управления выполняет функцию социального института защиты прав граждан в публичной сфере, обеспечивающего базовые потребности общества – обеспечение безопасности и правопорядка.

Правовое регулирование административного судопроизводства. Административное судопроизводство в узком смысле представляет процессуальный порядок

рассмотрения и разрешения административных дел, урегулированный нормами Кодекса Административного судопроизводства РФ (КАС РФ), а в широком смысле к КАС РФ следует добавить нормы АПК РФ и КоАП РФ, также регулирующие производство по делам из административных и иных публичных правоотношений. Механизм законодательного регулирования административного судопроизводства должен основываться на идее-потребности о соответствии процессуальных форм целям применения закона. Только развитая процессуальная форма административного судопроизводства будет гарантией высокого уровня правосудия, что требует тщательно регламентированного процессуального порядка [3, с. 626].

Родовые признаки административного судопроизводства основаны на сходстве общих положений процессуальных норм (ГПК РФ, АПК РФ, КАС РФ, ФКЗ о Конституционном Суде РФ). Обособление проявляется в содержании задач каждого вида судопроизводства, регулятивном потенциале процессуальной формы, заложенном в особенностях рассмотрения отдельных категорий дел. Четкое разделение административно-правовых и гражданско-правовых споров помогло бы запрограммировать оптимальные процессуальные формы разрешения этих споров. Российское законодательство не содержит легально установленных способов защиты прав в публичной сфере. В Гражданском Кодексе РФ (ст. 12, 13) указаны в числе двенадцати способов защиты два способа защиты гражданских прав, нарушенных нормативными, или ненормативными правовыми актами органов государственной власти или органов местного самоуправления: 1) признание таких актов недействительными по причине их несоответствия закону, или иным правовым актам; и 2) неприменение судом при разрешении дел акта государственного органа, или органа местного самоуправления, противоречащего закону.

Безусловно, в гражданском законодательстве речь идет о способах защиты именно гражданских прав. В тоже время, представляется возможным сделать вывод, что на законодательном уровне различаются судебный нормоконтроль, как рассмотрение дел об оспаривании нормативных правовых актов и судебная проверка, в результате которой нормативно-правовой акт не подлежит применению, как самостоятельные виды судебной деятельности [4, с. 61].

Никитин С. В. подчеркивает дуалистический характер судебной деятельности по контролю за нормативными правовыми актами, как основополагающей функции судебной власти – отправления правосудия, и как правовой формы функционирования судебной власти, формы реализации функции правосудия [5, с. 8-11]. При таком подходе административное судопроизводство совпадает с конституционным судопроизводством, поскольку, суд в обоих случаях осуществляет контрольные функции. По сути, категории судебный нормоконтроль и конституционный контроль в сфере нормотворчества соотносятся как общая и специальная правовые категории [5, с. 92-96]. Однако, контрольные полномочия Конституционного Суда отличаются от контрольных полномочий судов общей юрисдикции. Овсепян Ж. И. указывает на различия между ними по виду правосудия, по уровню объектов нормоконтроля [6, с. 138-140]. Для Конституционного Суда – это исключительно нормоконтроль, для судов общей юрисдикции, контроль правоприменения, правозащитная и правоохранительная деятельность. Различия в конституционном судопроизводстве и административном судопроизводстве заключаются в объектах проверки. В первом случае это проверка соответствия федеральных законов и законодательства субъектов РФ

Конституции РФ, а во втором – проверка соответствия подзаконных актов федеральному закону. Кроме того, контрольные полномочия судов различаются по сфере юрисдикции, их компетенции. Если компетенция конституционных судов на законодательном уровне сформулирована четко, то определение компетенции судов общей юрисдикции по рассмотрению публичных споров по правилам КАС РФ четких законодательных границ не имеет.

Теоретиками права и судебными практиками предлагаются следующие способы определения компетенции судов общей юрисдикции по административному судопроизводству: 1) общий – через понятие административное дело, 2) особый – по категориям дел, относящимся к предмету административного судопроизводства и категориям дел, исключенным из такого списка, 3) специальный – по наличию в составе лиц, участвующих в деле субъекта носителя властных полномочий и по отраслевой правовой идентичности материально-правовых отношений. Верховный Суд РФ указал на еще один критерий компетенции суда в рамках административного судопроизводства – вид основного права, подлежащего защите. Следовательно, по правилам КАС РФ осуществляется защита личных и политических прав, а социально-экономический блок защищается в гражданском и арбитражном порядках [6].

Судебное толкование административного судопроизводства. Особенности процессуальной формы судебной защиты прав в публичной сфере ярко проявляются на основе рассмотрения эталонного образца административных и административно-процессуальные правоотношений, описанного теоретиками и практиками права. Серков П. П. отмечает сложный характер современных административных правоотношений, которые с одной стороны возникают в сфере функционирования исполнительной власти, а с другой стороны регулируют отношения, выходящие за пределы властных отношений. Это отношения между гражданами, от поведения которых зависит возможность соблюдения требований административно-правовых норм, безопасность других лиц. Субъективные потребности в административных правоотношениях имеют цели иной правовой природы. Каждое из административных правоотношений наполнено индивидуальным содержанием. Именно государство выступает подлинно ответственным субъектом механизма административных правоотношений, а органы государственной власти осуществляют управление от его имени. Действенный потенциал организации благополучия общественной жизни зависит от процессуальной формы защиты прав в административных правоотношениях. Отсутствие критериев, позволяющих отличать административные правоотношения от других, по мнению Серкова П. П., не подтверждает их сущностную новизну. Идентификация административных правоотношений, сомнения по поводу властного характера административных правоотношений, обосновываются тем, что граждане имеют намерение материализовать свои потребности-цели, а органы публичной власти и должностные лица таких потребностей иметь не могут. Только у государства есть родовая обязанность. Обязанности стоят на первом месте в технологии каждого акта управления. Служебные обязанности должностных лиц превалируют над служебными правами. Серков П. П. приходит к выводу, что властные полномочия предоставляются должностному лицу для исполнения родовой обязанности государства. Исполнение родовой обязанности государства является главной задачей, а правомочия являются способом ее решения. Власть принадлежит государству, должностные лица осуществляют конкретные административные правоот-

ношения не по собственному усмотрению, а в соответствии с механизмом служебных отношений. Самовластие должностных лиц не подтверждается в механизме административных правоотношений. Не обладание властными полномочиями, а распоряжение властными полномочиями по единой универсальной методологии механизма административных правоотношений – критерий судебной оценки государственной деятельности. В административных правоотношениях должны соблюдаться паритетные обязанности субъектов, в противном случае, имеют место отклонения от точного исполнения государственного волеизъявления.

Таким образом, административное судопроизводство представляет собой системный контроль деятельности должностных лиц, с использованием сугубо юридических характеристик. Ресурс властности недостаточно делить по критериям вмешательства и оказания услуг. Оценка деятельности органов публичной власти должна производиться через призму объектов-целей государственной деятельности, которые должны были быть достигнуты, но фактически не достигнуты. Следует отметить, что Серков П. П. описал модели эталонных административных и административно-процессуальных отношений, существенно отличающихся от юридической реальности. Идея оценки судом управленческой деятельности при разрешении споров в форме административного судопроизводства на основе сравнения с эталонным образцом поведения властного субъекта и выявление последствий неполученных результатов имеет важнейшее значение для судебной практики.

Выводы. Судоустройство и судопроизводство имеют существенное значение для результата правосудия – вынесение от имени государства решения по конкретному спору. Право суда выступать в качестве арбитра в публично-правовой сфере по делам с участием органов государственной власти является выполнением социальной функции государства.

Гармоничной природе административных дел и дел из публичных отношений является процессуальная форма защиты прав в виде обжалования незаконных действий администрации. Институциональная конкуренция между гражданским и административным судопроизводством, производством по делам об административных правоотношениях может быть преодолена на основе доктринального толкования особенностей административной процессуальной формы [3, с. 625]. Развитие административного судопроизводства должно осуществляться не фрагментарно, а системно с созданием административных судов [2, с. 271].

Список литературы

1. Серков П.П. Правоотношение (Теория и практика современного правового регулирования): монография: в трех частях / П. П. Серков. – М. : Норма, 2018. – 847 с.

2. Тихомиров Ю. А. Государство: монография / Ю. А. Тихомиров. – М. : Норма: ИНФРА-М, 2016. – 546 с.

3. Лебедев В. М., Хабриева Т. Я., Автономов А. С. и др.; Правосудие в современном мире: монография /под редакцией В. М. Лебедева, Т. Я. Хабриевой. – М. : Норма, 2018. – 832 с.

4. Шуберт Т. Э. Роль доктрины в законотворчестве и правоприменении (на примере Конституционного Суда Российской Федерации) / Т. Э. Шуберт // Журнал Российского права. – 2017. – № 2. – С. 15-24.

5. Никитин С. В. Судебный контроль за нормативными правовыми актами в гражданском и арбитражном процессе / С. В. Никитин. – М. : РАП, 2009. – 300 с.

6. Овсепян Ж. И. Кодекс Административного Судопроизводства Российской Федерации: о подведомственности (межсистемной подсудности) административных дел, связанных с защитой нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов граждан, прав и законных интересов организаций / Ж. И. Овсепян // Пробелы в Российском законодательстве. – 2017. – № 3. – С. 138-140.

Lusegenova Z. S. Features of the administrative procedural form of protection of rights / Z. S. Lusegenova // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2019. – T. 4 (72). № 4. – P. 358-363.

The subject of scientific research is the idea of the features of the procedural form of administrative proceedings, its purpose through the functions performed by the state.

The objectives of the study are to determine the rule-making and law enforcement matrix of the form of judicial protection of the rights

The research methodology and methodology is a structurally functional analysis of the activities of courts in the administration of justice in the form of administrative proceedings.

As a result of the study, the following conclusion can be formulated - the procedural form of administrative proceedings is a type of general judicial control. The harmonious nature of administrative cases and cases of public relations is a procedural form of protection of rights in the form of appeal against illegal actions of the administration.

Keywords: procedural form of administrative legal proceedings, legal nature of the procedural forms of administrative legal proceedings, similarity of the procedural forms of constitutional and administrative legal proceedings, judicial normative control, features of administrative legal proceedings, justice in administrative legal proceedings.

Spisok literatury`

1. Serkov P.P. Pravootnoshenie (Teoriya i praktika sovremennogo pravovogo regulirovaniya): monografiya: v trex chastyax / P. P. Serkov. – M. : Norma, 2018. – 847 s.

2. Tixomirov Yu. A. Gosudarstvo: monografiya / Yu. A. Tixomirov. – M. : Norma: INFRA-M, 2016. – 546 s.

3. Lebedev V. M., Xabrieva T. Ya., Avtonomov A. S. i dr.; Pravosudie v sovremennom mire: monografiya /pod redakciej V. M. Lebedeva, T. Ya. Xabrievoj. – M. : Norma, 2018. – 832 s.

4. Shubert T. E`. Rol` doktriny` v zakonotvorchestve i pravoprimenenii (na primere Konstitucionnogo Suda Rossijskoj Federacii) / T. E`. Shubert // Zhurnal Rossijskogo prava. – 2017. – № 2. – S. 15-24.

5. Nikitin S. V. Sudebny`j kontrol` za normativny`mi pravovy`mi aktami v grazhdanskom i arbitrazhnom processe / S. V. Nikitin. – M. : RAP, 2009. – 300 s.

6. Ovsepyan Zh. I. Kodeks Administrativnogo Sudoproizvodstva Rossijskoj Federacii: o podvedomstvennosti (mezhsistemnoj podsudnosti) administrativny`x del, svyazanny`x s zashhitoj narushenny`x ili osparivaemy`x prav, svobod i zakonny`x interesov grazhdan, prav i zakonny`x interesov organizacij / Zh. I. Ovsepyan // Probely` v Rossijskom zakonodatel`stve. – 2017. – № 3. – S. 138-140.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2019. – Т. 5 (71). № 4. – С. 364-370.

УДК 342.9

АДМИНИСТРАТИВНЫЙ АРЕСТ КАК ВИД АДМИНИСТРАТИВНОГО НАКАЗАНИЯ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ КОНЦЕПЦИИ НОВОГО КоАП РФ

Равнюшкин А. В.

Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

В виду проводимой кардинальной реформы законодательства Российской Федерации об административных правонарушениях, пересмотра всей системы административных наказаний возникла потребность проанализировать эффективность применения административного ареста как такового. Вопреки мнению о слабой результативности данного вида административного наказания и необходимости его отмены, в статье обосновывается целесообразность дальнейшего его существования. Принятая Правительством Российской Федерации Концепция нового КоАП РФ хотя и содержит отдельные положения, регулирующие порядок применения административного ареста, однако являются явно недостаточными. В статье содержится ряд предложений по нормативно-правовому совершенствованию административного ареста, повышения карательной и воспитательной составляющих эффективности его применения в целях предупреждения совершения новых административных правонарушений.

Ключевые слова: административная ответственность, административное наказание, административный арест, категории административных правонарушений, концепция, законодательство об административных правонарушениях.

21 марта 2019 года на заседании Правительства Российской Федерации Председатель Правительства Российской Федерации Д.А. Медведев с целью актуализации и систематизации правового регулирования в области административной ответственности дал поручение Минюсту России совместно с Минэкономразвития России и с участием заинтересованных органов государственной власти и экспертных организаций подготовить и до 1 июня 2019 года представить в Правительство Российской Федерации Концепцию нового кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) [1].

4 апреля 2019 года Правительством Российской Федерации издается распоряжение № 631-р об образовании межведомственной рабочей группы по подготовке нового КоАП РФ и утверждается ее состав [2].

5 июня 2019 года на совещании у Председателя Правительства Российской Федерации Медведева Д. А. представленная Концепция нового КоАП РФ в целом была одобрена и 10 июня 2019 года опубликована на официальном сайте Правительства [3].

Решения Правительства Российской Федерации по подготовке нового КоАП РФ является вполне ожидаемыми. Как указано во введении данной Концепции, «назрела объективная необходимость научного осмысления и анализа сложившейся за эти годы практики его применения, а также критической оценки эффективности его норм с учетом внесенных многочисленных изменений, конституционных требований» [4]. КоАП РФ большинством экспертов признан устаревшим из-за многочисленных и бессистемных изменений (более 4,8 тысяч за 17 лет). Это касается составов административных правонарушений, а также видов, размеров, сроков и по-

рядка назначения и исполнения административных наказаний. Действительно, развитие современной системы федерального законодательства в различных областях влечет необходимость адекватного регулирования и законодательства об административных правонарушениях.

Со всеми приведенными во введении данной Концепции причинами, основаниями и целями создания нового КоАП РФ нельзя не согласиться. Концепция предусматривает разделение административного законодательства на материальное и процессуальное, направлена на совершенствование процедуры рассмотрения дел и обеспечение адекватности наказания совершённому правонарушению. Кардинальное изменение КоАП РФ влечет за собой необходимость уточнения административно-юрисдикционных полномочий судов и органов исполнительной власти.

Одним словом, концепция, определяющая принципы нового закона, принята. Тем не менее, по поводу подготовки нового КоАП РФ возникают вопросы как у правоприменителей, так и у научной общественности. Отрадно, что в Концепции прямо указано, что ею «не ставится задача ограничить дальнейшую дискуссию по вопросам реформы законодательства Российской Федерации об административных правонарушениях, в связи с чем содержащиеся в ней подходы могут быть изменены в ходе работы над текстом нового Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» [4].

Вскоре, 20 июня 2019 года в Научном центре безопасности дорожного движения МВД России состоялась приуроченная к 45-летию образования Научного центра Международная научно-практическая конференция «Наука и практика в обеспечении безопасности дорожного движения: вчера, сегодня, завтра». Как отмечено на официальном сайте Научного центра безопасности дорожного движения МВД России, в работе конференции приняли участие руководители российской Госавтоинспекции, представители аналогичных служб стран СНГ, международных организаций, научного сообщества, профессиональных объединений, общественных формирований. Помимо совершенствования системы государственного учета основных показателей безопасности дорожного движения важной темой дискуссии стало и рассмотрение новой концепции КоАП РФ [5].

Особое внимание заслуживает мнение начальника Административно-правового управления Договорно-правового департамента МВД России Газизова Д. А. о необходимости отказа от такого вида административного наказания как административный арест. По приведенным им данным, мест для содержания арестованных не хватает, в России 222 спецприемника и 1,5 тыс. изоляторов, но они есть не в каждом субъекте федерации и не в каждом районе. В 2018 году МВД потратило из бюджета 3,8 млрд руб. на содержание арестованных. Однако 70% сроков, назначаемых судами административных арестов, не превышают 1-3 суток. По мнению Газизова Д. А., в данном виде наказания нет смысла [6].

По данным ГИАЦ МВД России за 2018 год по всей России судебными органами по результатам рассмотрения дел об административных правонарушениях вынесено 696 029 решений об административном аресте. Из них: на 1-5 суток – 483 869 решений, на 6-10 суток – 150 542 решения, на более 10 суток – 61 618 решений [7]. За январь – июнь 2019 года всего по России судами вынесено решений по делам об административном правонарушении о назначении административного ареста – 354 030. Из них: на 1-5 суток – 242 583 решений, на 6-10 суток – 79 189 решения, на

более 10 суток – 32 258 решений [8]. Таким образом, информация о том, что 70% сроков, назначаемых судами административных арестов, не превышают 1–3 суток, подтверждается и статистическими данными ГИАЦ МВД России.

Детально как отдельный вид административного наказания административный арест в Концепции не рассматривается. Например, в пункте 2.4.3.6. указано, что в целом должны быть предусмотрены особенности назначения отдельных видов административных наказаний, а также случаи и условия освобождения от наказаний, отсрочки наказания, рассрочки выплаты административных штрафов, порядок и случаи замены одного вида административного наказания другим видом административного наказания. В тоже время в пункте 2.5.6 Концепции указывается о необходимости закрепления в качестве дополнительных оснований для освобождения от данного вида наказания исключительных личных обстоятельств: тяжелое заболевание (состояние здоровья), смерть близкого родственника или близкого лица либо чрезвычайная ситуация, причинившая значительный материальный ущерб лицу, подвергнутому административному аресту, или его семье [4].

Таким образом, разработчики Концепции не отказываются от административного ареста как вида административного наказания. По нашему мнению, следует предусмотреть административный арест и межведомственной рабочей группе по подготовке нового КоАП РФ.

Административный арест в системе административных наказаний занимает существенное, исключительное место и состоит в содержании нарушителя в условиях изоляции от общества в предназначенных для этой цели учреждениях, на срок, определяемый судьей на основе действующего законодательства [9, с. 4]. По существу, административный арест является одним из самых строгих видов административных наказаний, которое должно причинять правонарушителю отрицательные последствия. Административный арест обращается на личность правонарушителя, является мерой, оказывающей физической воздействие, ограничивающей личные свободы, как наказание – длящееся, растянутое по времени, и применяемое только в отношении физических лиц. Следует согласиться с тем, что, несмотря на исключительность данной меры, административный арест стал все чаще фигурировать в санкциях статей Особенной части КоАП РФ [10, с. 10]. Однако необходимо добиться повышения карательной и воспитательной составляющих эффективности его применения для предупреждения совершения новых административных правонарушений.

В целях повышения эффективности применения административного ареста представляется целесообразным изменить, вернее, увеличить нижний предел административного ареста – от 7 суток. Кроме того, чтобы переломить судебную практику в сторону увеличения реальных сроков при назначении административного ареста необходимо законодательно закрепить, что производство по административным правонарушениям, по которым предусмотрен административный арест, возбуждается при наличии потерпевшего (потерпевших) и по их заявлению. Административный арест назначается при наличии перечисленных в ст. 4.3 КоАП РФ таких отягчающих обстоятельств как продолжение противоправного поведения, вовлечение несовершеннолетнего в совершение административного правонарушения, наличии сведений о привлечении правонарушителя к ответственности за совершение однородного правонарушения. Действительно, представляется целесообразным

должностным лицам органов внутренних дел направлять дела об административных правонарушениях на рассмотрение в суд «только при наличии убежденности, исходя их характера правонарушения, личности правонарушителя, и обстоятельств его нарушения, что к данному лицу будет применено административное наказание в виде административного ареста» [11, с. 54].

Нерешенной является проблема доставления правонарушителя в суд для рассмотрения дела об административном правонарушении, влекущем одну из мер наказания административный арест. Как справедливо отмечено, доставление нарушителя для судебного разбирательства и принятия решения КоАП РФ не предусмотрено, закон не предусматривает и возможности задержания всех лиц, в отношении которых возбуждено дело об административном правонарушении и одной из санкций предусмотрен административный арест [12, с. 57]. В новом КоАП РФ следует предусмотреть правовую норму, регламентирующую доставление лица, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, влекущем одну из мер административного наказания административный арест, в суд.

В действующем КоАП РФ относительно исполнения административного наказания остается существенное противоречие: с одной стороны, согласно ст. 31.3 КоАП РФ постановление подлежит исполнению с момента вступления его в законную силу, с другой — постановление об административном аресте должно быть исполнено органами внутренних дел немедленно после его вынесения (ст. 32.8 КоАП РФ) что, по сути, является нарушением конституционного принципа, в основе которого лежит положение о праве каждого на обжалование [13, с. 10]. В пункте 5.2.3. Концепции лишь определено, что следует рассмотреть вопрос об обязательном участии адвоката в производстве по отдельным делам об административных правонарушениях, по которым предусмотрена возможность применения наказания в виде административного ареста, для оказания квалифицированной юридической помощи, гарантированной статьей 48 Конституции Российской Федерации. Однако участие защитника не решит проблему применения права на обжалование судебного решения о назначении административного ареста. Любое административное наказание должно исполняться с момента вступления постановления в законную силу.

В случаях, когда в отношении одного лица судами рассматривается сразу несколько дел об административных правонарушениях, влекущих в качестве наказания административный арест, по результатам рассмотрения возможно вынесение нескольких решений с разными сроками ареста, которые исчисляются с одного дня. При исполнении таких решений сотрудниками органов внутренних дел применяется наибольший срок, при этом принцип неотвратимости наказания не «работает», т.к. нарушитель отбывает срок наказания только за одно правонарушение, а за второе и последующие негативных последствий за противоправное действие не наступает [14]. Необходимо учитывать совокупность административных правонарушений.

Следует признать, что административные правонарушения, влекущие за собой одной из мер наказания административный арест, относятся к категории грубых. Необходимо согласиться, что в соответствии с п. 2.4.4.1. Концепции срок давности привлечения к административной ответственности за совершение грубого административного правонарушения, влекущего одну из мер наказания административный

арест, должен быть максимально возможным, но не превышающий минимальный срок давности привлечения к уголовной ответственности, то есть два года.

Является целесообразным установление максимального срока, в течение которого лицо считается подвергнутым административному наказанию за совершение грубого административного правонарушения, влекущего одну из мер наказания административный арест.

Необходимо законодательно закрепить, что согласно п. 2.5.8. Концепции должна быть предусмотрена возможность замены административного ареста на другой вид, например обязательные работы, без нового рассмотрения дела по существу в случаях, когда исполнение назначенного наказания невозможно по объективным причинам, что создаст правовой инструментарий для недопущения юридической возможности виновному лицу избежать назначенного наказания. Такое право должно быть предоставлено суду, должностным лицам при рассмотрении соответствующих ходатайств.

Указанные изменения будут способствовать повышению эффективности административного ареста как вида административного наказания.

Список литературы

1. Заседание Правительства (2019 год, №9) // Официальный сайт Правительства Российской Федерации. URL: http://government.ru/meetings/36116/decisions/ (дата обращения – 01.08. 2019). – Текст электронный.

2. Об образовании межведомственной рабочей группы по подготовке нового Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях : распоряжение Правительства РФ от 4 апреля 2019 г. N 631-р // Официальный сайт Правительства Российской Федерации. URL: http://gov.garant.ru/SESSION/PILOT/main.htm (дата обращения – 01.08. 2019). – Текст электронный.

3. Дмитрий Медведев провёл совещание по Концепции нового кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях // Официальный сайт Правительства Российской Федерации. URL: http://government.ru/news/36919/ (дата обращения – 01.08.2019). – Текст электронный.

4. Опубликована Концепция нового кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях // Официальный сайт Правительства Российской Федерации. URL: http://government.ru/rugovclassifier/699/events/ (дата обращения – 01.08.2019). – Текст электронный.

5. Научные и практические аспекты обеспечения дорожной безопасности стали главной темой международной конференции в Москве // Научный центр безопасности дорожного движения: официальный сайт. URL: https://xn--90aga7a7b.xn--b1aew.xn--p1ai/news/item/17318226 (дата обращения – 01.08.2019). – Текст электронный.

6. КоАП позвали в дорогу. В МВД выдвигают идеи по реформированию административного кодекса. URL: https://www.kommersant.ru/doc/4006180 (дата обращения – 01.08.2019). – Текст электронный.

7. Сборник по России. Раздел 2. Сведения о рассмотрении дел об административных правонарушениях, учет которых осуществляется в модуле «Административная практика» Сервиса обеспечения охраны общественного порядка за январь-декабрь 2018 г. // ЦСИ ФКУ «ГИАЦ МВД России». URL: http://10.5.0.16/csi/files/content/stat/books/text/txt577_201812.032.txt. (дата обращения – 01.08.2019). – Текст электронный.

8. Сборник по России. Раздел 2. Сведения о рассмотрении дел об административных правонарушениях, учет которых осуществляется в модуле «Административная практика» Сервиса обеспечения охраны общественного порядка за январь-июнь 2019 г. // ЦСИ ФКУ «ГИАЦ МВД России». URL: http://10.5.0.16/csi/files/content/stat/books/text/txt577_201906.032.txt (дата обращения – 01.08.2019). – Текст электронный.

9. Васильев В. Н. Административный арест как мера административного наказания: автореф. дис. … канд. юрид. наук / В. Н. Васильев. – Саратов, 2005. – 25 с.

10. Фадеева И. В. Проблемы исполнения постановления об административном аресте: старая песня о главном / И. В. Фадеева // Вестник Московского университета МВД России. – Москва, 2017. – №5. – С. 9-11.

11. Изингер А. В. Особенности производства по делам об административных наказаниях, предусматривающих наказание в виде административного ареста / А. В. Изингер // Юридическая наука и правоохранительная практика. – Тюмень, 2017. – №2 (40). – С. 50-58.

12. Новичкова Е. Е. Исполнение полицией постановлений об административном аресте / Е. Е. Новичкова // Вестник Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России. – Тюмень, 2019. – №1 (12). – С. 56-61.

13. О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях: постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 24 марта 2005 г. № 5: ред. от 19 дек. 2013 г. № 40 // Рос. газ., 2005. – 19 апр.; 2013, – 31 дек.

Ravnushkin A. V. Administrative arrest as an administrative punishment through the prism of the Concept of the new administrative code / A. V. Ravnushkin // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2019. – T. 4 (72). № 4. – P. 364-370.

In view of the ongoing fundamental reform of the legislation of the Russian Federation on administrative offenses, the revision of the entire system of administrative penalties, a need for analyzing the effectiveness of the impositionof administrative detention as such arose. Contrary to the opinion of the poor effectiveness of this type of administrative penalty and the need for its abolition, the article substantiates the feasibility of its further existence. Although the Concept of the new Code of Administrative Offenses of the Russian Federation adopted by the Government of the Russian Federation contains some provisions regulating the procedure for of the imposition of administrative detention, they are obviously insufficient. The article contains a number of proposals on the regulatory improvement of administrative detention, increasing the punitive and educational components of the effectiveness of its imposition in order to prevent the commission of new administrative offenses.

Keywords: administrative liability, administrative penalty, administrative detention, categories of administrative offenses, concept, legislation on administrative offenses.

Spisok literatury`

1. Zasedanie Pravitel`stva (2019 god, №9) // Oficial`ny`j sajt Pravitel`stva Rossijskoj Federacii. URL: http://government.ru/meetings/36116/decisions/ (data obrashheniya – 01.08. 2019). – Tekst e`lektronny`j.

2. Ob obrazovanii mezhvedomstvennoj rabochej gruppy` po podgotovke novogo Kodeksa Rossijskoj Federacii ob administrativny`x pravonarusheniyax : rasporyazhenie Pravitel`stva RF ot 4 aprelya 2019 g. N 631-r // Oficial`ny`j sajt Pravitel`stva Rossijskoj Federacii. URL: http://gov.garant.ru/SESSION/PILOT/main.htm (data obrashheniya – 01.08. 2019). – Tekst e`lektronny`j.

3. Dmitrij Medvedev provyol soveshhanie po Koncepcii novogo kodeksa Rossijskoj Federacii ob administrativny`x pravonarusheniyax // Oficial`ny`j sajt Pravitel`stva Rossijskoj Federacii. URL: http://government.ru/news/36919/ (data obrashheniya – 01.08.2019). – Tekst e`lektronny`j.

4. Opublikovana Koncepciya novogo kodeksa Rossijskoj Federacii ob administrativny`x pravonarusheniyax // Oficial`ny`j sajt Pravitel`stva Rossijskoj Federacii. URL: http://government.ru/rugovclassifier/699/events/ (data obrashheniya – 01.08.2019). – Tekst e`lektronny`j.

5. Nauchny`e i prakticheskie aspekty` obespecheniya dorozhnoj bezopasnosti stali glavnoj temoj mezhdunarodnoj konferencii v Moskve // Nauchny`j centr bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya: oficial`ny`j sajt. URL: https://xn--90aga7a7b.xn--b1aew.xn--p1ai/news/item/17318226 (data obrashheniya – 01.08.2019). – Tekst e`lektronny`j.

6. KoAP pozvali v dorogu. V MVD vy`dvigayut idei po reformirovaniyu administrativnogo kodeksa. URL: https://www.kommersant.ru/doc/4006180 (data obrashheniya – 01.08.2019). – Tekst e`lektronny`j.

7. Sbornik po Rossii. Razdel 2. Svedeniya o rassmotrenii del ob administrativny`x pravonarusheniyax, uchet kotory`x osushhestvlyaetsya v module «Administrativnaya praktika» Servisa obespecheniya oxrany` obshhestvennogo poryadka za yanvar`-dekabr` 2018 g. // CzSI FKU «GIACz MVD Rossii». URL: http://10.5.0.16/csi/files/content/stat/books/text/txt577_201812.032.txt. (data obrashheniya – 01.08.2019). – Tekst e`lektronny`j.

8. Sbornik po Rossii. Razdel 2. Svedeniya o rassmotrenii del ob administrativny`x pravonarusheniyax, uchet kotory`x osushhestvlyaetsya v module «Administrativnaya praktika» Servisa obespecheniya oxrany`

obshhestvennogo poryadka za yanvar`-iyun` 2019 g. // CzSI FKU «GIACz MVD Rossii». URL: http://10.5.0.16/csi/files/content/stat/books/text/txt577_201906.032.txt (data obrashheniya – 01.08.2019). – Tekst e`lektronny`j.

9. Vasil`ev V. N. Administrativny`j arest kak mera administrativnogo nakazaniya: avtoref. dis. … kand. yurid. nauk / V. N. Vasil`ev. – Saratov, 2005. – 25 s.

10. Fadeeva I. V. Problemy` ispolneniya postanovleniya ob administrativnom areste: staraya pesnya o glavnom / I. V. Fadeeva // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. – Moskva, 2017. – №5. – S. 9-11.

11. Izinger A. V. Osobennosti proizvodstva po delam ob administrativny`x nakazaniyax, predusmatrivayushhix nakazanie v vide administrativnogo aresta / A. V. Izinger // Yuridicheskaya nauka i pravoohranitel`naya praktika. – Tyumen`, 2017. – №2 (40). – S. 50-58.

12. Novichkova E. E. Ispolnenie policiej postanovlenij ob administrativnom areste / E. E. Novichkova // Vestnik Tyumenskogo instituta povy`sheniya kvalifikacii sotrudnikov MVD Rossii. – Tyumen`, 2019. – №1 (12). – S. 56-61.

13. O nekotory`x voprosax, voznikayushhix u sudov pri primenenii Kodeksa Rossijskoj Federacii ob administrativny`x pravonarusheniyax: postanovlenie Plenuma Verxovnogo Suda Ros. Federacii ot 24 marta 2005 g. № 5: red. ot 19 dek. 2013 g. № 40 // Ros. gaz., 2005. – 19 apr.; 2013, – 31 dek.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2019. – Т. 5 (71). № 4. – С. 371-388.

УДК 342.9: 336.225

ОСОБЕННОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРЕДУПРЕДИТЕЛЬНЫХ МЕР С ЦЕЛЬЮ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ И ВЫЯВЛЕНИЯ ПРАВОНАРУШЕНИЙ

Русанова С. Ю.

Крымский филиал Российского государственного университета правосудия

В статье раскрываются проблемы применения мер административного предупреждения, связанные с предупреждением и выявлением правонарушений сотрудниками правоохранительных органов. Авторы раскрывают особенности правового регулирования и практической реализации осмотра и досмотра вещей и документов, личного досмотра, а также транспортных средств, проверки документов, вхождения уполномоченных должностных лиц на территорию и помещение предприятий, учреждений и организаций, а также на земельные участки, в жилые и иные помещения граждан. На основе проведенного исследования авторы вносят предложения по усовершенствованию действующего законодательства Российской Федерации в части механизма реализации анализируемых мер.

Ключевые слова: административное правонарушение, досмотр, меры административного предупреждения, осмотр, правоохранительные органы, проверка документов, полиция.

Актуальность темы. Правоохранительные органы Российской Федерации наделены широкими полномочиями по применению мер административного предупреждения, в частности, одним из видов таких мер являются административно-предупредительные меры, которые применяются с целью непосредственного выявления и предупреждения правонарушений. Благодаря этим мерам создаются условия для выявления правонарушений и дальнейшего их пресечения, установления личности правонарушителя и привлечения его к ответственности (досмотр, проверка документов, посещение предприятий, учреждений и организаций, вхождение на земельные участки, в жилые и иные помещения граждан, остановка транспортных средств), предупреждение совершения правонарушений конкретными лицами (административный надзор за лицами, освобожденными из мест лишения свободы, взятие на учет и официальное предостережение о недопустимости противоправного поведения, внесения представления в государственные и иные органы, предприятия, учреждения, организации, должностным лицам о необходимости устранения причин и условий, способствующих совершению правонарушений).

Несмотря на достаточно широкую законодательную базу, сегодня, на наш взгляд, многие меры административного предупреждения требуют детальной правовой регламентации в части определения четкого механизма их реализации с учетом особенности полномочий правоприменительных органов.

Основной текст. Одними из самых распространенных мер административного предупреждения в деятельности правоохранительных органов является осмотр и проверка документов.

Осмотр – это осмотр лица и осмотр вещей, обследование (осмотр) грузов, багажа, транспортных средств, оружия и боеприпасов, различных объектов по поводу

соответствия их различным требованиям – с учетом целевого назначения и способа правоохранительного влияния на общественные отношения. Отметим, что данная мера на практике в большинстве случаев применяется именно как административно-предупредительная мера. Например, Госавтоинспекцией осуществляется технический осмотр транспортных средств, а также осмотр перевозимого груза; транспортной полицией совместно с органами гражданской авиации осуществляется обязательный досмотр ручной клади, багажа и личный досмотр пассажиров гражданских воздушных судов; администрация исправительного центра вправе проводить досмотр и обыск осужденных, их вещей; должностные лица таможенных органов осуществляют таможенный контроль путем таможенного осмотра (осмотра и переосвидетельствования товаров и транспортных средств, личного досмотра граждан), должностные лица государственной лесной охраны имеют право проводить осмотр вещей, транспортных средств, орудий, добытой в лесу продукции и других предметов и тому подобное. Во всех этих случаях главной целью применения данного мероприятия является предупреждение и выявление правонарушений, то есть оно имеет четко выраженный профилактический характер.

Осмотр – это определенная законом или другими нормативно-правовыми актами обязанность граждан предъявить определенную вещь, документы по требованию уполномоченных лиц. В случае, когда лицо добровольно не выполняет требование должностного лица в отношении осмотра (соответствующих вещей или личного имущества), возможен принудительный осмотр.

В административно-правовой литературе вопрос о юридической природе осмотра решается неоднозначно. Если раньше разные ученые относили его или административно-предупредительным мерам [1, с. 199], или к мерам административного пресечения [2, с. 187], то в последнее время получила распространение точка зрения о том, что осмотр в зависимости от непосредственных юридико-фактических оснований и цели применения может быть и административно-предупредительной мерой, и мерой административного пресечения [3, с. 92]. Последняя точка зрения, на наш взгляд, отражает реально существующее положение вещей как в законодательном регулировании, так и в применении осмотра в практической деятельности правоохранительных органов.

В проанализированных нами ведомственных нормативно-правовых актах, утвержденных руководителями различных правоохранительных органов, подаются разные виды осмотра, которые своим названием, основаниями и порядком проведения отличаются друг от друга. В частности, для осмотра лица применяются такие виды осмотра, как личный осмотр, осмотр, обыск, полный обыск, неполный обыск, внешний осмотр одежды, предварительный визуальный осмотр, окончательный осмотр, осмотр лиц на состояние опьянения.

В соответствии с главой 27 Кодекса РФ об административных правонарушениях личный досмотр и досмотр вещей относится к числу процессуальных мер административного пресечения [4].

Вместе с тем, отметим, что в ст. 27.7 КоАП РФ не установлена разница между осмотром как мерой предупреждения и как мерой пресечения, в ней, по сути, установлены одинаковые правила применения различных по характеру мер (например, досмотр ручной клади, багажа чаще всего используется как мера, без осуществления производства по делам об административных правонарушениях, без соответ-

ствующего процессуального оформления), что следует признать недостатком указанной нормы.

Несмотря на то, что личный досмотр мы относим к мерам административного пресечения, и это предусмотрено в законодательстве, все же считаем целесообразным в рамках данного исследования рассмотреть основания и порядок проведения личного досмотра для того, чтобы разграничить его от других видов осмотра, а также с целью сравнения.

Необходимо указать на то, что порядок проведения личного досмотра и досмотра вещей в КоАП не определен. Что касается порядка проведения личного досмотра, то в ч. 2 ст. 27.7 КоАП приводится лишь перечень органов и должностных лиц которых имеют право проводить личный досмотр. К ним отнесены должностные лица органов Федеральной службы безопасности, внутренних дел, федерального органа исполнительной власти, осуществляющего функции в сфере деятельности войск национальной гвардии Российской Федерации, ведомственной охраны федеральных органов исполнительной власти и организаций, военизированных и сторожевых подразделений организации, подведомственной федеральному органу исполнительной власти, осуществляющему функции в сфере деятельности войск национальной гвардии Российской Федерации, военнослужащие войск национальной гвардии Российской Федерации, гражданской авиации, таможенных учреждений и органов пограничной службы, а также и других органов в случаях, прямо предусмотренных федеральными законами [5, с. 342]. Кроме того, в ч. 3 ст. 27.7 КоАП указывается, что личный досмотр может производиться уполномоченным на то лицом одного пола с досматриваемым и в присутствии двух понятых того же пола [4].

Применение досмотра как меры пресечения оформляется протоколом, который должен содержать сведения, общие для всех подобных документов (дату, место составления, кем составлен, подписи и тому подобное) [6, с. 69].

Правовые основания и порядок проведения личного досмотра работниками других правоохранительных органов регламентируется в основном ведомственными подзаконными нормативными актами, которые в своем большинстве являются несовершенными, поскольку основания и порядок проведения личного досмотра, так и досмотра вещей в основном в них выписаны нечетко или в пределах, изложенных в КоАП РФ.

Согласно пункту 16 ч.1 ст. 13 Федерального Закона «О полиции» сотрудники полиции имеют право проводить личный досмотр граждан, досмотр находящихся при них вещей, а также досмотр их транспортных средств [7]. Личному досмотру не подлежат лица, обладающие государственным иммунитетом. Во время проведения личного досмотра должностными лицами правоохранительных органов составляются протоколы по установленной форме. Протокол подписывается должностным лицом, проводившим осмотр, гражданином, который проходил осмотр, понятыми, которые присутствовали при осмотре, а в случае обследования медицинским работником – также этим работником.

В большинстве ведомственных нормативных актах, регламентирующих деятельность правоохранительных органов, ни основания, ни порядок проведения личного досмотра детально не урегулированы.

Необходимо указать на то, что среди базовых законодательных актов, которые регламентируют деятельность правоохранительных органов России, только в ст. 329 Таможенного кодекса Евразийского экономического союза [8] предусмотрены основания и порядок проведения личного досмотра должностными лицами таможенных органов, которые более детально описаны в Приказе ГТК РФ «Об утверждении Инструкции о порядке проведения личного досмотра физических лиц, следующих через таможенную границу Российской Федерации либо находящихся в зоне таможенного контроля или транзитной зоне аэропорта, открытого для международного сообщения» [9].

Досмотр как меру административного принуждения необходимо также отличать от обыска – следственного действия, которое осуществляется в соответствии с УПК РФ в связи с расследованием уголовного дела в тех случаях, когда есть достаточные основания полагать, что орудия преступления, вещи и ценности, добытые преступным путем, а также другие предметы и документы, которые имеют значение для установления истины в деле или обеспечения гражданского иска, хранится в определенном помещении или месте или у какого-либо лица, а также и в том случае, когда есть достаточные данные о том, что в определенном помещении или месте находятся разыскиваемые лица, а также трупы или животные. Обыск проводится на основании постановления следователя, санкции прокурора или его заместителя.

Кроме термина «личный досмотр» в Уставе патрульно-постовой службы используются термины «внешний осмотр одежды», «осмотр внешней одежды». Так, согласно Устава осмотр внешнего одежды, вещей преступника и лица, задержанного по подозрению в совершении преступления, является предупредительной мерой, направленной на обеспечение личной безопасности полицейского с целью изъятия оружия и других предметов у задержанного, которые могут быть использованы им для нападения на полицейского и других граждан [10].

В Уставе достаточно четко предусмотрен порядок проведения внешнего осмотра одежды и вещей, в частности: наружный осмотр вещей и одежды следует делать немедленно после задержания лица, подозреваемого в совершении преступления, или в более удобный момент, когда можно получить помощь от других сотрудников полиции, дружинников, работников службы охраны, дворников или граждан; кроме того, перед посадкой в автомобиль производится наружный осмотр одежды и вещей лиц, находящихся в состоянии опьянения, с целью изъятия у них предметов, которые могут быть использованы для нападения на сотрудников полиции, причинения вреда себе или другим лицам, которые находятся в салоне автомобиля. Присутствие свидетелей (понятых) при проведении внешнего осмотра одежды и вещей не предусмотрено.

Постановлением Правительства РФ от 18 апреля 2014 г. N 353 «Об утверждении Правил обеспечения безопасности при проведении официальных спортивных соревнований» предусматривается право сотрудников органов внутренних дел вместе с работниками стадиона проводить предварительный визуальный осмотр и окончательный досмотр зрителей во время их прохода на трибуну с целью: 1) недопущения проноса на территорию стадиона любых предметов, которые могут быть использованы для нарушения общественного порядка и безопасности, а также алкогольных напитков, безалкогольных напитков в стеклянной таре, оружия и пиротех-

нических средств; 2) невозможности прохода на стадион лиц, известных как нарушителей общественного порядка, а также лиц, находящихся в состоянии опьянения [11].

Однако порядок проведения предварительного визуального осмотра и окончательного осмотра зрителей в данном нормативном акте не предусмотрен.

В ст. 27.2, 27.3 КоАП РФ приведен перечень должностных лиц, имеющих право осуществлять досмотр вещей. Осмотр вещей, ручной клади, багажа, орудий охоты и ловли рыбы, добытой продукции, транспортных средств и других предметов осуществляется, как правило, в присутствии лица, в собственности (владении) которого они есть.

К таким случаям, по нашему мнению, можно отнести случаи окончания срока хранения вещей в автоматической камере хранения, когда установить собственника вещей, оставленных без присмотра, не удалось, или есть сведения о том, что в вещах находятся взрывные устройства или другие опасные предметы, и тому подобное.

В соответствии с Федеральным Законом «О полиции» сотрудники полиции наделены правом проводить осмотр клади, багажа и досмотр пассажиров гражданских воздушных, морских и речных судов, средств железнодорожного и автомобильного транспорта согласно действующему законодательству. В распоряжении Правительства РФ «Об утверждении Государственной программы обеспечения безопасности полетов воздушных судов гражданской авиации» предусмотрен порядок осуществления контроля пассажиров и членов экипажа воздушного судна [12].

Так, личный досмотр пассажиров и членов экипажа производится в пределах, достаточных для выявления оружия и запрещенных к перевозке предметов и веществ, и проводится только сотрудником одного пола с пассажиром или членом экипажа, который проходит контроль. Досмотр ручной клади, багажа и личный досмотр пассажиров осуществляется в специально оборудованных помещениях после регистрации билетов.

Контроль груза, почтовых отправлений и бортовых припасов осуществляется по представлению соответствующих документов, в которых указывается их свойство, наименование и возможность перевозки на воздушных судах, в присутствии лиц, ответственных за сдачу груза, почтовых отправлений и бортовых припасов для перевозки, после предъявления ими документов, удостоверяющих личность. Контроль ручной клади, багажа, груза, почтовых отправлений и бортовых припасов, связанный с необходимостью их раскрытия в отсутствии пассажира и членов экипажа воздушного судна (лица, сопровождающего груз), осуществляется по мотивированному решению руководителя службы авиационной безопасности или органа внутренних дел. Такой осмотр производится в присутствии двух понятых, о чем составляется протокол.

Пассажиры и члены экипажа воздушного судна, уклоняющиеся от контроля, к контролируемой зоне не пропускаются.

Осмотр и переосвидетельствование ручной клади и багажа в случае отсутствия гражданина или его уполномоченного представителя осуществляются в присутствии представителей предприятия, осуществляющего перевозку, пересылку ручной клади и багажа или их хранения [13, с. 281].

В соответствии с Федеральным Законом «О полиции», Положением о Государственной инспекции безопасности дорожного движения Министерства внутренних дел Российской Федерации, сотрудники Государственной инспекции безопасности дорожного движения МВД РФ, сотрудники ДПС и сотрудники полиции, которые осуществляют надзор за дорожным движением, имеют право: осматривать транспортные средства во время остановки транспортных средств в случае нарушения требований правил, норм и стандартов в сфере обеспечения безопасности дорожного движения, наличия признаков, свидетельствующих об их технической неисправности, а также в случае наличия данных о том, что они используются с противоправной целью; проводить осмотр лица на состояние опьянения с применением индикаторной трубки и других согласованных сертифицированных технических средств; осуществлять в установленном законодательством порядке, а также осуществлять в предусмотренных законодательством случаях личный досмотр водителя, пассажиров транспортного средства и их вещей, ручной клади и багажа [14].

Остановка транспортных средств должна осуществляться на минимально короткий срок. При остановке транспортного средства в обязательном порядке проводится сверка номера кузова и номерного знака с указанными в свидетельстве о его регистрации данными, непосредственный осмотр транспортного средства и законность перевозки груза.

Правила дорожного движения предусматривают, что по требованию сотрудника полиции водитель должен остановиться, дать возможность осмотреть транспортное средство при наличии на то законных оснований, а также, водитель должен по требованию работника полиции пройти в установленном порядке медицинский осмотр для определения состояния алкогольного опьянения, воздействия наркотических или токсичных веществ [15]. Установление у правонарушителя состояния опьянения осуществляется на основании его осмотра, который проводится согласно требованиям Инструкции о порядке направления граждан для осмотра на состояние опьянения в учреждения охраны здоровья и проведения осмотра с использованием технических средств сотрудниками полиции с использованием индикаторных трубок или других специальных технических средств или работниками медицинских учреждений [16].

Применение осмотра как административно-предупредительной меры в действующем законодательстве урегулировано только в общих чертах, это относится и к подзаконным нормативным актам. Поэтому можно говорить о необходимости более четкого законодательного регулирования оснований применения личного досмотра, досмотра вещей, в том числе осмотра транспортных средств и других объектов [17, с. 85].

Важно провести работу по распределению осмотра на виды, осуществить его классификацию и определить основания и порядок применения каждого вида осмотра в отдельном законодательном акте. В науке административного права существуют определенные попытки распределения административного освидетельствования на виды. Было предложено разграничить понятия учитывая «административный надзор» и «административный обыск» и определить, что административный досмотр – это мера административного принуждения, который применяется в предусмотренных законом случаях и заключается в непосредственном внешнем обследовании материальных объектов с целью выявления, предупреждения и пре-

сечения правонарушений, проверки функционирования различных объектов (предприятий разрешительной системы, транспортных средств и тому подобное), а административный обыск – это административно-процессуальное действие, которое производится уполномоченными должностными лицами по основаниям и в порядке, определенном законом, с целью предупреждения и пресечения правонарушений и обеспечения производства по делам об административных правонарушениях. Также в науке имеется точка зрения о том, что административный досмотр является мерой административного предупреждения и применяется самостоятельно, то есть без применения других мер принуждения. Что касается административного досмотра, то он, как правило, должен осуществляться в комплексе с другими мерами принуждения, например, административным задержанием лица [18, с. 79].

На наш взгляд, можно провести следующую классификацию административного осмотра:

1. Административный осмотр как административно-предупредительная мера:

1.1. Осмотр лица:

а) визуальный осмотр лица;

б) поверхностный осмотр лица (осмотр верхней одежды).

1.2. Осмотр вещей:

а) визуальный осмотр вещей;

б) поверхностный осмотр вещей.

1.3. Осмотр транспортных средств (автомобиля, воздушного судна, морского (речного судна):

а) общий осмотр транспортного средства (визуальный осмотр);

б) выборочный углубленный осмотр транспортного средства (осмотр с открытием грузового отдела транспортного средства без выгрузки).

в) технический осмотр транспортного средства;

г) государственный технический осмотр транспортного средства.

1.4. Осмотр жилья (домовладения) и других помещений граждан;

1.5. Осмотр помещений, предприятий, учреждений.

2. Административный обыск, как способ административного прекращения:

2.1. Обыск лица (личный досмотр лица).

2.2. Освидетельствование лица.

2.3. Обыск вещей (личный досмотр вещей).

2.4. Обыск транспортных средств:

а) обыск с полной или частичной выгрузкой пассажиров или товаров;

б) углубленный обыск (досмотр с выгрузкой товаров, полным или частичным демонтажем узлов и агрегатов транспортного средства).

По результатам административного осмотра протокол (акт) не составляется, но в случае обнаружения вещественных доказательств такой документ должен быть составлен. По результатам административного обыска должен обязательно составляться протокол или акт. Административный обыск проводится обязательно с привлечением понятых.

Проверка документов – это одна из наиболее важных и распространенных в деятельности правоохранительных органов мера административного предупреждения.

Проверяя документы, сотрудники правоохранительных органов вторгаются в сферу прав и личных интересов граждан, деятельность предприятий, учреждений и

организаций. Поэтому правомерность данного акта, строгое соблюдение законности во время его применения приобретают особое значение. Ни одно должностное лицо не имеет права требовать предъявления для проверки документов без достаточных на то оснований.

Правовые основания проведения проверки документов, предусмотренные законодательными и другими нормативно-правовыми актами. Так, согласно п. 2. ч. 1 ст. 13 Федерального Закона «О полиции» сотрудники полиции, имеют право проверять у граждан при подозрении в совершении правонарушений документы, удостоверяющие их личность, а также другие документы, необходимые для выяснения вопроса соблюдения правил, надзор и контроль за выполнением которых возложен на полицию.

Необходимо различать два вида права полиции на проверку документов: право на проверку у граждан документов, удостоверяющих их личность, в случае подозрения в совершении правонарушения, и право на проверку различных документов во время осуществления контроля и надзора за соблюдением соответствующих правил. В первом случае основанием для проверки документов является подозрение конкретного гражданина в совершении любого правонарушения (административного, преступления), при этом это подозрение должно основываться на конкретных фактах (наличие соответствующей оперативной информации, поведение лица и т. п). Проверка документов во втором случае осуществляется независимо от наличия подозрения в совершении нарушения соответствующих правил, причем документы могут проверяться как у граждан, так и представителей различных организаций [19, с. 101].

Действия сотрудников правоохранительных органов при проверке документов, удостоверяющих личность, направлены на установление: лица, у которого проверяется документ; принадлежности данного документа предъявителю; действительности предъявленного документа.

По мнению ученых, к документам, удостоверяющим личность, целесообразно относить те, которые имеют фотографию и позволяют установить фамилию, имя и отчество гражданина, место его проживания или работы, имеют идентификационные номера (паспорт, военный билет, удостоверение личности, удостоверение водителя и другие). Проверка заключается в установлении указанных данных, а также принадлежности документа этому лицу [20, с. 40].

Федеральный Закон «О гражданстве Российской Федерации» в статье 10 устанавливает, что основным документом, который удостоверяет личность гражданина России, является паспорт [21]. Федеральный закон «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» в статье 7 установил перечень документов, удостоверяющих личность лица, по которым может осуществляться въезд и выезд из Российской Федерации [22].

Более подробно рассмотрим порядок, в соответствии с которым осуществляется проверка документов.

Проведенный анализ нормативных актов, регламентирующих деятельность правоохранительных органов, показал, что специального акта, который бы разъяснял порядок проверки документов, в настоящее время нет. Иногда эти пробелы частично предусмотрены в отдельных рекомендациях по тактике типовых действий сотрудников тех или иных правоохранительных органов. Такая регламентация по-

рядка проверки документов, во-первых, не отражает всех особенностей проверки документов. Во-вторых, не вносит единства в деятельности правоохранительных органов, поскольку каждым правоохранительным органом готовятся свои локальные нормативные акты, в том числе в рамках отдельных служб. В-третьих, необходимо помнить, что механизм реализации закона заключается не столько в рекомендуемом поведении, сколько в приказной поведении.

Как показывает практика, сотрудники правоохранительных органов довольно посредственно знают виды документов, удостоверяющих личность на территории Российской Федерации.

Поэтому возникает необходимость в разработке Инструкции по примерному названием «О порядке проверки сотрудниками правоохранительных органов документов, удостоверяющих личность и других документов».

Такой нормативный акт должен состоять из следующих основных положений:

перечня документов, удостоверяющих личность на территории Российской Федерации (с описанием смысловых особенностей, образцов, сроков их действия, указанием категории лиц, которым они выдаются, перечнем органов, имеющих право их выдавать);

подробного описания оснований для проверки и указания места проведения проверки документов;

описи тактических действий сотрудников при проверке документов (алгоритм действий при проверке документов у разных категорий лиц; меры личной безопасности сотрудников при проверке документов при различных обстоятельствах; способы выявления недействительных документов).

Для осуществления проверки документов не требуется составление какого-то специального документа или получение санкции. Проверка документов как административно-предупредительная мера нередко предшествует применению других мер административного принуждения, например, когда в документах обнаружены дефекты, подделки, если будет выявлена принадлежность документов другим лицам, а также других подобных обстоятельств. Документы после их проверки должностным лицом правоохранительного органа возвращаются их владельцам, если нет оснований для принятия иного решения [23].

Кроме документов, удостоверяющих личность, сотрудники правоохранительных органов имеют право проверять и другие документы, необходимые для выяснения вопроса о соблюдении правил, надзор и контроль за выполнением которых возложен на тот или иной правоохранительный орган. Так, в соответствии Федеральным Законом «О полиции», сотрудники полиции имеют право проверять у водителей документы на право пользования и управления ими, дорожные листы и соответствие перевозимых грузов товарно-транспортным документам, наличие страхового полиса (сертификата), о заключении договора обязательного страхования гражданско-правовой ответственности владельцев наземных транспортных средств [24, с. 145].

Лица, транспортные средства, грузы и иное имущество, которые пересекают или перемещаются через государственную границу, подлежат пограничному и таможенному контролю, а также в соответствующих случаях, ветеринарному, экологическому, санитарно-карантинному, фитосанитарному контролю, контролю за перемещением культурных ценностей и, в случае автомобильного сообщения, – кон-

тролю движения автотранспортных средств, воздушного сообщения – контролю с целью обеспечения безопасности гражданской авиации. Началом контроля считается проверка документов лица, досмотр транспортных средств, грузов и другого имущества. Контроль считается законченным после прохождения определенных законодательством видов контроля и убытия из пункта пропуска транспортных средств, грузов и другого имущества.

Для пограничного контроля граждане подают должностному лицу контрольно-пропускного пункта (далее – КПП) паспорта, а в случае необходимости и другие документы, предусмотренные соответствующими международными договорами России.

В ходе проверки паспортов служебные лица КПП выясняют наличие ограничивающих обстоятельств, при которых гражданину может быть временно отказано в выезде из России, а в случае необходимости проводят опрос граждан, следующих через государственную границу, для выяснения вопросов, связанных с их пропуском через государственную границу.

Должностные лица КПП в случае необходимости могут проводить повторную проверку документов граждан, следующих через государственную границу. Использование поддельных или чужих паспортов влечет за собой их обязательное изъятие [25].

В соответствии с Федеральным Законом «О прокуратуре Российской Федерации» при осуществлении прокурорского надзора за соблюдением и применением законов прокурор имеет право иметь доступ к документам и материалам, необходимым для проведения проверки, в том числе по письменному требованию, и таких, что содержат коммерческую тайну или конфиденциальную информацию. Письменно требовать представления в прокуратуру для проверки указанных документов и материалов, выдачи необходимых справок, в том числе относительно операций и счетов юридических лиц и других организаций, для решения вопросов, связанных с проверкой. Требовать для проверки решения, распоряжения, инструкции, приказы и другие акты и документы, получать информацию о состоянии законности и мерах по ее обеспечению [26].

Весомую роль в деятельности органов Федеральной налоговой службы играют документальные проверки. Документальные проверки делятся на невыездные (камеральные, выполнены в кабинете) проверки (на основании поданных налоговых деклараций, отчетов и других документов, связанных с начислением и уплатой налогов и сборов (обязательных платежей) независимо от способа их подачи), а также плановые и внеплановые выездные проверки своевременности, достоверности, полноты начисления и уплаты налогов и сборов (обязательных платежей), соблюдения валютного законодательства налогоплательщиками [27].

Существует также установленный порядок проверки документов при обеспечении пропускного режима на территорию предприятий, учреждений и организаций (например, пропускной режим в помещения судов, в помещения и на территории отделений судебно-психиатрических экспертиз).

К сожалению, сегодня еще недостаточно внимания уделяется обеспечению личной безопасности сотрудников правоохранительных органов при применении административно-предупредительных мер. Нормативные документы, кроме отдель-

ных нормативных актов МВД России, по обеспечению личной безопасности сотрудников правоохранительных органов практически отсутствуют.

В результате проведенного исследования, можно сформулировать такое определение понятия «проверка документов» – это принудительная мера, применяемая уполномоченными на то должностными лицами правоохранительных органов с целью исследования паспортных и других документов физических лиц, а также документов юридических лиц по основаниям и в порядке, предусмотренными законодательством Российской Федерации.

Проанализировав законодательные и другие нормативные акты считаем необходимым представить следующую классификацию документов, удостоверяющих личность:

а) паспортные документы (паспорт гражданина Российской Федерации; паспорт гражданина Российской Федерации для выезда за границу; дипломатический паспорт; служебный паспорт; удостоверение беженца; национальный паспорт иностранца);

б) удостоверение (временное удостоверение гражданина Российской Федерации; временное удостоверение, подтверждающее личность гражданина Российской Федерации; удостоверение личности моряка; удостоверение члена экипажа; удостоверение лица на возврат в Российской Федерации; удостоверение водителя; удостоверение лица без гражданства; удостоверение лица без гражданства для выезда за границу, вид на постоянное или временное проживание);

в) служебные удостоверения (служебное удостоверение сотрудника полиции; служебное удостоверение сотрудника Федеральной налоговой службы; удостоверение судьи; служебное удостоверение сотрудника прокуратуры; служебное удостоверение сотрудника Федеральной службы безопасности; удостоверение депутата; удостоверение члена общественного формирования по охране общественного порядка и государственной границы; военный билет; удостоверение военнослужащего и т. д);

г) справки (справка об освобождении из мест лишения свободы, справка о подаче лицом заявления о предоставлении ему статуса беженца; справка о лице, в отношении которого принято решение об оформлении документов для решения вопроса о предоставлении ему статуса беженца; справка о принятии жалобы к рассмотрению; справка об обращении в суд);

д) свидетельства (свидетельство о принадлежности к гражданству Российской Федерации);

ж) проездные документы (проездной документ ребенка; проездной документ беженца для выезда за границу).

Проведенный анализ законодательных и других нормативно-правовых актов анализ позволяет выделить следующие основания для проверки документов должностными лицами правоохранительных органов: подозрение лица в совершении правонарушений; осуществление мероприятий по розыску и задержанию осужденных и лиц, взятых под стражу, совершивших побег, или осужденных, уклоняющихся от отбывания наказания, в местах, где вероятно их появление; проверка соблюдения субъектами предпринимательской деятельности налогового и валютного законодательства; проверка соблюдения правил паспортного режима; обеспечение режима государственной границы Российской Федерации и пограничного режима;

обеспечение режима контртеррористической операции; обеспечение режима военного и чрезвычайного положения; обеспечение соблюдения правил таможенного контроля; обеспечение соблюдения правил пропускного и внутриобъектного режимов на территории предприятий, учреждений, организаций, которые охраняются, а также в места проведения массовых мероприятий; обеспечение соблюдения правил дорожного движения; обеспечение соблюдения правил хранения и использования средств цветного копирования; обеспечение соблюдения правил оборота огнестрельного оружия и боеприпасов к нему, наркотических и психотропных веществ.

Учитывая значение рассматриваемого мероприятия, считаем целесообразным все основания для проверки документов закрепить в законах, которые регламентируют деятельность каждого из правоохранительных органов Российской Федерации. Порядок применения данного меры административного предупреждения предусмотреть в отдельном законодательном акте, например «О порядке применения мер административного предупреждения в Российской Федерации».

Важными мерами административного предупреждения является вхождение на территорию и помещение предприятий, учреждений и организаций, а также на земельные участки, в жилые и иные помещения граждан и пребывания в них.

Необходимо отметить, что с целью осуществления и объектами применения посещение предприятий, учреждений, организаций и вхождения на земельные участки, в жилые и иные помещения граждан несколько отличаются, но суть их одна и та же – вхождение, проникновение на соответствующую территорию, объект или в помещение [24, с. 142].

В соответствии Федеральным Законом «О полиции» сотрудники полиции имеют право беспрепятственно в любое время заходить: а) на территорию и в помещения предприятий, учреждений и организаций, в том числе таможни, и осматривать их с целью прекращения преступлений, преследования лиц, которые подозреваются в совершении преступлений, при стихийном бедствии и других чрезвычайных обстоятельствах; б) на земельные участки, в жиле и другие помещения граждан в случае преследования преступника или прекращения преступления, которое угрожает жизни жильцов, а также при стихийном бедствии и; в) в жилые помещения граждан, находящихся под административным надзором, с целью проверки [7].

Кроме того, сотрудники полиции имеют право посещать предприятия, учреждения, организации для выполнения контрольных и профилактических функций, которые касаются обеспечения безопасности дорожного движения, находиться на земельных участках, в жилых и других помещениях граждан с их согласия, а также на территории и в помещениях предприятий, учреждений и организаций с уведомлением об этом администрации с целью обеспечения безопасности граждан, общественной безопасности, предотвращения преступления, выявления и задержания лиц, его совершивших.

Согласно Федерального Закона «О прокуратуре Российской Федерации» при осуществлении прокурорского надзора за соблюдением и применением законов прокурор имеет право беспрепятственно по удостоверению, подтверждающему занимаемую должность, входить в помещения органов государственной власти и органов местного самоуправления, объединений граждан, предприятий, учреждений и организаций независимо от форм собственности, подчиненности или принадлежности, в воинские части, учреждения без особых пропусков, где такие введены [26].

Должностные и служебные лица Федеральной службы исполнения наказаний, в соответствии с подпунктом имеют право в случае осуществления мероприятий по розыску и задержанию осужденных и лиц, взятых под стражу, совершивших побег, или осужденных, уклоняющихся от отбывания наказания, в местах, где вероятно их появление, входить беспрепятственно в любое время суток на территорию и в помещения предприятий, учреждений и организаций, в жилые и подсобные помещения граждан и находиться в них только по согласию собственников. Кроме того, сотрудники исправительного центра могут посещать, как правило, в дневное время жилое помещение, где проживает осужденный. Основания и порядок посещения жилых помещений, где проживают осужденные к отбыванию наказания в виде ограничения свободы, как в дневное время, так и в другие периоды суток, законодательством не определены. Остается также неурегулированным законодательством порядок вхождения на земельные участки, в жилье и других помещений граждан, на территорию и в помещения предприятий, учреждений и организаций сотрудников полиции и сотрудников уголовно-исполнительных инспекций при осуществлении проверок по месту жительства или работы лиц, осужденных к отбыванию наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью; отбывания наказания в виде общественных работ; отбывания наказания в виде исправительных работ; лиц, освобожденных от отбывания наказания с испытанием, а также освобожденных от отбывания наказания беременных женщин и женщин, имеющих детей в возрасте до трех лет.

По нашему мнению, участковые инспекторы полиции, сотрудники уголовного розыска, обслуживающие административный участок, должны иметь право беспрепятственно заходить на земельные участки, в жилые и другие помещения, принадлежащие на праве частной собственности лицам, состоящим на профилактическом учете в органах внутренних дел, а именно освобожденным из мест лишения свободы, отбывавшим наказание за умышленное преступление и в которых судимость не снята или не погашена в установленном законом порядке; осужденными за совершение преступлений, исполнение приговора в отношении которых не связано с лишением свободы; которые признаны в установленном порядке хроническими алкоголиками или злоупотребляют спиртными напитками и на почве пьянства систематически допускающих нарушения общественного порядка; члены семьи, которым было вынесено официальное предупреждение о недопустимости совершения насилия в семье; которые были признаны в установленном порядке наркоманами, токсикоманами или употребляющих наркотические средства или психотропные вещества без назначения врача; психически больными, которые являются общественно опасными и находятся на специальном учете в учреждениях здравоохранения; а также несовершеннолетними правонарушителями, в отношении которых осуществляется профилактическая работа с целью контроля за поведением и образом жизни таких лиц по месту жительства.

В настоящее время при использовании указанных мер на практике возникает много вопросов, которые требуют своего законодательного решения. Определенного улучшения требует также и сама практика применения исследуемых административно-предупредительной мер как сотрудниками полиции, так и сотрудниками других правоохранительных органов.

На сегодня существует необходимость в разработке Инструкции с примерным названием «О порядке проверки сотрудниками правоохранительных органов документов, удостоверяющих личность и других документов», которая должна состоять из следующих основных положений: перечня документов, удостоверяющих личность на территории России (с описанием смысловых особенностей, образцов, сроков их действия, с указанием категорий лиц, которым они выдаются, перечнем органов, имеющих право их выдавать); подробного описания оснований для проверки и указания места проведения проверки документов; описи тактических действий работников при проверке документов (алгоритм действий при проверке документов у разных категорий лиц; меры личной безопасности работников при проверке документов при различных обстоятельствах; способы выявления недействительных документов).

Список литературы

1. Коренев А. П. Административное право России: [учебник] / А. П. Коренев – В 3-х ч. – М. : МЮИ МВД России. Изд-во «Щит-М», – Ч. 1. – 1999. – 653 с.

2. Советское административное право: учебник / под ред. Р. С. Павловского. – К. : Высшая школа, 1986. – 280 с.

3. Дугушкин М. А. Административно-правовые меры предупреждения и пресечения распотранения наркотических и психотропных веществ в Российской Федерации) : дис… кандидата юрид. наук : 12.00.14 / М. А. Дугушкин. – М. – 2002 – 172 с.

4. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 N 195-ФЗ (ред. от 03.07.2019) (с изм. и доп., вступ. в силу с 14.07.2019). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661 (дата обращения 01.10.2019). – Текст электронный.

5. Русанова С. Ю., Шершнев Е. О. Субъекты применения мер административного предупреждения / С. Ю. Русанова, Е. О. Шершнев // Молодая наука: сборник научных трудов научно-практической конференции для студентов и молодых ученых / под ред. Н. Г. Гончаровой. – Симферополь: ИТ АРИАЛ. – С. 342-344.

6. Макарейко Н. В, Никифоров М. В., Скляров И. А. Административное принуждение в России: Учебное пособие. // Н. В. Макарейко и др. – Нижний Новгород: издательство Нижегородского госуниверситета. – 2007. – 228 с.

7. О полиции : Федеральный закон от 07.02.2011 N 3-ФЗ (ред. от 01.04.2019). URL: : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_110165 (дата обращения 01.10.2019). – Текст электронный.

8. Таможенный кодекс Евразийского экономического союза (приложение N 1 к Договору о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_215315 (дата обращения 01.10.2019). – Текст электронный.

9. Об утверждении Инструкции о порядке проведения личного досмотра физических лиц, следующих через таможенную границу Российской Федерации либо находящихся в зоне таможенного контроля или транзитной зоне аэропорта, открытого для международного сообщения : приказ ГТК РФ от 22.09.1997 N 569 (ред. от 02.02.1998). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_17345 (дата обращения 01.10.2019). – Текст электронный.

10. Вопросы организации деятельности строевых подразделений патрульно-постовой службы полиции (вместе с Уставом патрульно-постовой службы полиции) : приказ МВД России от 29.01.2008 N 80 (ред. от 12.02.2015). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_75673/ (дата обращения 01.10.2019). – Текст электронный.

11. Об утверждении Правил обеспечения безопасности при проведении официальных спортивных соревнований : Постановление Правительства РФ от 18 апреля 2014 г. N 353. URL: https://base.garant.ru/70641034/ (дата обращения 01.10.2019). – Текст электронный.

12. Об утверждении Государственной программы обеспечения безопасности полетов воздушных судов гражданской авиации : распоряжение Правительства РФ от 06.05.2008 N 641-р. URL:

http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_53420/ (дата обращения 01.10.2019). – Текст электронный.

13. Предупреждение преступлений и административных правонарушений органами внутренних дел: учебник. 2-е изд., перераб. и доп. / под ред. В. Я. Кикоть, С. Я. Лебедева, Н. В. Румянцева. – М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2012. – 488 с.

14. О дополнительных мерах по обеспечению безопасности дорожного движения" (вместе с Положением о Государственной инспекции безопасности дорожного движения Министерства внутренних дел Российской Федерации) : Указ Президента РФ от 15.06.1998 N 711 (ред. от 15.09.2018). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19010/ (дата обращения 01.10.2019). – Текст электронный.

15. О Правилах дорожного движения" (вместе с Основными положениями по допуску транспортных средств к эксплуатации и обязанности должностных лиц по обеспечению безопасности дорожного движения) : Постановление Правительства РФ от 23.10.1993 N 1090 (ред. от 04.12.2018). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_2709/ (дата обращения 01.10.2019). – Текст электронный.

16. Об утверждении Правил освидетельствования лица, которое управляет транспортным средством, на состояние алкогольного опьянения и оформления его результатов, направления указанного лица на медицинское освидетельствование на состояние опьянения, медицинского освидетельствования этого лица на состояние опьянения и оформления его результатов и правил определения наличия наркотических средств или психотропных веществ в организме человека при проведении медицинского освидетельствования на состояние опьянения лица, которое управляет транспортным средством : Постановление Правительства РФ от 26.06.2008 N 475 (ред. от 10.09.2016). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_77976/ (дата обращения 01.10.2019). – Текст электронный.

17. Олейник В. И. Правовые основы борьбы с административными правонарушениями / В. И. Олейник // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. – 2009. – № 2 (17). – С. 83-87.

18. Севрюгин В. Е. Проблемы административного права. Учебное пособие. // В. Е. Севрюгин. – Тюмень: ТГУ, 2010. – 179 с.

19. Маркина Э. В., Сосновская Ю. Н. Проверка документов, удостоверяющих личность у граждан России, иностранных граждан и лиц без гражданства, как мера административного принуждения / Э. В. Маркина, Ю. Н. Сосновская // Вестник экономической безопасности. – 2016. – № 3. – С. 101-104.

20. Казак Б. Б., Михайлова Н. В., Столяренко В. М. Об организации профилактики правонарушений органами внутренних дел / Б. Б. Казак, Н. В. Михайлова, В. М. Столяренко //Административное и муниципальное право. – 2012. – № 2. – С. 39-42.

21. О гражданстве Российской Федерации : Федеральный закон от 31.05.2002 N 62-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_36927/ (дата обращения 01.10.2019). – Текст электронный.

22. О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию : Федеральный закон от 15.08.1996 N 114-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_11376/ (дата обращения 01.10.2019). – Текст электронный.

23. О дополнительных мерах по обеспечению безопасности дорожного движения (вместе с "Положением о Государственной инспекции безопасности дорожного движения Министерства внутренних дел Российской Федерации") : Указ Президента РФ от 15.06.1998 N 711 (ред. от 15.09.2018). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19010/ (дата обращения 01.10.2019). – Текст электронный.

24. Майоров В. И., Коркин А. В. Меры административной профилактики и предупреждения в деятельности полиции / В. И. Майоров, А. В. Коркин // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. – 2016. – № 4. – С. 141-147.

25. Об утверждении Правил осуществления процедур пограничного, таможенного и иных видов контроля в отношении пассажиров, животных, грузов, товаров и транспортных средств в свободных портах Республики Крым и г. Севастополя и о внесении изменения в постановление Правительства Российской Федерации от 20 ноября 2008 г. N 872 : Постановление Правительства РФ от 28.08.2018 N 1016. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_305759/ (дата обращения 01.10.2019). – Текст электронный.

26. О прокуратуре Российской Федерации : Федеральный закон от 17.01.1992 N 2202-1. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_262/ (дата обращения 01.10.2019). – Текст электронный.

27. Об утверждении Положения о Федеральной налоговой службе : Постановление Правительства РФ от 30.09.2004 N 506 (ред. от 27.08.2019). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_49673/ (дата обращения 01.10.2019). – Текст электронный.

Rusanova S., Shershnev E. Features of application of administrative preventive measures aimed at the prevention and detection of offences / S. Rusanova // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2019. – T. 4 (72). № 4. – P. 371-388.

The article reveals the problems of application of administrative warning measures related to the prevention and detection of offenses by law enforcement officers. The authors reveal the features of legal regulation and practical implementation of inspection and inspection of things and documents, personal inspection, as well as vehicles, verification of documents, entry of authorized officials on the territory and premises of enterprises, institutions and organizations, as well as on land, in residential and other premises of citizens. On the basis of the study, the authors make proposals to improve the current legislation of the Russian Federation in terms of the mechanism of implementation of the analyzed measures.

Keywords: administrative offense, inspection, administrative warning measures, inspection, law enforcement agencies, verification of documents, police.

Spisok literatury`:

1. Korenev A. P. Administrativnoe pravo Rossii: [uchebnik] / A. P. Korenev – V 3-x ch. – M. : MYuI MVD Rossii. Izd-vo „Shhit-M", – Ch. 1. – 1999. – 653 s.

2. Sovetskoe administrativnoe pravo: uchebnik / pod red. R. S. Pavlovskogo. – K. : Vy`sshaya shkola, 1986. – 280 s.

3. Dugushkin M. A. Administrativno-pravovy`e mery` preduprezhdeniya i presecheniya raspotraneniya narkoticheskix i psixotropny`x veshhestv v Rossijskoj Federacii) : dis… kandidata yurid. nauk : 12.00.14 / M. A. Dugushkin. – M. – 2002 – 172 s.

4. Kodeks Rossijskoj Federacii ob administrativny`x pravonarusheniyax ot 30.12.2001 N 195-FZ (red. ot 03.07.2019) (s izm. i dop., vstup. v silu s 14.07.2019). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661 (data obrashheniya 01.10.2019). – Tekst e`lektronny`j.

5. Rusanova S. Yu., Shershnev E. O. Sub``ekty` primeneniya mer administrativnogo preduprezhdeniya / S. Yu. Rusanova, E. O. Shershnev // Molodaya nauka: sbornik nauchny`x trudov nauchno-prakticheskoj konferencii dlya studentov i molody`x ucheny`x / pod red. N. G. Goncharovoj. – Simferopol`: IT ARIAL. – S. 342-344.

6. Makarejko N. V, Nikiforov M. V., Sklyarov I. A. Administrativnoe prinuzhdenie v Rossii: Uchebnoe posobie. // N. V. Makarejko i dr. – Nizhnij Novgorod: izdatel`stvo Nizhegorodskogo gosuniversiteta. – 2007. – 228 s.

7. O policii : Federal`ny`j zakon ot 07.02.2011 N 3-FZ (red. ot 01.04.2019). URL: : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_110165 (data obrashheniya 01.10.2019). – Tekst e`lektronny`j.

8. Tamozhenny`j kodeks Evrazijskogo e`konomicheskogo soyuza (prilozhenie N 1 k Dogovoru o Tamozhennom kodekse Evrazijskogo e`konomicheskogo soyuza). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_215315 (data obrashheniya 01.10.2019). – Tekst e`lektronny`j.

9. Ob utverzhdenii Instrukcii o poryadke provedeniya lichnogo dosmotra fizicheskix licz, sleduyushhix cherez tamozhennuyu graniczu Rossijskoj Federacii libo naxodyashhixsya v zone tamozhennogo kontrolya ili tranzitnoj zone ae`roporta, otkry`togo dlya mezhdunarodnogo soobshheniya : prikaz GTK RF ot 22.09.1997 N 569 (red. ot 02.02.1998). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_17345 (data obrashheniya 01.10.2019). – Tekst e`lektronny`j.

10. Voprosy` organizacii deyatel`nosti stroevy`x podrazdelenij patrul`no-postovoj sluzhby` policii (vmeste s Ustavom patrul`no-postovoj sluzhby` policii) : prikaz MVD Rossii ot 29.01.2008 N 80 (red. ot 12.02.2015). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_75673/ (data obrashheniya 01.10.2019). – Tekst e`lektronny`j.

11. Ob utverzhdenii Pravil obespecheniya bezopasnosti pri provedenii oficial`ny`x sportivny`x sorevnovanij : Postanovlenie Pravitel`stva RF ot 18 aprelya 2014 g. N 353. URL: https://base.garant.ru/70641034/ (data obrashheniya 01.10.2019). – Tekst e`lektronny`j.

12. Ob utverzhdenii Gosudarstvennoj programmy` obespecheniya bezopasnosti poletov vozdushny`x sudov grazhdanskoj aviacii : rasporyazhenie Pravitel`stva RF ot 06.05.2008 N 641-r. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_53420/ (data obrashheniya 01.10.2019). – Tekst e`lektronny`j.

13. Preduprezhdenie prestuplenij i administrativny`x pravonarushenij organami vnutrennix del: uchebnik. 2-e izd., pererab. i dop. / pod red. V. Ya. Kikot`, S. Ya. Lebedeva, N. V. Rumyanceva. – M. : YuNITI-DANA, 2012. – 488 s.

14. O dopolnitel`ny`x merax po obespecheniyu bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya" (vmeste s Polozheniem o Gosudarstvennoj inspekcii bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya Ministerstva vnutrennix del Rossijskoj Federacii) : Ukaz Prezidenta RF ot 15.06.1998 N 711 (red. ot 15.09.2018). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19010/ (data obrashheniya 01.10.2019). – Tekst e`lektronny`j.

15. O Pravilax dorozhnogo dvizheniya" (vmeste s Osnovny`mi polozheniyami po dopusku transportny`x sredstv k e`kspluatacii i obyazannosti dolzhnostny`x licz po obespecheniyu bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya) : Postanovlenie Pravitel`stva RF ot 23.10.1993 N 1090 (red. ot 04.12.2018). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_2709/ (data obrashheniya 01.10.2019). – Tekst e`lektronny`j.

16. Ob utverzhdenii Pravil osvidetel`stvovaniya licza, kotoroe upravlyaet transportny`m sredstvom, na sostoyanie alkogol`nogo op`yaneniya i oformleniya ego rezul`tatov, napravleniya ukazannogo licza na medicinskoe osvidetel`stvovanie na sostoyanie op`yaneniya, medicinskogo osvidetel`stvovaniya e`togo licza na sostoyanie op`yaneniya i oformleniya ego rezul`tatov i pravil opredeleniya nalichiya narkoticheskix sredstv ili psixotropny`x veshhestv v organizme cheloveka pri provedenii medicinskogo osvidetel`stvovaniya na sostoyanie op`yaneniya licza, kotoroe upravlyaet transportny`m sredstvom : Postanovlenie Pravitel`stva RF ot 26.06.2008 N 475 (red. ot 10.09.2016). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_77976/ (data obrashheniya 01.10.2019). – Tekst e`lektronny`j.

17. Olejnik V. I. Pravovy`e osnovy` bor`by` s administrativny`mi pravonarusheniyami / V. I. Olejnik // Vestnik Dal`nevostochnogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. – 2009. – № 2 (17). – S. 83-87.

18. Sevryugin V. E. Problemy` administrativnogo prava. Uchebnoe posobie. // V. E. Sevryugin. – Tyumen`: TGU, 2010. – 179 s.

19. Markina E`. V., Sosnovskaya Yu. N. Proverka dokumentov, udostoveryayushhix lichnost` u grazhdan Rossii, inostranny`x grazhdan i licz bez grazhdanstva, kak mera administrativnogo prinuzhdeniya / E`. V. Markina, Yu. N. Sosnovskaya // Vestnik e`konomicheskoj bezopasnosti. – 2016. – № 3. –– S. 101-104.

20. Kazak B. B., Mixajlova N. V., Stolyarenko V. M. Ob organizacii profilaktiki pravonarushenij organami vnutrennix del / B. B. Kazak, N. V. Mixajlova, V. M. Stolyarenko //Administrativnoe i municipal`noe pravo. – 2012. – № 2. – S. 39-42.

21. O grazhdanstve Rossijskoj Federacii : Federal`ny`j zakon ot 31.05.2002 N 62-FZ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_36927/ (data obrashheniya 01.10.2019). – Tekst e`lektronny`j.

22. O poryadke vy`ezda iz Rossijskoj Federacii i v``ezda v Rossijskuyu Federaciyu : Federal`ny`j zakon ot 15.08.1996 N 114-FZ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_11376/ (data obrashheniya 01.10.2019). – Tekst e`lektronny`j.

23. O dopolnitel`ny`x merax po obespecheniyu bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya (vmeste s "Polozheniem o Gosudarstvennoj inspekcii bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya Ministerstva vnutrennix del Rossijskoj Federacii") : Ukaz Prezidenta RF ot 15.06.1998 N 711 (red. ot 15.09.2018). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19010/ (data obrashheniya 01.10.2019). – Tekst e`lektronny`j.

24. Majorov V. I., Korkin A. V. Mery` administrativnoj profilaktiki i preduprezhdeniya v deyatel`nosti policii / V. I. Majorov, A. V. Korkin // Rassledovanie prestuplenij: problemy` i puti ix resheniya. – 2016. – № 4. – S. 141-147.

25. Ob utverzhdenii Pravil osushhestvleniya procedur pogranichnogo, tamozhennogo i iny`x vidov kontrolya v otnoshenii passazhirov, zhivotny`x, gruzov, tovarov i transportny`x sredstv v svobodny`x portax Respubliki Kry`m i g. Sevastopolya i o vnesenii izmeneniya v postanovlenie Pravitel`stva Rossijskoj Federacii ot 20 noyabrya 2008 g. N 872 : Postanovlenie Pravitel`stva RF ot 28.08.2018 N 1016. URL:

http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_305759/ (data obrashheniya 01.10.2019). – Tekst e`lektronny`j.

26. O prokurature Rossijskoj Federacii : Federal`ny`j zakon ot 17.01.1992 N 2202-1. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_262/ (data obrashheniya 01.10.2019). – Tekst e`lektronny`j.

27. Ob utverzhdenii Polozheniya o Federal`noj nalogovoj sluzhbe : Postanovlenie Pravitel`stva RF ot 30.09.2004 N 506 (red. ot 27.08.2019). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_49673/ (data obrashheniya 01.10.2019). – Tekst e`lektronny`j.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2019. – Т. 5 (71). № 4. – С. 389-400.

УДК 355.588

СТРАТЕГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПО ОСВОЕНИЮ АРКТИКИ

Элякова И. Д.

Финансово-экономический институт Северо-Восточного федерального университета имени М. К. Аммосова

В статье рассматривается стратегия государственной политики Российской Федерации в Арктике, в частности нормативно-правовые основы стратегии Арктической зоны России в контексте международных отношений. Принципиально новым фактом стало возникновение политических задач у госкорпораций – государственных структур, не входящих в систему власти РФ. Более того, ни в одной другой области государственной политики, ни в одном другом макрорегионе России госкорпорации не обладают политическими задачами и функциями.

Ключевые слова: стратегия, политика, Арктика, арктические страны, делимитация, проблемы, право

Актуальность темы. Арктика, занимая одну шестую часть Земли, остается на сегодняшний день, единственной крупной территорией без четкого международно-правового статуса (режима) и наличием множества территориальных споров между арктическими странами.

Если до середины XX века Арктика была местом территориальных споров исключительно арктических стран, то начиная с конца XX века и начала XXI века Арктика все более «вовлекается» в международную политику и причиной этому стали:

- Глобальное потопление, из-за которого освобождаются ото льдов большие морские пространства;
- Исчерпание полное или более половины запасов сырьевых ресурсов в мире и обнаружение таких ресурсов в Арктике;
- Развитие технологий в добыче сырьевых ресурсов, морской логистике и т.д.;
- Перезагруженность основных морских транспортных путей между Азией, Европой и Америкой и поиск альтернативных путей;
- Напряженность в международных отношениях с одновременным развитием и усилением вооружений;
- Нехватка рыбной продукции и вопросы сохранения уникальной экологии Арктики.

Вышеуказанные причины на сегодняшний день сделали Арктику ареной борьбы уже не только арктических стран, но и других стран, прямо не относящихся к Арктическому региону, за его природные ресурсы и за право контроля морских путей в Северном Ледовитом океане.

И сама стратегия России по вопросу делимитации Арктики базируется на комплексной внешней государственной политике, на основе ранее принятых норматив-

ных документов в целях достижения взаимоприемлемых решений по разграничению акваторий Северного Ледовитого океана на основании применения всего спектра норм международного права, сложившихся норм обычного права, двусторонних и многосторонних соглашений.

В связи с изложенным выше вопросы делимитации Арктики в целом и континентального шельфа в Арктике в частности сохраняют свою актуальность.

Основной текст. Россия в своей истории всегда имела те или иные стратегии в отношении Арктики. До XX века эта стратегия России проводилась через реализацию государственной политики по включению новых земель на Севере и народов, проживавших там, в состав России, заселению этих территорий.

В до 1930-х годов стратегия России состояла в распространении суверенных прав на свой арктический сектор и защите рыбопромысловых районов, путем принятия законодательных актов о включении в свой сектор тех или иных открытых земель и земель, которые могут быть открыты.

Начиная с 1950-х годов до конца 1980-х годов, стратегия Советского Союза в Арктике заключалась в полном закрытии своего арктического сектора путем установление суверенных прав на всей территории своего сектора. Данная стратегия в основном проводилась через государственную политику в области военной защиты арктических и северных территорий.

Как видим, стратегии в отношении Арктики в те года были достаточно «одновекторными».

С момента ратификации Конвенции ООН по морскому праву (1997 г.) стратегия России в отношении Арктики коренным образом изменилась.

Она стала комплексной, включающий в себя социально-экономическое развитие, освоение природных ресурсов, обеспечение военной безопасности, сохранение уникальной экосистемы, научные исследования, международное сотрудничество и т.д.

Существенные изменения произошли и в составе участников выработки и реализации государственной стратегии в Арктике. С начала 2000-х годов все важную роль в арктической политике России выполняют Администрация Президента РФ и Совет Безопасности РФ. Эксперты оценивают эту роль как более весомую, чем роль правительства – что мотивируется высокой личной включенностью главы государства в арктическую тематику (для сведения: базовые документы, на котором строится государственная стратегия России в отношении Арктики утверждены Президентом РФ) [1].

С 2008 года на Совет Безопасности возложена ответственность за арктические стратегии. Эта структура, возглавляемая лично Владимиром Путиным, выступает в качестве межведомственной координационной площадки.

Другие федеральные органы участвуют в выработке и реализации политики на различных уровнях и в рамках своих областей компетенции. Когда речь идет об определении российской политики безопасности в Арктике, ведущими выступают Министерство обороны, Министерство иностранных дел, Генеральный штаб и Федеральная служба безопасности.

Министерство энергетики и Министерство природных ресурсов и выступали, и выступают ключевыми участниками выработки и реализации политики в вопросах, касающихся ресурсов Арктики.

Принципиально новым фактом стало возникновение политических задач у госкорпораций – государственных структур, не входящих в систему власти РФ. Более того, ни в одной другой области государственной политики, ни в одном другом макрорегионе России госкорпорации не обладают политическими задачами и функциями.

Это связано с двумя факторами:

Первый – закрепленное Законом о недрах, монопольное положение «Газпрома» и «Роснефти» как оператора углеводородных ресурсов Арктического континентального шельфа. Сегодня более 80% лицензий рассредоточены именно между этими двумя госкорпорациями. А поскольку микроэкономика в регионе строится главным образом по принципу монопоселений, связанных с одним предприятием, то госкорпорации естественным образом выступают уникальным представителем государственных сервисов – таких, как детские сады, бытовая инфраструктура, транспортная сеть.

Второй фактор – усиление самих госкорпораций. За годы с момента принятия решения о создании «Газпрома» и «Роснефти» они из предприятий-концернов превратились в мощные социально-политические системы, объединяющие в своей орбите уклады жизни миллионов российских семей – не обязательно тех, кто непосредственно работает в этих корпорациях. Анклавный характер арктического уклада жизни городов и поселков потребовал особых форм реализации государственной политики в макрорегионе. Эта задача была решена фактическим делегированием части государственных функций госкорпорациям.

«Роснефть» и «Газпром» не единственные госкорпорации, которые переключили на себя обеспечение государственных сервисов в арктических городах и поселках. Ту же функцию, хотя и в несколько меньших объемах, связанных со спецификой их деятельности, выполняют две другие госкорпорации – Атомфлот и Совкомфлот.

Крайне любопытно, что общенациональный частный бизнес, сопоставимый по размеру с «Газпромом» и «Роснефтью», входит в этот же процесс. НОВАТЭК, крупнейшая в России частная газодобывающая компания, является оператором проекта завода сжиженного природного газа на полуострове Ямал в Карском море. «Лукойл», один из успешных нефтяных операторов за полярным кругом (но не на шельфе), владеет Варандейским нефтяным терминалом на Баренцевом море. Социальные практики городов и поселков, живущих вокруг частных корпораций, показывают, что они дублируют, а зачастую и заменяют государственные социальные сервисы не только для своих работников и их семей, но и для всех жителей территорий [1].

Нормативно-правовые основы стратегии Российской Федерации в Арктической зоне.

Государственная стратегия Российской Федерации сформулирована в ряде документов, в которых определены основные направления российской государственной политики в Арктике в области экономики, социальной политики, науки, экологии, военной безопасности, международного сотрудничества и т.д.

Концептуальным документом является «Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2020 года и дальнейшую перспективу» (утв. Президентом РФ 18 сентября 2008 г. N Пр-1969).

Именно в пункте 4 вышеуказанного документа определяются национальные интересы Российской Федерации в Арктике. Национальные интересы определяют главные цели, основные задачи и стратегические приоритеты государственной политики Российской Федерации в Арктике, если проще – всю стратегию России в Арктике.

Согласно пункту 4 «Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2020 года и дальнейшую перспективу» национальными интересами России в Арктике являются:

- использование Арктической зоны Российской Федерации в качестве стратегической ресурсной базы Российской Федерации, обеспечивающей решение задач социально-экономического развития страны;
- сохранение Арктики в качестве зоны мира и сотрудничества;
- сбережение уникальных экологических систем Арктики;
- использование Северного морского пути в качестве национальной единой транспортной коммуникации Российской Федерации в Арктике.

Главными целями государственной политики Российской Федерации в Арктике определены:

а) социально-экономическое развитие Арктической зоны Российской Федерации;

б) военная безопасность, защиты и охраны государственной границы Российской Федерации, пролегающей в Арктической зоне Российской Федерации;

в) экологическая безопасность Арктической зоны Российской Федерации;

г) формирование единого информационного пространства Российской Федерации в Арктической зоне при помощи технологий и связи;

д) развитие и обеспечение достаточного уровня фундаментальных и прикладных научных исследований (сфере науки и технологий);

е) международное сотрудничество с приарктическими государствами на основе международных договоров и соглашений, участницей которых является Российская Федерация.

Стратегическими приоритетами государственной политики Российской Федерации в Арктике определены [5]:

- осуществление активного взаимодействия Российской Федерации с приарктическими государствами в целях разграничения морских пространств на основе норм международного права, взаимных договоренностей с учетом национальных интересов Российской Федерации, а также для решения вопросов международно-правового обоснования внешней границы Арктической зоны Российской Федерации;
- наращивание усилий приарктических государств в создании единой региональной системы поиска и спасения, а также предотвращения техногенных катастроф и ликвидации их последствий, включая координацию деятельности спасательных сил;
- укрепление на двусторонней основе и в рамках региональных организаций, в том числе Арктического совета и Совета Баренцева/Евроарктического региона, добрососедских отношений России с приарктическими государствами, активизация экономического, научно-технического, культурного взаимодействия, а также при-

граничного сотрудничества, в том числе в области эффективного освоения природных ресурсов и сохранения окружающей природной среды в Арктике;

- содействие в организации и эффективном использовании транзитных и кроссполярных воздушных маршрутов в Арктике, а также в использовании Северного морского пути для международного судоходства в рамках юрисдикции Российской Федерации и в соответствии с международными договорами Российской Федерации;
- активизация участия российских государственных учреждений и общественных организаций в работе международных форумов, посвященных арктической проблематике, включая межпарламентское взаимодействие в рамках партнерства Россия - Европейский союз;
- разграничение морских пространств в Северном Ледовитом океане и обеспечение взаимовыгодного присутствия России на архипелаге Шпицберген;
- совершенствование системы государственного управления социально-экономическим развитием Арктической зоны Российской Федерации, в том числе за счет расширения фундаментальных и прикладных научных исследований в Арктике;
- улучшение качества жизни коренного населения и социальных условий хозяйственной деятельности в Арктике;
- развитие ресурсной базы Арктической зоны Российской Федерации за счет использования перспективных технологий;
- модернизация и развитие инфраструктуры арктической транспортной системы и рыбохозяйственного комплекса в Арктической зоне Российской Федерации.

Основой, на которой строится современная политика нашей страны в данном регионе, является «Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 года». В данном документе основные механизмы, способы и средства достижения стратегических целей и приоритетов устойчивого развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности.

Согласно этому документу приоритетными направлениями развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности являются:

а) комплексное социально-экономическое развитие Арктической зоны Российской Федерации;

б) развитие науки и технологий;

в) создание современной информационно-телекоммуникационной инфраструктуры;

г) обеспечение экологической безопасности;

д) международное сотрудничество в Арктике;

е) обеспечение военной безопасности, защиты и охраны государственной границы Российской Федерации в Арктике.

С начала 1990-х годов Российская Федерация усиливает свое позиционирование в системе международных отношений со странами Арктического региона и входит в качестве члена в ряд следующих организаций [9]:

- Совет государств Балтийского моря (1992);
- Северный форум (1992);

• Совет Баренцева/Евроарктического региона (1993);
• Конференцию парламентариев Арктического региона (1994);
• Арктический совет (1996);
• проект Европейского Союза «Северное измерение» (1999).

Таким образом, мы видим, что нынешняя стратегия России является комплексной государственной политикой, затрагивающий различные сферы жизнедеятельности нашей страны. Через реализацию этой государственной политики Россия намерена в максимальной степени защитить свои национальные интересы в Арктике.

Стратегия государственной политики Российской Федерации в Арктике в контексте международных отношений. Стратегия России в Арктике в контексте международных отношений представляет собой достаточно сложную структуру внешней политики России.

Принимая во внимание, что в Арктической зоне России могут быть сосредоточены значительные запасы природных ресурсов и проходит основные морские пути из Европы в Азию, вопросы делимитации Арктики в целом и установление внешних границ континентального шельфа в частности, являются самыми важными и приоритетными в стратегии России в Арктике.

Стратегия России в данном вопросе исходит из цели расширения внешних границ континентального шельфа в Северном Ледовитом океане, так как Арктическая зона России рассматривается в качестве стратегической ресурсной базы, обеспечивающей решение задач социально-экономического развития страны. Механизм достижение данной стратегии (цели) был определен Россией путем взаимных договоренностей с приарктическими государствами с учетом национальных интересов Российской Федерации на основе норм международного права.

Рассмотрим, насколько эта стратегия является актуальной и реализуется в текущем времени.

С присоединением России к Конвенции 1982 г., она, по сути, отказалась от применения обычных норм международного права, т.е. разграничения территории в Арктике по «Секторальному принципу». Необходимость этого шага обосновывалась тем, что это служит гарантией обеспечения интересов России и обеспечивает гарантию против выдвижения необоснованных территориальных претензий [4]. Однако, как полагают некоторые отечественные эксперты сегодня, «российской стороной вряд ли были серьезным образом просчитаны все политико-правовые последствия присоединения к Конвенции.

Вплоть до середины 2000-х годов при вопросах делимитации акватории Северного Ледовитого океана, Россия исходила из международной кооперации по поиску взаимоприемлемых решений с подключением различных международных организаций. Судя по всему, Россия верила, что в ходе переговоров с западными партнерами, прежде всего с арктическими странами, удастся найти взаимовыгодные решения по дипломатическим каналам, так как детальное проведение глубоководных исследований по установлению внешних границ континентального шельфа требовали значительных финансовых затрат.

Однако международная обстановка, различный подход арктических стран на правовой статус Арктики, наличие взаимных притязаний существенно скорректировали реализацию выбранной Россией стратегии.

Начиная с 2004 г. Россия активно начала работы по исследованию морского дна в целях сбора доказательств по расширению своего континентального шельфа. Напомним, что Россия еще в 2001 г. подала заявку в Комиссию ООН по континентальному шельфу, где она значительно расширила внешние границы своего континентального шельфа на богатый углеводородами участок шельфа, включающий хребет Ломоносова и поднятие Менделеева.

Основанием послужили исследования рельефа морского дна, в ходе которых выяснилось, что подводные хребты Ломоносова и Менделеева, проходящие по дну Северного Ледовитого океана, являются продолжением Сибирской континентальной платформы [4].

В 2002 году Комиссия ООН по континентальному шельфу отклонила заявку России, указав что не были в достаточной мере представлены биметрические и геологические доказательства в пользу доводов Российской Федерации, в связи с чем Комиссия рекомендовала привести более детальные доказательства.

С 2005 г. по 2014 г. была проведена обширная работа по уточнению данных. Всего было осуществлено семь экспедиций на научном судне «Академик Федоров», в результате которых были осуществлены промеры морского дна, сейсмические исследования, собраны образцы донных отложений с глубины нескольких километров. Ученые взяли пробы грунта и воды, провели фото- и киносъемку, а также установили на океаническом дне российский триколор из титанового сплава. Последняя экспедиция в рамках подготовки второй заявки была завершена в октябре 2014 года.

В этот же период Россия начинает создавать и размещать военные контингенты своих Вооруженных Сил, проводит регулярные учения в своей Арктической зоне, а также создавать для постоянной дислокации военные базы в Арктике. Основанием для принятия данных решений стали беспокойство российского руководства заявлениями стран - членов НАТО, которые не исключали размещения военных баз в Арктике, даже выступали за скорейшее их размещение.

По мнению российского руководства, такие действия не только не способствовали демилитаризации арктического региона, но и затруднили бы применения норм международного права при решении вопросов делимитации Арктики между арктическими странами.

В августе 2007 г. научная экспедиция России «Арктика 2007 г.» на глубоководном аппарате «Мир-1» впервые в мире опустился на дно Северного Ледовитого океана в географической точке Северного полюса на глубину 4261 метр и водрузила флаг Российской Федерации. Данное событие широко обсуждалось, но несомненно было ясно – Российская Федерация намерена расширить свои границы континентального шельфа и защищать свои суверенные права и национальные интересы с использованием международного права, а в случае необходимости – Вооруженными силами.

Этот момент можно считать переломным в выборе стратегии государственной политики России в Арктике. Именно в 2007 г. Россия сформировала в качестве государственной политики по делимитации Арктики политику «собственных сил»:

- с максимальным использованием норм международного права без отказа от норм обычного международного права;

- путем проведение масштабных фундаментальных научных исследований с одновременным проведением не менее масштабных военных учений;
- с активизацией двусторонних переговоров с арктическими странами по вопросам делимитации акваторий Северного Ледовитого океана, и международных переговоров с другими странами по вопросам сотрудничества в сфере добычи природных ресурсов и морской логистики.

Все вышеуказанные политические аспекты могут быть использованы как одновременно, так и по отдельности в зависимости от рассматриваемого вопроса и субъекта переговорного процесса. Поэтому, Россия в качестве «ядра механизма проведения государственной политики в Арктике» выбрала собственные силы в отстаивании своих прав на расширение границ континентального шельфа, но не отказалась от международного сотрудничества на условиях равноправия, взаимовыгодности и взаимоуважения по вопросам экономики, экологии и военного сотрудничества в Арктике.

Кроме того следует обратить внимание на тот факт, что Россия в вопросе делимитации Арктики в целом, рассматривает и считает что этот вопрос должен быть решен только приарктическими странами, недвусмысленно давая понять что она также не против увеличения границ континентального шельфа другими арктическими странами, а смежные акватории предлагает решить на двусторонней основе используя не только международное право, но весь объем ранее сложившихся норм обычного права.

По мнению ряда экспертов, такой подход позволить «исключить» Арктику из принципа «общечеловеческого достояния» и не допустить «интернационализации» Арктики, что в свою очередь значительно сузить число стран, пытающихся участвовать в «разделе» Арктики.

Первым достижением выбранной стратегии можно считать Договор между Российской Федерацией и Королевством Норвегия о разграничении морских пространств и сотрудничестве в Баренцевом море и Северном Ледовитом океане 2010 г. Данный договор был заключен на основе двусторонних отношений с использованием норм международного права и ранее сложившихся норм обычного права. Благодаря заключенному Договору, Россия и Норвегия разграничили спорные акватории в Баренцевом море и Северном Ледовитом океане и заложили основы сотрудничества области транспорта – совместный российско-норвежский нефтегазовый проект «Ru-No Barents», в рамках которого создано специальное направление «Логистика и транспорт». Общей задачей данного проекта является оценка «разрыва» между существующим на сегодня уровнем технологий и технологиями (в том числе в области логистики и транспорта), необходимыми для добычи нефти и газа в Баренцевом, Печорском и Карском морях наиболее экологически безопасным и надежным способом. Участники проекта по направлению «Логистика и транспорт» получают возможность включиться в деятельность международных рабочих групп, проводящих оценку транспортно-логистических проблем, с которыми сталкиваются как Норвегия, так и Россия при освоении Арктики.

Практика переговорного процесса с Королевством Норвегия на основе скорректированной стратегии государственной политики России в Арктике в целом показала положительные результаты.

С остальными арктическими странами ведутся переговоры, но предметный разговор намечается после рассмотрения Комиссией ООН по континентальному шельфу заявок России, Дании и Канады относительно границ континентального шельфа.

В настоящее время на рассмотрении Комиссии находится заявка России, которая она подала августе 2015 г. Это вторая заявка России после отклонения заявки 2001 г. Заявка 2015 г. является дополнением и уточнением заявки 2001 г. после многолетних исследований. Ее презентация в ООН состоялась 9 февраля 2016 г., процесс рассмотрения заявки может занять до 5 лет.

Пересмотренная заявка «исходит из научного понимания, что составные части комплекса Центрально-Арктических подводных поднятий, а именно хребет Ломоносова, поднятие Менделеева-Альфа и Чукотское поднятия и разделяющие их котловина Подводников и Чукотская котловина имеют континентальную природу своего образования» и относятся к подводным возвышенностям, являющимся естественными компонентами материковой окраины [7]. В целом районы, на которые претендует Россия, охватывают геоморфологический шельф российских арктических окраинных морей, часть Евразийского бассейна (котловины Нансена и Амундсена, хребет Гаккеля), центральную часть Амеразийского бассейна в составе котловины Макарова и Комплекса Центрально-Арктических подводных поднятий [8].

К таким компонентам не применяется дистанционный лимит в 350 морских миль от исходных линий, отмечается в заявке (согласно Конвенции ООН по морскому праву 1982 года в случае продолжения шельфа за пределы 200 миль страна может расширить свою границу до 350 миль) [4].

Прогнозные ресурсы углеводородов рассматриваемых областей – 5 миллиардов тонн условного топлива.

В настоящее время, Комиссия ООН согласовала 42 из 44 точек подножья склона континентального шельфа, представленных Россией в заявке на расширение шельфа Арктики. Об этом сообщил журналистам министр природных ресурсов и экологии России Сергей Донской. «Ключевая задача – согласование точек подножья склона (континентального шельфа) [5]. Из 44 точек, представленных в российской заявке, 42 согласованы. Остались только две», – сказал он. Донской добавил, что Россия надеется, что решение Комиссии ООН по заявке на расширение границ шельфа Арктики будет принято в конце 2018 года [2].

В случае одобрения российской заявки площадь российского континентального шельфа увеличится на 1,2 млн. кв. км (в настоящее время – 4,1 млн. кв. км).

Рассматриваемая заявка России также стала результатом скорректированной стратегии России, ее закрепления в нормативных документах, представляющий собой мирную политики России в Арктике на основе международного права и международного сотрудничества.

Касательно деятельности в области разведки и добычи природных ресурсов, то стратегия России уделяет приоритет международному сотрудничеству. Это прежде всего объясняется тем, что добыча природного сырья в этом регионе земного шара требует значительных финансовых вливаний и требует разработки совершенно новых технологических процессов. Данная деятельность в настоящее время и в ближайшем будущем для России непосильны в одиночку. Россия данного факта признает и открыто призывает другие страны скооперироваться для достижения взаимовыгодного сотрудничества. В целом, все заинтересованные в Арктике страны

прекрасно это понимают, но нерешенный вопрос по границам континентального шельфа затормаживает процессы международного сотрудничества.

Поэтому позиция России и заключается в том, что арктические страны должны как можно скорее урегулировать споры по границам континентального шельфа. Скорейшее урегулирование этих спорных моментов позволить окончательно определить правовой статус Арктики.

В качестве примера приверженности к международному сотрудничеству в рамках норм международного права в Арктике, Россия приводит такие проекты как разработка Штокмановского газоконденсатного месторождения, реализуемое госкорпорацией АО «ГАЗПРОМ» совместно с французской компанией «Total» и норвежской «Statoil» запасы которого составляют 3,9 трл.куб.м. и проекта Ямал СПГ по добыче сжиженного природного газа, разрабатываемого российской компанией «НОВАТЭК» совместно с французской компанией «Total», Китайской национальной нефтегазовой корпорацией (CNPC) и китайским Фондом Шелкового пути (9,9 %).

Кроме того, Россия призывает участвовать в разработке проектов строительства глубоководных портов на участках Северного Морского пути.

Северный Морской путь является уникальным морским путем, представляющий собой наиболее короткий путь от Азии до Европы. В среднем путь по Севморпути от Китая до Германии занимает от 14 до 20 календарных дней, вместо 48 по Суэцкому каналу. Но для полноценной привлекательности и эксплуатации требуются морские порты на определенных участках Севморпути, которые еще нужно построит.

Относительно правового статуса Севморпути, то позиция России состоит из признания единственного факта – исторически сложившуюся национальную транспортную коммуникацию России.

Такое определение содержится в Федеральном законе «О естественных монополиях». Поясняется, что речь идет об участках, «охватывающих внутренние морские воды, территориальное море, прилежащую зону и исключительную экономическую зону России». Следовательно, Россия обладает в этих водах суверенными и исключительными правами.

Начиная с 2012 года, организацией судоходства в этом районе занимается Администрация Северного морского пути, в полномочия которой входит выдача разрешений на судоходство в акватории Северного морского пути, мониторинг навигационных и ледовых условий и т. п. Однако в начале июля 2018 г. полномочия по администрированию Северного морского пути были решением правительства возложены на «Росатом» [7].

Сегодня Россия активно занимается обустройством Северного морского пути, чтобы упростить прохождение судов в непростых климатических условиях. В 2015 году правительство утвердило Комплексный проект развития Северного морского пути – в ближайшие 15 лет грузопоток на этом направлении должен вырасти в 20 раз. Для обеспечения такого большого объема грузопотока и необходимы порты.

Поэтому, международное сотрудничество в рамках использования Северного морского пути не перекрыта Россией, наоборот, исходя из своей стратегии, Россия приглашает принять участия в эксплуатации Северного морского пути путем строительства морских портов.

Стратегию международного сотрудничества в Арктике, Россия также поддерживает в таких областях как экология, научные исследования, безопасность, а также в спасательных операциях.

Таким образом, стратегия России в Арктике является комплексной, многовекторной государственной политикой. В рамках этой политики решаются не только вопросы делимитации Арктики, но и раздел последних на Земле крупных резервов месторождений природных богатств человечества.

Список литературы

1. Российская стратегия в Арктике. URL: http://cpkr.ru/comments/rossiyskaya-strategiya-v-arktike (дата обращения 15.09.2019). – Текст электронный.
2. России осталось согласовать две точки на расширение арктического шельфа. URL: https://news.rambler.ru/other/37948809/?utm_content=rnews&utm_medium=read_more&utm_source=copylink (дата обращения 15.09.2019). – Текст электронный.
3. Агарков С. А. и др. Геоэкономические процессы в Арктике и развитие морских коммуникаций / С. А. Агарков и дл. // Апатиты: изд. КНЦ РАН, 2014. – 226 с.
4. Воронов К. Арктические горизонты стратегии России: современная динамика / К. Воронов // Мировая экономика и международные отношения. – 2010. – № 9. – С. 54-65.
5. Морозов А. И. Делимитация как фактор международного диалога в Арктике / А. И. Морозов // «Вопросы политологии». – 2016. – № 2 (22). – С. 15-22.
6. Полярное право : Монография / Мордвинова Т. Б., Скаридов А. С., Скаридова М. А. – М. : Юстиция, 2017. 398 с.
7. Partial Revised Submission Of The Russian Federation To The Commission On The Limits Of The Continental Shelf In Respect Of The Continental Shelf Of The Russian Federation In The Arctic Ocean - Executive Summary. URL: https://s-vfu.antiplagiat.ru/report/source/27348?v=1&source=360853089116275781/ (дата обращения 15.09.2019). – Текст электронный.
8. РФ подала заявку в ООН на расширение шельфа Арктики. URL: https://www.vestifinance.ru/articles/67294/ (дата обращения 15.09.2019). – Текст электронный.
9. Тамицкий А. М. Государственная политика современной России в Арктике: этапы, приоритеты и некоторые итоги / А. М. Тамицкий // Арктика и Север. – 2012. – № 6. – С. 1-8.

Elyakova I. D. Strategic aspects of the Russian Federation in the development of the Arctic/ I. D. Elyakova // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2019. – T. 4 (72). № 4. – P. 389-400.

The article discusses the strategy of state policy of the Russian Federation in the Arctic, in particular the regulatory framework of the strategy of the Arctic zone of Russia in the context of international relations. A fundamentally new fact was the emergence of political tasks among state-owned corporations - government agencies that are not part of the Russian government. Moreover, in no other area of state policy, nor in any other macro-region of Russia do state corporations possess political tasks and functions.

Keywords: strategy, politics, Arctic, Arctic countries, delimitation, problems, law.

Spisok literatury`

1. Rossijskaya strategiya v Arktike. URL: http://cpkr.ru/comments/rossiyskaya-strategiya-v-arktike (data obrashheniya 15.09.2019). – Tekst e`lektronny`j.
2. Rossii ostalos` soglasovat` dve tochki na rasshirenie arkticheskogo shel`fa. URL: https://news.rambler.ru/other/37948809/?utm_content=rnews&utm_medium=read_more&utm_source=copylink (data obrashheniya 15.09.2019). – Tekst e`lektronny`j.
3. Agarkov S. A. i dr. Geoe`konomicheskie processy` v Arktike i razvitie morskix kommunikacij / S. A. Agarkov i dl. // Apatity`: izd. KNCz RAN, 2014. – 226 s.
4. Voronov K. Arkticheskie gorizonty` strategii Rossii: sovremennaya dinamika / K. Voronov // Mirovaya e`konomika i mezhdunarodny`e otnosheniya. – 2010. – № 9. – S. 54-65.
5. Morozov A. I. Delimitaciya kak faktor mezhdunarodnogo dialoga v Arktike / A. I. Morozov // «Voprosy` politologii». – 2016. – № 2 (22). – S. 15-22.

6. Polyarnoe pravo : Monografiya / Mordvinova T. B., Skaridov A. S., Skaridova M. A. – M. : Yusticiya, 2017. 398 s.

7. Partial Revised Submission Of The Russian Federation To The Commission On The Limits Of The Continental Shelf In Respect Of The Continental Shelf Of The Russian Federation In The Arctic Ocean - Executive Summary. URL: https://s-vfu.antiplagiat.ru/report/source/27348?v=1&source=360853089116275781/ (data obrashheniya 15.09.2019). – Tekst e`lektronny`j.

8. RF podala zayavku v OON na rasshirenie shel`fa Arktiki. URL: https://www.vestifinance.ru/articles/67294/ (data obrashheniya 15.09.2019). – Tekst e`lektronny`j.

9. Tamiczkij A. M. Gosudarstvennaya politika sovremennoj Rossii v Arktike: e`tapy`, prioritety` i nekotory`e itogi / A. M. Tamiczkij // Arktika i Sever. – 2012. – № 6. – S. 1-8.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2019. – Т. 5 (71). № 4. – С. 401-408.

ТРИБУНА МОЛОДОГО УЧЕНОГО

УДК 349.41

ПРАВОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЗЕМЕЛЬ РЕКРЕАЦИОННОГО НАЗНАЧЕНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ РЕСПУБЛИКИ КРЫМ

Алимов З. А.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского

В статье раскрываются правовые особенности использования земель рекреационного назначения на территории Республики Крым. В работе указаны основные цели, для которых могут использоваться земли рекреационного назначения, а также подробно описаны основные направления, по которым могут использоваться земли рекреационного назначения с учетом их специфики, а также предназначения.

Огромное значение имеет данное исследование, как для науки земельного права, так и при изучении и учебной дисциплине земельного права. Определение такой категории как «использование земель» позволяет раскрыть картину относительно того, в каком из предусмотренных действующим законодательстве порядке могут использоваться отдельные виды земель рекреационного назначения. Изучение теоретических аспектов, связанных с порядком использование земель рекреационного назначения, способствует осуществлению дальнейших исследований в данной сфере.

***Ключевые слова*:** земли рекреационного назначения, земельный участок, порядок использования земель, организация отдыха, осуществление туризма.

Конституцией Российской Федерации установлено, что земля и другие природные ресурсы используются и охраняются в Российской Федерации как основа жизни и деятельности народов, проживающих на соответствующей территории [1]. В силу указанной нормы государство закрепило землю как основу жизнедеятельности народов, проживающих на территории Российской федерации, тем самым поставив под особую правовую охрану общественные отношения, связанные с использованием земли.

Конституционные положения нашли свое отображение и в действующем Земельном кодексе Российской Федерации [3], (далее по тексту – ЗК РФ) и в Гражданском кодексе Российской Федерации [4], (далее по тексту – ГК РФ), установив условия и порядок использования земель в Российской Федерации.

В соответствии со ст. 98 ЗК РФ земли рекреационного назначения в силу их специфики, а также предназначения могут использоваться по следующим основным направлениям: 1) для организации отдыха; 2) осуществления туризма; 3) проведения физкультурно-оздоровительной и спортивной деятельности граждан [3].

Что касается категории «использование земель», то на законодательном уровне данное определение не раскрывается, однако при определении тех или иных моделей использования земель, в силу действующего земельного законодательства, сложившейся юридической практики, а также теории земельного права, традиционно данное определение, как правило, рассматривается через различные виды использования земель. Так как фактически отношения по использованию земель представляют собой отношения по извлечению полезных свойств и качеств земли, необходимых для осуществления тех или иных видов деятельности, земельные правоотношения по использованию земель имеют более узкий характер и являются одним из видов земельных правоотношений [19].

Вместе с тем, непосредственное использование земель опосредуется институтом права собственности либо права пользования землей, и осуществляется собственниками, землевладельцами, землепользователями, арендаторами земельных участков. В свою очередь ст. 40 ЗК РФ содержит перечень прав, связанных с использованием земель, к которым относятся, в частности права: 1) использовать в установленном порядке для собственных нужд имеющиеся на земельном участке общераспространенные полезные ископаемые, пресные подземные воды, а также пруды, обводненные карьеры в соответствии с законодательством Российской Федерации; 2) возводить жилые, производственные, культурно-бытовые и иные здания, сооружения в соответствии с целевым назначением земельного участка и его разрешенным использованием с соблюдением требований градостроительных регламентов, строительных, экологических, санитарно-гигиенических, противопожарных и иных правил, нормативов; 3) проводить в соответствии с разрешенным использованием оросительные, осушительные, культур технические и другие мелиоративные работы, строить пруды (в том числе образованные водоподпорными сооружениями на водотоках) и иные водные объекты в соответствии с установленными законодательством экологическими, строительными, санитарно-гигиеническими и иными специальными требованиями; 4) осуществлять другие права на использование земельного участка, предусмотренных законодательством[3].

Таким образом, законодатель по общему правилу закрепляет перечень возможных вариантов использования земель вышеуказанными лицами. В этой связи целесообразно определить особенности правового использования земель рекреационного назначения сквозь призму прав, установленных законодателем с учетом категориальной принадлежности земель.

Что касается использования для собственных нужд имеющиеся на землях рекреационного назначения общераспространенных полезных ископаемых, пресных подземных вод, то такое использование допускается на таких землях, однако с учетом их специфики.

Использование общераспространенных полезных ископаемых на землях рекреационного назначения в Республике Крым осуществляется на основании ЗК РФ, а также распоряжения Министерства природных ресурсов и экологии Российской Федерации, Совета министров Республики Крым от 8 декабря 2014 года «Об утверждении перечня общераспространенных полезных ископаемых по Республике Крым», устанавливающим какие объекты могут использоваться самостоятельно собственниками земельных участков, в частности к таковым объектам относятся:

галька, гравий, валуны, глины, известняки, гипс [12], при условии, что данные объекты будут использоваться в рекреационных целях на глубине до пяти метров [13].

Вопрос об употреблении пресных подземных вод на землях рекреационного назначения решается в соответствии с ЗРК «О регулировании водных отношений в Республике Крым» [15], при этом объем извлечения таких вод должен составлять не более 100 кубических метров в сутки, из водоносных горизонтов, не являющихся источниками централизованного водоснабжения и расположенных над водоносными горизонтами, являющимися источниками централизованного водоснабжения [5].

Что касается проведения мелиоративных работ, возведения прудов, то такие виды деятельности по общему правилу не запрещены на землях рекреационного назначения в силу их категориально принадлежности. Рассмотрим данные вопросы более детально.

Так категориальная принадлежность земель рекреационного назначения не запрещает проведения на данных землях мелиоративных мероприятий, установленных действующим законодательством [6] в виде осушения и культурной мелиорации земель, лишь в том случае, когда такие мелиоративные мероприятия проводится для рекреационных целях, (например, осушение земель, либо расчистка земель от камней и иных предметов с целью расположения на данных землях тех или иных рекреационных объектов).

Отношения, связанные с возведением прудов на землях рекреационного назначения, являются достаточно специфическими. Следует также учесть тот факт, что на сегодняшний день законодатель не дает конкретизированного понятия «пруд», что порождает своего рода правовую неопределенность. Так, например, ГОСТ 19179-73 «Гидрология суши. Термины и определения» [17], под «прудом» понимает «мелководное водохранилище площадью не более 1 км в квадрате», однако такое определение не раскрывает каких-либо признаков, позволяющих определить пруд как юридическую категорию. В свою очередь в силу подпункта 3 ч. 2 ст. 5 Водного кодекса Российской Федерации пруд относится к поверхностным водным объектам. Они включают в себя природные или искусственные водоемы, водотоки либо иные объекты, постоянное или временное сосредоточение вод в которых имеет характерные формы и признаки водного режима (п. 4 ч. 1 ст. 1 ВК РФ). Под водным режимом следует понимать изменение во времени уровня, расхода и объема воды в водном объекте (п. 5 ч. 1 ст. 1 ВК РФ). Исходя из вышеуказанного, наличие именно специфических признаков позволяют охарактеризовать юридическую модель понимания пруда, тем самым позволяют отличить пруд как юридическую модель от искусственного резервуара с водой который также располагается на глубине земельного участка, уровень которого регулируется человеком [2, 9]

Однако что касается непосредственного возведения прудов на землях рекреационного назначения, то такое возведение возможно при наличии следующих требований: 1) такой пруд должен служить для рекреационных целей; 2) глубина такого пруда не должна превышать более пяти метров; 3) объем извлечения воды должен составлять не более 100 кубических метров при условии, что такое использование будет осуществляться из водоносных горизонтов, не являющихся источниками централизованного водоснабжения и расположенных над водоносными горизонтами, являющимися источниками централизованного водоснабжения; 4) будет соот-

ветствовать экологическим, строительным, санитарно-гигиеническим и иным специальным требованиям.

Таким образом, системный анализ норм действующего законодательства, позволяет определить условия, при которых возможно возведение прудов на землях рекреационного назначения. В свою очередь, возведённый пруд не является обязательным условием для перевода земель рекреационного назначения в иную категорию земель [8]. Необходимо также отметить, что пруд не является объектом недвижимости, тем самым не подлежит государственной регистрации как отдельный объект.

К иным правам, установленным п. п. 4 п.1 ст. 40 ЗК РФ по поводу использования земель рекреационного назначения, с учетом особенностей таких земель, можно отнести следующие виды такого использования: 1) организация отдыха; 2) осуществление туризма; 3) проведение физкультурно-оздоровительных и спортивных мероприятий.

Организация отдыха на землях рекреационного назначения, заключается в осуществлении комплекса различных мероприятий, позволяющих обеспечивающих полноценный отдых людей, направленный на укрепление их здоровья, профилактику заболеваний, а также развитие творческого потенциала. Вместе с тем для осуществления различных видов отдыха земли рекреационного назначения оборудуются как стационарными (специально созданными с целью обеспечения отдыха) и временно приспособленными, в том числе передвижными, палаточными сооружениями с круглосуточным или дневным пребыванием, которые в свою очередь должны соответствовать специальным требованиям.

Осуществление туризма на землях рекреационного назначения. В соответствии с ФЗ «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации», ЗРК «О туристской деятельности в Республике Крым», под туризмом понимаются временные выезды (путешествия) лиц с постоянного места жительства в лечебно-оздоровительных, рекреационных, познавательных, физкультурно-спортивных, профессионально-деловых, религиозных и иных целях без занятия деятельностью, связанной с получением дохода от источников в стране (месте) временного пребывания [7, 14].

В тоже время, Приказом министерства экономического развития Российской Федерации «Об утверждении классификатора видов разрешенного использования земельных участков» № 540 от 01.09. 2014 г., подробно определено, в чем выражается организация туризма на землях рекреационного назначения, которую условно можно разделить на две группы: первая группа – организация природно-познавательного туризма, к которой относятся, в частности, размещение баз и палаточных лагерей для проведения походов и экскурсий по ознакомлению с природой, пеших и конных прогулок, устройство троп и дорожек, размещение щитов с познавательными сведениями об окружающей природной среде, осуществление необходимых природоохранных и природовосстановительных мероприятий. Вторая группа – туристическое обслуживание, включающая в себя размещение пансионатов, туристических гостиниц, кемпингов, домов отдыха, не оказывающих услуги по лечению, а также иных зданий, используемых с целью извлечения предпринимательской выгоды из предоставления жилого помещения для временного проживания в них, размещение детских лагерей [11].

На основании изложенного можно прийти к выводу, что организация туризма заключается в проведении вышеперечисленных комплексов различных мероприятий, направленных на удовлетворение лечебно-оздоровительных, рекреационных, познавательных, физкультурно-спортивных, профессионально-деловых, религиозных и иных потребностей лиц, в отношении которых проводятся такого рода мероприятия. Таким образом, законодатель устанавливает, определенный перечень возможных способов организации туризма на землях рекреационного назначения, которые на наш взгляд должны быть исчерпывающими, тем самым закреплены в соответствующих правовых актах.

Проведение физкультурно-оздоровительных и спортивных мероприятий. На сегодняшний день, действующее законодательство Российской Федерации, не содержит легального определения физкультурно-оздоровительные мероприятия, ввиду чего логично обратится к толковому словарю русского языка. Так, например, в энциклопедическом словаре дается определение понятия «физкультурно-оздоровительный» под которым понимается «связанный с оздоровительной физкультурой, физкультурно-оздоровительный центр, комплекс» [20]. Также целесообразно обратить внимания на ГОСТ Р 52024-2003 Услуги физкультурно-оздоровительные и спортивные. Общие требования, определяющий, что под физкультурно-оздоровительной услугой понимается «деятельность исполнителя по удовлетворению потребностей потребителя в поддержании и укреплении здоровья, физической реабилитации, а также проведении физкультурно-оздоровительного и спортивного досуга» [18].

В соответствии с вышеуказанным, а также на основе положений ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации», ЗРК «О физической культуре и спорте в Республике Крым», предлагаем под «физкультурно-оздоровительными мероприятиями» понимать, комплекс специальных мероприятий, осуществляющих с целью физической реабилитации, и направленный на поддержание и укреплении здоровья. На наш взгляд, предложенную модель понимания «физкультурно-оздоровительные мероприятия» необходимо закрепить в нормативном правовом акте, так как такое определение конкретизирует, в чем выражается сущность таких мероприятий, и что это за мероприятия, тем самым позволяет использовать такие земли в соответствующих целях.

Проведение спортивных мероприятий на землях рекреационного назначения также имеет свою специфику. Согласно п. 1 ст. 2 ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации», под спортивными мероприятиями следует понимать «спортивные соревнования, а также тренировочные мероприятия, включающие в себя теоретическую и организационную части, и другие мероприятия по подготовке к спортивным соревнованиям с участием спортсменов» [10, 16]. К тому же, названный Закон раскрывает понимание спортивные соревнования, тренировочные мероприятия, тем самым дает возможность объективно воспринимать особенности и содержательную сторону данных мероприятий, что позволяет конкретизировать, какие виды деятельности относятся к спортивным мероприятиям.

Также к проведению спортивных мероприятий, могут относиться следующие виды деятельности, предусмотренные Классификатором видов разрешенного использования земельных участков, в частности: размещение объектов капитального строительства в качестве спортивных клубов, спортивных залов, бассейнов, устрой-

ство площадок для занятия спортом и физкультурой (беговые дорожки, спортивные сооружения, теннисные корты, поля для спортивной игры, автодромы, мотодромы, трамплины, трассы и спортивные стрельбища), в том числе водным (причалы и сооружения, необходимые для водных видов спорта и хранения соответствующего инвентаря); размещение спортивных баз и лагерей [11].

Проведенное исследования дает основания для следующих выводов:

1. Под организацией отдыха на землях рекреационного назначения, необходимо понимать как осуществление комплекса различных мероприятий, позволяющих обеспечивающих восстановительный процесс людей, направленный на укрепление их здоровья, профилактику заболеваний, а также развитие творческого потенциала населения.

2. Организация туризма заключается в проведении специальных мероприятий, направленных на удовлетворение лечебно-оздоровительных, рекреационных, познавательных, физкультурно-спортивных, профессионально-деловых, религиозных и иных потребностей лиц, в отношении которых проводятся такого рода мероприятия.

3. Под «физкультурно-оздоровительными мероприятиями» следует понимать, комплекс специальных мероприятий, осуществляемых с целью физической реабилитации и направленных на поддержание и укреплении здоровья человека.

Таким образом, системный анализ норм действующего законодательства позволяет отметить, что на сегодняшний день правовая основа порядка использования земель рекреационного назначения в силу специфики и характерных особенностей таких земель, является достаточно сложной и в тоже время противоречивой, тем самым порождает проблемы, связанные с использованием таких земель. В частности, одной из ключевых проблем, связанных с использованием таких земель на наш взгляд, является достаточно высокий уровень абстрактности целей, в соответствии с которыми могут использоваться земли рекреационного назначения, без дальнейшей их конкретизации и детализации.

Что касается правовых особенностей, связанных с использованием земель рекреационного назначения, то в первую очередь, такое использование должно осуществляться в строго установленных ст. 98 ЗК РФ основных направлениях, в частности, – для организации отдыха населения, проведения туризма, физкультурно-оздоровительной и спортивной деятельности граждан с учетом природных свойств присущих каждому земельному участку, не нарушая при этом целевого назначения таких земель.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993г.) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008г. №6-ФКЗ, от 30.12.2008г. №7-ФКЗ, от 05.02.2014г. №2-ФКЗ, от 21.07.2014г. №11-ФКЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2014. – №31. – Ст. 4398.

2. Водный кодекс Российской Федерации от 3.06.2006г. № 74-ФЗ (ред. от 03.08.2018г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2006. – № 23. – Ст. – 2381.

3. Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001г. №136-ФЗ (ред. от 25.12.2018г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 44. – Ст. 4147.

4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994г. № 51-ФЗ (ред. от 03.08.2018г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.

5. О недрах : Федеральный закон от 21.02.1992г. № 2395-1-ФЗ (ред. от 03.08.2018г.) // Собрание законодательства Российской Федерации – 1995. – № 10. – Ст. 823.

6. О мелиорации земель : Федеральный закон от 10.01.1996г. № 4-ФЗ (ред. от 05.04.2016г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 3. – Ст. 142.

7. Об основах туристской деятельности в Российской Федерации : Федеральный закон от 24.11.1996 г. № 132-ФЗ (ред. от 04.06.2018г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 49. – Ст. 5491.

8. О переводе земель или земельных участков из одной категории в другую : Федеральный закон от 21.12.2004г. № 172-ФЗ (ред. от 29.07.2017г.) // Собрание законодательства Российской Федерации – 2004. – № 52 (часть 1). – Ст. 5276.

9. О введении в действие Водного кодекса Российской Федерации : Федеральный закон от 03.06.2006г. № 73-ФЗ (ред. от 03.07.2016г.) // Собрание законодательства Российской Федерации – 2006. – № 23. – Ст. 2380.

10. О физической культуре и спорте в Российской Федерации : Федеральный закон от 4.12.2007 г. № 329-ФЗ (ред. от 18.12.2018г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2007. – № 50. – Ст. 6242.

11. Об утверждении классификатора видов разрешенного использования земельных участков : приказ Минэкономразвития России от 1.09.2014 г. № 540 (ред. от 09.08.2018г.) // Российская газета. – 2014. – № 217.

12. Об утверждении перечня общераспространенных полезных ископаемых по Республике Крым : распоряжения Минприроды России, Совета министров Республики Крым от 8.12.2014 г. № 34-р/1300-р // Российская газета. – 2014. – № 297.

13. О недрах : Закон Республики Крым от 07.08.2014г. № 45-ЗРК (ред. от 07.12.2015г.) // Крымские известия. – 2014. – №161.

14. О туристской деятельности в Республике Крым : Закон Республики Крым от 14.08.2014 г. № 51-ЗРК (ред. от 03.07.2018г // Ведомости Государственного Совета Республики Крым. – 2014 г. – № 2. (часть 1).

15. О регулировании водных отношений в Республике Крым : Закон Республики Крым от 21.08.2014г. № 53-ЗРК (ред. от 01.07.2016г.) // Крымские известия. – 2014. – №169.

16. О физической культуре и спорте в Республике Крым : Закон Республики Крым от 30.03.2016 г. № 233-ЗРК (ред. от 28.11.2018г.) // Ведомости Государственного Совета Республики Крым. – 2016. – № 3.

17. ГОСТ 19179–73 Государственный стандарт Союза ССР. Гидрология суши. Термины и определения. – М. : Издательство стандартов,1988. – 125 с.

18. ГОСТ Р 52024–2003. Услуги физкультурно-оздоровительные и спортивные. Общие требования. – М. : Стандартинформ, 2003. – 200 с.

19. Шестакова О. Г. Правовое регулирование использования и охраны земель городов федерального значения Москвы и Санкт-Петербурга: Дисс. … канд. юрид. наук / О. Г. Шестакова. – М., 2009. – 225 с.

20. Энциклопедический словарь. Физкультурно-оздоровительный. URL: http: // dic.academic.ru/dic.nsf/es/152388/физкультурн (дата обращения: 21.07.2018г.). – Текст электронный.

Alimov Z. legal features of using lands of recreational appointment in the territory Republic of Crimea / Z. Alimov // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2019. – T. 4 (72). № 4. – P. 401-408.

This work reveals the legal features of the use of recreational land in the Republic of Crimea. The paper indicates the main goals for which recreational land can be used, and also describes in detail the main areas in which recreational land can be used, taking into account their specificity and purpose.

This study is of great importance, both for the science of land law, and in the study and academic discipline of land law. The definition of such a category as “land use” allows us to reveal the picture as to which of the types of recreational land that can be used in the procedure provided for by current legislation. The study of theoretical aspects related to the use of land for recreational purposes contributes to further research in this area.

Keywords: recreational land, land, land use procedures, organization of leisure, tourism.

Spisok literatury`

1. Konstituciya Rossijskoj Federacii (prinyata vsenarodny`m golosovaniem 12.12.1993g.) (s uchetom popravok, vnesenny`x Zakonami RF o popravkax k Konstitucii RF ot 30.12.2008g. №6-FKZ, ot 30.12.2008g. №7-FKZ, ot 05.02.2014g. №2-FKZ, ot 21.07.2014g. №11-FKZ) // Sobranie zakonodatel`stva Rossijskoj Federacii. – 2014. – №31. – St. 4398.

2. Vodny`j kodeks Rossijskoj Federacii ot 3.06.2006g. № 74-FZ (red. ot 03.08.2018g.) // Sobranie zakonodatel`stva Rossijskoj Federacii. – 2006. – № 23. – St. – 2381.

3. Zemel`ny`j kodeks Rossijskoj Federacii ot 25.10.2001g. №136-FZ (red. ot 25.12.2018g.) // Sobranie zakonodatel`stva Rossijskoj Federacii. – 2001. – № 44. – St. 4147.

4. Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii (chast` pervaya) ot 30.11.1994g. № 51-FZ (red. ot 03.08.2018g.) // Sobranie zakonodatel`stva Rossijskoj Federacii. – 1994. – № 32. – St. 3301.

5. O nedrax : Federal`ny`j zakon ot 21.02.1992g. № 2395-1-FZ (red. ot 03.08.2018g.) // Sobranie zakonodatel`stva Rossijskoj Federacii – 1995. – № 10. – St. 823.

6. O melioracii zemel` : Federal`ny`j zakon ot 10.01.1996g. № 4-FZ (red. ot 05.04.2016g.) // Sobranie zakonodatel`stva Rossijskoj Federacii. – 1996. – № 3. – St. 142.

7. Ob osnovax turistskoj deyatel`nosti v Rossijskoj Federacii : Federal`ny`j zakon ot 24.11.1996 g. № 132-FZ (red. ot 04.06.2018g.) // Sobranie zakonodatel`stva Rossijskoj Federacii. – 1996. – № 49. – St. 5491.

8. O perevode zemel` ili zemel`ny`x uchastkov iz odnoj kategorii v druguyu : Federal`ny`j zakon ot 21.12.2004g. № 172-FZ (red. ot 29.07.2017g.) // Sobranie zakonodatel`stva Rossijskoj Federacii – 2004. – № 52 (chast` 1). – St. 5276.

9. O vvedenii v dejstvie Vodnogo kodeksa Rossijskoj Federacii : Federal`ny`j zakon ot 03.06.2006g. № 73-FZ (red. ot 03.07.2016g.) // Sobranie zakonodatel`stva Rossijskoj Federacii – 2006. – № 23. – St. 2380.

10. O fizicheskoj kul`ture i sporte v Rossijskoj Federacii : Federal`ny`j zakon ot 4.12.2007 g. № 329-FZ (red. ot 18.12.2018g.) // Sobranie zakonodatel`stva Rossijskoj Federacii. – 2007. – № 50. – St. 6242.

11. Ob utverzhdenii klassifikatora vidov razreshennogo ispol`zovaniya zemel`ny`x uchastkov : prikaz Mine`konomrazvitiya Rossii ot 1.09.2014 g. № 540 (red. ot 09.08.2018g.) // Rossijskaya gazeta. – 2014. – № 217.

12. Ob utverzhdenii perechnya obshherasprostranenny`x polezny`x iskopaemy`x po Respublike Kry`m : rasporyazheniya Minprirody` Rossii, Soveta ministrov Respubliki Kry`m ot 8.12.2014 g. № 34-r/1300-r // Rossijskaya gazeta. – 2014. – № 297.

13. O nedrax : Zakon Respubliki Kry`m ot 07.08.2014g. № 45-ZRK (red. ot 07.12.2015g.) // Kry`mskie izvestiya. – 2014. – №161.

14. O turistskoj deyatel`nosti v Respublike Kry`m : Zakon Respubliki Kry`m ot 14.08.2014 g. № 51-ZRK (red. ot 03.07.2018g // Vedomosti Gosudarstvennogo Soveta Respubliki Kry`m. – 2014 g. – № 2. (chast` 1).

15. O regulirovanii vodny`x otnoshenij v Respublike Kry`m : Zakon Respubliki Kry`m ot 21.08.2014g. № 53-ZRK (red. ot 01.07.2016g.) // Kry`mskie izvestiya. – 2014. – №169.

16. O fizicheskoj kul`ture i sporte v Respublike Kry`m : Zakon Respubliki Kry`m ot 30.03.2016 g. № 233-ZRK (red. ot 28.11.2018g.) // Vedomosti Gosudarstvennogo Soveta Respubliki Kry`m. – 2016. – № 3.

17. GOST 19179–73 Gosudarstvenny`j standart Soyuza SSR. Gidrologiya sushi. Terminy` i opredeleniya. – M. : Izdatel`stvo standartov,1988. – 125 s.

18. GOST R 52024–2003. Uslugi fizkul`turno-ozdorovitel`ny`e i sportivny`e. Obshhie trebovaniya. – M. : Standartinform, 2003. – 200 s.

19. Shestakova O. G. Pravovoe regulirovanie ispol`zovaniya i oxrany` zemel` gorodov federal`nogo znacheniya Moskvy` i Sankt-Peterburga: Diss. … kand. yurid. nauk / O. G. Shestakova. – M., 2009. – 225 s.

20. E`nciklopedicheskij slovar`. Fizkul`turno-ozdorovitel`ny`j. URL: http: // dic.academic.ru/dic.nsf/es/152388/fizkul`turn (data obrashheniya: 21.07.2018g.). – Tekst e`lektronny`j.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2019. – Т. 5 (71). № 4. – С. 409-426.

УДК 340.15

РОЛЬ ИНСТИТУТА БИЕВ КАК ОРГАНА ПО УРЕГУЛИРОВАНИЮ И РАЗРЕШЕНИЮ КОНФЛИКТОВ ПРАВОВОГО ХАРАКТЕРА

Бакирова А. М.

Российский университет дружбы народов

В статье рассматривается традиционно-правовой институт казахской системы правосудия. Исторический экскурс необходим для исследования причин возрождения совета биев в XXI веке. Какую роль играли бии в урегулировании конфликтов правового характера в кочевой цивилизации вплоть до установления советской власти. Автор по-новому дает оценку суду биев и пытается показать, насколько социально оправданным является процесс внедрения советов биев в современную правовую систему Казахстана. Неполная удовлетворенность качеством судебных услуг; несоответствие судей запросам общества; недостаточный авторитет судебного решения; не признание судопроизводства скорым и правым – вот причины, по которым государство обратилось к изучению казахской традиции – института биев. Через этапы исторического развития института биев, взаимоотношения данного органа с другими органами в степном государстве, мы сможем раскрыть сущностную характеристику данной формы судопроизводства. На основе проведенного анализа автор выдвигает свои предположения о популярности традиционного суда и его роли в поддержании разумного равновесия между институтами племенной структуры и государственной организации степного государства.

Ключевые слова: казахское обычное право, бий, судебный прецедент, социальное старшинство, нормы Шариата, общеимперские суды, имперские суды, представитель степной аристократии, традиционный суд, кочевая цивилизация, чингизиды.

Актуальность темы. Обычаи и традиции играют важную роль в регулировании общественных отношений в Казахстане. Современными исследователями отмечается, что традиционные системы права и сегодня сохраняют мощный регулятивный потенциал, проявляющий себя часто наряду, а иногда в противовес нормативно-правовым актам государства. Государство на текущем этапе начинает понимать, что нормативно-правовые акты должны приниматься с учетом исторических особенностей, традиций и обычаев Казахстана и, на наш взгляд, одновременно соответствовать менталитету современного общества. В связи с этим наиболее эффективные социальные регуляторы получают свое закрепление в нормативно-правовых актах Казахстана. Одним из таких историко-традиционных регуляторов стал совет биев, который успешно разрешает многие правовые конфликты и споры в Казахстане, не доводя дело до судебных инстанций. Поэтому задачу по созданию законодательства Республики Казахстан, учитывающего историко-традиционные регуляторы общественной жизни казахстанцев, как в случае с введением института биев, нельзя решить без научно-исследовательского юридического обеспечения, поскольку в современных условиях развития государственности и правовой системы нельзя допускать противоречий в законодательстве.

Казахстан частично является обществом средней модернизации, где есть и традиция, и централизованный закон. Традиционные институты являются важным дополнительным механизмом регулирования социальной жизни и управления в казах-

станском обществе. В данном исследовании Казахстан представлен западным регионом, в котором традиции играют достаточно важную роль. Государство с внедрением Совета биев уповает на то, что данный традиционный регулятор, исполняя функции медиатора, суда, будет способствовать спаду социального напряжения в данном регионе. В 2018 году в Казахстане стали повсеместно возрождать институт биев в форме совета, который стал консультативно-совещательным органом при акиматах (местных исполнительных органах управления). Один из первых Советов появился в Жаналинском районе Западно-казахстанской области Республики Казахстан (введен в действие 17 августа 2018 года). Совет биев был создан в соответствии с программой «7 камней правосудия» [1]. В данной программе были отражены основные современные проблемы казахстанской судебной системы: неполная удовлетворенность качеством судебных услуг, судья не соответствует запросам общества; недостаточный авторитет судебного решения; общество не признает судопроизводство скорым и правым. Названные проблемы свидетельствуют о том, что кризис судебной системы в современном Казахстане налицо. Созданный Совет биев призван снять социальное напряжение, разгрузить современные суды, упростить судебную систему. Закладываемый образ «Мінсіз» судья (в переводе – «Безупречный» судья), – это прототип образа бия в казахском кочевом обществе. Характеристики безупречного судьи в проекте программы «7 камней правосудия» описывают его следующим образом: его поведение и внешний облик внушают уважение к судебной власти, компетентно разбирается в жизненных ситуациях, профессионал с высокими нравственными и этическими качествами, владеет психологическими приёмами общения с участниками процесса, внушает убежденность в справедливости и гуманности вынесенного им судебного решения. Учитывая все данные характеристики, с уверенностью можно заявить, что это качества степных биев, которые с незапамятных времен осуществляли в казахской степи правосудие. Разработчики данной программы, воспользовавшись историческими данными включили все качества, характеризующие бия, в образ современного отправителя правосудия.

В стратегической статье «Взгляд в будущее: «Руханижаңғыру» [2] Первый Президент Республики Казахстан назвал Совет биев национальным достоянием и призвал к его массовой пропаганде среди населения. Совет биев кочевого казахского народа, его авторитет и статус как достояние фонда национальной истории, является предметом исследования ученых. Возрождение Совета биев станет одним из самых эффективных способов разрешения споров и мелких взаимных претензий между людьми. В каждом сельском округе Западно-казахстанской области Республики Казахстан в составе из пяти и семи членов были созданы Советы биев. Возрождение данного органа стало примером для других регионов Казахстана в вопросах национального воспитания, поведения, единства родственных ценностей.

Как отмечено председателем Бокейординского районного суда Западно-казахстанской области Республики Казахстан Сагитовой Г. «Возрождение Совета биев это одно из направлений «7 камней правосудия» – «Примирение – до суда и в суде», особо отметив важность и значимость места Совета биев в обществе, также его влияния на воспитание подрастающего поколения [3]. Непрофессиональные медиаторы Бисенского сельского округа Западно-казахстанской области Республики Казахстан также поддержали инициативу Верховного суда о создании Совета биев, отметив, что данный институт будет способствовать снижению конфликтности сре-

ди населения округа. На наш взгляд, такому непревзойдённому искусству биев как вникнуть в суть проблемы, выслушать обе стороны и найти для каждой из них мудрые правильные слова, мог бы позавидовать любой современный судья. Их философские воззрения были основаны на глубоких религиозных знаниях, на умении видеть правильное и неправильное, хорошее и другое в помыслах, мотивах и поступках человека. Находить истину и мирить людей было особым искусством, и некоторые бии, имена которых мы все прекрасно знаем, оставили потомкам блестящие примеры того, как это нужно делать. Если такие люди появятся, то в казахстанском обществе многое может измениться в лучшую сторону. Настоящие, профессиональные бии могли бы стимулировать те изменения общественного сознания и менталитета, о которых сейчас так много говорят. Они могли бы вернуть в жизнь многих людей принципы нравственности и порядочности. Появится особый морально-нравственный уровень рассмотрения спорных вопросов, которого часто не хватает на современном этапе.

Большая часть споров на сегодня не требует обращения в суд, а по незначительным спорам люди вовлекаются в судебные тяжбы и несут расходы, что дорого обходится и государству. Между тем, в развитых странах 80-90 % споров завершаются примирением, аналогом которого является институт совета биев. Обращение граждан к советам биев станет одним из эффективных способов альтернативного урегулирования споров. Примером стало уже первое дело в 2018 году: истец – индивидуальный предприниматель – обратилась в Бокейординский районный суд Западно-Казахстанской области Республики Казахстан с исковым заявлением о взыскании суммы долга с физических лиц. Судьей Ш. было предложено обратиться к Совету биев, при этом сторонам была разъяснена возможность урегулирования спора при содействии Совета биев по Сайхинскому сельскому округуЗападно-Казахстанской области Республики Казахстан. В результате заседания Совета биев по Сайхинскому сельскому округу стороны пришли к взаимному соглашению, а от истца в суд поступило заявление о возврате поданного ею заявления, в связи урегулированием конфликта при содействии Совета биев. Суд, на основании пункта 9 части 1 статьи 152 Гражданского процессуального кодекса Республики Казахстан, определил возвратить исковые заявления истца [10].

В типично западном понимании институтом гражданского общества являются именно независимые неправительственные и некоммерческие организации. Учитывая традиционные устои Казахстана, можно отметить, что Совет биев – это тоже форма гражданского общества. В Казахстане Советы биев могут решать проблемы без вмешательства государства, иногда государство само обращается к Советам биев за разрешением ситуации. Таким образом, традиционные институты – это существенная часть гражданского общества.

Казахстан – это динамичное общество, способное к модернизации, огромную роль в котором играют не только религиозные институты, но именно традиционные, которые возникли еще задолго до появления мусульманской религии. В казахской степи, как говорил академик Зиманов С. , конечной целью правосудия биев по господствующей идеологии средневекового кочевого общества казахов является примирение и перемирие сторон, участвующих в суде, как бы ни были сложны и обострены их взаимоотношения»[4]. Такие прецедентные начала казахского обычного права не только решали споры, но обеспечивали единство социума, а в целом –

способствовали удержанию самого Казахского ханства на столь обширном пространстве. Российские ученые высказывают мнение, о том, что в истории казахской государственности правосудие биев сыграло такую же роль, как, скажем, римское право для западной культуры и современного права [5]. Человечество всегда выживало в сложнейших условиях собственного несовершенства, по мере его роста и мужания, развития государства, мягче становились и законы. Сформированная в плоскости новой истории казахстанская судебно-правовая система сегодня во многом заимствована, стандартизирована, интегрирована в мировую правовую систему – при этом стараясь гармонизировать национальные ценности. Среди них, к примеру, это деятельность совета биев, который осуществляя судебно-правовую и административно-управленческую функцию, рассматривая споры и тяжбы – является своего рода составляющей уникального национального кода.

Такому непревзойдённому искусству биев как вникнуть в суть проблемы, выслушать стороны и найти для каждой из них мудрые правильные слова, мог бы позавидовать любой современный государственный орган. Советы биев – это самый эффективный способ сокращения споров и мелких взаимных претензий между людьми. Поэтому так необходимо для дальнейшего совершенствования института биев, как органа разрешающего конфликты правового характера, обратиться к прошлому, своему историческому наследию и дать импульс новым познаниям в области обычного права. Понять, что же подразумевалось под судом биев в степном государстве, каковы причины появления данного правового института, в чем заключается «долгожительство» данной формы судопроизводства, в чем авторитетность данного органа.

Издревле бии выполняли стабилизирующую роль в социальной культуре Казахстана. Бии, которых многие исследователи называют «социальным старшинством», должны были обладать индивидуальными достоинствами – мудростью, мужеством, репутацией, честностью, не всегда «биологическим старшинством», быть авторитетными в своем роду, социально-активными, и, как правило, далеко не бедными. В казахской степи, несмотря на огромный авторитет чингизидов, биями могли быть и простые степняки, выходцы из народа. Издревле бии осуществляли правосудие, принимая важнейшие правовые решения. Институты, аналогичные советам старейшин, биям известны с античной эпохи – о «совете благодумных старейшин» писал еще Гомер в Илиаде [6, с. 201]. К мнению и решениям биев прислушивались, народные собрания, на которых принимались социально значимые решения, передавались на рассмотрение биев и после их соответствующей «экспертизы», они становились легитимными и обязательными для всех.

Влияние биев определялось как многочисленностью и силой, так и древностью происхождения и старшинством возглавляемых ими родов. Бии пользовались некоторыми особыми правами: им принадлежала судебная и административная власть. Эта власть придавала биям определенный политический вес, который выражался в том, что бии наряду с ханами, султанами участвовали в решении общегосударственных дел. На территории Казахстана, когда не было государственных институтов и как такового централизованного права, традиционное общество обходилось без правоохранительных органов, исправительных учреждений и судов. Влияние биев определялось как многочисленностью, так и древностью происхождения и старшинством возглавляемых ими родов. Бии пользовались некоторыми особыми

правами: в пределах подвластных полномочий им принадлежала судебная и административная власть. Особую роль играло влияние и контроль биев, особенно над молодежью, они были одним из социальных регуляторов. Эта социальная норма сохраняется и в наше время.

В круг суда биев по определению не могли войти умственно отсталые люди, лица с сомнительной репутацией. В Казахстане, учитывая кочевой образ жизни, как таковая документация не велась, но устно передавались те решения биев, которые адаптировались в степи, приняли устойчивую форму и, по сути, стали судебным прецедентом. Суд биев мог обсуждать самые разные дела – от морального порицания какого-то грубияна до вопросов войны и мира, раздел пастбищ, тяжбы по угону скота, принятия законов и постановлений, решений о разделе земли и порядке пользования пастбищами.

Судбиев исторически – это один из древнейших институтов казахского обычного права, который разбирал уголовные и гражданские дела и был народным органом правосудия. История его появления до сих пор до конца не изучена ни историками, ни правоведами. В историографии Казахстана суд биев появился задолго до присоединения к Российской империи. Что немаловажно, каких-либо специальных органов, осуществляющих исполнение решений суда биев в казахской степи не существовало. Суд биев составляли наиболее авторитетные сородичи, решение которых беспрекословно выполнялись и не было необходимости создавать специальный орган для исполнительного производства. Значение данного органа было настолько велико, что вводимые Россией судебно-административные реформы не получали должного применения. Новые судебные реформы и органы, воспринимались в казахской степи как чужеродные и навязанные извне. В итоге суд биев просуществовал вплоть до 1920 года. До начала XX века в Казахстане существовала бинарная судебная система: общеимперская судебная система и суд биев. Проводимые реформы на протяжении XIX века не привели к должному результату, казахи обращались в имперские суды достаточно редко и значительная часть судебных споров и тяжб разбиралась судом биев. Уникальность суда биев была в его народности, простоте, отсутствии волокиты. Суд биев был популярен не только среди казахского населения, но и других народов, зачастую в него обращались русские пограничные жители и сами представители царского правительства. Культелеев Т. М. [7, с. 63] отмечал, что в дореволюционном Казахстане суд биев являлся органом классового господства феодалов, осуществляющим функцию подавления сопротивления трудящихся масс казахов. Загряжский Г. писал, что биями были люди, которые отличались своим умом и безукоризненной нравственностью, большим опытом судопроизводства и знанием обычаев [8, с. 93]. Поэтому стать бием было почетно и не все соплеменники могли обладать определенными способностями и качествами, для того чтобы «творить» правосудие, ведь фактически ценителем принятых решений был сам народ и время, которое само распределяло «живучесть» того или иного решения. Уложение «Жеті жарғы» («Семь уложений»), правовой памятник казахского обычного права, состоял из норм, которые были проверены временем, решения же, не пользующиеся популярностью, сами себя изживали и не были включены в уложения. Как писал Баллюзек Л. «бий есть живая летопись народа, юрист или законовед его» [9, с.134].

Влияние биев определялось как многочисленностью и силой, так и древностью происхождения и старшинством возглавляемых ими родов. Бии казахских улусов пользовались некоторыми особыми правами: в пределах подвластных им родов только биям (кроме хана) принадлежала и судебная, и административная, и военная власть. Эта власть придавала биям определенный политический вес, который выражался в том, что бии наряду с султанами участвовали в решении общегосударственных дел, сообща являясь на ежегодно созываемое народное собрание.

Возвращаясь к статусу бия, следует отметить, что бий, являясь важным звеном в системе управления ханством, сочетал в себе, таким образом, по меньшей мере, четыре качества: военачальник, административное лицо, судья и представитель степной аристократии. Бии – наследники далекого прошлого, поэтому они так органично усвоили все функции управления. Бии Дешт-и-Кипчака, что означает половецкая степь древнее Чингизидов. Они в противоположность Чингизидам – «денационального» сословию – составляли «национальную» аристократию, элиту социальной группы «кара-суйек» в переводе «черная кость». Исследователь казахского обычного права Леонтьев А. отмечает, что «слово «бий» происходит от глагола «билейди», что означает, управляю» [10, с. 114-139].

Термин «бий» возник еще до XV века. Как известно, титулы уйсуньских правителей включали префикс «би». Например, Шын би, Онкай би и др. По мнению Радлова В. В., «термин «би» восходит к древнетюркскому слову «биик» – высокий, всемогущий, великий – и предполагал статус советника правителя» [11, с. 21]. Несмотря на то, что в эпоху Великого Тюркского каганата (VI-VIII вв.) институт бийства затмила военно-административная организация общества, деятельность такой исторической личности, как Тоньюук, служившего ближайшим советником Биль-кагана, может быть сравнима с деятельностью и ролью, которую выполнял Толе би при Абылай хане. Он по праву может быть оценен как крупнейший представитель древнетюркского института бийства. Доказательством такой точки зрения является и тот факт, что Валиханов Ч. Ч. в своих записках отмечал о том, что при дворе Чингисхана состояли на службе 11 биев – советников [12, с.17].

Помимо разрешения конфликтов правового характера, бии одновременно осуществляли поддержание разумного равновесия между институтами племенной структуры и государственной организации. Бии являлись хранителями правовой культуры казахского народа.

Таким образом, институт бийства, издревле игравший роль связывающего звена между простым народом и носителями политической власти, и тем самым выполнявший функцию механизма социальной интеграции общества, обладал таким феноменальным влиянием, что нередко политические инициативы исходили именно с его стороны, а не со стороны института власти. В качестве исторического примера авторитета бия как воина, как защитника народа можно привести слова Казыбек би, посетившего ставку джунгарского хонтайджи в качестве посла: «Мы, казахи, скотоводы – сирый народ, чтоб не покинуло нас счастье, чтоб миновали все ненастья, мы пики грозные перьями филина украшаем, перед злым врагом головы не склоняем, словом бранным уста не оскверняем. Дружбу верную почитаем высоко, добром отвечаем на добро, а коль потребуется – и с хана надменного спесь сбивается. У отца родится сын – не быть ему рабом, у матери родится дочь – не быть ей рабыней. Не загнать тебе детей и внуков наших в темноту неволи! Ты – джунгарин, я – казах,

схлестнемся – быть беде: ты – железо, я – огонь, расплавишься в огне. К тебе, в твой край я прибыл с распахнутой душой, к несчастью ведут вражда и разбой. Ты – тигр, я – лев, к чему кровавая сеча? Коль дружбы желаешь – верного друга найдешь, коль надумал враждовать – бури пожнешь» [13].

«Как видно, вбирая в себя весь духовный и морально-нравственный потенциал подвижного в своей хозяйственно-экономической основе, а значит подвижного и в социокультурной основе кочевого казахского общества, институт бийства в лице своих ярких представителей неизменно пользовался авторитетом как у «верхов», так и «низов». Еще одно косвенное доказательство тому – откочевка некоторых казахских родов и племен под руководством Керея и Жанибека от государства Абулхаира. Поводом к расколу послужила смерть Даныр хаджи, прозванного в народе за свою справедливость Ак жолбием, и последовавший за этим отказ Абулхаира от выдачи виновника суду биев. Впрочем, из этого вовсе не следует думать, что звание биев было у киргиз когда-то наследственным. Мы знаем много киргиз, отцы которых были известными биями, но сами они не носят этого звания» [14, с.77].

Многие русские ученые XVIII-XIX вв., занимавшиеся исследованием казахского обычного права, отмечали простоту и отсутствие формальностей в казахском судопроизводстве, а также быстроту рассмотрения дела и вынесения решения. И это, на наш взгляд, является важнейшей чертой традиционного суда биев [15, с.87]. Ведь еще Бентам писал, что самый лучший суд – это тот, «который находится в такой близости, что гражданин, отправившись утром в суд, может вечером возвратиться домой с готовым решением» [15, с. 89]. Естественно, под термином «близость» Бентам понимал не близость расстояния, а близость к народу, выражавшуюся в отсутствии бюрократизма и рутины. На это указывают и другие исследователи [16, с.805].

Козлов Н. А. в своей статье «Обычное право киргизов», опубликованной в 1822 году, писал: «…В сознании народа звание бия принадлежит тем немногим, которые отмечались безукоризненной честностью, с природным умом, соединяют глубокое познание в коренных обычаях народа. Бии есть живая летопись народа, юрист или законовед его»[17].Далее автор выделяет такие черты суда биев, как гласность, публичность. В этом же плане писал и Добромыслов А. И. По его мнению, звание бия в сознании народном принадлежит тем немногим, которые с природным умом и даром красноречия соединяют в себе глубокие познания в коренных обычаях народа и в исторических о нем преданиях. «В выборе судей киргиз не стеснен никакими ограничениями, и всякий выбранный самими спорящими может быть безграничным судьей в их споре» [18, с.24].

В истории казахских ханств бии играли значительную роль. Истории известны факты, когда бии оказывали большое влияние на внутреннюю и внешнюю политику казахского общества. Также известны примеры, когда авторитет биев стоял выше авторитета хана.

По обычному праву бии решали уголовные дела. Но более важное значение имело решение гражданских дел, межродовых взаимоотношений, сношений с другими народами. Для них важно было знание норм права. В связи с этим бии должны были обладать памятью и знанием примеров решения различных дел в прошлом. Свои доводы бий обязан был подкрепить фольклором, а при состязательности сто-

рон – своей блестящей речью, остроумием и логикой убедить в правоте своих решений.

Безупречная репутация являлась необходимой и достаточной гарантией правосудия. Бесчестный человек неизбежно утрачивал звание бия, так как никто не считал возможным обращаться к нему за справедливым решением. Не случайно в народе существовало и существует множество пословиц и поговорок, которые восхваляют биев, их справедливость и глубокий ум: «У настоящего бия нет родных, а у бия с родственными связями нет совести»; «Отец – советчик сыну, бий – советчик народу», «Умный оратор речью подчинит себе весь народ» и т.д. [19, с.164-165].

Наивысшая цель деятельности суда биев заключалась не просто в достижении определенного баланса, равновесия в обществе, а в случае необходимости в использовании компромисса в лучшем смысле этого слова. Д'Андре, характеризуя традиционный суд биев, выделяет такие его черты, как беспристрастность, отсутствие материальной заинтересованности. Заседания народных биев проходили публично, и решения, принятые биями по самым сложным и запутанным вопросам, народ приветствовал безоговорочно. По мнению академика Зиманова С. З. это означало, «что суд биев выносил справедливые решения и обладал правом правотворчества» [20, с.196].

Основным источником права в суде биев при рассмотрении аналогичных дел являлся судебный прецедент. В случае обнаружения заинтересованности со стороны бия в разрешении спора, к такому бию в последующем уже никто не обращался. Как правило, решение бия должно было удовлетворять обе спорящие стороны. В противном случае решение бия считалось несправедливым. Таким образом, основу деятельности биев составлял авторитет, а не сила государственного принуждения [21, с.92].

Во-первых, решения казахских биев принимались открыто и гласно. Козлов Н. А. по этому поводу отмечает: «Гласность суда обусловливается его публичностью, а последняя основывается на стариннейшем обычае родовичей защищать интересы своего сородича». Таким образом, все моменты процесса проходили перед глазами участников и свидетелей. Запрещалось рассматривать дела в закрытом совещании.

Во-вторых, бии избирались по желанию обеих спорящих сторон. Вот что пишет по этому поводу Добромыслов А. И.: «В выборе судей киргиз не стеснен никакими ограничениями, и всякий выбранный самими спорящими может быть безграничным судьей в их споре». Если бий избирался лишь по желанию одной стороны, то вынесенное решение считалось несправедливым. Оно могло быть опротестовано и повторно рассмотрено. При этом какие-либо сроки рассмотрения дела не устанавливались. Это объясняется тем, что основная цель судопроизводства, как мы уже отмечали, это установление определенного равновесия, баланса, выраженных в некой гармонии традиционного казахского общества. Неразрешенные дела же, как правило, вносили определенный дисбаланс, нарушая при этом существующую гармонию в обществе. Поэтому по общему правилу все дела независимо от срока давности должны были быть рассмотрены судом биев.

В-третьих, если спорящие стороны не соглашались с решением бия, они имели право подать жалобу.

В-четвертых, суду биев были известны институты присяжных и адвокатуры. Защитниками по «Жеты-Жаргы» могли выступить все желающие. Защитники имели право использовать все имеющиеся в их распоряжении средства для защиты обвиняемого. К феноменальной особенности казахских биев, отличающей их от институтов судебной власти других народов, по мнению многих ученых-исследователей относится их умение содержательным, глубоким по смыслу словом решать судебные споры и тяжбы.

Таким образом, суд биев в казахском обществе представлял собой специфическую модель универсального суда посредников. Аналоги таких судов встречаются повсеместно практически во всех обществах. Данные учреждения постепенно эволюционировали от третейских судов до относительно постоянного института, профессионально осуществляющего судебные функции [22, с.91].

В целом хотелось бы отметить, что уровень правовой культуры судопроизводства был настолько велик, что исполнение судебной власти производилось самим обществом без государственного вмешательства. История и практика функционирования традиционного кочевого общества показала, что социум был сформирован таким образом, что не нуждался в каких-либо дополнительных принудительных механизмах в лице государства.

Кризис института ханства и процессы делегимитации политической власти, имевшие место в XVIII веке, не могли не привести к общественной необходимости усиления института бийства. Как известно, XVIII век для казахской государственности явился периодом тяжких испытаний, предопределенных двумя факторами:

- во-первых, преобладанием тенденций внутренней децентрализации;
- во-вторых, резкой актуализацией задачи обеспечения внешней безопасности.

Именно в этот период институт бийства выявил свою исключительную эффективность. В связи с этим условно можно выделить следующие функции института бийства в казахском обществе XVIII в.:

- политическая функция - на протяжении предшествующих веков институт бийствавыполнял роль средства согласования интересов властных структур, родоплеменной верхушки и различных социальных слоев населения;
- социально-правовая функция - в условиях дезинтеграции общества по линии родоплеменной и жузовой принадлежности институт бийства служил единственным механизмом горизонтальной регуляции общественной жизни – решение гражданских, имущественных, территориальных и иных споров между родами и племенами, с одной стороны, и между членами одного рода и племени – с другой;
- идеологическая функция - институт бийства служил средством сохранения, обогащения и передачи национальной культуры;
- как опосредованный механизм выражения стремления народа к независимости;
- институт бийства взял на себя обязанность по обеспечению внешнеполитической безопасности, т.е. мобилизационную функцию.

Таким образом, институт бийства в казахском обществе XVIII века предстает перед исследователем в качестве совокупной и усовершенствованной формы регуляции социально-экономических, политико-правовых и культурно-духовных отношений. Однако в условиях начавшейся царской колонизации степи институту бийства теперь уже суждено было осуществлять и охранительную функцию, проти-

востоя незнакомой доселе природе социальной самоорганизации казахского общества, элементам чуждой правовой психологии, хотя исход этого противостояния был предрешен.

Ничто в казахском обществе не ценилось выше, чем царство Слова и царство Закона. Красноречие и риторика были непременными атрибутами общения на любых уровнях – семейном, клановом, государственном. Казахское правосудие – бийский суд «в древней форме» – было той областью, где сила красноречия, правдивого слова была востребована и проявилась в наибольшей степени. Судья - бий был знатоком норм казахского права в его историко-эволюционном развитии и оратором, олицетворявшим степную Фемиду.

До сих пор остается открытым вопрос о времени возникновения судов биев. По данному вопросу в научной историко-правовой науке нет единого мнения. Так, Моисеев В. А. полагает, что суд биев был организован в процессе реформаторской деятельности Тауке хана [23]. В противовес ему Алимжан К. считает данный подход «явной ошибкой», поскольку суды биев возникли задолго до правления Тауке хана [24, с. 78].

Судебный процесс в казахском обществе в XV-XVIII вв. начинался с момента подачи жалобы на известное лицо, подозреваемое или обвиняемое в совершении какого-либо правонарушения. Истец мог обжаловать действие, причинившее ему ущерб, независимо от того, сколько времени прошло с той поры, т.е. право обжалования формально не ограничивалось определенным сроком. Вот, что пишет по этому поводу Словохотов Л. А.: «Судить, т.е. разбирать ссоры и произносить приговор над виновным, по законам хана Тявки, должны были правители тех аулов, к которым принадлежат истец и ответчик. Таков был нормальный порядок, но он не исключал возможности для тяжущихся, по желанию, обращаться к уважаемым старейшинам из другого аула. Тяжущиеся стороны могли приглашать к разбирательству избранных ими двух посредников, как людей способных более толково и обстоятельно изложить судебное дело. Самый суд производился скоро, без всяких предварительных исследований и расспросов, кроме опроса лиц и свидетельских показаний. Совесть и личное убеждение избранных судей устанавливали фактическую сторону дела, юридическая же его квалификация определялась соответствующим указанием «Джыты Джарга» [15, с. 81].

В том случае, если стороны останавливали свой выбор на двух биях, обладающих одинаковыми достоинствами, то выбор делался в пользу старшего по возрасту. Недаром в казахском обществе существовала поговорка: «Жаңабиденбіліксұрама».

Бий был вправе принять дело к производству как по просьбе истца, так и по обоюдному прошению тяжущихся. Однако, в первом случае бий должен был принять необходимые меры для проведения судебного заседания с участием обеих сторон. Ответчик в любом случае обязан был откликнуться на оповещение бия о возбуждении в отношении него дела. В случае неявки ответчика или его доверенного лица на суд в назначенное время без уважительной причины, бий был вправе по рассмотрении дела заочно принять решение в пользу истца, а в отношении уклоняющегося от суда ответчика мог быть наложен штраф. Ответчик вправе отвести выбранного истцом бия, если у него есть веские основания сомневаться в его беспристрастности. В том случае, если сомнения в отношении бия не подтвердятся кон-

кретными фактами, виновный подвергался наказанию. Если же ответчик не имел каких-либо возражений, бий приступал к организации судебного процесса.

Кроме болезни никакое другое обстоятельство не должно было препятствовать бию в немедленном разбирательстве дела. В случае болезни бий мог отсрочить суд и расправу до своего выздоровления. Но если обстоятельства дела не могли терпеть отсрочки, то бий в таком случае обязан был отослать тяжущихся или преступника к другому по его усмотрению бию. Процессуальные нормы обычного права знали и институт отвода судей, однако ложное подозрение (стало быть, подрыв авторитета бия) наказывалось штрафом.

К условиям, послужившим поводом для отвода, относились:

1. Наличие родственных и свойственных отношений между участниками процесса;

2. Если участники состоят в общеизвестной вражде;

3. Если судьи, свидетели, присяжные и другие участники процесса заинтересованы в исходе дела;

4. Также поводом служил факт «тамырства» – дружбы или приятельских отношений, связывающий их взаимными подарками или услугами;

5. Также поводом служило: лживость лиц, не внушающих доверия в личных поступках; лиц, изобличенных в лжеприсяге или лжесвидетельстве; лиц, имеющих умственные или физические недостатки; лица женского пола [25, с. 13].

Сроки исковой давности точно не были регламентированы, но суд за давностью мог отказать в иске и примирить стороны, если истец не докажет объективных причин несвоевременного предъявления иска бию.

Рассмотрение дела в суде биев начиналось с обряда бросания перед судьей плетей истцом и ответчиком. Это символизировало не только согласие обеих сторон с составом суда, но и то, что обе стороны обязывались быть согласными исполнить любое решение суда биев. Бросание плеток имело важное процессуальное значение, поскольку после этого, в частности, не принимался отвод судей, а всякая попытка недозволенным способом помешать работе суда квалифицировалась как противоправное действие против суда биев и могла повлечь правовую ответственность. Бии избирались по решению обеих спорящих сторон. Если бий был избран по желанию только одной стороны, то вынесенное решение считалось несправедливым, и дело подлежало новому, повторному рассмотрению. Преимущество этого положения было в том, что проигравшая сторона не могла иметь претензий к справедливости вынесенного решения по той причине, что бий был избран по желанию обеих сторон [26, с. 96].

На наш взгляд, основная особенность суда биев состояла в том, что сторонами судебного процесса выступали не отдельные индивиды, а родовые группы, связанные на низших уровнях единым имуществом, а на более высоком – общими социально-хозяйственными интересами.

Это находило выражение в следующем:

1. Как известно, одним из важнейших доказательств была присяга. Но присягу приносили не сами индивиды в лице истца и ответчика, а их наиболее уважаемые сородичи. Присяга могла налагаться на различный круг родственников вплоть до седьмого колена в зависимости от сложности и запутанности рассматриваемого дела.

2. Ответственность в виде уплаты аипа или куна налагалась на родовую общину виновного. Соответственно аипы и куны получало также родовое сообщество потерпевшего.

3. Как правило, преступление, совершенное в своем ауле, наказывалось строже, чем преступление, совершенное в чужом ауле.

4. Традиционному кочевому обществу казахов не были известны механизмы защиты прав отдельной личности, существующей вне родового коллектива.

В связи с присоединением Казахстана к России начали происходить различные изменения, главным образом социально-экономического характера. В 1820 – 40-х годах органы западно-сибирской и оренбургской администрации произвели территориально-административное разделение подведомственных им территорий, населенных казахами, и организовали в них средние и низовые звенья управления в виде волостных управителей, аульных старшин, деятельность которых была сопряжена с переломом в сложившейся системе социальной организации. За изменениями социально-экономического характера закономерно последовали существенные изменения и в области судопроизводства. Российское правительство стало заниматься устройством общеимперской судебной системы в Казахстане. Был модифицирован суд биев, в частности официально сужена его юрисдикция, распространявшаяся отныне только на незначительные деликты. Так, Уставом о сибирских киргизах 1822 года были внесены серьезные изменения в подсудность суда биев. Согласно этому уставу, все судебные дела, возникающие среди казахов, разделялись на три категории: уголовные, исковые и по жалобам на управление. Уголовными делами считались: государственная измена, убийство, грабежи и барымта, явное неповиновение установленной власти. По этим делам казахи судились в царских судах на основании общеимперских законов. Необходимо отметить, что Устав о сибирских киргизах положил начало выделению некоторых категорий преступлений, совершаемых в казахском обществе, которые были отнесены к подсудности российских судов. С данного момента фактически начинают действовать уже две судебные системы в области уголовных правонарушений – это казахское обычное право и российское уголовное, уголовно-процессуальное и уголовно-исполнительное законодательство [27]. Однако необходимо отметить, что функционирование этих систем не распространялось на всю территорию Казахстана. Объясняется это тем, что в связи с административно-территориальным делением Казахстана и отнесением его к разным волостям Российской империи законы в отношении казахов, в частности об изъятии из подсудности дел о преступлениях, принимались в разное время. Так, в отличие от казахов Среднего жуза, относящихся к Сибирскому ведомству, для казахов Младшего жуза, входившего в Оренбургское ведомство, суд биев был оставлен на прежних основаниях примерно до 1837 года. Поэтому обычное право в Младшем жузе до 1840-х годов распространялось на достаточно широкий круг уголовных преступлений. Суд биев Старшего жуза до 1870-х годов продолжал решать наиболее важные уголовные дела на основании норм обычного права. Положением об управлении оренбургскими киргизами в 1844 году царское правительство попыталось ограничить деятельность суда биев, изъяв основные категории уголовных дел и отнеся их к рассмотрению общеимперскими судами. Несмотря на это, суд биев продолжал рассматривать большинство уголовных дел, совершенных казахами. «Много преступлений, – писал Мейер Л., – скрывается

умышленно от русского управления местным киргизским начальством, потому что оно находит верный расчет судить их домашним образом» [28, с. 31]. Более того, к суду биев нередко обращались и русские пограничные жители (крестьяне, купцы и пр.) по своим делам с казахами, хотя им было предоставлено право судиться по общеимперским законам [29]. В 1847 и 1863 годах последовало специальное распоряжение правительства о том, что претензии, возникающие между киргизами Сибирского и Оренбургского ведомств, будут разбираться на особых съездах из представителей от каждой стороны по народным обычаям. В одной из объяснительных записок Главного управления Западной Сибири указывалось более 24 тыс. в год решаемых судом биев дел по одной области сибирских киргизов [15, с.77].Таким образом, приведенные данные свидетельствуют о том, что практически до 1870-х годов абсолютное большинство общеуголовных дел казахов рассматривалось преимущественно судом биев, который, в свою очередь, руководствовался нормами обычного права. В целом, говоря об изменениях в судопроизводстве на территории Казахстана, необходимо подчеркнуть, что действие норм обычного права носило сквозной характер и практически охватывало исторический отрезок с XVII по первую четверть XX века. Это обусловливалось в том числе нежеланием биев отдавать наиболее выгодные в материальном отношении дела в судебные инстанции Российской империи. Поэтому влияние коренной судебной системы было, несомненно, сильным. Вместе с тем, характеризуя данные изменения, заключающиеся в фактическом существовании двух судебных систем, следует отметить, что дела о казахах, совершивших уголовные преступления, все-таки поступали в судебные инстанции Российской империи (их было не так много), но эти дела были подсудны различным судам. По законам империи казахи, находящиеся в различных областях Казахстана, были подсудны различным судебным инстанциям.

Таким образом, подсудность, установленная царским правительством не только в отношении представителей разных национальностей, но и в отношении одного и того же народа, приводила к разногласиям в применении наказания. Так, указом от 19.05.1854 г. «О распространении на сибирских киргизов общих законов империи» было установлено, что казахи Сибирского ведомства подлежат уголовной ответственности по общим законам империи за совершение следующих видов преступлений: измену, убийство, разбой, барымту и т. д. С присоединением территории Старшего жуза к России в 1850-х годах население этого жуза за совершение барымты, убийства и грабежей подлежало подсудности военных судов [30]. В связи с усилением антифеодального и антиколониального движения казахских трудящихся в Младшем жузе царское правительство издало ряд дополнительных законов о подсудности уголовных дел казахов военным судам. Так, 3 ноября 1837 г. Государственный совет принял закон «Об осуждении киргизов военным судом». Данным законом было внесено дополнение к ст. 168 Свода законов уголовных, в котором указывалось, что казахов, кочующих вне пограничной линии, по делам в измене, убийстве, грабеже, барымте и явном неповиновении установленным властям судить военным судом. Исследование архивных материалов и других источников показывает, что до 1870-х годов в судебных учреждениях, действовавших на территории Казахстана на основании общеимперских законов, уголовных дел рассматривалось немного. «Сведения юридической статистики о киргизах, – писал Мейер Л., – как можно было ожидать, весьма неполны, потому что множество поступков и преступ-

лений по причине обширности территории и подвижности кочевой жизни остаются совершенно неизвестными властям»[15, с. 33]. По некоторым данным, приведенным Мейером Л., в военно-судных комиссиях Оренбургского ведомства в 1854-1863 гг. было осуждено 274 казаха. Из них за государственные преступления – 26 человек, за умышленное убийство – 62, за грабеж – 71 человек [15, с.33].«Значительное большинство совершаемых в киргизской степи наказуемых по российским законам преступлений, — писал барон Дельвиг, — остается необнаруженным при всех стараниях следственной части» [15, с. 33]. Немного было рассмотрено дел и в Сибирском ведомстве. По данным Валиханова Ч., в Омское областное правление в течение трех лет (1861-1863) поступило всего 111 дел. Из них было решено 103 дела [31].По временному положению 1867 года дела казахов, узбеков и лиц других национальностей, совершивших разбой, грабеж, нападение на купеческие караваны и т. д., были отнесены к подсудности военно-судных комиссий. Лишь военно-судные комиссии решали дела о преступлениях этих категорий на основании общеуголовных законов (Уложение о наказаниях уголовных и исправительных). Передавая дела о преступлениях в военно-судные комиссии, царское правительство как бы подчеркивало необходимость решения в казахской степи дел без промедления. Но, как показало исследование, дел, рассмотренных на основании общеимперского законодательства, было не много. Так, например, в официальном письме генерал-губернатору военный губернатор Тургайской области писал: «Извлеченные из дел Судебного отделения Областного правления сведения показывают, что в период времени с образования области по 1876 год, т. е. в течение 8 лет, всех случаев преступлений киргиз, подлежащих общему уголовному суду, было в тургайской области – 87, а всех подсудных – 341. В то же время в течение трех лет (1880-1882) во все шесть военно-судных комиссий Сырдарьинской области поступило всего 773 дела» [32].Следовательно, дела казахов в общеимперские судебные органы, действовавшие на территории Казахстана, поступали довольно редко. Несмотря на ограничения имперского законодательства, деятельность суда биев продолжала существовать, суд этот фактически все так же рассматривал большое количество уголовных преступлений, совершаемых казахами. Так, по неполным данным, согласно записям в книгах биев, за 1887 год судом биев Семиреченской области было рассмотрено 17 815 уголовных и гражданских дел. Согласно отчету Палена, в суде биев кочевого населения Сырдарьинской и Семиреченской областей было рассмотрено следующее количество дел: – в Сырдарьинской области: в 1905 году – 3083 дела, в 1906 – 3020 дел, в 1907 году – 1909 дел; – в Семиреченской области: в 1905 году – 2530 дел, в 1906 – 736 дел, в 1907 году – 4462 дела. По данным статистического обзора Уральской области за 1911 год, судом биев было рассмотрено 4795 уголовных дел, из которых подавляющее большинство было связано с барымтой, кражами [33, с. 78].

Таким образом, подводя итоги, можно констатировать следующее:

- с присоединением к Российской империи (первая половина XVII вв.) и проведением административных реформ в отношении степного края, количество конфликтов правового характера увеличилось;

- подавляющее большинство дел по-прежнему рассматривается биями, это говорит о том, что суд биев не ограничился разрешением незначительных деликтов, а

рассматривал категории общеуголовных дел с превышением предоставленных ему прав, подменяя фактически общеимперские суды;

- субъектами обращения в суд биев становятся не только кочевники, но и переселенцы, русские пограничные жители (крестьяне, купцы и пр.), а также сами чиновники, которые не спешили обращаться в суды, хотя им было предоставлено право судиться по общеимперским законам;

Приведенные данные в полной мере подтверждают тот факт, что суд биев являлся органом по урегулированию и разрешению конфликтов правового характера и действовал вплоть до установления советской власти.

Список литературы

1. Проект «7 камней судебной системы». URL.: https://tengrinews.kz/kazakhstan_news/7-kamney-sistemyi-asanov-vyiskazalsya-dalneyshey-rabote-336239/Tengrinews.kz. – Текст электронный.

2. Назарбаев Н. Взгляд в будущее: модернизация общественного сознания / Н. Назарбаев, 12 апреля 2017 год. URL: http://www.akorda.kz/ru/events/akorda_news/press_conferences/statya-glavy-gosudarstva-vzglyad-v-budushchee-modernizaciya-obshchestvennogo-soznaniya. – Текст электронный.

3. Пресс-служба Западно-Казахстанского областного суда. URL: http://zko.sud.kz/rus. – Текст электронный.

4. 3. Зиманов С. З. Казахский суд биев – уникальная судебная система / С. З. Зиманов. – Алматы: Атамұра, 2008. – 250 с.

5. Мами К. А. Суд биев – аккумулятор для национального кода / К. А. Мами// Казахстанская правда. – 2017. – С. 1-15.

6. Все шедевры мировой литературы в кратком изложении. Сюжеты и характеры. Зарубежная литература древних эпох, средневековья и Возрождения / Ред. и сост. В. И. Новиков. – М. : Олимп : АСТ, 1997. – 750 с.

7. Культелеев Т. М. Уголовное обычное право казахов / Т. М. Культелеев. – 1955. – С. 63.

8. Загряжский Г. Юридический обычай киргиз /Г. Загряжский // Материалы для статистики Туркестанского края. – 1876. – Вып IV. – С. 93.

9. Балюзек Л. Народные обычаи, имевшие, а отчасти и ныне имеющие в Малой киргизской орде силу закона / Л. Балюзек // Записи Оренбургского отд. ИРГО. – 1871. – Вып. II, 1871. – С.134.

10. Леонтьев А. А. Обычное право киргиз / А. А. Леонтьев // Юридический вестник. – 1890. – № 5, кн.1-2. – С. 114-139.

11. Радлов В. В. Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Дзунгарской степи / В. В. Радлов. – СПб., 1870. – Ч. 3: Киргизское наречие. – С. 21.

12. «Сочинения Чокана Чингисовича Валиханова» // Записки Императорского Русского Географического Общества по отделению этнографии, том XXIX). – СПб, 1904 г. – С. 17.

13. Казыбек Келдибекулы // Казахстан. Национальная энциклопедия. – Алматы: Қазақэнциклопедиясы, 2005. – Т. III. – 840 с.

14. Валиханов Ч. Ч. Записка о судебной реформе / Ч. Ч. Валиханов // Собрание сочинений: в 5 т. – Алма-Ата, 1985. – Т.4. – С. 77-105.

15. Словохотов Л. А. Народный суд обычного права киргиз Малой орды / Л. А. Словохотов // Древний мир права казахов. – Алматы, 2005. – Т.6. - С. 79-113.

16. Словохотов Л. А. Юзефович С. О быте киргиз Тургайской области / Л. А. Словохотов, С. Юзефович // Русский вестник. – 1880 – № 5 – С. 786-825.

17. Материалы по обычному праву казахов / Под ред. С. З. Зиманова. – Алма-Ата, 1948. – 220 с.

18. Добромыслов А. И. Суд у киргиз Тургайской области в XYIII-XIX вв. / А. И. Добромыслов. – Казань, 1904. – 105 с.

19. Д'Андре. Описание киргизских обычаев, имеющих в орде силу закона /Д`Андре // Материалы по обычному праву казахов: Сб. Научно-популярное издание / Сост.: Т. М. Культелеев, М. Г. Масевич, Г. Б. Шакаев. – Алма-ата, 1948. – С. 164-201.

20. Зиманов С. З. Общественный строй казахов первой половины XIX века / С. З. Зиманов. – Алма-Ата, 1958. – 296 с.

21. Ибраева А. С. Правовая культура: проблемы теории и практики / А. С. Избраева. – AnMaib,

2002. – 352 с.

22. История Казахстана. URL: http://zko.sud.kz/rushttps://tarikh.kz/kazahskoe-hanstvo-feodalnaya-razdroblennost/kazahskoe-hanstvo-pri-tauke-hane-1680-1718/. – Текст электронный.

23. Айтхожин К. Суд биев в истории казахского народа / К. Айтхожин. URL: http://mysl.kazgazeta.kz/. – Текст электронный.

24. Алимжан К. Суд биев как институт обычного права / К. Алимжан. // Мысль. – 1999. – № 6. – С. 70-82.

25. Шакаев Г.Б. Процессуальное обычное право казахов второй половины XIX века и начло XX веков: Автореф. дис…канд.юрид.наук: 12.00.01 / Г. Б. Шакаев. – Алма-Ата, 1966. – 21 с.

26. Фукс С. Л. Обычное право казахов в XVIII – первой половине XIX века / С. Л. Фукс. – Алма-Ата, 1981. – 224 с.

27. Муканов Р. Ж. Ретроспективный анализ деятельности судебных органов в сфере контроля над преступностью на территории Казахстана / Р. Ж. Муканов. URL: https://www.sovremennoepravo.ru/. – Текст электронный.

28. Мейер Л. Киргизская степь Оренбургского ведомства / Л. Мейер. – СПб., 1865.

29. Вареникова С. П. Казахское обычное право и судопроизводство биев / С. П. Вареникова. URL: https://cyberleninka.ru/article/v/kazahskoe-obychnoe-pravo-i-sudoproizvodstvo-biev. – Текст электронный.

30. Отепова Г. Е. Вопросы изменения судебной системы на территории Казахстана в законодательных актах Российской империи / Г. Е. Отепова. URL: http://edu.e-history.kz/ru/publications/view/484. – Текст электронный.

31. Центральный государственный архив Республики Казахстан. Ф. 18. Д. 32. Л. 18. – https://www.sovremennoepravo.ru/. – Текст электронный.

32. Центральный государственный архив Республики Казахстан. Ф. 25. Д. 2505. URL: https://www.sovremennoepravo.ru/. – Текст электронный.

33. Культелеев Т. М. Уголовное обычное право казахов / Т. М. Культелеев. — Алма-Ата, 1955. URL: https://www.sovremennoepravo.ru/ – Текст электронный.

Bakirova A. M. The role of the institution of biys as a governing body on settlement and resolution of conflicts of legal nature / A. M. Bakirova // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2019. – T. 4 (72). № 4. – P. 409-426.

The article discusses the traditional and legal institution of Kazakh system of justice. Historical journey is essential to research into the causes of revival of the council of biys in XXI century and what role the biys played in resolving the conflicts of legal nature in nomadic civilization up to the time of establishment of the Soviet government. The author provides an evaluation to the court of biys in a different way and attempts to demonstrate how socially justifiable is the process of introduction of the council of biys into the system of justice of Kazakhstan. Incomplete satisfaction with the quality of judicial services provided; inconsistency of judges to population demands; insufficient authority of the judicialorders; refusal to admit the justice system to be swift and legal – these are the reasons why the state turned to the study of the Kazakh tradition – the institution of biys. Through the steps of historical development of the institution of biys, interrelation of that body with other bodies in the state of the steppes, we will be able to uncover the essential feature of that form of legal system. On the basis of the performed reviews, the author puts forward his assumptions regarding popularity of the traditional court and its role in sustaining reasonable balance between the institutions of tribal structure and governmental organization of the steppe state.

Keywords: Kazakh common law, biy, judicial precedent, social seniority, Sharia rules, general imperial courts, imperial courts, representative of the steppe aristocracy, conventional court, nomadic civilization, Chinggisids.

Spisok literatury`

1. Proekt «7 kamnej sudebnoj sistemy`». URL.: https://tengrinews.kz/kazakhstan_news/7-kamney-sistemyi-asanov-vyiskazalsya-dalneyshey-rabote-336239/Tengrinews.kz. – Tekst e`lektronny`j.

2. Nazarbaev N. Vzglyad v budushhee: modernizaciya obshhestvennogo soznaniya / N. Nazarbaev, 12 aprelya 2017 god. URL: http://www.akorda.kz/ru/events/akorda_news/press_conferences/statya-glavy-gosudarstva-vzglyad-v-budushchee-modernizaciya-obshchestvennogo-soznaniya. – Tekst e`lektronny`j.

3. Press-sluzhba Zapadno-Kazaxstanskogo oblastnogo suda. URL: http://zko.sud.kz/rus. – Tekst e`lektronny`j.

4. 3. Zimanov S. Z. Kazaxskij sud biev – unikal`naya sudebnaya sistema / S. Z. Zimanov. – Almaty`: Atamұra, 2008. – 250 s.

5. Mami K. A. Sud biev – akkumulyator dlya nacional`nogo koda / K. A. Mami// Kazaxstanskaya pravda. – 2017. – S. 1-15.

6. Vse shedevry` mirovoj literatury` v kratkom izlozhenii. Syuzhety` i xaraktery`. Zarubezhnaya literatura drevnix e`pox, srednevekov`ya i Vozrozhdeniya / Red. i sost. V. I. Novikov. – M. : Olimp : ACT, 1997. – 750 s.

7. Kul`teleev T. M. Ugolovnoe oby`chnoe pravo kazaxov / T. M. Kul`teleev. – 1955. – C. 63.

8. Zagryazhskij G. Yuridicheskij oby`chaj kirgiz /G. Zagryazhskij // Materialy` dlya statistiki Turkestanskogo kraya. – 1876. – Vy`p IV. – S. 93.

9. Balyuzek L. Narodny`e oby`chai, imevshie, a otchasti i ny`ne imeyushhie v Maloj kirgizskoj orde silu zakona / L. Balyuzek // Zapisi Orenburgskogo otd. IRGO. – 1871. – Vy`p. II, 1871. – S.134.

10. Leont`ev A. A. Oby`chnoe pravo kirgiz / A. A. Leont`ev // Yuridicheskij vestnik. – 1890. – № 5, kn.1-2. – S. 114-139.

11. Radlov V. V. Obrazcy narodnoĭ literatury` tyurkskix plemen, zhivushhix v Yuzhnoĭ Sibiri i Dzungarskoĭ stepi / V. V. Radlov. – SPb., 1870. – Ch. 3: Kirgizskoe narechie. – S. 21.

12. «Sochineniya Chokana Chingisovicha Valixanova» // Zapiski Imperatorskogo Russkogo Geograficheskogo Obshhestva po otdeleniyu e`tnografii, tom XXIX). – SPb, 1904 g. – S. 17.

13. Kazy`bek Keldibekuly` // Kazaxstan. Nacional`naya e`nciklopediya. – Almaty`: Қazaқe`nciklopediyasy`, 2005. – T. III. – 840 s.

14. Valixanov Ch. Ch. Zapiska o sudebnoj reforme / Ch. Ch. Valixanov // Sobranie sochinenij: v 5 t. – Alma-Ata, 1985. – T.4. – S. 77-105.

15. Slovoxotov L. A. Narodny`j sud oby`chnogo prava kirgiz Maloj ordy` / L. A. Slovoxotov // Drevnij mir prava kazaxov. – Almaty`, 2005. – T.6. - S. 79-113.

16. Slovoxotov L. A. Yuzefovich S. O by`te kirgiz Turgajskoj oblasti / L. A. Slovoxotov, S. Yuzefovich // Russkij vestnik. – 1880 – № 5 – S. 786-825.

17. Materialy` po oby`chnomu pravu kazaxov / Pod red. S. Z. Zimanova. – Alma-Ata, 1948. – 220 s.

18. Dobromy`slov A. I. Sud u kirgiz Turgajskoj oblasti v XYIII-XIX vv. / A. I. Dobromy`slov. – Kazan`, 1904. – 105 s.

19. D'Andre. Opisanie kirgizskix oby`chaev, imeyushhix v orde silu zakona /D`Andre // Materialy` po oby`chnomu pravu kazaxov: Sb. Nauchno-populyarnoe izdanie / Sost.: T. M. Kul`teleev, M. G. Masevich, G. B. Shakaev. – Alma-ata, 1948. – S. 164-201.

20. Zimanov S. Z. Obshhestvenny`j stroj kazaxov pervoj poloviny` XIX veka / S. Z. Zimanov. – Alma-Ata, 1958. – 296 s.

21. Ibraeva A. C. Pravovaya kul`tura: problemy` teorii i praktiki / A. S. Izbraeva. – AnMaib, 2002. – 352 s.

22. Istoriya Kazaxstana. URL: http://zko.sud.kz/rushttps://tarikh.kz/kazahskoe-hanstvo-feodalnaya-razdroblennost/kazahskoe-hanstvo-pri-tauke-hane-1680-1718/. – Tekst e`lektronny`j

23. Ajtxozhin K. Sud biev v istorii kazaxskogo naroda / K. Ajtxozhin. URL: http://mysl.kazgazeta.kz/. – Tekst e`lektronny`j

24. Alimzhan K. Sud biev kak institut oby`chnogo prava / K. Alimzhan. // My`sl`. – 1999. – № 6. – S. 70-82.

25. Shakaev G.B. Processual`noe oby`chnoe pravo kazaxov vtoroj poloviny` XIX veka i nachlo XX vekov: Avtoref. dis…kand.yurid.nauk: 12.00.01 / G. B. Shakaev. – Alma-Ata, 1966. – 21 s.

26. Fuks S. L. Oby`chnoe pravo kazaxov v XVIII – pervoj polovine XIX veka / S. L. Fuks. – Alma-Ata, 1981. – 224 s.

27. Mukanov R. Zh. Retrospektivny`j analiz deyatel`nosti sudebny`x organov v sfere kontrolya nad prestupnost`yu na territorii Kazaxstana / R. Zh. Mukanov. URL: https://www.sovremennoepravo.ru/. – Tekst e`lektronny`j.

28. Mejer L. Kirgizskaya step` Orenburgskogo vedomstva / L. Mejer. – SPb., 1865.

29. Varenikova S. P. Kazaxskoe oby`chnoe pravo i sudoproizvodstvo biev / S. P. Varenikova. URL: https://cyberleninka.ru/article/v/kazahskoe-obychnoe-pravo-i-sudoproizvodstvo-biev. – Tekst e`lektronny`j.

30. Otepova G. E. Voprosy` izmeneniya sudebnoj sistemy` na territorii Kazaxstana v zakonodatel`ny`x aktax Rossijskoj imperii / G. E. Otepova. URL: http://edu.e-history.kz/ru/publications/view/484. – Tekst e`lektronny`j.

31. Central`ny`j gosudarstvenny`j arxiv Respubliki Kazaxstan. F. 18. D. 32. L. 18. – https://www.sovremennoepravo.ru/. – Tekst e`lektronny`j.

32. Central`ny`j gosudarstvenny`j arxiv Respubliki Kazaxstan. F. 25. D. 2505. URL: https://www.sovremennoepravo.ru/. – Tekst e`lektronny`j.

33. Kul`teleev T. M. Ugolovnoe oby`chnoe pravo kazaxov / T. M. Kul`teleev. – Alma-Ata, 1955.URL: https://www.sovremennoepravo.ru/ – Tekst e`lektronny`j.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2019. – Т. 5 (71). № 4. – С. 427-434.

УДК 342.56

УЧАСТИЕ ОРГАНОВ СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ В ЗАКОНОТВОРЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ НА ФЕДЕРАЛЬНОМ УРОВНЕ: ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ

Збарацкий Б. А.

Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)

В статье рассматривается участие органов судебной власти в законотворческом процессе на федеральном уровне. Делается соотношение правотворческого, законотворческого и законодательного процессов. Выделяются стадии законотворческого процесса. Автором определена особая факультативная стадия законотворческого процесса – признание закона (нормы) неконституционным. Рассматривается категория граница законотворчества. Обращается внимание на возможность участия органов судебной власти на определенных стадиях. Анализируются законопроекты, внесенные высшими судебными инстанциями. Исследуются такие формы участия органов судебной власти в законотворческом процессе, как законодательная инициатива, официальный отзыв Верховного Суда Российской Федерации на законопроект о внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации, а также документ, подтверждающий согласование законопроекта по вопросу формирования мировых судов. Делается вывод о том, что суды могут участвовать в законотворческом процессе активным и пассивным способом.

Ключевые слова: законотворческий процесс, судебная власть, Конституционный Суд Российской Федерации, Верховный Суд Российской Федерации, законодательная инициатива, официальный отзыв Верховного Суда.

Законотворческий процесс является одним из видов правотворческого процесса и соотносится друг с другом как частное с общим. Вопрос об участии органов судебной власти в законотворческом процессе считается дискуссионным в юридической науке. Правотворческий процесс является шире по своему объему нежели законотворческий. В правотворческий процесс входит деятельность, связанная с разработкой, принятием, изменением и отменой правовых норм разного уровня и юридической силы. Представляется верной точка зрения профессора Марченко М. Н., о том, что итоговые постановления Конституционного Суда Российской Федерации «являются не только актами применения, но и актами правотворчества Суда, актами, которые содержат нормы права…» [13, с. 406]. Таким образом, в правотворческий процесс также следует включать деятельность по признанию нормативного правового акта не соответствующим Конституции Российской Федерации. В рамках законотворческого процесса рассматривается лишь деятельность, связанная с единственным видом нормативно-правового акта – законом. Следовательно, законотворческий процесс – это деятельность уполномоченных органов по разработке, принятию, изменению и отмене законов (норм законов). Не менее важной правовой категорией, связанной с данными понятиями, является законодательный процесс, который также, как и законотворческий процесс, связан только с законом. О соотношении законотворческого процесса с законодательным в науке отсутствует единая точка зрения [10, с. 60; 8, с. 340]. Некоторые ученые рассматривают оба понятия как

равнозначные, в действительности же законодательный процесс является более узкой категорией. Законодательный процесс начинается со стадии законодательной инициативы и заканчивается официальным опубликованием закона [9, с. 203], тогда как законотворческому процессу характерно включать в себя такие стадии как: разработка законопроекта до момента осуществления законодательной инициативы, сбор необходимых документов, предусмотренных для представления вместе с законопроектом, а также признание закона несоответствующим Конституции.

Следует выделить тот факт, что участвовать в законотворческом процессе могут 727 субъектов, которых Конституция наделяет правом законодательной инициативы. В настоящей статье рассматриваются только органы судебной власти как субъекты законотворческого процесса.

Для того чтобы определить степень участия органов судебной власти в законотворческом процессе необходимо определить стадии законотворческого процесса.

Первой стадией законотворческого процесса следует считать мониторинг общественных отношений (на предмет выяснения необходимости урегулирования конкретных отношений нормами закона, проведения исследований о последствиях действия принимаемой нормы и др. [15, с. 9]).

Второй стадией необходимо выделить разработку законопроекта (в данную стадию входят: оценка результатов первой стадии, принятие решения о разработке законопроекта, непосредственно разработка законопроекта, внесение изменений в законопроект, утверждение законопроекта).

Третья стадия – это подготовка и сбор документов, необходимых при внесении законопроекта в Государственную Думу (принятие решения о выдвижении законопроекта, назначение представителя по данному законопроекту и др.).

Четвертой стадией следует определить осуществление законодательной инициативы (непосредственное внесение управомоченным субъектом законопроекта и необходимых документов в Государственную Думу).

Под пятой стадией стоит понимать рассмотрение законопроекта (а впоследствии и закона) в законодательном органе (подготовка законопроекта к рассмотрению, рассмотрение законопроекта, принятие (одобрение) закона или его отклонение, передача в Совет Федерации, одобрение закона или его отклонение и др.). Фактически данная стадия законотворческого процесса охватывает собой несколько стадий законодательного процесса, связанных между собой рассмотрением законопроекта в законодательном органе.

Завершается законотворческий процесс стадией подписания закона Президентом Российской Федерации и его обнародовании.

Факультативной стадией законотворческого процесса выступает признание закона (нормы закона) не соответствующим Конституции Российской Федерации. При наличии указанной стадии именно она будет завершать законотворческий процесс.

Анализируя вышеуказанное, можно прийти к выводу, что абсолютно все стадии характерны для правотворческого процесса. По соотношению с законодательным вторая, третья и факультативная (седьмая) стадии исключительно характерны для законотворческого процесса, поскольку затрагивают отношения до осуществления права законодательной инициативы и после подписания, затем опубликования закона, а также касаются лишь управомоченного субъекта права законодательной ини-

циативы и его взаимодействия с иными органами. Стадии 4, 5 и 6 присущи законодательному процессу, однако не могут быть исключены из законотворческого процесса в силу взаимодополняемости и взаимовлияния друг на друга.

Выделение факультативной стадии обусловлено не столько особым характером решений Конституционного Суда Российской Федерации или спорной по своей правовой природе возможностью отмены правовых норм, принятых законодательным органом, самим судом, обстоятельствами, которые заслуживают самостоятельного исследования, а сколько предусмотренной законодательством возможностью судов влиять на другие органы в части обязательного осуществления законодательной инициативы. Как верно отмечает Нарутто С. В., «Судебная практика помогает преодолеть правовую неопределенность, исправить дефекты законодательства с целью соблюдения прав и свобод человека, однако это не способствует авторитету законодателя и закона» [14, с. 47]. Так, например, п. 1 ст. 80 Федерального конституционного закона от 21.07.1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» [2] предусмотрено, что, если решением Конституционного Суда нормативный акт признан не соответствующим Конституции, Правительство Российской Федерации не позднее шести месяцев вносит в Государственную Думу проект закона, или ряд взаимосвязанных проектов законов. То есть судебный орган «принуждает» Правительство к осуществлению права законодательной инициативы по конкретному вопросу и в четко установленные сроки, порождая своим решением обязанность Правительства разрабатывать и внести законопроект.

Абзац 2 указанной статьи устанавливает, что субъекты права законодательной инициативы вправе осуществлять подготовку проекта нового закона в случае признания закона неконституционным и вносить его в Государственную Думу. В таком случае Правительство (при наличии положительного заключения) вправе отложить внесение законопроекта. Тем самым Конституционный Суд побуждает всех субъектов права законодательной инициативы предпринять действия для скорейшего устранения правового пробела, вызванного признанием нормы неконституционной.

Данные обстоятельства безоговорочно инициируют законотворческий процесс. Крашенинников П. В. называет факультативную стадию «границей законотворчества» [12, с. 39] не раскрывая содержания данного понятия. По нашему мнению, «границу законотворчества» следует понимать как предел осуществления законотворческого процесса. При наличии указанной факультативной стадии субъекту законотворческого процесса не нужно проходить первую стадию, так как регулированию подлежат конкретные правоотношения, которые уже были объектом правового регулирования. Законотворческий процесс будет начинаться непосредственно с разработки законопроекта.

Органы судебной власти могут участвовать в законотворческом процессе практически на всех его стадиях. Исключением является лишь стадия подписания и обнародования закона Президентом.

Участие органов судебной власти в законотворческом процессе можно разделить на активное и пассивное. Под активным участием следует понимать самостоятельное инициирование процесса законотворчества, то есть те случаи, когда судебные органы самостоятельно разрабатывают законопроект, обращаются с правом законодательной инициативы и так далее. Под пассивным участием понимается внешнее инициирование процесса законотворчества с обязательным участием орга-

нов судебной власти. К таким случаям можно отнести: составление официального отзыва Верховного Суда на законопроект о внесении изменений в Уголовный кодекс; составление документа, подтверждающего согласование законопроекта по вопросу определения общего числа мировых судей и количества судебных участков субъекта Российской Федерации; последствия признания закона (нормы закона) не соответствующим Конституции Российской Федерации.

На первой, второй и четвертой стадии участие органов судебной власти обусловлено наличием права законодательной инициативы. Существенным отличием Верховного Суда Российской Федерации и Конституционного Суда Российской Федерации от других субъектов права законодательной инициативы выступает то обстоятельство, что они могут инициировать законопроект только по вопросам их ведения. Практический анализ инициированных высшими судебными органами законопроектов показывает следующее: всего внесено 199 законопроектов (вместе с упраздненным Высшим Арбитражным Судом Российской Федерации), из них находятся на рассмотрении – 16, стали законами – 107, отклонено – 34, отозвано – 26 и возвращено – 16 [16]. Следует заметить, что высшие судебные инстанции обращались с инициативами по изменению и (или) принятию всех процессуальных кодексов, законов, содержащих нормы материального права, законодательства о судебной системе, статусе судей, о самих судебных инстанциях, об органах судейского сообщества и многое другое. Можно выделить наиболее интересные особенности: 1) чаще всего Верховный Суд обращался с законопроектами об изменении Уголовно-процессуального кодекса (более 22 раз); 2) в 2000, 2002 и 2007 годах Верховный Суд обращался с законопроектами о внесении изменений в федеральные законы о бюджете на соответствующий год, по вопросу увеличения собственного финансирования, однако каждый раз отзывал свой законопроект [17]; 3) Конституционный Суд Российской Федерации обращался с законодательными инициативами только на раннем этапе своего существования.

Вопросы об осуществлении законодательной инициативы в Верховном Суде решаются Пленумом Верховного Суда, в соответствии с п. 3.2.6. Положения об аппарате Верховного Суда, утвержденного постановлением Президиума Верховного Суда от 21.10.2015 г. [20] Разрабатывается законопроект Управлением систематизации законодательства и анализа судебной практики Верховного Суда. В Конституционном Суде решение о выступлении с законодательной инициативой принимается Конституционным Судом в порядке, установленном для принятия итоговых решений Конституционного Суда, то есть в закрытом совещании большинством голосов судей.

Относительно третьей стадии стоит упомянуть, что суды представляют весь комплект документов, предусмотренный статьей 105 Регламента Государственной Думы [7], наравне с остальными субъектами права законодательной инициативы. Рассмотрим лишь специальные документы, которые касаются органов судебной власти. Абзац 1 ст. 8 Федерального закона от 13.06.1996 г. № 64-ФЗ «О введении в действие Уголовного кодекса Российской Федерации» [6] и п. «к» ч. 1 ст. 105 Регламента Государственной Думы предусматривают, что изменения в УК РФ могут быть внесены только при наличии официального отзыва Правительства и Верховного Суда. Статья 128 Конституции Российской Федерации [1] предусматривает, что полномочия, порядок образования и деятельности Верховного Суда устанавливают-

ся федеральными конституционными законами, однако ни ФКЗ «О Верховном Суде» [3], ни ФКЗ «О судебной системе» [4] не устанавливают обязанность Верховного Суда по составлению официальных отзывов. Лишь п. 7 ч. 7 ст. 2 ФКЗ «О Верховном Суде» предусматривает, что Верховный Суд может осуществлять иные полномочия в соответствии с различными федеральными законами. Формулировка, предусмотренная ФЗ «О введении в действие УК РФ», не устанавливает обязанности Верховного Суда разрабатывать официальные отзывы, вместо этого норма обязывает других участников законотворческого процесса запрашивать у Верховного Суда данный документ. Следовательно, подготовка официальных отзывов является дискреционным полномочием Верховного Суда, которое направлено на единение законодательства и его применения. В отличие от реализации законодательной инициативы, которая оформляется постановлением Пленума Верховного Суда, официальный отзыв имеет свободную форму, подготавливается Управлением систематизации законодательства и анализа судебной практики Верховного Суда и подписывается заместителем председателя Верховного Суда – председателем Судебной коллегии по уголовным делам. Следует упомянуть, что при представлении законопроекта о внесении изменений в УК РФ самим Верховным Судом, представляется только официальный отзыв Правительства, это означает, что официальный отзыв изложен в самом законопроекте и пояснительной записке к нему [18]. Некоторые авторы предлагают легально закрепить обязанность представлять отзывы на законопроекты в Уголовный и Уголовно-процессуальный кодексы [11, с. 1099]. Данная позиция представляется спорной, поскольку вызовет затруднение работы органа правосудия и может быть рассмотрена как излишнее участие в законотворческом процессе, которое будет нарушать баланс равновесия ветвей власти. Кроме того, по аналогии Верховному Суду необходимо будет представлять официальные отзывы на все процессуальные кодексы, а не только на один из них.

Что же касается документов, предусмотренных ч. 2 ст. 4 Федерального закона от 17.12.1998 г. № 188-ФЗ «О мировых судьях в Российской Федерации» [5] и п. «о» ч. 1 ст. 105 Регламента Государственной Думы, подтверждающих согласование законопроектов по вопросу определения общего числа мировых судей и количества судебных участков субъектов Российской Федерации, то как правило с данным видом законопроектов обращаются законодательные (представительные) органы государственной власти субъектов Российской Федерации либо сам Верховный Суд. Оформляется согласование постановлением Пленума Верховного Суда. Несмотря на согласование Верховным Судом, Государственная Дума не всегда занимает сторону по изменению числа мировых судей или судебных участков [19]. Согласование с Верховным Судом необходимо для своевременного информирования Верховного Суда о предстоящих переменах в качественном и количественном составе судебной власти, а также для правильного осуществления функции правосудия.

Пассивное участии органов судебной власти в законотворческом процессе выражается в возможности присутствовать на заседаниях ответственного комитета с правом совещательного голоса при обсуждении законопроекта.

Участие органов судебной власти (их представителей) на стадии прохождения законопроекта (закона) в законодательном органе возможно лишь в нижней палате законодательного органа. При активном участии в законотворческом процессе представитель суда по конкретному законопроекту может входить в рабочую груп-

пу для работы над законопроектом в ответственном комитете Государственной Думы, участвовать в обсуждении законопроекта в комитетах Государственной Думы, должен зачитывать в первом чтении доклад с обоснованием необходимости принятия закона, может участвовать в рассмотрении поправок к законопроекту в ответственном комитете, может брать слово для выступления во втором чтении. Анализируя вышеназванные полномочия, можно прийти к выводу, что на данном этапе органы судебной власти участвуют лишь косвенно, однако в случае наличия сомнений в необходимости принятия законопроекта, правильно выстроенная позиция и грамотно построенная речь могут выступить залогом принятия положительного решения в отношении законопроекта.

Руководствуясь вышеизложенным, можно прийти к выводу, что органы судебной власти имеют широкие возможности участия в законотворческом процессе. Могут оказывать воздействие как активно – путем осуществления права законодательной инициативы, так и пассивно – посредством представления необходимых документов другим субъектам законотворческого процесса. Суды участвуют в законотворческом процессе практически на всех его стадиях чем развивают и обогащают законодательство Российской Федерации.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята на всенародном голосовании 12 декабря 1993 г.) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 г. № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 г. № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 г. № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ). // СЗ РФ. – 2014. – № 31. – Ст. 4398.
2. О Конституционном Суде Российской Федерации : Федеральный конституционный закон от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ» // СЗ РФ. – 1997. – № 13. – Ст. 1447.
3. О Верховном Суде Российской Федерации : Федеральный конституционный закон от 05 февраля 2014 г. № 3-ФКЗ // СЗ РФ. – 2014. – № 6. – Ст. 550.
4. О судебной системе Российской Федерации : Федеральный конституционный закон от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ // СЗ РФ. – 1997. – № 1. – Ст. 1
5. О мировых судьях в Российской Федерации : Федеральный закон от 17 декабря 1998 г. № 188-ФЗ // СЗ РФ. – 1998. – № 51. – Ст. 6270.
6. О введении в действие Уголовного кодекса Российской Федерации : Федеральный закон от 13 июня 1996 г. № 64-ФЗ // СЗ РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2955.
7. О Регламенте Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации : Постановление Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 22 января 1998 г. № 2134-II ГД // СЗ РФ. – 1998. – № 7. – Ст. 801.
8. Джиоев М. А. Конституционно-правовое разграничение и соотношение понятий «законотворческий процесс» и «законодательный процесс» / М. А. Джиоев // Вестник научных трудов молодых ученых, аспирантов и магистрантов ФГБОУ ВО «Горский государственный аграрный университет». – 2016. – С. 339-341.
9. Добрынин Н. М. Конституционное (государственное) право Российской Федерации. Современная версия новейшей истории государства / Н. М. Добрынин: Учеб. : В 2 т. Т. 2. – Новосибирск: Наука, 2016. – 956 с.
10. Желдыбина Т. А. Механизм обеспечения процесса законотворчества в России: монография / Т. А. Желдыбина / под ред. И. Н. Сенякина. – М. : Юрлитинформ, 2017. – 360 с.
11. Климов А. А. Представление Верховным Судом Российской Федерации официальных отзывов на законопроекты в механизме выявления и предотвращения пробелов в уголовно-процессуальном праве / А. А. Климов // Омские научные чтения – 2018. – С. 1098-1100.
12. Крашенинников П. В. Закон и законотворческий процесс / П. В. Крашенников. – М. : Статут, 2017. – 160 с.

13. Марченко М. Н. Судебное правотворчество и судейское право / М. Н. Марченко. – М. : Проспект, 2009. – 512 с.

14. Нарутто С. В. Определенность законодательства как гарантия прав и свобод человека и гражданина в конституционно-судебной доктрине / С. В. Наруто // Lex Russica. – 2018. – № 10 (143). – С. 41-49.

15. Чинарян О. Е. Основные стадии законотворческого процесса / О. Е. Чинарян // Современное право. – 2011. – № 12. – С. 8-11.

16. Объекты законотворчества. URL: https://sozd.duma.gov.ru/oz (дата обращения 29.09.2019). – Текст электронный.

17. О внесении изменений в Федеральный закон «О федеральном бюджете на 2000 год» : Федеральный закон. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/90044873-3 (дата обращения 29.09.2019). – Текст электронный.

18. О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон «О федеральном бюджете на 2002 год» : Федеральный закон URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/191637-3 (дата обращения 29.09.2019) (дата обращения 29.09.2019) . – Текст электронный.

19. О внесении изменений в статью 92 Уголовного кодекса Российской Федерации : Федеральный закон URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/670565-7 (дата обращения 29.09.2019). – Текст электронный.

20. О внесении изменения в статью 1 Федерального закона «Об общем числе мировых судей и количестве судебных участков в субъектах Российской Федерации» : Федеральный закон URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/25360-7 (дата обращения 29.09.2019). – Текст электронный.

21. Законодательство, нормативные правовые акты и документы, регламентирующие деятельность Верховного Суда Российской Федерации. URL: http://www.supcourt.ru/about/info/documents_regulations/ (дата обращения 29.09.2019). – Текст электронный.

Zbaratskiy B. A. Participation of the judiciary in the law-making process at the federal level: controversial issues / B. A. Zbaratskiy // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2019. – T. 4 (72). № 4. – P. 427-434.

The article deals with the participation of the judiciary in the law-making process at the Federal level. The correlation of law-formation, law-making and legislative processes is made. The stages of the law-making process are determined. The author defines a special optional stage of the legislative process-the recognition of the law (rule of law) unconstitutional. The article considers the category of border of lawmaking. Attention is drawn to the possibility of participation of the judiciary at certain stages. The draft laws introduced by the highest courts are analyzed. The author examines such forms of participation of the judiciary in the law-making process as legislative initiative, the official response of the Supreme Court of the Russian Federation o to the draft law on amendments to the criminal code of the Russian Federation, as well as a document confirming the approval of the bill on the formation of magistrates' courts. It is concluded that the courts can participate in the law-making process in an active and passive way.

Keywords*:* Law-making process, judiciary, the Constitutional Court of the Russian Federation, the Supreme Court of the Russian Federation, legislative initiative, official opinion of the Supreme Court of the Russian Federation.

Spisok literatury`

1. Konstituciya Rossijskoj Federacii (prinyata na vsenarodnom golosovanii 12 dekabrya 1993 g.) (s uchetom popravok, vnesenny`x Zakonami RF o popravkax k Konstitucii RF ot 30.12.2008 g. № 6-FKZ, ot 30.12.2008 g. № 7-FKZ, ot 05.02.2014 g. № 2-FKZ, ot 21.07.2014 № 11-FKZ). // SZ RF. – 2014. – № 31. – St. 4398.

2. O Konstitucionnom Sude Rossijskoj Federacii : Federal`ny`j konstitucionny`j zakon ot 21 iyulya 1994 g. № 1-FKZ» // SZ RF. – 1997. – № 13. – St. 1447.

3. O Verxovnom Sude Rossijskoj Federacii : Federal`ny`j konstitucionny`j zakon ot 05 fevra-lya 2014 g. № 3-FKZ // SZ RF. – 2014. – № 6. – St. 550.

4. O sudebnoj sisteme Rossijskoj Federacii : Federal`ny`j konstitucionny`j zakon ot 31 dekab-rya 1996 g. № 1-FKZ // SZ RF. – 1997. – № 1. – St. 1

5. O mirovy`x sud`yax v Rossijskoj Federacii : Federal`ny`j zakon ot 17 dekabrya 1998 g. № 188-FZ // SZ RF. – 1998. – № 51. – St. 6270.

6. O vvedenii v dejstvie Ugolovnogo kodeksa Rossijskoj Federacii : Federal`ny`j zakon ot 13 iyunya 1996 g. № 64-FZ // SZ RF. – 1996. – № 25. – St. 2955.

7. O Reglamente Gosudarstvennoj Dumy` Federal`nogo Sobraniya Rossijskoj Federacii : Postanovlenie Gosudarstvennoj Dumy` Federal`nogo Sobraniya Rossijskoj Federacii ot 22 yanvarya 1998 g. № 2134-II GD // SZ RF. – 1998. – № 7. – St. 801.

8. Dzhioev M. A. Konstitucionno-pravovoe razgranichenie i sootnoshenie ponyatij «zakonotvorcheskij process» i «zakonodatel`ny`j process» / M. A. Dzhioev // Vestnik nauchny`x trudov molody`x ucheny`x, aspirantov i magistrantov FGBOU VO «Gorskij gosudarstvenny`j agrarny`j universitet». – 2016. – S. 339-341.

9. Dobry`nin N. M. Konstitucionnoe (gosudarstvennoe) pravo Rossijskoj Federacii. Sovremen-naya versiya novejshej istorii gosudarstva / N. M. Dobry`nin: Ucheb. : V 2 t. T. 2. – Novosibirsk: Nauka, 2016. – 956 s.

10. Zheldy`bina T. A. Mexanizm obespecheniya processa zakonotvorchestva v Rossii: monografiya / T. A. Zheldy`bina / pod red. I. N. Senyakina. ¬– M. : Yurlitinform, 2017. – 360 s.

11. Klimov A. A. Predstavlenie Verxovny`m Sudom Rossijskoj Federacii oficial`ny`x otzy`vov na zakonoproekty` v mexanizme vy`yavleniya i predotvrashheniya probelov v ugolovno-processual`nom pra-ve / A. A. Klimov // Omskie nauchny`e chteniya – 2018. ¬– S. 1098-1100.

12. Krasheninnikov P. V. Zakon i zakonotvorcheskij process / P. V. Krashennikov. – M. : Statut, 2017. –¬ 160 s.

13. Marchenko M. N. Sudebnoe pravotvorchestvo i sudejskoe pravo / M. N. Marchenko. –¬ M. : Prospekt, 2009. –¬ 512 s.

14. Narutto S. V. Opredelennost` zakonodatel`stva kak garantiya prav i svobod cheloveka i grazh-danina v konstitucionno-sudebnoj doktrine / S. V. Naruto // Lex Russica. – 2018. – № 10 (143). – S. 41-49.

15. Chinaryan O. E. Osnovny`e stadii zakonotvorcheskogo processa / O. E. Chinaryan // Sovremennoe pravo. – 2011. – № 12. – S. 8-11.

16. Ob``ekty` zakonotvorchestva. URL: https://sozd.duma.gov.ru/oz (data obrashheniya 29.09.2019). – Tekst e`lektronny`j.

17. O vnesenii izmenenij v Federal`ny`j zakon «O federal`nom byudzhete na 2000 god» : Fede-ral`ny`j zakon. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/90044873-3 (data obrashheniya 29.09.2019). – Tekst e`lektronny`j.

18. O vnesenii izmenenij i dopolnenij v Federal`ny`j zakon «O federal`nom byudzhete na 2002 god» : Federal`ny`j zakon URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/191637-3 (data obrashheniya 29.09.2019) (data obrashheniya 29.09.2019) . – Tekst e`lektronny`j.

19. O vnesenii izmenenij v stat`yu 92 Ugolovnogo kodeksa Rossijskoj Federacii : Federal`ny`j zakon URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/670565-7 (data obrashheniya 29.09.2019). – Tekst e`lektronny`j.

20. O vnesenii izmeneniya v stat`yu 1 Federal`nogo zakona «Ob obshhem chisle mirovy`x sudej i kolichestve sudebny`x uchastkov v sub``ektax Rossijskoj Federacii» : Federal`ny`j zakon URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/25360-7 (data obrashheniya 29.09.2019). – Tekst e`lektronny`j.

21. Zakonodatel`stvo, normativny`e pravovy`e akty` i dokumenty`, reglamentiruyushhie deyatel`nost` Verxovnogo Suda Rossijskoj Federacii. URL: http://www.supcourt.ru/about/info/documents_regulations/ (data obrashheniya 29.09.2019). – Tekst e`lektronny`j.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2019. – Т. 5 (71). № 4. – С. 435-439.

УДК 340.15

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ОРГАНИЗАЦИИ ФРАХТОВАНИЯ ИНОСТРАННЫХ СУДОВ В РАМКАХ СОВЕТА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ВЗАИМОПОМОЩИ (СЭВ) В ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД

Кошкин А. С.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского

В статье проанализирована роль морского транспорта в транспортной сети социалистических стран. Исследованы основные особенности международного сотрудничества советских стран на фрахтовом рынке.

Отмечена роль Совета Экономической Взаимопомощи (СЭВ) и его непосредственное участие в организации фрахтовой деятельности социалистических стран. Основной целью работы является анализ правовой базы, регулирующей международную фрахтовую деятельность стран-членов СЭВ в указанный период. Для достижения цели были проанализированы основные международные нормативно-правовые акты, регулирующие фрахтовую деятельность, а также локальные акты СЭВ, двусторонние и многосторонние соглашения.

Ключевые слова: Фрахтование, иностранные суда, Кодекс торгового мореплавания, Совет экономической взаимопомощи (СЭВ), договор, торговое судоходство, внешнеэкономические связи.

В 1920-1930-е годы в СССР происходит резкое увеличение внешнеторговых морских перевозок, что было связано со стремительным развитием линейного судоходства. Ключевой причиной этого послужил рост количества перевозок ценных грузов, требующих улучшенных условий транспорта и выдерживающих более высокий фрахт, что и являлось предпосылкой для развития регулярных линий морских внешнеторговых перевозок [1, с. 54].

Основные принципы работы регулярных линий – установление твердого плана движения судов в определенных направлениях – являлись их неоспоримым преимуществом в условиях планового хозяйства СССР. Советский флот работал главным образом по обслуживанию регулярных сообщений. Нерешенной проблемой в то время оставалось планомерное привлечение и использование иностранного тоннажа для обслуживания внешней торговли советских стран. Основным правовым актом, регулирующим морские внешнеторговые перевозки, в данный период был Кодекс торгового мореплавания 1926 года. Документ содержал всего одну главу, касающуюся морских перевозок заграничного сообщения. Коллизионные нормы устанавливали, что перевозкой грузов и пассажиров от портов Союза ССР до иностранных портов и обратно могли заниматься за изъятиями, установленными постановлением Совета Народных Комиссаров Союза ССР, как суда, плавающие под флагом Союза ССР, так при условии взаимности и суда, плавающие под иностранным флагом. Причем, норма допускала, что при невозможности перевозки груза из одного порта Союза ССР в другой порт Союза ССР, расположенный в другом море, на судне, плавающем под флагом Союза ССР, если такая перевозка является срочно необходимой, Народный Комиссариат Внешней и Внутренней Торговли Союза ССР

мог по соглашению с Народным Комиссариатом Путей Сообщения разрешать в каждом отдельном случае грузоотправителю заключить договор о перевозке на судне, плавающем под иностранным флагом [2]. Следует отметить, что в пределах европейских направлений сеть иностранных регулярных линий из советских портов не имела тенденции развития. Напротив, с ростом собственного флота и все большим охватом им перевозок экспортных грузов иностранные линии постепенно утрачивали свое значение. Объяснением этому служит тот факт, что установление регулярных рейсов при помощи иностранного тоннажа в СССР происходило в значительной степени без должного планирования, а также, учитывая слабую правовую регламентацию внешнеторговых связей, все происходило беспорядочно. Характер грузооборота СССР и та роль, которую играл в его обслуживании советский флот, давали основания полагать, что использование иностранного тоннажа на принципах линейной работы представляли для СССР интерес именно в отношении перевозок массовых грузов. Именно об этом свидетельствовало дальнейшее развитие внешнеторгового оборота социалистических стран регулярными линиями преимущественно грузового типа [3, с. 68].

После создания в 1949 году Совета Экономической Взаимопомощи (СЭВ), одним из звеньев многостороннего экономического сотрудничества стран-членов данной организации являлось фрахтование иностранного тоннажа, которое играло весьма важную роль в осуществлении их внешнеэкономических взаимосвязей. На морской транспорт приходилось более 35 % перевозок внешней торговли стран-членов СЭВ. Путем фрахтования социалистические страны СЭВ обеспечивали значительную часть своих потребностей в морском тоннаже для перевозки внешнеторговых грузов.

В послевоенный период восстановление морского транспорта и его развитие осуществлялось по мере укрепления экономики стран-членов СЭВ, однако, длительное время развитие флота отставало от потребностей внешней торговли. Переломным периодом стала последняя пятилетка: в 1961-1965 тоннаж их морского флота почти удвоился, а среднегодовые темпы роста в 2 раза превысили прирост внешнеторгового оборота. По технико-эксплуатационным показателям на тот момент этот флот являлся одним из самых совершенных в мире [4, с.87].

В указанный период морской транспорт занимал в транспортной сети социалистических стран особое место: он обслуживал главным образом внешнеэкономические связи. Его деятельность в области внешних перевозок слагалась из перевозок, как товаров собственного производства, так и грузов иностранных фрахтователей.

Примерно до середины пятидесятых годов участие собственного флота стран-членов СЭВ в перевозках грузов их внешней торговли было весьма невелико, остро ощущалась зависимость их внешней торговли от капиталистического фрахтового рынка; к перевозкам на своих судах грузов иностранных фрахтователей СССР прибегал лишь в периоды временных, сезонных излишков тоннажа и на балластных направлениях. Нехватка тоннажа сдерживала переключение на морские пути транспортировку грузов их взаимной торговли [5, с. 18].

Интенсивное развитие флота в шестидесятых годах привело к коренным изменениям: собственный флот занял ведущее место в обслуживании внешнеэкономических связей Болгарии, Польши и Советского Союза, он перевозил более половины внешнеторговых грузов.

Высокие темпы роста внешней торговли стран-членов СЭВ, предусмотренные в перспективных планах их развития, предопределили дальнейшее увеличение объема морских перевозок. Увеличились перевозки и возросла роль морского транспорта в обслуживании взаимной торговли стран-членов СЭВ, которая в 1955-1970 гг. возросла по отношению к предыдущей пятилетке на 40%.

Важным моментом указанного периода было утверждение Кодекса торгового мореплавания СССР 1968 года, в котором гораздо более детально регулировались планирование и организация перевозок грузов, а также устанавливались положения о договоре фрахтования судна на время [6]. Это еще раз подчеркивало тот факт, что в данный период развитие морских внешнеторговых перевозок социалистических стран испытывало небывалый рост, который и предопределил развитие законодательной техники в их правовой регламентации.

После принятия Протокола № 4/60 заседания Постоянной Комиссии СЭВ по транспорту в 1960 году, стремительными темпами увеличиваются перевозки грузов третьих стран, после чего был утвержден Протокол совещания экспертов морского транспорта и внешнеторговых организаций стран-членов СЭВ, который в дальнейшем сыграл огромную роль в правовом регулировании фрахтовых сделок с иностранным тоннажем. Ключевая роль в привлечении иностранных судов принадлежала Бюро координации фрахтования судов [7].

Активная роль морского транспорта в привлечении иностранной валюты в ряде стран — членов СЭВ признавалось не менее значимой, чем та, которую он играл в удовлетворении потребностей внешней торговли и в экономии затрат по фрахтованию иностранного тоннажа, что было отмечено в Протоколах второго и третьего заседаний Постоянной Комиссии СЭВ по валютно-финансовым вопросам.

Быстрыми темпами развивалось линейное судоходство стран-членов СЭВ: в 1960-1965 гг. было открыто 25 международных линий, более чем в два раза увеличились перевозки и тоннаж линейного флота, особенно высокие темпы развития линейного судоходства были характерны для океанских направлений. В 1967 г. страны — члены СЭВ имели 81 международную линию. Наряду с грузами собственной внешней торговли из года в год росли перевозки на линиях грузов третьих стран, что было отражено в Протоколе 20 заседания Совещания фрахтовых и судовладельческих организаций стран-членов СЭВ в городе Прага в 1969 году [8, с. 34].

Фрахтование иностранного тоннажа в середине 60-х годов оставалось одним из важных источников обеспечения тоннажем перевозок внешнеторговых грузов стран-членов СЭВ. Хотя в целом, фрахтование иностранного тоннажа и его доля в таких перевозках уменьшались, абсолютные объемы оставались значительными.

Фрахтование морского тоннажа стран-членов СЭВ для перевозки иностранных грузов развивалось очень интенсивно в 60-е годы. По материалам Бюро координации фрахтования судов, в 1960-1965 годах его объем увеличился в несколько раз.

Открытый фрахтовый рынок приобретал все большее значение для стран-членов СЭВ, а их роль и влияние на этом рынке усиливалась. На ряде направлений формирование фрахтовых ставок во многом зависело от предложения тоннажа и спроса на него со стороны СССР.

Иностранный линейный тоннаж страны Советского Союза использовали в сравнительно небольших объемах, которые в 1960-1970-е годы были относительно стабильными. Это объясняется развитием их собственного линейного судоходства в

указанный период. В то же время фрахтование собственного линейного тоннажа иностранным грузовладельцам имело тенденцию к росту.

Предоставление морского тоннажа между странами-членами СЭВ друг другу также занимало важное место в их общем объеме фрахтования. В 1970-1980-е годы перевозка на иностранном тоннаже примерно каждой шестой тонны груза осуществлялась в соответствии с договорами фрахтования, заключаемыми между социалистическими и капиталистическими странами.

В итоге, постоянный рост иностранного тоннажа привел к тому, что исходя из Комплексной программы дальнейшего углубления и совершенствования сотрудничества и развития социалистической экономической интеграции стран - членов Совета Экономической Взаимопомощи, в 1984 году было утверждено Соглашение об унификации отдельных правовых норм, применяемых в морском торговом судоходстве, что значительно упростило процедуру привлечения как иностранных судов для фрахтования советского тоннажа, так и напротив, перевозку советским флотом иностранных грузов [9].

Учитывая вышеизложенное, можно сделать вывод о том, что фрахтование морского иностранного тоннажа в послевоенный период осуществлялось на основе государственной монополии фрахтования, которая в отношениях между странами-членами СЭВ служила целям планомерного использования их собственного тоннажа, эффективной координации выступлений на мировом фрахтовом рынке, давала возможность использовать противоречия в капиталистическом судоходстве, а также добиваться экономии валютных затрат на фрахтование и повышении доходов от экспорта транспортной продукции. Сравнительно-правовой анализ Кодексов торгового мореплавания 1929 и 1968 годов, позволяет констатировать тот факт, что морские внешнеторговые перевозки после окончания Второй мировой войны и создания Совета экономической взаимопомощи, вышли на принципиально новый уровень, о чем свидетельствует увеличения количества нормативных положений в Кодексе торгового мореплавания 1968 года, направленных на правовую регламентацию планирования и организацию фрахта морского иностранного тоннажа. Правовыми и организационными вопросами фрахтования иностранных судов занимались такие органы СЭВ как Постоянная Комиссия по вопросам транспорта и Бюро координации фрахтования судов. Монополия фрахтования, представляющая собой часть государственной монополии внешней торговли, и ее формы развивались и совершенствовались в дальнейшем по мере расширения международных экономических связей Советского Союза и стран - участниц СЭВ, что привело к принятию Соглашения об унификации отдельных правовых норм, применяемых в морском торговом судоходстве, значительно поменявшем вектор правового регулирования фрахтования иностранного тоннажа.

Список литературы

1. Труды комиссии торгового мореплавания и морского права / под ред. Э. Ф. Розенталя. – М. : Внешторгиздат, 1934. – 434 с.
2. Кодекс торгового мореплавания СССР 1929 года. // Сбор. закон. СССР. – 1931 г. – № 44. – Ст. 312.
3. Материалы Международной арбитражной комиссии. – М. Внешторгиздат, 1936. – 541 с.
4. Основные документы СЭВ. – М. : Секретариат СЭВ., 1960. – 525 с.

5. Протоколы заседаний Совета. – М. : Секретариат СЭВ., 1967. – 700 с.
6. Кодекс торгового мореплавания СССР 1968 года. // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1968. – N 39. – Ст. 351.
7. О деятельности Бюро координации фрахтования судов. Бюллетень экономической информации СЭВ № 1 (22). – М. : Секретариат СЭВ., 1966. – 555 с.
8. Совещание представителей фрахтовых и судовладельческих организаций стран-членов СЭВ // Справочник «Международные экономические и научно-технические организации социалистических стран». – М. : Экономика, 1970. 825 с.
9. Протоколы заседаний Совета. – М. : Секретариат СЭВ., 1985. – 750 с.

Koshkin A. S. Legal basis for the organization of chartering of foreign vessels within the framework of the Council for Economic Assistance in the Post-War Period / Koshkin A. S. // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2019. – T. 4 (72). № 4. – P. 435-439.

The article analyzes the role of sea transport in the transport network of socialist countries. The main features of the international cooperation of the Soviet countries in the freight market are investigated. The role of the Council for Mutual Economic Assistance (CMEA) and its direct participation in the organization of the freight activities of the socialist countries is noted. The main goal of the work is to analyze the legal framework governing the international freight activity of the CMEA member countries in the indicated period. To achieve this goal, we analyzed the main international legal acts regulating freight activities, as well as local CMEA acts, bilateral and multilateral agreements.

Keywords: Chartering, foreign vessels, Merchant Shipping Code, Council for Mutual Economic Assistance (CMEA), agreement, commercial shipping, foreign economic relations.

Spisok literatury`

1. Trudy` komissii torgovogo moreplavaniya i morskogo prava / pod red. E`. F. Rozentalya. – M. : Vneshtorgizdat, 1934. – 434 s.
2. Kodeks torgovogo moreplavaniya SSSR 1929 goda. // Sbor. zakon. SSSR. – 1931 g. – № 44. – St. 312.
3. Materialy` Mezhdunarodnoj arbitrazhnoj komissii. – M. Vneshtorgizdat, 1936. – 541 s.
4. Osnovny`e dokumenty` SE`V. – M. : Sekretariat SE`V., 1960. – 525 s.
5. Protokoly` zasedanij Soveta. – M. : Sekretariat SE`V., 1967. – 700 s.
6. Kodeks torgovogo moreplavaniya SSSR 1968 goda. // Vedomosti Verxovnogo Soveta SSSR. – 1968. – N 39. – St. 351.
7. O deyatel`nosti Byuro koordinacii fraxtovaniya sudov. Byulleten` e`konomicheskoj informacii SE`V № 1 (22). – M. : Sekretariat SE`V., 1966. – 555 s.
8. Soveshhanie predstavitelej fraxtovy`x i sudovladel`cheskix organizacij stran-chlenov SE`V // Spravochnik «Mezhdunarodny`e e`konomicheskie i nauchno-texnicheskie organizacii socialisticheskix stran». – M. : E`konomika, 1970. 825 s.
9. Protokoly` zasedanij Soveta. – M. : Sekretariat SE`V., 1985. – 750 s.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2019. – Т. 5 (71). № 4. – С. 440-450.

УДК 340(082)

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ВОИС И ВТО КАК МЕЖДУНАРОДНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ, РЕГУЛИРУЮЩИХ ЗАЩИТУ ПРАВ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

Кробка Н. Н.

Всероссийская академия внешней торговли
Министерства экономического развития Российской Федерации

В статье анализируется механизм взаимодействия двух международных организаций, направленных на обеспечение международно-правовых механизмов защиты прав интеллектуальной собственности: Всемирной Организации Интеллектуальной Собственности (далее – ВОИС) и Всемирной Торговой организации (далее – ВТО). В работе рассматриваются международные договоры, учреждающие данные организации, соглашение между ними, дается оценка полномочиям и роли каждой организации в реализации механизмов защиты прав интеллектуальной собственности.

Ключевые слова: ВТО, ВОИС, Соглашение ТРИПС, защита прав интеллектуальной собственности, взаимодействие ВТО и ВОИС.

Настоящая статья посвящена анализу текущей практики взаимодействия и проблемам взаимодействия ВОИС и ВТО. На современном этапе развития отношений вышеуказанных организаций основным и пока что единственным нормативным документом является Соглашение между Всемирной организации интеллектуальной собственности и Всемирной торговой организацией, заключённое в Женеве 22 декабря 1995 года [4] (далее – Соглашение о сотрудничестве). Данное соглашение касается сотрудничества между двумя указанными организациями. Кроме данного договора, существуют несколько совместных программ ВОИС и ВТО, однако они носят скорее не ненормативный, а конкретно-прикладной характер, поскольку направлены на разработку и реализацию программ в определённых направлениях (например, программа по повышению доступности лекарств и технологий их изготовления, программ помощи развивающимся странам по вопросам интеллектуальной собственности 2012 года [6] и прочие).

В связи с этим, основное внимание в данной статье будет уделено непосредственно анализу вышеуказанного Соглашения о сотрудничестве. Решая задачу по его анализу, исследователь может столкнуться с проблемой, которая заключается в отсутствии в общем доступе в сети «Интернет» аутентичного перевода соглашения на русский язык, в том числе и на официальных ресурсах ВОИС и ВТО. Логично, что русский текст отсутствует на ресурсах ВТО, поскольку официальными языками организации являют-

ся английский, французский и испанский языки. Однако, одним из официальных языков ВОИС является русский язык. Соглашение о сотрудничестве является основополагающим документом, касающимся вопросов сотрудничества и взаимодействия двух главных международных организаций в сфере интеллектуальной собственности, и было заключено более 20 лет назад. Отсутствие документа на одном из официальных языков ВОИС вызывает удивление. Отсутствие аутентичного перевода Соглашения о сотрудничестве на русский язык, по мнению автора, существенно затрудняет восприятие информации для отечественного потребителя (учёных, государственных органов, юристов-практиков, учащихся и всех других) относительно принципов, целей, задач и механизмов такого взаимодействия. Учитывая вышеизложенное, дальнейший анализ содержания Соглашения о сотрудничестве будет изложен с применением авторского перевода исходного текста на английском языке.

Так установлено, что Соглашение о сотрудничестве состоит из Преамбулы и 5 статей; Статья 1: Сокращенные выражения; Статья 2: Законы и нормативно-правовые акты; Стать 3. Имплементация (внедрение) статьи 6ter Парижской конвенции для целей Соглашения ТРИПС; Статья 4: Юридико-техническая помощь и техническое сотрудничество; Статья 5: Заключительные положения [4].

Так же обращает на себя внимание, что в Соглашении о сотрудничестве делаются ссылка на следующие международные договоры в сфере интеллектуальной собственности:

1) Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (Приложение 1С к Соглашению об учреждении Всемирной торговой организации), именуемое «Соглашение ТРИПС»;

2) Парижскую конвенцию об охране промышленной собственности от 20 марта 1883 года, пересмотренную в Стокгольме 14 июля 1967 года, именуемую «Парижская конвенция (1967 год)».

Вторая статья Соглашения о сотрудничестве именуемая «Законы и нормативно-правовые акты» фактически регулирует вопросы информационного взаимодействия и обмена данными между ВОИС и ВТО. В частности, указывается, что ВОИС и ВТО в режиме аналогичном для своих участников и их представителей, предоставляет свободный доступ без каких-либо дополнительных ограничений к нормативно-правовым актам и законам, их переводам, хранящимся в обеих организациях, а также к функционирующим электронным базам. То же самое касается обмена текстами судебных решений по спорам, возникающим в сферах интеллектуальной собственности (например, в случае, отстаивания интересов правообладателя в каком-либо государстве (части 1-2, пункт «в» части 3 статьи 1).

Так же установлены отдельные правила, упрощающие документооборот. Например, если государство является одновременно членом ВОИС и ВТО, оно имеет возможность предоставить принятый закон, касающийся интеллектуальной собственности в одну из названных организаций, а вторую уведомить о том, кому был предоставлен этот закон. После этого, на

основе запроса, осуществляется соответствующий обмен копиями поступившего документа (пункт «а» части 3 статьи 1).

Как указывает Дворников Д. В., пункт «а» части 3 статьи 2 Соглашения о сотрудничестве имеет ссылку на пункт 2 статьи 63 Соглашения по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (далее – ТРИПС), «которое предусматривает, что член ВТО освобождается от обязанности сообщать Совету по ТРИПС о тех решениях суда, инструкциях, мерах, связанных с защитой ИС внутри государства-члена (эти сообщения необходимы для обзора деятельности в рамках Соглашения), если эти решения были переданы, в ходе консультаций, в регистр Международного Бюро ВОИС» [10].

Отдельно отметим, что исходя из понимания смысла положений данной статьи, ВОИС фактически продолжает быть в дальнейшем держателем (администратором) наиболее полной информационной базы региональных и государственных законов, нормативно-правовых актов и положений по интеллектуальной собственности, поскольку к обязанностям ВТО относится лишь направление законов и иных правовых актов, полученных им от стран-членов ВТО (в обязательном порядке, без каких либо запросов), в то время как законы для нужд ВТО передаются последним по их запросу. Кроме этого, пунктом 5 статьи 1 устанавливается обязанность ВОИС осуществлять предоставление бесплатного перевода хранящихся у них законов, нормативно-правовых актов и положений (правил) для развивающихся стран, являющихся членами ВТО, но не являющихся членами ВОИС.

Данное обстоятельство, как представляется, обусловлено двумя факторами. Во-первых, история становления и развития ВОИС насчитывает уже более ста лет и на протяжении этого периода времени организацией накоплены значительная информационная база и, что самое главное, опыт управления и выполнения соответствующих задач. Передача всей информационной базы или, как вариант, формирование собственной аналогичной базы ВТО бесперспективно в сравнении с возможностью договориться об использовании несравненно большей и актуальной по объёму в рамках совместного сотрудничества.

Во-вторых, рассмотренные положения указывают на то, что в сфере «распределения сфер регулирования» между ВОИС и ВТО, первой отведена более информационная и коммуникативная роль, в отличие от ВТО, главной задачей которой является регулирование торговых отношений и построение практических экономических связей в масштабах всей планеты (в том числе и в сфере защиты прав и интересов правообладателей в масштабах всей мировой экономики). Подробнее данный вопрос как проблемный в сфере взаимодействия ВТО и ВОИС, наряду с другими, будет рассмотрен далее.

Третья статья посвящена вопросам имплементации (реализации) статьи 6ter Парижской конвенции об охране промышленной собственности от 20 марта 1883 года с внесенными в нее изменениями [5] (далее – Парижская конвенция) в аспекте применения Соглашения ТРИПС [3].

Как указывает Дворников Д. В., «эта статья делегирует ВОИС решение вопросов, споров, предусмотренных статьёй 6-ter Парижского Соглашения 1967 года. Эта статья касается использования государственных эмблем» [10].

Рассмотрим указанное положение Парижского соглашения 1967 года подробней.

Частью первой статьи 6.ter данного соглашения предусмотрены запреты и ограничения относительно использования в качестве товарных знаков и каких-либо других форм и видов интеллектуальной собственности государственных флагов, гербов, знаков, официальных клейм или их отдельных элементов и подражаний при условии, что такие знаки были введены государствами-участниками соглашения официально. Разрешение на их использование может предоставить только само такое государство (пункт «а»). Аналогичные правила распространены и на знаки (гербы, флаги, названия и прочее) международных организаций, членами-участниками которых являются государства, подписавшие Парижское соглашение (пункт «в»). Так же установлены отдельные ограничения для стран, принявших на себя такие обязательства, в частности относительно применения запретов, установленных пунктами «а» и «в». Согласно пункту «с»:

1) Установленные запреты не применяются в ущерб владельцам прав относительно вышеуказанных знаков, гербов и т.п., которые были ими приобретены добросовестно до вступления в силу рассматриваемой конвенции;

2) Запреты не применяется, если использование или регистрация таких знаков «не создадут у общественности впечатления о наличии связи между данной организацией и гербами, флагами, эмблемами, сокращенными или полными наименованиями, или если это использование или регистрация явно не направлены на то, чтобы ввести общественность в заблуждение относительно связи, существующей между пользователем и организацией» [5].

Отметим, что в отечественной правовой системе рассмотренные положения нашли активное применение. Как показывает практика, заявителем (истцом) могут быть не только сами государства-участники или их представители, но и частные лица, как это отражено, например, в Постановлении Девятого арбитражного апелляционного суда от 16.05.2011 N 09АП-10152/2011-АК по делу N А40-105630/10-110-915.

Часть вторая статьи 6-ter говорит об аналогичном запрете официальных знаков и клейм контроля, однако при обязательном условии «когда знаки, содержащие их, предназначаются для использования на товарах того же рода или подобных им» [5].

В этих целях достигнута договорённость о постоянном информационном обмене между странами-участниками официальными знаками, государственными эмблемами, клеймами контроля. При этом страны-участники могут оговорить определённые условия или ограничения относительно использования таких элементов (часть третья).

Возражение по поводу использования или регистрации знаков подаются и рассматриваются ВОИС (часть четвёртая статьи 6-ter).

Таким образом, можно сделать вывод о том, что фактически Парижским соглашением 1967 года предусмотрена международная регистрация государственных гербов, официальных знаков и клейм. Регистрирующую, информационную и арбитражную функцию относительно данного процесса выполняет ВОИС.

Теперь рассмотрим, какие именно особенности регулирования данного вопроса предусмотрены Соглашением о сотрудничестве ВОИС и ВТО. Так, часть третья статьи 3 Соглашения о сотрудничестве указывает на обязанность ВОИС проинформировать ВТО о поданной заявке на регистрацию эмблемы (герба, знака, клейма и т.п.) в ВОИС в соответствии со ст. 6ter Парижского соглашения.

Так же устанавливаются определённые особенности подачи и принятии возражений относительно использования знаков и эмблем государств-участников ВТО. В частности, на такие возражения не распространяется установленный срок подачи продолжительностью 2 месяца с момента его предоставления в ВОИС другими заинтересованными странами, являющимися участниками ВТО. Иными словами, срок подачи возражений относительно прав использования знаков эмблем и гербов от участника ВТО к другим странам участникам ВТО по правилам Парижского соглашения 1967 года через ВОИС устанавливается неограниченный.

Четвёртая статья Соглашения о сотрудничестве непосредственно посвящена практической реализации положений ТРИПС. Необходимость данных договорённость обусловлена тем, что не все страны входящие в состав ВОИС являлись (являются) членами ВТО. Вместе с тем, договор ТРИПС фактически распространяет своё действие на все государства-участники ВТО и ВОИС. Таким образом, гипотетически возможно возникновение ситуации, когда член ВОИС, не являясь членом ВТО, вступает в регулируемые договором ТРИПС отношения с членом ВТО, что естественно приведёт к практическим трудностям на практике в правовом обеспечении данных взаимоотношений. Так же немаловажной деталью является то, что в рассматриваемой статье речь идёт только о тех странах-участниках этих организаций, которые относятся к развивающимся. Иными словами, техническая и юридическая помощь оказывается только развивающимся странам. Данное обстоятельство говорит о том, что при заключении данного соглашения, были соблюдены и определённые интересы развивающихся стран.

В связи с этим, в соответствии с частью первой статьи четвёртой, ВОИС предоставляет развивающимся странам-членам ВТО, которые не являются государствами-членами ВОИС такую же юридическую и техническую помощь, касающуюся соглашения ТРИПС, как и другим развивающимся странам-членам ВОИС и наоборот, в случае с ВТО.

Также часть вторая и третья данной статьи содержит две декларативные нормы-намерения (программные нормы) относительно необходимости постоянно развития сотрудничества между ВОИС и ВТО по вопросам пра-

вовой и технической помощи в аспекте применения соглашения ТРИПС для развивающихся стран в целях максимального повышения эффективности такой помощи и её взаимодополняющий характер. Реализация данного положения нашла свой выражение в нескольких совместных проектов с привлечением и других значимых международных организаций, которые будут рассмотрены далее. Так же достигнуто соглашение о постоянном обмене информацией, не являющейся конфиденциальной (часть третья статьи четвёртой).

Далее предлагаем рассмотреть проблемные вопросы взаимодействия ВТО и ВОИС, истоки которых, как представляется, лежат в противоречиях экономических интересов развитых и развивающихся стран.

Как известно, уровень защиты интеллектуальной собственности в разных странах различен, иногда кардинально (как правовая составляющая, так и практика применения законодательства). В результате проведённых исследований учёные отмечают, что главным образом, это зависит от соотношения «имитаций и инноваций в национальной экономике» [15] того или иного государства. Суть таких противоречий заключается в том, что странам, существенно отстающим в развитии интеллектуальной собственности, инновационной деятельности в значительной степени менее выгодно функционирование реально действенно правового и организационного механизма защиты такой собственности. По сути, в отдельных случаях, это делает крайне затруднительным развитие целых отраслей экономик таких государств в силу повышения издержек на освоение технологий, ранее не применявшихся в стране. Как было отмечено В. В. Поповым [17], «Если наказывать страны, плохо защищающие интеллектуальную собственность, отказывая им в доступе на западные рынки, то получается, что развивающиеся страны оказываются в ловушке: либо их заставляют больше платить за трансферт технологий и знаний (укрепляя защиту западной интеллектуальной собственности), либо затрудняют им доступ на западные рынки». Данное обстоятельство было отмечена как зарубежными, так и отечественными учёными-правоведами, и экономистами ещё при дискуссии относительно целесообразности и последствий вступления нашего государства в ВТО [15, 8, 13, 21]. Не будем оценивать данную ситуацию с позиции «плохо» или «хорошо» а лишь укажем на это как на тенденцию. В свою очередь, технологически развитым странам, в экономическом плане выгоден эффективный правовой механизм защиты результатов интеллектуальной деятельности, позволяющий им на максимально возможном уровне извлекать доходы из осуществлённых инноваций.

Таким образом, вырисовывается «формула», согласно которой «пиратское» использование чужих изобретений стимулирует развитие страны лишь до тех пор, пока охрана интеллектуальной собственности не становится для нее экономически выгодной.

Как указывает Шиянов А. В., одной из важнейших особенностей Соглашения по ТРИПС, наряду с другими соглашениями **в** рамках ВТО является его универсальный характер. Как договор он открыт для всех членов ВТО, что свидетельствует о тенденции к его универсальному применению.

Сложность и неоднозначность его объекта – интеллектуальной собственности, определила его стремление к объединению уже сложившихся механизмов зашиты прав ИС и их интеграции в международно-правовую систему. С точки зрения места в системе международных договоров, Соглашение по ТРИПС допустимо определить, как универсальное интеграционное соглашение с наднациональным элементом. Наднациональный характер Соглашения по ТРИПС Дворников Д. В. Характеризует [20] в том числе следующими признаками:

1) нормы Части II Соглашения, находящиеся на стыке международного публичного и частного права;

2) «реформирующий» характер норм по отношению к законодательству целого ряда стран-членов и кандидатов на присоединение к ВТО, наличие положений, касающихся вопросов, традиционно подпадающих по исключительную национальную юрисдикцию.

Появление соглашения по ТРИПС, наряду с другими международными договорами в рамках ВТО, стало первым серьёзным фактором в процессе разграничения полномочий и юрисдикций между ВТО и другими международными организациями. Сравнение принципов деятельности двух международных организаций «старого» и «нового» порядка, какими являются ВОИС и ВТО, показывает, что ВОИС, действующая на основе уважения государственного суверенитета стран, относящихся к разным «блокам» и политико-экономическим моделям, на определенном этапе технического и информационного прогресса, а также в связи с изменением международной обстановки значительно снизила эффективность своей деятельности, в то время как ВТО, в лице Совета по ТРИПС, руководствуясь договорами, принятыми в ходе уругвайского раунда и содержащими нормы, фактически прямого действия стала новым, действующим международным механизмом по защите прав интеллектуальной собственности.

С точки зрения обеспечения действия на территории государств-членов, Соглашение по ТРИПС имеет более развитый механизм, основанный, как на возможности применения принудительных мер, так и на практике разрешения споров. ВТО по отношению к ВОИС имеет на сегодняшний день доминирующее положение в силу большего количества и качества рычагов воздействия на страны-участницы [22].

Несмотря на наличие определённых противоречий в деятельности ВТО и ВОИС, которые были рассмотрены выше, между данными организациями проявляется и взаимодействие по отдельным направлениям.

Для примера можно привести трёхстороннее сотрудничество между ВТО, ВОИС и Всемирной организацией здравоохранения направленное на повышение доступности медицинских технологий и инноваций в данной сфере, прежде всего для стран, отстающих в экономическом развитии и не имеющих собственные высокотехнологические производства современных медицинских препаратов [6]. Начало данного сотрудничества было положено в 2009 году и выразилось в принятии ряда программных документов

Как отмечается в справочном издании ВОИС, «важное влияние на инновации в фармацевтической области и обеспечение доступа к лекарствам

оказывают способы охраны данных фармакологических исследований. Разные страны применяют различные режимы охраны данных исследований: от предоставления исключительных прав на данные до их прямого засекречивания, при сохранении доступа к ним соответствующих инстанций. Важную роль в расширении доступа к медицинским технологиям и стимулировании инноваций в фармацевтическом секторе играет антимонопольное законодательство, которое обеспечивает создание здоровых и конкурентных рыночных структур. Необоснованные ограничения конкуренции, связанные со злоупотреблением правами интеллектуальной собственности (ПИС), могут устраняться путем применения антимонопольных санкций в индивидуальных случаях» [6].

В качестве непосредственного правового инструмента достижения поставленной цели (увеличение доступности лекарств, снижения цен на них, повышение эффективности и экономичности национальных систем здравоохранения) предлагается использования системы эффективных, транспарентных (прозрачных) и конкурентных процедур государственных закупок. В качестве правовой основы таких закупок предлагается соглашение ВТО о государственных закупках (GPA) [6].

Таким образом, как мы можем наблюдать, по отдельным направлениям, связанным с коммерческим использованием объектов интеллектуальной собственности, наблюдаются перспективные тенденции к сотрудничеству. Вместе с тем, обратим внимание, что, исходя из анализа положений Соглашения о сотрудничестве между ВТО и ВОИС, Соглашения ТРИПС и совместные проекты, показывают, что роль ВОИС в вопросах коммерческого использования объектов интеллектуальной собственности и их защиты сводиться к вопросам взаимодействия экономически развитых стран производителей большинства объектов интеллектуальной собственности со странами в большинстве своём «потребляющими» продукты инноваций, но не производящие их. При этом ВОИС как регулятор международных отношений в сфере интеллектуальной собственности имеет крайне ограниченное влияние на экономически развитые страны и коммерческие процессы в данной сфере вообще.

Изучив особенности сотрудничества ВТО и ВОИС в области защиты прав интеллектуальной собственности, можно сделать следующие выводы:

- Наблюдается разделение полномочий ВОИС И ВТО: в отличие от органов ВТО в лице Совета по ТРИПС и Органа по Разрешению Споров, обеспечивающих исполнение норм Соглашения ТРИПС и других международных договоров в области защиты прав интеллектуальной собственности, ВОИС обеспечивает административную поддержку в том числе данных соглашений: обслуживание, то есть принятие соответствующих заявок, претензий, ведение соответствующих учётов и регистров, информационный обмен в соответствии с условиями конкретного договора.
- ВОИС обеспечила ВТО технической помощью, наработками, практикой правоприменения в области защиты прав интеллектуальной соб-

ственности, что способствовало ускоренному становлению режима правовой охраны объектов интеллектуальной собственности в рамках ВТО.

- Наиболее значимыми в сфере осуществления международно-правовой защиты прав интеллектуальной собственности направлениями деятельности ВТО являются:
  - содействие эффективной и адекватной охране прав интеллектуальной собственности и обеспечение того, чтобы меры и процедуры по обеспечению соблюдения прав интеллектуальной собственности сами не становились барьерами для законной торговли;
  - создание многосторонней системы принципов, правил и порядка, относящихся к международной торговле контрафактными товарами;
  - уменьшение напряженности путём достижения более твёрдых обязательств по решению споров по вопросам интеллектуальной собственности, связанных с торговлей, путём многосторонних процедур;
- Наиболее значимыми в сфере осуществления международно-правовой защиты прав интеллектуальной собственности направлениями деятельности ВОИС являются:
  - оказание технической, юридической и консультативной помощи развивающимся странам в установлении минимальных стандартов защиты интеллектуальной собственности в национальных правовых системах;
  - администрирование действующих международных договоров в сфере интеллектуальной собственности, осуществление постоянного информационного обмена и координации между странами-членами ВОИС, формирование и ведение информационных баз и платформ, содержащих сведения об объектах интеллектуальной собственности.

Список литературы

1. Конвенция, учреждающая Всемирную организацию интеллектуальной собственности (изменена 2 октября 1979 года) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Марракешское Соглашение об учреждении Всемирной Торговой организации от 15 апреля 1994 года // СПС «КонсультантПлюс».
3. Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (ТРИПС) // СПС «КонсультантПлюс».
4. Соглашение между Всемирной организацией интеллектуальной собственности (ВОИС) и Всемирной торговой организацией (ВТО) от 22 декабря 1995 года // СПС «КонсультантПлюс».
5. Парижская конвенция об охране промышленной собственности от 20 марта 1883 года // СПС «КонсультантПлюс».
6. Повышение доступности медицинских технологий и инноваций. На стыке здравоохранения, интеллектуальной собственности и торговли : Публикация ВОИС № 628R // СПС «КонсультантПлюс».
7. Буряк Е. М., Международное авторское право / Е. М. Буряк. – М. : Проспект, 2016. – 368 с.
8. Варфоломеева Ю. А. Интеллектуальная собственность в условиях инновационного развития / Ю. А. Варфоломеева. – М. : Ось-89, 2006. – 142 с.
9. Гальперии Д. В. Интеллектуальная собственность: основные материалы / Д. В. Гальперин. – Новосибирск, 1995. – 420 с.

10. Дворников Д. В., Международно-правовые аспекты защиты интеллектуальной собственности ВТО и ВОИС / Д. В. Дворников // Вестник РУДН, сер. Юридические науки. – 2003. – № 1. – С. 80-91

11. Дюмулен И. И. Всемирная торговая организация / И. И. Дюмулен. – М. : Прогресс, 1977. – 450 с.

12. Дюмулен И. И., Всемирная торговая организация: экономика, политика, право / И. И. Д юмулен. – М. : Издательство «Монография», 2008. – 650 с.

13. Королева И. С. Россия на пути в ВТО: отраслевой анализ / общ. ред. И. С. Королева, Г. И. Мачавариани. – М. : Ин-т мировой экономики и междунар. отношений РАН, 2001. – 150 с.

14. Мамаев В. М. Интеллектуальная собственность: прошлое и настоящее / В. М. Мамаев // Общественные науки и современность. – 2014. – № 1. – С. 15-22.

15. Мирских И. Ю. Охрана интеллектуальной собственности в условиях глобализации / И. Ю. Мирских // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2012. – № 3. – С. 141.

16. Мирских И. Ю., Логинова Т. Е. О противоречиях норм международного права и права Российской Федерации в сфере охраны интеллектуальной собственности / И. Ю. Мирских, Т. Е. Логинова // Вестн. Перм. ун-та. Сер.: Юрид. науки. – 2010. – №3(9) – С. 128-132.

17. Попов В. В. Надо ли защищать права на интеллектуальную собственность / В. В. Попов // Журнал новой экономической ассоциации. – 2011. – № 11. – С. 102-115.

18. Шумилов В. М. «Право ВТО» и международное право / В. М. Шумилов. – М. : Издательство Юрайт, 2019. — 219 с.

19. Ковалев М.Б. Международная правовая охрана интеллектуальной собственности: дис.… канд. юрид. наук 12.00.03 /М. Б. Ковалев. – Саратов, 2004. – 146 с.

20. Дворников Д. В. Международно-правовой механизм защиты прав интеллектуальной собственности в рамках Всемирной торговой организации: Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.10 / Д. В. Дворников. – М., 2005. – 163 с.

21. Шалаев Д. С. Развитие рынка объектов промышленной интеллектуальной собственности в России: автореферат дис. ... кандидата экономических наук: 08.00.01 / Д. С. Шалаев. – М., 2013. – 25 с.

22. Шиянов А. В., Международно-правовые аспекты взаимодействия всемирной торговой организации (ВТО) с международными межправительственными и неправительственными учреждениями: Дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.10 / А. В. Шиянов. – Ростов н/Д., 2004. – 169 с.

Krobka N. N. Interaction between WIPO and the WTO as International Organizations Regulating the Protection of Intellectual Property Rights / N. N. Krobka // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2019. – T. 4 (72). № 4. – P. 440-450.

The article analyzes the mechanism of interaction between two international organizations aimed towards ensuring international legal mechanisms for protecting intellectual property rights: the World Intellectual Property Organization (hereinafter – WIPO), and the World Trade Organization (hereinafter – WTO). The paper considers international treaties establishing these organizations, an agreement between them, evaluates the powers and roles of each organization in the implementation of mechanisms for protecting intellectual property rights.

Keywords: WTO, WIPO, TRIPS Agreement, protecting of intellectual property rights, interaction between WTO and WIPO.

Spisok literatury`

1. Konvenciya, uchrezhdayushhaya Vsemirnuyu organizaciyu intellektual`noj sobstvennosti (izmenena 2 oktyabrya 1979 goda) // SPS «Konsul`tantPlyus».

2. Marrakeshskoe Soglashenie ob uchrezhdenii Vsemirnoj Torgovoj organizacii ot 15 aprelya 1994 goda // SPS «Konsul`tantPlyus».

3. Soglashenie po torgovy`m aspektam prav intellektual`noj sobstvennosti (TRIPS) // SPS «Konsul`tantPlyus».

4. Soglashenie mezhdu Vsemirnoj organizaciej intellektual`noj sobstvennosti (VOIS) i Vsemirnoj torgovoj organizaciej (VTO) ot 22 dekabrya 1995 goda // SPS «Konsul`tantPlyus».

5. Parizhskaya konvenciya ob oxrane promy`shlennoj sobstvennosti ot 20 marta 1883 goda // SPS «Konsul`tantPlyus».

6. Povy`shenie dostupnosti medicinskix texnologij i innovacij. Na sty`ke zdravooxraneniya, intellektual`noj sobstvennosti i torgovli : Publikaciya VOIS № 628R // SPS «Konsul`tantPlyus».

7. Buryak E. M., Mezhdunarodnoe avtorskoe pravo / E. M. Buryak. – M. : Prospekt, 2016. – 368 s.

8. Varfolomeeva Yu. A. Intellektual`naya sobstvennost` v usloviyax innovacionnogo razvitiya / Yu. A. Varfolomeeva. – M. : Os`-89, 2006. – 142 s.

9. Gal`perii D. V. Intellektual`naya sobstvennost`: osnovny`e materialy` / D. V. Gal`perin. – Novosibirsk, 1995. – 420 s.

10. Dvornikov D. V., Mezhdunarodno-pravovy`e aspekty` zashhity` intellektual`noj sobstvennosti VTO i VOIS / D. V. Dvornikov // Vestnik RUDN, ser. Yuridicheskie nauki. – 2003. – № 1. – S. 80-91

11. Dyumulen I. I. Vsemirnaya torgovaya organizaciya / I. I. Dyumulen. – M. : Progress, 1977. – 450 s.

12. Dyumulen I. I., Vsemirnaya torgovaya organizaciya: e`konomika, politika, pravo / I. I. D yumulen. – M. : Izdatel`stvo «Monografiya», 2008. – 650 s.

13. Koroleva I. S. Rossiya na puti v VTO: otraslevoj analiz / obshh. red. I. S. Koroleva, G. I. Machavariani. – M. : In-t mirovoj e`konomiki i mezhdunar. otnoshenij RAN, 2001. – 150 s.

14. Mamaev V. M. Intellektual`naya sobstvennost`: proshloe i nastoyashhee / V. M. Mamaev // Obshhestvenny`e nauki i sovremennost`. – 2014. – № 1. – S. 15-22.

15. Mirskix I. Yu. Oxrana intellektual`noj sobstvennosti v usloviyax globalizacii / I. Yu. Mirskix // Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki. – 2012. – № 3. – S. 141.

16. Mirskix I. Yu., Loginova T. E. O protivorechiyax norm mezhdunarodnogo prava i prava Rossijskoj Federacii v sfere oxrany` intellektual`noj sobstvennosti / I. Yu. Mirskix, T. E. Loginova // Vestn. Perm. un-ta. Ser.: Yurid. nauki. – 2010. – №3(9) – S. 128-132.

17. Popov V. V. Nado li zashhishhat` prava na intellektual`nuyu sobstvennost` / V. V. Popov // Zhurnal novoj e`konomicheskoj associacii. – 2011. – № 11. – S. 102-115.

18. Shumilov V. M. «Pravo VTO» i mezhdunarodnoe pravo / V. M. Shumilov. – M. : Izdatel`stvo Yurajt, 2019. — 219 s.

19. Kovalev M.B. Mezhdunarodnaya pravovaya oxrana intellektual`noj sobstvennosti: dis.… kand. yurid. nauk 12.00.03 /M. B. Kovalev. – Saratov, 2004. – 146 c.

20. Dvornikov D. V. Mezhdunarodno-pravovoj mexanizm zashhity` prav intellektual`noj sobstvennosti v ramkax Vsemirnoj torgovoj organizacii: Dis. ... kand. yurid. nauk: 12.00.10 / D. V. Dvornikov. – M., 2005. – 163 c.

21. Shalaev D. S. Razvitie ry`nka ob``ektov promy`shlennoj intellektual`noj sobstvennosti v Rossii: avtoreferat dis. ... kandidata e`konomicheskix nauk: 08.00.01 / D. S. Shalaev. – M., 2013. – 25 s.

22. Shiyanov A. V., Mezhdunarodno-pravovy`e aspekty` vzaimodejstviya vsemirnoj torgovoj organizacii (VTO) s mezhdunarodny`mi mezhpravitel`stvenny`mi i nepravitel`stvenny`mi uchrezhdeniyami: Dis. ... kand. yurid. nauk : 12.00.10 / A. V. Shiyanov. – Rostov n/D., 2004. – 169 c.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2019. – Т. 5 (71). № 4. – С. 451-464.

УДК 334.722.8

ВЛИЯНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКИХ САНКЦИЙ США И ЕС НА АРКТИЧЕСКИЕ ПРОЕКТЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Монокин Е. Н.

Всероссийская академия внешней торговли
Министерства экономического развития Российской Федерации

Автор статьи рассматривает объём, уровни и направления международного сотрудничества ПАО «Газпром», «НК Роснефть», «Новатэк» в совместных предприятиях (далее – СП) с западными партнёрами по Арктике, до и после ввода антироссийских санкций США и ЕС в марте 2014 г. Описываются виды секторальных санкций и причины их распространения на арктические и шельфовые проекты. Выделяется 3 разных тенденции сотрудничества в СП после санкций: уход/приостановка участия, продолжение участия (в обход санкций), приход восточноазиатских компаний.

Исследуются виды и эффективность государственных и частных мер по смягчению ущерба от санкций. Указывая на большой процент льгот и кредитной нагрузки (на примере Ямала СПГ), выражаются сомнения в эффективности компенсации нерентабельной добычи арктических ресурсов. Отдельно выделяется проблема импортозамещения необходимых технологий и услуг.

В заключении делается вывод о намерено отсроченном и кумулятивном уроне от секторальных санкций. Нынешнее развитие арктических проектов поддерживается благодаря предсанкционным достижениям или сотрудничеству. Для недопущения стагнации рекомендуется перенести меры поддержки (кредиты, льготы) с лицензиатов на производителей, и открыть доступ иностранным компаниям к шельфовым лицензиям (на примере Норвегии).

***Ключевые слова**:* санкции, Арктика, шельф, Газпром, Роснефть, Новатэк, Приразломная, Ямал СПГ, импортозамещение, нефтегазовая отрасль, секторальные санкции, санкционный список, исполнительный указ, OFAC.

Законодательство Российской Федерации сильнее других арктических стран (США, Канада, Дания, Норвегия) ограничивает состав возможных лицензиатов на шельф, включая арктический [2, ст. 2.1, ст. 6 п. 3, ст. 9, ст. 10.1 п. 1, ст. 11-13, ст. 15, 43]. С 2008 г. ими могут быть лишь российские юридические лица с более 50 % госучастия и 5-летним опытом освоения шельфа [2, ст. 9]. Таким требованиям соответствуют ПАО «Газпром» и ПАО «НК «Роснефть». Этим компаниям Роснедра, по решениям Правительства Российской Федерации выдают исключительные лицензии: на 10 лет – для изучения, до выработки запасов – для их добычи.

Всего на континентальном шельфе России в Арктике открыто 25 месторождений – все находятся в Баренцевом, Печорском и Карском морях [3].

Коллективное (в т.ч. иностранное) участие в проектах реализуется на основе соглашения о стратегическом сотрудничестве, определяющего принципы и план взаимодействия либо по соглашению о разделе продукции (далее – СРП, реализуется лишь в Сахалин-1, Сахалин-2 и Каряге [9, ст. 2 п. 1, ст. 3 п. 1, ст. 8]), либо через совместное предприятие (далее – СП). В всех формах совместного участия и зарубежные, и российские компании действуют через дочерние (далее – «дочки»).

ПАО «Газпром» владеет 13 лицензиями на участки месторождений. 9 из них выданы для проектов в Арктике, 2 из которых – шельфовые. Компания эксплуатирует их согласно обновлённой в 2011 г. Программе освоения ресурсов углеводородов на шельфе Российской Федерации до 2030 г. Совет директоров ежегодно принимает отчёт о результатах деятельности по документу.

Давнее сотрудничество (с 1990-х гг.) связывает российскую компанию с британско-нидерландской Royal Dutch Shell. Однако, их совместные проекты не располагаются на арктическом шельфе России. Тем не менее, в пределы освоения СП «Салым Петролеум Девелопмент Н.В.»[1] входит Салымская группа нефтяных месторождений (Западная Сибирь). Она расположена в Ханты-Мансийском автономном округе, который считается частью Арктической зоны Российской Федерации.

Крупный и некогда амбициозный проект ПАО «Газпром» на отечественном шельфе Арктики – Штокмановское газоконденсатное месторождение. Спустя несколько лет после попытки самостоятельного освоения[2], 13.7.2007 ПАО «Газпром» подписало с французской Total S.A., а 25.10.2007 и с норвежской StatoilHydro ASA[3] Соглашение по основным условиям сотрудничества при разработке первой фазы месторождения (финансирование, проектирование, строительство). Соглашение предусматривало создание СП как оператора и собственника инфраструктуры месторождения на протяжении 25 лет (с момента ввода в эксплуатацию). Во исполнение договорённостей совместное предприятие «Shtokman development AG» было учреждено годом позже (21.2.2008): оно состояло из ООО «Газпром добыча шельф» (51 %), «дочек» французской Total S.A. (25 %) и норвежской StatoilHydro ASA (24 %). Так одно юридическое лицо объединило в себе российский природный потенциал и зарубежные технологии вкупе с опытом. Отметим, что сотрудничество ПАО «Газпром» и ПАО «НК «Роснефть» со Statoil ASA началось ещё в 2004 г., с подписания Меморандума о взаимопонимании, который устанавливал сотрудничество по совместным проектам на арктическом шельфе России, Норвегии и США. Для же Total S.A. именно Штокмановское месторождение положило начало сотрудничеству с ПАО «Газпром» в Арктике. Взаимный интерес отечественной и зарубежных компаний в этом перспективном проекте наглядно демонстрировали ежеквартальные совещания участников СП: на них обсуждался ход реализации Штокмановского проекта, вопросы взаимодействия компаний, давались соответствующие поручения. Однако, уже в 2012 г. освоение проекта было приостановлено: из-за его дороговизны стороны не смогли принять окончательное инвестиционное решение (разногласия по технологической схеме разработки). Также на востребованность Штокманского проекта сказалось открытие ПАО «Газпром» Южно-Киринского нефтегазоконденсатного месторождения в 2010 г. и бум сланцевой добычи. Первое событие сделало Штокман невостребованным для Азиатско-тихоокеанского региона, а второе – для США [12, с. 22]. По завершении первой фазы разработки месторождения, ООО «Газпром добыча шельф» должно было стать 100 % собственником СП, но это

[1] Создано в 1996 г. с паритетными долями вышеуказанных компаний. Добыча ведётся с 2004 г., в среднем по 6 млн тонн нефти ежегодно.

[2] Несмотря на подписанное с ПАО «НК «Роснефть» 4.10.2001 Соглашение об объединении усилий в освоении 5 месторождений (на шельфе Баренцева и Печорского морей), среди которых было Приразломное и Штокмановское, компания Сечина И.И. вскоре вышла из совместных предприятий.

[3] StatoilHydro ASA (2007-2009 гг.), Statoil ASA (2009-2018 гг.), Equinor ASA (с 2018 г.).

случилось ещё раньше: Statoil ASA и Total S.A. покинули предприятие в 2012 и 2015 гг. соответственно, и оставшийся акционер ликвидировал Shtokman development AG летом 2019 г. По мнению Донского С.Е. (Министр природных ресурсов и экологии РФ в 2012-2018 гг.), ввиду низких цен на газ месторождение лучше зарезервировать до 2025 г.

В 2013 г., после более чем 15-летнего строительства и подготовки к запуску, ООО «Газпром нефть шельф» начало самостоятельную добычу нефти на Приразломном месторождении (в Печорском море), через одноимённую морскую ледостойкую стационарную платформу (далее – МЛСП). Несмотря на отсутствие прямого иностранного участия в проекте и строительство МСЛП силами ПАО «ПО "Севмаш"», 25 % оборудование для платформы – бурильные установки, системы отгрузки нефти, генераторы, пожарные насосы, системы прокладки и крепления кабелей поставляли норвежские компании (Aker solutions, MacGregor Pusnes AS, Framo AS, Oglaend system, Autronica fire & security AS, Gann Mekaniske AS). Также норвежская Global maritime в 2011 г. буксировала МСЛП из верфи Северодвинска в Мурманск, а затем и до места установки. 18.4.2014 была отгружена первая партия нефти, названная ARCO/Arctic oil. Она «тяжёлая» (сернистая) и годится лишь для глубокой переработки в пластмассу на европейских заводах.

Немалое число западных партнёров и у ПАО «НК Роснефть», имеющей 19 лицензий в Западной Арктике (Баренцево, Печорское и Карское моря) и 9 в Восточной (море Лаптевых, Восточно-Сибирское и Чукотское). Отметим, что до введения санкций все совместные проекты были на начальных этапах разведки (сейсморазведка, геологоразведка, бурение поисково-оценочных скважин). В 2011, 2012 и 2013 гг. соответственно, российская компания заключила Соглашения о стратегическом партнёрстве и сотрудничестве для освоения российского шельфа вместе с главными контрагентами – американской ExxonMobil, норвежской Statoil ASA, итальянской Eni S.p.A. Эти документы предусматривают не только совместное освоение шельфа, но и обмен технологиями, персоналом. На примере взаимодействия с Eni S.p.A. в Баренцевом море (Федынский и Центрально-Баренцевский участки), создаются СП-операторы с 66,67 % долей у «Роснефти» и 33,33 % у иностранной компании. При этом последняя финансирует расходы на приобретение лицензии и геологоразведочные работы. Через СП ООО «Магаданморнефтегазом» и «Лисянскнефтегазом» Statoil ASA и ПАО «НК Роснефть» проводили разведку на участках «Лисянский» (скважина «Ульбериканская-1»), «Охотский» и «Магадан-1» в Охотском море. Но наиболее давнее, обширное и тесное сотрудничество в России у Роснефти было с ExxonMobil. Оно началось ещё в 1992 г. с Каспийского трубопроводного консорциума. В 1995 г. ExxonMobil для нефтегазового проекта Сахалин-1 создала «дочку» Exxon neftegas limited, впоследствии ставшей совместным предприятием основателя (30 %), ПАО «НК «Роснефть» (20 %), индийской ONGC Videsh ltd. (20 %) и японской Sodeco (30 %). Этот оператор управляет проектом по соглашению о разделе продукции, заключённым с Правительством Российской Федерации и Администрацией Сахалинской области в 1995 г. Добыча началась в 2005 г. В 2013 г. была инициирована реализация проекта «Дальневосточный СПГ». Годом позже СП Роснефти и ExxonMobil, ООО «Карморнефтегаз», открыв месторождение «Победа» в Карском море, привлекло норвежскую Seadrill с «дочкой» North Atlantic drilling для бурения поисковых скважин на подвижных платформах «West Alpha». К 2014 г. у компаний

было 10 участков в Чёрном, Карском, Чукотском море и море Лаптевых, с общей площадью 257 тыс. км.^{2} и максимальным сроком лицензий до 2043 г. Именно благодаря столь активному иностранному участию ПАО «НК «Роснефть» имеет большое количество лицензий на российский шельф в Арктике.

Сейчас в мире лишь 2 государства – Королевство Норвегия и Российская Федерация реализуют всего 4 (!) проекта в Арктике на этапе *промышленного производства.* У Королевства это нефтяной «Gøliat» («Голиаф») и газовый «Snøhvit» («Белоснежка»), у России – МЛСП «Приразломная» (оператор ООО «Газпром нефть шельф»), и Ямал СПГ (оператор ПАО «Новатэк») соответственно [14]. О введённых санкциях против 2 этих и других отечественных проектов, об их судьбе и статусе международного сотрудничества будет изложено ниже.

Введённые сначала за украинские события в марте 2014 г. *«санкции»* (sanctions) США и *«ограничительные меры»* (restrictive measures) ЕС против гражданских и военных чиновников, глав крупных компаний, постепенно начали уточняться и расширяться. Охватив Крым, компании с госучастием, финансовую и оборонную сферу, они затронули нефтегазовый сектор, уделяя особое внимание нефтяным шельфовым и сланцевым проектам. Это обусловлено высокой ролью российской нефтегазовой отрасли в покорении Крайнего Севера.

В последнее десятилетие страна активно осваивает этот регион, видя в своей Арктической зоне (далее – АЗ РФ [8])[4] природно-ресурсный, транспортный и стратегический потенциал: разведочные и эксплуатационные буры вгрызаются в многолетнюю мерзлоту арктического шельфа, ледоколы продавливают маршрут по Северному морскому пути, военные чинят советские и строят российские объекты (базы, аэродромы, доки, станции), патрулируют и проводят учения [7].

Поэтому на пленарном заседании пятого Международного арктического форума «Арктика – территория диалога» не обошлось без обсуждения санкций – тема, неспроста поднятая главами европейских арктических государств (Финляндии, Исландии, Норвегии и Швеции), заняла ¼ регламентного времени. Ведь её обсуждение, как и проведение самого форума обусловлено важностью Арктики для России. Это не могли не учесть авторы санкций – США и ЕС. Они сформировали 2 запрета для своих лиц (граждане и компании). Первый – финансовый, не заключать с российскими контрагентами сделки и услуги по ценным бумагам и краткосрочным долгам (30 и 60 дней). США позже ограничили инвестиции и иностранных финансовых институтов (от $ 1 млн разово или $ 5 млн ежегодно) в российские проекты по добыче сырой нефти и прокладке экспортных трубопроводов (начатые с 2.8.2017). Второй запрет – на поставку или (ре)экспорт товаров, технологий и услуг для разведки, разработки и производства[5] глубоководных[6], арктических морских[7] и сланцевых проектов, потенциально способных давать нефть. В список запрещённых

[4] Состоит из субъектов, входящих в Северный полярный круг (Мурманская область, части Архангельской области, республики Карелии и Коми, Ненецкий и Ямало-Ненецкий автономные округа, части Красноярского края, Сахи (Якутии), Чукотский автономный округ), и ничейных территорий в нём до Северного полюса (в пределах 32º4’35’’ в.д. – 168º49’39” з.д.).

[5] До этапа транспортировки.

[6] От 500 фт. (152 м.) – по санкциям США, от 150 м. – по ограничительным мерам ЕС.

[7] На шельфе и в исключительной экономической зоне до и выше Северного полярного круга.

компаний попали ГУП РК «Черноморнефтегаз», ПАО «НК «Роснефть», ПАО «Транснефть», ПАО «Лукойл», ПАО «Газпром», ПАО «Новатэк», ПАО «Сургутнефтегаз», а также их добывающие, перерабатывающие, региональные «дочки».

Подробнее об американский санкциях и европейских ограничительных мерах, будет рассказано через их влияние на арктические проекты России.

ООО «Газпром нефть шельф» и ООО «Газпромнефть-Ямал» – операторы Приразломного (в Печорском море) и Новопортовского (на полуострове Ямал) месторождений соответственно. Компании являются «дочками» ПАО «Газпром нефть», которого США опосредованно, а ЕС прямо включили в список для секторальных санкций. На призыв Евросоюза ввести санкции откликнулась и Норвегия, 25 % оборудования которой установлено на Приразломной платформе. После этого предприятию стало трудно найти зарубежные самоподъёмные плавучие буровые установки. Однако, добыча продолжается, и по словам генерального директора компании-оператора, санкции лишь *«удлиняют сроки отдельных этапов проекта».* Для западного оборудования на Новопортовском месторождении начался поиск поставщиков из Азии и на Ближнем Востока. Развитие проектов в Арктический зоне России, значительная часть из которых расположена на континентальном шельфе, является одним из стратегических приоритетов ПАО «Газпром нефть».

ПАО «Газпром» было занято спорами в Суде ЕС (2010-2018 гг.) и ОРС ВТО (2014-2018 гг.) по Третьему энергопекету, обвиняясь Комиссией и восточноевропейскими странами в нарушении антимонопольных правил Союза (завышение цен, ограничение покупателей). По первому делу стороны достигли соглашение, по второму Орган согласился с ЕС, но частично признав Энергопакет дискриминирующим.

Британско-нидерландская Royal Dutch Shell в октябре 2014 г. вышла из всех СП с ПАО «Газпром», кроме Сахалин Энерджи (оператор нефтегазового проекта Сахалин-2, с 1994 г.) и Салым Петролеум Девелопмент Н.В. (оператор Салымской группы нефтяных месторождений, с 1996 г.). Последнее в силу санкций сменило изначальное направление деятельности – сланцевую добычу, на разработку зрелых месторождений. Этот подход оказался удобным для продолжения сотрудничества: в новых СП ПАО «Газпром нефть» и Royal Dutch Shell избегают подсанкционных проектов (глубоководные (свыше 150 м.), арктические морские, сланцевые проекты). В июне 2019 г. компании создали совместные предприятия для освоения уже *континентальных* месторождений в Ямало-ненецком автономном округе (на полуостровах Ямал и Гыдан).

Куда обширнее международное сотрудничество, как показано в начале статьи, было до санкций у ПАО «НК «Роснефть», на 19,75 % принадлежащей BP (British Petroleum). Благодаря ему она гораздо интенсивнее осваивала шельф, владея 55 (!) лицензиями (19 из них в Арктике).

В 2011-2013 гг. компания заключила с иностранными лицами (ExxonMobil**,** Equinor ASA**,** Eni S.p.A.) соглашения о стратегическом партнёрстве, в том числе предусматривающие освоение арктического шельфа. В создаваемых СП иностранные партнёры с долями 33,33 % финансируют начальный, геологоразведочный этап работ, обмениваются технологиями и персоналом. Из 3 давних партнёров в совместных проектах ПАО «НК «Роснефть» остался лишь 1, норвежский.

В 2017 г. компания Сечина И. И. безуспешно пыталась оспорить правомерность ограничительных мер сначала в Высоком суде Лондона, затем в Суде ЕС (2014-2017 гг.). По мнению компании, меры противоречили праву Союза, затрудняя конкуренцию, доступ на рынки капитала (ограничение финансирования) и Соглашение о партнёрстве и сотрудничестве 1997 г. На эти доводы Суд соответственно возразил, что ограничительные меры – институт конкурентной борьбы, оспариваемые ограничения (запреты на выдачу глобальных депозитарных расписок), а Решение Совета № 2014/512/CFSP (от 31.7.2014) не противоречит Соглашению о партнёрстве и сотрудничестве. Тогда ПАО «НК «Роснефть» сослалась на Регламент Совета № 833/2014 (от 31.07.2014), указав, что он исключает национальные уголовные наказания за несоблюдение ограничений. На это Суд призвал изучить статью 8 Регламента внимательнее («Страна-член должна изложить правила применения эффективных, соразмерных и демотивирующих наказаний за нарушение Регламента»). Последней главной претензией ПАО «НК «Роснефть» была невозможность его участия в украинских событиях, а значит, и немотивированность применения ограничительных мер к ней. Суд отклонил претензию, применив вышеуказанную логику: несмотря на то, что кампания напрямую не связана с Украинскими событиями, эффект санкций против неё как лица с госучастием, будет соразмерен ущербу, нанесённому Россией Украине. Ограничительные меры против ПАО «НК «Роснефть» были оставлены в силе, затрудняя сотрудничество с европейскими партнёрами.

Дольше всего после ввода санкций оставался старый партнёр ПАО «НК «Роснефть», ExxonMobil. Тем тяжелее был его уход для обеих сторон. В сентябре 2014 г. американская компания приостановила участие в 9 из 10 совместных проектов (в Чёрном, Карском, Чукотском морях и море Лаптевых), кроме незатронутого санкциями газового Сахалина-1 (с 1995 г.). В 2017 г. ExxonMobil, как и российский партнёр, проиграла спор, но с Управлением по контролю за иностранными активами (далее – OFAC) – следящим за исполнением санкций департаментом Минфина США. Компания Рекса Тиллерсона в мае 2014 г. продлила (через 7 completion deeds) с ПАО «НК «Роснефть» Соглашение о стратегическом партнёрстве[8] и дополняющие его документы, заключённые в 2011-2012 гг. (п. 19-30, 45-46 иска). От лица российской стороны договоры подписал исполнительный директор Сечин И. И., с апреля 2014 г. внесённый OFAC в SDN (общий, не секторальный санкционный список) по Исполнительному указу № 13661. К Сечину И. И. применялись индивидуальные меры (блокировка американской собственности и отзыв визы с запретом на въезд), как к частному лицу. OFAC обвинила ExxonMobil в заключение сделки с Сечиным И. И. и выписала максимально возможный штраф в $ 2 млн. Нефтяная компания, после безуспешного досудебного урегулирования, подала иск в Окружной суд по северному округу Техаса (по месту своей штаб-квартиры). В своих доводах против штрафа ExxonMobil указала, что: к исполнительному директору ПАО «НК «Роснефть» применялись индивидуальные, частные санкции, и компанией владеет не он, а Российская Федерация (п. 5 иска); сделки были заключены не с Сечиным И. И. как физическим лицом, а с компанией (п. 3 иска); Директива № 2, внёсшая ПАО «НК «Роснефть» в SSI (секторальный список) была издана гораздо позже

[8] Совместная разведка и разработка нефти и газа в России, США, Центральной и Южной Америке, Африке.

(16.7.2014). Однако, доказательная база корпорации была слабой и состояла из неправовых источников: руководства Белого дома (White House guidance) и заявления Барака Обамы (п. 5, 34, 37-44, 55 иска). OFAC заметило, что в sec. 3-5 Исполнительного указа № 13661 с подсанкционным лицом запрещены также и *«любые сделки, получение или передача средств, товаров и услуг»*. Вдобавок, топ-менеджеры ExxonMobil, зная о включении Сечина И. И. в SDN, всё равно подписали договоры и не оповестили об этом OFAC – что являются отягчающими обстоятельствами при наложении штрафа. Доказательства истца были названы недопустимыми. Суд поддержал ответчика и ExxonMobil пришлось заплатить штраф с судебными издержками.

Всё это в совокупности, и последующий отказ OFAC в 2017 г. разрешить (по исключающей лицензии) бурение в Чёрном море, вынудило ExxonMobil 1.3.2018 уже окончательно покинуть 9 из 10 совместных проектов с ПАО «НК «Роснефть». Из-за санкционных ограничений стало невозможно продолжать сотрудничество везде, кроме незатронутого ими газового Сахалина-1 (с 1995 г.). Свои потери компания оценивает в $ 200 млн.

Итальянская Eni S.p.A. тоже приостановила сотрудничество с компанией Сечина И. И., опасаясь американских санкций за инвестиции в проекты по добыче сырой нефти (sec. 4 Ukraine freedom support act и sec. 226 Countering America's adversaries through sanctions act). Но сказалось также и разочарование в запасах нефти. В январе 2018 г. Eni S.p.A. приостановила бурение в Чёрном море (Южно-Черноморский участок, скважина «Мария-1»), а в марте, не найдя коммерческих запасов, вышла из СП [13]. То же самое повторилось и с разведкой в Баренцевом море.

Обнадёживающая ситуация с азиатскими (CNPC[9], Sinopec[10]) и, что важнее, с северными партнёрами ПАО «НК «Роснефть», имеющими лучший опыт работы в арктических условиях. Договор с Seadrill и её «дочкой» North Atlantic Drilling на аренду буровых платформ от 22.8.2014, через 3 года (31.5.2017), по предложению норвежской стороны, заменили долгосрочным рамочным (с продлённым до 31.5.2019 сроком закрытия). Equinor ASA (до 15.5.2018 – Statoil ASA) с 2017 г., несмотря на отсутствие коммерческих запасов нефти в опорных скважинах Охотского моря, не выходит из совместных предприятий с ПАО «НК «Роснефть», а наоборот, перекупает в них 33 % доли (в Охотском море и ЯНАО).

Из показанных выше случаев заморозки сотрудничества видно, что санкции, как и задумывали их создатели, охватили обе составляющие, этапа арктических проектов: upstream (разведка, разработка/добыча) и downstream (обработка/переработка, транспортировка, продажа). Из-за этого российским компаниям стало труднее и начинать, и вести проекты. Оставшись без значительной доли иностранного участия, держатели арктических лицензий обратились за помощью к государству.

В 2016 г. ПАО «НК «Роснефть» и ПАО «Газпром», сославшись на санкции (оговорка в ст. 12 и ст. 22 п. 7 ФЗ «О недрах»), попросили у Роснедр продлить им лицензии. Для 19 участков первой компании и 12-ти второй (среди них – 2 на

[9] В 2018 г. подписали Соглашение о сотрудничестве в области разведки и добычи в РФ.

[10] С 2007 г. СП «Удмуртнефть», в 2016 г. подписали соглашение о строительстве газового комплекса в Восточной Сибири.

Штокмановском месторождении) ответ был положительным, сроки сдвинулись в среднем на 5 лет.

2 годами раннее ПАО «НК «Роснефть» и ПАО «Новатэк» получили 15-летний кредит на 150 млрд. руб. из Фонда национального благосостояния (далее – ФНБ). Для последней компании, попавшей под финансовые санкции США (Директива № 2) займы и кредиты стали единственным источником спасения своего амбициозного проекта в Арктике – Ямала СПГ (комплекс по добыче, сжижению и перевозке сжиженного природного газа создавался с 2013 г.).

Все 7 кредитов от российских банков и китайских госкомпаний (последние помогли под условием 30 % доли в проекте) составили 70 % от стоимости проекта ($ 27 млрд). При этом он имеет солидные льготы (нулевой НДПИ (12 лет), НДС, налог на имущество и импортные пошлины, 13,5 % налога на прибыль). Надо ли говорить, что могло статься с проектом без такой поддержки в период санкций? Во многом благодаря ей первая очередь СПГ-завода была запущена досрочно, 5.12.2017. Теперь он обеспечивает основной грузооборот по Северному морскому пути [10]. ПАО «Новатэк» к 2023 г. уже запланировало запуск Арктик СПГ-2, стоимостью $ 21 млрд. В СП, кроме 60 % отечественной компании, войдут Total S.A. (10 %), Mitsui и JOGMEC (всего 10 %), CNOOC и CNODC (по 10 %). Министерство финансов, несмотря на возражения главы ПАО «Новатэк», так же, как и в 2014 г. предложило выдать кредит из ФНБ в случае возможного наложения санкций на проект.

Но в данной ситуации нужно помнить о себестоимости добычи: если её не удастся поддержать на коммерческом уровне (покрывая затраты), в долгосрочной перспективе повторится ситуация с Штокмановским месторождением. Норвежские компании, в силу неограниченного сотрудничества (распределение рисков), большого опыта освоения и гибкого законодательства (см. в заключении статьи), могут позволить себе пробовать, ошибаться и добывать при нынешних падающих и низких ценах (60-50 $/бар). Для российских же коллег в текущих условиях это трудновыполнимая задача: добыча нефти в отечественной Арктике будет рентабельна лишь при 90-110 $/бар, не говоря о долгой окупаемости шельфовых проектов (5-40 лет) [4, 6].

Существенно затруднив доступ российских нефтегазовых компаний к западному финансированию, санкции не обошли вниманием и материальное снабжение арктических проектов.

Текущую самостоятельность отрасли (и её арктического направления) по технологиям, оборудованию и сервису, а также прогресс её изменения наглядно демонстрируют Планы мероприятий по импортозамещению в нефтегазовом машиностроении. В них указаны 8 технологических направлений (разведка, бурение, эксплуатация и повышение отдачи, переработка, транспортировка, программное обеспечение, сжижение природного газа, шельфовые проекты), технологии, оборудование и сервис в каждой, а самое важное – начальный и целевой (плановый) показатели для них. План гибок: для каждой технологии, оборудования или сервиса он устанавливает свои сроки достижения цели, но в рамках общего 5-летнего периода.

По результатам анализа 2 Планов (2015-2020 и 2019-2024 гг.) в нефтегазовой отрасли складывается неоднозначная ситуация. Россия обладает неплохой самосто-

ятельностью в downstream технологиях (стадии после добычи: переработка, нефтехимия, транспортировка), имея в среднем 40 % *своего* оборудования[11]. Однако, в upstream направлениях (стадии включая и до добычи: наклонное бурение, эксплуатация и повышение отдачи скважин, СПГ, шельфовая добыча) 80 % иностранного присутствия уже более ощутимы. Доля зарубежного программного обеспечения, применяемого на всех стадиях, и вовсе достигает 90 %. Глядя на показатели Плана от 2019 г., реальный эффект от импортозамещения проявится не раньше 2024 г.

На примерах ПАО «НК «Роснефть», ПАО «Газпром» и ПАО «Новатэк» было показано, что начать проект, особенно шельфовый, преодолеть первичные стадии (строительство площадки, изучение, разведка) и выйти на разработку – непростая задача даже в обычное время, во много раз усложняется с приходом финансово-торговых санкций. ПАО «НК «Роснефть» в 2014 г., испытывая трудности с иностранным оборудованием, обратилась к российским производителям со списком необходимого оборудования для разведки и разработки шельфа (суда, буровые инструменты, материалы и реагенты). Компания также размещает закупки (через конкурсы и аукционы) на товары и услуги для множества «дочек». В 2016 г. и ПАО «Газпром» начало активно проводить отборы, конкурсы и аукционы поставщиков для своих проектов. Штокмановского месторождения среди них нет, но закупки для Приразломного размещаются с 2017 г.: на ноябрь 2019 г. их насчитывается 32 шт., и все находятся в стадии рассмотрения предложений. В основном МЛСП требуется ремонт оборудования (скважины, буры, компрессоры, системы связи), сопровождение бурения, фрахтование судов снабжения, обустройство жилых помещений. Примечательно, что в первой закупке от исполнителя требовалось создать перечень аналогов для оборудования Приразломной. Несмотря на открытый характер отбора поставщиков, его результаты и список документов (техническое задание, договор у ПАО «Газпром») закрыты, поэтому информация об успехах импортозамещения в шельфовых проектах ПАО «НК «Роснефть» и ПАО «Газпром» недоступна. Однако известно, что в 2015 г. обе компании, вместе с ПАО «Газпромбанк» и ПАО «Роснефтегаз» создали общий консорциум для строительства новой отечественной верфи «Звезда» в Приморском крае, с целью замещения иностранных судов отечественными. ООО «Роснефтефлот» («дочка» ПАО «НК Роснефть») выступит оператором судов, но их проектированием (как и судов для Ямал СПГ) опять же займутся иностранные компании – французская Gaztransport & Technigaz (GTT) и южнокорейская Samsung Heavy Industries.

Главные российские производители оборудования, ФГУП «Севмашпредприятие» и ОАО «Северсталь», рискуют столкнуться с недостатком предложения при растущем спросе. Сейчас на отечественном рынке это компенсируется слиянием и поглощением. Лидеры по технологиям для шельфовых месторождений – США (FMC technologies, Cameron, GE Vetco), Норвегия (Aker solutions ASA, Equinor ASA), ФРГ (Siemens AG, MAN SE) – государства, вводившие антироссийские санкции. Решения среднеазиатских партнёров (КНР, Южная Корея, Сингапур), хоть и имеющих большой опыт в освоении морей, не приспособлены к суровым условиям Арктики [3].

[11] Указанные в данном абзаце значения рассчитаны автором как среднее арифметическое процентных показателей соответствующих технологических направлений или технологий.

В итоге, недостаток отечественных образцов (низкое предложение на возросший спрос) и нехватка зарубежных аналогов на критически важных стадиях проектов если не прекратит, то существенно замедлит освоение арктического шельфа России.

Особенность санкций против российской нефтегазовой отрасли – в их отсроченном и накапливаемом ущербе: гораздо серьёзнее они угрожают не текущему, а будущему развитию. В полной мере ограничения США и ЕС окажут влияние именно в долгосрочной (с 2030 г.), а не краткосрочной перспективе, как это на первый взгляд может показаться: они повлияют на объёмы добычи и развитие экспортных трубопроводов [1, 11]. В первом случае, когда нынешние месторождения истощатся[12], для их интенсификации (повышения отдачи), или разведки и разработки новых[13] импортозамещение встанет остро. Во втором случае (запрет на иностранные инвестиции от $ 1-5 млн в российские экспортные трубопроводы, sec. 225 Countering America's adversaries through sanctions act) потребители за это время смогут заместить российские поставки теми же американскими или перепроданными импортными излишками СПГ КНР.

На пленарном заседании V Международного арктического форума «Арктика – территория диалога» ¼ времени была посвящена санкциям. Главы арктических государств (Финляндии, Исландии, Норвегии и Швеции) напомнили российскому Президенту, что санкции были введены в ответ на международно-противоправные действия России (вмешательство в Украину и цифровую сферу, помощь Сирии) и продолжат действовать до тех пор, пока Россия не выполнит условия для их снятия (вывод войск из Украины, прекращение помощи Сирии и вредоносной кибердеятельности). Они призвали брать пример с сотрудничества в Арктическом совете.

В ответ на это Президент России традиционно описал санкции как меры, противоречащие Совбезу ООН, и дорого́й для Запада инструмент конкурентной борьбы, отметил незначительное влияние санкций на арктические проекты и стимул для развития импортозамещения.

На замену иностранных образцов российскими во всех секторах было потрачено 637 млрд руб. (0,6 % бюджета). При выбранном Россией курсе на бо́льшую самостоятельность в освоении арктического шельфа необходимо поддерживать в первую очередь производителей. Тогда у операторов проектов появится стимул закупаться ей, не концентрируя всю господдержку на себе и в итоге привлекая зарубежных партнёров. Хороший пример в этом направлении – 15 %-й ценовой приоритет для госзакупок от российских производителей с 2017 г. Помимо налоговых и кредитных льгот (вроде применённых к Ямалу СПГ в огромном количестве), нужно наладить и их администрирование: так повысится эффективность использования. В проект Федерального закона «О государственной поддержке предпринимательской деятельности в Арктической зоне Российской Федерации»[5] необходимо внести измене-

[12] Разведанные запасы выработаны на 55 %, много трудноизвлекаемых (баженовская свита), падает добыча высококачественной нефти.

[13] Сейчас если и открываются, то с низкими запасами и качеством нефти (ARCO на Приразломной).

ния, балансирующие обоснованность предоставления льгот[14] и их объём, чтобы эти меры: были лишь подспорьем, вспомогательным инструментом в т.ч. для добывающих компаний; действовали не в ущерб федеральному, региональному и местным бюджетам. Кроме непосредственно налоговых и кредитных льгот (вроде применённых к Ямалу СПГ в огромном количестве), нужно наладить и их администрирование: так повысится эффективность использования.

Для российских арктических проектов наиболее успешным (по мнению автора) направлением развития, является упомянутое Путиным В. В. на пленарном заседании форума «Арктика – территория диалога»: *«Давайте вернёмся просто к нормальной политической жизни, осознаем, что мир взаимозависим, и для того чтобы добиться общего результата, нужно работать вместе»*. Необходимо, как уже много раз предлагалось на официальном уровне, открыть доступ иностранных компаний к шельфовым лицензиям. Нынешние ограничения, замыкающие круг лицензиатов на 2 компаниях с госучастием, не оправданы ничем, кроме опыта работ на шельфе.

Можно позаимствовать идеи у Норвегии, по максимуму, но ответственно использующей нефтегазовые ресурсы; её законодательства, с режимом работ по лицензии – строгим[15], но вознаграждающим[16] за соблюдение справедливо обоснованных требований. Пройдя квалификацию и выиграв раунд, лицензиатами в Норвегии может стать компания (норвежская «дочка» иностранной) или их группа в СП. Участие государства через подконтрольные ему Equinor ASA, Petoro AS и Gassco AS в проектах (как оператор или лицензиат) необязательно, но часто встречается. Таким образом наша страна сможет как минимум обойти санкционные запреты на поставки оборудования для российских лиц, ведь иностранные компании будут снабжать *себя*. Нужно ли говорить, какой приток это даст развитию отрасли, как это было с Норвегией в 1970-х гг. и сейчас, на прошлогоднем лицензионном раунде (33 компании выиграли 83 лицензии)? Для стимулирования активности грузопотока в арктических проектах целесообразным будет отменить недавний запрет на каботаж и перевозку углеводородов судами под иностранным флагом по Северному морскому пути. С 2017 г. все суда, плавающие в водах Арктики и Антарктики де-юре обязаны соответствовать единым требованиям Полярного кодекса. Отмена поправок в российский Кодекс торгового мореплавания привлечёт в арктические порты больше кораблей (за счёт иностранных), а значит, обеспечит и работу месторождений, и выработку, и спрос на их продукцию.

Лишая Россию до 2 % ВВП в год (четверть из которых – ущерб ТЭКу), последствия санкций носят долгосрочный и кумулятивный характер. Жить с ними можно, но развиваться – крайне сложно. Необходимо предпринять серьёзные шаги: сместить акцент господдержки в сторону производителей, усилить контроль за расхо-

[14] Перечислить разрешённые виды предпринимательской деятельности в Арктической зоне России (ст. 4). Уточнить содержание бизнес-плана, скорректировать минимальный объём инвестиций в Арктическую зону её потенциального резидента, рассмотреть установление дополнительных критериев для статуса резидента (ст. 9).

[15] 78 % налога (22 % налог на компании + 56 % на добычу) обязательное страхование разработки, безвиновная ответственность за экологический ущерб, отчётность по многим действиям.

[16] Гибкие, вариативные и большие налоговые вычеты, зонированые по исследованным запасам участки, залог лицензии.

дуемыми средствами, провести либерализацию иностранного участия в арктических проектах, вплоть до допуска *зарубежных* компаний к лицензиям на шельф – чтобы арктическое направление *российской* нефтегазовой отрасли успешно развивалось.

Список литературы

1. Грушевенко Е., Малов А., Митрова Т. Перспективы российской нефтегазовой отрасли: жизнь под санкциями. Доклад / Е. Грушевенко, А. Малов // Центр исследований в области энергетики бизнес-школы Сколково (SEneC). – март 2018. 45 С. URL: http://energy.skolkovo.ru/downloads/documents/SEneC/research04-ru.pdf (дата обращения: 9.6.2019). – Текст электронный.

2. О недрах : Закон Российской Федерации от 21.2.1992 № 2395-1 (в ред. от 2.8.2019) // Официальный интернет-портал правовой информации. Государственная система правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102014778&rdk=61 (дата обращения: 21.12.2019). – Текст электронный.

3. Косивец А. А., Махмутов Т. А., Полосина Д. С. Санкционная активность США и ЕС в отношении России: последствия для арктических проектов. Статья / А. А. Косивец, Т. А. Махмутов, Д. С. Полосина // Арктические ведомости. – 2018. – № 2(25). – С. 12-24.

4. Лихачёв В. Г., Михайлов Р. О. Проблемы и перспективы освоения арктического региона в условиях санкций / В. Г. Лихачёв, Р. О. Михайлов // Международный научный альманах. – 2017. – № 2. URL: almanac.esrae.ru/ru/42-262 (дата обращения: 9.6.2019). – Текст электронный.

5. О государственной поддержке предпринимательской деятельности в Арктической зоне Российской Федерации : Проект Федерального закона (доработанный текст по состоянию на 3.6.2019) // Федеральный портал проектов нормативных правовых актов. URL: https://regulation.gov.ru/projects#npa=91084 (дата обращения: 21.12.2019). – Текст электронный.

6. Раджабова К. А., Тагаев Т. А., Андреева Л. О. Освоение арктического шельфа в условиях санкций. Статья / К. А. Раджабова, Т. А. Тагаев, Л. О. Андреева // Интернет-журнал «Науковедение». – 2016. – Том 8, № 6. – 7 с. URL: https://naukovedenie.ru/PDF/24EVN616.pdf (дата обращения: 9.6.2019). – Текст электронный.

7. Сергунин А. А. Арктика 2018: возвращение к «нормальности». Статья / А. А. Сергунин // РСМД. 20.12.2018. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/vozrashchenie-k-normalnosti/ (дата обращения: 9.6.2019). – Текст электронный.

8. О сухопутных территориях Арктической зоны Российской Федерации : Указ Президента РФ от 02.05.2014 № 296 (в ред. от 13.5.2019) // Официальный интернет-портал правовой информации. Государственная система правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&firstDoc=1&lastDoc=1&nd=102349446 (дата обращения: 21.12.2019). – Текст электронный.

9. О соглашениях о разделе продукции : Федеральный закон от 30.12.1995 № 225-ФЗ (в ред. от 27.6.2018) // Официальный интернет-портал правовой информации. Государственная система правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102038941 (дата обращения: 21.12.2019). – Текст электронный.

10. Яковенко Д. Газовое сияние: как «Новатэк» построил завод на краю земли. Статья / Д. Яковенко // Forbes. 27.12.2018. URL: https://www.forbes.ru/milliardery/370603-gazovoe-siyanie-kak-novatek-postroil-zavod-na-krayu-zemli (дата обращения: 9.6.2019). – Текст электронный.

11. Adnan Vatsnsever. Energy sanctions & Russia: what comes next? // Atlantic council, Global energy center & Dinu Patriciu Eurasia center. September 2015. 11 p. URL: http://www.atlanticcouncil.org/images/publications/Energy_Sanctions_and_Russia_0910_web.pdf (дата обращения: 9.6.2019). – Текст электронный.

12. BP Statistical review of World energy (June 2011-2013) // London: BP. June 2011-2013. 48 p. URL: https://www.bp.com/en/global/corporate/energy-economics/statistical-review-of-world-energy.html, http://large.stanford.edu/courses/2011/ph240/goldenstein1/docs/bp2011.pdf, https://www.laohamutuk.org/DVD/docs/BPWER2012report.pdf, http://large.stanford.edu/courses/2013/ph240/lim1/docs/bpreview.pdf (дата обращения: 9.6.2019). – Текст электронный.

13. Bud Coote. Impact of sanctions on Russia’s energy sector // Atlantic council, global energy center, economic sanctions initiative. March 2018. 11 p. URL:

https://www.atlanticcouncil.org/images/publications/Impact_of_Sanctions_on_Russia_s_Energy_Sector_web.pdf (дата обращения: 9.6.2019). – Текст электронный.

14. Daria Shapovalova, Kathrin Stephen. No race for the Arctic? Examination of interconnections between legal regimes for offshore petroleum licensing and level of industry activity // Energy Policy. June 2019 Vol. 129. Pp. 907-917. 11 p. URL: https://www.thearcticinstitute.org/no-race-for-the-arctic/, https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0301421519300473 (дата обращения: 9.6.2019). – Текст электронный.

Monokin E. N. Impact of US & EU economic sanctions on Arctic projects of Russian Federation / E. N. Monokin // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2019. – T. 4 (72). № 4. – P. 451-464.

Author examines international cooperation of JSC «Gazprom», «NK Rosneft», «Novatec», in joint ventures (hereinafter – JV) with western partners in Arctic, before and after sanctions, adopted by the USA & EU in March 2014. Types of sectoral sanctions and their extension to Arctic shelf projects are described. 3 different tendencies of cooperation within JV are pointed out after sanctions: abandonment/suspension of participation, continuation of participation (through bypassing sanctions), arrival of east-asian companies.

Types and effectiveness of state and private measures to mitigate damage from sanctions are examined. Pointing on big percent of indebtedness and state privileges (on the example of Yamal LNG), author doubt in effective compensation for unprofitable extraction of arctic resources. The problem of import substitution for necessary technologies and services is pointed out separately.

In conclusion, it is recommended to transfer support measures from licensees to producers and open access of foreign companies to shelf licenses (Norway-alike).

Keywords: sanctions, Arctic, shelf, Gazprom, Rosneft, Novatek, Prirazlomnaya, Yamal LNG, import substitution, oil & gas industry, sectoral sanctions, sanctions list, executive order, OFAC.

Spisok literatury`

1. Grushevenko E., Malov A., Mitrova T. Perspektivy` rossijskoj neftegazovoj otrasli: zhizn` pod sankciyami. Doklad / E. Grushevenko, A. Malov // Centr issledovanij v oblasti e`nergetiki biznes-shkoly` Skolkovo (SEneC). – mart 2018. 45 S. URL: http://energy.skolkovo.ru/downloads/documents/SEneC/research04-ru.pdf (data obrashheniya: 9.6.2019). – Tekst e`lektronny`j.

2. O nedrax : Zakon Rossijskoj Federacii ot 21.2.1992 № 2395-1 (v red. ot 2.8.2019) // Oficial`ny`j internet-portal pravovoj informacii. Gosudarstvennaya sistema pravovoj informacii. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102014778&rdk=61 (data obrashheniya: 21.12.2019). – Tekst e`lektronny`j.

3. Kosivecz A. A., Maxmutov T. A., Polosina D. S. Sankcionnaya aktivnost` SShA i ES v otnoshenii Rossii: posledstviya dlya arkticheskix proektov. Stat`ya / A. A. Kosivecz, T. A. Maxmutov, D. S. Polosina // Arkticheskie vedomosti. – 2018. – № 2(25). – S. 12-24.

4. Lixachyov V. G., Mixajlov R. O. Problemy` i perspektivy` osvoeniya arkticheskogo regiona v usloviyax sankcij / V. G. Lixachyov, R. O. Mixajlov // Mezhdunarodny`j nauchny`j al`manax. – 2017. – № 2. URL: almanac.esrae.ru/ru/42-262 (data obrashheniya: 9.6.2019). – Tekst e`lektronny`j.

5. O gosudarstvennoj podderzhke predprinimatel`skoj deyatel`nosti v Arkticheskoj zone Rossijskoj Federacii : Proekt Federal`nogo zakona (dorabotanny`j tekst po sostoyaniyu na 3.6.2019) // Federal`ny`j portal proektov normativny`x pravovy`x aktov. URL: https://regulation.gov.ru/projects#npa=91084 (data obrashheniya: 21.12.2019). – Tekst e`lektronny`j.

6. Radzhabova K. A., Tagaev T. A., Andreeva L. O. Osvoenie arkticheskogo shel`fa v usloviyax sankcij. Stat`ya / K. A. Radzhabova, T. A. Tagaev, L. O. Andreeva // Internet-zhurnal «Naukovedenie». – 2016. – Tom 8, № 6. – 7 s. URL: https://naukovedenie.ru/PDF/24EVN616.pdf (data obrashheniya: 9.6.2019). – Tekst e`lektronny`j.

7. Sergunin A. A. Arktika 2018: vozvrashhenie k «normal`nosti». Stat`ya / A. A. Sergunin // RSMD. 20.12.2018. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/vozrashchenie-k-normalnosti/ (data obrashheniya: 9.6.2019). – Tekst e`lektronny`j.

8. O suxoputny`x territoriyax Arkticheskoj zony` Rossijskoj Federacii : Ukaz Prezidenta RF ot 02.05.2014 № 296 (v red. ot 13.5.2019) // Oficial`ny`j internet-portal pravovoj informacii. Gosudarstvennaya sistema pravovoj informacii. URL:

http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&firstDoc=1&lastDoc=1&nd=102349446 (data obrashheniya: 21.12.2019). – Tekst e`lektronny`j.

9. O soglasheniyax o razdele produkcii : Federal`ny`j zakon ot 30.12.1995 № 225-FZ (v red. ot 27.6.2018) // Oficial`ny`j internet-portal pravovoj informacii. Gosudarstvennaya sistema pravovoj informacii. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102038941 (data obrashheniya: 21.12.2019). – Tekst e`lektronny`j.

10. Yakovenko D. Gazovoe siyanie: kak «Novate`k» postroil zavod na krayu zemli. Stat`ya / D. Yakovenko // Forbes. 27.12.2018. URL: https://www.forbes.ru/milliardery/370603-gazovoe-siyanie-kak-novatek-postroil-zavod-na-krayu-zemli (data obrashheniya: 9.6.2019). – Tekst e`lektronny`j.

11. Adnan Vatsnsever. Energy sanctions & Russia: what comes next? // Atlantic council, Global energy center & Dinu Patriciu Eurasia center. September 2015. 11 p. URL: http://www.atlanticcouncil.org/images/publications/Energy_Sanctions_and_Russia_0910_web.pdf (data obrashheniya: 9.6.2019). – Tekst e`lektronny`j.

12. BP Statistical review of World energy (June 2011-2013) // London: BP. June 2011-2013. 48 p. URL: https://www.bp.com/en/global/corporate/energy-economics/statistical-review-of-world-energy.html, http://large.stanford.edu/courses/2011/ph240/goldenstein1/docs/bp2011.pdf, https://www.laohamutuk.org/DVD/docs/BPWER2012report.pdf, http://large.stanford.edu/courses/2013/ph240/lim1/docs/bpreview.pdf (data obrashheniya: 9.6.2019). – Tekst e`lektronny`j.

13. Bud Coote. Impact of sanctions on Russia's energy sector // Atlantic council, global energy center, economic sanctions initiative. March 2018. 11 p. URL: https://www.atlanticcouncil.org/images/publications/Impact_of_Sanctions_on_Russia_s_Energy_Sector_web.pdf (data obrashheniya: 9.6.2019). – Tekst e`lektronny`j.

14. Daria Shapovalova, Kathrin Stephen. No race for the Arctic? Examination of interconnections between legal regimes for offshore petroleum licensing and level of industry activity // Energy Policy. June 2019 Vol. 129. Pp. 907-917. 11 p. URL: https://www.thearcticinstitute.org/no-race-for-the-arctic/, https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0301421519300473 (data obrashheniya: 9.6.2019). – Tekst e`lektronny`j.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2019. – Т. 5 (71). № 4. – С. 465-474.

УДК 340.12

ИДЕЯ ПРАВА В УЧЕНИИ БОЛОНСКОЙ ШКОЛЫ ГЛОССАТОРОВ: ПРАВОИНТЕРПРЕТАЦИОННЫЙ АСПЕКТ

Струнский А. Д.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского

В статье анализируются философско-правовые взгляды представителей болонской юридической школы глоссаторов на решение вопроса о сущности права: Ирнерия, Мартинуса, Булгара, Рогерия, Плацентия, И. Бассиана, Ацо, а также труды анонимных авторов. Приводится сравнительный анализ представлений о праве болонских юристов и Св. Августина. Делается вывод о религиозной направленности концептуальных воззрений глоссаторов, а также о главенствующей роли в них идеи божественной справедливости как основы естественного и позитивного права. Указывается на практический характер идеи справедливости в правоинтерпретационной деятельности глоссаторов, которая подразумевала учет культурного и социального контекста. В заключении автор дает оценку вкладу глоссаторов в развитие и становление европейской правовой традиции как способствовавшему укреплению философских начал в юридическом образовании и науке.

Ключевые слова: глоссаторы, Средневековье, болонская юридическая школа, интерпретация права, социокультурный контекст, сущность права, идея права, справедливость, правосудие

Введение. После падения Западной Римской империи и завоевания ее германскими племенами на обширной территории стало действовать обычное право германцев, заменившее собой более развитую правовую систему римлян. Нельзя сказать, что римское право в качестве системы права было полностью утрачено, оно продолжало применяться в среде римского населения, отдельные нормы и институты, а также юридическая терминология впоследствии были включены в германские варварские правды и церковное право. Однако, как указывает Берман Г. Дж., это было «упрощенное, популяризованное и испорченное римское право», так называемое «римское вульгарное право» [4, с. 64-65]. Кроме того, для этого «мрачного периода», длившегося с V в. и до конца XI в., характерно отсутствие теоретических работ в области права. Конечно, нельзя говорить о полном исчезновении юридических знаний в период раннего Средневековья, но их направленность либо носила чисто практический характер, либо они существовали в рамках правовой теологии [5, с. 193-209].

К концу XI в. ситуация начинает меняться, что связано с двумя основными факторами. Во-первых, происходит постепенная трансформация организации и институтов, в рамках которых было возможно познание и исследование. По мнению французского историка Гоффа Ж. Ле., этому способствовало развитие городов и становление университетов, распространение письменной культуры, десакрализация книги и обретение ей новой функции – функции доказательства. Все это сопровождалось рационализацией методов интеллектуальной работы и формированием схоластического метода [9, с. 416-420]. Во-вторых, в середине XI в. в северной Ита-

лии вновь открывают кодификацию Юстиниана (известную в Средние века как *Corpus iuris civilis*) [15, p. 79]. Маренбон Дж. по этому поводу пишет: «Части свода гражданского права (*Corpus iuris civilis*) – Институции, большинство частей Кодекса и латинские аббревиатуры Новелл – были известны в Италии на протяжении всего раннего Средневековья. Но именно Дигесты, благодаря освещению большей части лучших образцов римской юриспруденции, могли преобразовать средневековое мышление о праве и превратить право в академическую дисциплину» [10, p. 256].

Сдвиг в изучении римского права в Западной Европе связан с именем Ирнерия, основателя болонской юридической школы глоссаторов. Свое название школа получила из-за практики пояснения текста посредством глосс – кратких пометок между строк или на полях текста. Будучи учителем свободных искусств, Ирнерий успешно приспособил схоластический метод к изучению и преподаванию римского права [15, p. 79- 80]. По мнению Штейна П., именно Ирнерий отделил науку от юридической практики [23, p. 46] и тем самым, как мы считаем, заложил основы европейской правовой науки.

При этом доминирующим в отечественной литературе остается мнение, высказанное Коркуновым Н. М. еще в начале XX в.: «Они (глоссаторы – *А. С.*) не дают не исторического выяснения того готового материала, который они находили в *Corpus juris civilis*, ни философской его критики. Понять и усвоить материал – дальше этого они не идут» [8, с. 94-95]. Схожего мнения придерживаля и известный советский правовед Иоффе О. С., который хотя и указывал на разногласия в рядах глоссаторов относительно толкования законов «*ex aequitate*» (по справедливости), но все же делает основной акцент на деятельности глоссаторов по изучению и систематизации источников римского права [7]. Алексеев С. С. также указывал в основном на вклад глоссаторов в разработку догмы, но не философии права [3, с. 7].

Вопрос о понимании глоссаторами сущности права в отечественной науке во многом остается не раскрытым, хотя и является важным для формирования целостных представлений о развитии философии и догматики права в западной правовой традиции, в том числе и в правоинтерпретационном аспекте.

Концепция права в трудах глоссаторов. В процессе толкования и анализа текста *Corpus iuris civilis*, и в особенности Дигест, глоссаторы сталкивались не только с нормами права, но и с теоретико-философскими взглядами римских юристов на право. Анализ этих идей нашел свое отражение и в трудах глоссаторов. В произведении «*Fragmentum Pragense*», написанном в середине XVII в. и содержащем фрагменты из произведений средневековых юристов, а затем отредактированном Фитингом Г. в 1876 г., можно найти примечательный отрывок, который в общих чертах иллюстрирует взгляды глоссаторов на сущность права. Автор этого отрывка пишет о том, что *aequitas* (справедливость), является «сущностью гармонии, которая требует равного права в равных делах»[1], а затем утверждает, что «справедливость есть ничто иное как Бог». *Iustitia* (правосудие, справедливость), по его мне-

1 Это определение справедливости встречается еще у Цицерона и часто используется в трудах глоссаторов. Cicero, Topics, 23: «Valeat aequitas, quae in paribus causis paria iura desiderat» [Пусть возобладает справедливость, которая требует равного права в равных делах]. См.: Padoa-Schioppa A. A History of Law in Europe: From the Early Middle Ages to the Twentieth Century. Cambridge, 2017. P. 193, fn. 2.

нию, является свойством человека, волей и умением определять *aequitas* и действовать в соответствии с ней. Когда *iustitia* закрепляется в нормах – писаных или обычае – оно становится *ius* (правом)[2] [17, p. 216]. В настоящем отрывке можно выделить четыре основных понятия, вокруг которых строится вся концепция правопонимания болонских юристов: *Deus* (Бог), *aequitas, iustitia и ius*.

По нашему мнению, значительное влияние на формирование взглядов болонских юристов оказали идеи христианской правовой теологии. Отметим явное сходство между взглядами глоссаторов и идеями Св. Августина, чьи взгляды на право и справедливость стали определяющими для западной христианской идеологии. Вот что пишет по этому поводу Падовани А.: «Начиная с XII в., возможно, вслед за самим Ирнерием, труд Св. Августина также становится частью рефлексии болонских юристов на тему правосудия и справедливости» [22, p. 63]. Реконструируем основные взгляды Св. Августина на право и справедливость, которые помогут более ясно понять взгляды глоссаторов на сущность права (обобщим и опустим особенности различных этапов творчества Св. Августина). Рассуждая о праве и порядке, Св. Августин оперирует понятиями *lex aeterna* (вечный [божественный] закон), *lex naturalis* (естественный закон) и *lex temporalis* (временный [человеческий] закон). *Lex aeterna* в концепции Св. Августина не отождествляется с Богом и представляет собой «преднамеренный акт» воли Бога как проявление Его мудрости [3, p. 59-63]. Вечный закон отпечатан в разумной человеческой душе в виде *lex naturalis*: «Итак, на основании того неизреченного и возвышенного управления вещами, которое совершается Божественным Промыслом, в разумной душе как бы записан естественный закон (*naturalis lex*), чтобы и в образе жизни, и в земных нравах люди соблюдали подобие приведенного выше распределения» [2, с. 93]. *Lex temporalis* является лишь «отражением» вечного божественного закона. Божественный закон, который сам по себе не может подвергаться сомнению и оценке человеком, выступает у Св. Августина образцом для человеческого закона: «Однако законодатель, при составлении временных законов, если он человек добрый и мудрый, соображается с тем вечным законом, о котором судить не дано ни единой душе, дабы сообразно с его неизменными правилами определить то, что должно быть разрешено или запрещено» [1, с. 477].

Теология права Св. Августина фундирована идеей справедливости, придающей его взглядам на право определенную систематичность. Истинная, то есть божественная, справедливость, как часть божественного права, доступна человеку по природе, так как ее фундаментальные принципы заложены в разумной человеческой душе вместе с базовыми нормами и заветами естественного права [1, с. 68; 13, p. 69]. Различение истинной справедливости и людской является важной особенностью концепции Августина. Истинная справедливость, будучи «отпечатана» в человеческой душе вместе с зачатками разума, является основанием для человеческой справедливости [14, p. 97]. В то же время земной порядок никогда

2 Фитинг Г. придерживался мнения, что этот отрывок относится к более ранним временам, еще до возникновения школы в Болонье, однако Канторович Г., который исследовал также манускрипты из Британской библиотеки, делает вывод о том, что этот отрывок являются частью предисловия к произведению Мартинуса «De iure tractaturus». См.: Kantorowicz H. Studies in the Glossators of the Roman Law. Newly Discovered Writings of the Twelfth Century. Darmstadt, 1969. p. 50-53.

не способен возвыситься над пределами людской справедливости, которая регулирует отношения власти и подчинения, частной собственности, которые не свойственны естественному порядку [18, p. 26].

Параллели между приведенным выше отрывком из произведения «*Fragmentum Pragense*» и взглядами Св. Августина очевидны. Конечно, в названном фрагменте не проводится различий между божественной справедливостью и вечным законом, скорее всего для глоссаторов, по сути, это было одним и тем же. При этом в учении глоссаторов усматривается достаточно четкое, хотя и не у всех авторов, различение термина *aequitas* и *iustitia*. Если первое относится к Богу, то второе является свойством человека и соответствует человеческой справедливости в терминах Св. Августина. Уже у Ирнерия, основоположника болонской школы, мы находим примечательную глоссу к размышлениям Ульпиана по поводу права и справедливости [См. : 6, с. 82-83]: «Правосудием (*iustitiam*) называется здесь доброе и справедливое (*aequum*). Но справедливость (*aequitas*) отличается от правосудия (*iustitia*). В действительности справедливость может быть постигнута из сути самих вещей и когда она проистекает из воли, приобретая форму, становится правосудием» [22, p. 64, fn. 80]. В произведение неизвестного автора «Summa Trecensis» говорится, что *iustitia* идентична *aequitas* «*si ex voluntate redacta sit*», то есть «исходящей из воли» [20, p. 320-321]. Подобного мнения также придерживается Плацентий, который в произведении «*Summa Institutionum*» также указывает на то, что правосудие свойственно разуму справедливого человека [12, p. 10]. Стоит отметить, что подобные утверждения базируются как на христианской идеологии, так и на тексте Дигест: «Правосудие есть неизменная и постоянная воля предоставлять каждому его право», – пишет Ульпиан [6, с. 86-87].

Неизвестный автор «*Quaestiones de iuris subtilitatibus*» признает *aequitas* объективным порядком, независимым от человека и существовавшим ранее чем *iustitia* и *ius*. При этом он отмечает тенденцию *aequitas* постепенно воплощаться в праве [20, p. 321]. Справедливость, воплощенную в писанном праве, глоссаторы называли «*aequitas constituta*», а справедливость, еще не закрепленную в праве и олицетворяющую должное право, называли «*aequitas rudis*»[3].

Идея о том, что *ius* происходит от *iustitia* также заимствована из Дигест и неоднократно встречается у глоссаторов, например, у Плацентия и Ацо [12, p. 13-14]. Однако глоссаторы не приравнивали все право к *iustitita*. Примечателен отрывок из произведения Ирнерия «*Quaestiones de Juris subtilitatibus*», в котором автор сравнивал два отрывка из Дигест. В одном Павел утверждал: «Слово «право» употребляется в нескольких смыслах: во-первых, «право» означает то, что всегда является справедливым и добрым, – каково естественное право. В другом смысле «право» – это то, что полезно всем или многим в каждом государстве, – каково цивильное право» [6, с. 86-87]. В другом отрывке Ульпиан цитирует знаменитое определение права данное Цельсом: «...право есть искусство доброго и справедливого» [6, с. 82-83].

3 Такое деление мы встречаем у Мартинуса, см.: Padoa-Schioppa A. A History of Law in Europe: From the Early Middle Ages to the Twentieth Century. Cambridge, 2017. P. 194; Также у Ирнерия, Булгара и в анонимном произведение «Summa Trecensis», см.: Kantorowicz H. Studies in the Glossators of the Roman Law. Newly Discovered Writings of the Twelfth Century. Darmstadt, 1969. P. 41-42, 234. Аналогично у Рогерия и Ацо, см.: Lange H. Ius Aequum und Ius Strictum bei den Glossatoren // Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte. Romanistische Abteilung. 1954. Vol. 71. Iss. 1. P. 331.

Ирнерий, сравнивая эти два отрывка, рассуждает следующим образом. В соответствии с определением Ульпиана *ius* выражает власть того, кто его устанавливает, но также и принципы *aequitas*, но термин *ius* также используют для описания власти, которая не подкреплена положениями *aequitas*, как, например, несправедливое решение претора; такое решение зовется *ius*, потому что претор должен был принять справедливое решение; различие естественного и гражданского права непосредственно связано с этим двойным смыслом термина *ius* [12, p. 22]. В подобном же русле рассуждает Плацентий и Ацо [12, p. 24-25].

Кроме того, Ирнерий указывает на изменчивый характер гражданского права, которое зависит от конкретного места и времени, в то время как естественное право всегда постоянно [12, p. 22]. Подобное мнение мы также встречаем в одном из отрывком «*Fragmentum Pragense*», который гласит, что *iustitia* также отличается от *ius*, первое является постоянным и неизменным, а второе изменчиво: это связано с различными обстоятельствами, к которым оно должно быть адаптировано [17, p. 215].

Таким образом, большинство глоссаторов видели основу права в *aequitas*, являющейся неизменным божественным порядком, который должен быть воплощен в праве. При этом глоссаторы признавали изменчивость права, связанную не только с постоянным его совершенствованием в соответствие с *aequitas*, но и с переменами в жизни общества.

В то же время не совсем ясно само содержание *aequitas*. Как верно отмечает Г. Ланг, глоссаторы использовали *aequitas* в разном смысле в зависимости от контекста, впрочем, как и их «учителя» римляне. В продолжение античной традиции справедливость ими понимается как равенство, а в духе христианской идеологии она понимается в значении человечности (*humanitas*) и доброты (*benignitas*), когда речь идет о смягчении строгости закона. Часто наблюдается противопоставление *aequitas* и *ius*, а чаще всего *ius strictum* (позитивное право, подлежащее буквальному, строгому толкованию). Иногда *aequitas* применяют во взаимосвязи с добросовестностью (bona fides) [20, p. 323-324].

Толкование права ex aequitate. Понимание значения *aequitas*, как и его противоположности – *ius strictum*, невозможно без обращения к практике толкования глоссаторами кодификации Юстиниана. Признание *aequitas* в качестве божественного начала права непременно ставило перед глоссаторами вопрос о возможности ее непосредственного применения в процессе правотолкования. И ответ на этот вопрос был не столь очевиден, так как приверженность глоссаторов христианской идеологии сочеталась с их преданностью тексту *Corpus iuris civilis*, который не давал однозначный ответ на поставленный вопрос. В Кодексе Юстиниана мы встречаем два противоречивых фрагмента. Один гласит, что право разрешения противоречий между справедливостью и правом принадлежит исключительно императору (Cod. 1.14.1: «*Inter aequitatem iusque interpositam interpretationem nobis solis et oportet et licet inspicere*»). Другой, помещенный в титул по вопросу судопроизводства (*De judiciis*), указывает на приоритет справедливости перед строгостью закона (Cod. 3.1.8): «*Placuit in omnibus rebus praecipuam esse iustitiae aequitatisque quam stricti iuris rationem*» [21, p. 194, fn. 8-9]. Это противоречие вызвало разногласие между учениками Ирнерия Булгаром и Мартинусом.

Булгар и его ученик Рогерий полагали, что судья должен отдавать приоритет лишь писаной справедливости – *aequitas constituta*, она имеет приоритет перед строгостью закона (как, например, в комментарии Марцелла относительно помощи лицу, утратившему вещь во время своего отсутствия) [6, с. 408-409]. Это должно было предотвратить произвольную интерпретацию судьей писаных норм. Считается, что Мартинус и его сторонники, напротив, допускали непосредственное применение *aequitas rudis* в противоречие строгости писаного закона. Однако не стоит полагать, что они были столь радикальны, как на это указывали их оппоненты. Падоа-Скиоппа А. пишет, что в тех случаях, когда Мартинус и его сторонники предписывали судье придерживаться справедливости вместо сурового предписания закона, они всегда ссылались, даже косвенно, на текст *Corpus iuris civilis* [21, p. 195-196]. Аналогичного мнения придерживается и Ланг Г., полагающий, что позицию Мартинуса яснее всего выразил Плацентий, когда допустил применение более справедливых норм по аналогии к ситуациям, которые регулировались непосредственно более суровыми предписаниями [20, p. 330].

В то же время в этот исторический период встречаются и более радикальные взгляды по обозначенному вопросу. Примером может служить произведение «*Exceptiones legum Romanorum Petri*», автор которого допускал свободное использование *aequitas* и широкую свободу судьи при принятии решений. В прологе автор писал о возможности «топтать все, что бесполезно, отменено и противоречит справедливости» [21, p. 195, fn. 13]. Однако этот текст не принадлежит болонской школе и, предположительно, является одним из доказательств рецепции римского права в XII в. за пределами Апеннинского полуострова, в Южной Франции или Каталонии [11, p. 113-114].

При этом среди глоссаторов, по всей видимости, преобладали более консервативные взгляды Булгара. Более поздние глоссаторы, например, Ацо и Аккурсий отклоняют позицию Мартинуса, хотя и продолжают его цитировать [21, p. 196]. Однако не стоит считать, что среди глоссаторов в итоге возобладали легистские тенденции. Достаточно распространено мнение, что не глоссаторы, а пост-глоссаторы или комментаторы стали широко использовать идею справедливости при толковании права. В частности, это выражалось в подходе, при котором «дух» закона, то есть его основание, преобладало перед его «буквой» [16, p. 40-41]. Но некоторые ученые, например Падоа-Скиоппа А. и Интема Х. Э. считают, что тенденция более широкого применения идеи справедливости при толковании права прослеживается уже в трудах глоссаторов, хотя они пошли путем отличным от взглядов Мартинуса.

Интема Х. Э. пишет о трех основных приемах, используемых глоссаторами при толковании права, в которых можно проследить практическую адаптацию идеи справедливости: гармонизация, обобщение и исключение. Признавая существование в тексте закона как справедливых норм, так и норм более строгих, которые регулировали схожие правоотношения, глоссаторы признавали *ius strictum* общей нормой, а *ius aequum* (справедливое право) специальной, которая в конкретном случае имеет приоритет. Кроме того, глоссаторы часто обобщали применение *ius aequum* на случаи, не урегулированные законом, тем самым отдавая приоритет более справедливым нормам. В то же время представляет интерес тот факт, что в некоторых случаях глоссаторы самостоятельно ограничивали применение справедливости, когда того требовал публичный интерес (*publica utilitas*) [24, p. 77-80].

Кроме того, Падоа-Скиоппа А. утверждает, что уже у глоссаторов имеет место аргументация со ссылкой на основание (*ratio*, *mens* или *causa*) закона, которое, в случае расхождения его с текстом (*verba*), имело приоритет и позволяло глоссаторам толковать закон «расширительно» или «ограничительно». То есть, по сути, в противоречие букве закона, но в соответствие с представлениями о справедливости. В качестве примера он приводит толкование Бассианом И., учеником Булгара и учителем Ацо, положения Кодекса Юстиниана, которое касается возможности применения хозяином раба одновременно *actio furti* и *actio servi corrupt*i в отношении лица, которое пыталось подстрекать его раба к краже у своего господина (Cod. Iust. 6. 2. 20). Бассиан И. считает, что эту норму можно применять и к случаю, когда пытались подговорить не раба, а сына, так как «*ratio aequitatis* имеет приоритет над *ratio iuris stricti*» [21, p. 196-197].

Выводы. На основании вышеизложенного можно сделать несколько существенных выводов:

1. Мнение о том, что глоссаторам был чужд философский подход к праву, является в настоящее время несостоятельным, на что, в частности, указывают более новые исследования их трудов, в особенности предисловий к ним.

2. Взгляды глоссаторов на право и его сущность основывались, в первую очередь, на христианской идеологии, которая занимала абсолютное доминирующее положение в эпоху высокого Средневековья. Несмотря на конфронтацию в отношениях между церковью и светской властью в названный период, можно с уверенностью утверждать, что представления и канонистов, и светских юристов о мире и праве строились исключительно в рамках христианской идеологии. Во-вторых, представления глоссаторов испытали значительное влияние со стороны римских юристов и философов, чьи идеи были подведены под идеи христианской правовой теологии (которая, во многом, сама была рефлексией античной философской мысли).

3. Идея права в трудах глоссаторов – это идея божественной справедливости, вечного и неизменного закона. Способность человека определять справедливость и действовать в соответствии с ней является правосудием. Позитивное право должно быть справедливым, но не всегда является таковым.

4. Глоссаторы испытывали затруднения с определением содержания идеи справедливости, однако в общих чертах прослеживается преемственность их взглядов с трудами христианских теологов, которые под справедливостью понимали равенство и милосердие.

5. Идея права имела большое значение в правоинтерпретационной деятельности глоссаторов. Основываясь на идее дихотомии справедливого и несправедливого в позитивном праве, а также на логическом методе, глоссаторы успешно преобразовывали право в соответствие с идеей справедливости. Как в свое время римские юристы сохраняли формальную (ритуальную) преданность тексту Законов XII таблиц и продолжали адаптировать закон к изменяющимся жизненным обстоятельствам, так и глоссаторы, действуя в рамках предписаний кодификации Юстиниана, приспосабливали его положения к потребностям средневекового христианского общества.

Важной заслугой глоссаторов, по нашему мнению, является адаптация идей теологов права к юридическому образованию и науке. Можно сказать, что они пер-

вые заложили философскую составляющую юридического образования и правоведения как науки в европейской правовой традиции.

Список литературы

1. Августин Блаженный. Об истинной религии. Теологический трактат. – Мн., 1999. – 1600 с.

2. Августин Блаженный. Трактаты о различных вопросах: богословие, экзегетика, этика. – М., 2005. – 352 с.

3. Алексеев С. С. Восхождение к праву. Поиски и решения / С. С. Алексеев. – М., 2001. – 752 с.

4. Берман Г. Дж. Западная традиция права: эпоха формирования / Г. Дж. Берман. – М., 1998. – 624 с.

5. Виноградов П. Г. Очерки по теории права. Римское право в средневековой Европе / П. Г. Виноградов. – М., 2014. – 279 с.

6. Дигесты Юстиниана / Пер. с лат.; Отв. ред. Л. Л. Кофанов. Т. 1. – М., 2002. – 584 с.

7. Иоффе О. С. Гражданское правоотношение. Критика теории «хозяйственного права» / О. С. Иоффе. URL: http://civil.consultant.ru/elib/books/3/info/ (дата обращения: 22.10.2019). – Текст электронный.

8. Коркунов Н. М. История философии права / Н. М. Коркунов. – СПб., 1915. – 502 с.

9. Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада / Ж. Ле Гофф. – Екатеринбург, 2005. – 560 с.

10. Banchich T. M., Marenbon J., Reid Jr. Ch. J. The Revival of Roman Law and Canon Law / T. M. Banchich, J. Marenbon, Jr. Ch. J. Reid // Miller Jr. F. D., Biondi C.-A. (Eds.). A Treatise of Legal Philosophy and General Jurisprudence. Vol. 6: A History of the Philosophy of Law from the Ancient Greeks to the Scholastics. – Dordrecht, 2007. – P. 251-266.

11. Blumenthal U.-R. A New Manuscript of the Exceptiones Legum Romanorum Petri / U.-R. Blumenthal // Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte: Kanonistische Abteilung. – 2010. – Vol. 96. – Iss. 1. – P. 111–126.

12. Carlyle R. W., Carlyle A. J. A History of Mediaeval Political Theory in The West. Vol. 2: The Political Theory of The Roman Lawyers and Canonists from the Tenth Century to The Thirteenth Century / R. W. Carlyle, A. J. Carlyle . – New-York, 1909. – 274 p.

13. Chroust A.-H. The Fundamental Ideas in St. Augustine's Philosophy of Law / A.-H. Chroust // American Journal of Jurisprudence. – 1973. – Vol. 18. – Iss. 1. – P. 57-79.

14. Deane H. The Political and Social Ideas of St. Augustine / H. Deane. – New-York, 1963. – 356 p.

15. Errera A. The Role of Logic in the Legal Science of the Glossato rs and Commentators. Distinction, Dialectical Syllogism, and Apodictic Syllogism: An Investigation into the Epistemological Roots of Legal Science in the Late Middle Ages / A. Errera // Padovani F., Stein P. G. (Eds.). A Treatise of Legal Philosophy and General Jurisprudence. Vol. 7: The Jurists' Philosophy of Law from Rome to the Seventeenth Century. – Dordrecht, 2007. – P. 79-156.

16. Falcon y Tella M. J. Equity and Law / y Tella M. J. Falcon . – Leiden, Boston, 2008. – 334 p.

17. Fragmentum Pragense // Fitting G. Juristische Schriften des früheren Mittelalters. – Halle, 1876. – P. 206-216.

18. Haas G. H. The Concept of Equity in Calvin's Ethics / G. H. Haas. – Carlisle, 1997. – 205 p.

19. Kantorowicz H. Studies in the Glossators of the Roman Law. Newly Discovered Writings of the Twelfth Century / H. Kantorowicz. – Darmstadt, 1969. – 355 p.

20. Lange H. lus Aequum und Ius Strictum bei den Glossatoren / H. Lange // Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte. Romanistische Abteilung. – 1954. – Vol. 71. – Iss. 1. – P. 319-347.

21. Padoa-Schioppa A. A History of Law in Europe: From the Early Middle Ages to the Twentieth Century / A. Padoa-Schioppa. – Cambridge, 2017. – 820 p.

22. Padovani. A. The Metaphysical Thought of Late Medieval Jurisprudence / A. Padovani // Padovani F., Stein P. G. (Eds.). A Treatise of Legal Philosophy and General Jurisprudence. Vol. 7: The Jurists' Philosophy of Law from Rome to the Seventeenth Century. – Dordrecht, 2007. – P. 31-78.

23. Stein P. Roman Law in European History / P. Stein. – Cambridge, 1999. – 137 p.

24. Yntema H. E. Equity in the Civil Law and the Common Law / H. E. Yntema // The American Journal of Comparative Law. – 1966. – Vol. 15. – №. 1-2. – p. 60-86.

Strunskiy A. D. Idea of law in the doctrine of the Bologna school of glossators: aspect of legal interpretation / A. D. Strunskiy // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical sciences. – 2019. – T. 5 (71). № 4. – P. 465-474.

The article analyzes the philosophical and legal views of representatives of the Bologna law school of glossators on resolving the issue of the law essence: Irnerius, Martinus, Bulgarus, Rogerius, Placentinus, J. Bassianus, Azo, as well as the works of anonymous authors. A comparative analysis of ideas about the law of Bologna lawyers and St. Augustine is given. The conclusion is drawn about the religious orientation of the conceptual views of glossators, as well as the dominant role in them of the idea of divine equity as the basis of natural and positive law. The practical character of the idea of equity in the interpretative activity of glossators, which implies taking into account the cultural and social context, is pointed out. In conclusion, the author gives an estimate of the contribution glossators in the development and establishment of the European legal tradition as contribute to strengthening the philosophical principles in legal education and science.

Keywords: glossators, Middle Ages, Bologna law school, interpretation of law, sociocultural context, essence of law, idea of law, equity, justice.

Spisok literatury`

1. Avgustin Blazhenny`j. Ob istinnoj religii. Teologicheskij traktat. – Mn., 1999. – 1600 s.

2. Avgustin Blazhenny`j. Traktaty` o razlichny`x voprosax: bogoslovie, e`kzegetika, e`tika. – M., 2005. – 352 s.

3. Alekseev S. S. Vosxozhdenie k pravu. Poiski i resheniya / S. S. Alekseev. – M., 2001. – 752 s.

4. Berman G. Dzh. Zapadnaya tradiciya prava: e`poxa formirovaniya / G. Dzh. Berman. – M., 1998. – 624 s.

5. Vinogradov P. G. Ocherki po teorii prava. Rimskoe pravo v srednevekovoj Evrope / P. G. Vinogradov. – M., 2014. – 279 s.

6. Digesty` Yustiniana / Per. s lat.; Otv. red. L. L. Kofanov. T. 1. – M., 2002. – 584 s.

7. Ioffe O. S. Grazhdanskoe pravootnoshenie. Kritika teorii «xozyajstvennogo prava» / O. S. Ioffe. URL: http://civil.consultant.ru/elib/books/3/info/ (data obrashheniya: 22.10.2019). – Tekst e`lektronny`j.

8. Korkunov N. M. Istoriya filosofii prava / N. M. Korkunov. – SPb., 1915. – 502 s.

9. Le Goff Zh. Civilizaciya srednevekovogo Zapada / Zh. Le Goff. – Ekaterinburg, 2005. – 560 s.

10. Banchich T. M., Marenbon J., Reid Jr. Ch. J. The Revival of Roman Law and Canon Law / T. M. Banchich, J. Marenbon, Jr. Ch. J. Reid // Miller Jr. F. D., Biondi C.-A. (Eds.). A Treatise of Legal Philosophy and General Jurisprudence. Vol. 6: A History of the Philosophy of Law from the Ancient Greeks to the Scholastics. – Dordrecht, 2007. – P. 251-266.

11. Blumenthal U.-R. A New Manuscript of the Exceptiones Legum Romanorum Petri / U.-R. Blumenthal // Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte: Kanonistische Abteilung. – 2010. – Vol. 96. – Iss. 1. – P. 111–126.

12. Carlyle R. W., Carlyle A. J. A History of Mediaeval Political Theory in The West. Vol. 2: The Political Theory of The Roman Lawyers and Canonists from the Tenth Century to The Thirteenth Century / R. W. Carlyle, A. J. Carlyle . – New-York, 1909. – 274 p.

13. Chroust A.-H. The Fundamental Ideas in St. Augustine's Philosophy of Law / A.-H. Chroust // American Journal of Jurisprudence. – 1973. – Vol. 18. – Iss. 1. – P. 57-79.

14. Deane H. The Political and Social Ideas of St. Augustine / H. Deane. – New-York, 1963. – 356 p.

15. Errera A. The Role of Logic in the Legal Science of the Glossato rs and Commentators. Distinction, Dialectical Syllogism, and Apodictic Syllogism: An Investigation into the Epistemological Roots of Legal Science in the Late Middle Ages / A. Errera // Padovani F., Stein P. G. (Eds.). A Treatise of Legal Philosophy and General Jurisprudence. Vol. 7: The Jurists' Philosophy of Law from Rome to the Seventeenth Century. – Dordrecht, 2007. – P. 79-156.

16. Falcon y Tella M. J. Equity and Law / y Tella M. J. Falcon . – Leiden, Boston, 2008. – 334 p.

17. Fragmentum Pragense // Fitting G. Juristische Schriften des früheren Mittelalters. – Halle, 1876. – P. 206-216.

18. Haas G. H. The Concept of Equity in Calvin's Ethics / G. H. Haas. – Carlisle, 1997. – 205 p.

19. Kantorowicz H. Studies in the Glossators of the Roman Law. Newly Discovered Writings of the Twelfth Century / H. Kantorowicz. – Darmstadt, 1969. – 355 p.

20. Lange H. lus Aequum und Ius Strictum bei den Glossatoren / N. Lange // Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte. Romanistische Abteilung. – 1954. – Vol. 71. – Iss. 1. – P. 319-347.

21. Padoa-Schioppa A. A History of Law in Europe: From the Early Middle Ages to the Twentieth Century / A. Padoa-Schioppa. – Cambridge, 2017. – 820 p.

22. Padovani. A. The Metaphysical Thought of Late Medieval Jurisprudence / A. Padovani // Padovani F., Stein P. G. (Eds.). A Treatise of Legal Philosophy and General Jurisprudence. Vol. 7: The Jurists' Philosophy of Law from Rome to the Seventeenth Century. – Dordrecht, 2007. – P. 31-78.

23. Stein P. Roman Law in European History / R. Stein. – Cambridge, 1999. – 137 p.

24. Yntema H. E. Equity in the Civil Law and the Common Law / N. E. Yntema // The American Journal of Comparative Law. – 1966. – Vol. 15. – №. 1-2. – p. 60-86.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2019. – Т. 5 (71). № 4. – С. 475-482.

СРОЧНО В НОМЕР

УДК 347.1

ОСОБЕННОСТИ ВЗЫМАНИЯ КАНАЛЬНОГО СБОРА В СВЯЗИ С ПРОХОЖДЕНИЕМ СУДОВ КЕРЧЬ-ЕНИКАЛЬСКИМ КАНАЛОМ

Грейдин О. И., Потопальский С. С.

Крымский филиал Российского государственного университета правосудия

Статья посвящена анализу особенностей правового регулирования начисления и взимания канального портового сбора с судов, проходящих Керчь-Еникальским каналом. Определена правовая природа канального сбора как парафискального платежа, в основе которого лежит договор возмездного оказания услуг. Выявлены основания начисления и взимания канального сбора. Проведен анализ действующих нормативных правовых актов, регулирующих соответствующие правоотношения, с обоснованием необходимости устранения в них некоторых противоречий.

Ключевые слова: морские порты, портовые сборы, система портовых сборов, виды портовых сборов, канальный сбор.

Научные исследования в области установления и взимания портовых сборов в морских портах Российской Федерации немногочисленны и по большей части посвящаются решению экономических проблем в данной сфере, таких как развитие системы портовых сборов, повышение конкурентоспособности российских портов, вопросов ценообразования на транспорте (см., например, труды Ахполова И. К., Бабкина Е. В., Бодровцевой Н. Ю., Буяновой Л. Н., Ветренко Л. Д., Грязева Р. Н., Ефшюва А. Н., Забелина В. Г., Коровченко А. Е., Королевой Е. А., Краева В. И., Кузьминой О. А., Носова Б. А., Пантиной Т. А., Персианова В. А., Попова В. В., Соколова А. И. и др.)

В юридическом аспекте большинство исследователей рассматривает портовые сборы как категорию финансового права, фискального или парафискального платежа (см., например, труды Брызгалина А. В. , Винницкого Д. В., Владимирского-Буданова М. Ф., Гаджиева Г. А. , Горлова И. Я., Демина А. В., Еременко В. И., Иловайского С. И., Козырина А. Н., Кулишера И. М. , Кучерова И. И., Лебедева В. А., Марьяхина Г. Л. , Озерова И. Х., Орлова М. Ю., Петровой Г. В., Пепеляева С. Г. , Рау К. Г., Ровинского Е. А., Тарасова И. Т. , Химичевой Н. И., Янжула И. И.).

Проблемы портовых сборов как гражданско-правовой категории в той или иной степени рассматриваются такими российскими юристами как Андреев В. К., Абова Т. Е., Бодровцева Н. Ю., Брагинский М. И., Грейдин О. И., Иоффе О. С., Красавчиков О. А., Малеин Н. С., Садиков О. Н., Слесарев В. Л., Суханов Е. А., Романец Ю. В., Толстой В. С.

Описав в самых общих чертах систему портовых сборов в морских портах, расположенных на побережье Крымского полуострова, а точнее, выполнив обзор соответствующих источников правового регулирования, применявшихся на стыке пере-

хода из украинской в российскую юрисдикцию [1], нами не были раскрыты отдельные проблемы, связанные с исполнением обязанностей по взиманию конкретных портовых сборов. В этой связи особое внимание привлекают к себе особенности взимания канального сбора при прохождении судов Керчь-Еникальским каналом.

Канальный сбор, равно как и иные портовые сборы, является специфичным по своей правовой природе. С одной стороны, в основании возникновения обязанности по уплате портового сбора лежит оказываемая портом судовладельцу или грузовладельцу услуга, заключающаяся в предоставлении для пользования гидротехнических сооружений, территории, других технических средств, в предоставлении судам возможности свободного входа в порт, выхода из него и безопасного пребывания в нем и др. Такое содержание взаимных прав и обязанностей характеризует возникающее правоотношение как обязательство по возмездному оказанию услуг, в основе которого лежит договорная конструкция.

С другой стороны, возникающая обязанность по уплате портового сбора обеспечивается императивными нормами, принятыми уполномоченными государственными органами, определяющими тарифы, порядок уплаты и иные обязательные условия. Данные нормы носят публично-правовой характер, что позволяет традиционно относить портовые сборы к парафискалитетам – «правовой неналоговой форме возложения обязанностей на физических лиц и организаций по участию в формировании финансовых ресурсов отдельных субъектов публичного или частного права в целях покрытия расходов, связанных с оказанием ими услуг в пользу плательщиков» [2, с. 86-92].

Выявляя правовую природу портовых сборов, Конституционный Суд Российской Федерации в своем определении от 17.01.2013 № 37-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы компании «Финнлайнс Дойчланд ГмбХ» на нарушение конституционных прав и свобод ст. 19 Федерального закона «О морских портах в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [3] указал, что в силу ст. 19 Закона о морских портах оказание в морских портах услуг по использованию отдельных объектов инфраструктуры морского порта, а также по обеспечению безопасности мореплавания в морском порту и на подходах к нему осуществляется на платной основе (портовые сборы). При этом в отношении канального сбора Конституционный Суд Российской Федерации указывает, что он предназначен для содержания искусственных каналов, ведущих в порт (взимается только в тех портах, которые имеют искусственные подходные каналы).

Обязанность по уплате канального сбора при проходе судна Керчь-Еникальским каналом является встречной по отношению к оказываемой портом услуге, которая среди прочих является частью предмета договора возмездного оказания услуг, заключаемого между портом (ГУП РК «Крымские морские порты»), с одной стороны, и судовым агентом, под агентированием которого находится соответствующее судно, с другой. В соответствии с п. 1 ст. 779 ГК РФ по договору возмездного оказания услуг исполнитель обязуется по заданию заказчика оказать услуги (совершить определенные действия или осуществить определенную деятельность), а заказчик обязуется оплатить эти услуги. При этом, отношения, вытекающие из Договора, как возникшие в связи с оказанием услуг в морских портах в Российской Федерации регулируются также Федеральным законом от 08.11.2007 №

261-ФЗ «О морских портах в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – Закон о морских портах) [4], Кодексом торгового мореплавания Российской Федерации, другими федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, а сам Договор является договором на оказание услуг в морском порту в понимании части 7 ст. 17 Закона о морских портах.

В соответствии с частью 1 ст. 17 Закона о морских портах в морском порту осуществляется оказание услуг по обслуживанию судов, осуществлению операций с грузами, в том числе по перевалке грузов, обслуживанию пассажиров, обеспечению безопасности мореплавания в морском порту и на подходах к нему, обеспечению готовности к проведению аварийно-спасательных работ, обеспечению транспортной безопасности акватории морского порта и иных услуг.

Согласно п. 1 ст. 781 ГК РФ заказчик обязан оплатить указанные услуги в сроки и в порядке, которые указаны в договоре возмездного оказания услуг.

Ст. 19 Закона о морских портах также закреплен принцип платности оказания в морских портах услуг по использованию отдельных объектов инфраструктуры морского порта, а также по обеспечению безопасности мореплавания в морском порту и на подходах к нему (портовые сборы). При этом Закон о морских портах содержит перечень портовых сборов, которые могут устанавливаться в морском порту и подлежат уплате администрации морского порта, хозяйствующему субъекту, осуществившим оказание соответствующих услуг в морском порту, к которым отнесен, в том числе канальный (ч. 2 ст. 19). В силу ч. 4 ст. 19 Закона о морских портах перечень портовых сборов, взимаемых непосредственно в каждом морском порту, устанавливается федеральным органом исполнительной власти в области транспорта.

Постановлением Правительства Российской Федерации от 23.04.2008 № 293 «О государственном регулировании цен (тарифов, сборов) на услуги субъектов естественных монополий в транспортных терминалах, портах, аэропортах и услуги по использованию инфраструктуры внутренних водных путей» утвержден Перечень услуг субъектов естественных монополий в морских портах, цены (тарифы, сборы) на которые регулируются государством, в который включены, в том числе, услуги по обеспечению прохода судов по подходным каналам (пункт 2) [5].

Так, п. 2 приказа Минтранса России от 31.10.2012 № 387 «Об утверждении перечня портовых сборов, взимаемых в морских портах Российской Федерации» [6] установлено, что ГУП РК «Крымские морские порты» в морских портах Керчь, Феодосия, Евпатория, Ялта взимаются канальный, навигационный, маячный сборы. В Перечень портовых сборов, взимаемых в морских портах Российской Федерации данным приказом включены по Керчи корабельный, канальный, лоцманский, маячный, навигационный, экологический, транспортной безопасности акватории морского порта сборы (п. 26.1). В силу ст. 424 ГК РФ исполнение договора оплачивается по цене, установленной соглашением сторон. В предусмотренных законом случаях применяются цены (тарифы, расценки, ставки и т.п.), устанавливаемые или регулируемые уполномоченными на то государственными органами и (или) органами местного самоуправления.

Нормы, регламентирующие порядок определения ставок канального сбора при прохождении судов Керчь-Еникальским каналом, содержатся в ч. 2 ст. 18, ч. 5 ст. 19 Закона о морских портах, пункте 5 постановления Правительства Российской

Федерации от 26.12.2014 № 1546 «Об особенностях применения законодательства Российской Федерации о государственном регулировании цен (тарифов, сборов, платы) в сфере железнодорожных перевозок, услуг в морских портах и аэропортах на территориях Республики Крым и г. Севастополя» [7], приказом ГУП РК «Крымские морские порты» от 31.12.2014 № 316 «О введении в действие ставок портовых сборов и правил применения портовых сборов, взимаемых ГУП РК «Крымские морские порты» в морских портах Керчь, Феодосия, Евпатория, Ялта», приказе ФАС России от 10.03.2016 № 222/16 «Об утверждении ставок портовых сборов за услуги, оказываемые ГУП РК «Крымские морские порты» в морском порту Керчь» [8], вступившим в силу с 17.04.2016, Правилах применения ставок портовых сборов в морских портах Российской Федерации утвержденных приказом ФАС России от 10.03.2016 № 223/16 [9] (далее – Правила). Так, п. 1.1 Правил установлено, что ставки портовых сборов применяются для расчетов за услуги, оказываемые субъектами естественных монополий, по использованию отдельных объектов инфраструктуры морского порта, обеспечению безопасности мореплавания в морских портах Российской Федерации и на подходах к ним.

Портовые сборы уплачивают российские и иностранные судовладельцы или уполномоченные ими лица за заход судна в порт, выход судна из порта, а также проход судном акватории порта транзитом (п. 1.2). В силу пункта 1.3 Правил, портовые сборы в морских портах Российской Федерации устанавливаются для российских судов, осуществляющих плавание под государственным флагом Российской Федерации (далее – российские суда), и судов, осуществляющих плавание под флагами иностранных государств (далее – иностранные суда).

Вопросы канального сбора регулируются разделом II Правил, согласно которому канальный сбор взимается за прохождение судна по каналу при заходе в порт и выходе из порта, проходе акватории порта транзитом (пункт 2.1).

Из вышеуказанных норм следует, что начисление канального сбора осуществляется в двух случаях: 1) в связи с фактом прохождения судна по каналу (при заходе в порт и выходе из него); 2) при прохождении акватории порта транзитом.

Специфика начисления и взимания канального сбора за прохождение судов Керчь-Еникальским каналом зависит от ряда юридических и фактических обстоятельств. П.п. 54-56 приказа Министерства транспорта Российской Федерации от 21.10.2015 г. № 313 «Об утверждении обязательных постановлений в морском порту Керчь» [10] (утратили силу с 20.04.2018 года на основании Приказа Минтранса России от 16.03.2018 г. № 99) была закреплена возможность воспользоваться районом забровочного плавания при допустимой осадке судна, что создавало нормативную неопределенность при применении канального сбора при прохождении транзитом акватории морского порта Керчь. Данный способ плаванья применялся для мелкотоннажных судов, – за границей (другими словами – за бровкой) основного Керчь-Еникальского канала, при этом для судов, которые следуют за каналом, под обслуживанием СУДС «Керчь» использовался район забровочного плавания (допустимая осадка 3,50 м), а для судов под обслуживанием СУДС «Кавказ» – фарватеры №50, 52 (допустимая осадка 3,60 м).

Так, согласно п. 55 Обязательных постановлений судно, следующее по району забровочного плавания, может временно использовать Еникальское колено КЕК в случае расхождения с судами в районе забровочного плавания, но входить в КЕК

может только после разрешения СУДС «Керчь» и следовать рекомендациям СУДС «Керчь», соблюдая соответствующую сторону движения на КЕК.

Суда, следующие по КЕК, имеют преимущество по отношению к судам, следующим забровочным плаванием. Согласно п. 60 там же судно, следующее по району забровочного плавания, при необходимости захода в КЕК, при подходе к бую № 36 при следовании в сторону Азовского моря или к бую № 38 при следовании в сторону Черного моря для захода в КЕК, должно рассчитывать скорость движения таким образом, чтобы войти в КЕК, не создавая помех судам, следующим по КЕК в обоих направлениях и под наиболее острым углом. Приказом ФАС России от 10.03.2016 № 222/16 установлены ставки канального сбора для судов, проходящих Керчь-Еникальский канал транзитом, ставки канального сбора для судов, заходящих или временно (частично) использующих канал, не установлены.

Обязательными постановлениями прямо делается различие между прохождением канала, в связи с которым возникает обязанность по оплате канального сбора, и заходом и/или временным использованием канала судами, следующими забровочным плаванием. В частности, при временном использовании (заходе) судна, следующим забровочным плаванием, в Керчь-Еникальский канал на него налагаются ограничения по сравнению с судами, следующими каналом транзитом или заходящим в порт Керчь, которые имеют преимущество в движении.

Таким образом, при движении судов забровочным плаванием, временное использование такими судам Керчь-Еникальского канала не свидетельствует об оказании ГУП РК «Крымские морские порты» услуг судовым агентам и судовладельцам, которые являются основанием для начисления канального сбора.

Однако нормативная неопределенность заключается в том, что ГУП РК «Крымские морские порты» проводило в полном объеме начисление канального сбора за суда, проходившие забровочным плаваньем Керчь-Еникальский канал, что повлекло за собой множество судебных процессов (см. дела №№ А83-9285/2017, А83-11302/2018, А83-18094/2018, А83-1451/2019, А83-7232/2017, А83-11300/2018, А83-7449/2019, А83-7448/2019, А83-17568/2018, А83-15905/2018 и др.)

Так, отменяя решения нижестоящих судов и отправляя дело на новое рассмотрение постановлением Арбитражного суда Центрального округа от 23.01.2019 в деле № А83-9285/2017, судом был сделан вывод, что следовать со стороны Черного моря от буя № 1 к бую № 26 и от буя № 42 к Варзовскому бую в сторону Азовского моря судно может только по КЕК, аналогично, при следовании со стороны Азовского моря от Варзовского буя к бую №42 и от буя №26 к бую № 1 в сторону Черного моря можно только по КЕК, то есть в случае прохода судов в районе забровочного плавания, суда при прохождении подходным путем морского порта Керчь используют КЕК более чем на 2/3 протяженности канала.

Данный вывод суда, впервые установленный именно в суде кассационной инстанции, не был обоснован достаточными доказательствами, содержащими специальные знания в области географии либо судовождения, однако повлек за собой важные юридические последствия в части формирования соответствующей судебной практики, поскольку десятки дел, находящихся в производстве Арбитражного суда Республики Крым, были приостановлены до момента его вынесения.

Разрешение указанной категории споров также усложнилась строительством Крымского моста. Приказом Минтранса России от 29.12.2015 № 386 «Об установ-

лении запретных для плавания районов в зоне строительства транспортного перехода через Керченский пролив» [11] в целях обеспечения безопасности строительства транспортного перехода через Керченский пролив были установлены запретные для плавания районы в зоне строительства транспортного перехода через Керченский пролив, за исключением кораблей и судов Военно-Морского Флота, федеральных органов безопасности а также судов, участвующих в технологическом процессе строительства объекта «Транспортный переход через керченский полив», в том числе в акватории Керченского пролива от Таманского полуострова вдоль косы Тузла и острова Тузла (включая их площади) до правой бровки Керчь-Еникальского канала и в акватории Керченского пролива от Керченского полуострова (полуостров Крым) до левой бровки Керчь-Еникальского канала с указанием точек с координатами.

При выборе способа забровочного плавания, и следования от пары буёв №№1-2 до границы запретного района около пары буев №№ 21-22, а также от границы запретного района около пары буёв №№23-24 до буя Варзовский, судно вынужденно следует Керчь-Еникальским каналом на протяжении 500,5 метров, что при протяженности канала 35050,0 метров составляет 1,4% общей протяженности Керчь-Еникальского канала.

Признав на основании Приказа Минтранса России от 16.03.2018 г. № 99 утратившими силу пункты 54-56 приказа Министерства транспорта Российской Федерации от 21.10.2015 г. №313 «Об утверждении обязательных постановлений в морском порту Керчь», исключив забровочное плаванье как способ прохождения судов Керчь-Еникальским каналом, уполномоченный орган исполнительной власти, с одной стороны, ликвидировал описанную выше нормативную неопределенность, с другой стороны, создал условия для взимания платы за услугу, которая фактически не оказывается исполнителем. Район забровочного плавания использовался в советский период, во время действия юрисдикции Украины, о чем свидетельствуют морские навигационные карты того периода.

Список литературы

1. Грейдин О. И. Формирование системы портовых сборов в морских портах, расположенных на побережье полуострова Крым (обзор источников правового регулирования) / О. И. Грейдин // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. – 2019. – Т. 5 (71). № 3. – С. 394-402.

2. Кучеров И. И. Теория налогов и сборов (Правовые аспекты) : монография / И. И. Кучеров. – М. : ЮрИнфоР. 2009. – 473 с.

3. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы компании «ФИННЛАЙНС ДОЙЧЛАНД ГМБХ» на нарушение конституционных прав и свобод статьей 19 Федерального Закона «О морских портах в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации [Электронный ресурс] : Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 17.01.2013г. № 37-О. URL: http://legalacts.ru/doc/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-17012013-n-37-o-ob/ (дата обращения 01.10.2019). – Текст электронный.

4. О морских портах в Российской Федерации : Федеральный закон Российской Федерации от 08.11.2007г. № 261-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 12.11.2007. – № 46. – Ст. 5557.

5. О государственном регулировании и контроле цен (тарифов, сборов) на услуги субъектов естественных монополий в транспортных терминалах, портах, аэропортах и услуги по использованию инфраструктуры внутренних водных путей : Постановление Правительства Российской Федерации от 23 апреля 2008 года N 293 // Собрание законодательства РФ. – 28.04.2008. – № 17. – Ст. 1887.

6. Об утверждении Перечня портовых сборов, взимаемых в морских портах Российской Федерации : приказ Министерства транспорта Российской Федерации от 31 октября 2012 года N 387 // Рос-

сийская газета. – 21.12.2012 г. – № 295.

7. Об особенностях применения законодательства Российской Федерации о государственном регулировании цен (тарифов, сборов, платы) в сфере железнодорожных перевозок, услуг в морских портах и аэропортах на территориях Республики Крым и г. Севастополя : постановление Правительства Российской Федерации от 26.12.2014 № 1546 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 12.01.2015 г. – N 2. – Ст. 476.

8. Об утверждении ставок портовых сборов за услуги, оказываемые государственным унитарным предприятием Республики Крым «Крымские морские порты» в морском порту Керчь: Приказ Федеральной антимонопольной службы от 10 марта 2016 года N 222/16. URL: https://crimeaports.ru/assets/images/13-08-2018/ej1oy7-prikaz-fas-222-ustanovlenie-stavok-portovyh-sborov-v-portu-kerch.pdf (дата обращения 01.10.2019). – Текст электронный.

9. Об утверждении правил применения ставок портовых сборов в морских портах Российской Федерации: приказ Федеральной антимонопольной службы от 10 марта 2016 года N 223/16. URL: http://rulaws.ru/acts/Prikaz-FAS-Rossii-ot-10.03.2016-N-223_16/ (дата обращения 01.10.2019). – Текст электронный.

10. Об утверждении обязательных постановлений в морском порту Керчь : приказ Министерства транспорта Российской Федерации от 21.10.2015 г. № 313. URL: https://base.garant.ru/71234378/ (дата обращения 01.10.2019). – Текст электронный.

11. Об установлении запретных для плавания районов в зоне строительства транспортного перехода через Керченский пролив : приказ Минтранса России от 29.12.2015 № 386. // Собрание законодательства Российской Федерации. –12.01.2015 г. – N 2. – ст. 476.

Greydin O.I., Potopalsky S.S. Features of charging the canal fee in connection with the passage of vessels Kerch-Yenikalsky canal / O. I. Greydin, S. S. Potopalsky // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2019. – T. 4 (72). № 4. – P. 475-482.

The article is focused on the analysis the features of legal regulation of accrual and collection the harbor fees from vessels passing the Kerch-Yenikalsky canal. The legal nature of the fairway dues as a parafiscal payment which based on the contract of paid service is identified. The basis of the accrual and collection the harbor fee is determined. Existing legal acts which regulated such legal relationship explaining the need for reconciling the differences in them was analyzed.

Keywords: seaports, port charges, the system of port charges, kinds of port charges, canal port charge.

Spisok literatury`

1. Grejdin O. I. Formirovanie sistemy` portovy`x sborov v morskix portax, raspolozhenny`x na poberezh`e poluostrova Kry`m (obzor istochnikov pravovogo regulirovaniya) / O. I. Grejdin // Ucheny`e zapiski Kry`mskogo federal`nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Yuridicheskie nauki.

2. Kucherov I. I. Teoriya nalogov i sborov (Pravovy`e aspekty`) : monografiya / I. I. Kucherov. – M. : YurInfoR. 2009. – 473 s.

3. Ob otkaze v prinyatii k rassmotreniyu zhaloby` kompanii «FINNLAJNS DOJChLAND GMBX» na narushenie konstitucionny`x prav i svobod stat`ej 19 Federal`nogo Zakona «O morskix portax v Rossijskoj Federacii i o vnesenii izmenenij v otdel`ny`e zakonodatel`ny`e akty` Rossijskoj Federacii [E`lektronny`j resurs] : Opredelenie Konstitucionnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 17.01.2013g. № 37-O. URL: http://legalacts.ru/doc/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-17012013-n-37-o-ob/ (data obrashheniya 01.10.2019). – Tekst e`lektronny`j.

4. O morskix portax v Rossijskoj Federacii : Federal`ny`j zakon Rossijskoj Federacii ot 08.11.2007g. № 261-FZ // Sobranie zakonodatel`stva RF. – 12.11.2007. – № 46. – St. 5557.

5. O gosudarstvennom regulirovanii i kontrole cen (tarifov, sborov) na uslugi sub``ektov estestvenny`x monopolij v transportny`x terminalax, portax, ae`roportax i uslugi po ispol`zovaniyu infrastruktury` vnutrennix vodny`x putej : Postanovlenie Pravitel`stva Rossijskoj Federacii ot 23 aprelya 2008 goda N 293 // Sobranie zakonodatel`stva RF. – 28.04.2008. – № 17. – St. 1887.

6. Ob utverzhdenii Perechnya portovy`x sborov, vzimaemy`x v morskix portax Rossijskoj Federacii : prikaz Ministerstva transporta Rossijskoj Federacii ot 31 oktyabrya 2012 goda N 387 // Rossijskaya gazeta. – 21.12.2012 g. – № 295.

7. Ob osobennostyax primeneniya zakonodatel`stva Rossijskoj Federacii o gosudarstvennom regulirovanii cen (tarifov, sborov, platy`) v sfere zheleznodorozhny`x perevozok, uslug v morskix portax i ae`roportax

na territoriyax Respubliki Kry`m i g. Sevastopolya : postanovlenie Pravitel`stva Rossijskoj Federacii ot 26.12.2014 № 1546 // Sobranie zakonodatel`stva Rossijskoj Federacii. – 12.01.2015 g. – N 2. – St. 476.

8. Ob utverzhdenii stavok portovy`x sborov za uslugi, okazy`vaemy`e gosudarstvenny`m unitarny`m predpriyatiem Respubliki Kry`m «Kry`mskie morskie porty`» v morskom portu Kerch`: Prikaz Federal`noj antimonopol`noj sluzhby` ot 10 marta 2016 goda N 222/16. URL: https://crimeaports.ru/assets/images/13-08-2018/ej1oy7-prikaz-fas-222-ustanovlenie-stavok-portovyh-sborov-v-portu-kerch.pdf (data obrashheniya 01.10.2019). – Tekst e`lektronny`j.

9. Ob utverzhdenii pravil primeneniya stavok portovy`x sborov v morskix portax Rossijskoj Federacii: prikaz Federal`noj antimonopol`noj sluzhby` ot 10 marta 2016 goda N 223/16. URL: http://rulaws.ru/acts/Prikaz-FAS-Rossii-ot-10.03.2016-N-223_16/ (data obrashheniya 01.10.2019). – Tekst e`lektronny`j.

10. Ob utverzhdenii obyazatel`ny`x postanovlenij v morskom portu Kerch` : prikaz Ministerstva transporta Rossijskoj Federacii ot 21.10.2015 g. № 313. URL: https://base.garant.ru/71234378/ (data obrashheniya 01.10.2019). – Tekst e`lektronny`j.

11. Ob ustanovlenii zapretny`x dlya plavaniya rajonov v zone stroitel`stva transportnogo perexoda cherez Kerchenskij proliv : prikaz Mintransa Rossii ot 29.12.2015 № 386. // Sobranie zakonodatel`stva Rossijskoj Federacii. –12.01.2015 g. – N 2. – st. 476.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2019. – Т. 5 (71). № 4. – С. 483-490

УДК 342.951

ДОСТАТОЧНОСТЬ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ КАК КРИТЕРИЙ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПРЕДЕЛОВ ДОКАЗЫВАНИЯ В ДЕЛАХ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ

Руденко А. В.[1], Полынцов К. А.[2]

[1]Крымский филиал Российского государственного университета правосудия
[2]Военная прокуратура – войсковая часть 32012

На основе проведенного анализа Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, иного процессуального законодательства, судебной практики и теоретических взглядов юристов – правоведов, авторами статьи сделан вывод об отсутствия законодательного закрепления одного из элементов оценки доказательств – достаточности, а также нормативной «размытости» его содержательной стороны. Кроме того, в статье рассматривается взаимосвязь понятий «достаточность доказательств» и «пределы доказывания», их содержание и роль в процессе доказывания в делах об административных правонарушениях.

По результатам анализируемой работы действующего законодательства, для единого понимания и толкования в правоприменительной деятельности, авторы предлагают собственный вариант закрепления данного элемента в структуре Особенной части Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях.

Ключевые слова: полнота и всесторонность исследования, достаточность, достаточные доказательства, доказывание в делах об административных правонарушениях, пределы доказывания.

В соответствии с законодательством задачей производства по делам об административных правонарушениях, помимо прочего, является всестороннее, полное, объективное и своевременное выяснение обстоятельств каждого дела (ст. 24.1 КоАП РФ). Содержание указанной задачи раскрывается через такие понятия как «всесторонность» и «полнота» выяснения обстоятельств дела. Они же наполняют содержание ст. 26.11 КоАП РФ «Оценка доказательств», согласно которой субъект административной юрисдикции, осуществляющий производство по делу об административном правонарушении, оценивает доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на всестороннем, полном и объективном исследовании всех обстоятельств дела в их совокупности.

По нашему мнению, сущность данных понятий недостаточно четко прослеживается в содержании приведенных норм, что в свою очередь не позволяет сформировать в сознании правоприменителя единообразное восприятие их правового значения. Отсутствие единства понимания с субъективной стороны, создает предпосылки к неправильному толкованию юридического значения данных терминов каждого в отдельности и искаженному толкованию содержания всей нормы в целом. В связи с чем, представляется необходимым рассмотреть указанные законоположения с точки зрения элементов, которые связывают достаточность доказательств с пределами доказывания как частное и общее.

С позиции лексического толкования, слово «полнота» означает наличие чего-либо в достаточной степени, высшую степень проявления чего-либо, насыщенность чем-либо, (например, обнаружить исчерпывающую полноту в подборе фактов), а лексическое значение слова «всесторонний» раскрывается как охватывающий все стороны, направленный со всех сторон [1]. С точки зрения обыденного восприятия человека полнота и всесторонность являются качественным и количественным критерием какого-либо явления нематериального мира, отражающегося в сознании этого человека, которое представляет для него определенную ценность, что безусловно указывает на аксиологическую сторону данного процесса. Проецируя указанные критерии в правовую плоскость, представляется, что полнота и всесторонность являются качественным и количественным критерием процессуальной деятельности уполномоченного на то субъекта. Иными словами, указанные понятия определяют границу (предел) процессуальной деятельности субъекта в качественном и количественном выражении, при этом конкретных значений у таких границ (пределов) не имеется. Это прежде всего связано с индивидуальностью каждого отдельно взятого юридического дела.

Из теории процессуального права следует, что доказывание как комплексный процесс является, помимо прочего, процессуальной деятельностью соответствующего субъекта доказывания [2, с. 1-2]. При этом доказывание является средством решения задач, указанных в ст. 24.1 КоАП РФ [3, с. 228]. Таким образом, несмотря на то, что КоАП РФ не раскрывает как само понятие «доказывание», так и понятие его «пределов», данные понятия взаимообусловлены. Такая взаимообусловленность вытекает из логики от обратного, которая связана прежде всего с тем, что невозможно бесконечно осуществлять процесс доказывания как в качественном (оценочном), так и в количественном (временном) значении, иначе производство по делам об административных нарушениях перестает быть процессуально своевременным, а также решать задачи, установленные ст. 24.1 КоАП РФ.

Следует указать, что наиболее распространенной позицией ученых-процессуалистов на «доказывание» является представление его в качестве мыслительно-логического и практического процесса, направленного на установление фактических данных, имеющих значение для дела (т.е. направленный на установление предмета доказывания), который осуществляется субъектом доказывания путем собирания, проверки и оценки доказательств [4, с. 311; 5, с. 758-759; 6, с. 476].

Вместе с тем, вопрос о содержании понятия «пределы доказывания» как правовой величины в научном сообществе носит дискуссионный характер и представляет собой суждения о том, что пределы доказывания это: «степень доказанности обстоятельств, подлежащих установлению, достаточную для построения выводов разных степеней вероятности или обоснования достоверности»; «граница познавательной деятельности органа административной юрисдикции, которые определяются моментом, когда количественный результат доказательственной деятельности переходит в качественный и цель доказывания оказывается достигнутой»; «уровень исследования сведений, устанавливающих обстоятельства, подлежащие доказыванию»; «фактический объем обстоятельств, подлежащий доказыванию» [7, с. 7; 8, с. 139]. Исходя из указанных суждений можно определить, что содержание предела доказывания представляет собой оценочную величину деятельности субъекта административной юрисдикции, направленную на исследование всех обстоятельств по делу в их сово-

купности, цель которой установить обстоятельства, предусмотренные ст. 26.1 КоАП РФ, а в конечном итоге – выполнить задачи, предусмотренные ст. 24.1 КоАП РФ.

Таким образом, предел доказывания является неотъемлемым оценочным элементом процесса доказывания, который определяет конечность последнего.

Качественное и количественное выражение «предела» в процессуальной деятельности субъекта административной юрисдикции, в том числе в деятельности направленной на доказывание обстоятельств, предусмотренных ст. 26.1 КоАП РФ, определяется полнотой и всесторонностью выяснения фактических данных, необходимых для правильного разрешения дела. При этом стоит не согласиться с мнением некоторых ученых-процессуалистов, которые указывают лишь на количественное выражение понятия «предела доказывания». Так, Ульянова Л. Т. указывает, что: «…понятие пределов доказывания характеризует границы привлечения такого объема доказательств, которого достаточно для всестороннего, полного и объективного установления обстоятельств совершенного преступления», «…понятие пределов доказывания отражает количественную характеристику совокупности доказательств по конкретному делу и позволяет определить их достаточность…» [9, с. 248]. Однако, при такой формулировке понятия «пределы доказывания» следует, что количество предрешает качество, то есть содержательная сторона доказательств, собранных по делу, является второстепенной и только некая их совокупность образует такой элемент доказывания как достаточность, который и определяет качественность доказывания. По нашему мнению, понятие «предел доказывания» по своему смыслу является более широким по отношению к понятию «достаточность доказательств», данные понятия соотносятся как общее и частное. Такая позиция основана на том, что «достаточность доказательств» является элементом оценки доказательств, который осуществляется субъектом доказывания, в том числе на завершающем этапе оценочной деятельности всех собранных по делу доказательств в совокупности [10, с. 649, 11, с. 322], в свою очередь оценка доказательств осуществляется на протяжении всего процесса доказывания, а также является конечным его этапом (элементом) [3, с. 228; 11, с. 321], то есть определяет его пределы. Это означает, что достаточность собранных по делу доказательств предопределяет пределы доказывания, но не наоборот. При этом предел доказывания является как количественным, так и качественным выражением доказывания.

Для обоснования вышеуказанного, рассмотрим понятие «достаточность доказательств» как процессуально-правовое явление. Проведенным системным анализом норм КоАП РФ установлено, что рассматриваемый Кодекс не содержит дефиниции «достаточность доказательств», однако значение «достаточности» входит в содержание ст. 28.1 КоАП РФ, согласно которой на стадии возбуждения дела об административном правонарушении поводом к возбуждению дела является непосредственное обнаружение должностными лицами, уполномоченными составлять протоколы об административных правонарушениях, достаточных данных, указывающих на наличие события административного правонарушения, а также в содержание ст. 29.1 КоАП РФ, согласно которой судья, орган, должностное лицо при подготовке к рассмотрению дела об административном правонарушении выясняют, в том числе, достаточно ли имеющихся по делу материалов для его рассмотрения по существу.

Из указанного следует, что достаточность является выражением определенной меры, необходимой для выполнения тех или иных условий, то есть применимо к ст.

28.1 КоАП РФ – эта мера выражается в некотором объеме данных, позволяющим реализовать условия возбуждения дела, а относительно ст. 29.1 КоАП РФ – эта мера выражается в совокупности материалов (в том числе доказательств события правонарушения), на основании которых можно осуществлять рассмотрение дела по существу. При этом мера – это категория научного и философского дискурса, обобщающая процедуры и фиксирующая результаты измерения качественно-количественной определенности предметов, процессов и их взаимоотношений, тех средств измерения, которые выступают в функции эталонов [12]. Другими словами, мера – это философская категория, выражающая диалектическое единство качественных и количественных характеристик объекта.

Изучением уголовного, гражданского, арбитражного и административного процессуального законодательства можно также установить, что достаточность как элемент оценки доказательств выражается совокупностью всех собранных по делу доказательств (ст. 88 УПК РФ, ст. 67 ГПК РФ, ст. 71 АПК РФ, 84 КАС РФ). Указанные нормы процессуального законодательства не только отождествляют достаточность с критерием оценки доказательств, но и определяют его содержание, выраженную в совокупном оценивании всех доказательств в их взаимосвязи. Исходя из положения ст. 26.11 КоАП РФ усматривается, что достаточность доказательств в административно-деликтном праве выражается во всестороннем, полном и объективном исследовании всех обстоятельств дела в их совокупности.

Таким образом, достаточность доказательств – это элемент оценки собранных по делу об административном правонарушении доказательств, который выражает качество совокупности имеющихся доказательств, необходимых для разрешения дела или для установления обстоятельства по делу.

Следует указать, что понятие «совокупность» оценивать с позиции только количества представляется не верным. То есть совокупность не является пониманием того, что доказательств должно быть непременно несколько. Под совокупностью следует понимать все собранные по делу и признанные относимыми, допустимыми, достоверными доказательства, независимо от их количества. Иначе говоря, даже одно имеющееся в деле относимое, допустимое и достоверное доказательство должно быть оценено с позиции его достаточности для правильного разрешения дела. Трудно представить, что рассмотрение дела об административном правонарушении по существу может основываться только на одном единственном доказательстве. Как правило доказательств в любом процессе несколько, поэтому признак «количества» по закону диалектики [13, с. 79] также влияет на признак «качества» оцениваемых доказательств, и, следовательно, определяет их достаточность. В связи с чем достаточность доказательств – это не просто количественный, но и качественный показатель. При этом качественный аспект преобладает над количественным. Данный тезис подтверждается обоснованием и выводами ряда судебных решений, в которых уделяется внимание качественному аспекту совокупности доказательств [14-17].

Кроме того, «вторичность» количественного аспекта объясняется тем, что излишнее собирание доказательств в целях установления предмета доказывания и разрешения дела по существу побуждает субъект административной юрисдикции тратить большее количество времени на доказывание, тем самым создаются предпосылки к нарушению процессуальных сроков, необоснованному расходованию сил и средств, а также усложнению всего производства по делу. При этом важно пони-

мать, что отсутствие должного количества доказательств по делу не может сформировать качество достаточности, вследствие чего нарушаются правила оценки доказательств (ст. 26.11 КоАП РФ), а принятые по делу об административном правонарушении решения рискуют быть признаны незаконными [18, с. 57].

Справедливости ради необходимо отметить, что понятие «достаточность доказательств» имеет различное содержание на разных этапах производства по делам об административных правонарушениях. Например, на момент окончания рассмотрения дела об административном правонарушении по существу достаточность доказательств означает полное исследование и доказанность всех обстоятельств, входящих в предмет доказывания, а при возбуждении дела об административном правонарушении, то есть в момент, когда процесс собирания и проверки доказательств полностью не завершен, достаточные доказательства должны устанавливать событие преступления, квалификацию содеянного, виновность совершения деяния конкретным лицом и отсутствие обстоятельств исключающих производство по делу. Таким образом, достаточность отражает баланс между количеством всех собранных по делу доказательств и качеством их совокупности, необходимых для достижения целей каждого этапа производства по делу об административном правонарушении.

Как было указано выше, количественный и качественный критерии относительно ст. 26.11 КоАП РФ законодателем выражены через понятия «всесторонность» и «полнота». Следовательно, содержание достаточности доказательств обеспечивается всесторонностью и полнотой исследования всех обстоятельств дела в их совокупности. Вместе с тем, в рамках указанной нормы и в контексте понятия «достаточность», не раскрытыми остаются выражения: «…оценивают доказательства по своему внутреннему убеждению» и «…и объективном исследовании».

Оценка доказательств по внутреннему убеждению – это субъективная сторона оценочной деятельности суда, коллегиального органа, должностного лица, которые помимо свободной логико-мыслительной оценочной деятельности должны руководствоваться правосознанием, то есть собственным восприятием своих действий, решений и знаний, основанных на законе. Кроме того, внутреннее убеждение в сознании субъекта доказывания должно быть обоснованным, то есть базироваться на всестороннем, полном и объективном исследовании всех обстоятельств дела. Исходя из чего, можно сделать вывод о том, что внутреннее убеждение как субъективная категория носит также объективный характер. В этом и заключается связь внутреннего убеждения и объективности. Такая связь необходима для исключения в процессе доказывания предвзятости, формализма и беззакония. Объективный характер исследования ограничивает субъективную, свободную в оценке доказательств логико-мыслительную деятельность лица административной юрисдикции, наделенного законом соответствующими полномочиями, от произвола и вседозволенности.

Таким образом, достаточность доказательств является качественным и количественным критерием свободной, основанной на внутреннем убеждении, оценки совокупности всех собранных по делу доказательств, который носит объективный характер. Другими словами, в основе достаточности доказательств лежит внутреннее убеждение, которое является порогом (границей), указывающим на завершенность доказывания всех обстоятельств, образующих предмет доказывания. Одновременно, внутреннее убеждение является критерием, определяющим предел доказывания.

Как указывалось, ранее, предел доказывания тесно связан с процессом доказывания и является одним из важных критериев, по которому следует определять завершенность процесса познания фактических данных, доказывание которых должно стать достаточным для правильного разрешения дела об административном правонарушении. Предел доказывания является выражением определенных требований, устанавливающих границы процесса доказывания, основанных на законных процедурах. При этом, граница, определяющая завершение процесса доказывания, становится явной благодаря некоторым критериям, которые гарантируют качество результатов доказывания.

К таким критериям следует отнести:

- полное, всестороннее и объективное исследование всех доказательств по всем обстоятельствам, составляющим предмет доказывания;

- оценку проверенных доказательств по внутреннему убеждению, при котором сложится объективное представление о их достаточности.

Резюмируя изложенный материал, следует сделать вывод о том, что понятия «достаточность доказательств» и «пределы доказывания» выражают разные процессуальные явления, но при этом тесно связаны между собой. Достаточность доказательств представляет собой качественную и количественную совокупность доказательств, которая необходима для разрешения дела об административном правонарушении по существу. Предел доказывания указывает порог, границу процесса всего доказывания, измеряемого внутренним убеждением субъекта административной юрисдикции, которое основывается на достаточных доказательствах. Следовательно, достаточность доказательств – это критерий определения пределов доказывания.

В связи с указанным, в целях обеспечения единого понимания и применения положения ст. 26.11 КоАП РФ «Оценка доказательств», предлагаем, изменить и дополнить указанную норму следующим текстом:

«1. Судья, члены коллегиального органа, должностное лицо, осуществляющие производство по делу об административном правонарушении, оценивают доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на всестороннем, полном и объективном исследовании всех обстоятельств дела.

2. Каждое отдельное доказательство оценивается на предмет относимости, допустимости и достоверности. Вся совокупность доказательств, собранных по делу об административном правонарушении, оценивается на предмет достаточности, необходимой и обязательной для установления пределов доказывания, в целях реализации положений статьи 24.1 настоящего Кодекса.

3. Никакие доказательства не могут иметь заранее установленную силу.».

Список литературы

1. Кузнецов С. А. Большой толковый словарь русского языка / С. А. Кузнецов. – СПб. : Норинт, 1998. URL: http://gramota.ru/slovari/dic/?word=%D0%BF%D0%BE%D0%BB%D0%BD%D0%BE%D1%82% D0%B0&all=x (дата обращения 15.05.2019). – Текст электронный.

2. Казина Т. В. Процесс доказывания по делам об административных правонарушениях: Комментарий законодательства / Т. В. Казина // СПС «КонсультантПлюс».

3. Дудаев А. Б., Филонов Н. В. Значение доказывания в производстве по делам об административных правонарушениях и его субъекты: Научная статья / А. Б. Дудаев, Н. В. Филонов // Ленинградский юридический журнал. – 2017. – № 4 – С. 227-233

4. Панова И. В. Административно-процессуальное право России / И. В. Панова. – 2-е изд., пересмотр. и доп. – М. : НОРМА, 2007. – 336 с.

5. Россинский Б. В., Старилов Ю. Н. Административное право: Учебник для вузов / Б. В. Россинский, Ю. Н. Старилов. – 4-е изд., пересмотр. и доп. – М. : Норма: ИНФРА-М, 2010. – 928 с.

6. Россинский Б. В., Старилов Ю. Н. Административное право: Учебник для вузов/ Б. В. Россинский, Ю. Н. Старилов. – М. : Юр.Норма, НИЦ ИНФРА-М, 2015. – 566 с.

7. Захаренкова И. В. Предмет и пределы доказывания по делам об административных правонарушениях: Научная статья / И. В. Захаренкова / Правовестник. – 2017. – Выпуск № 1 (2). – С. 6-9.

8. Александров Р. А., Кондрат И. Н., Ретунская Т. П. Предмет и пределы доказывания: статья / Р. А. Александров, И. Н. Кондрат, Т. П. Ретунская // Мир политики и социологии. – 2012. – Выпуск № 9. – С. 135-140.

9. Курс уголовного процесса: Учебник / под ред. Л. В. Головко – М.: «Статут», 2016. – 756 с.

10. Попов М. С. Административное право: Учебник / Под ред. Л.Л. Попова, М.С. Студеникиной - 2-е изд., перераб и доп. - М.: Юр. Норма, НИЦ ИНФРА-М, 2016. – 704 с.

11. Панова И. В. Административно-процессуальное право России / И. В. Панова. – 2-е изд., пересмотр. и доп. – М. : НОРМА, 2007. – 336 с.

12. Огурцов А. П. – Мера. / Гуманитарная энциклопедия: Концепты // Гуманитарные технологии: аналитический портал. URL: https://gtmarket.ru/concepts/6944 (дата обращения 15.05.2019). – Текст электронный.

13. Лутфрахманова Д. У., Семенова Э. Р. О законах диалектики: Научная статья / Д. У. Лутфрахманова, Э. Р. Семенова // Вестник научных конференций – Тамбов: ООО «Консалтинговая компания Юком», 2015. – Выпуск № 3-1. – С. 79-80

14. Постановление Алтайского краевого суда № 4А-1029/2018 от 26 октября 2018 г. по делу № 4А-1029/2018 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: https://sudact.ru/regular/doc/DLrIH7XzYToG/ (дата обращения 15.05.2019). – Текст электронный.

15. Решение Верховного суда Республики Бурятия № 21-214/2018 от 30 октября 2018 г. по делу № 21-214/2018 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: https://sudact.ru/regular/doc/6MxLB5tY9cgN/ (дата обращения 15.05.2019). – Текст электронный.

16. Решение Куйбышевского районного суда № 12-364/2018 от 25 сентября 2018 г. по делу № 12-364/2018 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: https://sudact.ru/regular/doc/f8RGxFyxgo6w/?regular-txt (дата обращения 15.05.2019). – Текст электронный.

17. Решение Омского областного суда № 77-455/2018 от 30 октября 2018 г. по делу № 77-455/2018 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: https://sudact.ru/regular/doc/vNRctX3crOlc/ (дата обращения 15.05.2019). – Текст электронный.

18. Зотов Д. В. Пределы для пределов доказывания: Научная статья / Д. В. Зотов / Законность – 2014. – Выпуск № 9. – С. 57 – 60.

Sufficiency of evidence as a critetion for determining the limits of proof in cases of administrative offences / A. V. Rudenko, K. A. Polyntsov // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2019. – T. 4 (72). № 4. – P. 227-235.

On the basis of the analysis of the Code of administrative offences of the Russian Federation, other procedural legislation, judicial practice and theoretical views of lawyers – the authors pay attention to the problem of lack of legislative consolidation of one of the elements of the assessment of evidence – sufficiency, as well as regulatory «blurring» of its content.

In addition, the article discusses the relationship between the concepts of «sufficiency of evidence» and «limits of proof», their content and role in the process of proof in cases of administrative offenses.

According to the results of the analyzed work of the current legislation, for a common understanding and interpretation in law enforcement, the authors propose their own version of fixing this element in the structure of the Special part of the Code of administrative offences of the Russian Federation.

Keywords: completeness and comprehensiveness of research, sufficiency, sufficient evidence, proof in cases of administrative offenses, limits of proof.

Spisok literatury`

1. Kuzneczov S. A. Bol`shoj tolkovy`j slovar` russkogo yazy`ka / S. A. Kuzneczov. – SPb. : Norint, 1998. URL: http://gramota.ru/slovari/dic/?word=%D0%BF%D0%BE%D0%BB%D0%BD%D0%BE%D1%82%D0%B0&all=x (data obrashheniya 15.05.2019). – Tekst e`lektronny`j.

2. Kazina T. V. Process dokazy`vaniya po delam ob administrativny`x pravonarusheniyax: Kommentarij zakonodatel`stva / T. V. Kazina // SPS «Konsul`tantPlyus».

3. Dudaev A. B., Filonov N. V. Znachenie dokazy`vaniya v proizvodstve po delam ob administrativny`x pravonarusheniyax i ego sub``ekty`: Nauchnaya stat`ya / A. B. Dudaev, N. V. Filonov // Leningradskij yuridicheskij zhurnal. – 2017. – № 4 – S. 227-233

4. Panova I. V. Administrativno-processual`noe pravo Rossii / I. V. Panova. – 2-e izd., peresmotr. i dop. – M. : NORMA, 2007. – 336 s.

5. Rossinskij B. V., Starilov Yu. N. Administrativnoe pravo: Uchebnik dlya vuzov / B. V. Rossinskij, Yu. N. Starilov. – 4-e izd., peresmotr. i dop. – M. : Norma: INFRA-M, 2010. – 928 s.

6. Rossinskij B. V., Starilov Yu. N. Administrativnoe pravo: Uchebnik dlya vuzov/ B. V. Rossinskij, Yu. N. Starilov. – M. : Yur.Norma, NICz INFRA-M, 2015. – 566 s.

7. Zaxarenkova I. V. Predmet i predely` dokazy`vaniya po delam ob administrativny`x pravonarusheniyax: Nauchnaya stat`ya / I. V. Zaxarenkova / Pravovestnik – Ufa: «Avtonomnaya nekommercheskaya organizaciya «Issledovatel`skij centr informacionno-pravovy`x texnologij». – 2017. – Vy`pusk № 1 (2). – S. 6-9.

8. Aleksandrov R. A., Kondrat I. N., Retunskaya T. P. Predmet i predely` dokazy`vaniya: stat`ya / R. A. Aleksandrov, I. N. Kondrat, T. P. Retunskaya // Mir politiki i sociologii – SPb. : Fond sodejstviya nauke i obrazovaniyu v oblasti pravooxranitel`noj deyatel`nosti «Universitet». – 2012. – Vy`pusk № 9. – S. 135-140.

9. Kurs ugolovnogo processa: Uchebnik / pod red. L. V. Golovko – M.: «Statut», 2016. – 756 s.

10. Popov M. S. Administrativnoe pravo: Uchebnik / Pod red. L.L. Popova, M.S. Studenikinoj - 2-e izd., pererab i dop. - M.: Yur.Norma, NICz INFRA-M, 2016. – 704 s.

11. Panova I. V. Administrativno-processual`noe pravo Rossii / I. V. Panova. – 2-e izd., peresmotr. i dop. – M. : NORMA, 2007. – 336 s.

12. Ogurczov A. P. – Mera. / Gumanitarnaya e`nciklopediya: Koncepty` // Gumanitarny`e texnologii: analiticheskij portal. URL: https://gtmarket.ru/concepts/6944 (data obrashheniya 15.05.2019). – Tekst e`lektronny`j.

13. Lutfraxmanova D. U., Semenova E`. R. O zakonax dialektiki: Nauchnaya stat`ya / D. U. Lutfraxmanova, E`. R. Semenova // Vestnik nauchny`x konferencij – Tambov: OOO «Konsaltingovaya kompaniya Yukom», 2015. – Vy`pusk № 3-1. – S. 79-80

14. Postanovlenie Altajskogo kraevogo suda № 4A-1029/2018 ot 26 oktyabrya 2018 g. po delu № 4A-1029/2018 // Sudebny`e i normativny`e akty` RF. URL: https://sudact.ru/regular/doc/DLrIH7XzYToG/ (data obrashheniya 15.05.2019). – Tekst e`lektronny`j.

15. Reshenie Verxovnogo suda Respubliki Buryatiya № 21-214/2018 ot 30 oktyabrya 2018 g. po delu № 21-214/2018 // Sudebny`e i normativny`e akty` RF. URL: https://sudact.ru/regular/doc/6MxLB5tY9cgN/ (data obrashheniya 15.05.2019). – Tekst e`lektronny`j.

16. Reshenie Kujby`shevskogo rajonnogo suda № 12-364/2018 ot 25 sentyabrya 2018 g. po delu № 12-364/2018 // Sudebny`e i normativny`e akty` RF. URL: https://sudact.ru/regular/doc/f8RGxFyxgo6w/?regular-txt (data obrashheniya 15.05.2019). – Tekst e`lektronny`j.

17. Reshenie Omskogo oblastnogo suda № 77-455/2018 ot 30 oktyabrya 2018 g. po delu № 77-455/2018 // Sudebny`e i normativny`e akty` RF. URL: https://sudact.ru/regular/doc/vNRctX3crOlc/ (data obrashheniya 15.05.2019). – Tekst e`lektronny`j.

18. Zotov D. V. Predely` dlya predelov dokazy`vaniya: Nauchnaya stat`ya / D. V. Zotov / Zakonnost` – 2014. – Vy`pusk № 9. – S. 57 – 60.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2019. – Т. 5 (71). № 4. – С. 491-500.

УДК 34.01

СИСТЕМА СУДЕБНОГО УСМОТРЕНИЯ В АДМИНИСТРАТИВНО-ЮРИСДИКЦИОННОМ ПРОЦЕССЕ КАК ГАРАНТИЯ ЕГО ЭФФЕКТИВНОСТИ

Королевская О. И.

Ростовский филиал Российского государственного университета правосудия

В содержании статьи рассматриваются особенности построения системы судебного усмотрения в административно-юрисдикционном процессе. Устойчивое функционирование системы выступает гарантией эффективности как института судебного усмотрения в административно-юрисдикционном процессе, так и всей правоприменительной деятельности административных и судебных органов в публичной сфере.

Автором исследуется социально-правовые пределы судебного усмотрения в административно-юрисдикционном процессе, источники судебного усмотрения, предмет и объект судебного усмотрения, установлен объём пределов судебного усмотрения.

Автором был проведён анализ судебных актов. Автором сделан вывод о том, что усмотрение суда является неотъемлемым фактором при рассмотрении административных дел. При этом особая ценность и востребованность данного института в административно-юрисдикционном процессе заключается в том, что он выступает отражением качества осуществления не только судебной власти, но и исполнительной власти, с учетом того, что функционирование последней также входит в сферу усмотрения суда.

Ключевые слова: судебное усмотрение, судебный процесс, административное право, административно-юрисдикционный процесс.

Целью правосудия в рамках административного процесса выступает реализация в публичной сфере прав частных лиц и публичного интереса. Судебная власть наряду с законодательной и исполнительной властью стоит на страже Конституции и законов РФ и обеспечивает реализацию прав граждан и организаций в публичных правоотношениях. В связи с этим инициатива суда, его активность в административном процессе более востребованы [1].

Судебное усмотрение – правоприменительный инструмент судьи, основанный на его внутреннем убеждении и ограниченный социально-правовыми пределами. Анализ данного инструмента в административно-юрисдикционном процессе позволяет обосновать существование системы судебного усмотрения в административно-юрисдикционном процессе, которая включает в себя ряд составляющих и выступает структурным элементом системы судебного усмотрения в целом.

В выделенную нами систему входят следующие составляющие: субъект судебного усмотрения в административно-юрисдикционном процессе, предметная сфера судебного усмотрения в административно-юрисдикционном процессе, предмет судебного усмотрения в административно-юрисдикционном процессе, социально-правовые пределы судебного усмотрения в административно-юрисдикционном процессе, источники судебного усмотрения в административно-юрисдикционном процессе, принципы судебного усмотрения в административно-юрисдикционном

процессе, стадии судебного усмотрения в административно-юрисдикционном процессе, формы судебного усмотрения в административно-юрисдикционном процессе, усмотрительные приемы (механизмы) судебного усмотрения в административно-юрисдикционном процессе, уровень (допустимая степень) судебного усмотрения в административно-юрисдикционном процессе, процессуальный результат судебного усмотрения в административно-юрисдикционном процессе, вектор развития правоприменения в рамках административно-юрисдикционного процесса под воздействием судебного усмотрения.

Выделение данной системы предполагает, что обозначенные структурные составляющие находятся в неразрывном единстве, взаимной связи друг с другом, в рамках определенной социально-правовой конструкции сосуществования в административно-процедурном пространстве, обусловленными целями функционирования судебного усмотрения в контексте административно-юрисдикционного процесса.

Субъектом судебного усмотрения в административно-юрисдикционном процессе выступает судья, рассматривающий административное дело. Следует отметить, что особенность прав суда как субъекта административно-процессуальных отношений в том, что они полностью совпадают с его обязанностями представителя судебной власти, осуществляющего административное правосудие от имени государства. Зеленцов А. Б. и Ястребов О. А. дифференцируют права суда как его властные полномочия на два вида:

– «связанные», которые носят императивный характер; суд не может не осуществлять их в строгом соответствии с предписаниями правовой нормы при возникновении предусмотренных в законе юридических фактов;

– «свободные», имеющие диспозитивный характер и осуществляемые по усмотрению суда в определенных законом рамках [2].

Система судебного усмотрения в административно-юрисдикционном процессе определяется категорией суда, его уровнем и соответственно компетенцией в рассмотрении административных дел.

Наличие самостоятельной и независимой судебной власти обеспечивает систему сдержек и противовесов в структуре государственной власти. При этом следует согласиться с мнением о том, что в правовом государстве судебная власть по своему предназначению имеет полномочие на собственное видение конституционных ценностей [3], что обуславливает, на наш взгляд, особую ее роль в системе разделения властей как базовом принципе современной государственности.

Предметная сфера судебного усмотрения в административно-юрисдикционном процессе представляет собой ограниченную правовыми (материально-правовыми и процедурно-правовыми) пределами область публичных отношений, имеющих признак спорности (административно-правового спора) и подлежащих административно-правовому регулированию.

В предметной сфере судебного усмотрения в административно-юрисдикционном процессе можно выделить следующие подсферы: процессуальная и материальная подсферы судебного усмотрения (в зависимости от категории правоотношения в рамках которого используется усмотрение суда); производство по делам об административных правонарушениях и административное судопроизводство при рассмотрении и разрешении судами административных дел о защите

нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов граждан, прав и законных интересов организаций, а также других административных дел, возникающих из административных и иных публичных правоотношений (в зависимости от источника судебного усмотрения). Выделенные подсферы, критерии их разграничения взаимосвязаны. Так, в качестве примера возможности судебного усмотрения в процессуальной составляющей административных отношений, рассматриваемых на основе Кодекса административного судопроизводства РФ, можно привести право суда на разрешение вопроса о необходимости проведения предварительного судебного заседания, о дате, времени и месте его проведения (п. 11 части 3 статьи 135 КАС РФ).

Предмет судебного усмотрения в административно-юрисдикционном процессе выступает более узкой категорией, включается в предметную сферу подобного усмотрения и представляет собой конкретный вопрос (материальный или процедурный элемент) административного дела, применительно к которому используется усмотрение суда.

Анализ судебных актов позволяет сделать вывод о том, что предметом усмотрения суда в административно-юрисдикционном процессе может выступить:

- нарушение процедуры привлечения к административной ответственности;
- нарушения срока давности привлечения к административной ответственности;
- основания для применения положений статьи 2.9 КоАП РФ [4];
- основания для освобождения лица от наказания в силу исключительных обстоятельств совершения правонарушения, применения положений статей 2.9, 4.1.1 КоАП РФ и другие аспекты административных дел [5].

Одним из базовых и значимых элементов системы судебного усмотрения в административно-юрисдикционном процессе являются его пределы.

Объем пределов судебного усмотрения устанавливается государственной властью, контролируется ею и различается в определенный временной промежуток функционирования социума. Прав Барак А., полагая, что расширение и сужение судейского усмотрения зависят от законодательной политики законодательной власти. [6]

Нами поддерживается позиция Ермаковой К. П. о том, что функционирование института судебного усмотрения предполагает комплекс правовых и нравственных пределов. Правовые пределы рассматриваемого института связаны с содержанием принципов и норм права, а также юридической практикой их применения. В правоприменении данные пределы являются доминирующими (основными), именно они в большей мере ставят границы, в рамках которых выбор судом варианта решения наиболее оптимален. Нравственно-правовые пределы судебного усмотрения формируются на началах нравственных категорий, нашедших свое правовое закрепление. В судебной практике указанные пределы в большинстве случаев можно отнести к числу вспомогательных или факультативных, дополняющих и конкретизирующих правовые пределы усмотрения [7].

По нашему мнению, следует выделить социально-правовые пределы судебного усмотрения в административно-юрисдикционном процессе, которые представляют собой материально-правовые, процедурно-правовые и нравственно-правовые ограничения свободы суда в принятии решения при разрешении административных дел,

основанные на внутреннем убеждении судьи и гарантирующие законность, справедливость и обоснованность принимаемого им решения. Все они отражают в себе специфику административно-правового регулирования общественных отношений.

Социально-правовые пределы судебного усмотрения применительно к административно-юрисдикционному процессу (как и применительно к любому другому юридическому процессу) не могут быть очерчены конкретными и границами или подогнаны под унифицированный стандарт усмотрения. Это обусловлено в том числе тем, что пределы судебного усмотрения в административном процессе соотносятся с пределами правоприменения иных государственных органов, к примеру, контрольно-надзорных [8].

Социально-правовые пределы судебного усмотрения в административно-юрисдикционном процессе обеспечивают защиту прав и законных интересов участников административного процесса и иных лиц при осуществлении правосудия по административным делам.

В качестве источников судебного усмотрения в административно-юрисдикционном процессе выступают нормативно-правовые акты административного и административно-процессуального законодательства (Конституция РФ, КоАП РФ, КАС РФ, иные законы и подзаконные акты, содержащие административные нормы материального и процессуального характера); судебные акты, содержащие правовые позиции высших судебных органов (постановления Конституционного Суда РФ, Пленума Верховного Суда РФ и Президиума Верховного Суда Российской Федерации); анализ судебной практики в целом и по отдельным категориям административных дел (обзоры судебной практики региона и др.); принципы административного и административно-процессуального права (как прямо закрепленные в законе, так и отражающие его дух).

В этой связи уместно поддержать положение о том, что вся деятельность судьи подчинена, во-первых, правовым нормам, а во-вторых, разъяснениям, содержащимся в актах вышестоящих судебных органов [9].

Характеризуя источники судебного усмотрения в административно-юрисдикционном процессе, нельзя не сказать о дуализме правового регулирования административной ответственности в действующем административном законодательстве. Он заключается в том, что несмотря на то, что заглавная концептуальная норма статьи 1.1 Общей части КоАП РФ провозглашает КоАП РФ единственным федеральным административно-деликтным законом, на практике целые видовые группы административных правонарушений и санкции за их оказались за рамками этого кодифицированного профильного акта в целом ряде других предметных федеральных законов [10].

В качестве содержания источников административного права выступают правовые нормы, регламентирующие конкретные административно-правовые отношения.

Источники судебного усмотрения в административно-юрисдикционном процессе вбирают в себя источники административного права и дополняют их судебными актами, анализом судебной практики, принципами права. В этой связи следует обратить внимание на особое место ведомственных нормативно-правовых актов как источников судебного усмотрения в административно-юрисдикционном процессе. Они играют двойственную роль в системе судебного усмотрения в админи-

стративно-юрисдикционном процессе. Во-первых, они выступают в качестве универсальных источников одновременно и административного права, и рассматриваемой разновидности судебного усмотрения. С другой стороны, при обжаловании нормативно-правового акта федерального органа исполнительной власти они (их содержание, процедура принятия) также выступают в качестве предмета судебного усмотрения.

Особое место в системе источников судебного усмотрения в административно-юрисдикционном процессе занимают позиции высших судебных инстанций страны. Так, поскольку выработанная в результате конституционного контроля позиция Конституционного Суда согласно ч. 5 ст. 79 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» подлежит учету правоприменительными органами [11], конституционные ценности служат средством ограничения не только законодательного усмотрения, но и судейского усмотрения [12].

Следует отметить, что судебная практика в целом выступает в рассматриваемой нами системе одновременно источником и пределом судебного усмотрения.

Принципы судебного усмотрения в административно-юрисдикционном процессе закономерно базируются на принципах административного права. Последние обусловлены существованием принципов функционирования исполнительной власти, государства, государственных органов и государственного управления, которые осуществляются многочисленными субъектами права [13].

Принципы судебного усмотрения в административно-юрисдикционном процессе представляют собой базовые, закрепленные и незакрепленные в законодательстве идеи, общие начала применения дискреционных полномочий суда при рассмотрении административных дел.

При осуществлении судебного усмотрения в административно-юрисдикционном процессе суд должен придерживаться следующих принципов:

- законность принимаемого с учетом судебного усмотрения решения;
- объективность и беспристрастность при рассмотрении дела;
- принятие во внимание всех обстоятельств дела в системной взаимосвязи;
- соблюдение принципа равенства всех перед законом;
- соблюдение оптимального баланса частных и публичных интересов при рассмотрении административного дела;
- принятие решения в разумный и оптимальный промежуток времени с учетом интересов физических лиц и организаций;
- презумпция добросовестности физических лиц и организаций в системе государственного управления;
- принцип мотивированности решения с учетом судебного усмотрения;
- принцип благоприятствования защите в административном процессе частному лицу как более слабой стороне;
- принцип активной роли суда в судебном административном процессе [14], или принцип судебной инициативы в целях достижения целей правосудия (принцип «активного суда», на который возлагаются особые задачи по поиску доказательств и оценке аргументов, а также в связи с необходимостью обеспечения публичного интереса [15]);

- применение признанных принципов административного права, общих принципов права при осуществлении судебного усмотрения с учетом всех обстоятельств конкретного административного дела.

Стадии и формы судебного усмотрения в административно-юрисдикционном процессе неразрывно связаны и взаимно обусловлены. Так, стадия рассмотрения административного дела по существу предполагает форму оценки доказательств по делу. При этом рассмотрение административного дела в суде вышестоящей инстанции может осуществляться посредством переоценки или повторной оценки доказательств, иных обстоятельств дела.

Анализ судебной практики по административным делам позволяет говорить об использовании судами такой формы судебного усмотрения как оценка (правовая оценка) применительно к установленным фактическим обстоятельствам и исследованным доказательствам [16]; доводам жалобы лица [17].

Категория «переоценка» используется в судебных актах применительно к выводам суда [18], «повторная оценка» – к представленным в материалах дела доказательствам [19].

Формы судебного усмотрения проявляются в ходе судебной деятельности на всех стадиях судопроизводства, но окончательный вариант решения суда, его формулировка, мотивация и изложение формируется на стадии принятия судебного решения [20].

Тесно связаны с формами судебного усмотрения усмотрительные приемы (или механизмы) реализации усмотрения в правоприменительной деятельности суда.

Щепалов С. В. в этой связи предлагает дискреционные приемы толкования, которые могут использоваться в различных юридических процессах, но именно в правоприменительной практике КАС РФ и КоАП РФ представляют особую ценность. Удачные результаты такого толкования, по мнению ученого, обоснованно аккумулируются Верховным судом РФ и при необходимости упорядочения судебной практики закрепляются в руководящих разъяснениях [21].

Ермакова К. П. использует категорию «усмотрительные» технико-юридические приемы, которые, по ее мнению, позволяют суду наиболее оптимально разрешить конкретное дело и обеспечить его законность [22].

В качестве усмотрительных приемов судебного усмотрения в рассматриваемой нами системе можно представить определенные приемы толкования нормативных предписаний.

Считаем необходимым выделить уровень судебного усмотрения в системе судебного усмотрения в административно-юрисдикционном процессе. Полагаем, что об уровне усмотрения суда применительно к административным отношениям можно говорить в широком и узком аспектах.

Отдельные специалисты говорят об уровне судейского усмотрения, который может соответствовать или не соответствовать элементу сложности объекта познания (предмета усмотрения) и в связи с этим отвечать или не отвечать интересам и задачам соответствующей отрасли судопроизводства [23].

Соловьева Т. В. выделяет «полное судебное усмотрение» – в случае пробела в законодательстве и отсутствии разъяснений вышестоящих судов и «неполное судебное усмотрение» – в случаях, когда по спорным вопросам имеются акты толко-

вания высших судебных органов [24]. Представляется, что сужение сферы судебного усмотрения при подобной классификации лежит в сфере развития практики разъяснений высших судебных органов спорных, «пробельных» вопросов правоприменения и имеет положительный эффект в использовании института судебного усмотрения.

Приведенные позиции, на наш взгляд, характеризуют судебное усмотрение в рамках узкого подхода. В соответствии с ним уровень усмотрения различается в зависимости от категории судебного органа, в зависимости от соотношения дискреции с выраженной в законе волей законодательной власти, в зависимости от источника усмотрения и других показателей. Так, запутанность законодательства дает простор для волюнтаристских действий должностных лиц, властных структур [25] и повышает уровень усмотрения (корелляция уровня усмотрения с характером его источника).

В то же время имеет смысл говорить о широком понимании судебного усмотрения, которое подразумевает естественный, закономерный уровень судебной дискреции, заложенный законодателем в определенный массив нормативно-правовых актов, регламентирующих определенную совокупность общественных отношений. В административно-юрисдикционном процессе с учетом многочисленности органов административной юрисдикции, сложностью и многообразием отношений в сфере публичного управления, спецификой взаимодействия всех ветвей государственной власти в системе управления потребность внедрения необходимого уровня судебной дискреции особенно важна.

Процессуальный результат судебного усмотрения в административно-юрисдикционном процессе содержится в акте судебной власти. В качестве требований к подобному акту следует выделить следующие:

- определенная административно-процессуальным законодательством форма;
- мотивированность судебного акта, принятого с использованием судебного усмотрения (суд должен мотивировать и использование усмотрения, и отказ от него);
- наличие ссылки на источник судебного усмотрения;
- учет принципов административного права, общих принципов права;
- учет конституционных и иных охраняемых законом ценностей при использовании судебного усмотрения.

В качестве составляющей рассматриваемой системы нами выделен вектор развития правоприменения в рамках административно-юрисдикционного процесса под воздействием судебного усмотрения. Каждый исторический период характеризуется своим направлением развития как административно-правового регулирования, так и правоприменительной практики в публичной сфере. Подобная специфика обусловлена историко-культурными, правовыми традициями, социально-экономическим развитием в определенный хронологический отрезок, позициями государства на международной арене, системой государственного управления в стране и многими другими факторами.

Таким образом, нами выделена система судебного усмотрения в административно-юрисдикционном процессе, которая включает в себя ряд составляющих, комплексное взаимодействие которых призвано обеспечить оптимальное использование института судебного усмотрения в публично-правовой сфере.

Все элементы неразрывно связаны, функционирование одних обусловлено существованием других. Так, формы дискреции зависят от уровня, субъекта, предметной сферы судебного усмотрения. Отдельные институты выступают одновременно в качестве нескольких элементов системы. К примеру, судебная практика может одновременно рассматриваться и как источник судебного усмотрения, и как средство его ограничения или предел.

Рассмотрение всех составляющих выделенной системы в совокупности и взаимосвязи позволяет сделать вывод о том, что усмотрение суда является неотъемлемым фактором при рассмотрении административных дел. При этом особая ценность и востребованность данного института в административно-юрисдикционном процессе заключается в том, что он выступает отражением качества осуществления не только судебной власти, но и исполнительной власти, с учетом того, что функционирование последней также входит в сферу усмотрения суда.

Устойчивое функционирование выеденной системы выступает гарантией эффективности как института судебного усмотрения в административно-юрисдикционном процессе, так и всей правоприменительной деятельности административных и судебных органов в публичной сфере.

Список литературы

1. Щепалов С. В. Об усмотрении суда в рамках административной процессуальной формы /С. В. Щепалов // Российская юстиция. 2015. N 6. С. 42 - 46.

2. Зеленцов А. Б., Ястребов О. А. Судебное административное право: учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / А. Б. Зеленцов, О. А. Ястребов. – М. : Статут, 2017. – 768 с.

3. Щепалов С. В. Руководящие разъяснения Верховного Суда России о дискреции суда в административном судопроизводстве / С. В. Щепалов // Российская юстиция. – 2016. – N 8. – С. 32-35.

4. Определение Верховного Суда РФ от 30.04.2019 N 304-ЭС19-4687 по делу N А45-14112/2018. Документ опубликован не был // СПС «Консультант Плюс».

5. Определение Верховного Суда РФ от 10.06.2019 N 308-ЭС19-7515 по делу N А32-38837/2018. Документ опубликован не был. // СПС «Консультант Плюс».

6. Barak A. Judicial Discretion / Barak A.. New Haven, 1987. Blackstone's Civil Practice 2013. Oxford University Press, 2012. Mustill and Boyd. Commercial Arbitration. 2nd ed. 1989.

7. Ермакова К. П. Пределы судебного усмотрения: дисс. … канд. юрид. наук / К. П. Ермакова. – М., 2010. – С. 8.

8. Агамагомедова С. А. Понятие и пределы контрольно-надзорных полномочий таможенных органов / С. А. Агамагомедова // NB: Административное право и практика администрирования. – 2016. – № 5. С. 1-7.

9. Соловьева Т. В. Судебное усмотрение в процессе реализации постановлений высших судебных органов / Т. В. Соловьева // Арбитражный и гражданский процесс. – 2017. – № 4. – С.13-17.

10. Реформа административной ответственности в России / Под общей ред. А. В. Кирина, В. Н. Плигина. – М. : Издательский дом Высшей школы экономики, 2018. – 210 с.

11. О Конституционном Суде Российской Федерации : Федеральный конституционный закон от 21.07.1994 № 1-ФКЗ (ред. от 29.07.2018)// "Российская газета", 1994. – N 138-139.

12. Пермиловский М. С. Конституционная ценность как основа судейского усмотрения / М. С. Пермиловский // Российский судья. – 2016. – N 3. – С. 9-13.

13. Старилов Ю. Н. Курс общего административного права. В 3 т. Т. I: История. Наука. Предмет. Нормы. Субъекты / Ю. Н. Старилов. – М. : Изд.-во НОРМА (Издательская группа НОРМА-ИНФРА-М), 2002. – 840 с.

14. Зеленцов А. Б., Ястребов О. А. Судебное административное право: учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / А. Б. Зеленцов, О. А. Ястребов. – М. : Статут, 2017. – 768 с.

15. Гриценко Е. В. Защита субъективных публичных прав в России: универсальные стандарты доступа к правосудию / Е. В. Гриценко // Сравнительное конституционное обозрение. – 2017. – N 6. – С. 65-77.

16. Определение Верховного Суда РФ от 01.07.2019 N 306-ЭС19-9327 по делу N А12-22450/2018. // СПС «Консультант Плюс».

17. Определение Верховного Суда РФ от 02.07.2019 N 305-ЭС19-10078 по делу N А40-171856/2018. // СПС «Консультант Плюс».

18. Определение Верховного Суда РФ от 18.12.2018 по делу N 303-ПЭК18, А40-249075/2016 // СПС «Консультант Плюс».

19. Определение Верховного Суда РФ от 01.07.2019 N 306-ЭС19-9327 по делу N А12-22450/2018 ,, СПС «Консультант Плюс».

20. Панова И. Административное и судейское усмотрение / И. Панова // Хозяйство и право. – 2011. – № 12. – С. 108-115.

21. Щепалов С. В. Судебное усмотрение при смягчении административного наказания /С. В. Щепалов // Российская юстиция. – 2018. – N 2. – С. 27-31.

22. Ермакова К. П. Пределы судебного усмотрения: дисс. … кандидата юридических наук / К. П. Ермакова. – Москва, 2010. – 25 с.

23. Соловьев С. А. Пределы судебного усмотрения при оценке заключения эксперта и мнения специалиста: гносеологический аспект / С. А. Соловьев // Адвокатская практика. – 2017. – N 4. – С. 17-22.

24. Соловьева Т. В. Судебное усмотрение в процессе реализации постановлений высших судебных органов Т. В. Соловьева // Арбитражный и гражданский процесс. – 2017. –№ 4. – С.13-17.

25. Теория государства и права: Курс лекций / Под ред. Н. И. Матузова и А. В. Малько. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Юристъ, 2004. – С. 699.

Korolevskaya O. I. Judicial system in the administrative and jurisdiction process as a guarantee of its efficiency / O. I. Korolevskaya // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2019. – T. 4 (72). № 4. – P. 489-498.

The article discusses the features of building a judicial discretion system in the administrative-jurisdictional process. The stable functioning of the system is a guarantee of the effectiveness of both the institution of judicial discretion in the administrative-jurisdictional process and all law enforcement activities of administrative and judicial bodies in the public sphere.

The author examines the social and legal limits of judicial discretion in the administrative-jurisdictional process, the sources of judicial discretion, the subject and object of judicial discretion, the scope of the limits of judicial discretion is established.

The author conducted an analysis of judicial acts. The author concluded that the discretion of the court is an integral factor in the consideration of administrative cases. Moreover, the particular value and relevance of this institution in the administrative-jurisdictional process lies in the fact that it acts as a reflection of the quality of the exercise not only of the judiciary, but also of the executive branch, taking into account the fact that the functioning of the latter is also in the discretion of the court.

Keywords: judicial discretion, judicial process, administrative law, administrative and jurisdictional process.

Spisok literatury`

1. Shhepalov S. V. Ob usmotrenii suda v ramkax administrativnoj processual`noj formy` /S. V. Shhepalov // Rossijskaya yusticiya. 2015. N 6. S. 42 - 46.

2. Zelenczov A. B., Yastrebov O. A. Sudebnoe administrativnoe pravo: uchebnik dlya studentov vuzov, obuchayushhixsya po special`nosti «Yurisprudenciya» / A. B. Zelenczov, O. A. Yastrebov. – M. : Statut, 2017. – 768 s.

3. Shhepalov S. V. Rukovodyashhie raz``yasneniya Verxovnogo Suda Rossii o diskrecii suda v administrativnom sudoproizvodstve / S. V. Shhepalov // Rossijskaya yusticiya. – 2016. – N 8. – S. 32-35.

4. Opredelenie Verxovnogo Suda RF ot 30.04.2019 N 304-E`S19-4687 po delu N A45-14112/2018. Dokument opublikovan ne by`l // SPS «Konsul`tant Plyus».

5. Opredelenie Verxovnogo Suda RF ot 10.06.2019 N 308-E`S19-7515 po delu N A32-38837/2018. Dokument opublikovan ne by`l. // SPS «Konsul`tant Plyus».

6. Barak A. Judicial Discretion / Barak A.. New Haven, 1987. Blackstone's Civil Practice 2013. Oxford University Press, 2012. Mustill and Boyd. Commercial Arbitration. 2nd ed. 1989.

7. Ermakova K. P. Predely` sudebnogo usmotreniya: diss. … kand. yurid. nauk / K. P. Ermakova. – M., 2010. – S. 8.

8. Agamagomedova S. A. Ponyatie i predely` kontrol`no-nadzorny`x polnomochij tamozhenny`x organov / S. A. Agamagomedova // NB: Administrativnoe pravo i praktika administrirovaniya. – 2016. – № 5. S. 1-7.

9. Solov`eva T. V. Sudebnoe usmotrenie v processe realizacii postanovlenij vy`sshix sudebny`x organov / T. V. Solov`eva // Arbitrazhny`j i grazhdanskij process. – 2017. – № 4. – S.13-17.

10. Reforma administrativnoj otvetstvennosti v Rossii / Pod obshhej red. A. V. Kirina, V. N. Pligina. – M. : Izdatel`skij dom Vy`sshej shkoly` e`konomiki, 2018. – 210 s.

11. O Konstitucionnom Sude Rossijskoj Federacii : Federal`ny`j konstitucionny`j zakon ot 21.07.1994 № 1-FKZ (red. ot 29.07.2018)// "Rossijskaya gazeta", 1994. – N 138-139.

12. Permilovskij M. S. Konstitucionnaya cennost` kak osnova sudejskogo usmotreniya / M. S. Permilovskij // Rossijskij sud`ya. – 2016. – N 3. – S. 9-13.

13. Starilov Yu. N. Kurs obshhego administrativnogo prava. V 3 t. T. I: Istoriya. Nauka. Predmet. Normy`. Sub``ekty` / Yu. N. Starilov. – M. : Izd.-vo NORMA (Izdatel`skaya gruppa NORMA-INFRA-M), 2002. – 840 s.

14. Zelenczov A. B., Yastrebov O. A. Sudebnoe administrativnoe pravo: uchebnik dlya studentov vuzov, obuchayushhixsya po special`nosti «Yurisprudenciya» / A. B. Zelenczov, O. A. Yastrebov. – M. : Statut, 2017. – 768 s.

15. Gricenko E. V. Zashhita sub``ektivny`x publichny`x prav v Rossii: universal`ny`e standarty` dostupa k pravosudiyu / E. V. Gricenko // Sravnitel`noe konstitucionnoe obozrenie. – 2017. – N 6. – S. 65-77.

16. Opredelenie Verxovnogo Suda RF ot 01.07.2019 N 306-E`S19-9327 po delu N A12-22450/2018. // SPS «Konsul`tant Plyus».

17. Opredelenie Verxovnogo Suda RF ot 02.07.2019 N 305-E`S19-10078 po delu N A40-171856/2018. // SPS «Konsul`tant Plyus».

18. Opredelenie Verxovnogo Suda RF ot 18.12.2018 po delu N 303-PE`K18, A40-249075/2016 // SPS «Konsul`tant Plyus».

19. Opredelenie Verxovnogo Suda RF ot 01.07.2019 N 306-E`S19-9327 po delu N A12-22450/2018 ,, SPS «Konsul`tant Plyus».

20. Panova I. Administrativnoe i sudejskoe usmotrenie / I. Panova // Xozyajstvo i pravo. – 2011. – № 12. – S. 108-115.

21. Shhepalov S. V. Sudebnoe usmotrenie pri smyagchenii administrativnogo nakazaniya /S. V. Shhepalov // Rossijskaya yusticiya. – 2018. – N 2. – S. 27-31.

22. Ermakova K. P. Predely` sudebnogo usmotreniya: diss. … kandidata yuridicheskix nauk / K. P. Ermakova. – Moskva, 2010. – 25 s.

23. Solov`ev S. A. Predely` sudebnogo usmotreniya pri ocenke zaklyucheniya e`ksperta i mneniya specialista: gnoseologicheskij aspekt / S. A. Solov`ev // Advokatskaya praktika. – 2017. – N 4. – S. 17-22.

24. Solov`eva T. V. Sudebnoe usmotrenie v processe realizacii postanovlenij vy`sshix sudebny`x organov T. V. Solov`eva // Arbitrazhny`j i grazhdanskij process. – 2017. –№ 4. – S.13-17.

Teoriya gosudarstva i prava: Kurs lekcij / Pod red. N. I. Matuzova i A. V. Mal`ko. – 2-e izd., pererab. i dop. – M. : Yurist``, 2004. – S. 699.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2019. – Т. 5 (71). № 4. – С. 501-508.

УДК 342.7

БЕЗГРАЖДАНСТВО КАК КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ СТАТУС

Трифонова (Казарян) К. В., Трифонов С. Н.

Крымский филиал Российского государственного университета правосудия

Статья посвящена проблеме существования конституционно-правового института лиц без гражданства. Официальное международное определение лица без гражданства: «лицо, которое не считается гражданином ни одного государства в рамках его законодательства» По приблизительным подсчета м в мире около 10 миллионов людей не имеют гражданства. Около трети из них это дети.

Часто проблема безгражданства возникает вследствие недостатков имеющихся в системах национального законодательства: дискриминация, законы о гражданстве не учитывающие международные стандарты прав личности, произвол в деятельности государственных органов. Лиц без гражданства нередко изолируют от общества и лишают базовых прав, таких как регистрация рождения, образование, охрана здоровья, регистрация брака, трудоустройство.

В статье рассмотрены варианты появления ситуации, когда лицо оказывается в ситуации без гражданства, проанализированы проблемы и вызовы, с которыми такое лицо столкнется.

Ключевые слова: безгражданство, апатризм, гражданство, миграция, Гаагская Конвенция, Конвенция о статусе апатридов, беженцы.

Безгражданство имеет международное название апатризм (от греч. apatrid – тот, кто не имеет родины). Под лицами без гражданства, или апатридами понимаются лица без гражданства любого государства. Несмотря на то, что термин «лицо без гражданства» в различных правовых системах определяется по-разному, его международно-правовое содержание является единым. Апатридом является лицо, которое не имеет гражданства ни одного государства мира, то есть не рассматривается ни одним государством в силу ее законодательства как гражданин. Именно такое определение понятия «апатрид» содержится в статье 1 Конвенции о статусе апатридов 1954 г. [1]. Это определение соответствует пониманию апатризма de iure.

Относительно непонятного или неизвестного гражданства, то его не бывает [2, p. 24]. Человек либо является гражданином конкретного государства, либо нет. В случае, когда не имеется прямых доказательств принадлежности лица к любому из существующих гражданств, лицо должно рассматриваться каждым государством как апатрид. Согласно обычной практике государств, вопрос о владении лицом гражданством конкретного государства определяется в соответствии с законодательством данного государства. Это правило нашло отражение в статье 2 Гаагской Конвенции, регулирующей некоторые вопросы, связанные с коллизией законов о гражданстве. Но, при решении этого вопроса, формулировка «в соответствии с законодательством данного государства» не должно толковаться только сугубо к содержанию правовых норм, в расчет должна приниматься также общая правовая практика данного государства по этим вопросам [3, p. 42].

Кроме апатризма de iure может существовать и апатризм de facto. Имеются в виду те граждане, которые формально имеют гражданство определенного государства, однако фактически не могут пользоваться международной защитой своего государства [4, p. 41.] В международно-правовом содержании апатридами de facto, как правило, признаются беженцы. Международная практика идет по пути уравнивания апатридов de iure в правах с апатридами de facto. однако в области приобретения гражданства апатриды de facto не уравниваются в правах с апатридами de iure. Если законодательство государства предусматривает упрощенные условия принятия в гражданство лиц без гражданства, то в виду имеется, как правило, именно апатрид de iure.

Апатризм приобретает массовый характер в конце девятнадцатого-начале двадцатого века и достигает апогея после Второй мировой войны. Апатризм является злом, которое было признано таковым на международном уровне. Современное понимание гражданства предполагает, что каждый человек должен иметь гражданство определенного государства, что соответствует статье 15 Всеобщей Декларации прав человека, которая гарантирует праву на гражданство каждому. Для предупреждения и предотвращение распространения апатридов провозглашается международно-правовой запрет лишения гражданства, содержащийся в части второй, ст. 15 Всеобщей Декларации прав человека, и положением ст. 7 Конвенции о правах ребенка, определяющей право каждого ребенка иметь с рождения гражданство.

Первые попытки преодоления апатризма были предприняты в Гаагской конвенции 1930 года и в дополнительных Протоколах к ней. Как реакция на большое количество лиц без гражданства, в 1954 году в рамках ООН была принята Конвенция о правовом статусе апатридов, ст. 32 которой предусматривает обязанность государств-участников предоставлять свое гражданство апатридам на упрощенных основаниях. В 1961 году ООН принимает Конвенцию о сокращении случаев безгражданства, которая впервые предлагает систематическое преодоление безгражданства. Ст. 8 вышеуказанной Конвенции устанавливает исключительный перечень случаев, когда государство может лишать лицо с определенным гражданством своего статуса. Европейская Конвенция о гражданстве относит принцип предотвращения безгражданства к основным принципам, на которых должно базироваться законодательство о гражданстве каждого государства.

Именно распад Советского Союза повлиял на процесс появления огромного количество лиц без гражданства. К сожалению, в рамках СНГ не было принято ни одного нормативного акта, который регулировал бы вопросы гражданства бывших граждан СССР. Законодательный акт СНГ «О согласованных принципах регулирования гражданства», имеет рекомендующий характер, никак эту проблему не решает [6, с. 21].

Отсутствие у лица гражданства является негативным явлением, как для человека, так и для государства. Для государства безгражданство является нежелательным, поскольку по своей природе государство может нормально функционировать только при условии существования постоянной и устойчивой юрисдикции над населением, поэтому государство заинтересовано в том, чтобы гражданство имела большинство населения. Кроме того, отсутствие гражданства у части населения является источником социальных конфликтов в обществе.

Апатризм является для человека негативным явлением по следующим причинам: лицо не имеет права на проживание на государственной территории ни одного государства мира; оно не может получать дипломатическую защиту; оно не имеет права на политическое участие в обществе (не имеет права избирать и быть избранным в органы государственной власти ни одной страны мира, участия в референдумах; законодательство многих стран мира позволяет участие в митингах и демонстрациях только собственным гражданам, значительно ограничивается возможность быть членом политической партии любого государства); лицо лишено многих других прав, которые государства гарантируют только гражданам (социальные права, экономические права – например, право на труд, права в области образования); лицо без гражданства ограничивается в доступе к профессиям, осуществление которых законодатель связывает с наличием гражданства этого государства. Другими словами, общий комплекс прав лица без гражданства всегда меньше, чем лица, имеющего гражданство определенного государства.

Состояние безгражданства возникает в случае так называемых «негативных коллизий» национальных законодательств о гражданстве. Такие коллизии могут иметь место в случае, когда государство лишает лицо гражданства, или когда лицо теряет гражданство по закону государства и не имеет или не получает иного гражданства. Эта причина, хотя и не является такой распространенной как ранее, но до сих пор является одним из основных источников возникновения апатризма. В развитых странах мира существует только один случай прекращения гражданства, где возможно наступление апатризма – когда гражданство было приобретено нечестным путем.

Европейская Конвенция о гражданстве негативно относится к прекращению гражданства по инициативе государства, если в результате этого лицо становится апатридом. Согласно этой Конвенции прекращение гражданства лица с наступлением у нее состояния безгражданства может происходить только в одном случае: когда оно было приобретено вследствие мошеннических действий, представление ложных сведений или сокрытие каких-либо важных фактов, которые имеют отношение к заявителю [7].

Менее распространенный источник возникновения апатризма образуют случаи, когда лицо выходит по собственной инициативе из гражданства одного государства и не приобретает нового гражданства. Подавляющее большинство европейских государств для предоставления разрешения на выход из гражданства требует справку-гарантию иностранного государства о принятии этого лица к гражданству. Выход лица из гражданства невозможен, если это ведет к наступлению безгражданства, например, в ряде европейских стран – Австрии, Бельгии, Италии, Швейцарии, Финляндии. Это правило закреплено в части второй ст. 7 Конвенции о сокращении случаев безгражданства 1961 года, где устанавливается, что разрешение на выход из гражданства должно терять силу, если лицо не приобретает в течение определенного законодательством срока гражданства другой страны.

Часть первая ст. 7 Конвенции о сокращении случаев безгражданства 1961 года предусматривает, на наш взгляд, еще лучше правило, согласно которому разрешение на выход из гражданства вступает в силу только после приобретения лицом гражданства иностранного государства или же в случае, когда оно его уже имеет. Но трудности в установлении такой нормы в законодательстве ряда стран связаны с

тем, что вопрос прекращения гражданства отнесен к компетенции главы государства и прекращение гражданства происходит на основании нормативно-правового акта главы государства.

Значительно реже сегодня возникает состояние безгражданства у ребенка с рождения (так называемое абсолютное безгражданство). Все европейские государства предоставляют сегодня свое гражданство ребенку неизвестных родителей, который был найден на территории этого государства. Подавляющее большинство стран автоматически предоставляет свое гражданство детям, родившимся у лиц без гражданства, проживающих на ее территории. Это полностью соответствует праву каждого ребенка иметь с рождения гражданство. Но некоторые государства предусматривают только законодательную возможность упрощенного приобретения гражданства детьми, которые родились у апатридов.

В соответствии с Европейской Конвенцией о гражданстве дети, которые рождаются в стране и не приобретают при рождении другого гражданства, должны иметь возможность получить гражданство этой страны не позднее чем после пяти лет постоянного и законного проживания в этой стране.

Предоставление гражданства ребенку апатридов зависит, как правило, от двух факторов: факта проживания родителей на территории государства и рождения ребенка в стране. На практике может сложиться ситуация, что родители-лица без гражданства не имеют в стране согласно ее законам постоянного места жительства.

Другой случай – лица без гражданства, имеющие постоянное место жительства в определенной стране, но ребенок рождается в другой стране, и как следствие этого, не приобретает гражданства ни одного государства. При современной мобильности населения возникновение такой ситуации кажется достаточно вероятным. Законодательство ни одной европейской страны не решает этой проблемы. Для недопущения возникновения апатризма в таких случаях можно пойти двумя путями: а) предоставлять ребенку, который рождается у родителей без гражданства, гражданство страны рождения; б) предоставлять гражданство, руководствуясь местом постоянного проживания родителей. Последний критерий кажется нам более приемлемым потому, что европейские страны не склонны предоставлять свое гражданство по «чистому» jus soli, и более универсальным, потому что ребенок приобретает гражданство страны, в которой он, вероятно, будет проживать дальше. Факт постоянного проживания родителей в стране будет в этом случае выступать как genuine link.

Апатризм может возникать у детей граждан государства, в котором приобретение гражданства по рождению определяется «правом почвы» в случае, если такой ребенок рождается на территории государства, где этот вид приобретения гражданства определяется исключительно принципом «права крови». Для европейских стран эта причина не является актуальной, потому что все они предусматривают приобретение гражданства по принципу «права крови».

Более серьезные проблемы возникают при правопреемстве государств, потому что новые государства имеют право самостоятельно определять круг их граждан. События последнего времени (имеется в виду распад СССР и ЮСФР) породили большое количество апатридов. Государства, которые в вопросах определения лиц при правопреемстве руководствуются принципом происхождения, исключают, обретение гражданства лицами некоренного происхождения. Так это произошло в Эс-

тонии и Латвии. Эти страны увязали приобретения гражданства не с происхождением, а с их неправомерным присоединением к СССР – с ситуацией, которая существовала до их, по их мнению, аннексии СССР, но в действительности этот критерий равнозначен происхождению. Лица, которые прибыли в эти страны после присоединения к СССР были исключены из круга лиц, которым было предоставлено гражданство. Но не только законодательство балтийских стран, но и других государств-бывших советских республик, содержит возможности возникновения у лиц состояния безгражданства.

Так, законодательство Грузии установило, что гражданство приобретают лица, которые в момент вступления в силу Закона о гражданстве Грузии проживали на ее территории более 5 лет [8].

Законодательство Молдовы установило очень короткий срок для получения молдавского гражданства лицами, которые проживали на ее территории в период между 28 июня 1940 года и 23 июня 1990 года (день провозглашения МССР государственного суверенитета) – один год [9]. В украинском законодательстве не были изначально учтены категории лиц, проходивших военную службу или учившихся за пределами Украины.

Безгражданство может наступать у ребенка в результате его усыновления иностранцем, когда государство первоначального гражданства связывает с этим фактом прекращения гражданства, а другое государство не предоставляет ему своего гражданства.

Европейская Конвенция о гражданстве содержит обязанность стран предоставлять в упрощенном порядке гражданство лицам без гражданства, которые находятся на территории этого государства [10].

Практика показывает, что под упрощенными условиями государства понимают сокращение срока проживания в стране. Такие нормы существуют в законодательстве Бельгии, Италии, Люксембурга, ФРГ. В Болгарии апатрид, а также и беженец может приобрести болгарское гражданстве вообще без соблюдения ценза оседлости в стране. Тем не менее ценз оседлости для апатридов не сокращает большинство государств, и на их натурализацию распространяют свое действие нормы и правила общего характера [5, с. 38].

С проблематикой безгражданства граничит проблема гражданства беженцев. Статья 34 Конвенции ООН о правовом статусе беженца 1951 года определяет обязанность государств-сторон данного соглашения упрощать, по возможности, натурализацию беженцев, ускорять процедуру их принятия в гражданство и устанавливать для них как можно более низкую пошлину.

В рамках Совета Европы было принято несколько рекомендаций, целью которых является упрощение государствами предоставления гражданства беженцам. Рекомендация 417 1965 года [12] призывает государства осуществлять при принятии в гражданство этой категории лиц либеральную практику и предусматривать в законодательстве нормы, упрощающие предоставление беженцам гражданства. Рекомендация 564 1969 года[13] рекомендует сокращать срок постоянного проживания в стране, который они выдвигают как требование натурализации, предполагается, что он не должен превышать пяти лет; требует уменьшения размера пошлины, ускорение процедуры натурализации и избежание требования выхода беженцев из бывшего гражданства; рекомендует также создавать условия приобретения гражданства

детям, которые рождаются у беженцев, а также упрощенные условия получения гражданства беженцам, состоящими в браке с гражданами государства пребывания. Государствам, которые еще не присоединились к Конвенции ООН о сокращении случаев безгражданства, рекомендуется сделать это и уравнивать беженцев de facto с беженцами de iure. Резолюцией (70) от 26 января 1970 года [14] была подтверждена необходимость применения государствами Рекомендации 564 (1964).

В 1984 году Советом Европы принимается еще одна Рекомендация [15], которая направлена на упрощение предоставления гражданства беженцам. Эта рекомендация вмещает обобщенные принципы упрощения принятия гражданства беженцев, определяя их достаточно общим образом, что объясняется весьма ограниченной практикой применения государствами предыдущих рекомендаций.

Европейская Конвенция о гражданстве 1997 года предусматривает обязанность государств предоставлять лицам без гражданства и лицам, которые имеют статус беженца, гражданство на упрощенных условиях [16].

Так же, как и в предоставлении гражданства лицам без гражданства, упрощают получение гражданства беженцами не все страны. Так же, как и в случае апатризма, упрощение идет по направлению сокращения для этой категории лиц срока постоянного проживания в стране. Такие нормы установлены в Бельгии, Италии, Германии, России, Венгрии. Австрия, например, не требует от этой категории лиц выхода из прежнего гражданства. Ряд государств нашли возможным ускорить процедуру принятия беженцами гражданства. Вместе с тем, значительное количество стран Европы не пожелали последовать рекомендациям Совета Европы по упрощенному предоставлению гражданства беженцам [5, с. 27].

Таким образом, безгражданство является негативным явлением и принцип его предотвращения относится к общепризнанным нормам международного права. Конкретное предотвращения странами безгражданства остается согласно принципу суверенитета в компетенции каждого отдельного государства. Безусловного права апатрида и беженца на натурализацию не существует ни в международном праве, ни в национальных законодательствах государств, не вытекает оно и из современного понимания права каждого человека на гражданство.

Однако необходимо отметить, что непредоставление гражданства широкому кругу лиц, как это произошло в случае прибалтийских стран, рассматривается уже как нарушение права каждого человека на гражданство. Отказ многих стран от лишения лица гражданства или утраты лицом гражданства в силу закона, если это ведет к возникновению у него состояния лица без гражданства, констатирует, что интересы человека оцениваются выше, чем интересы государства и свидетельствует о том, что в обеспечении права каждого человека на гражданство появился еще один элемент. Права человека на выход из гражданства, если это приводит к ее безгражданства, не существует. Невозможность выхода лица из гражданства в этом случае служит обеспечению государством права каждого человека на гражданство.

Список литературы

1. Конвенция о статусе апатридов от 28 сентября 1954 г. // Права человека. Сборник международных документов. – Т. 1 (часть вторая). Универсальные договоры. Организация объединённых наций. Нью-Йорк и Женева, 1994 г. // СПС «КонсультантПлюс».

2. Hailbronner K., Renner G. Staatsangehörigkeitrecht. Kommentar. – 2. neubearb. Aufl. – München: C. H. Beck'sche Verlagsbuchhandlung, 1998. – P. 124.

3. Bierwirth Ch. Zum Einbürgerungsanspruch in der Bundesrepublik Deutschland geborener Kinder palastinensischer Eltern. – Zentrale Dokumentationsstelle der Freien Wohlfahrtspflege für Fluchtlinge e. V. Schriftenreihe Nr. 43. – Dezember 1990. – P. 42.

4. Hannappel W. Staatsangehörigkeit und Völkerrecht. Frankfurt am Main: Verlag für Standesamtswesen, 1986. - S. 39; (219)Heinzel A. Einführung in das Staatsangehörigkeitsrecht // Schleser W. Die deutsche Staatsangehörigkeit. – 4. überarb. u. erg. Aufl. – Frankfurt a. M. : Verlag für Standesamtswesen, 1980. – P. 41.

5. Ракитин П. С. Гражданство и безгражданство: практические и правовые последствия / П. С. Ракитин. – М. : КЛАСТЕР. – 2015. – 250 с.

6. Вестник Межпарламентской Ассамблеи государств-участников Содружества Независимых Государств. – 1993. – № 1. – С. 75-79.

7. European Convention on nationality on 7. November 1997. - Art. 7 III // European Treaty Series. – № 166.

8. Закон Республики Грузия от 25 марта 1993 г. с изменениями, внесенными Законом от 24 июня 1993 г. // Ведомости Парламента Грузии. – 1993. – № 5. – Ст. 66; № 8. – Ст. 147.

9. Закон Республики Молдова от 5 июня 1991 г. // «Советская Молдова», июль 1991 г.

10. European Convention on nationality on 7. November 1997. - Art. 6 IV «g» // European Treaty Series. – № 166.

11. Recommendation 417 (1965) on the publication of the travaux preparatoires of Coincil of Europe Conventions and Agreements. URL : https://www.echr.coe.int/Documents/Library_Collection_TravPrep_Official_ENG.pdf. – Электронный текст.

12. Recommendation 564 (1969) on the acquisition by refugees of the nationality of their country of residence on 30 Septembre 1969. URL : https://www.legislationline.org/download/id. – Электронный текст.

13. Resolution (70) 2 Acquisition by refugees of the nationality of their country of residence on 26 January 1970. URL : https://www.legislationline.org/download/id. – Электронный текст.

14. Recommendation no. R (84) 21 of the acquisition by refugees of the nationality of the host country on 14 November 1984. URL : https://www.legislationline.org/download/id. – Электронный текст.

15.European Convention on nationality on 7. November 1997. - Art. 6 IV "g" // European Treaty Series. - № 166. URL : https://www.legislationline.org/download/id. – Электронный текст.

Trifonova (Kazaryan) K. V., Trifonov S. G. Stateless as a constitutional and legal status // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2019. – T. 4 (72). № 4. – P. 499-506.

The Article is devoted to the problem of the existence of the constitutional and legal institution of stateless persons. The official international definition of a stateless person: "a person who is not considered a citizen of any state within the framework of its legislation" it is estimated that in the world about 10 million people do not have citizenship. About a third of them are children. Often the problem of statelessness arises as a result of existing shortcomings in the systems of national legislation: discrimination, citizenship laws that do not take into account international standards of individual rights, arbitrariness in the activities of state bodies. Stateless persons are often isolated from society and deprived of basic rights such as birth registration, education, health care, marriage registration, employment. The article discusses the options for the emergence of a situation where a person is in a situation without citizenship, analyzed the problems and challenges that such a person will face.

Keywords: statelessness, apatrim, citizenship, migration, the Hague Convention, the Convention relating to the status of stateless persons, refugees.

Spisok literatury`

1. Konvenciya o statuse apatridov ot 28 sentyabrya 1954 g. // Prava cheloveka. Sbornik mezhdunarodny`x dokumentov. – T. 1 (chast` vtoraya). Universal`ny`e dogovory`. Organizaciya ob``edinyonny`x nacij. N`yu-Jork i Zheneva, 1994 g. // SPS «Konsul`tantPlyus».

2. Hailbronner K., Renner G. Staatsangehörigkeitrecht. Kommentar. – 2. neubearb. Aufl. – München: C. H. Beck'sche Verlagsbuchhandlung, 1998. – P. 124.

3. Bierwirth Ch. Zum Einbürgerungsanspruch in der Bundesrepublik Deutschland geborener Kinder palastinensischer Eltern. - Zentrale Dokumentationsstelle der Freien Wohlfahrtspflege für Fluchtlinge e. V. Schriftenreihe Nr. 43. – Dezember 1990. – P. 42.

4. Hannappel W. Staatsangehörigkeit und Völkerrecht. Frankfurt am Main: Verlag für Standesamtswesen, 1986. - S. 39; (219)Heinzel A. Einführung in das Staatsangehörigkeitsrecht // Schleser W. Die deutsche Staatsangehörigkeit. - 4. überarb. u. erg. Aufl. – Frankfurt a. M. : Verlag für Standesamtswesen, 1980. – P. 41.

5. Rakitin P. S. Grazhdanstvo i bezgrazhdanstvo: prakticheskie i pravovy`e posledstviya / P. S. Rakitin. – M. : KLASTER. – 2015. – 250 s.

6. Bectnik Mezhparlamentskoj Assamblei gosudarstv-uchastnikov Sodruzhestva Nezavisimy`x Gosudarstv. – 1993. – № 1. – S. 75-79.

7. European Convention on nationality on 7. November 1997. - Art. 7 III // European Treaty Series. – № 166.

8. Zakon Respubliki Gruziya ot 25 marta 1993 g. s izmeneniyami, vnesenny`mi Zakonom ot 24 iyunya 1993 g. // Vedomosti Parlamenta Gruzii. – 1993. – № 5. – St. 66; № 8. – St. 147.

9. Zakon Respubliki Moldova ot 5 iyunya 1991 g. // «Sovetskaya Moldova», iyul` 1991 g.

10. European Convention on nationality on 7. November 1997. - Art. 6 IV «g» // European Treaty Series. – № 166.

11. Recommendation 417 (1965) on the publication of the travaux preparatoires of Coincil of Europe Conventions and Agreements. URL : https://www.echr.coe.int/Documents/Library_Collection_TravPrep_Official_ENG.pdf . – E`lektronny`j tekst.

12. Recommendation 564 (1969) on the acquisition by refugees of the nationality of their country of residence on 30 Septembre 1969. URL : https://www.legislationline.org/download/id. – E`lektronny`j tekst.

13. Resolution (70) 2 Acquisition by refugees of the nationality of their country of residence on 26 January 1970. URL : https://www.legislationline.org/download/id. – E`lektronny`j tekst.

14. Recommendation no. R (84) 21 of the acquisition by refugees of the nationality of the host country on 14 November 1984. URL : https://www.legislationline.org/download/id. – E`lektronny`j tekst.

15. European Convention on nationality on 7. November 1997. - Art. 6 IV “g” // European Treaty Series. - № 166. URL : https://www.legislationline.org/download/id. – E`lektronny`j tekst.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2019. – Т. 5 (71). № 4. – С. 509-519.

УДК 355.588

ДЕЛИМИТАЦИЯ АРКТИКИ ПО МЕЖДУНАРОДНЫМ КОНВЕНЦИЯМ ООН ПО МОРСКОМУ ПРАВУ

Элякова И. Д.

Финансово-экономический институт Северо-Восточного федерального университета имени М. К. Аммосова

В статье приведены понятия «делимитация», «континентальный шельф» и определены причины, по которым использования их в настоящее время вызывает определенные трудности. Проведен анализ действующих норм международного права в области морского права, выявлены существующие проблемы разграничения континентального шельфа между приарктическими странами в рассмотренных 2-х международных конвенциях по морскому праву: Конвенция ООН по морскому праву от 1958 г. и Конвенция «Организации Объединенных Наций по Морскому праву» от 1982 г. Применительно к Арктике, эта Конвенция ООН по морскому праву от 1958 г. стала первой попыткой для арктических стран совместно разграничить территорию Арктики на основании международного права.

Ключевые слова: делимитация, Арктика, страны, Конвенция ООН, морское право, международное право

Актуальность темы. В настоящее время действуют две международные конвенции по морскому праву, регулирующие вопросы разграничения морских границ (как государственных, так и особых зон экономической деятельности государства).

Конвенция ООН по морскому праву от 1958 г. В 1958 году в Женеве собрались представители 86 государств для участия Первой конференции Организации Объединенных Наций по морскому праву.

Целью проведения конференции была попытка установления общемировых правил установления морских границ между прибрежными странами, определения статусов территориального моря, открытого моря, континентального шельфа, а также правил по рыболовству и охране окружающей среды.

По итогам конференции страны – участницы конференции приняли четыре международные конвенции, касающиеся территориального моря, открытого моря, континентального шельфа и рыболовства и охраны живых ресурсов [1].

Применительно к рассматриваемой теме делимитации территорий в Арктике, из указанных 4 конвенций особое место отводится к Конвенции «О континентальном шельфе», принятая в г. Женева 29.04.1958 г., которая определила понятие «Континентальный шельф», его границы, суверенные права государств в континентальном шельфе и порядок определения границ смежных континентальных шельфов между двумя и более государствами.

Так, согласно ст. 1 Конвенция «О континентальном шельфе от 29.04.1958 г., «континентальный шельф» употребляется применительно [2]:

а) к поверхности и недрам морского дна подводных районов, примыкающих к берегу, но находящихся вне зоны территориального моря, до глубины 200 метров,

или, за этим пределом, до такого места, до которого глубина покрывающих вод позволяет разработку естественных богатств этих районов;

б) к поверхности и недрам подобных подводных районов, примыкающих к берегам островов.

Это определение и установление границ «континентального шельфа» было применимо ко всем морям и океанам и тем государствам, которые его ратифицировали.

Применительно к Арктике, эта Конвенция стала первой попыткой для арктических стран совместно разграничить территорию Арктики на основании международного права. Тем не менее, вплоть до 1982 г. арктические страны де-факто использовали так называемый «Секторальный принцип разделения Арктики», так как нормы Конвенции практически не были применимы к водам Северного Ледовитого океана. Это было обусловлено тем, что нормы Конвенции не учитывали географические и геологические особенности водного бассейна Арктики и по сути, главным образом были направлены на установления морских границ Тихого и Атлантического океанов между прибрежными государствами этих океанов.

Краткие выводы по основным причинам неспособности норм Конвенций от 1958 г. регулировать межгосударственные отношения по вопросам разграничения морских границ. После принятия Конвенций от 1958 г. практически сразу обнаружились определенные сложности при их применении [3]:

- во-первых, развитие научно-технического прогресса в 1950- 1970-е гг. стимулировало появление новых форм освоения и использования пространств и ресурсов морских пространств, помимо уже традиционных – рыболовства и судоходства. Развитие технологий связи, прежде всего оптико-волоконных, превращало моря и океаны в глобальное коммуникационное пространство. Появление возможностей для проведения глубоководных исследований способствовало развитию новых научных знаний об океанических процессах и появлению подводной археологии. Расширение практики проведения научных исследований позволило выявить залежи минеральных и энергетических ресурсов не только шельфовых зон, но и глубоководных районов. Первые опыты глубоководного бурения, проведенные в 1960-е гг., дали основания полагать, что океанические запасы нефти и газа могут покрыть все мировые потребности в энергоресурсах. Энергетические кризисы 1973 и 1979 гг. стали импульсом к разработке шельфовых месторождений. Основные работы по добыче были начаты в Северном море. На 1960-1970-е гг. приходится период начала прокладки по морскому дну первых нефте- и газотрубопроводов. Все эти виды морехозяйственной деятельности требовали выработки единых правил поведения государств в морских пространствах. Главный же недостаток Женевских конвенций 1958 г. заключался в том, что они не являлись единым универсальным договором, что в свою очередь привело к тому, что те или иные государства были участниками лишь некоторых из этих конвенций. Так, например, СССР отказался присоединиться к Конвенции о рыболовстве и охране живых ресурсов открытого моря, считая, что регулирование вылова в открытом море противоречит базовым принципам международного морского права;

- во-вторых, в 1960-е гг. произошла целая серия инцидентов с нефтеналивными танкерами. Одной из наиболее крупных катастроф, причинившей значительный ущерб состоянию морской среды, стала авария итальянского танкера класса суэц-

макс «Torrey Canyon», плавающего под либерийским флагом и построенного в США, у юго-западного побережья Великобритании в марте 1967 г. Все это привело к тому, что проблематика защиты морской среды и ее биологического разнообразия стала одной из центральных тем международно-политической повестки дня. Экологическая риторика стала претендовать на одну из центральных ролей в процессе развития международного морского законодательства;

- в-третьих, приморские государства были заинтересованы в дальнейшем расширении своей юрисдикции, а в некоторых случаях и суверенитета, над сопредельными морскими пространствами с целью максимального использования их живых и неживых ресурсов.

Отправной точкой этих правопритязаний можно считать известные прокламации Президента США Г. Трумэна, открывшие своеобразный «ящик Пандоры» [3]:

- в первой из них, «О политике США в отношении естественных ресурсов недр и морского дна континентального шельфа», было заявлено, что естественные богатства поверхности и недр континентального шельфа, находящегося под водами открытого моря, но прилегающего к берегам США, принадлежат США и подчиняются юрисдикции и контролю со стороны США;

- во второй, «Политика США в отношении прибрежного рыболовства в определенных районах открытого моря», декларировалось, что в связи с необходимостью защиты рыбных ресурсов США будут устанавливать охранные зоны в тех районах открытого моря, которые прилегают к берегам США и в которых осуществляется активная рыбопромысловая деятельность.

И хотя положения этих прокламаций никак не затрагивали статус вод открытого моря, в отношении которых сохранялся принцип свободы судоходства, и не были попыткой расширить границы территориального моря, тем не менее, они существенным образом видоизменили, если не подорвали, существующую в течение столетий доктрину свободы морей [1].

В ответ на американские инициативы другие страны также стали выступать с декларациями о своих правах над ресурсами морского дна за пределами своего территориального моря, а также водами с целью контроля над эксплуатацией живых ресурсов. Так поступили в 1949 г. в отношении континентального шельфа все 10 арабских государств и эмиратов (Абу-Даби, Бахрейн, Дубаи, Катар, Кувейт, Саудовская Аравия и др.) [3].

Латиноамериканские страны (Аргентина, Гондурас, Коста-Рика, Перу, Чили, Эквадор) путем формирования 200 мильных рыбоохранных зон расширили свою юрисдикцию с целью защиты национального рыболовства от посягательств других государств. Более того, некоторые из них выступали также за существенное расширение внешних границ территориального моря – вплоть до 200 морских миль [3].

Эти правопритязания не удалось урегулировать ни в рамках работы Первой (1958), ни Второй (1960) Конференций ООН по морскому праву. Соответственно, необходимо было выработать новую пространственно-правовую иерархию, помимо уже устоявшегося разделения на внутренние воды и территориальное море, находящиеся под суверенитетом приморского государства, а также открытое море, находящееся за пределами такого суверенитета [3].

Наконец, в середине 1960-х гг. были получены первые данные о прогнозных запасах полиметаллических конкреций, содержащих марганец, никель, кобальт и

медь, в глубоководных районах Мирового океана. Развивающиеся страны высказывали опасения относительно того, что их перспективная разработка будет по силу лишь индустриально развитым государствам, обладающим техническими возможностями для глубоководного бурения и добычи [1].

В этих условиях их свободная разработка могла принципиальным образом изменить конъюнктуру рынка и нанести конкурентный урон тем компаниям, прежде всего в развивающихся странах, которые занимались бы разработкой соответствующих ресурсов на континенте/материке. Такая ситуация усиливала бы разрыв в экономическом развитии между развитыми и развивающимися государствами, что было невыгодно последним [3].

Кроме того, применение критерия «эксплуатабельности», введенного в рамках Конвенции о континентальном шельфе 1958 г. в отношении разработки ресурсов континентального шельфа, могло привести к тому, что совершенствование технологий могло бы в конечном итоге привести к разделу всей площади морского дна и океанов исключительно между приморскими государствами[3].

Таким образом, налицо был определенный конфликт интересов как между развивающимися и развитыми странами, так и между приморскими и внутриконтинентальными державами. Более того, все большее количество государств, освободившись от колониальной зависимости, стремились к адаптации международного морского законодательства под свои политико-экономические нужды.

В этой связи, начиная с конца 1950-х гг. все более широкое звучание стала получать концепция «общего наследия человечества».

Идеологически она была направлена на недопустимость перехода дна открытых морей и его ресурсов под прямое управление со стороны каких-либо государств, катализатором чего, как уже отмечалось выше, стали прокламации Президента Гарри Трумэна, а правовым основанием – критерий «эксплуатабельности», введенный Конвенцией о континентальном шельфе 1958 г. [3]

Попыткам распространить свой суверенитет на эти районы и их ресурсы, равно как и применить к ним концепцию «юрисдикции», была противопоставлена идея «интернационализации» контроля над использованием ресурсов морского дна.

Квинтэссенцией же взглядов относительно того, что из себя должен представлять новый режим океанического управления можно считать работу Э.М. Боргезе «Проект статута международного режима мирного использования открытого моря и морского дна за пределами национальной юрисдикции», выполненную по заказу Центра по изучению демократических институтов (Санта-Барбара, Калифорния)[3].

В ней океаническое пространство рассматривалось как единое целое, в рамках которого ни живые морские ресурсы, ни загрязнения и сбросы отходов не знают юридических и политических границ. Такая прозрачность и проницаемость границ, по мнению авторов работы, создавала некий уровень взаимозависимости между всеми уровнями управления – национальным, региональным и международным, и требовала более согласованных действий в их рамках [3].

В итоге именно эта тематика – выработка нового правового режима в отношении дна океанов и морей, а также его ресурсов – стала главным поводом для принятия новой международной конвенции по морскому праву.

Примечательно, что. несмотря на принятие в 1982 г. Конвенции ООН по международному морскому праву, Конвенция «О континентальном шельфе», от 29.04.1958 г. не утратила силу и продолжает действовать.

Конвенция «Организации Объединенных Наций по Морскому праву», принята в 1982 г.

После продолжительных международных переговоров 10 декабря 1982 в ямайском городе Монтего-Бэй была подписана Конвенция «Организации Объединенных Наций по Морскому праву». Она вступила в действие 16 ноября 1994 года. Конвенция содержит 320 статей и 9 приложений. На сегодняшний день Конвенцию подписали и ратифицировали более 160 стран и Европейский союз.

В рамках Конвенции 1982 г. были выделены 5 ключевых пространственных категорий [1]:

- Внутренние морские воды;
- Территориальное море;
- Архипелажные воды;
- 200-мильная исключительная экономическая зона;
- Открытое море.

Кроме того, были сформированы режимы:

- Прилежащей зоны;
- Международных проливов;
- Континентального шельфа;
- Международного района морского дна.

В отличие от Женевских конвенций 1958 г., в рамках Конвенции 1982 г. была создана система урегулирования международных морских споров. Также были сформированы три новых института [1]:

- Международный орган по морскому дну;
- Международный трибунал по морскому праву;
- Комиссия по границам континентального шельфа.

Государства, подписавшие и ратифицировавшие Конвенцию 1982 г. получили:

- Возможность четкого установления своих морских границ на основании международно-признанного порядка определения (отсчета) их расстояний от берега прибрежного государства;
- Путем введения института 200-мильной исключительной экономической зоны легализовать расширение государственной юрисдикции вглубь открытого моря, а не исходит от критерия «эксплуатабельности», введенный Конвенцией о континентальном шельфе 1958 г.;
- Урегулировать морские споры меду собой в международных институтах, имея равные возможности по защите своих национальных интересов.

Конвенцией 1982 г. существенно были изменен отсчет расстояний при определении морских границ. Прежде всего, был урегулирован такой наболевший вопрос, как ширина территориального моря. Была установлена его максимальная ширина в 12 морских миль (22,2 км.) [1]. Отсчет ведется следующим образом: если береговая линия ровная, то это расстояние отсчитывается от линии максимального отлива (эта линия называется «исходной линией») [1]. А если береговая линия изрезана, то отсчет 12-мильной зоны ведется от наиболее выступающих линий (или «прямых ис-

ходных линий») [1]. Был определен верхний предел (ширина) границы прилежащей зоны – не более 24 морских миль (44,4 км), отсчитываемых от тех же исходных линий, от которых отмеряется территориальное море[1].

Ст. 33 Конвенции 1982 г. закрепила право прибрежного государства на прилежащую зону, в которой оно может осуществлять контроль, необходимый для предотвращения нарушений таможенных, фискальных, санитарных, иммиграционных законов и правил в пределах своей территории или территориальных вод, или для наказания за нарушение этих законов и правил, совершенных в пределах его территории или территориальных вод[1].

Появилась новая морская граница – «Исключительная экономическая зона». Сразу были установлены порядок определения его границ, а также суверенные права государств на Исключительной экономической зоне.

Верхний предел (ширина) границы Исключительной экономической зоны не должен превышать 200 миль, которые отсчитываются от исходных линий.

Конвенции ООН устанавливает следующие исключительные суверенные права [1]:

- разведка, разработка и сохранение природных ресурсов (живых и неживых) на дне, в воде и в недрах;
- создание и использование искусственных островов и сооружений, проведение научных исследований. Вокруг искусственных островов и скал, непригодных для жизни, отсчет территориальных вод не производится.

В пределах этой зоны действует свобода открытого моря для судоходства, кроме рыбной ловли и специальных исследований [1].

Касательно континентального шельфа, то Конвенция от 1982 г. уделило этому целую главу.

Появилось новое определение континентального шельфа. Так, континентальный шельф прибрежного государства включает в себя морское дно и недра подводных районов, простирающихся за пределы его территориального моря на всем протяжении естественного продолжения его сухопутной территории до внешней границы подводный окраины материка или на расстояние 200 морских миль от исходных линий, от которых отмеряется ширина территориального моря, когда внешняя граница подводной окраины материка не простирается на такое расстояние[1].

Отсчет границ также изменился. Согласно Конвенции 1982 г. границы континентального шельфа отсчитываются от исходных линий (территория шельфа является экономической зоной) до ширины 200 миль, но не более 350 миль, в том случае, если континентальный шельф простирается за 200-мильную зону (рис.2.1.1) [5]. В этом случае, государство, для аргументации своих претензий должен представить в Комиссию ООН по границам континентального шельфа доказательства того, что «расширенный» шельф является продолжением его материковой части (сухопутной платформы).

В этом случае граница континентального шельфа устанавливается на основе решения комиссии ООН по границам континентального шельфа [5].

Следует уточнить, что предельной границей континентального шельфа считается внешняя граница континентального шельфа. Внешняя граница континентального шельфа в соответствии с требованиями 76 статьи Конвенции определяется на

континентальной окраине прибрежных государств, в том случае, когда континентальная окраина простирается мористее границы исключительной экономической зоны (далее 200 морских миль от исходных линий).

Внешняя граница континентального шельфа определяется на континентальной окраине прибрежных государств и термин «континентальная окраина» использовался Конвенцией в его геоморфологическом смысле, т.е. состав континентальной окраины включает: континентальный шельф, континентальный склон и континентальное подножие, что и представлено параграфом 1 статьи 76 Конвенции 1982 года. Это определение континентальной окраины и последующие определения базовых параметров Внешней границы континентального шельфа, представленные документами Конвенции «... устанавливают связь между континентальным шельфом, как юридическим понятием, и континентальной окраиной, как геоморфологическим понятием».

Согласно требованиям Конвенции 1982 г., в основу определения Внешней границы континентального шельфа положен рельеф дна – как наиболее чувствительный индикатор геологических процессов глубинных слоев литосферы, их прямое и непосредственное отражение на поверхности Земли [4].

Следуя требованиям Конвенции, Внешняя граница континентального шельфа определяется в основании континентального склона, на континентальном подножии, или абиссальной равнине, относительно и мористее базового параметра Внешней границы континентального шельфа -подножия континентального склона (ПКС): в точке, на удалении 60 морских миль от ПКС или в точке где толщина осадочных пород составляет по крайней мере 1% кратчайшего расстояния от этой точки до ПКС. Таким образом, подножие континентального склона (базовый гидрографический и геоморфологический параметр Внешней границы континентального шельфа) является началом отсчета для определения фиксированных точек юридических границ расширенного континентального шельфа прибрежных государств [4, рис. 2.1.2].

Рис. 1
Рисунок исключительной
экономической зоны [6]

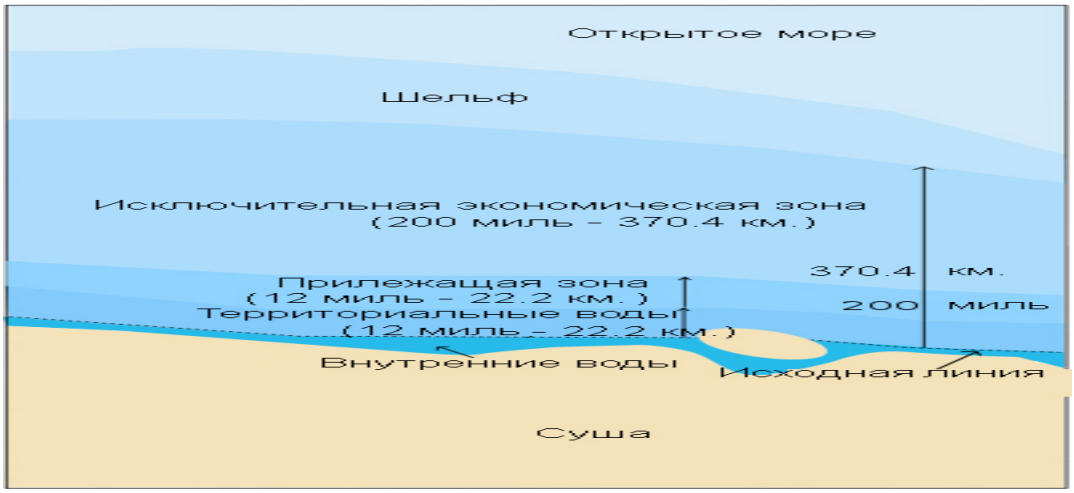
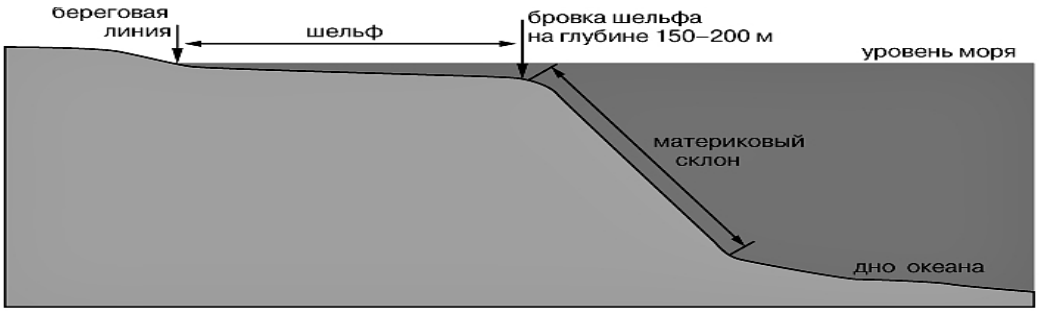

Рис. 2
Определение границ
континентального шельфа [7]

Краткие выводы по Конвенции ООН по морскому праву от 1982 г.: Концепция «Общего наследия человечества» против концепции «Суверенитета».

С одной стороны Конвенция 1982 г. путем введения института 200- мильной исключительной экономической зоны легализовала расширение государственной юрисдикции вглубь открытого моря, тем самым признав природно-ресурсные амбиции большинства государств, с другой стороны, в ее рамках была существенным образом видоизменена и ограничена сама концепция «суверенитета».

Суверенитет был ограничен тем, что составной частью Конвенции стала единая система урегулирования споров; «суверенные права» были поставлены в прямое подчинение задачам сохранения, защиты окружающей среды; обосновывалась необходимость международного/двухстороннего сотрудничества в вопросах защиты окружающей среды, управления живыми/неживыми ресурсами[3].

Трансформация «суверенитета» заключалась в том, что была введена иерархическая система понятий: «суверенные права», «преимущественное право», «зона юрисдикции» [3].

Кроме того, в Конвенции равные или же почти равные права были предоставлены государствам-участникам и «компетентным международным организациям». Фактически, были заложены основы привлечения межгосударственных организаций к процессам формирования океанической политики [3].

До вступления в силу Конвенции за международными водами был официально закреплен статус открытого моря, который согласно Конвенции об открытом море 1958 г. подразумевает, что «никакое государство не может претендовать на подчинение какой-либо части его своему суверенитету».

Согласно ст. 2 Конвенции «Об открытом море» от 1958 г. «Свобода открытого моря подразумевает свободу судоходства, рыболовства, прокладки подводных кабелей и трубопроводов» [1]. Международные воды имели статус «resnullius» (ничья, бесхозная вещь) и rescommunis (вещь общего пользования) – то есть их ресурсы и пространства могли быть использованы любым государством [1].

Конвенция 1982 г., отменив критерий «эксплуатабельности», в рамках ст. 76 самоограничила континентальный шельф приморских государств за пределами 200-мильной зоны от исходных линий определенными пространственными и геологическими границами [3].

Соответственно, США не участвующая в Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. как и некоторые страны не имеют никакого права претендовать на расширение площади своего континентального шельфа за пределами 200-мильной зоны от исходных линий:

- во-первых, к норме обычного международного права положение о континентальном шельфе за пределами 200-мильной зоны не относиться;

- во-вторых, установлены временные лимиты для подачи представления о получении преимущества от стран-неучастников в Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. согласно ст. 4 Приложения II Конвенции 1982 г., что фактически свидетельствует о невозможности подачи заявки с их стороны;

- в-третьих, в рамках ст. 76 и ст. 82 Конвенции 1982 г. оговорены финансовые обязательства за разработку ресурсов континентального шельфа за пределами 200-мильной зоны.

На основании вышеизложенных обоснований внешние границы континентального шельфа, если будут установлены странами, не участвующими в Конвенции 1982 г., являются нелегитимными.

Таким образом, даны понятия «делимитация», «континентальный шельф» и определены причины, по которым использования их в настоящее время вызывает определенные трудности.

Первое международное определение континентального шельфа было дано в Женевской конвенции о континентальном шельфе от 1958 г., но его правоприменение в отношении Арктики была осложнена следующими моментами:

- во-первых, в то время Арктика еще была покрыта толстым слоем льда, а технические возможности приарктических стран не позволяли в достаточной мере исследовать дно Севреного Ледовитого океана и прибрежных морей;

- во-вторых, в Конвенции отсутствовали четкий порядок отсчетов начала границ континентального шельфа и его предельных границ. Установленные в Конвенции отсчеты велись по глубине морского пространства, а именно: до глубины 200 м и далее до технически достижимой глубины.

При таком порядке отсчетов границ континентального шельфа, с учетом первого обстоятельства, было крайне затруднено установление приарктическими странами границ своих континентальных шельфов.

Второе международное определение континентального шельфа было дано в Конвенция ООН по морскому праву 1982 года, в которой был выработан принципиально иной подход к определению континентального шельфа:

- внешняя граница континентального шельфа проводится в пределах подводной окраины материка, которая, помимо шельфа в собственном смысле слова, включает также континентальный склон и континентальное подножие;

- кроме того, в пределах 200 миль от берега шельфом объявляется всё морское дно, вне зависимости от его геологической структуры, глубины покрывающих вод или каких-либо других факторов.

Таким образом, в новом определении используется сложная комбинация конкретных критериев, но в то же время это сложная комбинация в основу имела чисто договорную природу между сторонами.

Следовательно, страны сами на договорной основе должны были определить является ли морское дно по которому проходит их границы – континентальным

шельфом, что безусловно создавало проблемы при споре стран, относительно какого-либо участка морского дна на предмет его отнесения к континентальному шельфу.

Список литературы

1. Конвенция Организации Объединенных Наций по морскому праву (Монтего-Бей 10.12.1982). URL: http://base.garant.ru/2540700/#ixzz65vbNZYJz (дата обращения 11.11.2019). – Текст электронный.
2. Велиева Д. С., Полит О. И. Комментарий к Федеральному закону от 31.07.1998 N 155-ФЗ "О внутренних морских водах, территориальном море и прилежащей зоне Российской Федерации" / Д. С Велиева, О. И. Полит. URL: http://base.garant.ru/57858898/#ixzz65vZ57WXl (дата обращения 11.11.2019). – Текст электронный.
3. Гудеев П. А. Конвенция ООН по морскому праву: проблемы трансформации режима / П. А. Гудеев. URL: https://narfu.ru/upload/medialibrary/e6f/gudev-konventsiya-oon-po-morskomu-pravu-monografiya-2014_007.pdf (дата обращения 11.11.2019). – Текст электронный.
4. Нарышкин Г. Д., Фридман Б. С., Алексеев С. П., Костенич А. В. Решение проблемы делимитации Арктического бассейна по результатам гидрографических исследований / Г. Д. Нарышкин, Б. С. Фридман, С. П. Алексеев, А. В. Костенич // Арктика: экология и экономика. – 2011. – № 3. – С. 11-21.
5. Семенов А. В., Жильцов С. С., Зонн И. С., Костяной А. Г. Арктическая геополитика и интересы России / А. В. Семенов, С. С. Жильцов, И. С. Зонн, А. Г. Костяной //Образовательные ресурсы и технологии. – 2014. – № 5 (8). – С. 3-13.
6. Рисунок исключительной экономической зоны. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%98%D1%81%D0%BA%D0%BB%D1%8E%D1%87%D0%B8%D1%82%D0%B5%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D0%B0%D1%8F_%D1%8D%D0%BA%D0%BE%D0%BD%D0%BE%D0%BC%D0%B8%D1%87%D0%B5%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%8F_%D0%B7%D0%BE%D0%BD%D0%B0ю (дата обращения 11.11.2019). – Текст электронный.
7. Континентальный шельф. URL: http://present5.com/mirovoj-okean-obshhie-svedeniya-o-mirovom-okeane/(дата обращения 11.11.2019). – Текст электронный.

Elyakova I. D. Delimitation of the artic UN international conventions on the maritime law / I. D. Elyakova // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2019. – T. 4 (72). № 4. – P. 507-517.

The concepts of “delimitation”, “continental shelf” are given in the article and the reasons for using them at present cause certain difficulties are identified. The analysis of the existing norms of international law in the field of the law of the sea is carried out, the existing problems of delimitation of the continental shelf between the Arctic countries are identified in the considered 2 international conventions on the law of the sea: the UN Convention on the Law of the Sea of 1958 and the United Nations Convention on the Law of the Sea of 1982. In relation to the Arctic, this UN Convention on the Law of the Sea of 1958 was the first attempt for the Arctic countries to jointly delimit the territory of the Arctic on the basis of international about law.

Keywords: delimitation, Arctic, countries, UN Convention, law of the sea, international law

Spisok literatury`

1. Konvenciya Organizacii Ob``edinenny`x Nacij po morskomu pravu (Montego-Bej 10.12.1982). URL: http://base.garant.ru/2540700/#ixzz65vbNZYJz (data obrashheniya 11.11.2019). – Tekst e`lektronny`j.
2. Velieva D. S., Polit O. I. Kommentarij k Federal`nomu zakonu ot 31.07.1998 N 155-FZ "O vnutrennix morskix vodax, territorial`nom more i prilezhashhej zone Rossijskoj Federacii" / D. S Velieva, O. I. Polit. URL: http://base.garant.ru/57858898/#ixzz65vZ57WXl (data obrashheniya 11.11.2019). – Tekst e`lektronny`j.
3. Gudeev P. A. Konvenciya OON po morskomu pravu: problemy` transformacii rezhima / P. A. Gudeev. URL: https://narfu.ru/upload/medialibrary/e6f/gudev-konventsiya-oon-po-morskomu-pravu-monografiya-2014_007.pdf (data obrashheniya 11.11.2019). – Tekst e`lektronny`j.
4. Nary`shkin G. D., Fridman B. S., Alekseev S. P., Kostenich A. V. Reshenie problemy` delimitacii Arkticheskogo bassejna po rezul`tatam gidrograficheskix issledovanij / G. D. Nary`shkin, B. S. Fridman, S. P. Alekseev, A. V. Kostenich // Arktika: e`kologiya i e`konomika. – 2011. – № 3. – S. 11-21.

5. Semenov A. V., Zhil`czov S. S., Zonn I. S., Kostyanoj A. G. Arkticheskaya geopolitika i interesy` Rossii / A. V. Semenov, S. S. Zhil`czov, I. S. Zonn, A. G. Kostyanoj //Obrazovatel`ny`e resursy` i texnologii. – 2014. – № 5 (8). – S. 3-13.

6. Risunok isklyuchitel`noj e`konomicheskoj zony`. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%98%D1%81%D0%BA%D0%BB%D1%8E%D1%87%D0%B8%D1%82%D0%B5%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D0%B0%D1%8F_%D1%8D%D0%BA%D0%BE%D0%BD%D0%BE%D0%BC%D0%B8%D1%87%D0%B5%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%8F_%D0%B7%D0%BE%D0%BD%D0%B0yu (data obrashheniya 11.11.2019). – Tekst e`lektronny`j.

8. 7. Kontinental`ny`j shel`f. URL: http://present5.com/mirovoj-okean-obshhie-svedeniya-o-mirovom-okeane/(data obrashheniya 11.11.2019). – Tekst e`lektronny`j.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2019. – Т. 5 (71). № 4. – С. 520-523.

УДК 349.2

ОГРАНИЧЕНИЕ ПРАВ СТОРОН ПРИ ЗАКЛЮЧЕНИИ ТРУДОВОГО ДОГОВОРА

Онищенко В. В., Залоило М. А.

Таврическая академия Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского

Настоящая статья посвящена анализу проблемы свободы трудового договора и сравнительному анализу способов реализации принципа свободы договора в трудовом и гражданском праве. Осуществлена попытка проанализировать способы разрешения проблемы свободы трудового договора.

Ключевые слова: принцип свободы договора, права сторон договора, трудовой договор, диспозитивность, границы диспозитивности.

Важнейшей задачей трудового законодательства Российской Федерации является, прежде всего, регулирование трудовых отношений, которые, как известно, возникают между работником и работодателем в результате заключения трудового договора. Ст. 56 Трудового кодекса Российской Федерации установлено, что трудовой договор – это соглашение между работодателем и работником, в соответствии с которым у обозначенных сторон возникают корреспондирующие друг другу права и обязанности. Ст. 9 Трудового кодекса регламентирует порядок регулирования трудовых отношений и иных непосредственно связанных с ними отношений в договорном порядке. Именно этой правовой нормой законодатель установил свободу заключения, изменения, дополнения работниками и работодателями, среди прочих, трудовых договоров. Однако, в этом же законодательном положении он установил ограничение этой свободы трудового договора, указав, что «… трудовые договоры не могут содержать условий, ограничивающих права или снижающих уровень гарантий работников по сравнению с установленными трудовым законодательством и иными нормативными правовыми актами, содержащими нормы трудового права. Если такие условия включены в коллективный договор, соглашение или трудовой договор, то они не подлежат применению» [1, ст. 9].

Как видим, существует явная проблема определения границ свободы положений трудового договора. Эта проблема обусловлена многочисленными факторами, среди которых потребности общественных отношений, на которые распространяется трудовое право, а также специфика метода правового регулирования трудового права. Как известно, метод правового регулирования трудового права является особенным, содержит в себе комплексные инструменты правового регулирования. Комплексность метода содержит в себе также элементы диспозитивности, которая позволяет законодателю устанавливать правила о свободном выборе сторонами условий трудового договора. Однако, нам кажется, что эта свобода носит несколько односторонний характер – и при задекларированном свободном определении сторонами условий трудового договора, они все же вынуждены соблюдать некие границы, то есть сторонам де-юре предоставлены широкие возможности для регулирова-

ния трудовых отношений, участниками которых они являются, де-факто – они (возможности) очень ограничены.

В свете изложенного возникает вопрос о соотношении императивных и диспозитивных начал в регулировании трудовых отношений, а именно при заключении трудового договора, когда любое включаемое в него условие проверяется с точки зрения допустимости, конкретно – на наличие либо отсутствие нормативного положения, запрещающего иное, нежели предусмотренное трудовым договором, а также проверка предусмотренных трудовым договором условий на соответствие уровню, установленному действующим законодательством [4, с. 90].

В отличие от трудового законодательства, вопрос свободы договора, а следовательно, – и о границах этой свободы договора, более разработан в сфере гражданского права и предпринимательского права. Так, п. 1 ст. 421 ГК РФ закрепил, что граждане и юридические лица свободны в заключении договора. П. 4 этой же статьи установлено, что условия договора определяются по усмотрению сторон, кроме случаев, когда содержание соответствующего условия предписано законом или иными правовыми актами [2, ст. 421]. П. 2 ст. 10 ГК РФ закреплено, что в случаях, когда будет доказано, что сторона злоупотребляет своим правом, вытекающим из условия договора, отличного от диспозитивной нормы или исключающего ее применение, либо злоупотребляет своим правом, основанным на императивной норме, суд с учетом характера и последствий допущенного злоупотребления отказывает этой стороне в защите принадлежащего ей права полностью или частично либо применяет иные меры, предусмотренные законом. Сторонам правоотношений гарантируется свобода договора, но в определенных пределах. То есть разрешено все, что прямо не запрещено законом. Однако, некоторые исследователи этой проблематики опровергают эту презумпцию, поскольку нормами законодательства, а также при разъяснении судами правильного применения этих законодательных положений это правило ограничивается. Например, Карапетов А. Г. на I Кубанском юридическом форуме, прошедшем 14.04.2017г. в г. Краснодар разъяснил свое видение этой проблемы с учетом Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 14 марта 2014 года № 16 «О свободе договора и ее пределах». Так, указанным Постановлением разъяснено, что законодательная норма может содержать явно выраженный запрет на установление соглашением сторон условия договора, отличного от предусмотренного этой нормой правила (например, указано, что такое соглашение ничтожно, запрещено, не допускается и т.п.). Вместе с тем, из целей законодательного регулирования может следовать, что содержащийся в императивной норме явно выраженный запрет на соглашение сторон может толковаться ограничительно. Суд может признать, что данный запрет не допускает установления таких условий, которые будут ущемлять охраняемые законом интересы той стороны, на защиту которой эта норма направлена. Также разъяснено, что при отсутствии в норме, регулирующей права и обязанности по договору, явно выраженного запрета установить иное, она является императивной, если исходя из целей законодательного регулирования это необходимо для защиты особо значимых охраняемых законом интересов (интересов слабой стороны договора, третьих лиц, публичных интересов и т.д.), нарушения грубого баланса интересов сторон. Если норма содержит прямое указание на возможность предусмотреть иное соглашением сто-

рон, суд может истолковать такое указание ограничительно, т.е. сделать вывод о том, что диспозитивность нормы ограничена определенными пределами. Если сторонами заключен договор, не предусмотренный законом (непоименованный), судам следует иметь в виду, что нормы об отдельных видах договоров могут быть применимы к такому договору по аналогии закона в случае сходства отношений и отсутствия их прямого урегулирования соглашением сторон. При этом применение императивных норм возможно в исключительных случаях, для защиты интересов слабой стороны договора, третьих лиц, публичных интересов или недопущения грубого нарушения баланса интересов. В случаях, когда договор содержал в себе условия, являющиеся явно обременительными для одного из контрагентов или существенным образом нарушающие баланс интересов сторон (несправедливые договорные условия), суд вправе применить к такому договору положения ст. 428 ГК РФ, изменив или расторгнув договор по требованию контрагента. Слабая сторона также вправе заявить о недопустимости применения несправедливых условий договора на основании ст. 10 ГК РФ или о ничтожности таких условий по ст. 169 ГК РФ.

Таким образом мы видим, что формально законодательством провозглашена свобода договора, однако эта свобода не является безграничной. Бремя же аргументации ограничения этой свободы лежит на том, кто собирается эту свободу ограничить – законодателе или суде.

Вернемся же к трудовому договору. Как уже отмечалось, трудовой договор представляет собой одну из правовых форм реализации принципа свободы труда, регулируется индивидуально договорным методом, с помощью которого определяются конкретные условия труда. То есть, можно предположить, что трудовой договор призван охранять работника от незаконных, ухудшающих его положение по сравнению с действующим законодательством условий договора, кроме того он призван охранять честь и достоинство работника, что и является следствием работы диспозитивных начал в регулировании взаимоотношений, которые связаны с заключением и исполнением трудового договора [5, с. 374].

Учитывая изложенное, приходим к выводу о том, что в настоящее время действующие законодательные положения о регулировании трудового договора не в полной мере соответствуют принципу свободы договора. Эти положения в своей совокупности ограничивают вроде бы предоставленные сторонам трудового договора широкие права на договорное регулирование своих взаимоотношений. Мы видим, что законодатель допускает свободное заключение трудового договора между работником и работодателем, однако этот договор не должен содержать в себе условий, ухудшающих или ограничивающих положение работника по сравнению с действующим трудовым законодательством. При этом должны быть реализованы принципы, гарантированные сторонам трудового договора Конституцией Российской Федерации и соблюдены интересы каждой из сторон такого договора. Если же по какой-либо причине в договор все же будут включены условия, противоречащие действующему трудовому законодательству, т.е. одна из сторон попытается лоббировать свой интерес в ущерб интересам другой стороны, то такие условия не будут применяться к правоотношениям, а, если и будут, то будут признаны не подлежащими к применению в судебном порядке, поскольку суды могут ограничивать свободу договора в целях защиты «слабой стороны договора» (об этом говорится в По-

становлении Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации), которой, как правило, выступает работник. При этом законодательно должны быть закреплены равные правомочия сторон трудового договора, чтобы избежать умаления такой свободы у одной из сторон договора.

Безусловно, проблематика нашего исследования требует более детального изучения вопросов, связанных с реализацией принципа свободы трудового договора. И, несмотря на немалое количество проведенных исследований по рассматриваемым в этой статье проблемам, все же остаются вопросы, требующие ответа, которые позволили бы наиболее логично и правильно толковать нормы законодательных актов, а следовательно, и правильно их применять.

Список литературы

1. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. N 197-ФЗ / «Российская газета» от 31 декабря 2001 г. N 256.

2. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая. От 30 ноября 1994 г. N 51-ФЗ / «Российская газета» от 8 декабря 1994 г. N 238-239.

3. Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 14 марта 2014 года № 16 «О свободе договора и ее пределах» // СПС «КонсультантПлюс».

4. Анишина В. И., Попонов Ю. Г. Свобода труда или право на труд // В. И. Анишина, Ю. Г. Попонов // Журнал российского права. – 2007. – № 4. – С. 86-96.

5. Онищенко В. В. Границы диспозитивности норм трудового права Украины // В. В. Онищенко // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Юридические науки. – 2011. – Том 24 (63). – С. 373-375.

Onishchenko V. Restriction of the rights of the parties when concluding an employment contract / V. Onishchenko // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2019. – T. 4 (72). № 4. – P. 475-482.

In Russian legislation, there is a problem of defining the boundaries of freedom of contract and the dispensability of labour law. Treaty regulation is one of the elements of the method of legal regulation of the subject matter of the whole industry. The article attempts to analyse, in the authors 'view, the unsuccessful resolution of the question of the general limits of the dispensability of labour law and the freedom of employment contract. The study reached a number of conclusions, including that the above-mentioned decision is not true: there is reason to argue that these borders are purely unilateral. In the declaration in the legislative provisions of the equality of the parties to the contract, the employee is nevertheless recognized as a weaker, economically less protected party. In addition, this article is devoted to the analysis of the problem of freedom of employment contract and comparative analysis of the ways of implementing the principle of freedom of contract in employment and civil law. An attempt has been made to analyse ways to resolve the problem of freedom of employment.

Key words: the principle of freedom of contract, rights of the parties to the contract, employment contract, dispensability, boundaries of dispensability.

Spisok literatury`

1. Trudovoj kodeks Rossijskoj Federacii ot 30 dekabrya 2001 g. N 197-FZ / «Rossijskaya gazeta» ot 31 dekabrya 2001 g. N 256.

2. Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii. Chast` pervaya. Ot 30 noyabrya 1994 g. N 51-FZ / «Rossijskaya gazeta» ot 8 dekabrya 1994 g. N 238-239.

3. Postanovlenie Plenuma Vy`sshego Arbitrazhnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 14 marta 2014 goda № 16 «O svobode dogovora i ee predelax» // SPS «Konsul`tantPlyus».

4. Anishina V. I., Poponov Yu. G. Svoboda truda ili pravo na trud // V. I. Anishina, Yu. G. Poponov // Zhurnal rossijskogo prava. – 2007. – № 4. – S. 86-96.

5. Onishhenko V. V. Granicy dispozitivnosti norm trudovogo prava Ukrainy` // V. V. Onishhenko // Ucheny`e zapiski Tavricheskogo nacional`nogo universiteta im. V. I. Vernadskogo. Yuridicheskie nauki. – 2011. – Tom 24 (63). – S. 373-375.

НАШИ АВТОРЫ

Аблякимова Э. Э.	*старший преподаватель кафедры административного и финансового права Крымского филиала Российского государственного университета правосудия*
Адельсеитова А. Б.	*кандидат юридических наук, доц., доцент кафедры истории и теории государства и права юридического факультета Таврической академии Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского*
Алимов З. А.	*старший преподаватель кафедры истории и теории государства и права юридического факультета Таврической академии Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского*
Аметка Ф. А.	*кандидат юридических наук, доц., доцент кафедры теории и истории государства и права Крымского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации*
Анохин А. Н.	*кандидат юридических наук, доц., доцент кафедры истории и теории государства и права юридического факультета Таврической академии Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского*
Арямов А.А.	*доктор юридических наук, проф., профессор кафедры уголовного права Российского государственного университета правосудия*
Бакирова А. М.	*аспирант кафедры истории права и государства Российского университета дружбы народов*
Басова Ю. Ю.	*кандидат юридических наук, доц., доцент кафедры прокурорского надзора и участия прокурора в гражданском, арбитражном и административном процессе Крымского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации*
Басов А. В.	*доктор юридических наук, доц., заведующий кафедрой государственно-правовых дисциплин Крымского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации*
Бахриева З. Р.	*кандидат юридических наук, доц., доцент кафедры гражданского и трудового права юридического факультета Таврической академии Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского*
Биляев В. А.	*доктор юридических наук, доц., профессор кафедры уголовно-процессуального права Крымского филиала Российского государственного университета правосудия*
Борецкая Л. Р.	*старший преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин Крымского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации*

Бормотова Л. В.	*кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики юридического факультета Оренбургского государственного университета*
Бугаев В. А.	*кандидат юридических наук, доц., заведующий кафедрой уголовного права и криминологии юридического факультета Таврической академии Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского*
Горчуева В. А.	*магистрант уголовного права и криминологии юридического факультета Таврической академии Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского*
Грейдин О. И.	*кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Крымского филиала Российского государственного университета правосудия*
Гуменюк Е. В.	*аспирант кафедры истории и теории государства и права юридического факультета Таврической академии Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского*
Евсикова Е. В.	*кандидат юридических наук, доц. кафедры административного и финансового права Крымского филиала Российского государственного университета правосудия*
Евтушенко И. И.	*кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии Крымского филиала Краснодарского университета МВД России*
Журба О. Л.	*кандидат юридических наук, заместитель начальника кафедры уголовного процесса и криминалистики Крымского филиала Краснодарского университета МВД России*
Заброда Д. Г.	*кандидат юридических наук, доцент; проф. кафедры административного права и административной деятельности ОВД Крымского филиала Краснодарского университета МВД России*
Залоило М. А.	*обучающаяся юридического факультета Таврической академии Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского*
Зарубин А. В.	*кандидат юридических наук, доцент, судья Двадцать первого арбитражного апелляционного суда*
Збарацкий Б. А.	*аспирант кафедры конституционного и муниципального права Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА)*
Казанцева Е. В.	*кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры государственных и гражданско-правовых дисциплин Крымского филиала Краснодарского университета МВД России*
Колюка Н. Н.	*кандидат юридических, доц., директор Крымского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации*

Климова Д. В.	*кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин Крымского филиала Краснодарского университета МВД России*
Королевская О.И.	*старший преподаватель кафедры гражданского права Ростовского филиала Российского государственного университета правосудия*
Кошкин А. С.	*аспирант кафедры истории и теории государства и права юридического факультета Таврической академии Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского*
Кошман В. А.	*кандидат юридических наук, преподаватель кафедры теории и истории государства и права Крымского филиала Российского государственного университета правосудия*
Кробка Н. Н.	*аспирант кафедры международного права Всероссийской академии внешней торговли Министерства экономического развития Российской Федерации*
Латынин О. А.	*кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского и арбитражного судопроизводства Крымского филиала Российского государственного университета правосудия, Председатель Арбитражного суда Республики Крым*
Лусегенова З. С.	*кандидат юридических наук, профессор кафедры гражданского процессуального права Ростовского филиала Российского государственного университета правосудия», судья в отставке*
Мищенко Е. В.	*доктор юридических наук, доц., декан юридического факультета Оренбургского государственного университета*
Монокин Е. Н.	*аспирант кафедры международного права Всероссийской академии внешней торговли Министерства экономического развития Российской Федерации*
Муртазаева А. А.	*магистрант кафедры гражданского и трудового права юридического факультета Таврической академии Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского*
Мухамедова Э. Э.	*кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского и трудового права юридического факультета Таврической академии Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского*
Некрасова Е. В.	*кандидат юридических наук, доц., доцент кафедры гражданского и трудового права юридического факультета Таврической академии Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского*
Оболенский Ю. Б.	*кандидат юридических наук, доц., заведующий кафедрой уголовного права и процесса Юридического института Севастопольского государственного университета*

Обринская Е. К.	*кандидат политических наук, старший преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин Крымского филиала Краснодарского университета МВД России*
Олькова О. А.	*кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета Таврической академии Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского*
Ольков С. Г.	*доктор юридических наук, проф., профессор кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета Таврической академии Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского*
Онищенко В. В.	*старший преподаватель кафедры гражданского и трудового права юридического факультета Таврической академии Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского*
Очкуренко С. В.	*доктор юридических наук, доц., заведующий кафедрой «Финансовое и налоговое право» Юридического института Севастопольского государственного университета*
Пастухова Л. В.	*кандидат юридических наук, доц., доцент кафедры теории и истории права и государства Крымского филиала Российского государственного университета правосудия*
Поддубняк А. А.	*кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики юридического факультета Таврической академии Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского*
Полынцов К. А.	*капитан, дознаватель военной прокуратуры – войсковая часть 32012*
Потопальский С. С.	*кандидат юридических наук, судья в отставке.*
Равнюшкин А. В.	*кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры специальных дисциплин Крымского филиала Краснодарского университета МВД России*
Раднева Е. Г.	*старший преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики Крымского филиала Краснодарского университета МВД России*
Робак В. А.	*кандидат юридических наук, доц., заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин Крымского филиала Российского государственного университета правосудия*
Руденко А. В.	*кандидат юридических наук, доц., заведующий кафедрой административного и финансового права Крымского филиала Российского государственного университета правосудия*
Русанова С. Ю.	*кандидат юридических наук, доц., доцент кафедры административного и финансового права Крымского филиала Российского государственного университета правосудия*

Скворцова О. В.	*кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета Таврической академии Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского*
Стародубова Г. В.	*кандидат юридических наук, доц., заведующий кафедрой уголовного права Воронежского государственного университета*
Струнский А. Д.	*аспирант кафедры истории и теории государства и права юридического факультета Таврической академии Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского*
Титова К. А.	*кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса Краснодарского университета МВД России*
Топчиева Т. В.	*кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса Барнаульского юридического института МВД России*
Трифонова (Казарян) К. В.	*кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права, доцент кафедры административного и финансового права Крымского филиала Российского государственного университета правосудия*
Трифонов С. Г.	*кандидат юридических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Крымского филиала Российского государственного университета правосудия*
Филиппова О. С.	*кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры гражданского права Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского*
Филонов А. В.	*доктор юридических наук, профессор кафедры теории и истории права и государства Крымского филиала Российского государственного университета правосудия*
Хаваджи Д. Р.	*кандидат юридических наук, доц., доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Крымского филиала Краснодарского университета МВД России*
Цындря В. Н.	*кандидат юридических наук, заместитель начальника кафедры специальных дисциплин Крымского филиала Краснодарского университета МВД России*
Чайка А. В.	*обучающаяся юридического факультета Таврической академии Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского*
Шкаревский Д. Н.	*кандидат исторических наук, доц., доцент кафедры теории и истории государства и права Сургутского государственного университета ХМАО-Югры.*
Элякова И. Д.	*доктор экономических наук, профессор кафедры «Экономика и финансы» Финансово-экономического института Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова*

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА; ИСТОРИЯ УЧЕНИЙ О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ. КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО; МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

Адельсеитова А. Б., Гуменюк Е. В.
О деформации правосознания в условиях глобализации……..….3

Аметка Ф. А., Хаваджи Д. Р.
Историко-правовые аспекты организации и осуществления судебной власти в Крымском ханстве (первая половина XV – вторая половина XVIII вв)…….....9

Анохин А. Н.
Теоретические вопросы исследования конституционных основ системы самоуправления народа России…….....…...16

Климова Д. В., Обринская Е. К.
Референдарная демократия как способ самоопределения народа с позиции конституционного и международного права……...……...25

Koshman V. A.
Regional peculiarities of Andean statehood: from archaic until late intermediate….30

Латынин О. А.
К вопросу об определении понятия правовой доктрины и соотношение правовой доктрины с близкими понятиями……...…….44

Пастухова Л. В.
Правовой режим приостановления либо прекращения действия международного договора вследствие существенного нарушения как средство обеспечения реализации его норм.....……..……..50

Трифонова (Казарян) К. В.
Государственно-правовое регулирование миграционной деятельности в советский период….....……...59

Трифонов С. Г.
Конституционно-правовой статус уполномоченного по правам человека: формы и принципы организации деятельности……...…....…….72

Филонов А. В.
Организационное построение и структура органов Российской империи, которые обеспечивали охрану государственного и общественного устройства…….....81

Шкаревский Д.Н.
Материально-техническое обеспечение органов транспортной юстиции в 1940-е – 1950-е годы…….….91

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ; УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО; УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС И КРИМИНАЛИСТИКА

Арямов А. А., Руева Е. О.
Конфискационный ресурс антикоррупционной политики (опыт Великобри тании)……...101

Басова Ю. Ю.
Формирование научных взглядов о сущности деятельности прокуратуры Российской Федерации по обеспечению законности в чрезвычайных ситуациях.....116

Биляев В. А.
О гносеологической природе и взаимосвязи оперативно-розыскной деятельности и уголовного процесса…….....126

Бугаев В. А., Чайка А. В.
Факторы преступности в сфере компьютерных технологий…...……...139

Евтушенко И. И.
Потерпевший от мошенничества по ст. 159.2 УК РФ со средствами материнского капитала: вопросы квалификации…...……...……...146

Журба О. Л.
Определение правового положения лиц, к которым применяются принудительные меры медицинского характера, как основа обеспечения прав в уголовном судопроизводстве..…….153

Заброда Д. Г.
К определению понятия «антикоррупционное стимулирование» …….……159

Колюка Н. Н., Басов А. В.
К вопросу определения процессуального статуса прокурора в административном судопроизводстве……...…….……...166

Мищенко Е. В., Бормотова Л. В.
Проблемные вопросы разграничений уголовно-процессуальной и других видов правоохранительной деятельности на этапе исполнения решений судебных органов……..……..…….174

Оболенский Ю. Б.
Противодействие созданию незаконных вооруженных формирований…….....183

Олькова О. А.
Исследование закона спроса на товары преступления по цене по данным МВД Украины……...……...188

Ольков С. Г.
Законы спроса благо- и злодеяний в связи с юридической ответственностью и законом добра и зла……...……...197

Поддубняк А. А.
Компенсация ущерба «жертвам» преступлений: миф или реальность?.....…...215

Робак В. А.
Назначение наказаний за преступления в сфере незаконного оборота оружия……..222

Журба О. Л., Раднева О. Г.
Отдельные проблемы реализации права на защиту на современном этапе развития уголовного судопроизводства……..……...…...……228

Скворцова О. В., Горчуева В. А.
Вопросы содержания санкций и назначения наказания за заражение ВИЧ-инфекцией в действующем уголовном законодательстве РФ.....……...235

Стародубова Г. В.
Подготовка уголовного дела к апелляционному рассмотрению…….....…...243

Титова К. А.
Институт общих условий предварительного расследования и его роль при производстве дознания по уголовным делам……....……..249

Топчиева Т. В.
Соотношение соглашений о сотрудничестве в уголовном процессе России и Республики Казахстан…….……....…...255

Цындря В. Н.
Система функций государственной политики Российской Федерации в области административных наказаний……...…….....…….261

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО; ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС

Бахриева З. Р., Муртазаева А. А.
Непоименованные способы обеспечения исполнения обязательств (часть I)……..……...272

Борецкая Л. Р.
Современное состояние и практика реализации истцом права на изменение предмета или основания иска в цивилистическом процессе……...……...279

Зарубин А. В.
О некоторых вопросах раздела общедолевой жилой недвижимости...……..286

Мухамедова Э. Э.
Договор условного депонирования (эскроу)……....……291

Некрасова Е. В.
Некоторые особенности возникновения родительских прав и обязанностей в странах Европы……...…….298

Очкуренко С. В.
Воздействие гражданского права и гражданского законодательства на финансовые отношения……...……..304

Филиппова О. С.
Содержание общего имущества многоквартирного дома собственниками жилых и нежилых помещений……..…….315

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО; АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО; ФИНАНСОВОЕ ПРАВО; ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПРАВО

Аблякимова Э. Э.
Публичное (государственное) администрирование земельных отношений: на пути построения международно-правового базиса…..……321

Евсикова Е. В.
К вопросу о внесении изменений и дополнений в налоговое законодательство Российской Федерации в части включения неналоговых платежей в Налоговый кодекс……..…….…….333

Казанцева Е. В.
Реализация права на свободу передвижения……...……350

Лусегенова З. С.
Особенности административной процессуальной формы защиты прав...…….358

Равнюшкин А. В.
Административный арест как вид административного наказания через призму концепции нового КоАП РФ……...…….364

Русанова С. Ю.
Особенности применения административно-предупредительных мер с целью предупреждения и выявления правонарушений……...…….….371

Элякова И. Д.
Стратегические аспекты Российской Федерации по освоению Арктики……..389

ТРИБУНА МОЛОДОГО УЧЕНОГО

Алимов З. А.
Правовые особенности использования земель рекреационного назначения на территории Республики Крым……...……...……401

Бакирова А. М.
Роль института биев как органа по урегулированию и разрешению конфликтов правового характера.,,,……...……409

Збарацкий Б. А.
Участие органов судебной власти в законотворческом процессе на федеральном уровне: дискуссионные вопросы.,,,……427

Кошкин А. С.
Правовые основы организации фрахтования иностранных судов в рамках Совета экономической взаимопомощи (СЭВ) в послевоенный период …...…435

Кробка Н. Н.
Взаимодействие ВОИС и ВТО как международных организаций, регулирующих защиту прав интеллектуальной собственности……440

Монокин Е. Н.
Влияние экономических санкций США и ЕС на арктические проекты Российской Федерации……...451

Струнский А. Д.
Идея права в учении Болонской школы глоссаторов: правоинтерпретационный аспект…….…...465

СРОЧНО В НОМЕР

Грейдин О. И., Потопальский С. С.
Особенности взымания канального сбора в связи с прохождением судов Керчь-Еникальским каналом ……..…….475

Руденко А. В., Полынцов К. А.
Достаточность доказательств как критерий определения пределов доказывания в делах об административных правонарушениях.....……..483

Королевская О. И.
Система судебного усмотрения в административно-юрисдикционном процессе как гарантия его эффективности…..…..……...……491

Трифонова (Казарян) К. В., Трифонов С. Г.
Безгражданство как конституционно-правовой статус……..……..…501

Элякова И. Д.
Делимитация Арктики по международным конвенциям ООН по морскому праву……..……..…….509

Онищенко В. В., Залоило М. А.
Ограничение прав сторон при заключении трудового договора……..……..502

Наши авторы……..524

Содержание…….529